

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

≡ ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) ≡

РУССКИЙ Ф О Л Ь К Л О Р

*МАТЕРИАЛЫ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ*

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

≡   М О С К В А   ·   1 9 5 9   ·   Л Е Н И Н Г Р А Д   ≡

Редакционная коллегия:

А. М. АСТАХОВА (ответственный редактор),
В. Г. БАЗАНОВ, В. Е. ГУСЕВ, Б. Н. ПУТИЛОВ,
Н. В. НОВИКОВ (секретарь редколлегии)

СТАТЬИ
И
ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Н. ПУТИЛОВ

ПЕСНЯ О ГНЕВЕ ИВАНА ГРОЗНОГО НА СЫНА¹

Песня эта принадлежит к числу популярнейших в составе историко-песенного фольклора старшей поры. Число записей ее достигает почти восьмидесяти, а бытование зафиксировано по всему Северу (Прионежье, Пинега, Терский берег, Зимний берег и другие районы Карельской АССР и Архангельской обл., Печора), в Поволжье (бывш. Нижегородская, Симбирская, Саратовская губ.), в Сибири, в центральных районах России. Песню эту охотно и много публиковали; в исследованиях и обзорах по историческим песням ей обычно посвящаются специальные разделы. И все же песня о гневе Ивана Грозного на сына продолжает во многих отношениях оставаться загадкой. Не разъяснено главное — сюжет песни, смысл и содержание основного конфликта, особенности его разрешения, характеры персонажей. Имеющиеся концепции основаны не столько на анализе самой песни, сколько на вольной интерпретации ее отдельных частей.

В настоящей статье нет возможности сколько-нибудь подробно рассмотреть различные точки зрения, существующие в литературе. Представляется необходимым остановиться лишь на некоторых, касающихся вопросов конкретно-исторического приурочения сюжета и выяснения идейного содержания песни.

Обычным в литературе стало соотнесение сюжета песни о гневе Ивана Грозного на сына с фактом убийства царем своего сына Ивана в 1581 году. Такую интерпретацию можно теперь встретить в антологиях, учебных пособиях, хрестоматиях по фольклору.

Наиболее подробно эту мысль развивал в свое время С. К. Шамбинаго.² Признав, что содержание песни в целом, все ее подробности, исторические реалии, имена, песенная хронология никак не согласуются с обстоятельствами убийства царевича, исследователь предложил сложную цепь аргументов, которые должны были показать, что «искажения принадлежат самому поэтическому замыслу, а не являются результатом ошибок или незнания истории».³ Вся аргументация С. Шамбинаго основана на характерной для исследователя методологии, согласно которой рассматриваемые им песни — это своеобразные памфлеты, сочиненные определенными лицами и пущенные затем в широкий обиход с определенным агитационным заданием. Для таких песен-памфлетов естественными кажутся сознательные искажения и замена фактов и имен, нарочитые

---

¹ Список сокращений см. в конце статьи.

² С. Шамбинаго. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев посад, 1914, стр. 288—303.

³ Там же, стр. 291.

переосмысления событий, до конца продуманные политические характеристики персонажей и т. п. Такая аргументация заслуживала бы внимания, если бы речь шла о произведении книжном, вышедшем из-под пера какого-нибудь публициста XVI века, решившегося на сознательную фальсификацию истории в определенных политических целях. Но если встать на ту точку зрения (по нашему мнению, единственно правильную), что песня о гневe Ивана Грозного на сына — не памфлет, а произведение народной поэзии, возникшее на почве коллективного безличного творчества, то в этом случае вся система рассуждений С. Шамбинаго теряет кажущуюся убедительность.

Концепция С. Шамбинаго в несколько обновленном виде была принята Ю. М. Соколовым в его учебнике. Собственно отличие идет по линии установления основной идеи песни. С. Шамбинаго склонен был думать, что песня вышла «из среды приверженцев Романовых» и создана «для прославления популярного Никиты Романовича».⁴ Ю. М. Соколов же видел в тех «отступлениях от истории», какие якобы допускает песня, иную идейно-политическую цель — тенденцию к народной идеализации образа Ивана Грозного.⁵ Благодаря своеобразной разработке основного конфликта — царя с сыном — песня «сняла с него обвинение в сыноубийстве».⁶ Ошибка Ю. М. Соколова заключается в том, что он увидел идеализацию Ивана IV там, где никакой идеализации на самом деле нет. Как будет показано ниже, данная песня как раз замечательна тем, что в ней отчетливо обнаруживается стремление представить образ Грозного в его сложности и противоречивости, показать не идеального «хорошего» царя, но правителя, в котором соединяются качества большого государственного деятеля-патриота и жестокого деспота; человека больших страстей, крутого нрава, скорого на расправу и щедрого на награду. Другими словами, Иван Грозный в песне — это живой, очень сложный человеческий характер, далекий от какой-то схемы идеального героя или злодея. Если в нем и есть элементы идеализации, то они отнюдь не связаны с целями какой-то моральной реабилитации, но являются неизбежным выражением народно-песенного подхода к изображению человека.

Исследователям не удалось доказать связи сюжета песни с драматическим событием, имевшим место в 1581 году. Большинство исторических реалий, содержащихся в песне, соотносится скорее с событиями 60-х — начала 70-х годов XVI века. Реалии эти будут подробно разобраны ниже. Однако в одном отношении исследователи правы: песенная история о несостоявшейся казни царевича, едва не ставшего жертвой отцовского гнева, заставляет нас вспомнить о действительном убийстве Иваном IV своего сына. Попробуем найти объяснение этому факту, оставаясь на позиции признания более раннего сложения песни. Предположение Ю. М. Соколова, что цель песни, рассказывающей о покушении Грозного на сына, состоит в том, чтобы снять с царя обвинение в сыноубийстве, кажется маловероятным. В самом деле, если бы в фольклоре имела место тенденция морально оправдать Ивана IV, это проще всего было бы сделать, вообще не касаясь трагической темы. Более чем странно было бы допустить, что в целях идеализации и нравственной реабилитации Грозного народная песня не пожалела красок для изображения его жестокости и сделала его полностью

⁴ Там же, стр. 299—300.

⁵ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учебник для вузов. Учпедгиз, М., 1938, стр. 267—268.

⁶ Там же, стр. 267.

ответственным за едва не совершившуюся казнь царевича. То обстоятельство, что царевич был спасен благодаря вмешательству Никиты Романовича и что Иван Грозный встретил известие о спасении сына с радостью, не меняет самого существа дела. Песня показывает всю необузданность природы царя, его крайнюю подозрительность, раскрывает, какие злодейские формы принимала подчас борьба с «изменой», которую всюду видел Иван IV.

Именно этот замысел, родившийся скорее всего в обстановке 60—70-х годов XVI века, когда внутривластная борьба в Московском государстве вылилась в ликвидацию целого потока заговоров, как действительных, так и мнимых, в массовые казни, карательные походы, тайные убийства и т. п., привел творцов песни к созданию вымышленной в своей фактической основе, предельно драматической ситуации: политические конфликты, раздирающие правящую верхушку, проникают даже в царскую семью — царь поднимает руку на собственного сына. Для возникновения такого сюжета в те годы вовсе не требовалось, чтобы произошел аналогичный случай. Жизнь давала достаточно материала для того, чтобы тема покушения царя на сына воспринималась как художественно достоверная. Таким образом, песня, возникавшая скорее всего задолго до событий 1581 года, как бы предвосхитила возможность кровавой драмы, случившейся позднее в царском дворце. И если жизнь повторила песенную ситуацию, внеся в нее беспощадную поправку, то это лишь подтверждает, что народная поэзия в данном случае художественно и психологически правдиво раскрыла некоторые существенные черты личности Ивана IV.

Если, таким образом, точка зрения Ю. М. Соколова не может быть поддержана ввиду ее фактической необоснованности, то еще менее убедительной выглядит попытка В. К. Соколовой представить песню о гневе Ивана Грозного на сына как выражение взглядов боярской реакции.⁷ Свою точку зрения В. К. Соколова пытается подкрепить произвольной интерпретацией цитат, которые она берет не только из различных вариантов, но и из разных версий, и односторонним толкованием сюжета, которое не опирается на необходимый в таких случаях текстологический анализ. Нетрудно увидеть, что ошибочная характеристика песни В. К. Соколовой основывается на односторонней оценке деятельности Ивана Грозного и отношения к нему народа, оценке, которая проникла в работы некоторых советских историков под влиянием культа личности. В. К. Соколова выдвигает тезис о ненародном (и даже антинародном) характере песни, исходя из догматического убеждения в том, что народ не мог изображать Ивана Грозного жестоким правителем, что осуждение кровавых расправ царя с населением ряда городов могло идти лишь из среды боярства, что образ Никиты Романовича — «идеального боярина» не мог быть создан народом и т. д. Другими словами, согласно точке зрения В. К. Соколовой, исторически прогрессивная деятельность Ивана Грозного должна была найти в народной поэзии лишь безоговорочное прославление. Но если признать, что деятельность Ивана Грозного и его личность заключали в себе сложный клубок исторических противоречий; что народ в полной мере на самом себе ощущал жестокую противоречивость этой деятельности и, будучи согласен в общем с той борьбой, какую вел царь против реакционного боярства, мог с осуждением относиться к массовым репрессиям, к изде-

⁷ В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI века (эпохи Ивана Грозного). Сб. «Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян», Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 60—71.

вательствам, которые чинила опричина; что, в частности, например, Мелюта Скуратов мог быть в глазах самых широких слоев населения Московского государства палачом и душегубом; что надежды свои массы могли обращать к отдельным известным личностям, принадлежавшим к высшим классам (отсюда образ Никиты Романовича, который встречается и в ряде других песен XVI века, и всегда как образ положительный), — если признать все это, то доводы В. К. Соколовой отпадают сами собой и сомнения относительно происхождения песни легко рассеиваются. Песня о гневе Ивана Грозного на сына — произведение народное по своему замыслу, содержанию и форме. Сюжет этой песни, как нам представляется, не имеет отношения к факту убийства царевича Ивана и в основных эпизодах является от начала до конца вымышленным. Однако вымысел этот несомненно соотносится и с определенными историческими фактами и — что не менее важно — с историческими представлениями народных масс XVI века. Разгадка песни — в ее сюжете, и основная задача исследователя состоит в том, чтобы верно прочесть сюжет. Различного рода исторические реалии, имена, своеобразная песенная хронология существуют здесь не сами по себе, но в системе сюжета и вне этой системы не могут быть поняты. Самый же сюжет песни целиком порожден той эпохой и может быть разъяснен лишь через сопоставление с исторической действительностью.

Сюжет песни о гневе Ивана Грозного на сына существует в ряде версий. Все они должны быть разобраны. Сравнительный анализ версий — путь к выяснению многих загадок, кроющихся в песне.

В высшей степени примечателен тот факт, что сюжетные различия — и наиболее значительные — затрагивают прежде всего центральный эпизод песни — момент столкновения отца с сыном. Этот эпизод, составляющий как бы первую, политически наиболее насыщенную и наиболее драматическую часть песни, и представит в первую очередь предмет нашего исследования.

Среди имеющихся вариантов могут быть выделены три версии, каждая из которых в свою очередь распадается на ряд редакций. Наиболее распространена версия (мы будем называть ее первой), согласно которой царь, поверив тому, что сын его совершал изменнические действия, посылает его на казнь. Во второй версии мотив обвинения сына в измене отсутствует. Отец приказывает казнить царевича за то, что тот во всеуслышание заявляет, будто измена на Руси не выведена, вывести ее до конца не удастся, она находится здесь же во дворце и т. д.

Кроме двух основных версий, существует еще небольшая третья группа версий (мы называем их особыми), в которых гнев царя на сына мотивируется другими причинами.

Все версии объединяются тем, что конфликт царя с сыном толкуют как конфликт политический. Но в разных версиях он приобретает различный характер. Очевидно, что вопрос этот требует самого внимательного изучения. Необходимо попытаться выяснить, в каких взаимоотношениях находятся между собой эти версии? Должна ли одна из них быть признана основной и изначальной, а все остальные — вторичными и производными от нее? Иначе говоря, встает вопрос о том, как возникли эти версии, как шел процесс создания и развития песни.

Целый ряд мотивов, непосредственно связанных с основным конфликтом, для разных версий оказывается общим. С другой стороны, варианты одной версии довольно существенно различаются между собой в разработке некоторых мотивов. Есть ли какая-то система в развитии первой

части сюжета (исключая самую мотивировку царского гнева), определяемая принадлежностью варианта к той или иной версии, — вопрос, который должен быть выяснен в ходе исследования. Однако уже предварительное знакомство с материалом показывает, что строить от начала до конца анализ последовательно версии за версией нецелесообразно. Более правильно анализировать отдельные мотивы (эпизоды), выясняя, как они разработаны в той или иной версии.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

В большинстве вариантов песня начинается картиной царского пира. Однако типичным для данной песни надо также признать начало, в котором изображению пира предшествует небольшое вступление, посвященное всегда Ивану Грозному.

Иногда это вступление ограничивается следующим сравнением:

Когда воссияло солнце красное,
И тогда воцарился наш Грозный царь,
И грозен царь Иван Васильевич.
И этого царя грознее не было.

(Гул., № 30; ср. также: Рыбн., I, № 31, II, № 136; Гильф., II, № 153, III, № 209; Григ., I, № 16; Аст., II, № 160).

Выразительна следующая картина, навеянная эпическими реминисценциями:

Когда воцарился Грозный царь Иван Васильевич,
Тогда воссияло на небе солнышко,
Тогда рыбы все на глубь сошли,
Тогда сбежали звери в леса темные.

(Гильф., II, № 129).

Когда воцарился наш ле Грозной царь,
Але Грозной ле царь Иван Васильевич,
Тогда синё ле море да приютишилось,
Але щука ле рыба в глубину ушла.

(Оич., № 49).

Смысл этих зачинов, очевидно, состоит в том, чтобы придать воцарению Ивана Грозного величественность, особую значительность. По-видимому, не случайна несомненная аналогия между только что приведенными началами и былинным изображением рождения могучего богатыря Вольги:

Когда воссияло красно солнышко
На тое на небо на ясное,
А звери ты ушли во темныи леса,
Рыба та ушла во глубокии станы,
А птица улетела под оболюко,
Сам Сантал убежал во Золоту орду,
А со своей царицей со Давыдьвеной,
А тогда народился Вольга-богатырь.

(Гильф., III, № 195; ср. также: Гильф., I, № 15, II, №№ 91, 156).

Воцарение Ивана Грозного изображается песней, таким образом, как богатырский акт.

Не всегда, однако, песня ограничивается такой чисто эпической характеристикой. Нередко в ней дается краткий обзор главных политических

дел, которые совершил царь. При этом всегда перечисляются два ряда дел: борьба за расширение пределов Московского государства и борьба с изменей:

Да в старые годы, прежняя,
 Во те времена первоначальня,
 Когда воцарился царь-государь,
 А грозны царь Иван Васильевич,
 Что взял он царство Казанское,
 Симеона-царя во полон полонил
 С царицею со Еленюю,
 Выводил он измену из Киева,
 Что вывел измену из Новагорода,
 Что взял Рязань, взял и Астрахань.

(К. Д., стр. 220—226).

Иногда вся эта цепь событий как будто предшествует воцарению и подготавливает его (ср.: Гильф., I, № 13). О самих событиях, как их изображает песня, более подробно будет сказано ниже, в связи с анализом других эпизодов.

Вступление не кажется обязательным для данного сюжета. Варианты, в которых действие начинается с пира, представляются более стройными. Однако наличие вступления может быть объяснено. Песня о гневе Ивана Грозного на сына явственно обнаруживает признаки произведения, насыщенного политическим содержанием. Естественны поэтому попытки певцов, не ограничиваясь рамками эпического сюжета, во многом условного, дать политическую картину эпохи, охарактеризовать содержание деятельности Ивана Грозного. Разумеется, попытки эти ограничены художественными возможностями народной поэзии XVI века. Но можно смело сказать, что такого рода вступления предшествующий историко-песенный фольклор не знал.

2. ЦАРСКИЙ ПИР

Независимо от того, предваряет ли картину царского пира описанное выше вступление или нет, именно с этой картины начинается собственно действие. Вступление говорит о событиях, предшествовавших тому, которое составляет содержание песни. Если уже некоторые подробности вступления заставляют вспомнить былины, то сходство с былинами в изображении пира оказывается еще более явственным:

Ай же ты, Грозный царь Иван Васильевич,
 Царь Иван Васильевич да Выгосеевич,
 Уж он собрал пер-перованьицо.
 Все ли на перу да наедались,
 Все ли на перу да порасхвастались.
 Умный хвастал отцом-матерью,
 А безумный хвастал молодой женой,
 Молодой женой да золотой казной.

(Сок.—Чич., № 113).

Приведенный пример вполне типичен. Подробности, которые встречаются в вариантах, легко обнаруживают совпадения в различных былинных описаниях. И все же было бы неверно сделать вывод, что перед нами — традиционное эпическое *loci communis*, механически перенесенное певцами в историческую песню. Конечно, нельзя не связывать наличие этого мотива в песне с живым проявлением влияния поэтики эпоса и даже

больше того — эпических художественных принципов. Однако внимательное изучение показывает, что былинная формула в данном случае получила совсем необычное применение, наполнилась новым содержанием, оказалась включенной в новый сюжетный ряд, приобрела такие подробности, которые по существу преобразили ее.

Картиной пира начинаются обычно былины «Дунай», «Михайло Пытык», «Иван Гостиный сын», «Добрыня и Василий Казимирович», «Сухман», «Данила Ловчанин», «Данила Игнатьевич», «Ставер», «Иван Годинович», «Хотен». На пиру обычно завязывается основной конфликт, и большую роль в этой завязке играет различное поведение гостей. Ближе всего к той ситуации, какая складывается в нашей песне, стоят эпизоды пира в первых четырех из названных былин. Там гости хвастаются на пиру, и Владимир отвечает им, причем речь его является прямым или косвенным ответом на их хвастовство. Иногда речь эта содержит и оценку такого хвастовства. Заметим, между прочим, что во всех былинах похвальба гостей изображается с явной либо скрытой иронией. В самом деле, в основе ее всегда лежат какие-либо эгоистические интересы и корыстные расчеты. Похваляясь богатством, родовитостью, заслугами, силой и т. д., каждый из гостей хочет показать себя с лучшей стороны перед князем, заслужить его расположение, занять место повыше при княжеском дворе. То, что происходит на пиру, типично для нравов феодального двора. Былинный пир — при таком его толковании — воспринимается как место, где обнажаются и сталкиваются различные интересы феодальной верхушки, где кипят страсти, идет глубокая борьба.

Что поведение гостей на пиру (хвастовство) обличает изменчивость их стремлений и эгоизм и является оборотной стороной их равнодушия к делам общественным, их трусости, неспособности к какому-то настоящему делу, в былине показано довольно определенно. Когда в ответ на хвастливые речи гостей Владимир обращается к ним с каким-нибудь важным делом, для выполнения которого надо применить силу, быть может вступить в борьбу, с гостями происходит решительная перемена: больший прячется за среднего, средний за меньшего, а от меньшего ответа нет. Именно выступление князя Владимира обнажает истинную сущность тех, кто только что заявлял о своем богатстве, силе, знатности и т. п. Пустой похвальбе князь противопоставляет какие-то реальные заботы, так или иначе касающиеся государства или его, Владимира, лично. При этом иногда былина передает возмущение и горечь, охватывающие князя:

«Не делом вы, братцы, хвастаете,
 Не удачей своей похваляетесь;
 У меня ли то нет чиста серебра?
 У меня ли то нет красна золота?
 У меня ли то нет скатна жемчуга?»

И далее Владимир просит найти ему достойную жену (Кир., III, стр. 53).

Иногда то же противопоставление Владимира гостям дается в такой форме:

Нечем солнышку Владимиру похвастати:
 Не повыправлены дани-выходы
 За двенадцать год да за тринадцать лет,
 За тринадцать лет да с половиною.

(Гильф., I, № 6).

Случаи, когда Владимир присоединяется к похвальбе, очень редки, и обычно они плохо мотивированы (ср. тексты, записанные от Щеголенка: Гильф., II, №№ 121, 124, 128).

Однако в более поздней традиции, по мере того как образ Владимира все более снижался и подвергался критическому переосмыслению, в картину былинного пира вносились серьезные перемены. Слабость, безынициативность Владимира стала выражаться в том, что ему, оказывается, нечем похвастать. В тех же редких случаях, когда он отваживается на хвастовство, это обходится ему дорогой ценой. Былина «Иван Гостиный сын» дает в этом отношении очень выразительный пример. В ряде былин эпизод хвастовства служит для выделения героя: в отличие от остальных гостей он вначале не хвастает и тем самым сразу же обращает на себя внимание князя — таковы Сухман, Данило Ловчанин, Ставер. В ходе дальнейших событий Владимир в этих былинах полностью оказывается в одном лагере с основной массой гостей, в лагере, которому противопоставит герой (или героиня) былины.

Вопрос о содержании эпизода пира в былинах, вообще говоря, требует основательного исследования. Мы ограничились некоторыми соображениями, поскольку они проливают определенный свет на характер аналогичного эпизода в песне о гневе Ивана Грозного на сына. Здесь, как и в ряде былин, гости выступают с хвастливыми речами, и царь отвечает им. Характер похвальбы гостей вполне традиционен. Но развенчание их происходит в песне с гораздо большей силой. Если Владимир лишь в известной мере, и то не всегда, вступает в некоторое противоречие с гостями, то враждебное отношение Ивана Грозного к окружающим, презрение его к ним передано в песне совершенно отчетливо. Одна из идей песни состоит в противопоставлении деятельного, целеустремленного царя корыстолюбивым, не способным ни к какому реальному делу и бесполезным для государства боярам.

Внешне поведение Ивана Грозного на пиру изображается по-былинному:

Грозной царь Иван Васильевичь,
Он по новой горенке похаживал,
Сам сапог о сапог поколачивал.

(Сок.—Чич., № 182).

Не золота трубочка вострубила,
Не серебряна сиповочка возыграла,
Грозный царь Иван Васильевич слово вымолвил.

(Кир., VI, стр. 98—101).

Но характер и содержание его речи совершенно иные. Царь решительно пресекает притязания бояр на славу и почет:

«Не делом вы, братцы, хвастаетесь,
Не добром вы, братцы, похваляетесь:
Злато-серебро не откупа,
Скатен жемчуг не оборона,
Чистый бисер не заступа».

(Кир., VI, стр. 98—101; см. также стр. 94—97).

«Ой вы еси, князи-бояре,
Сильные-могучие богатыри!
Чем-то вы это хвалитесь,
Чем-то это вы прехвалаетесь?»

Богатство-то вам от меня пришло,
А силушку-то вам бог дал!
Вы бы похвалились своей мудростью,
Своей мудростью, перемудростью!».

(Кир., VI, стр. 61—66).

«А глупы бояра, вы неразумный!
А всё вы безделицей хвастаетесь».

(К. Д., стр. 220—226).

Он сказал боярам: «Пейте и проклажайтесь,
Ничем собою не похвалитесь».

(Кир., VI, стр. 55—59).

Так, переосмысляя традиционные эпические мотивы и наполняя их новым содержанием, песня по-своему отразила ту остроту противоречий, какая характеризовала отношения между Иваном Грозным и боярской верхушкой. Эта тема неоднократно всплывает в дальнейшем сюжетном развитии песни и трактуется всегда совершенно определенно. Царь и бояре — враги, которых ничто не может примирить. Забегая несколько вперед, скажем, что Никита Романович, сыгравший решающую роль в судьбе царевича, не принадлежит, согласно песне, к боярскому лагерю. Не случайно его нет на пиру, и бояре позднее доносят царю о том, что он не соблюдает траура по царевичу.

Речь Ивана Грозного, обращенная к боярам, никогда, однако, не ограничивается той отповедью, примеры которой мы привели выше. В отличие от Владимира, которому обычно нечем похвалиться, Иван Грозный в песне всегда похваляется, противопоставляя при этом свои заслуги как государственного деятеля, монарха мнимым заслугам бояр. Царь в песне открыто и подчеркнuto утверждает свое право на самовосхваление, право, завоеванное большими делами:

«А смею я, царь, похвалиться,
Похвалитися и похвастати».

(К. Д., стр. 220—226).

«Нунь-ко я сам, царь, похвастаюсь,
Какую я вам удадь объявляю».

(Сок.—Чпч., № 121).

Таким образом, сходство песенного Ивана Грозного с былинным Владимиром оказывается лишь чисто внешним. В одинаковых сюжетных ситуациях раскрываются эти образы как внутренне совершенно различные: активный, деятельный Иван Грозный, вершивший большие государственные дела, смелый политик, полководец как бы противопоставлен слабому, пассивному Владимиру, который полностью зависит от богатых и сам не способен ни на какие большие дела.

Трудно сказать, содержалось ли полемическое начало в самом замысле песни или оно выявилось стихийно. Но начало это несомненно, и на данном примере видно, какой характер приобретали подчас эпические реминисценции, включавшиеся в историческую песню.

3. РЕЧЬ ЦАРЯ

Это место в песне особенно важно. С ним во многом связана та политическая окраска, которая делает песню о гневе Ивана Грозного на сына произведением большого идейного плана.

Есть варианты, в которых развернутой картины пира — с характеристикой присутствующих, с хвастовством и т. д. — не дается. Но и здесь речь царя обычно подробна и важна. Речь эта иногда возвращает нас к вступлению, о котором говорилось выше. В тех случаях, когда в песне есть развернутое вступление, речь царя частично повторяет его. В художественном отношении такое повторение надо признать малоудачным. По-видимому, такого рода развернутые вступления принадлежат поздним северным певцам, охотно прибегающим к повторениям отдельных эпизодов.

Итак, боярским «безделицам» Иван Грозный противопоставляет свои заслуги. К сожалению, нет ни одного варианта, который давал бы полное и законченное представление об этой, основной, части речи царя. Трудно сказать, насколько четко и — в историческом плане — точно было изложено это место в изначальных вариантах песни. Можно думать, что поздние певцы, плохо представлявшие себе действительный ход событий, не знавшие реальной истории и реальной географии, внесли в него путаницу, анахронизмы, искажения, обычные для эпоса. Однако все эти поздние привнесения и искажения могут быть обнаружены и сняты. Под ними довольно определенно вскрывается реально-историческое содержание, полное большого интереса.

Несомненно результатом путаницы, допущенной певцами, надо считать, например, такое начало:

А когда была столиця в Новгороде,
А тогда царствовал Грозный царь Иван Васильевичь.
(Сок.—Чич., № 93).

По-видимому, от эпоса идет постоянное упоминание в ряду городов, из которых выведена измена, Киева, Чернигова, Рязани. Эпический характер имеют, конечно, такие наименования, как Шахов, Ляхов, Топский, Лопский и некоторые другие.

Темой хвастовства Ивана Грозного нередко служит история его воцарения. Как говорилось выше, тема эта затрагивалась уже во вступлении.

Воцарение Ивана Грозного рассматривается как акт громадного значения, каким оно и было на самом деле. В вариантах песни можно обнаружить две различные тенденции в характеристике воцарения: оно изображается либо как событие, с которого начинается деятельность Ивана Грозного, которое как бы обеспечивает самую возможность такой деятельности, либо как некоторый итог. Первое, как известно, соответствует истории: Иван IV венчался на царство в 1547 году.

Есть варианты, в которых воцарение Ивана Грозного связывается с победой над Казанским царством:

«Казанское царство мимоходом взял,
Царя Семиона под мир склонил,
Снял я с царя порфиру царскую,
Привез порфиру в каменну Москву,
Крестил я порфиру в каменной Москве,
Эту порфиру на себя наложил,
После этого стал Грозный царь».

(Кир., VI, стр. 98—101; см. также стр. 94—97).

В некоторых вариантах взятие Казани излагается более подробно, по существу, в них пересказывается содержание песни об этом событии (см., например: Кир., VI, стр. 61—66). Понятно отсюда появление у некоторых певцов текстов, представляющих прямую контаминацию сюжетов песен «Взятие Казани» и «Гнев Ивана Грозного на сына» (см., например: Гильф., II, № 129). Такая контаминация оказывается в какой-то мере внутренне обоснованной: царь после взятия Казани и воцарения устраивает пир, на пиру начинает хвастать своими успехами и высказывается о дальнейших мерах, задуманных им для укрепления государства.

Наряду с «казанской» версией воцарения песня знает также версию «царьградскую»:

«Я повынес царенье из Царяграда,
Царскую порфиру на себя одел,
Царский костыль себе в руки взял».

(Рыби., I, № 31; ср. также: Рыби., I, № 55; Гильф., II, стр. 756—757).

У некоторых певцов «порфира» превращается в имя собственное, появляется эпический царь Перфил, которого якобы победил Иван Грозный:

«А й повынес я царенье из Царяграда,
А царя-то Перфила я под меч склонил,
А царицы-то Елены голову срубил,
Царскую перфилу на себя одел,
Царский костыль да себи в руки взял».

(Гильф., I, № 13).

Царица Елена попала сюда, конечно, из «казанской» версии. «Царьградская» (и отчасти «казанская») версия разъясняется через сопоставление песни с другими произведениями народной поэзии и публицистики XVI века, а также с некоторыми подробностями политики Ивана IV в 50—60-е годы. Фольклорные аналогии к песне есть в вариантах сказки о Борме Ярыжке, который по приказу царя Ивана Васильевича добывает из Вавилонского царства корону, скипетр и другие знаки власти. Еще ближе к песне легендарное предание о Федоре Борме, известное в пересказе Е. Барсова. «Вышние люди Царя-города» посылают Федора Борму в Вавилон за царскими регалиями. Борма выполняет поручение, но по возвращении в Царьград видит здесь разорение: «рушилась вера православная, не стало царя православного». «И пошел Федор Борма от Царя-града в нашу Русию подселенную, и пришел он в Казань-город, и вошел он в палаты княженицкие... и стали спрашивать его, где добыл он порфиру и венцы, и скипетры и жезлы царские. И рассказал тут Федор Борма... И улегла тут порфира и корона с града Вавилона на голову Грозного царя правоверного, Ивана царя Васильевича, который рушил царство „Проходима“, поганого царя казанского».⁸

Песня, не раскрывая подробностей получения царем порфиры и костыля, как будто склонна вместе с тем подчеркнуть активность самого Ивана Грозного в этом деле. Создается впечатление, что певцы представляли себе, будто царь добыл регалии путем военного похода, в котором сам участвовал. Такая трактовка сближает песню не столько со сказками и легендами, о которых выше говорилось, сколько с известным «Сказанием о князьях Владимирских». «Сказание» это, согласно которому знаки цар-

⁸ См. об этом в книге: Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895. стр. 1—21.

ской власти были пересланы Константином Владимиру Мономаху после того, как по приказу последнего был совершен успешный поход во Фракию, было признано в годы правления Ивана IV официальным идеологическим документом, который служил в борьбе за укрепление власти царя внутри страны и за признание царского титула другими государствами. Идеи и мотивы «Сказания» получили отражение в различных публицистических памятниках середины XVI века; рассказ о приобретении Владимиром Мономахом царского венца был записан на дверцах царского места в Успенском соборе.⁹ Все это позволяет предположить, что мотивы «Сказания» различными путями могли проникнуть в народ. Песенная история воцарения Ивана Грозного может рассматриваться как народно-художественное переосмысление тех политических идей, которые занимали большое место в общественной жизни Руси середины XVI века. В этом народном переосмыслении явно ощущаются характерные для фольклора явления: эпически-наивное восприятие исторических фактов, героизация образа главного персонажа. Здесь и лежит, в частности, та грань, которая отделяет произведения народной поэзии от книжной публицистики, подчиненной всегда сознательной тенденциозности.

Среди заслуг, которые перечисляет Иван Грозный, постоянно упоминается ликвидация Казанского и Астраханского ханства. Речь идет о действительно важных для Русского государства событиях, совершившихся в 1552 и 1556 годах. Другие события, относящиеся к внешнеполитической борьбе Москвы, в песне не затрагиваются. В частности, совершенно не упоминается Ливонская война. По-видимому, песня касается лишь тех внешнеполитических событий, которые в глазах народа имели непреходящее значение.

Другая тема, неизменно присутствующая в речи Ивана Грозного, — борьба с изменой. Понятие «измена» в эпоху правления Ивана IV имело вполне определенный смысл. Этим словом царь и его окружение определяли смысл и характер действий боярской оппозиции начиная от скрытого недовольства политикой Ивана IV и кончая заговорами и предательством. Борьбе с изменой Иван Грозный отдал многие годы. В основном эта борьба развертывалась в период с середины 50-х до начала 70-х годов.

В своей похвальбе на пиру царь, однако, имеет в виду не всю сложную политическую борьбу, длившуюся многие годы и принимавшую самые различные формы, но лишь некоторые вполне определенные события. Не случайно, конечно, песня остановилась на них свой выбор. Это были события, непосредственно и с трагической силой отозвавшиеся в широких народных массах; народ не только был активным их свидетелем, но и прямо испытал на себе их последствия.

Хотя в вариантах песни данное место содержит большое количество разночтений, называются различные города, в том числе и города, либо вообще вымышленные, либо не принимавшие участия в событиях, о которых идет речь, все же реально-историческое зерно здесь может быть обнаружено довольно определенно. Иван Грозный заявляет, что он вывел измену из Новгорода и Пскова и намерен ее уничтожить в Москве:

«Вывел я измену со Обского,
И вывел измену с Новагорода,
Да надо вывести измену с каменной Москвы».

(Рыбн., II, № 108).

⁹ Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 154—155; подробнее об этом см. там же, стр. 110—151.

«А вывел я измену из Опского,
 Да вывел я измену из Казаньского,
 А вывел я измену с Астраканьского,
 Да вывел измену с Новгорода,
 Да выведу измену с каменной Москвы,
 Всю неправду со святой Руси».

(Гильф., III, № 209).

В вариантах указание на предстоящую борьбу иногда отсутствует, царь похваляется, что он уже вывел измену отовсюду. Иногда же, наоборот, царь лишь заявляет о своем намерении вывести измену. Москва может фигурировать среди городов, из которых измена выведена, а Новгород называется как место предстоящей борьбы. Однако внимательное изучение текстов с точки зрения дальнейшего развития сюжета показывает, что наиболее точно соответствует основному замыслу песни именно та разработка, примеры которой только что приведены. Главным в ряду городов, которые названы как средоточие измены, является, конечно, Новгород, подвергшийся жестокому репрессиям в 1570 году.

Таким образом, речь Ивана Грозного на пиру касается событий, охватывающих большой отрезок времени — от воцарения до начала 70-х годов.

4. ДОНОС

До сих пор сюжет песни развертывался в манере спокойного, эпически неторопливого повествования. Но, как это обычно бывает и в былинах, такое течение сюжета неожиданно нарушается, и песня сразу приобретает остро драматический характер. Завязывается тот основной конфликт — отца с сыном, — который и составляет главное содержание песни.

Мы уже видели выше, что царские палаты, в которых происходит действие, изображаются отнюдь не как место, где собрались единомышленники. Уже начало песни говорит о том, что здесь господствует атмосфера глубокого антагонизма и взаимного недоверия. Обстановка накалена до предела, и взрыв может произойти в любой момент. Он и происходит, и поводом к нему оказывается ответ одного из присутствующих на похвальбу царя и на его грозное обещание до конца уничтожить измену. Из этого ответа, который принимает форму доноса, явствует, что измена не выведена, что она проникла во дворец, в ближайшее окружение царя, в самую царскую семью. Согласно первой версии, в измене обвиняется царевич. Обращаются к царю с доносом один из его сыновей или Малюта Скуратов:

Что взговорит Малюта-злодей Скурлатович;
 «Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич!
 Не выведь тебе изменушки до веку:
 Сидит супротивник супротив тебя,
 Он пьет и ест с одного блюда,
 Цветное платьѣ носит с одного плеча».

(Чулк., II, № 121; ср. также: Арх. ГИМ, 3793, № 231; Дмитр., III, стр. 203—207; Кир., VI, стр. 90—93).

Здесь, как и в ряде других случаев, имя изменника не названо, но певцы, очевидно, считают, что характеристика достаточно ясна. У Ивана Грозного не возникает никаких сомнений на этот счет, и он без промедления приказывает казнить сына.

И тут царь догадается,
 На царевича злобно осердится.

(Чулк., II, № 121).

Крайняя мнительность царя, поверившего доносчикам и даже не подумавшего о расследовании, крутость нрава, беспощадность в решениях — все это хорошо передано в данном эпизоде.

В большинстве вариантов, однако, весь этот эпизод значительно развернут и осложнен более или менее подробным рассказом об обстоятельствах, при которых совершилась измена. Эти подробности очень важны, поскольку в них песня непосредственно обращается к изображению конкретных политических событий эпохи. К тому же они вносят дополнительные черточки в тот образ царя, какой постепенно вырастает в песне.

Услышав об измене, Иван Грозный требует, чтобы ему рассказали все. Именно в этот момент в песне царь Иван Васильевич превращается в «грозного» царя. Через внешние штрихи песня превосходно передает состояние царя, охваченного подозрительностью, гневом, жадной расправы с тайным изменником, сдерживающего готовую прорваться ярость:

А тут ли Грозный царь да Иван Васильевичь,
А ен сподобья да выглядывал:
«Ящё ты, Федор Ивановичь,
А ты скажи-ко мне про изменщика.
А ведь не скажешь мне про изменщика,
А то срублю я тебе буйную голову».

(Соч.—Чич., № 93).

Грозный царь-то Иван да Васильевичь
По палате грозно-то запохаживал,
Как немило на Федора да завылдывал.

(Кон., № 22).

Тут стемнел царь, как темна ночь,
Зревел царь, как лев да зверь:
«Сказывай, собака, про измену великую!
Ты на братца скажешь, так братца не видать,
На себя ты скажешь, то свою голову потеряешь».

(Рыбн., II, № 136).

Не синее море всколыбалося,
Не сырые боры разгоралися,
Распылался Грозный царь Иван Васильевич:
«Ай же ты, Иванушко Иванович!
Доказывай измену за столом сидючись».

(Рыбн., I, № 55).

Тут не мутное око помутилось,
Его царское сердце разгорелося,
И сговорил Грозный царь Иван Васильевич:
«Ах ты, маленькой Иванушко, царевич-государь!
Ты подай мне изменщика да на очи,
Я изменщику голову срублю».

(Гильф., II, № 153).

Вслед за этим идет рассказ об измене сына. Наличие этого рассказа, более или менее развернутого, характеризует определенный круг текстов, которые по этому признаку могут быть объединены в пространную редакцию первой версии. Именно эти тексты и должны быть в первую очередь изучены.

5. РАССКАЗ О НОВГОРОДСКОМ РАЗГРОМЕ

Варианты пространной редакции в той части песни, которая посвящена рассказу об измене царевича, дают известное разнообразие в передаче подробностей, но в общем могут быть приведены к некоторому единству.

Старший сын Иван напоминает отцу о недавнем походе, в котором вместе с царем участвовали царевичи.

Поход этот, как он описан в рассказе Ивана, необычен для русского фольклора. Это не богатырское выступление в защиту русской земли, не осада вражеского города. Песня в этой части совершенно уникальна: ни в былинах, ни в других исторических песнях ничего похожего мы не встретим. Речь идет о карательном походе, имеющем целью уничтожение измены. Поход этот направлен против Новгорода. И хотя в вариантах город иногда не назван вовсе, а иногда это — Москва, чаще все же певцы называют Новгород. И анализ всех многочисленных подробностей, рассыпанных по разным текстам, подтверждает, что песня говорит именно о Новгороде. Собственно о самом походе почти не говорится, но зато характер действий царя и его помощников в городе выясняется с полной отчетливостью. Действия эти изображаются как планомерный, тщательно продуманный разгром города, разгром, инициатором которого является сам царь. В некоторых вариантах приводятся слова царского приказа:

«Ты поидь по этим переулоцькам,
Ты казни-ка того, кого и я велю,
Ты казни того, ино вешай-ко,
А вы, младшие сыны да ясны соколы,
А вы идьте в эты переулоцьки,
А вы берите в плен да забирайте всех».

(Сок.—Чич., № 228).

«Уж ты старых, малых конем топчи,
А сильных могучих богатырей саблей всё руби».

(Сок.—Чич., № 113).

Песня неизменно подчеркивает всеобщий, по существу, характер разгрома. В итоге сопоставления вариантов вырисовывается следующая картина. По приказу Ивана Грозного войска окружают и занимают город. Затем, разделившись на три группы, они начинают планомерное уничтожение населения. Ни о каком сопротивлении нет речи. Ничего не говорится и о какой-либо дифференциации среди горожан. Царевич в своем рассказе всех их называет «изменниками», «грешничками». Расправа с новгородцами, о которой с таким хладнокровием вспоминает царевич, поражает своей жестокостью:

«Мы с тобою, государь, да всё ехали,
Мы всё казнили да всё вешали».

(Глябф., II, № 153).

«Мы грешничков били всё, вешали».

(Глябф., II, № 183; Ист. — Д., стр. 51—54).

«Которыми мы с тобою улицами ехали,
Секли, рубили до единого».

(Рыбн., II, № 136).

«Казнил чисто-начисто».

(Гильф., II, № 142).

«Всех сек, и колол, и на кол садил».

(Рыбн., I, № 55).

Оставшиеся в живых забирались и заточались в тюрьмы (Сок.—Чич., № 228; Гильф., I, № 13). Каратели оставляли на домах знаки, которые должны были указывать, что расправа совершилась:

«На воротах мы записи повыписали,
По углам номера выставливали,
Что эти улицы плененные-казненные».

(Рыбн., II, № 136).

Жуткая картина опустошенного города выступает из рассказа царевича:

«Которыми улицами ты ехал, батюшка,
Теми улицами кура не пила;
И которыми ехал Малюта Скурлатович,
И теми улицами кура не пила».

(Рыбн., II, № 103).

Легко заметить, как далеки эти изображения — не только по содержанию, но и по своей форме — от традиционных эпических описаний военных походов, сражений, уничтожения врага и т. д. В картинах разгрома Новгорода явственно ощущаются живые, непосредственные впечатления очевидцев, получившие предельно сжатое и вместе с тем потрясающее по силе выражения художественное обобщение.

Песенный рассказ содержит в себе элементы известной гиперболизации и сгущения красок. Есть в нем и несомненный вымысел. Но как в отдельных подробностях, так и — что особенно важно — в принципе, в характеристике событий в целом он не противоречит историческим данным.

Отметим прежде всего, что два участника похода на Новгород — сам царь Иван Васильевич и царевич Иван — названы песней правильно. Из летописи известно, что Грозный выслал вперед отряд опричников, которому приказал окружить город: «великие крепкие заставы учиниша... и повелеша стражем крепко стрещи град, дабы ни един человек из града не убежал».¹⁰ Затем прибыл сам царь с сыном, большой свитой и войском, и начался «государев разгром» Новгорода. Летопись рисует жуткую картину этого разгрома. Избиению подверглись не только бояре, служилые люди, их семьи, представители духовенства, но и массы простых горожан. Царь «повеле у всех градских жителей, во всех домах и в подцерковнях и в полах имения их грабити, и самых мужей и жен без пощадения и без остатка бити, и грабити дворы их, и в хоромах окна и ворота повеле высекати».¹¹ Затем репрессии перекинулись на Новгородские пятины.

По рассказам очевидца, правда чрезвычайно пристрастного, разорению подвергся и самый город — дома, лавки, имущество: «Ни в городе, ни в монастырях ничего не должно было оставаться; все, что воинские люди не могли увезти с собой, то кидалось в воду или сжигалось. Если кто-нибудь из земских пытался вытащить что-либо из воды, того вешали».¹²

¹⁰ Полное собрание русских летописей, т. 3, СПб., 1841, стр. 256 (в дальнейшем: ПСРЛ).

¹¹ Там же.

¹² Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925, стр. 90.

По словам летописи, кровопролитие длилось беспрестанно шесть недель.¹³ Число казненных точно неизвестно, но оно было огромно.

Добавим к этому, что по пути в Новгород Грозный также произвел «буквально погромы населения», особенно в Твери и Торжке.¹⁴

Многие новгородцы были посажены в тюрьму, их пытали, причем «великий князь неизменно каждый день лично бывал в застенке».¹⁵ Многие опальные новгородцы были привезены затем в Москву, где следствие над ними и казни продолжались.

Таким образом, встречающиеся в вариантах песни выражения: царь «казнил-пытал изменщиков», «достальних по тюрьмам садил» — также получают объяснение в исторических источниках.

Псков, названный песней в ряду городов, из которых выводилась измена, «отделался сравнительно легко уплатой большой контрибуции и несколькими казнями заподозренных».¹⁶

Поход 1570 года был в истории царствования Ивана Грозного единственным внутренним мероприятием столь крупного масштаба, направленным не против отдельных бояр-изменников и их вотчин, а против целого города.

Событие это непосредственно и с трагической силой отозвалось в народе. И если та борьба, которая в течение ряда лет шла внутри господствующего класса, получая выражение то в явных, то в тайных выступлениях боярской оппозиции и в решительных мерах царя по уничтожению изменников, — если эта борьба лишь косвенно отразилась в фольклоре XVI века, то «государев разгром» Новгорода не мог не получить прямого отражения в народных песнях.

Историческая песня — не летопись. Эмпирическое, по возможности точное воспроизведение событий и их оценка не могут составить содержание песни. В песне народ воплощает свои затаенные желания, по-своему не только толкует, но и преобразовывает события. Песенный сюжет не может быть создан простым повторением фактов, хотя факты эти неизбежно в него входят.

6. ЦАРЕВИЧ-ЗАСТУПНИК

Идея песни (речь идет о той ее части, которая нами рассматривается) состоит не только в правдивом описании новгородского разгрома, но и в том, чтобы утвердить народное осмысление происшедшего. С точки зрения народной поэзии (т. е. народного сознания, получающего художественное выражение), события, происшедшие в Новгороде, не только недопустимы, но в такой форме и просто невозможны. Народная историческая поэзия проникнута идеей справедливости, которая в том или ином выражении неизбежно торжествует, и не где-то в далеком будущем, но тут же, немедленно, причем торжество это выявляется обычно вполне конкретно — в попрании зла, в изгнании и уничтожении врага, в военной (либо моральной) победе народного героя. Оптимизм, присущий народной исторической поэзии, связан не только и не всегда с ощущением народом своих сил. Он связан также и с наивно-утопическим подходом его

¹³ ПСРЛ, т. 3, стр. 259. Ту же цифру называет и Штаден (ук. соч., стр. 90).

¹⁴ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. Изд. АН СССР. М.—Л., 1950, стр. 36.

¹⁵ Генрих Штаден, ук. соч., стр. 90.

¹⁶ П. А. Садиков, ук. соч., стр. 37.

к действительности, с иллюзорной верой в то, что «добро» и «правда» неизменно берут верх.

В некоторых исторических песнях эта идея торжества справедливости связана с Иваном Грозным. Есть такая связь и в данной песне, но не в рассматриваемом эпизоде. Здесь царь выступает как жестокий и беспощадный каратель, и дела его не только не возвеличиваются, но даже и не оправдываются. Не с ним связана идея справедливости, но наивно-утопический взгляд отчетливо проявляется в том, что выразителем этой идеи выступает царевич, будущий возможный царь. Не случайно, конечно, из двух царских детей песня выбирает героем младшего. Здесь старая фольклорная традиция, согласно которой именно младший из братьев совершает подвиг и восстанавливает попорченную справедливость, получила подкрепление в реальной истории: старший брат провел весь новгородский поход рядом с отцом, его видели на улицах города, он присутствовал при казнях. Младший, Федор, не нес за новгородский разгром никакой ответственности: в 1570 году ему было 13 лет. Трудно сказать, отложились ли в песне какие-нибудь реальные впечатления (или хотя бы слухи) о Федоре-царевиче. Имеется свидетельство очевидца, что Федор однажды отказался присутствовать при массовой казни. Характер Федора стал более ясен, когда он вступил на престол. Но вряд ли в песне могли получить отражение эти, уже значительно более поздние впечатления. Можно думать, что в основе образа песенного Федора — не столько конкретные факты, сколько поэтические «домыслы», в какой-то своей части случайно совпавшие с реальной действительностью.

Итак, в песне сталкиваются два брата-царевича: старший — Иван и младший — Федор. В редких вариантах упомянут еще третий — Дмитрий; в некоторых текстах певцы меняют ролями Ивана и Федора. Но традиция всюду одна: Иван — верный исполнитель отцовской воли и наветчик, Федор — нарушитель этой воли, защитник изменников, жертва навета.

В чем же его вина? При всем многообразии вариантов содержание обвинения Федора в измене в пространной редакции довольно едино. Федора обвиняют в том, что он предупреждал изменников о грозящей им опасности, укрывал их, давал им возможность бежать; вместо человечьих он рубил головы «петуны», совершал казни лишь единичные, для видимости, а царю сообщал об уничтожении изменников:

«А братец как ехал улицей,
Тот казнил чисто-неначиство:
Впереди себя послал скоро гонця,
Чтобы мужики новгородскии
По погребам они бы охитялися,
А железными бы досками задвигалися.
Он казнил чисто-неначиство».

(Гильф., II, № 142).

«А по которой улицы братец Федор Иванович катился,
Он петухов колол и кровь пропускал,
А изменщиков в погреб садил».

(Арх. ГО, XXV, оп. 1, № 12, лл. 28—30).

Федор-то Иванович благой был,
Он сказал: «Ай же вы, мужики новгородские!
Вы идите во теплу сторонушку.
Как царское сердце уходится,
Придите назад и век жить будете».

А сам-то копьем подписывал:
«Все казнены и повешены».
(Милл., № 125).

«А которыми ездил Федор Иванович,
Задегивал решетки железные
И подпись подписывал,
Что улицы казнены и разорены.
А остались те улицы не казнены, не разорены».
(Рыбн., II, № 103).

«А которой улицей ехал Федор Иванович,
Он писал ярлыки милосливые
И кидал по улицам новгородским».
(Рыбн., I, № 55).

Чтобы понять характер действий Федора, надо выяснить, кто были те изменники, которых он защищал. Разгрому в Новгороде подверглись самые разные слои населения. Однако песня ни словом не упоминает о боярах, представителях духовенства, купцах, приказных и т. п. Можно было бы подумать, что песня говорит о новгородцах, подвергшихся уничтожению, без какой-либо сословной дифференциации. Однако это не так. В песне речь идет о новгородцах, о массе горожан, и всегда имеется в виду именно эта масса, простой новгородский люд, а не относительно небольшая кучка верхов. «Мужики новгородские», «люди да народ», «старые и малые» — так определяет песня тех «изменщиков», которых спасал Федор.

Можно ли на основании всего сказанного сделать вывод о новгородском происхождении песни? Может быть, это в воображении новгородцев, чудом избежавших гибели и потрясенных всем происшедшим, родилась история о «благом» царевиче, не остановившемся перед прямой изменой царю ради спасения людей?

Таким предположениям противоречит, однако, содержание песни в целом, характер ее сюжета. История новгородского разгрома в ней — лишь эпизод, хотя и очень важный. События же разворачиваются в Москве. Сюжет песни не «новгородский», а целиком «московский».

Очень характерно, что в песне тема новгородской измены сплетается с темой измены московской. Исследование этой последней темы должно пролить свет на идейное содержание песни и помочь выяснить проблему ее происхождения.

7. ИЗМЕНА В МОСКВЕ

Напомним, что Москва упоминается — и в очень важном контексте — уже Иваном Грозным, когда тот хвастает своими успехами. В ряду городов, которые называет царь, Москва занимает особое место: речь обычно идет о том, что после того, как выведена измена из других мест (Новгород, Псков), наступила очередь Москвы:

«Я повывел нунь измену с Новгородчины,
Я повыведу измену с каменнóй Москвы».
(Гиллф., I, № 13).

«Вывел я измену со Обского,
И вывел измену с Новагорода,
Да надо вывести измену с каменной Москвы».
(Рыбн., II, № 108).

Он измену вывел лютую
Из Новаграда, изо Пскова.
И тут ли царь похваляться стал:
«Ах, когда бы мне изменушку
Истребить и в каменной Москве».

(Дмитр., III, стр. 203—207).

Именно в ответ на эти последние слова царя следует выступление старшего царевича, обвиняющего своего брата в измене. Обвинение касается не только прошлого, но и будущего. Смысл его совершенно ясен: измена в Москве не может быть выведена потому, что она захватила уже царскую семью и проявила себя в новгородском походе.

Обращение к реальной истории дает, по-видимому, совершенно ясное толкование всему этому месту.

Как известно, после разгрома Новгорода в Москву были привезены многие новгородцы, едва ли не с главной целью — уличить с их помощью тех, кто замыслил измену в Москве. К следствию были привлечены многие крупные государственные деятели, бояре, дьяки ряда приказов. «Казни и пытки продолжались много дней спустя, захватив и часть населения Москвы, так или иначе связанного с главными виновными...»

Этими массовыми казнями и карами закончилось следственное дело о великой боярской измене, начавшееся еще в 1567 г.¹⁷

Среди множества дел, которые велись в это время в Москве, особый интерес представляет для нас дело князя Афанасия Вяземского. Ему ставилась в вину попытка предупредить новгородцев о готовящемся на них походе. Вяземский был подвергнут пыткам, «торговой» казни и сослан. В том же году он умер.¹⁸

Итак, народная песня, приписав царевичу государственную измену, лишь по-своему откликнулась на московские события 1570 года.

В свете этих фактов представляется вполне естественным, что в ряде вариантов вместо новгородских улиц, спасенных Федором, называются улицы московские, а вместо мужиков новгородских — мужики московские, которым царевич оказывал милости.

«Когда царь казнил в Москве, Федор-царевич пожалел народ и сказал: „Бежите в улицы громленные, туды царь не воротится“. Старшой брат это услышал да за столом на пиру и сказал на Федора, что Федор изменник» (Онч., № 92). Есть варианты (они, правда, немногочисленны), где действия Федора в Москве приобретают еще более откровенный характер измены:

«Братец-от Федор Иванович
Да по матушке ездил каменной Москве, —
Свои ты подписи подписывал,
Твои подписи похеривал,
Прибил указы ко всем столбам».

(Гильф., III, № 244).

Здесь царевич не просто нарушает отцовскую волю и спасает тех, кого он обязан был уничтожить: он прямо выступает против власти царя, пытаясь заменить ее своей властью.

Действия Федора в песне раскрываются не в прямом повествовании, а в передаче брата. Но в данном случае рассказ хотя и ведется от лица

¹⁷ Там же, стр. 38.

¹⁸ Там же, стр. 37.

брата, отношение которого к происшедшему совершенно определено, однако в тоне этого рассказа явственно ощущается особая точка зрения создателей песни; получается любопытная — а впрочем вполне характерная для народно-песенной поэтики — картина: в плане сюжетном, со стороны развития действия и дальнейшего поведения персонажей, рассказ Ивана-царевича воспринимается как страшное разоблачение, за которым следует немедленное наказание Федора, но слушатель (и читатель вместе с ним) ощущает в рассказе явное осуждение царя и его приближенных, чинивших беспощадную расправу, и несомненное сочувствие к Федору, пожалевшему новгородцев. И это осуждение и сочувствие далее получают подкрепление в развитии сюжета. Песня явно на стороне Федора, и именно потому она кончается благополучно. Но раз это так, следовательно и вся история с новгородским разгромом, московскими изменами и казнями расценивается в песне отнюдь не с позиций официальных.

Представить малолетнего «благого» царевича, по существу, центральной фигурой среди московских сообщников опального Новгорода и окружить его образ явной симпатией означало вынести суровое осуждение тем кровавым формам, какие получила в 1570 году борьба царя с изменой.

Это народное осуждение не имело ничего общего с теми обличениями жестокого царя, какие шли из боярского лагеря. А. Курбский, например, обращаясь к Ивану Грозному с гневными обвинениями, меньше всего думал о простых новгородцах или москвичах; он скорбел о «сильных», «воеводах», «доброхотных», «благородных», т. е. о людях своего класса.

Народная же песня отнюдь не защищает бояр от царского гнева. Напротив, боярство осуждается и высмеивается здесь как сила, потерявшая всякую полезную роль в государстве, бездеятельная и злая. Песня высоко оценивает, как событие общенародного значения, присоединение Казани и Астрахани, связывая с ним и воцарение Ивана Грозного.

Но кровавые расправы с населением целых городов, бессмысленно жестокие казни, преследование людей по первому наговору, бесполезное истребление народного имущества — все это не могло встретить в народе никакого сочувствия. На царские репрессии он ответил песней, в которой образами жестоких карателей — царя и его старшего сына — противопоставил образ милосердного царевича, тайно помогающего преследуемым.

Все сказанное позволяет назвать если не дату рождения песни, то во всяком случае время действия в ней. События, описываемые в песне, относятся к весне — лету 1570 года. Кстати сказать, казнь, которая грозит Федору-царевичу, напоминает те публичные казни, какие состоялись в Москве 25 июля 1570 года в присутствии царя и царевичей, когда в качестве палачей участвовали виднейшие опричники (и в их числе Малюта Скуратов).¹⁹

8. ПЕРВАЯ ВЕРСИЯ (НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ)

Песня не заканчивается гневным призывом Ивана Грозного к палачам увести царевича на казнь. Но дальнейшее ее содержание уже выходит за пределы настоящей статьи. Отметим лишь, что идея торжества справедливости, столь характерная и для былин и для исторических песен, реализуется и в последующем развитии сюжета данной песни. Носителем этой идеи выступает Никита Романович, а к концу песни выясняется, что приверженцем ее в конечном счете становится и сам Иван Грозный. Царь признает несправедливость своего гнева на сына, жалеет о нем, а затем ра-

¹⁹ Там же, стр. 38.

дуются его спасению и награждает спасителя. Оставаясь по-прежнему непримиримым врагом бояр (характерны антибоярские высказывания царя, когда он скорбит о своем сыне), Иван Грозный в то же время как бы пересматривает свое прошлое отношение к народу. Примиряясь с сыном, он тем самым признает справедливой его защиту «мужиков новгородских»; награждая Никиту Романовича вотчиной, наделенной особыми правами, он осуществляет затаенные желания народа, замученного опричниной. Так может быть прочитана песня о гневе Ивана Грозного на сына в той ее редакции, которую мы назвали пространной.

Пространную редакцию следует, по нашему мнению, считать той основной редакцией, в которой развитие сюжета наиболее полно развернуто, вполне отчетливо мотивировано и которая наиболее ясно соотносится с историческими событиями.

В составе первой версии могут быть выделены также тексты, в которых рассказ о новгородском разгроме и о роли в нем царевича Федора отсутствует. В части текстов, как указывалось выше, Иван или Малюта прямо или иносказательно называют Федора изменником, и Иван Грозный тут же, не выясняя обстоятельств измены, посылает сына на казнь. Эти тексты могут быть объединены в краткую редакцию (Чулк., II, № 121 и др.). Особое положение занимает несколько текстов первой версии, в которых о событиях в Новгороде не упоминается, но имеется своеобразная трактовка измены Федора (во втором случае — Ивана):

«Помнишь ли и памятуешь ли,
Как стояли под городом и по Донския?
Много мы силы потратили, —
Была у нас изменушка великая
От твоего сына порожденного,
От молода Федора Иванова».

(Кир., VI, стр. 55—59).

«Ах, батюшко Грозный царь Иван Васильевич!
Не повывести измены с каменной Москвы,
А твой тот сын любезный Иван-то Ивансвич,
Он уважат-то боярам московским,
Он-то творит великий милости».

(Гильф., III, № 201).

Характер обвинений здесь совершенно иной, чем в пространной редакции. Если обвинения не ложны, царевич совершает преступления, которые никак не могут быть оправданы в глазах народа. В одном случае он изменник, по вине которого войска, осаждавшие город, несли большие потери. С фактами измены бояр-военачальников во время Ливонской войны Иван Грозный сталкивался не раз. Обвинение в предательских действиях при осаде города — явление для той эпохи обычное; необычно то, что предъявлено оно царевичу. Во втором случае царевич предстает сообщником бояр-изменников.

Несмотря на разные мотивировки преступления, во всех редакциях первой версии исход один. Действие дальше развивается одинаково вне зависимости от характера обвинения. Однако певцы как будто ощущают, что полного единообразия в дальнейшем ходе повествования быть не может, и вносят любопытные подробности. В первом случае Федор, спасенный

Никитой Романовичем, отрицает свою вину и обвиняет брата в ложном навете:

Жалобу творит на своего брата любезного,
На молода Ивана Ивановича,
«Что привел меня к смерти напрасной».

(Кир., VI, стр. 55—59).

Во втором случае несогласованность в какой-то мере смягчается тем, что обвинение падает не на Федора, а на Ивана.

Мотив ложного навета проходит совершенно отчетливо и через тексты краткой редакции. В роли доносчика здесь выступает Малюта.

«Малюта-злодей Скуратович», «Малюта-враг» — эти эпитеты вполне определенно характеризуют отношение песни и к Малюте и к его доносу. Донос этот не может быть справедливым, — отсюда становятся понятными и горе Ивана Грозного, думающего, что он безвинно погубил сына, и гнев его на окружающих бояр, не сумевших остановить царя и разоблачить клеветника, и радость при вести о спасении царевича, и, наконец, своеобразный финал: царь выдает Малюту Никите Романовичу.

Ясно, что краткая редакция уступает пространной в широте политической картины и в остроте конфликта. Однако и в ней есть определенный комплекс политических идей. Она также хорошо передает атмосферу всеобщей подозрительности, ложных наветов, крутых расправ с неугодными, — всего того, что, по-видимому, было так характерно для тех лет, когда господствовала опричнина.

Когда говорят о фольклоре времени Ивана Грозного, то обычно ищут в нем отражение антибоярских настроений. Конечно, эти настроения достаточно сильны. Но нельзя не видеть, в частности в исторических песнях, и мотивов осуждения опричнины.

Опричнина не принесла — и по самой своей природе не могла принести — облегчения народным массам. И крестьяне и городское население (в том числе и Москвы) стали жертвами грабежей, мучительства, произвола со стороны опричников. Что касается крестьян, то дворяне, захватившие вотчины крупных феодалов, усиливали крепостной гнет, экспроприировали крестьянскую землю, увеличивали сборы и т. д. Ни в экономическом, ни в правовом отношении опричнина не принесла облегчения крестьянам; не случайно в годы опричнины усилилось бегство крестьян, и страна стояла накануне крестьянской войны.²⁰

Свою ненависть к опричным порядкам народ и выразил в песне о гневе Ивана Грозного, создав зловещий образ Малюты Скуратова, приближенного царя, клеветника, палача, упивающегося своими злодеяниями, готового казнить кого угодно.

Малюта Скуратов в песне гибнет от руки Никиты Романовича (в некоторых вариантах с согласия царя), и меньше всего здесь можно усматривать столкновение представителя старого родовитого боярства с новыми крепнущими силами служилого дворянства. Никита Романович в песне — представитель царской семьи, носитель и защитник справедливости. Согласно песне, он враг бояр и не имеет с ними ничего общего.

В песне, однако, идея спасения от ужасов опричнины выражена не только в эпизодах, где сталкиваются Федор и Никита Романович, с одной стороны, и Малюта Скуратов — с другой. Та же идея получает художест-

²⁰ Там же, стр. 54—55 и сл.

венно-утопическое выражение в финале, где царь жалует Никите Романовичу вотчину.

Вопрос о том, что собой представляет «Микитина вотчина», требует специального изучения и выходит за пределы данной статьи. Не имея возможности развернуть здесь весь ряд аргументов, выскажу лишь свое убеждение, что это не есть вотчина старого боярского типа, что мысль о ней рождена народным сознанием в ответ на опричнину. «Микитина вотчина» должна была стать местом спасения от опричнины.

9. ВТОРАЯ ВЕРСИЯ

Мотив доноса в текстах второй версии существенным образом отличается от того, как он дан в редакциях первой версии. Главное отличие состоит в том, что наветчик и жертва гнева в песнях второй версии оказываются одним лицом. Второго царевича здесь нет, хотя можно догадываться (а иногда это совершенно ясно), что в измене подозревается именно он. Однако гнев царя обрушивается не на изменника, а на того, кто сообщает об измене: в большинстве вариантов это царевич Федор.

В ответ на речь царя (в ней, кстати, Новгород часто вовсе не упоминается, а Москва называется в ряду городов, из которых выведена измена; есть варианты, в которых о Москве вообще не говорится) Федор говорит о том, что измена не выведена из Москвы, что она гнездится здесь же во дворце:

«Ты вывел три измены, три изменушки,
А не вывел измены с каменной Москвы».

(Арх. Кар., колл. 35, № 143).

«Гой еси, ты батюшко царь-государь!...
Хвастаешь ты небылью:
Не мог ты вывести измены в каменной Москве,
Теперь измена у тебя за столом сидит».

(Гул., № 30).

Есть тексты, в которых Федор полностью отрицает успехи царя:

«Небылью ты хвастаешь,
Небылицей похваляешься:
Не вывел ты измены из Шахова,
Не вывел измены из Ляхова,
Не вывел измены из Чернигова,
Не вывел ты измены из Новгорода,
Не вывел ты измены из каменной Москвы.
Будет измена век и по веки».

(Гул., № 31).

Иван Грозный обычно требует, чтобы царевич назвал изменников по именам. Кажется, только в двух вариантах царевич исполняет требование отца: в одном случае он указывает на бояр Годуновых (К. Д., стр. 220—226), в другом — на брата (Милл., № 101). Обычно же Федор уклоняется от ответа, причем мотивировки здесь различны:

Он сидит да думат, на кого сказать:
«На себя сказать — ему не хочется,
А на брателка сказать — так виновату быть,
А на соседюшка сказать — так чужу кровь пролить».

(Арх. Кар., колл. 35, № 143).

«Прости ты меня — детину гупого,
Гупого детину, неразумного,
Не с мудрости я слово вымолвил».

(Гул., № 30).

«Не могу я тебе измены сказать
На имя и на изотчество:
Первая измена за столом сидит,
Вторая измена на стол сбирает,
Третья измена тебе пить подает».

(Гул., № 31).

Иногда просто «от молода царевича на то ответа нет» (Кир., VI, стр. 98—101).

Наряду с этим обычны варианты, где царь и не требует назвать имен, а сразу же, выслушав сына, отправляет его на казнь. Можно думать, что такая трактовка характерна для текстов, в которых царевич, говоря об измене, имеет в виду не каких-то конкретных лиц, а вообще выражает сомнения в успехе дела. Смысл его слов — измена есть и будет, ее не вывести. Вот характерные примеры:

«Не выведена измена с каменной Москвы,
Да со всей земли с подселенною.
Еще есь измена поболее нас».

(Сок.—Чич., № 182).

«Нам не вывести измены с каменной Москвы,
Не забрать людей да нам в свои руки».

(Арх. Кар., колл. 8, № 161).

Здесь царевич ставит под сомнение всю деятельность Ивана Грозного, и понятно, что реакция последнего решительна и немедленна: он отправляет сына на плаху.

Сложнее объяснить царский гнев в тех вариантах, где такой трактовки нет. Мотивировки здесь вообще отсутствуют, но можно думать, что причины гнева различны: в одном случае — отказ царевича назвать изменников по именам, в другом — подозрение царя в ложном навете. Певцы не исключают и здесь возможности клеветы. В одном варианте прямо говорится: «Тут сидит-то Федор дай выдумыват» (Милл., № 101). В другом варианте царевич думает, на кого ему указать, — по-видимому, все одинаково невиновны.

Таким образом, если в первой версии конфликт отца с сыном до конца мотивирован, вскрыты его политические корни, то во второй версии политическая острота и напряженность событий значительно ослабевают; расплывчатость и неопределенность мотивировок, некоторая недосказанность приводят к тому, что весь конфликт переводится преимущественно в план психологический. Образ Ивана Грозного, черты его личности — крутость нрава, необузданность, жестокая неожиданность решений — выступают здесь, во второй версии, может быть, еще отчетливее, поскольку поступки царя освобождены от политических мотивировок. С точки зрения логики, решение царя о казни сына представляется совершенно необоснованным и бессмысленным.

Очевидно, что вторая версия не может быть признана изначальной для данного сюжета. Она — вторичное образование. Не думаю, впрочем,

что возникновение ее можно было бы уводить за пределы XVI века. Вполне законно поставить вопрос: не сложилась ли эта версия под воздействием факта убийства Иваном Грозным сына Ивана в 1581 году? Конфликт между отцом и сыном в песне (вторая версия) носит характер открытой ссоры, и, как бы ни были традиционно условны обстоятельства ее, можно предположить, что песня имеет в виду какие-то политические разногласия. Те скудные сведения об убийстве 1581 года, которыми мы располагаем, также говорят о политической подоплеке ссоры Ивана IV с царевичем. Следует оговориться: нет оснований считать песню (даже в данной версии) откликом на драму 1581 года.²¹ Сюжет песни в основном остался прежним, но, может быть, под влиянием события 1581 года центральный эпизод песни получил иную трактовку.

10. ОСОБЫЕ ВЕРСИИ

Текстов, которые дают иные по сравнению с первой и второй версиями трактовки гнева царя на сына, немного. Трактовки эти различны. Оставляем без внимания случаи, когда в тексте можно предполагать пропуск, путаницу и т. д. (см., например: Этногр. сб., V, смесь, стр. 28—30; Пар.—Сойм., № 15). Интересную трактовку дают тексты, в которых мотив доноса вообще отсутствует (Якушк., стр. 74—77; Марк., № 37; Крюк., II, № 109; Григ., I, № 115; Озаров., стр. 56—60). В текстах первой группы Ивану Грозному, который хвастает тем, что он выведет измену из русских городов, отвечают бояре:

«Уж не вывести тебе изменушки из Киева,
И не вывести изменушки из Новагорода,
Да из матушки да каменной Москвы!
А тот выведет ту изменушку,
Кто за одним с тобой столом сидит да хлеба кушает, —
Милой сын твой Федор Иванович!».

(Якушк., стр. 74—77).

В другом варианте бояре прямо противопоставляют Ивану Грозному Федора как будущего царя — боярского ставленника:

«Еще тот у нас выведет изменушку,
.....
И которо-то ведь дядышко твое любимое:
Он теперь ведь всё подле тебя сидит,
Ишше тот ли млад Федор-от Иванович.
.....
Зацарит у нас царем ведь Федор, всё царицею млад,
Ай царицею млад Федор свет Иванович;
У нас всё тогда в Москве-то будет по-хорошему».

(Марк., № 37).

Когда могла возникнуть данная версия? Другими словами, когда Федор-царевич из народного заступника превратился в боярского ставленника? Если не считать данную трактовку чисто случайной (а для этого у нас нет оснований), то перед нами очень характерный случай, объяснение

²¹ Истолкование песни как отклика на событие 1581 года подверглось справедливой критике со стороны А. А. Морозова. См.: М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Редакция, вступительная статья и примечания А. А. Морозова. Архангельск, 1950, стр. 150—152.

которому надо искать прежде всего в особенностях народного сознания. Царистские иллюзии народа редко бывают обращены в настоящее, чаще они связаны с прошлым или будущим. Этим можно объяснить, что песня (особенно в пространной редакции) изображает в роли защитника притесняемых Федора — будущего царя. Но когда Федор занимает престол, он перестает быть предметом идеализации, с его личностью больше не связываются надежды на облегчение жизни. «Благой» царевич превращается в боярского царя. Таким он и предстает в двух текстах особой версии. Скорее всего трактовка, имеющаяся в них, относится к годам царствования Федора Ивановича. Но перемены коснулись лишь одного, центрального, эпизода песни. Сюжет же в целом остался неизменным.

В текстах Григ., I, № 115 и Озаров., стр. 56—60 (оба записаны от одного лица) нет мотивов пира и хвастовства царя. Возможно, они просто пропущены. Конфликт отца с сыном вызван следующими словами Федора:

«Що по етому мосту по Калинову
А много было и хожоно,
А много было и езжоно,
А горящей крови много пролито».

(Григ., I, № 115).

Очевидно, что перед нами довольно прозрачный намек на кровавые методы борьбы, к которым прибегал царь. В словах Федора заключено и несогласие сына с действиями отца и несомненное осуждение кровопролития. Образ Федора здесь близок к тому, каким он представлен в пространной редакции: он «благой», милосердный царевич, противник крови и казней. За это он и осужден отцом. По существу, поведение Федора означает в глазах царя измену. Близость данного текста к первой версии несомненна.

Важно выяснить, не являются ли различные версии сюжета песни о гневе Ивана Грозного на сына результатом местной разработки сюжета. Обратимся к данным, характеризующим географическое распространение известных вариантов.

Краткая редакция первой версии известна в записях из Прионежья, с Поморья (Архангельская губ.), Печоры, из Владимирской и Симбирской губ. Говорить об областном характере данной редакции не приходится.

Тексты второй версии зафиксированы в самых различных районах, частично в тех же, что и тексты краткой редакции: Прионежье, Архангельская губ. (Шенкурский уезд и Поморье), Печора, Сибирь, Алтай, Симбирская и Саратовская губ. и др.

Два текста особой версии (Якушк., стр. 74—77; Марк., № 37) записаны в разных местах, один из них — на Зимнем берегу Белого моря (данные о другом тексте отсутствуют, но несомненно, что запись сделана не на Зимнем берегу).

Наконец, пространная редакция первой версии представлена текстами, которые записаны в районах бытования былинного эпоса в бывш. Олонецкой губ. (Пудога, Кижы, Кенозеро и др.). Единственный, плохо сохранившийся к тому же вариант записан на Терском берегу Белого моря.

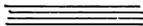
Таким образом, лишь тексты пространной редакции ограничены определенным районом. У нас, однако, нет никаких оснований делать из этого вывод о местном происхождении данной редакции. Другие типы сюжета песни ни по содержанию, ни по географической принадлежности также не

несут в себе ничего областного. Скорее всего дело в том, что олонецкие сказители одни сохранили ту редакцию песни, которую мы считаем наиболее содержательной и, по-видимому, изначальной.²²

ПРИНЯТЫЕ В СТАТЬЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Аст., II — Былины Севера, т. II. Подготовка текста и комментариев А. М. Астаховой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951.
- Арх. ГИМ — Архив Государственного исторического музея (Москва).
- Арх. ГО — Архив Географического общества СССР (Ленинград).
- Арх. Кар. — Архив Карельского филиала Академии наук СССР, отдел фольклора (Петрозаводск).
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., тт. I—III. Изд. 4-е, М.—Л., 1949—1951.
- Григ., I — А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904.
- Гул. — Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
- Дмитр. — Карманный песенник или собрание лучших светских и простонародных песен, чч. I—III. М., 1796.
- Ист.—Д. — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонцкой в 1886 году. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.
- К. Д. — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958.
- Кир. — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. III, М., 1861; вып. VI, М., 1864.
- Кон. — Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948.
- Крюк. — Былины М. С. Крюковой, т. II. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Ред. Ю. Соколова. «Летописи Гос. литературного музея», М., 1941.
- Марк. — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
- Милл. — В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. Пгр., 1916.
- Озаров. — О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Пгр., 1916.
- Онч. — Н. Е. Ончуков. Печорские былины, СПб., 1904.
- Пар.—Сойм. — Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Предисловие и редакция А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1941.
- Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, тт. I—III. Изд. 2-е, М., 1909—1910.
- Сок.—Чич. — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. «Летописи Гос. литературного музея», М., 1948.
- Чулк. — Сочинения М. Д. Чулкова, чч. I—III. Собрание разных песен. СПб., 1913.
- Этногр. сб. — Этнографический сборник, издаваемый императорским Географическим обществом, вып. V. СПб., 1862.
- Якушк. — П. И. Якушкин. Народные русские песни. СПб., 1860.

(Римскими цифрами везде обозначены том, часть или выпуск. Ссылки на страницы указывают вариант в целом и приводятся в тех случаях, когда в издании отсутствует сплошная нумерация песен).

²² Настоящая работа была уже сдана в Издательство, когда вышла в свет статья В. Я. Проппа «Песня о гневе Грозного на сына» («Вестник Ленинградского университета», № 14, серия истории, языка и литературы, вып. 3, 1958). Читатель легко убедится, что основной подход к исследованию песни, некоторые общие выводы и конкретные наблюдения в обеих работах очень близки, а в отдельных моментах и прямо совпадают. Вместе с тем имеется и ряд расхождений, в частности в трактовке идейного содержания песни, в выделении версий и т. п.

Э. С. ЛИТВИН

ОБРАЗ ПОЛКОВОДЦА СУВОРОВА В РУССКОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

1

Огромное значение русского народного творчества в значительной мере определяется наличием в нем патриотической героики, высоких моральных норм, подлинно гуманистических настроений. Прогрессивные идеи устного коллективного творчества находили свое воплощение в образах положительных героев, над созданием которых с древнейших времен работали народные сказители и певцы. Но в различных жанрах народного творчества, связанных с разными этапами конкретно-исторической действительности и столь же разными стадиями роста политического самосознания трудящихся масс, образ положительного героя создавался на основе разных эстетических принципов.

В соответствии с особым характером исторического развития России определялось содержание и оформлялись образы народного творчества феодального периода. Положительный герой, воплощавший в себе «чаяния и ожидания» народа, жизнь которого постоянно зависела от обороноспособности государства, всегда приобретал черты идеального защитника родной земли. В древнейшей былине и героической сказке эти черты раскрывались с помощью монументальных эпических обобщений, средствами художественной гиперболизации и традиционной фантастики.

Для исторической песни, которая создавалась на новом, более высоком уровне феодальных общественных отношений и выразила значительно более развитое политическое мировоззрение народа, с самого начала характерно тяготение к качественно иному методу изображения действительности. Отнюдь не отказываясь от художественного вымысла, она сочетает с ним наглядно выступающую документальность и отводит гиперболе и фантастике явно подчиненную роль. И в очертаниях событий, и в образах действующих лиц фиксируются и сохраняются конкретные черты исторического прототипа. Проблема отбора таких черт, закономерность сочетания в них индивидуально-исторического и социально-типического, новое качество поэтических преувеличений и домыслов, которые превращаются в особую форму раскрытия и оценки подлинных фактов, приобретают решающее значение для художественного метода этого нового жанра народного эпоса.

Положительный образ исторической песни, по мере ее расцвета и окончательного обособления как от былины, так и от лирической поэзии (XVI—XVII веков), соединяет в себе портрет выдающегося исторического деятеля с идеалом национального героя. Как неоднократно отмечалось

фольклористами, в качестве таких героев выдвигались образы создателей русского централизованного государства (Иван IV), предводителей народных антикрепостнических восстаний (Степан Разин), руководителей национально-освободительной борьбы с чужеземными захватчиками (князь Пожарский). Часто эти образы наделялись чертами защитников родной земли, отважных воинов и искусных руководителей войска. Народные песни показали Ивана Грозного под стенами Казани, Пожарского — как воина-патриота в плену у врагов. Большое внимание уделяла народная песня походам талантливого самородка-казака Разина в Персию, его борьбе за освобождение русских пленников. Но в фольклоре XVI—XVII веков эти черты чаще дополняли, нежели определяли, весь облик поэтического героя.

Создание русской армии и флота в начале XVIII столетия явилось выдающимся событием истории, предпосылкой для формирования русской национальной школы военного искусства и необходимым условием роста могущества страны. Песни и предания первой половины XVIII века уделили большое внимание этому событию, подробно и точно нарисовали ход Северной войны, правдиво показали деятельность Петра Первого как создателя армии и флота, руководителя войны со шведами. Рядом с образом Петра — государственного деятеля и полководца, почти неизменно является образ рядового солдата, матроса, часового («Петр под Орешком», «Петр и драгун», «Как на матушке на Неве-реке», «Плач о смерти Петра», предание о странствованиях переодетого Петра вместе с беглым или отставным служивым и т. д.). Создаются поэтические картины сражений, походов, покорения вражеских крепостей, приобретающие типический характер и поэтому постоянно применяющиеся и в более поздних произведениях.

Вспев первые успехи русской армии, обогатив патриотические настроения русского фольклора новым конкретно-историческим содержанием, народные песни и предания отметили и обобщили также и неизбывные социальные противоречия государства помещиков и торговцев. Прогрессивный характер военных преобразований Петра определил его роль и место в песнях о Северной войне, но в то же время в эти песни вошли многочисленные картины крепостнического произвола в армии и типические жалобы солдат на тяготы «государевой службы».

Эти противоречия еще усилились как в самой исторической действительности, так и в поэтических образах фольклора, выращавших на ее почве, во второй половине XVIII века. Самодержавие начинает играть все более реакционную, тормозящую роль в жизни страны, крепостническая эксплуатация народных масс становится все более свирепой и жестокой. Сохраняя некоторые царистские иллюзии, продолжая цепениться за наивную мечту о «хорошем царе», народное творчество уже не показывает государя в роли защитника отечества, в качестве полководца — руководителя народной борьбы с захватчиками. Тематически непрерывно расширяется показ замечательных успехов молодой русской армии. Идеино он сопровождается нарастанием антикрепостнических настроений, элементов социального протеста. Образ полководца начинает занимать все больше места в устном творчестве, но теперь он часто противопоставляется образу царя и фигурам царских любимцев — представителей ненавистного помещичьего класса.

Так, в цикле о прусской войне простой казак Краснощеков, наделенный сказочной отвагой и необычайной стойкостью, противопоставлен изменникам-генералам, «пирующим и столующим» вместе с Фридрихом. Так, беспомощную, перепуганную государыню, выступающую в ряде песен о письме

шведского или прусского короля, ободряет и утешает тот же Краснощеков или Румянцев.

Отдельные черточки по-новому воспринимаемого образа любимого полководца вносятся уже в песни середины XVIII века. Их можно проследить на образах Краснощекова, Румянцева, в песнях о Чернышеве, находящемся в плену у прусского короля, или о Лопухине, который, умирая на поле битвы, обличает измену генералов-придворных. Но полноту, законченность и подлинную типичность образ нового положительного героя исторической песни — полководца, любимого народом и в своей деятельности защищающего интересы народа, приобретает лишь во второй половине, даже в конце XVIII века. Именно таким является образ Суворова, разработанный в целом цикле песен и преданий, бережно хранившихся как в солдатской, так и в крестьянской среде.

В устно-поэтический цикл, который можно назвать «суворовским», входят довольно многочисленные песни и предания. Варианты их весьма разнообразны по времени записи, условиям бытования и, разумеется, неравноценны в идейном и художественном отношении. Но рассмотрение их как некоего относительно законченного цикла вполне оправдано. Они объединяются не только образом главного героя, но и совершенно определенной оценкой его исторической деятельности, а поэтому и общими принципами отбора фактов и их художественного обобщения.

В старых фольклорных сборниках опубликовано несколько песен о Суворове, наиболее ранние записи которых относятся к 30-м годам XIX века.¹ Значительно чаще печатались отдельные легенды и анекдоты.² Однако дореволюционный фольклор, связанный с личностью и деятельностью великого полководца, все же известен нам далеко не полностью. Случайность, эпизодичность упомянутых публикаций бросается в глаза.

Одновременно с заведомой неполнотой представленных в старых изданиях песен о Суворове необходимо учитывать и значительную засоренность их псевдонародными, фальсифицированными произведениями. Под видом фольклора в область военно-исторической поэзии XVIII—XIX веков постоянно проникали так называемые «солдатские» песни, не имевшие ничего общего с песнями, действительно создававшимися солдатской массой. Уже в середине XVIII века был широко представлен литературный жанр «солдатской», или «военной», песни, который использовался правящей верхушкой в агитационных целях.

Писавшиеся офицерами, а иногда и крупными дворянскими поэтами того времени (Сумароков, Николев), они воспевали монархов и монархинь, славословили военачальников — любимцев двора, изображали жизнь армии в слащаво-идиллических тонах. Характерной особенностью их образов и языка была вульгаризация, подделка под просонародность. Так, например, Николев, восхваляя от имени солдата военную политику Екатерины, писал:

Был бы хлебец да водица,
Русь не смотрит на часы!

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. IX. М., 1870, стр. 214—217 и 325 (в дальнейшем: К и р е е в с к и й, IX); П. В. Шейн. Песни былевые. «Чтения в Обществе любителей истории и древностей российских при Московском университете», 1877, т. III, стр. 131 (в дальнейшем: Шейн). Лучшие тексты из этих собраний перепечатаны в сб. «Исторические песни» (Библиотека поэта, малая серия, изд. «Советский писатель», Л., 1951).

² Наиболее полный свод дается в работе: А. В. Елисеев. Народные предания о Суворове. «Древняя и новая Россия», 1879, т. I, стр. 334—348 (в дальнейшем: Е л и с е е в).

В сердце — матушка царица,
В думе — турка за усы!

Проникнутые казенно-охранительным «патриотизмом», одобренные густым налетом официального православия, эти произведения использовались в упорной борьбе самодержавия и церкви против подлинного фольклора. Они усиленно пропагандировались через печатные песенники и полковые хоры, иногда бытовали и в устной форме, но оставались очень далекими от подлинных настроений и эстетических запросов солдатской среды и крестьянства.

Многие из этих песен воспевали подвиги Суворова и оплакивали его кончину. Литературные солдатские песни о Суворове печатались в песенниках начала XIX века, но свидетельств их действительного, а не вынужденного начальством бытования в армии, а тем более в крестьянской среде очень мало. По своей идейной направленности такие песни резко отличаются от устного суворовского цикла. Деятельность полководца оценивается в них в духе его преданности царской власти и православной церкви, образ его условен, лишен какой бы то ни было индивидуальности и окружен трескучей риторикой взамен искреннего чувства.

Советская наука немало потрудилась, чтобы преодолеть концепции старой фольклористики и пересмотреть собранный ею фактический материал. Песни народных восстаний, социально-сатирические мотивы старого фольклора, многие виды военно-исторической поэзии и в особенности революционное творчество рабочих дооктябрьской России выступили перед нами в совершенно новом свете. В частности, некоторые песни и предания о Суворове, сложившиеся, как видно из их содержания, а иногда и из биографии исполнителя, еще в старой армии, были впервые записаны и опубликованы только советскими учеными.³

Но все еще не изжито в советской фольклористике не критическое отношение к солдатским песням литературного происхождения. Так, составитель сборника «Суворов в народных песнях и рассказах» М. А. Булатов включил наряду с народными, устно бытующими текстами явно стилизаторские вирши на взятие Измаила и на смерть Суворова. Полководец здесь именуется «слугой царю верным» и прославляется за то, что по-христиански похоронил русских воинов, павших под Измаилом:

Он отпел тела геройские,
Проронил слезу отеческу
И, по долгу христианскому,
Над могилой их поставил крест.⁴

Незаслуженно отнесенная к народному творчеству песня о взятии Измаила попала и в новую хрестоматию наряду с подлинной солдатской песней о сражении при Кинбурне.⁵ Между тем еще П. А. Бессонов, издававший материалы П. В. Киреевского, считал песню на взятие Измаила

³ Таковы в своей основе предания о Суворове, записанные В. П. Бирюковым на Урале. См.: сб. «Фольклор Урала», вып. 1, Исторические сказы и песни, Челябинск, 1949, стр. 32—34 (в дальнейшем: Бирюков). Издавна бытуют на Севере и записанные от М. С. Крюковой песня «Суворов и турецкий султан» и легенда «Суворов и старый мезенский солдат». См.: М. С. Крюкова. О богатых старопрежних и нынешних. Архангельск, 1946, стр. 140—142 (в дальнейшем: Крюкова).

⁴ М. Булатов. Суворов в народных песнях и рассказах. М., 1942, стр. 36—38 (в дальнейшем: Булатов).

⁵ Устное поэтическое творчество русского народа. Сост. С. И. Василенок и В. М. Сидельников. М., 1954, стр. 206—208.

«сочиненной» и показывающей «искусственное желание приблизиться к народному».⁶

Псевдонародность этих мнимых песен ощущается не только в трактовке образа Суворова, но и в самом языке и стиле. В них сочетаются заимствованные из фольклора образы ворона — вестника несчастья, или казака, спланивающего полководца, с явными славянизмами («главы басурман», «полки тьмучисленны»). Не случайно «Взятие Измаила» написано вполне литературным стихом (четырёхсложным хореем с дактилическими окончаниями), постоянно употреблявшимся поэтами конца XVIII—начала XIX века для имитации народных размеров.

Следовательно, объединение и систематизация подлинно фольклорных произведений о Суворове, анализ их исторического содержания, оценка обрисованного в них образа великого полководца как одного из любимых народных героев прошлого остаются чрезвычайно актуальной задачей советской науки. Предлагаемая работа является одной из попыток ее решения.

2

Народные песни о Суворове сохранили достаточно полную картину исторической обстановки, в которой он жил и действовал. Они отметили обе войны с Турцией, участником которых был Суворов (1769—1774 и 1787—1791); в них говорится о взятии Варшавы, осуществленном под руководством Суворова (1794); отражено также участие русской армии во главе с Суворовым в войне против Наполеона (1799).

Разумеется, народные песни не упоминают дат, но они, подобно более ранним произведениям о Северной или о Семилетней войне, насыщены конкретно-историческими подробностями. Обычно указывается место действия, которое сразу позволяет увидеть описанное в песне событие в исторической перспективе. Раненый Суворов лежит в палатке под Очаковым; русское войско собирается под Бендерами, где к нему выходит сам Суворов; солдаты возвращаются на родину, побывав под Варшавой, и т. д. Ту же функцию «вехи», указывающей на историческую связь и последовательность событий, выполняют встречающиеся в песнях имена русских государей, во время царствования которых происходили войны с турками или французами (Екатерина, Павел), или упоминания о противниках Суворова (турецкий султан, его визирь, Наполеон Бонапарт).

Историческое приурочение известных нам песен о Суворове не представляет в большинстве случаев каких-либо затруднений, которые так часто встречаются по отношению к песням XVI—XVII веков. Однако, являясь более поздним этапом в развитии исторической песни и поэтому часто в более наглядной форме сохраняя очертания событий, послуживших канвой сюжета, произведения о Суворове вовсе не измеряются лишь критерием абсолютной исторической точности. Для них характерен тот же художественный метод, что и для исторической песни вообще: сочетание подлинных фактов с поэтическим домыслом.

Роль поэтического вымысла в суворовском цикле проявляется прежде всего в расширении хронологических и исторических рамок деятельности героя. Положительный герой народного творчества очень часто переносится в условия более ранних или более поздних эпох, вплоть до появления совершенных анахронизмов с точки зрения историка. Так, Ермак — покоритель Сибири оказался вместе с Иваном Грозным под стенами Казани.

⁶ Киреевский, IX, стр. 319—320.

Стремление расширить масштабы деятельности героя, увеличить количество его воинских подвигов привело к некоторым аналогичным явлениям в суворовском цикле. Суворов начинает играть решающую роль в прусской войне, в которой он хотя и участвовал, но в качестве еще молодого офицера, только начинавшего свою службу. Он появляется в песне о Гросс-Егерсдорфской битве как руководитель войска, тогда как в действительности в этом сражении он не принимал участия. Он фигурирует в некоторых вариантах песни о письме прусского короля, которое якобы послужило поводом для начала военных действий, в качестве представителя самого народа, в уста которого вкладывается описание боевой готовности армии.

В результате того же творческого процесса Суворов иногда оказывается командиром одного из двух полков, возвращающихся после победы над французом. Смертельно раненный «генералушка» Суворов просит похоронить его на перекрестке трех дорог. В основе этой лиро-эпической песни лежат события Отечественной войны 1812 года: возвращение двух полков Оренбургского казачьего войска и смерть полковника Белякова. Но вытесняющий исторически реального Белякова образ Суворова появляется в некоторых вариантах песни не случайно. Это связано и с изменением всей окраски образа, приобретающего общенародный, а не только местный, специфический оттенок.

Другой формой проявления того же творческого процесса является приурочение лиро-эпической песни, не связанной с определенными событиями, но глубоко и эмоционально раскрывающей внутренний мир народного героя, к одному из популярных исторических деятелей. Так вошла в пушкеевский цикл песня «Не шуми ты, мать зеленая дубравушка» или в разинский — девичья лирическая о вороне, приносящем весть о гибели милого. По тем же причинам задушевная песня о возвращении смертельно раненного доброго молодца из похода и полной драматизма встрече его с матерью превратилась в выражение народной скорби по поводу смерти Суворова:

Что Суворов-князь на руках несут,
Ворона его коня в поводу везут,
Его цветное платье в тороках везут.
Мимо города, мимо Киева,
Мимо крепости государевой.
Увидела его родна матушка,
Выходила она на красно крыльцо,
Говорила ему, чаду милому:
«Ты зачем, пошто пьян напиваешься,
Зелена ты вина упиваешься?»
— «Я не сам-то собой пьян напивался,
Напоил меня злой прусский король,
Не вином поил, свинцом-порохом,
Он хмелил меня из медной пушечки».⁷

И в произведениях, непосредственно связанных с жизнью и деятельностью Суворова, и в песнях, отдельные варианты которых постепенно прикрепились к этому образу, наглядно выступает относительная немногочисленность упоминавшихся выше исторических «вех». Войны, в которых участвует Суворов, описаны очень сжато, последовательный ход военных

⁷ Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952, стр. 178 (в дальнейшем: Гуляев).

событий, как правило, не изображается. При сопоставлении с идейно и художественно близкими более ранними циклами о шведской или прусской войне, а также с более поздними об Отечественной войне 1812 года эта особенность песен и преданий о Суворове выступает вполне заметно.

При изображении Северной войны народное творчество стремилось показать не столько искусство Петра-полководца, сколько первые боевые успехи молодой армии, ее закалку, создание русской военной техники. Цикл о Семилетней, или, по терминологии фольклора, «Прусской» войне, в котором сочувственно отмечена деятельность ряда ее участников, как бы воплотивших в себе стойкость и мужество всей армии, в основном ставит своей задачей разоблачение предательской политики правящих верхов. Он весь пронизан стремлением противопоставить мужество армии, восхищавшее даже ее противников, нерешительной, а то и прямо изменнической тактике военного руководства. Противопоставление активной роли народных масс пассивности царя и дворянства содержится и в песнях об Отечественной войне 1812 года, послужившей предпосылкой для мощного нарастания антикрепостнических народных движений первой половины XIX века.

Песни и предания о Суворове в отличие от перечисленных, близко соприкасающихся с ними произведений русского исторического фольклора не дают полного представления о ходе событий, причинах возникновения и политических особенностях той или иной войны. Больше того, войны и походы часто смешиваются, объединяются. Так, первая и вторая турецкие кампании Суворова окончательно слились в одну «турецкую» войну, многочисленные его противники чаще всего объединяются в собирательный образ «турка», «визира», «апаши».

Эта особенность суворовского цикла не говорит о бедности его исторического содержания. Сжатость в показе военных событий, скупость исторических «вех» имеют свои причины. Прежде всего следует учитывать, что войны, в которых довелось участвовать великому полководцу, разыгрывались обычно за рубежами России, не на родной земле, а вдали от нее. Ни одна из этих войн не имела национально-освободительного характера, не сопровождалась нашествием захватчиков на русскую землю и не завершилась изгнанием и полным разгромом интервентов.

Не столько сами по себе войны второй половины XVIII века, не имевшие исторически такого большого значения для народа, как Северная война или 1812 год, сколько военный гений Суворова, новаторство провозглашенных им положений в области военного искусства приобрели огромное значение и интерес в глазах народа. В соответствии с этим совершенно правильным истолкованием событий на первом плане в устных преданиях и песнях оказалась личность великого полководца, а сами события послужили для нее лишь скупым намеченным фоном.

Решая свою основную художественную задачу раскрытия образа великого полководца, создатели народных песен и преданий ограничились лишь самыми общими указаниями на военно-историческую обстановку, но зато привлекли в очень большом количестве факты историко-биографического характера. Суворовский цикл отличается от других предельно сжатым и обобщенным изображением самих военных событий, но еще разительнее — богатством, правдивостью, сохранностью черточек подлинной биографии основного героя.

Самые сюжеты песен как бы фиксируют важнейшие этапы военной службы Суворова. Он появляется под осажденным Очаковым; он руководит преследованием разбитых турок; он собирает и воодушевляет войско,

готовясь к трудному походу на «ворога-француза». Песня рассказывает о ранении Суворова в бою:

Ой да, не вечерняя эта звездочка,
 Да звезда она высоко взошла,
     Осветила эта звездочка,
     Осветила поля чистая.
 Как во этом-то да во полюшку
 Да стоят белаи палатушки.
 . . . . .
     Как во этих-то во палатушках
     Да лежал русский больно раненый,
 Ну, лежал русский больно раненый,
 Да и тот батюшка Суворов наш.⁸

Во многих песнях подчеркивается простота вкусов и привычек Суворова, его готовность разделить с солдатами все тяготы и лишения походной жизни, все трудности «службы государевой». В одной из старинных солдатских песен, построенной в форме обращения к самому Суворову, от имени солдат провозглашается:

Ты военностей не тужишь,
 Рад хучь в воду и огонь.⁹

Суворов появляется перед войском без свиты, сам отдает приказания, командует «фрунтом» с помощью своей «камышовой палочки».

Еще богаче биографическими подробностями, показывающими скромность и доступность Суворова, необычайное обаяние его личности для простого русского человека, многие предания. Одним из источников преданий о Суворове были устные и печатные анекдоты о нем, существовавшие в XIX веке.¹⁰ Печатные источники способствовали как распространению, так и устойчивости устных рассказов. В последних часто говорится о неприхотливости Суворова, о близости его вкусов и привычек к народным. Он не любит серебряной и медной посуды, ест, как простой солдат, деревянной ложкой из глиняной чашки, не ездит в экипаже или верхом, а идет пешком впереди своих солдат.¹¹ Суворов отправляется в путь в мужицкой одежде, под которой скрыто форменное платье. «На полководце сверху одежда была простая, а под низом форменная, военная. Где Суворова принимали ласково, а где-ка с руганью. „Куда ты, солдат, торопишься? Ты, старик, не жениться ли собираешься?“ А Суворов рассмежится и ничего боле не скажет».¹²

Суворов сам ходит проверять караулы, охотно беседует с простыми солдатами и казаками, восхищается их смекалкой и находчивостью: «Суворов и спрашивает казака: „А ну-ка, казак, скажи мне — далеко иль близко до небушка?“. Казак без запинки Суворову отвечает: „Нет, не далеко. Если бы далеко было, так грома не было бы слышать, а раз гром слышать, значит близко. Из пушки палят — за пять верст слышно, значит и до неба не дальше будет“. Обнял тут Суворов казака, расцеловал, очень ему ответ понравился».¹³

⁸ А. Н. Листопадов. Донские исторические песни. Ростов н/Д., 1946, стр. 88.

⁹ Киреевский, IX, стр. 325.

¹⁰ Василий Левшин. Собрание писем и анекдотов, относящихся до жизни Суворова. М., 1814; В. Ф. Потапов. Новые анекдоты батюшки Великого Суворова. М., 1846, и др.

¹¹ Бирюков, стр. 32.

¹² Крюкова, стр. 140.

¹³ «Сметка не шутка». Записано Б. С. Лащилиным от казака К. А. Земцова («Литературный Саратов», альманах, XIII, 1951, стр. 191—192. В дальнейшем: Лащилин).

В преданиях сохранилось также воспоминание о царской опале, постигшей Суворова, и о том, что он был призван снова стать во главе армии уже в преклонном возрасте: «Сам сухонький, уж восемьдесят пять годов будет».¹⁴

Все эти правдивые подробности, вполне подтверждающиеся воспоминаниями современников, биографами Суворова, его собственными письмами и высказываниями, отобраны народным творчеством под определенным углом зрения. Все они подчинены задаче создания образа, сочетающего грандиозный размах руководителя русской армии с народностью взглядов, привычек, вкусов, с демократизмом поведения и мышления. Индивидуальные, неповторимые черточки характера Суворова приобретают обобщенное, типическое значение, превращаются в средство раскрытия образа народного положительного героя.

Отбор и некоторое поэтическое преувеличение документально-биографических данных, касающихся личности Суворова, не исключают, а предполагают и дополнение их посредством вымысла. В характеристике личности Суворова, как и в определении исторических границ его деятельности, народное творчество сочетает важнейшие факты и выдумку, помогающую раскрыть их внутренний смысл и значение. Таким вымыслом является встреча раненого Суворова со своей матушкой; просьба Суворова к солдатам похоронить его на перекрестке трех дорог; ответ, который он дает на дерзкое письмо прусского короля или на похвальбу турецкого султана.

В песнях вымышленные ситуации и картины обычно не приобретают фантастических очертаний. Они нужны для показа Суворова как представителя самого народа и в особенности для завершения всей его поэтической биографии. В песнях о смерти Суворова историческая правда окончательно уступает место правде художественного мышления народа. Великий полководец не погибает от старости и болезни. Он умирает смертельно раненный врагами, от которых защищал родину; умирает окруженный своими боевыми товарищами. Его смерть предчувствуется и предсказывается силами самой родной природы, изображается на ее величавом поэтическом фоне:

На кресте сидела мала пташечка,
Мала пташечка, млад сизой орел,
На кресте сидел — далеко глядел,
Далеко глядел — во чисто поле,
Во чисто поле, за сине море,
В землю шведскую, в землю турецкую.
Там шли-прошли три полка солдат.
Уж как первый полк во трубы трубил,
А второй-то полк в барабаны бил,
Уж как третий-то полк шел не в радости,
Что Суворов-князь на руках несут.¹⁵

Процесс превращения реального исторического деятеля в эпического героя, образ которого, сохраняя свою неповторимую индивидуальность и даже конкретно-биографические черты, дополняется в то же время традиционными мотивами, обобщенными картинками и символическими пейзажами, можно проследить и на материале преданий. В отличие от исторической песни предание, родственное по своей художественной природе другим сказочным жанрам, часто прибегает к совершенно фантастическим образам и положениям.

¹⁴ Бирюков, стр. 34.

¹⁵ Гуляев, стр. 178.

Наряду с документально точными в своей основе преданиями о Суворове, проверяющем часовых, посещающем отставного солдата, который когда-то вынес его, раненого, с поля битвы, побеждающем в далеких неприступных горах несметное вражеское войско, существуют солдатские и крестьянские легенды с яркой фантастической окраской. Особенно обильны фантастикой дореволюционные записи преданий, бытовавших в старой деревне.

Многие предания о Суворове разрабатывают традиционный для старого эпоса мотив чудесного рождения. В ночь рождения Суворова на небе появляются «красные хвосты»; таинственный странник, нашедший в доме родителей Суворова гостеприимный приют, одаряет новорожденного счастьем и удачей; мужичок ночью встречает незнакомого путника, который сообщает ему, что «родился такой ребенок на земле, какого не видывал свет».¹⁶

Другая группа преданий посвящена теме неуязвимости Суворова, которого не могут сразить ни пуля, ни меч, а также его чудесной способности предвидеть будущее: накануне сражения он уже знает, кому суждено остаться в живых, а кому погибнуть. Бог дал ему «змеиную мудрость», ему были известны заранее все планы и намерения врагов. По глазам Суворов проникал насквозь в душу каждого человека; у кого совесть нечиста, тот не смел взглянуть прямо в глаза Суворову.¹⁷

Фантастические образы приобретают подчас в преданиях такого типа суеверную и религиозную окраску, отражая тем самым слабые стороны патриархального крестьянского мышления. Но не суеверные представления и религиозные верования, навязанные народу многовековой пропагандой христианской церкви, определяют основную идейно-художественную направленность подобных произведений. В основе этих образов лежит та же идея величия патриотической деятельности Суворова и необычайного обаяния его личности, то же чувство восхищения и преклонения перед ним, которые выражаются во всем устно-поэтическом цикле. Поэтому фантастические черточки не противоречат общему исторически правдивому характеру народных произведений о Суворове.

3

Как на основе подлинных исторических и биографических фактов, так и с помощью поэтического вымысла, подчас принимающего фантастические размеры, народное творчество создавало целостный образ замечательного человека и выдающегося полководца. Отметив простоту и доступность Суворова, подчеркнув размах и величие его деятельности, устная поэзия с особенной силой и настойчивостью выдвинула и разработала проблему отношений полководца с солдатской массой. Песни и предания неизменно показывают тесную связь Суворова с «солдатушками», непосредственную его близость к армии и неустанную заботу о благополучии и воинском духе рядового солдата.

В песнях о Суворове постоянно повторяется одна и та же сюжетная ситуация: появление полководца перед войсками и его речь, обращенная к солдатам. Она встречалась и раньше, в применении к Петру Первому и песням о Северной войне, но никогда не выдерживалась с такой последовательностью и не определяла в такой степени композицию всего песенного

¹⁶ Е л и с е е в, стр. 338.

¹⁷ Там же, стр. 340—343.

цикла. Теперь она становится основой сюжетного развития лучших песен о Суворове. Завязкой в них служит описание сборов войска, кульминацией — обращение Суворова к солдатам и развязкой — выполнение солдатами боевых задач, поставленных перед ними. На Дунае Суворов просит казаков «скрасть турски караулы», что они и выполняют, подготавливая этим взятие турецкой крепости. На берегах Черного моря Суворов велит солдатам «мостить плоты широкие» для переправы в «злую туречину», после чего были разгромлены остатки неприятельской армии. Перед походом в чужие страны на Бонапарта Суворов призывает русских воинов свято выполнить свой долг и добраться до «ворога-француза».

Этот широко распространенный принцип композиции песен суворовского цикла свидетельствует не о бедности художественных форм поздней исторической песни и не о механическом применении традиции. Песни о Суворове постоянно прибегали к единой сюжетной ситуации потому, что эта ситуация была для его деятельности типической. Она давала возможность раскрыть самую сущность военного учения, созданного Суворовым, — учения, выдвигавшего на первый план заботу полководца о моральном духе армии.

Своеобразие и значение этих прогрессивных традиций русского воинского искусства, неразрывно связанных с именем Суворова, прекрасно показал в одном из своих выступлений М. И. Калинин: «Всемирно известные полководцы не были только мастерами стратегии и тактики. Нет, они знали и дорогу к сердцу своих солдат, своей армии. Они были мастерами высокого духа войск, умели вселять в душу солдата прочное доверие к себе. Такими были, например, Суворов, Кутузов и целый ряд других более или менее крупных полководцев».¹⁸

Именно таким «мастером высокого духа войск» рисуют Суворова народные песни. Суворов — не удалец, действующий в одиночку, не лихой разведчик, лично совершающий смелые вылазки в стан врага, подобно Краснощекову или Платову — казачьим героям, подвиги которых воспеты народной песней. В его лице изображен и не носитель государственной власти, опирающийся на войско, карающий бояр и князей, как Иван Грозный или Петр Первый. В образе Суворова на первый план выступают черты военачальника, умеющего воодушевить армию, поставить перед ней определенную боевую задачу, рассчитывать и предугадать результаты военных действий. Так, в одной из песен, бытовавших среди казачества, Суворов обращается к противнику. Он требует капитуляции турок и излагает свой план боевых действий, предусматривающий все возможные варианты войны:

«Ой да, ты турецкий славный Апашура,
Отдай, отдай наши крепости,
Ой да, не отдашь ты наши крепостечки,
Мы их штурмом, штурмом возьмем,
Ой да, если приступом не одолеем,
Фланкировкой к тебе пойдем».¹⁹

Некоторые легенды удачно дополняют в этом же направлении образ великого полководца. Суворов высоко ценит тяжкий воинский труд солдата, заботится о его нуждах, стремится сохранить его жизнь и одержать победу «малой кровью». Крестьянская легенда «Суворов и мезенский солдат», например, рассказывает о том, как фельдмаршал приехал на дале-

¹⁸ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1951, стр. 95.

¹⁹ Народное творчество Дона. Ростов н/Д., 1952, стр. 119.

кий север навестить отставного солдата и узнать, не нуждается ли старый боевой товарищ.²⁰ Уральское предание «Переход через горы» так описывает победу Суворова над превосходящим по численности неприятелем: «Суворов тем временем на гору со своими тремя тыщами забрался, да как на „ура“ пошел, всех врагов разбил: тридцать пять тысяч убил, двадцать пять тысяч в плен взял, а потом пошел и двадцать пять городов еще у неприятеля взял и всю его орудию взял. А своих солдат совсем мало положил».²¹

Народное творчество отметило также огромный военный опыт, необычайную проницательность и находчивость Суворова-военачальника. Он умеет найти правильное решение и осуществить его, опираясь на солдатскую массу, в самой сложной, самой трудной обстановке. В той же уральской легенде «Переход через горы» рассказывается, как, очутившись перед неприступными вершинами, Суворов велит рубить сосны, делать козлы и на веревках поднимать в гору солдат и даже пушки. В одной из лучших известных нам песен о турецкой войне поется о том, как русские солдаты, преследуя войско турецкого султана, оказались на берегу моря, у них нет ни лодочки, ни кораблика. «Закручинились», «приздумались» солдатушки, и в эту трудную минуту появляется перед ними Суворов и организует переправу:

Как выходит тогда ко солдатушкам
Енерал седой, да Суворов-князь,
Да как глянул он на солдатушек,
Веселешенько улыбаючись:
«А пошто, мои детоньки, приздумались?
Али устрашились моря синего?
А за морем силы неверные?»
«— Ой ты гой еси, да Суворов-князь!
Командир ты наш начальничек!
Не страшна-то нам сила вражия,
Сила вражия, зла туречина;
Да страшно-то нам окиян-буян,
Окиян-буян море синее,
Нет на море том перевозчика,
Ни весельца-то да ни лодочки».
Уж как гаркнет тут Суворов-князь:
«Ой вы гой еси, братцы-солдатики!
Вы снимайте-ко со плеч ранцы тяжелые,
Уж и ставьте-ка в козлы ружья меткие,
Вы берите-ка топорики острые,
Вы плотите-ка мосты-плоты широкие».
Что не гул гудит по поднебесью,
Что не шум шумит по темным лесам,
То плывет-летит наша армия.²²

Смелость и находчивость в решении сложных задач боевой обстановки Суворов сочетает с искусным применением военной хитрости. Он предвидит действия неприятеля и умеет провести его. По преданию об альпийском походе, Суворов, прибыв на место сражения, приказывает сделать три тысячи камышовых снопов, на каждый сноп надеть солдатскую фуражку и поставить на линии против неприятеля. «А неприятель смотрит, что такое: солдаты стоят на берегу и нейдут против него. Струсил, видно. Сколько-то неприятели постреляли, пошли купаться».²³ Обезоружив про-

²⁰ Крюкова, стр. 140—142.

²¹ Брюков, стр. 36.

²² Шейн, стр. 131.

²³ Брюков, стр. 36.

тивника этой хитростью, Суворов внезапно обрушивается на него с гор, откуда меньше всего ждали приступа.

Разработанный коллективным творчеством многосторонний и в то же время совершенно целостный образ великого полководца дополняется еще одной чертой, издавна свойственной народному представлению о герое — «стоятеле» за родную землю и вполне исторически оправданной по отношению к Суворову. Ласковый и добрый к «солдатушкам», Суворов страшен и грозен для врагов России. Он не дает спуска ни «ворогу-французу», ни «злым туркам». «Сухонький старичок», «седой енерал» превращается в грозного богатыря, когда узнает о замыслах захватчиков. Изображая отпор Суворова врагам, песни, в целом характеризующиеся вполне реальными масштабами событий и довольно точными описаниями, охотно прибегают к поэтической гиперболе. Самое имя Суворова, как это показано в одной из солдатских песен, приводит в ужас его противников:

Как Аршав-город узнала,
Что Суворов к ней идет,
Воздохнул тязко Аршава,
Все заплакали места:
«Лучше сквозь земли протить,
От Суворова уйтить».²⁴

Гиперболическими образами, близкими в данном случае к былинному стилю, что объясняется уже индивидуальными особенностями сказительницы, пользовалась при описании гнева Суворова М. С. Крюкова, которая исполняла одну из старинных песен о турецкой войне:

Тут не люто зелье разгорелось,
Богатырско сердце растреложилось,
Могучи плечи да сшевелилисе,
Лепота в лице перемениласе,
Он топнул в землю ногою правою,
Возмахнул своей рукою белою,
Поперек слово сказал да платком слезы утирал:
«Не бывать же вам, злодеи, в каменной Москве,
Не живать же вам, злодеи, в Петенбурхе славном городе».²⁵

Уже в самом отборе событий, на фоне которых выступает Суворов, и его свойств как человека и полководца вполне отчетливо выступает высокая оценка народом его заслуг перед родиной. Отбор типических, с точки зрения трудовых масс, обстоятельств и столь же типических качеств героя подкрепляется эмоциональной оценкой. Последняя обычно окрашивает символические пейзажи, прикреплённые к данному герою эпитеты, выступает в самом строе речи и в специфических для языка фольклора уменьшительных и ласкательных формах слов. В содержании и стиле суворовского цикла с большой силой проявляется искренняя любовь солдат, казаков, крестьян к гениальному человеку, покрывшему бессмертной славой русское оружие, и законная гордость его величием. Народные песни сопровождают образ Суворова трогательными эпитетами «седого генералушки», «батюшки», неизменно подчеркивают, что это — «наш Суворов», «сам Суворов». Появление его перед войском — радостное и незабываемое событие для солдат:

Как у нас было за городом за Вендерой,
Не две тученьки, не две грозные, они выкатались,

²⁴ Киреевский, IX, стр. 325.

²⁵ Крюкова, стр. 144.

Выкаталася сила-армия во чистое поле,
 Во чистое поле — в широкое раздолье.
 Выходил тут сам-ат батюшко граф Суворов,
 Камышевой своей тросточкой он комендует:
 «Становитесь вы, солдатушки, по правому фланку,
 Вы берите, ребята, и не робейте,
 Своих белых рук не жалейте!».²⁶

Отношение солдатской массы к Суворову еще более непосредственно и наглядно выражено в уральском предании «Знаменитый полководец». «Солдаты его любили, как отца родного. Он переодевался в другую одежду и ходил по казармам, по полкам, спрашивал у солдат: — Ну, кто у вас командиром? — Суворов! — говорили солдаты. — Суворов? Наверно плохой какой-нибудь человек? — Убирайся отсюда, пока цел! Мы дадим вот тебе! Плохой командир! Да он отец наш родной — вот кто Суворов-то! — говорили ему солдаты. Они не узнавали его, переодетого-то!».²⁷

В связи с этим отношением солдатской массы к Суворову вырабатывается еще один характерный принцип композиции песен, входящих в цикл, посвященный великому полководцу. Некоторые песни этого цикла, менее многочисленные, чем песни, показывающие его перед войском в боевой обстановке, но все же достаточно широко распространенные, имеют форму славословия в честь Суворова:

Ночи темные, тучи грозные
 По поднебесью плывут.
 Наши храбры астраханцы
 С ученьца идут.
 Они идут скорым маршем,
 Меж собою говорят,
 Меж собою говорят же,
 Все Суворова хвалят.
 «Князь Суворов идет с нами,
 Нам и смерть с ним не страшна!
 Он отец нам всем военным,
 Победитель городам! ..».²⁸

В здравицу Суворову выливается и неоднократно упоминавшаяся песня о взятии Варшавы, записанная П. В. Киреевским. Разумеется, здесь заметно воздействие славословий, расточавшихся авторами литературных солдатских песен, но это воздействие в процессе массового бытования соединялось с возрождением традиции народных величальных и подчинялось последней. Славословия теряли риторический характер и приобретали подлинно народную направленность, выдвигая на первый план заботу Суворова о войске и привязанность войска к нему.

Изучение имеющихся данных об исполнителях песен и устных рассказов о Суворове и само по себе содержание и оформление этих произведений указывают, что в первоисточнике они, как правило, восходят к солдатской среде. Суворов стал героем устного солдатского творчества еще при жизни. «Он был еще жив, — свидетельствует биограф Суворова, — но имя его уже стало достоянием легенды. Новобранцы, приходя в полк, жадно слушали

²⁶ Киреевский, IX, стр. 260.

²⁷ Бирюков, стр. 33.

²⁸ Былины и песни астраханских казаков, вып. II. Собр. А. А. Догадин. Астрахань 1911, стр. 11. В тексте Догадина прославляется Кутузов, но, по указанию собирателя, ту же песню поют и с именем «Суворов», что позволяет ссылаться на нее.

бесконечные рассказы ветеранов о любимом полководце».²⁹ В своей основе цикл, посвященный Суворову, складывался, таким образом, в конце XVIII—начале XIX века, постепенно переходя из среды солдатской в казачью, крестьянскую, и рабочую (записи Листопадова, Киреевского, Елисеева и Бирюкова).

Для эпохи, к которой относится оформление суворовского цикла, характерно резкое нарастание антикрепостнических настроений. Отзвуки движения Пугачева, крестьянских бунтов в военных поселениях, восстания Семеновского полка питали народное творчество, вносили в него мощную струю социального протеста. Песни и предания о Суворове создавались почти одновременно с пугачевским фольклором и бытовали параллельно с гневно-сатирическими песнями об аракатеевщине и проникнутыми чувством возмущения плачами о расправе с семеновцами. Патриотически осмысляя тяготы военной службы, подчеркивая, что полководец Суворов в благородном деле защиты родины опирается на любовь и поддержку армии, народные произведения критически воспринимали социальную действительность, антикрепостнические настроения вносились в военно-героическую тематику.

Идеальный образ великого полководца изображался на темном фоне крепостнического произвола и противопоставлялся ненавистному правящему классу. Песни и легенды особенно отметили справедливость и неподкупность Суворова, его недоброжелательное и насмешливое отношение к продажной придворной знати. «Встретился как-то Суворов с офицером. Был он, этот офицер, из барской, дворянской семьи, неженка такой да недотрога. И решил его Суворов попытать, каков он из себя умом».³⁰ Так начинается предание «Сметка не шутка», повествующее о полном посрамлении барчонка и награждении Суворовым простого казака за смекалку и находчивость.

Необычайный для того времени демократизм взглядов и поведения Суворова, его кристальная честность и привязанность к своим «чудо-богатырям» резко отличали его в глазах народа от большинства военачальников крепостнической эпохи, когда карьеризм, казнокрадство и лихоимство были широко распространены в дворянской офицерской касте. Как бы противопоставляя Суворова начальникам, жившим «неправдою», солдатская песня провозглашала:

Здравствуй, здравствуй, граф Суворов,
Что ты правдою живешь,
Справедливо нас, солдат, ведешь!³¹

Тебя правда украшает,
Ты и хочешь с нею помереть,
Тебя златом-серебром прельщают,
Ты не хочешь на него смотреть.³²

То же противопоставление народного полководца всему дворянству, заблуждающемуся и в мирное время, и на войне лишь о своих корыстных, эгоистических интересах, вносится ретроспективно в некоторые варианты песен о Гросс-Егерсдорфской битве. Ее участниками становятся не только Румянцева и Лопухин, но и Суворов, и Потемкин. В качестве олицетворения

²⁹ К. Осипов. Александр Васильевич Суворов. Рига, 1949, стр. 227.

³⁰ Лашилин, стр. 191.

³¹ Киреевский, IX, стр. 326.

³² Песни оренбургских казаков, вып. I. Собр. А. И. Мякутин. Оренбург, 1904, стр. 66.

произвола и измены помещиков часто выступает царский любимец Потемкин; в таких случаях ему противостоит обремененный доверием народа и армии Суворов, который добивается полной победы:

Вот Потемкин-генерал
В своем полку не бывал.

А Суворов-генерал . . . . .
Свою силу утверждал,
Мелки пушки заряжал,
Короля во полон брал.³³

Все рассмотренные выше отдельные стороны народно-поэтической биографии Суворова сливаются в самих песнях и преданиях в единое художественное целое. Народное творчество правдиво запечатлело облик Суворова как облик мужественного защитника родины, справедливого и неподкупного человека.

Дореволюционные песни и предания о Суворове, при наличии отдельных элементов крестьянской ограниченности (религиозно-мистические представления, некоторые следы «царистских» иллюзий), неразрывно связаны с народным патриотическим и демократическим мировоззрением и в этом смысле принадлежат к ценным для нас образцам классического фольклора. Суворовский цикл впитал в себя лучшие традиции более ранней исторической песни. Он обогатил новыми конкретно-историческими чертами образ идеального полководца, подняв этот образ на более высокий уровень художественной типизации. Неповторимо-индивидуальные черты облика Суворова подкрепляют и подчеркивают типическое содержание образа идеального полководца — носителя лучших свойств национального характера.

Этот образ оказал значительное воздействие на дальнейшее развитие русской народной военно-исторической песни. В частности, несомненная идейно-художественная преемственность связывает песни и предания о Суворове с позднейшим циклом об Отечественной войне 1812 года и центральным для этого цикла образом Кутузова. Полководец Кутузов также охотно изображается в положении командира, воодушевляющего войско; в его характере также подчеркиваются забота о простом солдате, воинская мудрость, бесстрашие перед врагом. На Кутузова иногда непосредственно переносятся предания, созданные первоначально о Суворове (рассказы о даре чудесного предвидения). В его уста вкладываются дружеские обращения к солдатам, сложившиеся и отшлифовавшиеся в песнях о Суворове. Подобная идейно-художественная преемственность подчеркивает преемственность историческую: Кутузов — один из лучших учеников Суворова, достойный наследник и продолжатель традиций русского воинского искусства.

Некоторые сюжетные ситуации и образные параллелизмы песен суворовского цикла впоследствии неоднократно использовались народным творчеством для показа событий военной истории XIX века. Так, популярные в XIX столетии, оразившие новые войны с Турцией песни «Ночи темные, тучи грозные» и «Не туманчик с моречка поднялся» (о взятии Плевны в 1878 году) восходят к более ранним солдатским песням о победах Суворова.

В процессе дальнейшего живого бытования образ Суворова был не только воспоминанием о славном прошлом, но и художественно закрепленной

³³ Булатов, стр. 34.

нормой, героем-образцом для певцов и слушателей. Как и всякий действительно положительный герой произведений искусства, этот образ вызывал не только пассивное восхищение, но и активное стремление подражать ему и тем самым приобретал большое «социально-педагогическое», по определению А. М. Горького, значение.

4

Вместе с другими произведениями классического фольклора песни и предания о Суворове перешли в устно-поэтический репертуар советского народа. Небывалое повышение политического и культурного уровня трудящихся масс в условиях советского государства сказалось и в том, что к поэтическим отголоскам исторического прошлого народные массы стали относиться по-новому. Героические образы родного эпоса стали восприниматься в свете новых настроений и чувств, прежде всего в свете животворного советского патриотизма, воспитанного в советских людях коммунистической партией.

Образ Суворова не только не потускнел в народном сознании, но стал вырисовываться еще полнее и идеологически отчетливее, чем в старом фольклоре. Историческая роль Суворова широко пропагандировалась советской наукой через школу, печать. В советской армии, начиная с самого ее возникновения, славные суворовские традиции использовались для воспитания и закалки бойцов. В первую служебную книжку красноармейца, изданную в 1918 году за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова, было включено 10 лозунгов-обращений из суворовской «Науки побеждать».

Особенно повысился интерес к героическим мотивам народного творчества в период Великой Отечественной войны.

Многочисленные свидетельства фольклористов-собирателей показывают, что актуальность старых исторических песен, преданий, поговорок значительно повысилась в глазах как исполнителей, так и слушателей в годы Отечественной войны. «Влияние войны прежде всего выражается в тяготе современных сказочников к героической богатырской сказке, повествующей о подвигах богатырей, их борьбе с врагами русской земли... В песенном репертуаре нарымчан в дни Великой Отечественной войны нами отмечен усиленный интерес к исторической песне», — сообщает собиравший нарымский фольклор в 1942—1943 годах И. И. Париров.³⁴

Возрождение старой героической сказки и песни в их лучших образцах закономерно отражало настроения советского народа. В науке, публицистике, литературе и искусстве также с особенной остротой и силой зазвучала тема героического прошлого русского народа. О славных традициях боевого прошлого напоминал в своей речи 7 ноября 1941 года И. В. Сталин: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова».³⁵

Представители воинских частей Ленинградского фронта в 1941—1942 годах возлагали цветы на могилу Суворова в Александро-Невской лавре. Именем Суворова назывались партизанские отряды, боевые танки. Афоризмы суворовской «Науки побеждать», давно уже превратившиеся в крылатые слова солдатского лексикона, приобрели исключительную популяр-

³⁴ И. Париров. Влияние Великой Отечественной войны на фольклор. «Сибирские огни», 1946, № 1, стр. 153—154.

³⁵ И. В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946, стр. 46.

ность и стали применяться как фронтовые пословицы («Воюют не числом, а умением», «Каждый воин должен знать свой маневр» и др.).

В 1942 году Президиум Верховного Совета СССР постановил учредить военный орден Суворова трех степеней. В 1943 году Советское правительство приняло решение об организации специальных военных училищ, получивших название суворовских.

Все эти факты, непосредственно пережитые и прочувствованные певцами и рассказчиками нашего времени, активными участниками Отечественной войны, не могли не отразиться на их творчестве. Со свойственной современным знатокам и любителям фольклора целеустремленностью и тяготением к политической злободневности они припоминали и перерабатывали слышанные когда-то песни и предания. Не случайно именно в 1943 году был записан от М. С. Крюковой текст песни «О хитрости Суворова», в 1944 году от нее же — предание «Суворов и мезенский солдат». К 1946—1947 годам относятся записи легенд о Суворове от бывших солдат старой армии, сделанные В. П. Бирюковым на Урале.

Все эти произведения восходят к старому солдатскому фольклору о Суворове и в то же время значительно от него отличаются по своему идейному содержанию и художественной форме.

Наметившаяся еще в конце XVIII—начале XIX века демократизация образа Суворова, которая выразилась в подчеркивании простоты его внешнего облика и поведения, а особенно в противопоставлении его «генералам», представителям господствующего класса, со временем неизменно возрастала. В легендах, записанных в годы Великой Отечественной войны и непосредственно после ее окончания, превращение полководца Суворова в героя, вышедшего из самой народной массы и органически связанного с ней, выступает уже с полной очевидностью.

Уральская легенда, записанная в 1946 году от старика Я. А. Сверлова, бывшего солдата царской армии, повествует, что Суворов «в деревне жил простым мужиком, пашню пахал. Было у него две лошадки — каряя и саврасая». Царица посылает за ним полковника да подполковника, которые, спрашивая деревенских мальчишек, где дом Суворова, слышат в ответ: «Да какой там дом!.. За деревней в землянке живет». Полковники находят Суворова за лесочком, где он пары пахал, и от имени царицы приглашают стать во главе армии. «Что ж, надо послужить народу! — отвечает им Суворов. — Ты, старуха, уж тут допахивай пашню сама, а я поеду».³⁶

В том же направлении дополняется и переосмысливается образ Суворова и в казачьем сказе, записанном Б. С. Лашилиным от казака К. А. Земцова. Убедившись в беспомощности и тупости изнеженного офицера и в уме и смекалке простого казака, Суворов приказывает офицеру скинуть шинель с погонями, делает его рядовым, а казаку жалует шинель и офицерский чин. Если в старых преданиях, близких по теме к сказу Земцова, Суворов уже сочувствовал простым людям и недоброжелательно относился к знати, то здесь он прямо выступает как активный борец с социальной несправедливостью.

Другая особенность советских записей традиционных в своей основе песен и легенд о Суворове — более последовательное и политически заостренное восприятие его как полководца, действующего во имя защиты родины и народа.

Я. А. Сверлов совершенно отчетливо формулирует эту новую оценку любимого образа, изображая в своем рассказе, что Суворовым движет не

³⁶ Бирюков, стр. 34—35.

честолюбие, даже не простое сознание воинского долга, а стремление «послужить народу». М. С. Крюкова, используя обычный для солдатских песен прием дерзкой похвалы «злодеев-турок» «пройти мать-Россеюшку», вкладывает в уста Суворова ответ врагам, замечательный по той отчетливости, с какой выразилась здесь идея обороны отечества:

Мои дети, все солдаты новобранные,
Они со мной в бой пойдут, во сраженьице,
Разобьем врагов и неприятелей,
Не допустим родню земелюшку до поруганьца, —
Не бывать султану турецкому в управителях.³⁷

Новой чертой песен и преданий о Суворове в советских записях является также отсутствие всякого мистицизма. Совершенно исчезает суеверная фантастика всевозможных предзнаменований, пророчеств и неуязвимости.

Параллельно с отбором и обновлением лучших произведений суворовского цикла в период Отечественной войны имели место и попытки создания новых песен и сказаний на традиционной основе.

Беломорская сказительница М. С. Крюкова в годы войны создала ряд героических поэм, объединенных общностью темы защиты родины и единством эпического стиля. Героями этих поэм являются и советские моряки, участники Отечественной войны, и былинные богатыри, и великие полководцы прошлого.

Как обычно для М. С. Крюковой, владеющей огромным репертуаром классического эпоса, она в цикле своих «пропеваний» опирается на былинную традицию. Связанность сказительницы этой традицией мешала ей создать реалистические образы советских моряков, людей новой эпохи, и многие ее «пропевания» скатываются к стилизации. Однако поэма Крюковой о Суворове опирается не столько на былину, сколько на более позднюю солдатскую песню и легенду. Поэтическая техника старого фольклора применена здесь к материалу исторического прошлого и не вступает в противоречие с темой и замыслом. Поэтому сказ о Суворове является одним из наиболее удачных образцов творчества Крюковой.

Сказительница проявила большой художественный такт и вкус, выбрав для сказания о Суворове композиционную форму повествования, вложенного в уста суворовского солдата, одного из его «чудо-богатырей». Такая форма повествования дала Крюковой возможность посмотреть на Суворова глазами беззаветно преданной ему солдатской массы:

Он для нас, Суворов, как отец родной,
С нами он, солдатами, заодно живет.
Заодно живет, военну жизнь ведет.³⁸

Материал для создания образа Суворова Крюкова черпает в значительной мере из запаса старинных солдатских и крестьянских песен и легенд. В сказание Крюковой вошли анекдоты о короле, не узнавшем Суворова, одетого по-солдатски, о неприхотливости Суворова, которому «подают три кушанья енеральские: первое блюдо несут — редька с квасом, друго блюдо несут — редька с маслом, а третье блюдо — редька так». К солдатскому

³⁷ Крюкова, стр. 144.

³⁸ Там же, стр. 93.

преданию восходит и спор Суворова с турецким султаном, чей солдат смелее и послушнее.³⁹

Широко использованы сказительницей хорошо известные ей старые солдатские песни о турецкой войне, польском и швейцарском походах Суворова. Она вплетает в текст своего сказания прямые цитаты из них: «Пели песню они походную: „Тучи темны, тучи грозны по поднебесью идут, наши храбрые солдаты со ученьица идут“», «Там суворовская идет сила-армия, сила-армия, конска гвардия», «У нас есть така солдатская припевочка: „С предводителем таким воевать всегда хотим“». Использование исторических и литературных источников позволило Крюковой значительно уточнить изображение военной обстановки, в которой выступает Суворов. Интересно применены для характеристики Суворова его собственные афоризмы из «Науки побеждать»: «тяжело солдату во ученьицы, а легко ему будет во сраженьицы», «не верь другу любому, а верь глазу правому». Благодаря своему пословичному стилю все эти изречения Суворова естественно вплетаются в ткань повествования Крюковой.

Оно отмечено ярким отпечатком индивидуальности старой сказительницы, можно сказать, прожившей свою жизнь в мире величавых образов русского эпоса. Как и другие произведения мастеров — знатоков традиционного фольклора, ставших на путь самостоятельного творчества, сказ Крюковой уже выходит за рамки общенародного коллективного искусства. Однако важнейшие идейные и художественные оттенки, внесенные Крюковой в свою поэму, характерны и для процесса обновления суворовского цикла в целом. Подобно создателям новых вариантов песен и преданий о Суворове, Крюкова подчеркивает значение суворовских традиций для советской современности:

А и наша славна Красна Армия,
Красна Армия всё богатырская —
Она во бой идет и вспоминает-то,
Вспоминает-то, благодарит всегда
За премудрую науку за суворовску.⁴⁰

Подобное восприятие суворовских традиций не просто как страницы исторического прошлого, а как живого явления наших дней выражено не только в пропевании Крюковой. Оно выступает и в произведениях советского народного творчества, в отличие от «Сказания» Крюковой отмеченных печатью устного массового бытования. Среди гвардейцев-панфиловцев, оборонявших сердце Родины — Москву, среди бойцов Сталинграда и на других фронтах бытовала новая советская пословица: «Суворовский завет свят, гвардейцы насмерть стоят». Та же идея живой связи суворовских заветов с жизнью и борьбой советского народа лежит в основе казачьей легенды «Как Суворов часового проверял».

Записанная Б. С. Лащилиным в Хоперском районе Сталинградской обл. после окончания Великой Отечественной войны легенда⁴¹ сложилась в среде донских казаков, участников битвы под Сталинградом, как и другие, идейно близкие к ней казачьи фронтовые сказы о Платове, Чапаеве, Кирове. Весь этот цикл казачьих боевых сказаний развивает идею бессмертия

³⁹ Этот эпизод Крюкова до Отечественной войны пела как самостоятельную былинку, не связанную с Суворовым. См.: Былины М. С. Крюковой, т. II. Изд. Гос. литературного музея, М., 1941, № 129 («Турецкая война»).

⁴⁰ Крюкова, стр. 103—109.

⁴¹ Б. С. Лащилин. Сказки. «Литературный Сталинград», № 1—2, 1948, стр. 293—294.

любимых народных героев, выдающихся деятелей далекого и недавнего героического прошлого, в которых народ справедливо видит своих помощников и вдохновителей в настоящем.

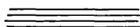
В применении к Суворову мысль о бессмертии любимого героя зародилась, очевидно, еще в старом фольклоре. А. В. Елисеев приводит в своем обзоре легенду, сохранившуюся, по его словам, среди крестьян Боровичского уезда Новгородской губ., неподалеку от родных мест самого Суворова. В нем Суворов изображается седым богатырем, беспробудно спящим в пещере, которая спрятана за глухими лесами и непроходимыми болотами. К сожалению, текст Елисеева подвергся явной литературной правке.⁴²

Старая легенда о спящем Суворове была проникнута суеверно-мистическим колоритом: таинственная пещера, пророчество, что Суворов оживет, когда русская земля покроется кровью по щиколотку боевого коня.

Советский сказ о Суворове построен на совершенно другой идейно-художественной основе. В нем подчеркнута реалистически передается беседа Суворова с часовым — солдатом-сталинградцем, стоящим на ночном карауле. Появление и исчезновение Суворова лишено каких бы то ни было фантастических атрибутов. Он появляется зимней ночью перед часовым; закончив разговор, поворачивается и исчезает в темноте. Приход Суворова становится в советской легенде лишь поэтическим приемом, с помощью которого выражается основная патриотическая идея произведения.

Реалистическая установка советской фронтовой легенды проявляется и в ее живой разговорной речи, и в документально точной передаче обстановки, в которой разыгрывается действие: «Случилось это совсем вскорости после того, как наша Красная Армия немецкого фельдмаршала Паулюса со всем его войском в плен взяла. Бойцы-сталинградцы стали на отдых. Боевую службу и караулы, как полагается, несут честь-честью».

Как новые варианты старых солдатских песен и легенд, так и произведения, дополняющие образ Суворова, прямо связывающие его с современностью, свидетельствуют о творческом отношении к классическому фольклорному наследию. Лучшие образы коллективного искусства, продолжающие жить в сознании советских людей, подвергаются значительному идейно-художественному переосмыслению. Полностью преодолеваются черты исторической ограниченности, противоречивости и патриархальности, неизбежно свойственные старому народному творчеству. Бережно сохраняются и поднимаются на уровень нового, неизмеримо более высокого мировоззрения патриотические и демократические настроения, которые были выражены в поэтическом образе великого полководца и определили народную оценку его личности и деятельности.

⁴² Елисеев, стр. 341.

Н. П. КОЛПАКОВА

КРЕСТЬЯНСКИЕ БЫТОВЫЕ ВЕЛИЧАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Отдельные элементы величания имеются в старых крестьянских песнях различных жанров — в игровых, лирических, частушках. Но наряду с этим в народном песенном репертуаре есть песни, где величание является основным заданием, которому подчинена вся композиция, все художественные особенности песни. По традиционной классификации эти песни в особый жанр исследователями обычно не выделялись, а входили составными частями в циклы песен календарных, свадебных и отчасти игровых.

Это было правомочно при описаниях и изучении быта и фольклорного уклада в той или иной местности, но не правомочно при изучении народных песен как произведений народного художественного творчества: величальные песни, хотя и разбросанные по разным фольклорно-этнографическим комплексам (святкам, свадьбе и др.), тем не менее выполняли одну и ту же общественную функцию (прославляли и величали человека-труженика в различные моменты его жизни) и имели много общих черт в своем поэтическом языке, несвойственных другим группам народных песен, т. е. принадлежали к песням одного поэтического жанра. Тот факт, что отдельные песни этого жанра обладали некоторыми различиями в оттенках тех или иных художественных образов, в деталях стихотворного строения и пр., обусловленными особенностями тех бытовых моментов, с которыми данные песни были связаны, не мешает единству их общего идейного направления и общности основных элементов их поэтики.

Традиция славить и величать человека имеет в народных величальных песнях двоякую основу. В одном случае величание связывается с имеющимся налицо конкретным поводом — героическим событием, свершенным подвигом и т. п. Таковы в основном величания воинские, посвященные коллективу — армии в целом, ее подразделениям, полкам, а также отдельным полководцам, вождям, героям. Подобные величания встречаются уже в некоторых памятниках древней русской литературы.¹

В другом случае конкретного факта может и не быть, но величание изображает желаемое как бы уже существующим, с целью приближения и воплощения его в действительной жизни. Такова большая часть велича-

---

¹ См., например, здравницу в конце «Слова о полку Игореве», славословия победителям — величание Всеслава (Лаврентьевская летопись, 1068), Александра Невского («Житие Александра Невского» в псковской редакции), Даниила Галицкого и его брата Василька (Ипатьевская летопись, 1251) и др. Позднее, в XVIII—XIX веках, элементы воинских величаний входят в солдатские песни, посвященные отдельным боевым эпизодам и историческим личностям. Как жанр воинская величальная песня живет вплоть до советского времени (меняя, естественно, свое идейно-художественное содержание соответственно новой эпохе и бытованию в новой социальной среде).

ний бытового характера, составляющих главную массу русских крестьянских величальных песен.

Записи их, начатые еще во второй половине XVIII века,² непрерывно пополняются затем в течение всего XIX и первых годов XX века. Немало их имеется в таких крупных песенных собраниях, как сборники Снегирева, Сахарова, Терещенко, Шейна³ и др. Они встречаются в музыкальных сборниках Римского-Корсакова, Прокунина—Чайковского, Балакирева⁴ и во многих других изданиях, где помещены обычно среди песен календарных, свадебных и игровых.

Такое размещение не было ошибкой или недосмотром составителей сборников: они поступали так с полным правом, так как отражали картину фактического бытования величальных песен в народной среде. Но картина эта несомненно сложилась уже в более поздние времена, когда в процессе исторического развития народной жизни многое в песенном репертуаре русской деревни сместилось, перешло из своих исконных циклов в соседние, получило в быту новое назначение. Вероятно, величальные песни имели когда-то более закрепленное и точнее приуроченное место в народном быту, но постепенно основное ядро этих песен обросло дополнительным материалом, они вошли в смежные фольклорно-этнографические комплексы и стали исполняться в различной бытовой обстановке. К XIX веку, когда началось собиране и изучение русских народных песен, отнесение самим народом величальной песни к тому или иному комплексу бывало порой очень условным. Так, например, величальные «виноградия»⁵ в ряде местностей исполнялись фактически параллельно и в цикле свадебных, и в цикле календарных;⁶ «виноградия женатым», которые обычно в сборниках находят место среди святочных величаний, встречались в быту в виде весенней («радуницкой») песни; известные по публикациям свадебные величания жениху фактически употреблялись и в качестве величальных календарных;⁷ многочисленные варианты величальной песни «Кто у нас хороший, кто у нас пригожий», относимой обычно к свадебным, имели в обиходе старой деревни применение в качестве «семицкой», «вечериночной»,⁸ «жнивной».⁹ В некоторых отдаленных районах русского севера (селения на рр. Пинеге и Мезени, на Терском берегу Белого моря и др.) ряд игровых величальных припевок до самого начала XX века

² См., например, раздел «Песни свадебные» в сборнике Чулкова (М. Д. Чулков. Собрание разных песен, части I, II и III с прибавлением. СПб., 1770—1773. Переиздано Академией наук, 1913. В дальнейшем: Чулков).

³ И. Снегирев. Русские престопадные праздники и суеверные обряды. М., 1837—1839; Сказания русского народа. собранные И. Сахаровым. СПб., 1841; А. Терещенко. Быт русского народа. СПб., 1848; П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I. Вып. 1, СПб., 1898; вып. 2, СПб., 1900 (в дальнейшем: Снегирев; Сахаров; Терещенко; Шейн, Великорусс).

⁴ Н. А. Римский-Корсаков. Сто русских народных песен. СПб., 1877. Переиздано: Музгиз, М.—Л., 1951; Н. Прокунин [П. Чайковский]. 65 русских народных песен. М., 1881; Сборник русских народных песен, составленный М. Балакиревым. СПб., 1866 (в дальнейшем: Римский-Корсаков; Прокунин—Чайковский; Балакирев).

⁵ Старинные величальные песни с припевом после каждого стиха «виноградие красно-еленое».

⁶ Песни русского народа. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894, стр. 128, № 20, стр. 129, № 21.

⁷ И. В. Некрасов. 50 песен русского народа. СПб., 1902, стр. 17, № 10.

⁸ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. I. М., 1911, №№ 547, 1094 (в дальнейшем: Киреевский).

⁹ Шейн, Великорусс, № 1282.

существовал в качестве свадебных песен.¹⁰ Практически важна была не условная прикрепленность песни к тому или иному циклу, а ее пригодность для определенных целей в практической жизни. Таким образом, при издании этнографических и фольклорных материалов эти песни вполне закономерно попадали в круг песен других жанров (по признаку совместного бытования), но при специальном изучении они должны быть выделены и объединены по принципу своей общественной функции и художественных особенностей, т. е. по принципу своей жанровой принадлежности.

Основанием для появления и развития бытовых величальных песен в русском народном песенном творчестве служили те наиболее яркие моменты жизни, когда человек должен был явиться перед обществом в наиболее привлекательном облике. В одних случаях имели значение достижения хозяйственные, в других — личные качества.

На пороге нового хозяйственного года естественно было задумываться о новых работах и о будущем урожае; среди святочных аграрных календарных песен, связанных с обращением к природе, игровых и прочих были и песни величальные; они прославляли человека-земледедца, закончившего цикл годовых сельскохозяйственных работ и готового вскоре начать их заново.¹¹ К этим святочным величальным тесно примыкали немногочисленные в русском песенном фольклоре весенние «волошебные» песни,¹² близкие по темам к величальным святочным колядкам. В ряде районов имелись также песни «толочные», или «помочанские»,¹³ славившие хозяина, который угощал соседей в благодарность за бесплатную коллективную помощь при той или иной крестьянской работе, и «жнивные», величавшие хозяина, чье поле было обжато приглашенными жнидцами.¹⁴ Таким образом, величание за хозяйственные успехи было вложено в основном в песни календарные.

Высокие личные качества человека воспевались в моменты, определявшие не столько хозяйственную, сколько семейную жизнь. Во многих подблюдных песнях, служивших для гадания о любви и счастье, уже мелькают отдельные образы, получающие затем развитие в цикле песен предсвадебного характера. Предсвадебные величания во многих районах старой России представляли собой недлинные песенки, причислявшиеся обычно собирателями к игровым (по месту их исполнения на молодежных зимних вечеринках): традиция требовала, чтобы на этих вечеринках («посидках», «посиделках», «вечорках» и др.) каждый гость был встречен коротенькой песенкой любовного содержания,¹⁵ в текст которой обычно вставлялись

¹⁰ См., например: М. Б. Едемский. Припевки в Кокшеньге. «Живая старина», 1909, вып. 1; 1910, вып. 1—2. Характерно, что бытовая роль величальной песни в очень многих старых изданиях и публикациях вообще не отмечалась. Как исключение, можно отметить пометки «величальная», имеющиеся в собрании Якушкина (Русские песни из собрания П. И. Якушкина. М., 1860, стр. 261—264) и в собрании Киреевского (№№ 524, 534, 542, 557—561).

¹¹ Шейн, Великорусс, №№ 1030—1032 и сл.

¹² Там же, №№ 1192, 1193.

¹³ Русские «толочные» песни, известные по публикациям, чаще всего имеют чисто лирический характер, без элемента величания (см., например: Шейн, Великорусс. №№ 1264—1267). Иной характер носят «толочные» песни у белоруссов: в них момент величания (иногда шуточного характера) выражен очень отчетливо (см.: П. В. Шейн. Белорусские народные песни. СПб., 1874, стр. 128—131, №№ 181—190).

¹⁴ Шейн, Великорусс, №№ 1273, 1275, 1276, 1281, 1282.

¹⁵ Тип песенки-припевки на молодежных «посиделках» опубликован, например, у А. Васнецова (Песни северо-восточной России. М., 1894, стр. 239, № 37. В дальнейшем: Васнецов):

Верба моя, вербочка,
Вербочка кудрявая.

два имени — гостя парня и «припеваемой» ему девушки. Песня связывала эти имена, хвалила припеваемую пару, желала ей счастья и т. д. Эти вечеринки были как бы предварительной стадией выбора женихов и невест, имели предсвадебный игровой характер, и певшиеся на них песни, как будет показано дальше, во многом имели сходство со свадебными величальными. В записях дореволюционных собирателей песенки эти назывались «парочными», «вечерочными», «дружинками» и т. п. Ряд таких песенок уже более 120 лет назад печатался как «песни старые», которые «издавна поются на Руси».¹⁶ В некоторых местностях припевки пелись не только на зимних молодежных вечеринках, но и на свадьбах при величании гостей,¹⁷ в других, наоборот, классические свадебные величальные песни (как, например, «По мосту, мосту там бежала карета», «Во горенке во новой», «На стуле, на бархате» и др.) с длинным, хорошо развитым текстом исполнялись только в качестве «припевок».¹⁸ Величальные с указанием «вечериночная» встречаются среди свадебных уже в записях 1830—1840-х годов.¹⁹ Все это указывает на родство между величаниями игровыми и величаниями свадебными, в которых тема воспевания за личные качества находила наиболее яркое выражение. Свадебные величания исполнялись в различные моменты старого свадебного обряда и были обращены к различным участвовавшим в нем лицам: к жениху с невестой, к свадебным чинам, гостям. Величания жениху и невесте пелись в разные моменты в течение всей свадебной недели, остальных участников свадебной игры песня величала обычно на пиру после венца.

В противоположность песням трудовым, передающим в напряженном императивном тоне требования и пожелания, обращаемые человеком к природе, в противоположность игровым, изображающим в примитивных театрализованных формах развитие того или иного сюжета, песни величальные в основном имеют характер описательный: они констатируют имеющееся (в действительности или в воображении) явление и стараются изобразить его в наиболее красочном и привлекательном виде. Основная задача величальной песни — выразить доброжелательное отношение окружающих к величаемому и хотя бы в воображении наделить его всем тем, что, по мнению народа, являлось самым ценным, нужным и радостным для человека. Таким образом, в величальных песнях оказываются объединены те наиболее яркие и типические черты (наружности, характера, материального состояния), которые были присущи крестьянским идеалам феодальной деревни. Группировка этих признаков и черт вокруг определенных

Не рости, верба, во рже,
 Рости, верба, на меже.
 Ветром вербу не берет,
 Соловейка гнезда вьет,
 Соловейка — Поленька,
 Соловушка — Оленька.
 Поля спросит —
 Чей сокол?
 Оля скажет —
 Мой сокол!

¹⁶ Новейший туалетный песенник, ч. 3. Орел, 1821.

¹⁷ М. Б. Едемский. Свадьба в Кокшенинге. «Живая старина», 1910, вып. 4, стр. 120—124.

¹⁸ Так, в частности, происходило в среднем течении р. Печоры, где за неимением развитого свадебного обряда у староверов ряд песен, исполнявшихся в других районах на свадьбах, исполнялся на «вечорках».

¹⁹ Кириевский, №№ 32, 543—546 и др.

персонажей создавала типы своеобразных крестьянских «положительных героев».

Этих типов было несколько.

Центральной фигурой старой русской деревни был крестьянин-хозяин, глава семьи. Идеальный образ его возникал в песнях из сочетания многочисленных черт, рассыпанных преимущественно в величаниях свадебных и календарных.

Этот хозяин рисовался обычно на фоне прекрасной, богатой (тоже идеальной) усадьбы, изображению которой в величальных песнях уделялось немало места. Дом стоял «во чистом поле, во раздольице», двор раскидывался «на горе высоко», «на семьдесят верстах, на восьмидесят столбах». Эти образы создавали впечатление свободы, приволья, неограниченности земельного пользования. Усадьба была огорожена железной оградой.²⁰ Соответственно обилию земли изображалось обилие хорошо выкормленного скота, без которого не могло существовать крестьянское хозяйство.²¹ На широком просторе стоял дом — не обычное скромное крестьянское жилище, а золотерхий терем или шатер, притом не с одним, а с тремя входами. Крутое крыльцо с витым серебряным или позолоченным кольцом на двери вело в сени. Хозяйство (и на дворе, и в доме) было добротное: сытые кони, дубовые сани, дубовые столы и лавки, тесовые кровати. Хозяева и их дети изображались в приволье, довольстве и блеске, как светила на небе («хозяин — красно солнышко, хозяйка — светел месяц, дети — часты звездочки».²² Таким образом, в качестве первой черты идеального хозяина выдвигалась его домовитость и заботливость по отношению к домашнему благоустройству.

Наряду с хозяйственностью прославлялись и черты морального облика величаемого. На первом месте упоминались основные достоинства — ум и трезвость («умная головушка Иван Федорович, умней его в роду нет: бражки не пьет, вина в рот не берет».²³ Из отдельных черт его внешнего портрета брались те, с которыми, по народным представлениям, обычно связывались понятия степенности, достоинства, свойственных зрелому возрасту («ах ты, умная головушка, ты широкая бородушка».²⁴ Уму, трезвости, представительности соответствовали семейные добродетели величаемого хозяина: он бережет святость семейного очага («где ни ходит — ночевать домой приходит»);²⁵ семейное согласие в его доме нерушимо: в знак полного единения и дружбы муж и жена пьют из одной чары, разгадывают сны друг друга (всегда предвещающие благополучие и радость), дружно ведут хозяйство и т. д. Вместе с тем они добры и щедры к немущим.²⁶

²⁰ Сахаров, кн. 3, стр. 16, №№ 3, 4; Шейн, Великорусс, № 1030.

²¹ Как у нашей-то матки телятки-те гладки,
Устой-те толсты, сметаны-те густы.

(Рукописный отдел Института русской литературы Академии наук СССР, Р. V, колл. 6, папка 5, святочная величальная.
В дальнейшем: Рукоп. отд. ИРЛИ).

²² Шейн, Великорусс, № 1030; Киреевский, № 1070; Сахаров, кн. 3, стр. 16, №№ 1, 4 и мн. др., в основном в величальных святочных.

²³ Шейн, Великорусс, № 1834, свадебная.

²⁴ Киреевский, № 239, свадебная.

²⁵ Шейн, Великорусс, № 2428, свадебная.

²⁶ Сам-то государь на крылечко выходил,
На крылечко выходил и по рублику дарил,

Эти положительные черты хозяина, величаемого на святках, находят множество аналогий и в величальных песнях, обращенных к любой крестьянской супружеской паре и исполняемых в различных случаях: к свату и свахе на свадьбах, к гостям и родственникам на различных праздниках и пр. Во всех этих песнях на первое место выдвигается идея крепости семьи («еще кто с женой в совете живет, кто со душечкой во великой любви?»).²⁷ При величании мужа хвалят его удачный выбор супруги, при величании жены описывают ее семейное счастье. К этому неизменно примыкает близкая тема — многодетность, без упоминания о которой не обходится ни одна величальная песня, обращенная к женатым и замужним. В святочных это постоянные упоминания о «малых детушках — частых звездочках», в свадебных тема эта выражена обычно в виде просьб мужа «родить сына-сокола» или красавицу-дочь и обещаний жены выполнить эти просьбы. Отношение к детям со стороны родителей самое любовное: в разгаданном сне родители называют себя деревьями («кипарисом», «сахарным деревцом» и т. п.), детей — золотыми и серебряными веточками;²⁸ ожидая их появления на свет, собираются учить их, воспитывать, гордиться ими; возвращаясь из поездки в город, заботливый отец привозит всей семье подарки.²⁹

Таковы черты, которыми традиционная величальная крестьянская песня наделяет идеального хозяина в его домашнем быту.³⁰ В такой ладной, дружной семье вырастают удачные дети. И молодые сыновья, и взрослые дочери также имеют свои характеристики, складывающиеся из совокупности черт, рассеянных в величальных песнях различных циклов — припевах, календарных и свадебных.

Юноша-сын прежде всего умен («у много батюшки и дитя умно»).³¹ Вместе с тем он очень красив той красотой, которая в русских народных песнях является очевидным показателем здоровья: белолиц, румян, с видной статной походкой, веселым взором. Бойкая приятная речь и приветливость, являющаяся результатом полученного заботливого воспитания, довершают этот классический портрет русского «доброего молодца». ³² Становясь женихом, юноша в изображении песни особенно ярко проявляет все свои положительные качества; в виде дополнительных черт, особенно необходимых в такой решительный и ответственный момент жизни, песня при-

А сама-то государыня по полтине дарила,
Малы деточки — по копеечке.

(Там же, № 1036, святочная).

²⁷ Киреевский, № 73, свадебная.

²⁸ Там же, № 84, свадебная.

²⁹ Шейн, Великорусс, № 1030, святочная.

³⁰ В русских бытовых величаниях, как правило, совсем отсутствуют эпические воинские мотивы — упоминания о конях, оружии, воинских подвигах и пр., сохранившиеся в ряде величаний украинских (см., например: Я. Ф. Головацкий. Народные песни Галицкой и Угорской Руси. М., 1878. Ч. II, стр. 62, № 14, стр. 62, № 15; ч. III, отд. II (разночтения и дополнения), стр. 101, № 1, стр. 114, № 1. В дальнейшем: Головацкий).

³¹ Шейн, Великорусс, № 1766, свадебная.

³²

Сколь он хорош,
Сколь он пригож —
Наливная ягода,
Наливна, сахарная,
Говорить горазная.

(Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 3, папка 18).

писывает ему бесстрашие, мужество, особую силу. Он может пойти во главе целой дружины, сломать городовую стену, завоевать нужное ему счастье. Он ловек, догадлив, способен на охоте догнать и покорить любого зверя, птицу.³³

Ум, мужество, сила, красота — таковы основные черты молодого героя величальной песни, крестьянского сына. К этим качествам прибавляется кроткий, уживчивый нрав («придет домой — не ломается, мягкой постели не спрашивает, высоки зголовья не взыскивает»),³⁴ с невестой или с молодой женой он ласков, как голубь.

Все эти качества парня-сына ставятся в заслугу всей его семье. Кто родил, кто воспитал такого сына? — спрашивает величальная песня и называет родителей, старших сестер, а иногда и другую родню величаемого.

Взрослой девушке величальная песня приписывает прежде всего нежность, утонченность и деликатность всего облика и нрава, обусловленные той общей любовью и заботой, которой, по словам песни, девушка окружена с детства в доме родителей и которую всюду видит по отношению к себе от всех окружающих. Девушка красива, как цветущее деревце, как алая ягодка-земляничка. Она «без белил белешенька, без румян щеки алые, без сурми брови черные».³⁵ Она вскормлена сладостями, медом и белыми калачами; в гостях она «во любви позвана, во чести посажена, хорошо снаряжена».³⁶

Величая наружность девушки-невесты, песня указывает и на основные качества ее характера и тщательность воспитания: кротость, скромность, мастерство в рукоделиях; она шьет золотом и жемчугом, покорна родителям и будущему мужу. Такая девушка — радость и гордость родителей, которые сумели достойно воспитать ее и которых величальная песня хвалит за это так же, как за надлежащее воспитание сына.

Таковы обобщенные идеальные образы членов крестьянской семьи, встающие из различных (игровых, припевов, календарных и свадебных) величальных песен феодальной деревни.

Но песня не ограничивается ими и, выходя за пределы узкого семейного круга, рисует и другие крестьянские положительные типы.

Типы эти изображаются в основном в песнях свадебных, исполнявшихся на пиру в честь особо почетных участников обряда. Такие персонажи, как тысяцкий, большой боярин, сваха, до известной степени — дружка, являлись не только ближайшей почитаемой родней молодой новобрачной пары, но в какой-то мере представляли собой и общественность старой деревни. Поэтому некоторые их черты в посвященных им величальных песнях также имеют обобщенный характер.

33

Он по улшке идет, как буен ветер веет,
У ворот колотится, будто туча грозная.

(Шейн, Великорусс, № 1776, свадебная).

Ай воен, воен, Иван же князь.

(Там же, № 1823, свадебная).

Он шиб копьем в широки ворота,
Разлетелись ворота середь широка двора.

(Шейн, Великорусс, № 1776, свадебная).

³⁴ Шейн, Великорусс, № 2254, свадебная.

³⁵ Киреевский, № 241, свадебная.

³⁶ Там же, № 158, свадебная.

Одной из наиболее видных фигур, тщательно обрисовываемых величальной песней, является фигура тысяцкого. В пределах старого свадебного обряда это бывал обычно крестный отец жениха и первое по значению лицо после молодых в свадебной игре. Величальная песня дает в лице тысяцкого образ уважаемого пожилого крестьянина: тысяцкий — «большой», «честной» (т. е. достойный) человек, способный и «воевать на добром коне», и «свое имя везде прославляти», и «богачество-добро собирать», а в случае надобности и вести умную, разумную речь («аль инда речь замолвить путем»).³⁷ Тысяцкий — «богатый гость», достоинству и общественной роли которого соответствуют внушительная наружность («как у тысяцкого головка, как у тысяцкого борода») ³⁸ и наряд (шуба сорока соболей с бобрами, дорогое платье — синь кафтан и пр.). Тысяцкий внушает уважение своей представительностью («в чистом поле шатром стоит, по синю морю кораблем бежит») ³⁹ и привлекает общее внимание («где он сидит, там ненадобна свеча»).⁴⁰ Жена тысяцкого поддерживает его достоинство:

В лете она в карете,
В зиме она во саночках,
Пара под ней вороная.⁴¹

Рядом с тысяцким стоит другая крупная фигура — сваха, в величавом образе которой соединяются черты женщины — распорядительницы большого общественного праздника (в частности, свадебного). Сваха прежде всего прекрасная хозяйка. По словам песни, целая толпа «девушек-стряпушек» находится у нее под началом и хлопочет по хозяйству, помогая ей в стряпне. Дородная «турица»-сваха представляет собой идеал здоровой женщины-крестьянки, белой, румяной, с приветливым и кротким характером: ⁴² она с посторонними «не горделива, не ломлива», буйная голова у нее с поклоном ко всем окружающим, сахарные уста с приговором (т. е. с ласковым, умным словом), рука щедра по отношению к беднякам.⁴³ Сваха не охотница «пиры пировать», и к ее общественным добродетелям прибавляются семейные: ее внимание преимущественно занято мужем и детьми, о которых (как и в песнях о тысяцком) песня упоминает постоянно.⁴⁴

Изображая хозяйственные качества, добрый нрав, крепкие семейные устои и личную красоту своих героев, величальная песня феодальной деревни подмечает еще одну черту русского характера — ловкость и тактичность при устройстве важных общественных дел.носителем ее в народных бытовых величаниях выступает обычно также один из свадебных персонажей — дружка; роль его в свадебной игре —

³⁷ Шейн, Великорусс, № 1622, свадебная.

³⁸ Там же.

³⁹ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 3, папка 18.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Киреевский, № 70, свадебная.

⁴²

На меду сваха замёшана,
Во саду сваха посажена,
Виноградом огорожена.

(А. Лядов. 35 русских народных песен. СПб., б. г., стр. 10, № 8, свадебная; запись 1902 года).

⁴³ Типичные величания свахи имеются у Киреевского (№ 91) и Шейна (Великорус, №№ 2424, 2425, 2496).

⁴⁴ Брать в свахи и тысяцкие только семейных людей было в старом свадебном обряде традицией.

роль дипломата, который должен быть посредником между женихом и невестой после их обручения, улаживать шуточные недоразумения между женихом и девушками, подругами невесты, не желаящими выпускать невесту из девичьего круга, и т. п. Песня отмечает быструю и исполнительность дружки («ты был, дружка, на ножку легок, на посылочку»),⁴⁵ его умение улаживать дела к общему удовольствию («куда дружка повернется — все тут мед и патока»),⁴⁶ его ловкость, обходительность, тактичность («хорошо он ходит, манерно ступает, сапог не ломает, чулок не марает»)⁴⁷ и т. п.

Таким образом, содержанием старой бытовой крестьянской величальной песни является обрисовка ряда типов, отражающих представления народа о положительных качествах и счастливой судьбе человека. Соответственно тому, как общие типовые черты героев встречаются в различных величальных песнях — припевках, календарных, свадебных, — жанровые приемы поэтики и художественно-выразительные средства, при помощи которых создаются эти типы, также являются общими для величальных песен разных циклов.

Композиционные приемы бытовой крестьянской величальной песни разнообразием не отличаются. Как правило, традиционные песни-величания невелики по объему и носят в основном чисто описательный характер. Задача их состоит в том, чтобы дать внешний портрет или характеристику внутренних качеств героя (как существующих, так и желаемых). Такие статичные портреты и характеристики даются чаще всего в величальных игровых припевках и в величальных свадебных.⁴⁸ Вероятно, традиция их в народном быту достаточно стара: они встречаются уже в публикациях XVIII века, в частности в сборнике Чулкова.⁴⁹ При этом, поскольку речь шла о величаниях не личного характера, а о восхвалениях положительного типа как такового (заботливого хозяина, представительного тысяцкого, скромной невесты и т. п.), эти величания обычно не касались непосредственных, индивидуальных качеств величаемого, а подчеркивали только то, что являлось (или должно было являться) его типовыми положительными чертами.

Предлоги-зачины для обрисовки таких портретов очень несложны. В величальных святочных они часто изображают поиски («ходим мы,

⁴⁵ Шейн, Великорусс, № 1625, свадебная.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, № 2421, свадебная.

⁴⁸ Портрет в свадебной величальной:

Приехала сваха дорогая, дорогая,
На ней шубонька голубая, голубая,
А фатынька шелковая, шелковая,
Сорочка золотая, золотая,
То-то свахонька убрана, убрана,
То-то свахонька снарядна, снарядна.

(Шейн, Великорусс, № 2259).

Портрет в величальной припевке на вечеринках:

Игнаша ходит по полу,
Сибирка нова до полу,
На ножках сапожки с калошами скрипят.
Девки спросят — чей такой?
Марья скажет — Игнаша мой.

(Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 3, папка 6).

⁴⁹ Чулков, стр. 756, № 45, стр. 759, № 49, свадебные.

ищем господинов двор»), в величальных свадебных — сообщение о приезде («приехала свахонька дорогая») и т. п., после чего непосредственно развивается описание найденного (дома, двора) или появившегося персонажа. В тех случаях, когда речь идет о человеке, чаще всего тут же следует описание его внешних и внутренних качеств, что и составляет все содержание песни. Так, например, одна из наиболее старых песен подобного типа дает портрет дружки:

Друженька хорошенький,
Друженька пригоженький,
Как на друженьке кафтан
Голубой, парчевой,
Как на друженьке штаны
Черны бархатны,
Как на друженьке чулки
Белы шелковы,
Смазные башмаки,
Пряжки с искорками.⁵⁰

Таковы же по композиции старая величальная «Пантелей-государь ходит по двору»,⁵¹ изображение матери жениха, едущей «через три поля на черных соболях, на ней шуба новая, опушка бобровая, сама чернобровая»,⁵² свахи, приехавшей на свадьбу, и др. Заканчивались такие песни различно: в припевках на молодежных вечеринках — формулой «коль любой, так поклонись, нелюбой — отворотись»; в свадебных — просьбой о вознаграждении за величание.⁵³ Такая песня-портрет особенно подробно останавливалась обычно на описании наряда (шубы, платья, обуви и пр.).⁵⁴ Внешность же самого величаемого давалась чаще всего по трафарету («личико снегу белого», «щеки маку красного, огородного», «очи ясные, брови черные» и т. п.). Но одна черта наружности, упоминаемая величаниями, очень

⁵⁰ Там же, стр. 756, № 45, свадебная.

⁵¹ Там же, стр. 759, № 49, свадебная.

⁵² Шейн, Великоорусс, № 1835, свадебная.

53

Вот Антону песенка

. . . . .
А ему игрец дарить
Не рублем — полтиною,
Золотою гривною.

(Кириеевский, № 468).

⁵⁴ Очень близкие по типу величальные песни имеются и в фольклоре украинцев и белорусов. См., например, величальную в сборнике Носовича (И. И. Носович. Белорусские песни. СПб., 1873, стр. 163, № 23. В дальнейшем: Носович):

Да нет лучшего молодойчика,
Як наш молодойчик,
Ен море селезнем плывецъ,
У воротах росой падзецъ,
На дворе князем станецъ,
За столом гощем сядзецъ. . .

или в работе Н. Коробки (Колядки и щедривки. СПб., 1902, стр. 10, № 21-Е, коляда В дальнейшем: К о р о б к а):

Сэдит господарь конці стола,
На йим шапка соболева,
А поясок позлоцянний,
Йість кустицю пшаничную,
Сэтком мэдком поливае.

заметно выдвигалась, подчеркивалась, поэтически обыгрывалась. Это — волосы.

Волосы (кудри молодецкие, руса коса девичья) и в песнях других циклов отмечаются обычно прежде всех других деталей наружности героя. Песня же величальная — одинаково и игровая припевка, и календарная, и свадебная — относится к ним с исключительным вниманием. Это особенно подчеркнуто в величаниях мужских: у молодца кудри увиваются жемчугом, цветами, сияют, как заря, как солнце, как месяц, сравниваются с лучами и звездами, на них горят огоньки, сверкают блески и т. д.⁵⁵ Это подчеркнутое внимание к волосам встречается уже в величаниях XVIII века:

Как у Федула кудри
 . . . . .
 Они в три ряда завивались,
 А в четвертый раз по плечам лсжат.⁵⁶

У женатых воспеваются бороды («умная головушка, широкая боро-душка»), усы:

У Кирея-то у Митрича золотая борода,
 Позолоченый усок, по рублю волосок.⁵⁷

Такое подчеркнутое внимание к волосам — не случайность: в народных представлениях волосы являются показателем жизненной силы человека, их буйный рост и завивание на голове молодца доказывают его здоровье, силу; поэтому так много внимания уделяет песня кудрям юноши именно в период жениховства:

У Васильюшки кудри русые
 . . . . .
 Как Васильевым кудрям дивовались
 «Как Васильюшка продай кудри»
 . . . . .
 «Мне самому, молодцу, кудри надобны,
 Я и сам, молодец, холост, не женат».⁵⁸

55

Как у Ивана-то кудри русые
 У Александровича по плечам лежат,
 Серебром кудри приувиты,
 Скатым жемчугом приунизаны.
 (Киреевский, № 202, свадебная).

У него в три ряда русы кудри завиваются,
 Во первой ряд завивались чистым серебром,
 Во второй ряд завивались красным золотом,
 Во третий ряд завивались скатым жемчугом.

(Там же, № 1044, святочная).

Александр-от сидит, кудри вьё.
 . . . . .
 Дак он-то ведь вьё, вьё, приговариваё:
 Да кому кудри да достанутся,
 Кому русые достанутся.
 Да доставались девке Прасковьюшке чесать.

(Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 3, папка 18, припевка на вечеринке).

⁵⁶ Веселая Эрата на русской свадьбе. М., 1801. Перепечатано у Киреевского (№ 942, свадебная).

⁵⁷ И. В. Некрасов. 50 песен русского народа. М., 1907, стр. 9, № 3, колыдка.

⁵⁸ Киреевский, № 563, свадебная.

Усы и борода являются признаком возмужалости, неразлучной, по общепринятым представлениям, с рассудительностью, умом, достоинством. Их чаще всего отмечают величальные песни, посвященные людям женатым — хозяйину дома, почетному гостю, тысяцкому и др.⁵⁹

Итак, первым композиционным типом песенного бытового величания является песня-портрет со статичным описанием качеств и свойств опеваемого и с зачином в виде моментов встречи, приезда, находки и т. п. Очень близок к нему и второй композиционный тип, также дающий в основном портретное изображение, но построенный несколько иначе: зачином песни служит вопрос — отчего таксй-то персонаж хорош, кто его вырастил, каким образом, откуда взялись его красота и другие качества и т. п. Если в первом типе песни-портрета, как правило, никаких поступков и развивающихся действий не бывает, то в песнях с зачином-вопросом эти действия иногда даются как бы в порядке вспомогательного материала, поясняющего центральный образ песни. Так, например, на вопрос, которым начинается песня «Отчего же наша сваха бела и румяна»,⁶⁰ песня отвечает, что дети свахи, соколы, летали на море, принесли белой морской пены и умыли мать. На вопрос, отчего так хороши и пригожи парень или девушка, дается ответ, что о них заботилась семья: отец кормил, мать поила, сестра наряжала и т. п. В таких случаях описание тех или иных действий и поступков всецело подчинено раскрытию основного образа песни и никакого сюжета также не развивает.

К этим двум композиционным типам чаще всего принадлежат величальные песни, посвященные тому или иному отдельному лицу. Величания, относящиеся к супружеской паре или к целой семье, бывают несколько длиннее и распространнее: они должны не только обрисовать индивидуальный портрет, а и показать в каком-то обрамлении взаимоотношения нескольких (хотя бы двух) человек.

В этих песнях обычно не только показывается обстановка («стоит столик дубовой, на нем чайник золотой, алой лентой увитой»; зеленый сад «с вишеньем, малиною» и т. п.), но описывается какое-то действие (герой песни наливает чару вина, угощает героиню, срывает для нее яблочко и т. п.). Когда величается целая семья, песня рассказывает о том, что хозяин-отец уезжает «суды судить, ряды рядить», привозит семье подарки и т. п., т. е. сообщает какие-то бытовые подробности, намекает на какие-то

⁵⁹ То же отношение к волосам встречается в песнях украинских и белорусских. Так, например, среди опевальных «толочных» песен в сборнике Носовича в № 14 упоминается:

У нашего господаря
Кудрявая голова.

А в песне, высмеивающей дружку, особо подчеркивается:

А у нашего дружка   Девки хохол выдрали,
Сусим гола голова: До волоска выбрали.

(Н о с о в и ч, стр. 162, № 20, стр. 165, № 30 и др.).

⁶⁰

Отчего же наша сваха   Они с моря пену брали,
Бела и румяна?   Сваху умывали,
У ней дети соколы   Они сваху умывали,
Да на море летали,   Платком утирали.
Они на море летали,
С моря пену брали.

(Русские народные песни Поволжья, вып. 1. Л., 1959, стр. 131, № 76).

бытовые сценки.⁶¹ Но в основном и в этих песнях настоящего развития сюжета все-таки нет: их главным художественным приемом является описание.

При сравнительной несложности композиции величальные песни обладают очень богатой и красочной поэтикой.

Основными чертами, общими для величальной свадебной, календарной и припевки, являются необычайная нарядность изображаемых картин, красота рисуемых портретов, богатство и пышность всей обстановки действия. Это достигается прежде всего путем отбора из народных песенных поэтических средств тех образов, которые искони связываются в песенной символике с понятиями богатства, благополучия и счастья. Таковы символические образы восходящих светил, поднимающейся радуги, сказочных, весело поющих птиц, цветущей растительности, угощения сладкой пищей (виноградом, изюмом, сахаром), полной до краев посуды, обилия золота, серебра, драгоценных камней и т. п.⁶²

Уже самый пейзаж, на фоне которого происходит то или иное действие величальной песни или дается портрет, представляет собой сочетание самых богатых и красочных образов: вокруг величаемых «виноград по горе растет... ягода-малина по лугам цветет»,⁶³ расстилается шелковая трава с алыми цветами,⁶⁴ по которой ходят павлин с павлинцами, пава же сидит на сосне во дворе хозяина.⁶⁵ Самый двор величаемого производит впечатление необыкновенной роскоши и красоты, он огорожен тыном с золотыми

⁶¹ Близкие типы величальных песен и отдельных их образов находим в украинских святочных величаниях (Головацкий, ч. II, стр. 11, № 15, стр. 33, № 47 и мн. др.).

⁶² Ср. в украинских календарных величаниях: солнце, месяц и дождь с урожаем наезжают в гости к хозяину (З. Радченко. Гомельские народные песни, белорусские и малорусские. СПб., 1838, стр. 115, № 13. В дальнейшем: Радченко; Головацкий, ч. III, отд. II, стр. 224, № 10: «Грымнула щука на море, приплыло золото и серебро до берегу»).

⁶³ Васнецов, стр. 255, № 12.

⁶⁴ Ср. с величальной белорусской:

За воротами травка муравка
Золотом посыпана.

(Носович, стр. 203, № 100).

⁶⁵ А. Лядов. 50 песен русского народа. 1903, стр. 18, № 8 Художественный образ павы (особенно летящей и роняющей на лету перья) еще более, чем в русских величаниях, распространен в украинских и белорусских опевальных песнях. См., например, Шейн. Белорусские народные песни:

Рано, рано соунце всходило
Ранней того пава лита́ла,
Пава лита́ла усе павистая,
Роняла перья усе золотистые.

(стр. 115, № 163).

По той речуныце павинька плыла,
Павинька плыла распавистая,
Роняла перья позлотистые.

(стр. 116, № 164).

Волочобники подметають двор хозяина «павьим пером, золотым крылом» (Шейн. Белорусские народные песни, стр. 80, № 139); девушка вьет себе венок из перьев павы (Коробка, стр. 21, № 58-А и стр. 22, № 58-Б; Головацкий, ч. II, стр. 85, № 22).

маковками на столбах.⁶⁶ Величаемый, по словам песни, носит «шапку саратовску», кафтан дорогого сукна,⁶⁷ опояска у него семи шелков.⁶⁸ Новая шуба величаемой гостьи представляет собой чудо искусства — на правой поле поют заморские пташки, на левой светит ясный месяц;⁶⁹ на величаемом госте драгоценная шапка, синий кафтан с литыми пуговицами, шелковыми петельками, лисья шуба «до полу», лосиные рукавицы до локтя; на гостье «шапочка золота», шуба — «поволока гремит, пуговицы бренчат» и т. п.

Прекрасных, блистающих персонажей песни окружает соответствующая обстановка: у новых сеней столбы точеные, крыльца позолоченные; внутреннее убранство жилища роскошно: герой сидит в горнице

На стуле красна бархата,
Да на подушке плису бархату,
Да против зеркала хрустального.⁷⁰

Сытые кони хозяина привязаны к столбу дубовому, к колечку серебряному.⁷¹

Полотно, которое вышивает девушка-невеста, не простое, а «бело-бархатное» с особыми узорами;⁷² в другой песне «девять девок шелком шьют, а десятая золотом».⁷³ В хозяйстве употребляется «мука крупячатая» (т. е. самая лучшая), масло «заморских» коров, кухонная утварь выделывается из редкого «орлова дерева». Хозяйка ходит «по виноградию», шиплет сладкие вишни и угощает гостей с серебряной тарелки.

Звери, птицы, рыбы, присутствующие в величальных песнях, также изображаются во всей пышности сказочной поэтики: у оленей, разговаривающих с женихом, золотые рога, у щуки, предвещницы счастья, чешуя серебряная, позолоченная, спинка жемчужная, глаза — алмазы.⁷⁴ Жемчуга,

⁶⁶ См. в украинских и белорусских песнях: на дворе величаемого верба с золотою корою (С. Малевич. Белорусские народные песни. СПб., 1907, стр. 23, № 1), на дворе играет куна, вызывая соболя (Носович, стр. 94, № 5), кладовые на дворе хозяина обиты тесом, покрыты соболями (там же, стр. 97, № 16), на двор ведут золотые ворота, с которых птицы сбивают золото для подарков хозяевам, из золотой коры на березе изготавливается кольцо для величаемой девушки (Коробка, стр. 16, № 42-А, стр. 17, № 42-Г) и т. п.

⁶⁷ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 3, папка 18.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Шейн, Великорусс, № 1999.

⁷⁰ Васнецов, стр. 259, № 19.

⁷¹ Ср. с величальной святочной юноше в украинском фольклоре:

Я у мово коня шоукова грива,
Я у мово коня срибни копита,
Я у мово коня шоуковый хвостик.

(Н. Коробка. Песни Каменецкого уезда Подольской губернии.
«Живая старина», 1895, вып. 1, стр. 2, № 5).

⁷² Во первый раз вышивала светлый месяц со лунами,
Со частыми со звездами,
Во второй раз вышивала красно солнце со марями,
Со теплыми облаками,
Во третьей раз вышивала сыры боры со лесами,
Со рысчучими зверями, со черными соболями,
Во четвертый вышивала синне море со волнами,
Со черными кораблями, с мачтовыми деревьями.

(Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 6, папка 5).

⁷³ Шейн, Великорусс, № 1266.

⁷⁴ Сахаров, кн. 3, стр. 13, № 14.

яхонты, самоцветы обильно пересыпаются в величальных песнях из стиха в стих.

Все эти детали создают впечатление необыкновенной красоты всего того, что окружает героя величальной песни. Эта красота, нарядность достигается не только путем привлечения отдельных сказочных образов, но и путем использования целого ряда других приемов народной песенной поэтики. Среди них большую роль играет устойчивый украшающий эпитет, подкрепляющий и усиливающий впечатление от даваемого пышного образа и связанный всегда с представлениями о богатстве, красоте, роскоши: ворота во двор величаемого оказываются «пестрыми» (т. е. расписными), «верей красны», «столбы точеные, позолоченные», «подворотня — рыбий зуб» (т. е. ценная моржовая кость).⁷⁵ Во многих записях и самый тын оказывается непривычно дорогим и прекрасным для обыденного крестьянского хозяйства: железным, кипарисным, серебряным.⁷⁶ Мебель, на которой сидят величаемые, изготовлена из серебра, венцы на героях песни золотые или серебряные и т. д.

Вместе с тем впечатление нарядности и пышности образов часто усиливается благодаря приему художественного параллелизма, издавна применяемому в русских бытовых величаниях и встречающемуся уже в величальных песнях XVIII века,⁷⁷ причем в качестве второго члена параллели привлекаются понятия, связанные с представлениями о красоте, богатстве, величии. В более поздних записях, XIX и начала XX века, художественный параллелизм в качестве традиционного приема проходит сквозь величальные песни всех бытовых привенений и особенно часто встречается в игровых припевках и величаниях свадебных:⁷⁸ проводится параллель

⁷⁵ Ср. в белорусских и украинских величаниях оboазы богатого двора, железного тына, медных ворот. «защепочки точеной, позолоченной» (Шейн. Белорусские народные песни. стр. 43, № 90), ворот тесовых, подворотницы белой рыбьей кости (там же, стр. 82, № 141), золотых плечей у печки, в которой пекут свадебный каравай (Голвацкый, ч. III, отд. II, стр. 273, № 2).

⁷⁶ Сахаров, кн. 3, стр. 16, №№ 1, 3, 4 и др.

⁷⁷ См., например:

Не тесан терем, не скоблен,
Только хорошо украшен
Ряскими газными красками.
Не учен Яким, не учен,
Не учен Климович, не учен,
Только хорошо снаряжен.

(Чуаков, стр. 751, № 37, свадебная).

Две реки сотекалися,
Две свахи съезжалися.

(Там же, стр. 754, № 42, свадебная).

Ср. сходные приемы в белорусских величаниях:

Разгорися, вечерняя зорька, перед ранней,
Расходзися, наш паночек, перед жнейками.

(Носович, стр. 96, № 12, толочная).

А й дзе тая криниченька, што голуць купався,
А й дзе тая дзевчыненька, што я залицався.

(Там же, стр. 159, № 8, свадебная).

⁷⁸

Крупен жемчуг со яхонтом,
Хорош жених со невестою.

(Сахаров, кн. 3, стр. 11, № 2).

между свадебным поездом и стадом гусей-лебедей, боярским шествием и движением солнца по небу, золотыми кудрями жениха и светлыми лучами месяца и т. д., причем в параллель могут братья и два и три сходных члена:

Как у светлого месяца
Часты были звездочки,
Как у красного солнышка
Золоты были лучицы
.
.
.
Как у доброго молодца
.
.
.
В три ряда кудри завивались.⁷⁹

Не менее часто, чем прием художественного параллелизма, употребляет величальная песня во всех своих разновидностях художественное сравнение, как в его положительной форме («сколько в поле дубков — столько тебе сынков, сколько в поле ялушек — столько тебе дочушек»),⁸⁰ так и в отрицательной («не гуси идут, не лебеди — идут, бредут волочебнички»),⁸¹ «не черемушка завыростывала, не кудряво деревцо заросцветывало — расцвели кудри молодецкие»,⁸² и т. п.).

Особенно охотно использует величальная песня различные виды метафоры. Отдельные метафорические выражения не сходят со строк величальных песен и игровых припевок, усиливая впечатление драгоценности, мощи, крассты основного образа:

Наше-то золото получше да поярче,
Наш-то жемчуг подороже.⁸³

В чистом поле шатром стоит,
По синю морю кораблем бежит.⁸⁴

В черных гусях, серых утицах
Замешалась лебедь белая.⁸⁵

При создании художественных образов в величальных песнях очень часто применяется прием гиперболизации, цель которого та же — усилить и украсить впечатление от основного образа. Гиперболизация встречается

Месяц-от всходит над горою
.
.
.
Иван-от едет спо городу.

(Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 6, папка 4).

Как у рюмочки у серебряной
Золотой веночек, золотой веночек,
У Николаюшки у Григорьевича
Дорогой умочек, дорогой умочек.

(Русские народные песни Поволжья, вып. 1, стр. 143, № 85).

⁷⁹ Шейн, Великооусс, № 1621.

⁸⁰ Там же, № 1192.

⁸¹ Там же, № 1193.

⁸² Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 5, папка 7, свадебная.

⁸³ Крестьянское искусство СССР. «Искусство Севера», вып. II, Изд. «Academia». Л., 1928, стр. 137, свадебная (сравнение невесты с женихом).

⁸⁴ Там же, стр. 144 (величание тысяцкого).

⁸⁵ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 6, папка 5, свадебная.

прежде всего при описании всей бытовой обстановки. Величина «двора» (т. е. хозяйственных пристроек к дому) сказочно преувеличена: «двор» стоит «на семидесят верстах, на восьмидесят столбах»;⁸⁶ у хозяина необычайно много скота и другого домашнего имущества. В величальных святочных подчеркивается обилие вкусной и сытной пищи, упоминаются полные до краев квашни, полные вина братыни,⁸⁷ множество мяса, колбас, хлеба, зерна и других запасов;⁸⁸ в величальных игровых припевках и в свадебных величаниях внимание обращено преимущественно не на обилие пищи, а на количество нарядов, обстановки, домашней утвари: драгоценных мехов, золотой парчи, сундуков и кораблей с богатствами, якобы принадлежащими величаемому хозяину.⁸⁹ Воспеваемая хозяйка носит в руках тарелку с бриллиантами,⁹⁰ героини песни «гребут золото лопатами, чисто серебро лукошками», девушка-невеста ступает с гривны на гривну, рублями ворота запирает, полтины по горенке бросает,⁹¹ одежда хозяина фантастически роскошна — одна пола шубы стоит сто рублей, вторая — тысячу.⁹² Тысячу рублей стоит кушак величаемого молодца, а шляпе его «цены нет».⁹³

Всем этим преувеличениям соответствует гиперболическое изображение силы и удали величаемых героев: молодец идет по улице словно буен ветер, тысяцкий-воевода один воюет «со всеми городами»:

Он по Астрахани, по Казани,
Он по всей Москве и Сибири,
Он по городу по Чердыни.⁹⁴

Художественное мастерство величальных песен проявляется и в строении строфы и стиха. Поскольку, как правило, песни эти невелики по объему, очень часто вся песня (особенно типа песни-портрета) представляет собой одну небольшую строфу, компактность которой подчеркивается двукратным повторением каждого стиха. Эти повторения, свойственные очень многим величальным песням, имеют определенный художественный

⁸⁶ Сахаров, кн. 3, стр. 15, № 37 и мн. др.

⁸⁷ Там же, стр. 12, №№ 5, 8 и др.

⁸⁸ «Пирог в голенище широк, в топориче высок». Ср. в белорусских величаниях:

Положили коровай на столе —
Столовые ножки гиблюцца.
(Носович, стр. 193, № 50);

в украинских:

Ой, раю ж, мою раю,
Пшеничний короваю,
З семи криниц водица,
З семи стогов пшениця.

(Головацкий, ч. III, отд. II, стр. 273, № 2,
песня при печении свадебного караваля).

⁸⁹ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. 403, № 352; Сахаров, кн. 3, стр. 14, № 30.

⁹⁰ Васнецов, стр. 258, № 18, свадебная.

⁹¹ А. Лядов. 50 песен русского народа, стр. 16, № 7, колядная.

⁹² Сахаров, кн. 3, стр. 11, № 3, святочная подблюдная.

⁹³ А. Лядов. 50 песен русского народа, стр. 16, № 7, колядная.

⁹⁴ Киреевский, № 70, свадебная.

смысл: они как бы придают тексту еще более подчеркнутую и закрепленную убедительность:

У верей, верешек,
Верешек точеных,
Верешек точеных,
Точеных, золоченых.

Или:

Во первой раз вышивала светлый месяц со лунами,
Светлый месяц со лунами, со частыми со звездами.

Но бывают и другие формы строения величальной песни, когда вся она разбивается на небольшие группы стихов, содержащих законченный образ или мысль; эти группы отделяются друг от друга единообразными припевами («слава», «коляда, коляда», «овсень, таусень» и т. п. — в песнях календарных; «виноградие красно-зеленое мое» — в календарных и свадебных; «ай, люли», «люшеньки», «эхе-леде» и т. п. — в свадебных).

Ритм стиха величальной песни обычно очень четкий, идущий от восклицательной формулы; он согласован с ритмической четкостью и музыкальной строфы, которая в величальных песнях обычно недлинна и нередко ограничивается одной-двумя нераспетыми мелодическими фазами, многократно повторяющимися на протяжении песни.

Образцом песни с многократным повторением одной и той же нераспетой музыкальной фразы может служить хотя бы следующая:

Щучка-рыбка, не мечися, Жива в руки не давайся.
Александра, догадайся. Ивановна, догадайся.

Щучка-рыбка, не мечися,
Жива в руки не давайся,
Александра, догадайся,
Ивановна, догадайся,
Идет Дмитрий обнимати,
Александрович надувати,
С твоим батюшкой кутили,
Красну девицу пропили...⁹⁵

Или:

Тысяцкий, воевода да воевода,
Он едет воевати да воевати,
Ты бери не парами да не парами,
Ты бери головами да головами...⁹⁶

Примером песни, на протяжении которой много раз повторяется одна и та же музыкальная фраза с припевом, служит следующая:

⁹⁵ Римский-Корсаков, № 77, свадебное величание.

⁹⁶ А. Петров. 20 народных песен Сибири. СПб., 1902, стр. 16, № 7.

Я хожу ли, похожу, баусень,
 Я нищу ли, поищу, баусень,
 Приблудили ко двору, баусень,
 Как и Петрин-то двор, баусень,
 Весь тыном обтынен, баусень...⁹⁷

Иногда припев помещается после двух строк текста:

За рекой огонь горит,
 На скамье девка сидит,
 Каледа, маледа,
 Русу косу плетет,
 Приговаривает,
 Каледа, маледа...⁹⁸

Или:

А кто у нас моден,
 Кто у нас фамилен?
 Розан мой, розан, виноград зеленый.
 А Ванюшка моден,
 Хороший фамилен,
 Розан мой, розан, виноград зеленый...⁹⁹

Такие типы построения музыкальных строк и чередований стихов текста с разнообразными припевами встречаются среди величальных песен разного бытового назначения, что еще раз подчеркивает правомочность объединения их в один музыкально-поэтический жанр. Попутно можно отметить, что на один музыкальный напев нередко исполняется по нескольку

⁹⁷ А. Лядов. 50 песен русского народа, стр. 18, № 8.

⁹⁸ Римский-Корсаков, № 41.

⁹⁹ И. В. Некрасов. 50 песен русского народа. СПб., 1903, стр. 30, № 27.

различных величальных текстов. Особенно характерно это для величаний-припевок, где на одну мелодию поется до десяти разных песен.¹⁰⁰

Рифмой как сознательно применяемым композиционным приемом величальная песня обычно не пользуется. Рифма появляется в ряде стихов, как результат синтаксического параллелизма, при котором рифмуются обычно одинаковые части речи. Чаще всего это глаголы («вы скажите, прикажите, у ворот не держите»,¹⁰¹ «ему пиво варить, ему сына женить»,¹⁰² «суды судить, ряды рядить»¹⁰³ и т. п.). Это могут быть и существительные («как на шейке-то платок будто аленький цветок»,¹⁰⁴ «или хлеба ломтину, или денег полтину»),¹⁰⁵ и прилагательные («приехала свахонька дорогая, на ней шубонька голубая»¹⁰⁶ и т. п.). Чаще же всего рифма появляется в конце величания: в припевках — при заключительной формуле («коль любой, так поклонись, нелюбой — отворотись»), в свадебных и календарных — при просьбах о награде за величание:

Мы тебе поем,
Тебе честь воздаем...

когда певицы выпрашивают «коровку — масляну головку», «стакан винца да жбан пивца» и т. п. или выражают шутливую угрозу («кто не даст пирога — мы ксрову за рога» и т. п.). Рифмованные сочетания слов в этих случаях обычно являются окаменевшими и механически переходят из песни в песню. Иногда точный звуковой повтор заменяется ассонансами и аллитерациями («пряжки с искорками, вон повыскакали», «расцвели на небе две радуги, у красной девки две радости»), а в редких случаях встречается рифма составная:

Носи жемчуг, не жалея,
Корми сына, нежь, лелей.¹⁰⁷

Давая обобщенные образы своих «положительных героев», величальная песня в то же время рисовала и другие портреты. В народе имелись величания шуточные, пародийные, служащие для высмеиваний и осуждений. Такие величания-пародии строились по всем принципам величаний позитивных, но с обратным значением привлекаемых образов. Как и в позитивных величаниях, тут затрагивались не личные качества высмеиваемых, а отрицательные черты типа (бедного дружки в противоположность типу дружки богача, глупого или худородного тысяцкого в противоположность положительному типу тысяцкого умного и почитаемого и т. п.). Эти шуточные величания встречались и среди молодежных припевок, и среди песен календарных, и среди свадебных, т. е. во всех разновидностях величальной песни.

Поводом для их возникновения служили взаимные задорные высмеивания парней и девушек на вечеринках, причем основными отрицательными

¹⁰⁰ То же в украинских и белорусских величаниях: «на пять напевов поется до двухсот песен» (Радченко, стр. XXXII, свадебные песни).

¹⁰¹ Шейн, Великоорусс, № 1042.

¹⁰² Там же, № 1037.

¹⁰³ Там же, № 1030.

¹⁰⁴ Чулков, стр. 756, № 45.

¹⁰⁵ Шейн, Великоорусс, № 1047.

¹⁰⁶ Там же, № 2259.

¹⁰⁷ Там же, № 1585.

чертами оказывались гордость, чванство, себялюбие, заносчивость; на святках и на свадьбах осмеянию подвергались скупость и жадность хозяев и их гостей. Выявляемые таким путем негативные черты еще ярче оттеняли положительные черты образов, дававшихся в величаниях позитивных.

В величаниях-пародиях все изображалось в виде гротеска: богатство «величаемого» — «много кислых щей да поварешка вшей, тридцать латушек пропащих лягушек, сорок амбаров сухих тараканов»; наружность выглядела карикатурой («рожа пряслицею, глаза скляницею, нос крючком, голова пестом»);¹⁰³ подчеркивалась воображаемая неловкость:

Тысяцкий нехороший,
Тысяцкий недородный,
Садился на коня с огорода,
Он на коне, как ворона,
А конь под ним, как корова.¹⁰⁹

Особенно презрительно изображался наряд высмеиваемого лица (эти насмешки должны были ощущаться особенно остро, так как указывали на бедность, недостаточность, а подобного рода намеки всегда принимались в старой деревне с особым чувством обиды):

Как на дружке-то кафтан
Весь по ниточке собран

Как на дружке-то штаны
После деда сатаны,
Чулки вя аные —
И те краденые,
Башмаки хороши —
Только без подошвы.¹¹⁰

Осуждались также неумелая работа («сваха копотуха, семь часов невесте косу расплетала»), бестолковость¹¹¹ и т. п. В плане поэтического мастер-

¹⁰⁸ Сахаров, кн. 3, стр. 154, № 185, свадебная.

¹⁰⁹ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 6, папка 5, свадебная. Ср. с украинским шуточным величанием:

Старший боярин як болван,
Витрищив очи як баран.

(П. П. Чубинский. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, т. IV. СПб., 1877, стр. 205, № 450; см. там же стр. 205, №№ 451, 454).

¹¹⁰ Киреевский, № 896. Ср. в белорусских шуточных величаниях:

А у нашего свата   Шапка собачча,
Од ежа богата: Шубка цялячча.

(Носович, стр. 214, № 122. См. также: Шейн. Белорусские народные песни, стр. 345, № 623, стр. 349, № 641).

¹¹¹

Бестолковый сватушка,
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту полили.

(Кчревский, № 160. См. также №№ 181, 751, 874, 1020, 1024—1026 и др.).

ства величания-пародии особенно тщательно использовали словесную звукопись («потрясло бы, сватушка, тебя от матицы до грядицы, тебя от грядицы до лавицы») и порою особенно мастерски играли рифмами, добиваясь максимального комического эффекта:

У нас в огороде не сноп ли?
 У нас сват за столом не без ног ли?
 . . . . .
 Да у нас в огороде не лук ли?
 У нас сват за столом не оглух ли?
 . . . . .
 Да у нас в огороде не ушат ли?
 У нас сват за столом не плешат ли?
 У нас в огороде не хлеб ли?
 У нас сват за столом не ослеп ли?¹¹²

При этом использовались и художественные параллели, и сравнения, и выразительные эпитеты — все приемы позитивных величальных песен, но с обратным значением.

Поскольку мы имеем дело только с записями, сделанными в последние полтора-два столетия, очень трудно говорить об историческом движении, изменении текстов, напевов, образов и языка величальных песен на протяжении хотя бы нескольких веков. Однако несомненно, что основная часть русских народных бытовых величаний была создана в патриархальной деревне докапиталистической формации. На это указывает как общее содержание величальных припевок, календарных и свадебных песен, так и их идейная направленность и отдельные образы. По-видимому, в народном быту издавна был очень устойчив не только самый жанр, но и отдельные тексты величаний. Множество величальных песен, записанных в различные эпохи в различных местностях разными собирателями, наряду с общими жанровыми чертами имеет и дословные текстовые совпадения, одни и те же художественные образы, припевы, сходный музыкальный материал. Такие старые величания, как «Кто у нас хороший», «Во горнице во новой» и т. п. до сих пор широко известны в народном быту: во многих районах они исполняются во время колхозного свадебного пира. Некоторые припевки и календарные величания, изменив свое прежнее бытовое назначение, тем не менее сохраняют до наших дней свои тексты, созданные, по-видимому, 150—200 лет назад.¹¹³ Все это говорит о том, что основная часть традиционных бытовых величаний последние полтора-два столетия, вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, мало пополнялась новым материалом, а использовалась преимущественно в том составе и в том виде, в каком издавна переходила из поколения в поколение.

Очень близкий по типу текст в белорусских величаниях-пародиях:

Ой, наши сваты дурни,
 Заехали в гумны,
 У соломи ночевали,
 Мыши уши подъедали.

(Радчевко, стр. 86, № 66; см. также стр. 96, № 115).

¹¹² В украинских величаниях-пародиях то же см. у Чубинского (т. IV, стр. 206, № 451), Головацкого (ч. III, отд. II, стр. 257, №№ 33—36, стр. 299, № 25).

¹¹³ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 5, папка 7.

¹¹³ См., например: Чулков, стр. 752, № 39, стр. 759, № 50, стр. 760, № 51, стр. 766, № 69.

Однако переход от старой феодальной деревни к деревне пореформенной, сказавшись во всех областях устного народного художественного творчества, не мог не отразиться и на песне величальной. Хотя новых величаний по старому образцу деревня капиталистической эпохи, по-видимому, не создавала, она наложила на уже имевшийся материал свой отпечаток, который заметно ощущается при сравнительном анализе традиционных текстов, записанных в разные половины XIX и в начале XX века.

При таком сравнении прежде всего обращают на себя внимание новые образы, в ряде случаев возникающие на месте старых. Вырастают новые критерии красоты, оценки жизненных удобств и т. п.; к идеалам начинают предъявляться новые требования. Герой песни красуется уже не в поевшем полусказочном древнем облачении из золота и парчи; к концу XIX века у него «на ножках сапожки с калошами скрипят». В описаниях домашнего убранства появляется спальня:

Со часами, зеркалами,
Красна дерева кровать
На винтах будет стоять.¹¹⁴

После перехода через речку (обычного мотива в «женихальных» припевах и многих свадебных песнях) герой угощает героиню не классическим медом или пряником, а шоколадом, приговаривая:

Ты покушай, свет Оксиньюшка,—
Никто не запрещат.¹¹⁵

Семейная пара, ожидающая появления на свет сына, предполагает растить его не по прежним заветам — богатырем, добрым молодцем («роди сына-сокола, брови черна соболя, очи ясна сокола»), а образованным горожанином:

Роди сына сокола,
Московского дохтура,
Казанского писаря.¹¹⁶

Сына предполагают учить всему, чему учатся в школах городские дети:

Будем сына растити, растити,
Отдадим его во грамоте учить,
Пером писать и рихметику учить,
По-немецки, по-французски говорить.¹¹⁷

Кроме введения новых образов, соответствующих новому мировоззрению деревни капиталистической эпохи, величальные бытовые песни, приближаясь к рубежу XIX—XX веков, претерпели немало и других изменений. В ряде случаев утрачивались целые куски текстов; выпадала троекратность повторов одного и того же сюжетного мотива, встречавшаяся во многих традиционных величаниях; утрачивались более мелкие элементы, упрощалась поэтика: незаметно подвергался деформации общий художественный стиль, сказочные метафорические образы уступали место элементам

¹¹⁴ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 6, папка 5.

¹¹⁵ Там же, колл. 3, папка 6.

¹¹⁶ Васнецов, стр. 255, № 11.

¹¹⁷ М. Е. Соколов. Великорусские свадебные песни и причиты Саратовской губернии. Саратов, 1898, стр. 32, № 34.

более будничной речи. Все это можно видеть хотя бы на сравнении параллельных текстов:

Старая запись

Ай у князя, князя,
Ай у молодого,
На его-то буйной главе
Золотые были кудри,
Золотые, завитые.
Завивались его кудри,
Заплетались его русы
Коугом золота колечка,
Коугом серебряна пруточка.
Что по тем его кудрям,
Что по тем его русым,
По его цветному платью
Тесть ласковый любит,
За дубовый стол сажает.¹¹⁸

Новая запись

Было-то у князя, князя,
Было-то у молодого.
У Ивановича Ивана,
На его-то буйной главы
Золотые его кудри
Да серебряны русы.

Что по тем его кудрям,
Да что по тем золотым

Ласковый тесть любит,
Да зятя дарами дарует.¹¹⁹

Или:

Кругом, кругом солнце кати-
лось,
Рядом, рядом лебеди летят,
Полком, полком бояра едут.¹²⁰

Кругом, кругом да солнце
катилось,
Рядом, рядом бояра все
едут.¹²¹

Изменению и сокращению в новой редакции подвергались полуэпические сказочные метафоры, гиперболические сравнения, древние нарядные образы, приводившие традиционную величальную песню на грань фантастической сказки. Текст величаний второй половины XIX века стремится к конкретизации, уточнению, заострению основного образа, начинает ведущую тему не с украшающих описаний, а с наиболее существенного смыслового момента. Пропускаются и изменяются отдельные детали, повторы. Несмотря на их кажущуюся незначительность, исчезновение их в сумме создавало значительные отклонения от стиля старых величаний.

Переживая все эти изменения внутри текста, величальная песня на рубеже XIX—XX веков вместе с тем претерпевала изменения и своей бытовой функции: новая экзотика и культура пореформенной деревни ломали старый традиционный уклад, перестраивали традиционные формы развлечений и обрядовой жизни. В связи с сокращением и упрощением старого свадебного обряда целый ряд свадебных величальных песен оказался оторванным от прежней бытовой роли; тем не менее песни упорно держались в народном быту. Многие из них, уже ненужные в обряде, по видимому, давно начали переходить в более мелкую форму тех же величаний — молодежные игровые припевки. Этот процесс особенно ясно виден в записях советских фольклористов, которым неоднократно приходилось встречать бывшую свадебную песню в новом бытовом применении и слышать по этому поводу разъяснения самих исполнителей.

Принципы переработки текстов при этом бывали различны. Наиболее простым и легким и в то же время наиболее безболезненным для

¹¹⁸ А. Жаравов. Сельские свадьбы Архангельской губернии. «Москвитянин», 1853, № 13, кн. 1, сто. 7 (в дальнейшем: Ж а р а в о в).

¹¹⁹ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 3, папка 18.

¹²⁰ Ж а р а в о в, стр. 98, № 28.

¹²¹ Крестьянское искусство СССР, стр. 142, свадебная. В данном случае взяты для сравнения именно эти материалы, так как обе записи сделаны почти в одном месте и, следовательно, сравнение их методологически оправдано.

текста являлось почти механическое перенесение свадебной песни, предназначенной, например, для величания супружеской пары гостей, в припевки, величающие молодую, еще неженатую пару на вечеринке. При этом в одних случаях сокращались только отдельные строчки, уничтожались отдельные образы без существенной перестройки всего целого, в других сокращалось трехкратное повторение, столь характерное для свадебных песен вообще и для величальных в частности. Так, например, известная свадебная песня «А не рюмочки по столику гремят»¹²² при записи в качестве молодежной припевки на русском севере в 1927 году, сохраняя общие контуры традиционного текста, утратила лишь ряд отдельных художественных параллелей, сравнений и повторов, а традиционная величальная свадебная песня «Не шелкова ленточка к стенке льнет»,¹²³ имеющая в старых записях трехкратное повторение сюжетного мотива, в качестве припевки использует в 1920-х годах только последний момент (девушке оказывается мил не батюшка, не матушка, а сразу третий персонаж — милый). Не только величальные, но и некоторые другие песни свадебного цикла по мере распада обряда пополнили собою число величальных припевок. В этих случаях обычно использовалась какая-нибудь одна — краткая, но наиболее выпуклая и яркая — часть песни, отрывающейся от обряда. Так, например, старинная свадебная лирическая песня о женихе, приплывающем к невесте на корабле со многими гребцами, описывает, как жених гуляет по палубе, расчесывает русые кудри, а затем посылает каленую стрелу в пространство:

Полети, моя каленая стрела,
Высоко по поднебесью,
Далеко во чисто поле.
Ты подстрель, моя каленая стрела,
Ясна сокола на возлете,
Серу утицу на заводи,
Красну девицу в высоком терему.
Красна девица невеста моя,
Что по имени Анна душа,
Из отчества Ивановна свет.¹²⁴

Припевка, схватив наиболее выразительные строки, пересказывает их по-своему:

Как на горке Егорка тетерку ловил,
Под горою куницу заловил,
Да на тихой на воде сизу утицу стрелил,
Да на высоком тереме да красну девицу душу,
Парасковью Яковлевну.¹²⁵

Таким образом, можно проследить, как распадающаяся традиционная свадебная песня использовалась в величальной припевке и относительно целыми текстами, и отдельными кусками, и даже отдельными строчками.

Традиционную величальную песню можно встретить сегодня в быту очень многих колхозов, хотя далеко не все ее разновидности сохранили в наши дни прежнее бытовое назначение. Так, величальные календарные почти повсеместно ушли из народного быта, так как экономический и куль-

¹²² Васнецов, стр. 259, № 20.

¹²³ Шейн, Велкорусс, №№ 1506, 1742, 1950; Киреевский, № 429, и многие другие публикации.

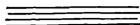
¹²⁴ Жаравов, стр. 14, № 2.

¹²⁵ Рукоп. отд. ИРЛИ, Р. V, колл. 3, папка 18.

турный уклад советских колхозов в корне отверг необходимость в них. Молодежные величальные припевки в силу коренного переустройства общественного быта деревни почти нигде не сохранили прежних форм бытования, но некоторая часть их так же, как свадебные лирические песни с четким ритмом, вошли в репертуар песен плясовых. В основном же и песни-величания календарные, и величальные припевки живут лишь в памяти уходящих поколений; некоторая часть их встречается в детском фольклоре.

Крепче и жизнеспособнее других оказались величания свадебные. Их знают в очень многих колхозах, обследованных советскими фольклористами. При этом свадебные величания, как и многие другие песни свадебного традиционного цикла, не только живут в памяти отдельных исполнителей — они действительно употребляются в современном колхозном быту при праздновании свадеб: старый крестьянский свадебный обряд давно распался и почти весь забыт, но наиболее веселый и радостный момент его, свадебный пир, справляется повсюду. На этом пиру можно услышать не только многие традиционные свадебные песни лирического характера (в их современных вариантах), но и ряд исконных народных величаний, которые, по-видимому, будут жить и дальше в пределах народных свадебных праздников. Вместе с тем традиционная народная величальная песня в значительной степени послужила материалом, на основе которого сформировался новый тип советских народных песенных величаний.

Таким образом, как бы ни менялись отдельные стилистические черты традиционной величальной песни, как бы ни менялась судьба ее внутри того или иного народного песенного цикла, эта песня вынесла испытание временем и ту переоценку ценностей, которую произвела в народном быту Великая Октябрьская социалистическая революция. Независимо от сохранности отдельных разновидностей, самая традиция величальной песни нашла свое применение в советском народном быту.

Д. М. БАЛАШОВ

«КНЯЗЬ ДМИТРИЙ И ЕГО НЕВЕСТА ДОМНА»

(К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗНИИ БАЛЛАДЫ)

«Князь Дмитрий и его невеста Домна» принадлежит к особой группе песен с развернутой фабулой, особенно распространенных на Севере, которые могут быть названы старинными балладами, таких, как «Князь Михайло», «Князь Роман жену терял», «Князь, княгиня и старицы», «Вдова, ее дочь и сыновья-разбойники», «Василий и Софья» и др.

Эти песни сходны по своей поэтической системе. Народ их отделяет от былин, хотя называет неопределенно, то «старинами», то «стихами». Наблюдения показывают, что эти песни особенно широко распространялись в местах, где разрушалась существовавшая там долгие века эпическая традиция (Поморье, Пинега); это наводит на мысль, что такие «стихи» соответствуют иной, более поздней, чем былины, системе общественных взглядов.

Названия, предложенные для этих песен прежними исследователями: «низшие эпические песни» (Соболевский), «княжеские песни» (Бессонов) и «бытовые песни» (Сиповский) — неудовлетворительны. Слово «низшие» вызывает мысль об их неполноценности по отношению к былинам; название «княжеские» не обнимает сюжетов всех подобных песен и придает им специфическую, чуждую им социальную окраску; термин «бытовые» слишком расплывчат. При отсутствии у народа своего термина лучшее название для этих песен — баллада.¹

Русская народная баллада — до сих пор наименее всего изученный жанр нашего фольклора.

В дореволюционных курсах словесности баллада (низшая эпическая песня) получала описательное толкование. Там говорилось, что это «... песня повествовательного характера, в отличие от песни лирической, как выражающей преимущественно настроение. Она представляет отражение быта, чаще всего семейного, реже общественного... это попытка в художественном обобщении дать пережитое, реальное... иначе сказать: и низшая эпическая песня реалистична по своему настроению и источникам. С этой-то песней сливается... старшая эпическая песня — былина и историческая песня».²

«Эти народные баллады, поэмы, повести в стихах — первые проблески народного романа. В них много драматизма, много движения и страсти;

¹ Или — старинная баллада. В круг интересующих нас сюжетов не входят поздние баллады и баллады литературного происхождения, обязанные своим появлением романтизму

² М. Н. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 355.

действующие в них лица... — люди простые... Распространение этих песен по всей России — там, где давно замолкла старая былина, ясно указывает... путь к реализму».³

Перед нами верная, добросовестная констатация фактов. Но в этих определениях мало теоретических обоснований. Нет доказательства неизбежности (и закономерности) появления, развития и падения жанра. Нет ведущего принципа жанровой классификации.

Самым распространенным и, по существу, до сих пор непоколебленным оказалось мнение П. И. Якушкина: «... баллада так легко переходит в элегию и, наоборот, элегия в балладу, что строго разграничить их невозможно, по крайней мере до времени».⁴ В. В. Сиповский также, говоря о балладах и лирических песнях, отказывается от попытки четко разграничить их друг от друга. Дальше признается этой трудности дореволюционная фольклористическая мысль уже не пошла.

Попытки классификации баллады, предпринятые в советский период, не привели к четким результатам, так как классификация строилась на формальных принципах.

В 1920-е годы Б. В. Томашевский, пытаясь найти чисто формальный принцип для определения баллады разных стран и веков, пришел к предельно расплывчатому обозначению баллады как «фабулярного стихотворения».⁵ При этом Б. В. Томашевскому приходится тут же указать на изменчивость жанра и трудность его выявления, т. е., по существу, на то, что узко формальное определение жанра подрывает сам принцип определения.

В. И. Чернышев и Н. П. Андреев в предисловии к своему сборнику «Русская баллада»,⁶ пытаясь отделить балладу от лирики (т. е. сделать то, чего не сделали старые исследователи), точно так же прибегают к узко формальному принципу и терпят неудачу.

Сборник «Русская баллада» является единственным опытом выделения баллады в самостоятельное собрание: до его выхода баллады помещались либо в сборниках песен (например, в первом томе «Великорусских народных песен» А. И. Соболевского), либо в собраниях эпоса. Но состав этого сборника вызывает многочисленные возражения, так как до крайности разнороден по подбору текстов (не говоря уже о том, что по музыкальному строю многие входящие в него песни не имеют ничего общего друг с другом). Вызывает недоумение и конечный вывод авторов о том, что баллада — это жанр песен с повествовательным содержанием, не имеющих признаков (?) былин, исторической песни и духовного стиха.⁷ Из такого определения нельзя понять, каковы же все-таки собственные признаки баллады, к какой стадии общественного сознания относится ее возникновение.

Между тем жанр — явление историческое. Формальные его особенности вызваны к жизни и обусловлены определенными историческими причинами, особенностями общественного сознания своей эпохи. Поэтому формальные признаки жанра необходимо рассматривать только на конкретно-

³ В. В. Сиповский. История русской словесности, ч. 1, вып. 1. Изд. 6-е, СПб., 1912, стр. 104—105.

⁴ П. И. Якушкин, Сочинения, СПб., 1884, стр. 458.

⁵ Б. В. Томашевский. Теория литературы (поэтика). М.—Л., 1927, стр. 190—191.

⁶ Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Вступительная статья Н. П. Андреева. Библиотека поэта, большая серия, изд. «Советский писатель», Л., 1936.

⁷ Там же, стр. XVII.

историческом фоне, в связи с особенностями художественного сознания его творцов.

До сих пор неясно: каково соотношение эпического и лирического в жанре баллады? Каковы его свойства, происхождение, развитие? Все эти вопросы не разработаны и поныне. Теоретическому осмыслению баллады могут еще помочь конкретные наблюдения советских ученых над ее бытованием,⁸ но в общем надо согласиться с Н. П. Андреевым, что для выявления жанровой специфики баллады необходим конкретно-исторический анализ текстов. Однако при таком анализе возникает специфическая трудность. По содержанию баллады, в отличие от исторической песни, как правило, нельзя установить время ее возникновения, нельзя найти конкретный исторический факт, на который она откликалась бы, или историческую личность, с которой была бы связана. С этой стороны очень характерна и показательна неудача старых исследователей, пытавшихся анализировать баллады методами исторической школы. В частности, поиски, по аналогии с былинами, исторических прототипов для песен о князе Романе⁹ оказались особенно несостоятельными.

Поэтому при анализе баллады приходится во многом опираться на сопоставления с событиями исторической и культурной жизни народа, со сходными процессами в литературе, живописи, других искусствах — словом, рассматривать сдвиги в общественном сознании народа как причину создания определенной художественной системы.

Настоящая статья является опытом анализа одной из распространенных народных баллад с целью выявить историко-географические рамки ее появления и развития и определить ее художественную (жанровую) специфику. Разумеется, эта вторая задача предполагает дальнейшую работу по изучению сходных сюжетов.

1

Баллада «Князь Дмитрий и его невеста Домна», или в просторечии просто «Домна», — драматический рассказ о гибели девушки-невесты — известна в двух версиях, которые отличаются разными развязками, во всем прочем же настолько близки между собой, что их происхождение из одного общего источника не вызывает сомнений (старые собиратели, например А. Д. Григорьев, даже не различали в балладе этих двух версий).

Одна из версий рассказывает об убийстве рассерженным князем своенравной невесты, насмеявшейся над ним; вторая — о самоубийстве героини, предпочитающей смерть браку с нелюбимым человеком.

Действие в вариантах, относящихся к первой версии, разворачивается так. Дмитрий пошел к заутрене. Домна, увидав его в окно, издевается над его внешностью. Рассерженный князь зазывает Домну к себе на пир. Домна, не слушая предостережений матери, видевший зловещий сон, идет на пир. Дмитрий убивает (избивает насмерть) Домну.

Во второй версии наличествуют такие сюжетные отличия: Домну зовут на пир обманом, уверяя, что «князя Митрия дома нет»; девушка захватывает с собою три ножа; увидя князя, приневоливающего ее к замужеству, Домна отпрашивается на могилу отца и бросается на ножи (впрочем, вторая версия имеет в некоторых вариантах значительные сюжетные отступления от этой схемы).

⁸ См., например: А. М. Астахова. Былины Севера. Т. I. М.—Л., 1938 (предисловие); т. II. М.—Л., 1951 (предисловие и примечания к отдельным сюжетам).

⁹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.

В разных вариантах различаются отдельные детали: начало (Дмитрий едет или идет к заутрене); отчество героев (Митрий — Михайлович или Васильевич, Домна — Александровна или Фалелеевна); насмешки Домны; роль сестры Дмитрия (она то выступает инициатором приглашения Домны, то лишь исполняет волю брата, иногда ее совсем нет); характер приглашения девушки на пир (речи послов, их поведение, количество приглашений и пр.); сцена сборов героини; характер вещиго сна матери (варьируются символические предметы, которые она видит); ответ девушки (небрежный или беззаботный); обстоятельства встречи с Дмитрием (он прячется, или сидит за столом, или неожиданно входит, угощает Домну, или осмеивает ее, или принуждает к браку и пр.); характер убийства или обстоятельства самоубийства героини (князь ее избивает или рубит ей голову; она кончает с собой в поле, или на могиле отца, или по дороге к венцу). Встречается покаянное самоубийство князя и пр. и пр. Все эти бесчисленные варианты и их комбинации позволяют проследить пути создания, изменения, распространения и перекрестных влияний разных редакций и версий сюжета.

Всех известных мне записей «Домны» вместе с новыми записями 1957 года и отрывками — 60, из них напечатано 40 вариантов.

Чрезвычайно популярна баллада на Белом море и на Пинеге (см. запись М. Суханова, сделанную в начале XIX века,¹⁰ записи конца XIX и начала XX века А. Д. Григорьева¹¹ и А. В. Маркова¹² и современные записи А. М. Астаховой¹³ и других исследователей). Запись «Домны» в Кижской губе сделал П. Н. Рыбников в 1860 году.¹⁴ Несколько позже две записи баллады были произведены в Новгородской обл.¹⁵ Восточнее Пинеги и на восточном берегу Онежского озера (Пудожье, Кенозеро) «Домна» не зарегистрирована. Южнее Новгородской обл. имеется лишь одна запись, из Симбирской губ., сделанная для П. В. Киреевского в 1830-х годах.¹⁶ Близ тех же мест были сделаны две записи песни про Ивана Грозного, представляющие контаминацию с «Домной» и обнаруженные Б. Н. Путиловым в собрании А. А. Титова.¹⁷

Такая своеобразная узость распространения отличает «Домну» от близких к ней по жанру и столь же популярных на Севере эпических песен-

¹⁰ М. Суханов. Древние русские стихотворения, служащие в дополнение к Кирше Данилову. СПб., 1840.

¹¹ А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. I. М., 1904, ч. I (Поморье), №№ 10, 11, 14, 23; ч. II (Пинега), №№ 62, 91, 101, 107, 118, 125, 127, 134, 135, 147, 151, 174, 175, 177, 182, 184, 200, 203 (в дальнейшем. Григорьев).

¹² А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901, № 33 (в дальнейшем: Марков); А. В. Марков, А. Л. Маслов, Б. А. Богословский. Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года. «Труды Музыкально-этнографической комиссии», т. II, М., 1911, №№ 53, 54.

¹³ А. М. Астахова. Былины Севера, т. II. М.—Л., 1951, №№ 199, 203, 206, 222 (Пинега), 225, 231 (Поморье).

¹⁴ П. Н. Рыбников. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I. 2-е изд., М., 1909, № 92.

¹⁵ Новгородский сборник, вып. II, 1865, стр. 175. Запись 1896 года из Тихвинского уезда см.: Balladic Byliny recorded in the South Ladoga Basin by Roman Jakobson. «Journal of American Folklore», 1956, p. 236—238.

¹⁶ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. V. М., 1863, стр. 63.

¹⁷ См. Собрание А. А. Титова, № 2321 («Быльезе песни», № 2, лл. 14 об.—17 об.) в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина.

В. Ф. Павлова опубликовала в «Советской этнографии» (1958, № 6, стр. 104—105) еще два кратких варианта баллады про Грозного и Домну, записанных в 1956 году экспедицией Казанского филиала АН СССР в с. Архангельская слобода Новошешминского района и примыкающих к Титовской версии.

баллад («Князь Михайло», «Князь Роман» и др.), которые распространены значительно шире по стране.

Версия «Домны» с сюжетом убийства уже в прошлом веке перестала быть творчески активной и забывалась. Среди всех записей к этой версии принадлежит не более десяти окончанных вариантов. Но зато она была отмечена всюду в пределах указанного района — и на Волге, и в Новгородской обл., и в Кижях, и на Белом море, и на Пинеге (один сильно переработанный вариант).

Все эти варианты очень далеки друг от друга по стилю, художественному качеству и характеру обработки, но обнаруживают в существенных чертах чрезвычайно стойкое единство сюжета, который, для старейших записей, вырисовывается в такой последовательности эпизодов:

1. Князь Дмитрий Васильевич идет к заутрене (отсутствие князя и героини всюду уместливо).

2. Домна Александровна, увидев его в окошко, издевается над его внешностью, говоря, в частности, что он «сутул-горбат», у него «косые глаза» и т. д.

3. Дмитрий через сестру, имя которой, как персонажа второстепенного, меняется (Настасья, Олена, Марья), зазывает Домну к себе на пир.

4. Мать Домны остерегает дочь, рассказывая вещий сон, предвещающий какую-то дорогую потерю (она теряет во сне крест, ключ, жемчуг и пр.).

5. Домна отвечает, что сон не будет иметь последствий («ты сама спала, себе видела» или «куда ночь прошла, туда сон пройдет»), и идет на пир к Дмитрию.

6. Мать советует взять три платья («воскресенное», «подвенечное» и «смертное»), символизирующие скорую гибель Домны.

7. Домна приходит к Дмитрию, и тот бьет ее смертным боем, забывая насмерть плетью или поясом.

В некоторых вариантах присоединяется еще эпизод покаянного самоубийства князя (эпизод этот очень редок, четыре примера на все записи обеих версий).

Из начерченной схемы как будто бы выпадает вариант из собрания П. В. Киреевского, записанный около 1830—1832 годов в с. Языково Симбирской губ.

Здесь мать советует Домне идти на пир к Митрию, а Домна отвечает, что она видела вещий сон (распаянный перстень), на что мать возражает дочери: «Уж как нынче снам не веруют». Неестественность такой «расстановки сил» сразу бросается в глаза. В самом деле, не только в русском, а и в мировом фольклоре трудно найти пример, когда бы родная мать не предостерегала дочь или сына от рискованных поступков, а, наоборот, выступала в роли такой «разрушительницы традиций». Вместе с тем мы знаем как раз среди северных записей ряд текстов, где Домна пренебрежительно отзывается о вешем сне матери, говоря о нем почти в тех же словах, в каких в варианте П. В. Киреевского говорит о сне Домны мать. Мы знаем также, что мать, посылающая дочь на пир к Митрию, характерна для пинежской редакции баллады (что, кроме Пинегы, нигде не встречается). Все это наводит на мысль о наличии в тексте П. В. Киреевского какого-то искажения, смещения, перестановки и заставляет искать на Севере если не место этого искажения, то во всяком случае место происхождения неискаженного прототипа этого варианта.

Действительно, вариант, записанный для П. В. Киреевского, имеет ряд черт, роднящих его с северными вариантами, записанными в Поморье. При

этом, если на Севере образы и уподобления сохраняют смысловую ясность, то текст Киреевского, несмотря на его раннюю запись во многом дефектен. Например, в нем содержится выражение: «У него зубы, что соломенны пукли»; трудно допустить в фольклорной образности такое неточное сравнение. Скорее речь шла о волосах Дмитрия, тем более, что многочисленные северные записи дают текст: «кудри соломенные»; вместо обычного эпического северного выражения: «Бела лебедя не рушает» (что, кстати, больше бы подходило по складу к предыдущей строке: «она... хлеба-соли не кушает») — в варианте Киреевского находим: «Белого лебедя на столе не разрушивает». Такие ошибки говорят о том, что язык песни стал далек от речи ее исполнителей, а это как нельзя лучше объясняется предположением, что этот вариант попал с места его возникновения в чуждую речевую среду, т. е. с Севера на Волгу, а не наоборот. Построчное сопоставление записи из собрания П. В. Киреевского с поморскими вариантами показывает еще ряд совпадений (поведение послов, отчество Домны и т. д.), которые подтверждают северное происхождение песни. Переселение новгородцев на Волгу и торговые связи нижней Двины с Москвой и Волгой способны объяснить проникновение «Домны» в Сибирскую губ.

Следовательно, можно с достаточной долей вероятности реконструировать текст из собрания П. В. Киреевского на основе северных записей, т. е. освободить его от недавней и грубой перестановки ролей матери и дочери. В таком случае основные этапы развития действия в этом варианте тоже полностью совпадут с приведенной выше последовательностью развития сюжета во всех старейших вариантах версии баллады с убийством Домны Дмитрием.

Вторая версия баллады, где речь идет о самоубийстве героини, являлась творчески активной до недавнего времени и была широко распространена по берегам Белого моря и на Пинеге. К ней принадлежат ранняя запись М. Суханова, сделанная в г. Коле (близ Мурманска), и подавляющее большинство поздних и недавних записей.

Однако южнее Белого моря и Пинеге вторая версия не зарегистрирована, в местах же своего бытования она образует: на Пинеге — особую пинежскую редакцию, на Белом море — ряд редакций с существенными сюжетными отличиями. Некоторые варианты показывают переход от первой версии ко второй в результате перекрестных обработок.

От сюжетной канвы вариантов первой версии вторая отличается следующими моментами:

- 1) особым зачином, сообщающим о длительном сватанье князя;¹⁸
- 2) эпизодом обманывания Домны: послы, зовущие ее на пир, уверяют девушку, что Дмитрий на охоте (речи послов в разных редакциях значительно варьируются);
- 3) просьбой девушки отпустить ее на могилу отца за благословением (или к матери, или за обручальным перстнем);

Как сватался Митрий-князь,
 Да как сватался Михайлович,
 Что на Домне, на Домнушке,
 Да Домне Фалелевне,
 По три года, по три осени,
 От ворот не отъезжаючи.

¹⁸ Этот зачин изредка встречается и в поздних вариантах первой версии. Однако старейшие ее варианты зачина не имеют.

4) самоубийством Домны, бросающейся на ножи.

Во многих вариантах героиня, хотя и не предвидит худого, все же захватывает с собой три ножа, что не очень оправдано сюжетно и психологически (вообще в эпизоде самоубийства героини наблюдаются значительные колебания в разных редакциях этой версии).

Подробный анализ вариантов второй версии раскрывает последовательность создания ее различных редакций, на чем мы остановимся позже. Сейчас важно установить, какая версия является древнейшей.

Сопоставление изложенных данных заставляет считать древнейшей первую версию, с убийством героини князем, а вторую — производной.

В самом деле, раз первая версия успела проникнуть всюду, где вообще известна «Домна», но находится в процессе разрушения, забвения, а вторая версия известна только на Белом море и на Пинеге, зато очень популярна, естественно считать вторую позднейшей.

Кроме того, первая версия имеет устойчивый сюжет во всех своих редакциях. Вторая устойчивыми имеет те эпизоды сюжета, которые совпадают с первой версией, а в эпизодах, отличающих ее (связанных с самоубийством героини), меняется и варьируется по разным редакциям. Наконец, текстологический анализ показывает, что только с сюжетными особенностями второй версии связаны такие образы, которые не могли развиться в глубокой древности. Например, обманывая девушку, послы говорят, что Дмитрий ушел «стрелять, палить малых утушок... он стрелят-палит, да только дым валит»; лишь во второй версии Дмитрий везет Домну к венцу в карете или она приезжает к нему в карете и т. д.

Эпизод обманывания Домны в песнях второй версии находится между эпизодами, общими для обеих версий (приглашение на пир и вещей сон матери), и если бы первая версия произошла из второй, то этот эпизод не мог бы быть одинаково забыт во всех старейших вариантах первой версии баллады, тем более, что он вполне бы подошел и к сюжету «Домны» первой версии.

Развязка в песнях второй версии, кроме того, что она значительно отличается в разных редакциях, имеет некоторую сюжетную неоправданность в том, что девушка берет ножи с собой на беседу, не зная, что ее ждет там Дмитрий.

Наконец, развязка в первой версии в целом, по своему характеру, архаичнее, чем во второй.

Географическое распределение записей и прослеживание колонизационных потоков указывают на то, что местом создания младшей, второй версии является Север.

Где же родина первой версии «Домны», т. е. место создания самого сюжета нашей баллады?

Таким местом естественно предположить Новгород.

В самом деле: кроме новгородского севера, «Домна» встречается лишь раз — в Симбирской губ., в варианте, пришедшем сюда с Севера. (Повторяем, другие сходные с ней баллады раскиданы по всей стране, попадают на юге, в Белоруссии, на Урале и т. д.).

Правда, есть еще песня про Грозного и Домну из собрания А. А. Титова, записаная в Арзамасском уезде Нижегородской губ. (сравнительно недалеко от с. Языково Симбирской губ., места записи варианта П. В. Киреевского). Однако песня эта при внимательном анализе оказывается явной переработкой одной из северных редакций «Домны». Текстологическое сличение показывает, что имя Грозного присоединено здесь к сюжету «Домны» сравнительно неуклюже, что обстоятельства гибели героини

соответствуют частично пинежскому варианту песни про Домну и Кошачича царя,¹⁹ частично «Домне» из собрания П. В. Киреевского и некоторым поморским записям. Наконец, даже ряд слов («монашина», «грубность», «супрядка»), выражений, оборотов песни про Грозного и Домну уводят нас на Север, к специфическому словарю северных крестьян.

Что же касается распространения сюжета «Домны» к северу от Новгорода, то характерно, что оно в точности отвечает пути именно новгородской и именно боярской колонизации (т. е. колонизации собственно новгородской, при которой промысловые отряды снабжались и направлялись крупным новгородским боярством), нигде не выпадая из этого пути: это Заонежье и берега Белого моря начиная от Поморского берега. Пути шли по Онежскому озеру, и новгородские ловецкие поселки располагались на Поморском берегу, распространяясь отсюда на Летний и Карельский берега, а с Карельского — на Терское побережье (Обонежье, Каргополь, Придвинье — места смешанной, новгородско-московской и преимущественно крестьянской колонизации — совсем не знают «Домну»²⁰).

Именно на этих путях сохранилась первая версия баллады, меж тем как встречный поток московской колонизации, с Двины на Терское побережье и далее, несет с собой уже вторую версию «Домны», изгоняя более древнюю как раз в обратной последовательности.

Попутно следует отметить характер титула Дмитрия — «князь». Титул этот не следует понимать буквально. Вероятнее всего, создание баллады обязано какому-то жизненному факту, и народ, внимание которого было возбуждено сходными событиями, создал на этой основе драматическую песню-повесть, герой которой был назван князем позже. Для русского фольклора очень характерно широкое употребление этого титула без определенных исторических реалий; больше того, титул «князь» — обязательное прозвище жениха во всех без исключения свадебных песнях, а разбираемая баллада перенасыщена образами, взятыми из свадебной лирики (вещий сон матери, насмешки Домны буквально совпадают с соответствующими строками свадебных песен); наконец, возведение героев в ранг князей характерно для всех старинных баллад на севере. Так, и сама Домна становится княгиней в поздних записях,²¹ и даже вдова-пашица с ее детьми-разбойниками и несчастной дочерью (Баллада о братьях-разбойниках и сестре) становится княгиней (соответственно дочь ее, тоже княгиня, выходит замуж за короля), — подобный вариант автор этой статьи лично записал на Терском побережье летом 1957 года.

Итак, мы выяснили место появления «Домны» и последовательность двух ее версий.

В каких же временных границах разбираемая баллада создавалась и активно творчески разрабатывалась?

2

Для того чтобы установить ближайшую временную границу активной творческой жизни «Домны», надо обратиться к записи М. Суханова, относящейся ко второй, младшей версии баллады. Это самая ранняя запись из известных нам, притом одна из лучших. Опубликована она в 1840 году.

¹⁹ Григорьев, т. I, № 91.

²⁰ Подготовности заселения Севера см.: Очерки по истории колонизации Севера. Госиздат, Пгр., 1922; С. Ф. Платонов. Прошлое русского Севера. Пгр., 1923.

²¹ Архив Гос. литературного музея, материалы экспедиции МГУ в Архангельскую область в 1951 г., тетр. 9, № 17.

М. Суханов, крестьянин, поэт-самоучка, родился недалеко от Архангельска, на нижней Двине. В молодости он работал у купца, часто ездил с торговыми поручениями хозяина. В 1824 году приехал в Петербург, где сильно нуждался. Вынужден был снова работать поверенным по торговым делам в Ярославской губ. В родном Архангельске он бывал редко, лишь короткими наездами.

В предисловии к собранию народных песен, написанном в Новгороде в 1838 году, Суханов сообщает: «Выдаваемые мною народные песни, в первой книжке находящиеся (за исключением 13 песен), все собраны были в Архангельской губернии в течение двадцати с лишним лет моего там пребывания».²² Следующий сборник, содержащий «Домну», не имеет предисловия, но перед балладой стоит примечание: «Древнее стихотворение, слышанное и списанное слово в слово, как здесь значит, от кольской мешанской девки Василисы, не умевшей нисколько русской грамоте. Эти стихи были ею петы».

Когда мог Суханов попасть в г. Кола и записать там эту балладу? Только до 1824 года, когда он разъезжал по делам своего первого хозяина.

Что же представляет собой его запись? Это очень стройный, блестяще записанный вариант баллады, ее второй версии, где Домна уже — Фалелевна, где есть зачин, где Домну зовут на пир обманом, уверяя, что князь на охоте, где мать остерегает девушку, сообщая вещей сон — потерю драгоценного креста, где Домна отпрашивается на могилу к отцу «попросить благословения» и кидается грудью на ножи булатные.

Кроме того, Суханов сопровождает текст баллады прозаическими ремарками, в которых рассказывает прочие обстоятельства гибели девушки: что князь слышал ее оскорбления, что Домна взяла с собой из дому, «из ларца», ножи, на которые позже бросилась, что Дмитрий требовал «волей или неволей», чтобы девушка вышла за него замуж, что князь после ее гибели покончил самоубийством сам.

В тот текст, который приведен у Суханова, эти ремарки не вставляются; текст не выглядит без них разорванным, и дополнить его без искажения словесной ткани нельзя.

Однако для всех этих ремарок в позднейших северных записях конца XIX века находятся почти дословные соответствия. К примеру, ремарке «князь Дмитрий это видел и слышал» соответствует позднейшая запись: «Эти речи Митрию во слух пали, Васильевичу да за беду стали»; ремарке «Домна Фалелевна... достает из ларцов два ножичка булатные» отвечает запись: «взяла Домнушка... да два друга сердечные, да два ножика булатные»; ремарке «тут, как видно, последовало предложение князя Дмитрия Васильевича, что она волею или неволею, а должна быть за ним» соответствует запись: «ты где хошь ходи, только моей слыви», и т. д.

Другими словами, Суханов несомненно слышал дома, на нижней Двине, иные варианты второй версии баллады, и, сопоставляя ремарки с позднейшими записями из Нюхчи и Зимней Золотицы, можно даже восстановить по этим свидетельствам особую, нижнедвинскую редакцию баллады.

Поскольку последующие записи дают уже относительно очень мало сюжетных нововведений по сравнению с записью и ремарками Суханова, то ясно, что к началу XIX века творческое создание младшей версии баллады уже было закончено.

²² Песни народные, собранные из уст простого народа, кн. I. Изданы М. Сухановым. СПб., 1840.

Но с нижней Двины «Домна» второй версии проникла на Пинегу, и там создалась особая пинежская редакция второй версии баллады, причем варианты ее так перемешались, что к концу XIX века разделить эту пинежскую редакцию на какие-то твердые подгруппы не представлялось возможным.

Главная особенность пинежской «Домны» — роль матери, которая хочет выдать дочь замуж насильно. Среди сравнений, которые не встречаются нигде, кроме Пинеги, тут присутствует уподобление Дмитрия «кутыре боярской» (кутыра — насмешливое прозвище приказных в допетровской Руси).²³ Следовательно, хотя пинежская «Домна» происходит от «Домны» нижнедвинской (что устанавливается без труда при сличении текстов поморских и пинежских), но попала она на Пинегу еще до петровских преобразований древней русской администрации и упразднения боярства, т. е. не позже второй половины XVII века, хотя и не намного раньше, так как в пору первого, одновременного, заселения Пинеги и Мезени (XV—XVI века) «Домны» там не было, иначе баллада попала бы и на Мезень, чего не произошло.

Время же создания младшей версии баллады нельзя отодвигать много дальше конца XVI—начала XVII века, потому что как раз в это время начинается усиленное движение населения с востока на запад (от Архангельска на берега Белого моря).

Дальняя хронология, т. е. время появления первой версии баллады, не определяется так просто. Здесь нам потребуется обратиться к анализу идейного содержания и художественных особенностей «Домны», а также коснуться ряда общих проблем.

М. Суханов, литературные вкусы которого воспитывались на профессиональном искусстве своего времени (напомним, что это время Карамзина с его «Бедной Лизой»), ощущал одну особенность баллады, которая ему казалась недостатком, — отсутствие психологического обоснования поступков в «авторском» тексте баллады.

И вот Суханов стремится в ремарках восполнить этот «недостаток», объясняя и оправдывая поступки героев анализом их предполагаемых переживаний. Например: «Домна Фалеевна, уверенная в дружбе Настасьи, не послушалась советов доброй матери. Однако, имея какое-то сердечное предчувствие, взяла украдку... два ножичка булатные» (выделено мною, — Д. Б.). Перед нами образец сентиментальной прозы, которая стремилась приблизиться к развившемуся впоследствии в реалистическом искусстве умению показывать внутренние, психологические движения человеческой души, что наряду с раскрытием социальных закономерностей общественной жизни является самым важным достижением реалистического метода.

Между тем в разбираемой балладе, как и в других древних балладах, все развитие психологии лишь подразумевается, если же воспроизводится, то через действие, через описание поступков. Нигде, ни в одном варианте, ни слова не говорится о том, любил ли Дмитрий Домну, но в ряде вариантов он кончает самоубийством после ее гибели. Как относилась к Домне сестра Дмитрия, «любимая подружка» девушки, обманывающая ее? Как Домна относится к Дмитрию — капризы ли это своенравного характера,

²³ В конце XIX века слова этого на Пинеге никто не понимал, оно было мертвым остатком прошлого и зачастую искажалось (по наблюдениям А. Д. Григорьева).

отвращение ли к нелюбимому жениху? В записи П. Н. Рыбникова, например, Домна заявляет матери: «Уйду я замуж за Митрия Васильевича!».

В балладе о Домне, если внутреннее переживание имеет внешнее действительное выражение («ноги резвы подломилися, из глаз слезы покатилися»), то описано только это внешнее выражение; если же внутреннее переживание не имеет внешнего действительного выражения, оно не описывается никак. Также и авторов баллад о князе Михайле и князе Романе никак не занимают вопросы о том, чем же вызвана лютая ненависть свекрови к невестке в первой из них и мужа к жене во второй. Психологические мотивировки оказываются чуждыми этим древним балладам.

Им чужды также и авторские моральные оценки. Нигде в вариантах нашей «Домны» нет прямого осуждения или поощрения действий ее героев. Современные сказители подчас дополняют поэтому текст баллады своими замечаниями, например: «Ну, она им хоть худо сделала, так и они ей тоже худо».²⁴

Со стороны отмеченных особенностей поэтики «Домна» — произведение эпическое. Эпичен и метрический склад, и распев баллады. Вместе с тем многие идейные и художественные особенности отличают «Домну» от традиционного былинного эпоса.

Эпос складывается в эпоху разложения родового строя и образования ранних государств, в эпоху распада древней семьи, основанной на полигамии, и образования семьи моногамной. Отсюда тема создания парной семьи, добывания невесты богатырем становится столь же устойчивой темой эпоса, как и защита родины, народа от чужеземных захватчиков. В. Я. Пропп в начале своей книги «Русский героический эпос»²⁵ показывает важность этой до сих пор малоизученной проблемы поисков невесты для эпоса разных народов.

Образование моногамной семьи, при мужском единовластии, вело к закреплению женщины в семье. Прогрессивность (для своего времени) такого закрепления состояла в том, что разрушающийся род уже не мог обеспечить коллективную защиту потомства, и женщина в период беременности и воспитания детей делалась беззащитной, если не охранялась мужчиной, который имел бы на нее признанные всеми права.

Новое семейное право, давая женщине защиту, отбирало у нее и свободу и человеческое достоинство.

Здесь для сравнения уместно вспомнить былинку о Дунае, ее вторую часть — женитьбу самого Дуная на Настасье и убийство им Настасьи. Между этим сюжетом и сюжетом «Домны» есть определенная связь, основанная на сходстве жизненных конфликтов, разрешаемых, однако, в разные эпохи по-разному.²⁶ В обоих случаях перед нами убийство женщины, произведенное в гневе, как мсть за насмешки. Но Настасья собственно даже не насмехается, осаживая расхваставшегося мужа, а говорит истину и затем доказывает ее, побеждая мужа в состязании; однако и это ей уже не позволено. Дунай в былинке осужден, но не столько за то, что за смелое слово правды убил молодую жену (сама Настасья признает себя виноватой, и есть варианты, где она просит лишь отложить убийство до рождения ребенка), сколько за то, что с нею погубил и своего сына, буду-

²⁴ Записано в с. Шуерецком на Карельском берегу Белого моря (из личных записей летом 1957 года).

²⁵ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. второе, исправленное, М., 1958.

²⁶ Своеобразную связь «Дуная» и «Домны» ощущают и народные сказители; ср., например, эти два произведения в творчестве Аграфены Матвеевны Крюковой (Марков, №№ 10, 33).

щего богатыря, разрушил семью, т. е. тот институт, который он должен был охранять. Характерно, что раскаянье приходит к нему только после того, как, взрезав чрево жены, он увидел младенца-богатыря.

С этой точки зрения можно разобрать проблему брака в эпосе, и ничто не будет противоречить общему, отражаемому эпосом движению к закреплению женщины. Одна из характерных черт эпоса разных стран, в том числе и русского, — потеря женщиной с замужеством своего богатырства или своих волшебных свойств.

Эпос идеологически защищал семью, ставшую впоследствии первичной ячейкой феодального общества.

Казалось бы, Домна по характеру значительно мельче Настасьи из былины «Дунай». Мир ее сужен условиями теремной замкнутой жизни, в которой важными становятся платья, сны, предчувствия. Она вздорна, подчас груба (так, отвечает матери: «Про себя спала, про себя сон видела»), своенравна и капризна в поступках. Осмеяв Дмитрия (запись П. Н. Рыбникова), она вдруг заявляет матери: «Уйду я замуж за Митрия Васильевича». Но при всем том именно в рыбниковской записи особенно ярко проявляется обаятельность этого своенравного характера — такая сила и стремительность вдруг раскрываются в этой теремной затворнице, когда она восклицает: «Ай же ты, родная матушка! Если спустишь — пойду, и не спустишь — пойду».²⁷

Симпатии певцов, при всех колебаниях, склоняются на сторону Домны. Дмитрий, убивая ее, выступает не против института семьи, а против свободы чувства, свободы выбора героини. Характерно, что вторая версия баллады делает эту борьбу героини за свободу чувства еще более яркой, так как там девушка прямо отказывается от брака и накладывает руки на себя, а не просто гибнет от руки Дмитрия. В народном сознании героизм требует действия, героизм без подвига, героизм страдания, почти непонятен народу.

Таким образом, перед нами начало крушения раннего феодального мировоззрения в вопросах семейного права. Безыменных творцов баллады начинают привлекать трагические, теневые стороны семейного права, т. е. само это право перестает ощущаться как безусловно полезное и справедливое.

Разумеется, от этого смутного ощущения далеко еще до признания равноправия женщины в семейном быту. В верхах общества еще сочиняется «Домострой», еще века не будут найдены «ключи от счастья женского» (Некрасов) — золотые ключи, потерянные в вещем сне Домниной матушки, утрату которых каждая девушка оплакивала в горькой свадебной песне до революции. Вот что, кстати, обеспечило долгую жизнь «Домны» на Севере. «Все это было, было, было, — говорила мне пожилая исполнительница баллады в с. Шуерецком на Карельском берегу, — так же вот жили, так же сватались, так же бросались на ножики».

Вместе с тем новое осмысление действительности рождало и новые художественные приемы. Взгляд певца как бы раздвинул старинную систему эпических преувеличений и картинности. Князь Дмитрий уже не богатырь; он и не эпический злодей — в нем нет ничего чрезмерно преувеличенного; нарочито не богатырским выглядит и убийство — избивание Домны. Из ткани

²⁷ Эпическая формула, которой богатыри обычно отвечают матери, когда она не дает разрешения на отъезд. Например, в былине, записанной в Сенной губе, недалеко от Кижей, Василий Буслаев точно так отвечает своей матери, когда та не хочет отпустить его в далекое путешествие (см.: А. Ф. Г и л ь ф е р д и н г. Онежские былины, т. II. Изд. 4-е, М.—Л., 1950, стр. 434).

повествования уже исчезли все те роскошные преувеличения, свободные потоки фантазии, развернутые описания внешности и убранства богатырей, которые характеризовали былинну и былинных героев так, что описания какого-нибудь «выезда» героя, в котором и действия-то никакого еще не происходит, достаточно, чтобы заключить, что перед нами — богатырь (ср., например, выезды Дюка Степановича, Добрыни Никитича и пр.).

Этот отказ от замедленных художественных приемов былины и дает нам ту напряженность действия, ту некоторую строгость («графичность») рисунка, которые отличают эту и другие родственные ей баллады от былин и придают им мрачноватый колорит, хорошо подчеркивающий скрытое в них ожидание трагической развязки.

Какая же эпоха в истории России вызвала описанный перелом в художественных взглядах? Т. е. какая эпоха могла закономерно родить сюжет «Дмитрия и Домны»?

Нити тянутся к концу XIV—XV веку. Приблизительно с XV века начался общий духовный переворот, определявшийся политически временем становления централизованного государства из разрозненных феодальных уделов.

Становление это сопровождалось частичной ломкой взглядов феодального общества — распадом священных связей, по выражению Энгельса, религиозными сомнениями, попытками реформ, ересями, движениями народных масс и прочими кризисными явлениями растущего общества. Подъем производительных сил, расширение торговых связей раздвигали границы привычного мышления, и многое начинало выглядеть иначе, чем прежде. (Вспомним мысли о религии, к которым пришел Афанасий Никитин по окончании своего путешествия).

В литературе в связи с кризисом устойчивого прежде средневекового мышления начинается отход от обычных характеристик людей, слагавшихся согласно иерархии общества; как это показал Д. С. Лихачев,²⁸ представитель каждой общественной группы наделялся строго определенными чертами характера, и ему приписывались строго определенные поступки.

Теперь в литературе, живописи, архитектуре, прикладных искусствах происходят важные сдвиги. Повышается интерес к человеческой судьбе, к неожиданному, трагическому в жизни. Наивная вера в чудесное уступает место сложным символическим толкованиям, поискам ускользающей религиозной идеи. Развивается искусство аллегории. В литературе рядом — «Хождение Афанасия Никитина» и «Сны Шахаиши», в живописи — Андрей Рублев, с его отвлеченной идеалистической гармонией, и Феофан Грек, так полюбившийся новгородцам, с его мужественным трагизмом и неожиданными в XIV веке поисками характера.

Можно усмотреть связь между развитием графического стиля в живописи и того течения в искусстве слова, которое породило балладу. Новые веяния проникают в жития («Житие Михаила Клопского»), в хронографы.

Именно в это время, а не раньше стало возможным появление баллады. Развитие балладного жанра на Западе соответствует этому же периоду развития духовных взглядов общества.

Закономерен интерес баллады к жизни правящего класса, вернее стремление перевести своих героев в княжескую (для России) или рыцарскую

²⁸ Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV века. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 105 и сл.

(для Запада) среду. В эпоху раннего средневековья жизнь правящего класса являлась в какой-то мере образцом для народных художников: они украшали ее своим искусством, изготовляя своими руками и во многом на свой вкус одежду, утварь, хоромы своих господ, вкладывая в этот труд свои художественные идеалы. Вместе с тем семья в правящем классе и семья крестьянская строились на одинаковых принципах. В описываемую эпоху жизнь правящего класса становилась уже отрицательным примером для народа, примером того, как не надо жить, но все еще интересовала народных сказителей. В семейном неблагополучии певцами как бы угадывалось неблагополучие общественное. Сходную картину показывают и другие баллады, перечисленные в начале статьи (о князе Романе, о князе Михайле и пр.), и ряд исторических песен из циклов о Грозном, Скопине и др.

Период русского крестьянского движения начала XVII века характеризуется уже появлением и развитием иных форм общественного сознания и иных художественных форм. Укрепляется интерес непосредственно к простому человеку, интерес народа к своей жизни, вне зависимости от чуждой и уже посторонней ему жизни верхов. Весь русский XVII век с его яркой и разноречивой культурой утверждает и развивает эти новые формы сознания. К XVII веку и относится появление второй версии «Домны».

Появление первой версии баллады мы можем датировать в широких пределах XIV—XVI веков, а если связать ее сюжет с общественными отношениями Великого Новгорода («Домна» могла сложиться в среде зависимых от крупного боярства новгородцев и с ними попасть на Север), то возможно датировать появление баллады XIV—XV веками, последними веками независимости Новгорода.

3

Из истории разбираемой нами баллады остался невыясненным вопрос о том, как создавалась вторая ее версия.

Прежде всего надо напомнить те постоянные факторы, которые способствовали и сопутствовали переработке нашей баллады в районе Белого моря.

Легкость переработки баллады частично объясняется особенностями ее художественной системы. Поскольку текст изображает действия героев, их поступки, очень скупо касаясь описательной стороны и не допуская авторских характеристик, а также толкования внутренних психологических побуждений, то любое изменение действия — лишний эпизод, перестановка событий — очень легко осуществляется и уже меняет существо баллады, т. е. само толкование сюжета. При такой зыбкости характеристик героев баллада изменялась легче, чем могла, например, изменяться былина.

Выше приводилось высказывание одной из сказительниц из с. Шуерецкого, объясняющее постоянный интерес к балладе со стороны исполнительниц, находивших в ней соответствия со своей нелегкой жизнью. Это объяснение популярности «Домны» вплоть до недавнего времени приложимо и к другим балладам; по наблюдению А. М. Астаховой, «устойчивость былин-баллад, корни которых иногда уходят в глубокую старину, обусловлена и драматичностью сюжетов, и тем, что содержание некоторых из них находило долгое время соответствие в пережитках патриархальных семейных отношений; особенно же привлекало певцов в этих песнях ярко выраженное в них осуждение семейного деспотизма, насилия, попирания свободного чувства».²⁹

²⁹ А. М. Астахова. Былины Севера, т. II, стр. 6.

Благодаря этой близости содержания баллады к условиям семейной жизни сказительниц обработки и переработки «Домны» производились постоянно под воздействием образов свадебной лирики, где так ярко раскрывалась тяжесть замужней жизни. Это вливание в балладу образов из свадебной лирики было постоянным и могучим.

Распространение и переработка баллады определялись также направлениями колонизации края.

Постоянным фактором идейного порядка было также стремление певцов подчеркнуть, заострить тему борьбы героини за свободу чувства, за свободу выбора, за свое человеческое достоинство, что вытекало из общего характера развития народной мысли и самосознания и достаточно подтверждено ростом политической сознательности крестьянских масс на протяжении XVIII—XIX веков.

Итак, новгородцы выходили к Белому морю в районе Поморского берега, и отсюда их поселения распространялись на Карельский и Летний берега, перекидываясь на Терский берег.

На Поморском берегу, в районе Нюхчи, Колежмы, Сумского посада, сохранилась старинная версия «Домны» с сильно усеченным и измененным концом.

Версия эта составляет здесь одну редакцию, к ней относятся три записи из четырех, произведенных А. Д. Григорьевым, а именно №№ 10, 14, 23 (I том), из которых только № 14 имеет конец, и три записи А. М. Астаховой (по одной из Нюхчи, Колежмы и Сумского посада). Ее запись из Нюхчи имеет более полный конец, чем № 14 у А. Д. Григорьева.

При сопоставлении всех названных вариантов видно, что они имеют общий источник, при этом построчно подчас так совпадают друг с другом, что, видимо, источник этот не уходит в слишком глубокую древность.

Действуют здесь Митрий Васильевич и Домна Александровна, как и в старейших записях первой версии, но уже есть зачин — трехлетнее сватовство Митрия. Потом следует рассказ, как Митрий пошел к заутрене, как Домна бросилась к окну и, увидав князя, стала поносить его внешность («горбат», «поклоп», «очи косые», «ноги кривые», «кудри заонежские», «речь карельская»). «Эти речи Митрию во слух пришли, Васильевичу за беду стали»; он велит сестре позвать Домну на пир, сказав, что он на охоте: «За куницами ушел, за лисицами, за черными соболями, за сибирскими», кроме того «стрелять-палить уток и лебедей». Послы трижды приходят за Домной. Мать остерегает девушку словами, взятыми из свадебной песни: «Мне ночесь мало спалось, да много виделось» — и рассказывает свой сон (потеря креста или ключа; характерно, что сон этот повторяет соответствующую свадебную причет). Домна, беспечно отвечая матери: «куда ночь прошла, туда и сон пройдет», — умывается, снаряжается (опять следует цитатное использование свадебного образа) и идет на пир. Вся эта последовательность в точности повторена всеми шестью вариантами. В № 14 записи А. Д. Григорьева после этого сообщается, что «брал тут Митрий саблю вострую да срубил у Домны да буйну голову». Конец явно усеченный, полузабытый. Запись А. М. Астаховой из Нюхчи передает его полнее. Здесь Домна входит, кланяется. Митрий выходит из-за печи (в ранней записи М. Суханова он выходил из-за занавески) и спрашивает: «А ты смерть примешь, али замуж идешь?». Домна выбирает смерть, тогда лишь Митрий рубит ей голову.

В целом это еще первая версия баллады, но в ней началось переосмысление гибели Домны. Уже она гибнет после отказа выйти замуж за князя, — это путь к тому, чтобы вовсе изменить конец, как то и произошло в варианте, записанном М. Сухановым и относящемся к последующей по времени переработке «Домны». Некоторые совпадения, намечающиеся между поморскими вариантами и записью Суханова, подтверждают предположение, что эта поморская редакция в старину была распространена много шире и лишь постепенно уступала место редакциям второй, младшей версии баллады.

Последующая переработка произошла на нижней Двине, в месте столкновения новгородского и московского колонизационных потоков.

Архангельск, получивший свое название в 1613 году, уже в середине XVI века вел зарубежную торговлю. В 1693 году Петр закладывает тут корабельную верфь (нам пригодится позже эта дата), в 1702 году город становится центром края, а с 1708 года и всей губернии. Соответственно с этим начинается усиленное движение населения от Архангельска на берега Белого моря. Оно идет от Архангельска через Зимний берег на Терский берег и далее до Кандалакшской губы.

Надо сказать, что берега Белого моря знали несколько отливов жителей на восток, в Сибирь. Последний был при Екатерине II, когда поморы бежали, испуганные проектом обращения их в крепостное состояние. Новые жители, заселяя Терское побережье, несли туда свой фольклор и отодвигали в глубь побережья старинную новгородскую традицию. Так, название «старины» для эпических произведений, неизвестное никому ни на Карельском, ни на Терском побережье, сохранилось до недавнего времени в старинном новгородском селе на Вязозере, в 60 км от берега Белого моря.³⁰

Москвичи, пришедшие на нижнюю Двину в допетровские времена, не знали «Домны», но знали былину о Даниле Ловчанине, в которой жена Данилы кончает самоубийством, чтобы не попасть в руки князя Владимира. Под воздействием этой-то былины, очевидно, и произошла переработка «Домны» на нижней Двине, в чем убеждает нас сравнение текстов былины о Даниле Ловчанине (Борисе Романовиче — Марков, № 48) в записи от Крюковой с ее же вариантом «Домны» (Марков, № 33). Эта нижнедвинская редакция «Домны», первая редакция младшей версии, оказалась очень продуктивной, она попала на Пинегу (как мы установили, в допетровское время), она же стала, постепенно видоизменяясь, завоевывать побережья Белого моря.

Однако промышленное развитие Архангельска уничтожило в его окрестностях эпическую традицию, поэтому нижнедвинскую редакцию приходится восстанавливать по ее остаткам и косвенным указаниям, а именно: по ремаркам М. Суханова к его записи «Домны», которые в совокупности дают особый вариант баллады; по варианту, записанному А. Д. Григорьевым в Нюхче (т. I, № 11); по особой версии «Домны» с Пинеги — «Кощавич-царь и его невеста Домна» (Григорьев, т. I, ч. II, № 91); по воссоздаваемой в результате анализа текста А. М. Крюковой особой, местной, золотицкой традиции «Домны».

Эта золотицкая редакция воссоздается так: дочь Аграфены Матвеевны Крюковой, Марфа Семеновна, удостоверяет, что «пропевали эту старину мать, дед Гаврило Леонтьевич и тетка Ирина Васильевна Крюкова; все пели наразно, а только разница небольшая была».³¹ Старины Аграфены

³⁰ Пользуюсь данными личных наблюдений (Вязозеро находится на Кольском полуострове севернее Умбы).

³¹ Былины М. С. Крюковой, т. II. М., 1941, стр. 707.

Матвеевны А. В. Марков разделил на привезенные с Терского берега (куда входит «Домна») и усвоенные от свекра Василия Леонтьевича (куда входит былина на сюжет «Данилы Ловчанина»). Однако анализ текста «Домны» и сравнение его с традиционными вариантами Терского берега (здесь две записи сделаны экспедицией А. В. Маркова, А. Л. Маслова и Б. А. Богословского в 1901 году и шесть записей произведено автором статьи летом 1957 года) показывают, что А. М. Крюкова включила в свою «Домну» новые эпизоды, неизвестные на Терском берегу, при этом в тексте видны «швы» такого соединения. Использованная ею редкая поговорка, свойственная только старинам ее свекра, В. Л. Крюкова, («А бессрочного-то времени на свете нет»), убеждает нас в факте такого заимствования. Вот эти золотые особенности «Домны» Крюковых и служат для реконструкции нижедвинской редакции.

Все названные варианты, разумеется, очень своеобразны и далеки друг от друга. Но между ними имеются подчас и неожиданные совпадения. Например, картина отказа жениху совпадает в пинежском «Кошавиче-царе» и записи А. Д. Григорьева из Нюхчи; насмешки Домны из «Кошавича-царя», отличаясь от пинежской редакции, повторяют запись М. Суханова; ответ Домны матери: «Ты сама, мати, спала, да себе сон видела» из «Кошавича-царя» — повторяется только в записи П. Н. Рыбникова и в записи Кедрова из Новгородской обл., т. е. в старинной версии баллады. Только в золотичкой традиции, в записи П. Н. Рыбникова из Кижской губы и в особой записи из Нюхчи А. Д. Григорьева наличествует покаянное самоубийство князя. Больше оно не встречается нигде, кроме опять же ремарок М. Суханова.

Вопрос о возможности появления этих особенностей в порядке распространения пинежской редакции к западу отпадает при изучении пинежских вариантов. На Пинеге создалась своя особая редакция баллады, где мать сама посылает дочь к Дмитрию с целью выдать ее насильно замуж — поворот темы, подсказанный певцам обрядовыми свадебными песнями, в которых дочь упрекает мать в предательстве и насильственной отдаче жениху. Пинежская редакция замкнута пределами Пинег и создавалась и передавалась здесь по крайней мере на протяжении XVIII и XIX веков. Она имеет много местных особенностей (здесь отчество героя — Михайлович; в насмешках девушки упоминаются «кошки ордастые, собаки бурнастые»; собрание у Дмитрия никогда не называется пиром, но всегда беседа; Дмитрий везет Домну к венцу в карете, и т. д.).

Наличие нижедвинской редакции и вообще ряда обработок «Домны» на нижней Двине проясняет и некоторые особенности вариантов баллады, попавших на Волгу (см. вариант из собрания П. В. Киреевского).

По сохранившимся следам нижедвинской редакции прослеживается еще целый ряд ее своеобразных черт. В целом восстанавливается следующая картина последовательной переработки старейшей версии: сперва появилась редакция, где убийство совершается после решительного отказа девушки выйти замуж за князя; вина князя подчеркивалась его самоубийством; потом отказ Домны был подкреплен ее самоубийством, после чего отпало самоубийство князя.

Всего текстологического разбора остатков нижедвинской редакции приводить не будем, заметим только, что при внесении в нее под влиянием «Данилы Ловчанина» самоубийства героини не были преодолены некоторые неувязки в развитии сюжета. Например, встанут вопросы, почему Домна одевает «самомертвое» платье и берет ножи, отправляясь на девичью беседу, если она знает, что Дмитрия нет дома и ей ничто не грозит? По-

чему Домна кончает с собой, если она получила возможность уйти из дома Дмитрия и тем самым спастись от него? Самоубийство жены Даниила Ловчанина оправдано и вызвано безусловной необходимостью: любимый муж убит, а князь всемогущ. Здесь же, в «Домне» второй версии, обнаруживается некоторая натяжка, а следовательно, возможность разных толкований и смыслов, как всегда и бывает с неустоявшимися, не до конца обработанными сюжетами. Отсюда на Пинеге создается свое осмысление гибели девушки, своя редакция, в которой Домну хочет выдать за Дмитрия ее родная мать, и девушка, не видя защиты дома, кончает с собой. На Терском берегу в свою очередь создается особая редакция баллады, ведущая свое начало с той же нижней Двины, т. е. одна из редакций второй, младшей версии баллады.

Редакция Терского побережья до эпизода прихода Домны в дом Дмитрия не имеет существенных отличий от редакции Поморского берега (стоит сличить записи №№ 53 и 54 у А. В. Маркова, А. Л. Маслова и Б. А. Богословского с записью А. Д. Григорьева — т. I, № 14). Указанное сходство помогает увидеть здесь соединение новой версии баллады, пришедшей с нижней Двины, со старинной поморской редакцией первой версии. Но отчество Домны на Терском берегу уже Фалелеевна, как и во всех редакциях младшей версии, и конец баллады здесь рассказывает, по всем записям, о самоубийстве Домны. При этом всюду девушка, отпущенная князем за благословением со словами «Где хошь ходи, только моей слыви», непременно заходит в кузницу, где ей выковывают роковые ножи, после чего она кончает самоубийством.

Этот красивый, но далекий от жизненного реализма образ попал сюда, конечно, не из действительности, а из фольклора, причем устанавливается и вероятный источник — причть невесты, сочиненная, судя по упомянутым в ней реалиям, около Архангельска, возможно уже в XVIII веке в связи с работой петровской корабельной верфи.

Вот названное причитание, привезенное с Терского берега (это невестин плач накануне свадьбы, когда она просит сестру в последний раз заплести ей косу):

«Ты сходи, моя лебедь бела,
 Ко Архандельцку ты ко городу,
 Ко торговишшу гостиному,
 Ко прибежишшу у мя лодейному,
 Ко становишшицю корабельному,
 Ты ишше сходи, лебедь бела,
 Ты во кузьницы сходи, во медьници,
 Уж ты скуй-ко-се, лебедь бела,
 Ты три ножицька мне-ка булатного,
 Ты вплети, моя лебедь бела,
 Во природньеньку мне трубцяту косу;
 Когда приде ко мне, лебедь бела,
 Роскрестовенька да хрсна матушка,
 По кистям-то руки отрежу,
 Когда расплетать-то станё, рострёпывать
 Шьто природьну мою трубцяту косу».³²

А вот окончание «Домны» с Терского берега в записи тех же собира-
 телей:

«Уж ты гой есь, Митрей-князь да ты Васильёвиць!
 Ты спусти меня сходить да к родной маменьки.

³² А. В. Марков, А. Л. Маслов, Б. А. Богословский. Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года. «Труды Музыкально-этнографической комиссии», т. I, 1906, № 49.

Я забыла ведь зладён перьстень да на окошоцкыи». Тут спроговорил ведь да Митрей-князь: «Уж ты где хошь ходи, да только моёй слови». Пошла Домнушка она да ведь во кузьницю, А сковала Домнушка два ножицка булатныя, Пошла Домнушка да во цистó полё, Она тыкнула тупым концём да во сыру землю, А вострым концём себе да во белы груди: «Не достаньсе ты, моё да тело белоё, Уж как Митрею-князю да на порыганьё, Уж достаньсе, моё тело очень белоё, Во-серым волкам на вóньё, Чёрным воронам да на пограёнью!».³³

На Карельском берегу «Домна» записывалась неоднократно.³⁴ Анализ этих вариантов показывает смешение первой версии баллады со второй. Следы первой версии видны в такой, например, развязке: Дмитрий толкнул Домну, она упала, умерла (запись И. Этиной; в такой гибели можно видеть влияние даже более древней, чем поморская, традиции: еще с убийством-избиением). Вторая версия баллады здесь повсеместно наслаивается на первую, поглощая и вытесняя ее, как и всюду, где эти две версии сталкиваются.

Поздняя двукратная обработка «Домны» М. С. Крюковой³⁵ идет по пути внутреннего переосмысления баллады, при котором «Домна» превращается в авантюрно-романтическую и мелодраматическую повесть о несчастной любви. Житейский, жизненный конфликт, родивший эту балладу, тут расплылся, исчезнув в пышной декорации былинного киевского великолетия. «Домна» М. С. Крюковой показывает, как неудержимо меняется произведение устного творчества, когда меняются жизненные факторы, способствовавшие его сохранению.

Запись «Домны» в 1951 году экспедицией МГУ в Холмогорском районе Архангельской обл.³⁶ показывает нам дальнейшую ступень разложения внутреннего смысла сюжета, как и самой поэтики баллады. Трагический конфликт, обусловленный бесправием женщины в феодальном обществе, заменен тут случайной нелепой гибелью девушки по дороге к венцу, ни на чем, собственно, не основанной (случайно убилась, упав головой о камень). Конфликт ушел в прошлое, осталась трогательная повестушка. Это — путь к забвению.

Итак, со значительной долей вероятности можно утверждать, что баллада «Князь Дмитрий и его невеста Домна» является балладой новгородского происхождения, первая версия которой возникла возможно в XIV—XV веках (и никак не позже XVI века), а вторая — примерно в XVII веке на нижней Двине при скрещении с былинной «Данило Ловчанин».

В XVIII—XIX веках баллада держится в основном на местах своего

³³ Там же, т. II, 1911, стр. 98, № 53.

³⁴ Сб. «Славянский фольклор», Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 219—220 (текст из с. Сорока; публикация Р. Липец); «Студенческие записки Филологического факультета ЛГУ, 1937, стр. 24—25 (запись И. Этиной в дер. Гридино Кемского района в 1935 году); Рукописный отдел ИРЛИ, Р. V, колл. 57, папка 1 (еще 3 текста в записи И. Этиной из Кемского района). Есть новые записи 1957 года из тех же мест.

³⁵ Былины М. С. Крюковой, т. II, № 71 (запись 1938 года Э. Г. Бородиной); Рукописный отдел ИРЛИ, Р. V, колл. 90, папка 5, № 9 (запись А. М. Астаховой 1937 года).

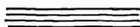
³⁶ Архив Гос. Литературного музея, материалы экспедиции МГУ в Архангельской области в 1951 г., тетр. 9, № 17.

прежнего распространения, на Севере частично дорабатываясь, южнее угасая. Районы бытования баллады разобщаются (происходит забвение «Домны» на нижней Двине). В наши дни, при новых условиях жизни, трагический конфликт баллады перестает восприниматься как типический и забывается.

Как явление определенного жанра, баллада создается в пору частичной ломки средневекового мирозерцания, в пору образования централизованного государства из разрозненных феодальных уделов; она отражает неблагополучие в практике семейных отношений общества и тяготение народных масс к смене художественного метода, породившего былинку.

Баллада отличается, при общей эпичности изложения, отсутствием эпических преувеличений, напряженной сухостью, «графичностью» рисунка и драматизмом содержания. В ней отсутствуют авторские характеристики героев, скупы внешние описания. В художественных целях богато использована символика (символические платья, вещий сон). Характеры в балладе раскрываются исключительно в их действиях.

Названные черты обнаруживаются при ближайшем знакомстве и в других старинных балладах: «Князь Михайло», «Князь Роман жену терял», «Князь Роман и Марья Юрьевна», «Князь, княгиня и старицы», «Вдова пашица», «Василий и Софья» и пр. Всестороннее изучение всей этой группы баллад необходимо для того, чтобы уточнить и подкрепить данные о характере жанровых особенностей баллад этого типа и о времени их возникновения.

О. Б. АЛЕКСЕЕВА

МАССОВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПЕСЕННАЯ ПОЭЗИЯ ГОРНО-ЗАВОДСКОГО УРАЛА НАЧАЛА XX ВЕКА

С конца 1890—начала 1900-х годов революционная марксистская теория становится достоянием рабочих масс. Революционное сознание дает новые стимулы для развития поэтического творчества русского пролетариата, примером чего и служит пролетарская песенная поэзия.

Поэзия эта создавалась представителями самой пролетарской массы или же представителями революционной интеллигенции, посвятившей свою жизнь рабочему классу; и в том и в другом случае песни проводили идеи пролетарской революции, посредством художественных образов вскрывали необходимость ликвидации старого строя, призывали к беспощадной борьбе с угнетателями, способствовали внесению в пролетарское движение социалистического сознания.

Определить ту или иную песню как произведение пролетарской революционной поэзии можно только исходя из ее содержания, ибо лишь то искусство можно назвать пролетарским, которое, являясь творчеством людей, посвятивших себя делу рабочего класса, последовательно и неустанно служит ему. Обращаясь к рабочим, Плеханов говорил: «У вас должна быть своя поэзия, свои песни, свои стихотворения. В них вы должны искать выражения своего горя, своих надежд и стремлений».¹

Революционная рабочая поэзия начала XX века отражает действительность с точки зрения революционного рабочего. Чем сознательнее относились представители рабочего класса к своему положению, тем больше негодования по отношению к существующему порядку и решимости бороться с ним вызывала у них их собственная участь. Эти чувства запечатлевались в песенном творчестве, которое по мере развития рабочего сознания становилось все богаче и выразительнее. В период развития революционного движения возникло большое количество песен, авторами которых являлись сами рабочие; их произведения, выражавшие идеи революционной борьбы, получали немедленное распространение в рабочей массе, исполнялись ею и тем самым служили делу политической агитации.

В развитии песенного творчества рабочих Урала в начале XX века наблюдаются те же явления, что и в развитии рабочего песенного творчества других промышленных районов страны.

Главенствующее положение в песенном репертуаре уральских рабочих занимают революционные песни. Складывавшиеся под воздействием социалистических идей и осваиваемые уральской рабочей массой, эти произведения

---

¹ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. Гослитиздат, М., 1948, стр. 485.

служили своеобразным художественным выражением практики революционной борьбы пролетариата России.

Песенный материал уральских рабочих дает возможность раскрыть особенности того нового явления в области идейно-художественного развития пролетариата, которое представляет собой пролетарская революционная поэзия.

Для того чтобы выяснить картину бытования и степень распространения революционной поэзии на Урале начиная с 900-х годов следует вспомнить некоторые черты социально-экономической жизни края этих лет.

Промышленный кризис 1900—1909 годов принял в уральской промышленности с ее крепостническими пережитками более острый, нежели в других районах страны, характер. За время кризиса на Урале было закрыто более 12 металлургических заводов, число рабочих в горнозаводской промышленности сократилось на 43 тыс.² Безработица и кризис обостряли борьбу рабочих, стачки становились более массовыми и упорными. За пять лет кризиса, с 1900 по 1904 год, на уральских горных предприятиях произошло около 20 крупных забастовок. Наиболее крупные выступления за период с 1900 по 1904 год произошли на Воткинском, Златоустовском и Мотовилихинском заводах.

В период до 1905 года борьба рабочих Урала оставалась еще во многом стихийной, что особенно ясно сказалось в рабочем движении на старых небольших заводах, где крепостнические пережитки были ощутимее. Администрация этих заводов, в годы кризиса особенно угнетавшая рабочих, за свои беспрестанные издевательства над рабочими заслужила их глгучую ненависть.

События 1900—1904 годов, несмотря на то, что в них было еще много неорганизованного, показали, что рабочие Урала не хотят мириться ни с крепостнической кабалой, ни с капиталистической эксплуатацией и что они все шире и шире включаются в общепролетарскую борьбу.

В революционный 1905 год рабочее движение на Урале достигло своего высшего напряжения несколько позднее, нежели в центральных, южных и западных промышленных районах. Урал был оторван от крупнейших промышленных районов страны, в частности от Петербурга. Достаточно напомнить, что, например, прямое железнодорожное сообщение между Пермью и столицей было открыто лишь в 1906 году. Естественно поэтому, что уральский пролетариат медленнее втягивался в общепролетарское движение против царизма, чем рабочие других районов страны. Так, за три революционных месяца 1905 года на Урале произошло всего 8 забастовок. Наиболее значительными из них по результатам и массовости явились забастовки пермских железнодорожных мастерских, рабочих Лысвенского завода и Алапаевского металлургического завода.

Однако к лету 1905 года борьба рабочих Урала по своим формам, размаху и лозунгам уже не отличалась от борьбы рабочих других районов страны. Отставание, наблюдавшееся в первые месяцы революции, исчезло, и рабочее движение на Урале стало частью всероссийского пролетарского фронта борьбы.

В октябре и ноябре 1905 года на Урале произошло 24 забастовки: в Перми, Екатеринбурге, Уфе, Челябинске, Златоусте, Нижнем Тагиле.

² Здесь и далее данные приводятся по книге: Очерки истории большевистских организаций на Урале, ч. I. Под общей редакцией Я. С. Юферева. Свердловск, 1951, стр. 35.

Для этого периода забастовочного движения характерна солидарность рабочих одного или нескольких предприятий. Забастовки носят исключительно острый характер и сопровождаются митингами и демонстрациями.

В конце 1905 года революционное движение достигло наивысшего подъема в Екатеринбургe, Челябинске и Златоусте, но не поднялось там до организованного вооруженного восстания. Вооруженное же восстание рабочих Мотовилихинского завода в Перми не поддержали рабочие других заводов, и оно было быстро подавлено. После подавления декабрьского восстания революционное движение на Урале некоторое время еще держалось на высоком уровне.

Новый промышленный подъем, начавшийся в 1911 году в России, оживил промышленность Урала, чему способствовало развитие железнодорожного строительства. Непосредственным толчком к новому массовому революционному подъему послужил расстрел рабочих на реке Лене 4 апреля 1912 года. Политические стачки протеста на уральских заводах к маю 1912 года насчитывали уже около 400 тыс. бастующих рабочих. Со второй половины 1912 по 1914 год стачечное движение продолжало усиленно развиваться. Бастовали рабочие Нижнеуфалейского, Миньярского, Мотовилихинского, Нязе-Петровского, Уфимского, Ревдинского, Верх-Исетского заводов, рабочие Богословских угольных копей.

Начало империалистической войны и призыв в армию кадровых рабочих вызвали повсеместные волнения. На Лысенском заводе, например, возмущение мобилизованных рабочих перешло в вооруженное столкновение с властями. Подобные эпизоды не были случайностью для заводского Урала этого времени.

1916 год принес усиление революционной борьбы рабочих Урала. За этот год на Урале произошло более 69 забастовок, в которых участвовали десятки тысяч рабочих. Направленные на Урал по эвакуации рабочие центральных и западных промышленных районов страны, имевшие опыт революционной борьбы, оказывали революционизирующее влияние на уральский пролетариат.

Революционное движение на Урале в начале XX века, достигшее высокого уровня и составлявшее единое целое с революционным движением пролетариата центральных и западных районов страны, явилось той почвой, которая обусловила широкое развитие и распространение революционной поэзии.

За полтора десятилетия XX века уральский пролетариат прошел суровую школу революционной борьбы; к этому времени исторические особенности его развития (связь его с сельским хозяйством, а отсюда некоторые черты крестьянской психологии горнорабочего) постепенно нивелируются, и, как мы видим, он оказывается в ряду передовых отрядов рабочего класса России. Вполне естественно, что и сознание уральского пролетариата достигает высокого революционного уровня. Поэтому и при изучении его песенного творчества мы не можем ставить целью отыскивание каких-либо специфических, только уральскому пролетариату присущих особенностей развития его песенной поэзии.

На заводском Урале в этот период получают исключительно широкое распространение общепролетарские песни, среди которых можно отметить в основном две группы. Первую составляли революционные марши и гимны, звучавшие на демонстрациях, сходках, так как они организовывали, направляли волю рабочих. На Урале в первое десятилетие нашего века широко прозвучали «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу», «Красное знамя», «Интернационал», «Марсельеза», «Песнь пролетариев» и др.

Другую линию общепролетарской поэзии, осваиваемой уральскими рабочими, составляли песни агитационно-пропагандистского и сатирического характера, которые, с одной стороны, раскрывали тяжесть капиталистического гнета, обличали на конкретных примерах самодержавно-крепостническую систему и, с другой стороны, сатирическими приемами изображали угнетателей трудового народа, осмеивали отсталость сознания самих масс. Такого рода песни, авторы которых в большинстве случаев неизвестны, получали самое широкое хождение среди пролетариата, иногда несколько изменяясь в зависимости от конкретной обстановки бытования. Среди песен данного типа на Урале в бытовании зафиксированы: «9 января в С.-Петербурге!» («Не стая воронов слеталась...»), «Мы мирно стояли пред Зимним дворцом», «Машинушка», «Мы братья», «На десятой версте от столицы», «Стреляй, солдат, в кого велят», «Всероссийский император», «Как четвертого числа нас нелегкая несла смуту унимать», «Эхо», «Задумал наш Трепов», «Нагайка», «Дело было под Артуром», «Алексеев-генерал лес на Ялу вырубал» и др.

О том, что общепролетарские песни в начале века были широко распространены среди рабочих Урала, имеется ряд свидетельств. Корреспонденции с Урала, публикуемые в пролетарских изданиях, подчеркивая революционную настроенность уральских рабочих, солидарность их с рабочими всей страны, ссылались на повсеместное исполнение революционных песен.³

О популярности пролетарских песен в заводских поселках Урала говорит и большое количество листовок, прокламаций, воззваний, выпускавшихся уральскими комитетами РСДРП, в которых так или иначе использовались песни революционного подполья.⁴ Нелегальные большевистские издания, в той или иной форме доводившие до масс тексты революционных песен, сыграли огромную роль в распространении на Урале революционной песенной поэзии. Официальными правительственными документами того времени также отмечено исполнение рабочими Урала революционных песен во время сходок и демонстраций.⁵

В советское время опубликованы многочисленные воспоминания участников уральского революционного пролетарского движения, в которых указывается, что ни одна из многочисленных забастовок и стачек, проводимых уральскими рабочими как в годы первой русской революции, так и после нее, не обходилась без исполнения революционных песен.⁶

В сборниках уральского фольклора, изданных в советское время, зафиксированы произведения той линии пролетарской песенной поэзии, которая может быть определена как агитационно-пропагандистская, объединяющая обличительные и сатирические песни, создаваемые в самой рабочей массе.

³ См., например, корреспонденции с Урала, опубликованные на страницах газ. «Пролетарий» (1900, № 8, 4/16 июня; 1905, № 9, 20 июня/3 июля).

⁴ См., например, материалы архива истории партии при Свердловском обкоме КПСС (ф. 41, оп. 1, д. 101, лл. 20, 172, 198; д. 96, лл. 272, 280; ф. 3, оп. 1, д. 26, л. 27; оп. 9, д. 3, лл. 157—158).

⁵ См., например: П. Мурашев. Надеждинск. Свердловск, 1926, стр. 59 (Приложение № 3); Сборник материалов революционного движения в Тагильском округе, вып. 1. Нижний Тагил, 1925, стр. 104.

⁶ См., например: Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. Под ред. М. Горького, Д. Мирского. Изд. 2-е, Гос. изд. «История заводов», М., 1935, стр. 125; Златоуст. Революционное движение 1896—1905 гг. Под ред. А. Таняева. Свердловск, 1926, стр. 41; И. Годлевский. Из воспоминаний о первом «Уральском рабочем союзе». «Каторга и ссылка», 1928, № 8—9 (45—48), стр. 56—59.

В комментариях, приводимых в сборниках В. П. Бирюкова, Е. М. Блиновой, говорится о широкой распространенности среди рабочих Урала революционных пролетарских песен.⁷

Все это дает возможность сделать вывод о том, что революционная песенная поэзия, выражающая пролетарское мировоззрение, пролетарское понимание целей борьбы, была близка уральским рабочим; распространению ее на Урале способствовала революционизация рабочей заводской массы, включившейся в начале XX века в общую борьбу, которую вел пролетариат России против крепостнически-капиталистического уклада. Революционные пролетарские песни с большой художественной силой и убедительностью отвечали на вопросы, волновавшие всех рабочих, в том числе и уральских, отражали их чувства, настроения, указывали конкретные цели и пути борьбы, что обеспечивало быстрое их восприятие, обуславливало массовость их бытования.

Записи революционных песен, произведенные на Урале, а также различного рода свидетельства об исполнении уральскими рабочими произведений революционной песенной поэзии дают возможность заключить, что в первое десятилетие XX века уральский пролетариат освоил революционную песенную поэзию тех лет в ее двух основных линиях: маршево-гимнической и агитационно-сатирической. Эта поэзия заняла ведущее место в его песенной культуре, поскольку она соответствовала уровню революционного сознания уральского пролетария и являлась оружием в борьбе с капиталом.

Общерусская пролетарская песенная поэзия, получившая распространение на Урале в начале XX века, представляет собой главенствующую, но не единственную линию массовой революционной песенной поэзии Урала. Другую линию, более узкую, но тем не менее столь же существенную, представляют песенные произведения, созданные в среде уральских рабочих, отражающие конкретные события уральской действительности и проникнутые духом пролетарской борьбы, непримиримой ненавистью к эксплуататорскому строю. Таковы «На Нижнетагильском заводе», «10 июля 1905 года», «Чермозская марсельеза», «Как четвертого апреля», «Губернатор Богданович, николашкина вся власть» и ряд других.

Песни, созданные представителями рабочего класса Урала, посвящены в основном изображению конкретных событий на том или ином заводе, столкновению рабочих с администрацией, жестокости заводского начальства. Созданные по поводу какого-либо события, имевшего место на определенном заводе, песни быстро распространялись на других предприятиях, поскольку порядки на них были одни и те же. Поэтому и песни, отражающие положение на каком-либо одном заводе, воспринимались рабочими других заводов как «правда про их собственную жизнь».

Обличительные песни служили одной из важнейших конкретных форм агитации масс. В. И. Ленин в 1902 году указывал: «Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения... Мы

⁷ Е. М. Блинова. Сказы, песни, частушки. Челябинск, 1937, комментарий к разделу «О 1905 годе» (стр. 268), указывающий на распространение в начале 900-х годов на многих заводах Урала песен «Отречемся от гнусного долга» и «Спи, младенец мой прекрасный» (в дальнейшем: Блинова); В. П. Бирюков. Урал в его живом слове. Свердловск, 1953, комментарии к песням «Дело было под Артуром» (стр. 23), «Стреляй, солдат, в кого велят» (стр. 264), «На заросшем бурьяном кладбище» (стр. 270), «Машинушка» (стр. 271), «Всероссийский император» (стр. 274), «Перед вами император всей Руси» (стр. 274) и др. (в дальнейшем: Урал в его живом слове); см. также: В. Е. Гусев. Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала. «Ученые записки Челябинского гос. педагогического института», т. I, вып. 1, 1956, стр. 256.

не исполним своей задачи развивать политическое сознание рабочих, если мы не возьмем на себя организацию всестороннего политического обличения самодержавия. Ведь для того, чтобы агитировать по поводу конкретных проявлений гнета, надо обличать эти проявления. . .».⁸ Именно развитию политического сознания рабочих и способствовали песенные произведения, обличающие конкретные формы эксплуатации. И призыв к борьбе, выраженный в этих песнях, направлял возмущение рабочих.

Характерна в этом отношении песня «На Нижнетагильском заводе», сочиненная, как свидетельствовали исполнявшие ее рабочие, одним из политических ссыльных.⁹ Рисуя конкретные картины эксплуатации рабочих хозяином завода и его управителем, песня создает образ «удалого бедняка»-рабочего, поднявшегося до открытого протеста и агитации рабочих.

Выразителен в песне образ эксплуататора:

В ту пору хозяйские лапы,
Как когти, держали нас всех,
А Важгин-артельщик все хапал,
И то не считая за грех,
Он брал и деньгами, и хлебом,
И сахарным мелким песком.
На наши на кровные деньги
Себе он повыстроил дом.

. . . . .
Важгин по приказу Павлухи
Входил к нам ко всякому в дом
И каждого гнал на работу
Большим коногонным кнутом.¹⁰

В этом образе обобщены характерные черты заводского управителя, «развращенного полукрепостническими условиями ведения заводского хозяйства» (Ленин). Фигура управителя типична для уральской заводской действительности начала XX века.

Совершенно естественно, что в песне отсутствует конкретное изображение хозяина — владельца завода, он оставался для рабочих несколько абстрактной фигурой, ибо заводчики, как правило, не утруждали себя вопросами производства, предпочитая растрачивать получаемые доходы в столице или за границей, и такое положение было весьма характерным для многих заводских хозяйств XIX и начала XX века. И в данном случае владелец нижнетагильских заводов Павел Демидов Сан-Дonato большую часть времени проводил за границей, куда и высылались ему прибыли, выколачиваемые с заводов.¹¹ Вследствие этого рабочие конкретного представления о владельце почти не имели, повседневно они сталкивались лишь со своими непосредственными угнетателями — управителями, приказчиками, барскими «прихвостнями» и «подлокотниками», как характеризовали их сами рабочие. Именно поэтому в песне «На Нижнетагильском заводе», получившей широкое признание заводских рабочих, наибольшему обличению

⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, стр. 371.

⁹ В основу песни положен очевидный факт расправы над рабочим-революционером. Как сообщает записавший песню Ю. Самарин, «старые рабочие помнят это событие так же, как и всех лиц, которые в нем фигурируют» («Литературный критик», 1935, № 10, стр. 161).

¹⁰ Песни уральского революционного подполья. Составители М. С. Кашеваров, К. В. Боголюбов. Свердловск, 1935, стр. 17 (в дальнейшем: Песни уральского революционного подполья).

¹¹ Некоторые факты из жизни П. Демидова Сан-Дonato приводятся в книге В. В. Огаркова «Демидовы» (СПб., 1891).

подвергается непосредственный эксплуататор, артельщик, а не заводо-владелец. Созданная на основе одного из многочисленных фактов борьбы заводских рабочих с управителями, песня и запечатлела отношение народа к подобным угнетателям.

В ней присутствует и образ рабочего-революционера, правда в художественном отношении слабо намеченный. О нем самом говорится лишь то, что это «удалой бедняк», который «богу вовек не молился», и подчеркивается, что он поднялся до агитации рабочих масс. Именно в его уста вложен призыв к активной революционной борьбе:

Товарищи, братья, родные,
Довольно вам спины ломать
За то, чтоб хозяевам-чертям
На ваших трудах отдыхать.
Прошло то несчастное время,
Павлухе не век управлять,
Мы сами добьемся управы
И не станем на бар работать.¹²

Образ революционера, хотя он лишь намечен, составляет идейный центр песни. Он не мог появиться в уральской рабочей песне XIX века, поскольку появление его стало возможно лишь тогда, когда практика массовой борьбы и социалистическая теория революционизировали сознание рабочих.

Образ «удалого бедняка» оформляется в данной песне несомненно под общим влиянием массовых революционных пролетарских песен, рисовавших смелых борцов революции, однако агитационная линия не проведена до конца. Сочувствие к «удалому бедняку», вставшему на защиту рабочих и сосланному за это в Сибирь, получает наивно сентиментальное звучание:

И умер бедняк там безвестно,
Среди тех безрадостных скал.
А дома остался родитель
И старая дряхлая мать...
И будем мы дружно, ребята,
Его за упокой поминать.¹³

Такая концовка сглаживает революционный призыв, ясно осязаемый в средней части песни.

То обстоятельство, что данная песня дошла до нашего времени, говорит о ее распространении. Слабость художественной формы песни отнюдь не уменьшила ее популярности, революционный призыв, в ней отраженный, находил самый живой отклик в сердцах задавленных заводским гнетом рабочих.

На местном же материале, по поводу конкретных событий, создана и другая уральская песня — «Чермозская марсельеза», получившая распространение среди рабочих пермских заводов. Песня повествует о выступлении рабочих против угнетения и произвола. Свидетельство о событиях на Чермозском заводе в ноябре 1905 года находится в материалах Центрального государственного исторического архива в Москве. В телеграфном донесении пермского губернатора М. В. Стрижевского в Министерство внутренних дел сообщается о стачке рабочих Чермозского завода, которая и послужила темой для данной песни.

¹² Песни уральского революционного подполья, стр. 18.

¹³ Там же, стр. 19.

«(На) Чермозском заводе Абамелик-Лазарева, — пишет пермский губернатор, — 23 ноября рабочие прекратили работы, потребовали чрезмерных прибавок. Главноуправляющего Пивинского тысячная толпа насильно водила (по улицам, передела его (в) лапти, страшила погрузить (в) про рубь, увела (в) волостное правление; здесь угрозами принудила подписать согласие удовлетворить всевозможные требования новых прибавок, побила двоих служащих завода. Теперь часть служащих разбежалась, рабочие сами открыли завод, без заводской администрации, выбрали своих служащих, самовольно распоряжаются».¹⁴

В песне «Чермозская марсельеза» центральной фигурой, против которой направлено обличение, является также управляющий заводом. Именно в нем видят рабочие непосредственного угнетателя:

Рабочей кровью ты опился,
Ты нашим потом разжирел.

Но в то же время в самом обличении чувствуется недостаточно высокая политическая сознательность рабочих данного завода. Вслед за строкками, разоблачающими эксплуататорскую сущность управителя, мы встречаем следующие:

Ты нас невинно увольняешь,
Работ в заводе не даешь,
Невинных девок покупаешь,
Богатство князя продаешь.¹⁵

Кровавая эксплуатация рабочих и расхищение хозяйского капитала ставятся песней в один ряд в качестве обвинений, предъявляемых управляющему заводом.

Характер развертывания самого сюжета песни также обнаруживает недостаточную политическую зрелость ее авторов. Песня повествует о выступлении рабочих, их забастовке, причем требования рабочих носят чисто экономический характер, в них нет еще политического осмысления собственного положения:

Мы собралися здесь толпою
Просить получше нам пожить,
Прибавки дать к поденной плате,
Жердьем, дровами наделить.
Нам школу новую построить,
Чтоб наших деток обучить.¹⁶

Получив грубый отказ управляющего удовлетворить их требования, рабочие расправляются с ним. Но и факт расправы, запечатленный песней, выражает лишь начальные формы борьбы рабочих со своими угнетателями: управляющего обувают в лапти и выводят с завода. Подобная форма протеста очень часто использовалась рабочими многих заводов России в конце XIX—начале XX века, она давала выход возмущению и гневу рабочих, обрушивая их ненависть на непосредственных угнетателей, с которыми они сталкивались повседневно.

Художественные достоинства подобной песни незначительны, поэтическая форма ее наивна, но такие песни пользовались популярностью и усваи-

¹⁴ Опубликовано в сб. «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы» (Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 821, № 617).

¹⁵ Песни уральского революционного подполья, стр. 48.

¹⁶ Там же, стр. 47.

вались рабочими не потому, что отвечали их эстетическим вкусам, а потому, что выражали их собственные чувства и стремления, призывали к борьбе за иную, свободную жизнь, точно так же, как и популярные произведения рабочих других промышленных районов, отражавшие настроения и чувства рабочей массы.

В революционной борьбе использовались и песни, созданные уральской революционной интеллигенцией. В этой связи следует упомянуть песню, записанную от старых рабочих Златоустовского завода, «Жизнь настала хуже собачьей — нужно восстать всем дружной»,¹⁷ которая являлась переделкой стихотворения, написанного политическим ссыльным Г. П. Чуевым в 1893 году.¹⁸ Первая половина стихотворения (29 строк), риторически-описательная, в песенном тексте отбрасывается; песня более сжато и четко обрисовывает положение рабочих на заводе; в ней уже меньше рассуждений, больше динамики, резче выражен призыв к восстанию, который в стихотворном тексте приглушается размышлениями автора, придающими всему произведению более спокойный, описательный тон.

Концовка песни тоже несколько отличается от стихотворного текста. В заключительной части стихотворения приводятся несколько абстрактные угрозы в адрес угнетателей, и попытка разоблачения администрации осуществляется в неудачной для этой цели форме риторических восклицаний: «За что же терзаете здесь вы народ?» или «Что же вам будет за это наградой?». В песенном варианте подобной риторичности уже нет. В его концовке более резко и определенно выражен народный гнев и звучит уверенность в скором восстании рабочих завода.

Звери вы, звери, начальство вы лютое,
Довольно терзать вам народ,
Дело заводите очень вы смутное, —
Скоро восстанет завод.¹⁹

По свидетельству рабочих Златоуста, песня, созданная на основе стихотворения Чуева, была популярна в их среде и в 1905 году.²⁰ Следует упомянуть, что и само стихотворение было известно рабочим некоторых уральских заводов. Начиная со слов «Время настало смутное» оно, например, было переписано в «Альбом тайных песенок», принадлежавший одной из старейших работниц Верх-Исетского завода.²¹

Аналогична история популярной в начале XX века среди пермских рабочих песни «То не соколы сизокрылые».²² Основой ее послужило стихотворение В. В. Южакова «Побег», которое впервые появилось в рукописном журнале пермской тюрьмы «Каземат» в 1906 году и было посвящено побегу нескольких политических заключенных, организованному при помощи солдата-часового.²³ Песня, созданная на основе этого стихотворения, по своему содержанию и форме мало отличается от стихотворного текста. Один из центральных образов стихотворения и песни — солдат, способ-

¹⁷ Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936, стр. 286 (в дальнейшем: Дореволюционный фольклор на Урале). Перепечатана Блиновой (стр. 49).

¹⁸ Песни уральского революционного подполья, стр. 21—23.

¹⁹ Дореволюционный фольклор на Урале, стр. 286.

²⁰ Блинова, стр. 268 (комментарий к тексту песни).

²¹ Дореволюционный фольклор на Урале, стр. 296.

²² Там же, стр. 265.

²³ Перепечатано в сб. «Песни уральского революционного подполья» (стр. 37—39).

ствующий побегу политических заключенных. Песенный текст приближает образ этого солдата к рабочим, подчеркивает принадлежность его к пролетариату. Если в стихотворении это обычный часовой («Лишь один солдатик смелый, славной стражи часовой»),²⁴ то в песне неудачно звучащая в данном контексте строка «славной(?) стражи часовой» заменяется:

И один солдатик смелый,
Свой же брат мастеровой.²⁵

В остальных же случаях текст стихотворения не подвергается какой-либо значительной переработке. В песенном его варианте исключается описание пейзажа, что придает песне большую динамичность, сглаживаются отдельные стилистические шероховатости. Например, стихотворная строка «Ко свободе путь открыл» заменяется строкой «Он к свободе путь открыл»; строка «То борды нам сердцу милые» в песне звучит: «То ребята, сердцу милые». Подобные изменения способствовали тому, что текст легче поддавался распеву и быстрее распространялся.

Песня «То не соколы сизокрылые» примечательна тем, что она выдвигает тему единства революционеров и солдат. Если в более ранних рабочих песнях солдаты или казаки выступали лишь как каратели, исполняющие волю хозяев, и только постепенно, с развитием революционного движения, в песнях начинает звучать призыв к единству рабочих и солдат в борьбе против общего врага, то в данной песне уже изображается участие самого солдата в этой борьбе и провозглашается слава в его честь:

Слава славному солдату,
Что себя не пощадил,
И, подавши руку брату,
Он свободе путь открыл.²⁶

К песням, созданным в среде уральских рабочих, относится и песня «Как четвертого апреля».²⁷ Посвящена она изображению реальных событий, имевших место на Воткинском заводе.

В первых числах апреля 1902 года на заводе вспыхнула забастовка; начавшись на экономической почве, она быстро превратилась в политическую стачку. Заводскому начальству при помощи военной силы удалось подавить рабочих. Расправе над воткинскими рабочими и посвящена данная песня, созданная участниками стачки — М. Ф. Поповым и его товарищами во время пребывания их в тюрьме за участие в забастовке. Как отмечают воткинские рабочие, связанные с М. Ф. Поповым, песня была разучена в той же тюрьме и распета на мотив «Дело было под Полтавой», а затем получила распространение среди рабочих завода.

Обличая жестокость правителей, феодальную расправу над рабочими, песня рисует конкретные картины наказания и передает чувства и переживания народа. Правдивое изображение действительности, данное в песне, возбуждало гнев к палачам и глубокое сочувствие к рабочим-стачечникам. Завершается эта песня проклятием в адрес поработителей и вы-

²⁴ Там же, стр. 38.

²⁵ Дореволюционный фольклор на Урале, стр. 265.

²⁶ Там же.

²⁷ Литературная хрестоматия по Уралу. Свердловск, 1936, стр. 338. Перепечатана в кн.: Дореволюционный фольклор на Урале, стр. 262—263.

ражением сознания того, что только при помощи штыков и розог правительство до поры до времени может удерживать народ в повиновении:

О, будьте, деспоты, прокляты,
Все, кто невинную льет кровь.
Для вас нужны штыков оплоты,
Чтоб превратить народ в рабов.²⁸

Обличительная тенденция песни (и это характерная черта всех песен революционных лет) служит делу агитации: разоблачая существующие порядки, при которых «невинная лется кровь», песня агитирует за решительное выступление против царского режима.

В том же плане обличения царского самодержавия и песня «Сошлись говорить мы о праве своем»,²⁹ посвященная убитому во время политической демонстрации 10 июля 1905 года на Мотовилихинском заводе старому рабочему Луке Борчанинову,³⁰ отцу известного в Перми большевика и руководителя многих забастовок Александра Борчанинова. Быстро сменяющимися друг друга эпизодами изображается в песне расправа с рабочими. Динамичность рисунка воссоздает общую, полную драматизма картину:

Сошлись говорить мы о праве своем,
Орда казаков налетела,
Послышался залпа ружейного гром,
И в воздухе плеть засвистела,
Хунхузы царя не жалеют плетей.

Трагизм последствий расправы усиливается и несколько натуралистической деталью:

Снесли старику они череп долой,
Мозг выпал, смешался с травой.

Логически завершено звучит и концовка песни, выражающая решимость бороться до конца, уверенность в неизбежной победе рабочих:

Но близок уж час, и мы отомстим,
Оружье себе мы достанем.
Погибнет злодей, все опричники с ним, —
Свободны, счастливы мы станем.³¹

Данная песня, как и все песни, относящиеся к произведениям массовой пролетарской поэзии, посвящается одному из наиболее существенных событий и отражает характерные настроения рабочих, и это создает возможность ее широкого распространения. Изображенные в ней события были типичны и для других промышленных районов страны. Поэтому данная песня могла ассоциироваться с аналогичными событиями на том или ином заводе и восприниматься рабочими как изображение событий именно на их заводе. Текст данной песни, например, был записан А. Л. Дымшицем и

²⁸ Литературная хрестоматия по Уралу, стр. 338.

²⁹ «Борьба за власть». Сборник Пермского бюро Истпарта, т. I, Пермь, 1923, стр. 241. Перепечатана в кн.: Песни уральского революционного подполья, стр. 33; Дореволюционный фольклор на Урале, стр. 263—264; Урал в его живом слове, стр. 271—272.

³⁰ О стачке 10 июля. 1905 года и убийстве Л. Борчанинова см.: Ф. Е. Мельников в. Западный Урал в революции 1905—1907 гг. Молотов, 1946, стр. 72—75.

³¹ Песни уральского революционного подполья, стр. 33.

В. М. Абрамкиным от сормовского рабочего В. Я. Курышева в 1935 году,³² вспоминая, что песня «Сошлись говорить мы о праве своем» распространялась в листовках РСДРП и пелась на мотив «Варшавянки».

Аналогична судьба песни «На десятой версте от столицы», представляющей собой вторую часть одноименного стихотворения П. Эдмета, посвященного жертвам 9 января. Это стихотворение распространялось в листовках, пелось на демонстрациях. На Урале оно записано от златоустовских рабочих, которые исполнили его с заменой первоначальной строки «На десятой версте от столицы» на «На заросшем бурьяном кладбище». Песня воспринималась златоустовскими рабочими как траурный марш о жертвах златоустовской бойни в марте 1903 года, известной на Урале как своеобразное 9 января, картины которой были свежи в памяти рабочих. Расстрел демонстрации в Петербурге ассоциировался в сознании златоустовских рабочих с расправой 1903 года, поэтому текст песни становился для них особенно близким и понятным.³³

Из приведенного примера явствует, что типичность изображаемого в рабочей песне дает возможность перенесения подобных произведений из одного района в другой и их активного использования рабочими, которые связывают то или иное произведение с близкими им и волнующими их событиями.

Помимо песен, в основе которых лежит изображение конкретного события (стачки, столкновения с администрацией, демонстрации), происходящего на заводе, передовыми рабочими Урала создавались и распространялись в массах песни, близкие по своему характеру к маршам и гимнам революционного пролетариата. К этому типу можно отнести песню «Да скуем мы, братцы, тяжкий молоток», записанную И. А. Сарайкиным от рабочих Саткинского завода. Символом мощи и силы рабочих в песне служит тяжелый молот, в ней звучит призыв разбить этим молотом царские хоромы, пробить каменную стену:

Да ударим сильно
Силою могучей
В царские хоромы,
В каменную стену, —
Разобьем мы, братцы,
Вдребезги ворота
И каменную стену.

Далее песня призывает рабочих ковать молот крепче, накаливать его до «самого беда»:

Чтобы крепкий молот,
Наш тяжелый молот,
В царские ворота
Бил бы без промаха.³⁴

Эти символические образы с большой убедительностью раскрывают силу поднимающегося пролетариата. Подобные песни, создавая боевой,

³² Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 145 (в дальнейшем: Славянский фольклор).

³³ На Урале песня записана В. П. Бирюковым (Урал в его живом слове, стр. 269—270). Он отмечал, что песня исполнялась хором старых рабочих Златоуста.

³⁴ Блинова, стр. 224.

наступательный дух рабочих, объединяли и сплачивали рабочую массу, и в этом заключались их смысл и ценность. Они призывали рабочих сбросить цепи рабства, подчеркивали необходимость уничтожения всей самодержавной системы. Интересна в этом отношении песня «Губернатор Богданович, николашкина вся власть», получившая распространение среди рабочих Южного Урала. 13 марта 1903 года бастующие рабочие Златоуста потребовали освободить из-под ареста своих депутатов. Губернатор Богданович отказался освободить арестованных и дал команду вызванным заблаговременно солдатам стрелять в безоружную толпу. На месте расстрела осталось много убитых и раненых, в числе которых были дети, женщины и старики. Лишь по официальным сообщениям было убито и ранено 128 человек.³⁵ 15 марта рабочие хоронили своих погибших товарищей, и похороны вылились в демонстрацию протеста против произвола царских властей.

Осмысляя златоустовские события как проявление общего характера самодержавно-крепостнической системы, песня подводит к мысли о необходимости изменить судьбу рабочего и пропагандирует идею пролетарской свободы:

Губернатор Богданович,
Николашкина вся власть,
Напились вы нашей крови,
Скоро ждите смертный час.

Правды нет, но она будет,
Мы с огнем ее найдем,
Скоро гром над вами грянет,
Задрожите в термах,
Пролетарская свобода
Разнесет вас в пух и прах.³⁶

Обличение действительности и пропаганда идей пролетарской революционной борьбы составляли одну из характерных особенностей массовой революционной пролетарской поэзии, которая в сочетании с волевой, призывной музыкой и обуславливала действенную силу произведения. Все более распространяясь в массах по мере роста пролетарского движения, рабочая поэзия в свою очередь сама способствовала развитию революционного сознания уральских рабочих.

Формирование массовых революционных песен шло под непосредственным воздействием книжной революционной поэзии. Влияние литературы ощущалось уже и на развитии рабочих песен XIX века, но главным образом лишь в тяготении к рифме, к последовательной метрике. Массовая пролетарская поэзия, создававшаяся непосредственно в среде уральских рабочих, обнаруживает большую зависимость от литературной агитационной поэзии. Повествовательность отходит на второй план, становится лишь фоном, дающим возможность для обобщения. Так, например, та же песня

³⁵ Данные приводятся по книге: Златоуст. Революционное движение 1886—1905 гг., стр. 27—28. В книге воспроизведены документы, относящиеся к событиям 13 марта в Златоусте. На основании материалов жандармского управления и свидетельств очевидцев один из участников революционного движения на Урале Галанов восстанавливает картину расстрела рабочих в своей статье «Расстрел златоустовских рабочих 26 марта 1903 года» («Былое Урала», Уфа, 1924, № 3, стр. 96).

³⁶ Народное творчество Южного Урала, вып. 1. Записал И. С. Зайцев. Под ред. и с предисловием В. М. Сидельникова. Челябинск, 1948, стр. 138, № 19. Комментарий указывает, что песня распространялась в списках среди рабочих Златоуста после забастовки 1903 года.

«На Нижнетагильском заводе» от конкретных картин эксплуатации переходит к политическому обобщению и призыву:

Товарищи, братья родные,
Довольно вам спины ломать,
За то, чтоб хозяевам-чертям
На ваших трудах отдохнуть!

Под влиянием революционной гимнической поэзии уральская рабочая песня начала XX века приобретает призывный характер, и чем яснее создатели песни осознают себя представителями решающего класса общества, тем четче и острее звучат эти призывы. О влиянии на их формирование книжной революционной поэзии свидетельствует тенденция к четкости ритмики, проявляющаяся в данных песнях.

В массовой пролетарской поэзии Урала начала XX века уже не обнаруживается использования эпических формул, постоянных эпитетов классического песенного фольклора, что мы видим еще в рабочем фольклоре второй половины XIX века.

Злободневный характер уральской революционной песни начала XX века, быстрый отклик ее на те или иные события горнозаводской жизни определили до некоторой степени натуралистическое изображение жизненных фактов. Некоторые из песенных текстов не содержат полноценных в художественном отношении поэтических образов, однако и в них отражение действительности дается в предельно четкой форме. Но не в эстетических достоинствах уральских горнорабочих революционных песен заключается их историческая ценность. В них прежде всего важна историко-познавательная сторона, позволяющая глубже понять историю революционной идеологии уральского пролетария.

Революционные настроения, оценка событий, общая идейная направленность и тяготеющая к литературной песне художественная форма произведений, созданных революционными рабочими Урала в предоктябрьские десятилетия, свидетельствуют о том, что эти произведения целиком входят в русло массовой пролетарской поэзии революционных лет, занимающей в песенной культуре рабочих Урала начала XX века ведущее место как по активности использования, так и по степени распространенности.

В современных фольклористических работах, посвященных исследованию пролетарской революционной поэзии, наблюдается неправильная, на наш взгляд, тенденция, выражающаяся в стремлении разделить массовую пролетарскую песенную поэзию на творчество индивидуальное и коллективное.

Эту тенденцию мы видим, например, в статье В. К. Соколовой «Первая русская революция в народном песенном творчестве», где автор в песенной поэзии революционной пролетарской эпохи выделяет, с одной стороны, песни рабочие как коллективное творчество, с другой — песни революционного подполья как творчество индивидуальное,³⁷ и в статье П. Г. Ширяевой «Историческая тема в песенном рабочем творчестве 1905—1907 гг.»,³⁸ указывающей на существование «устной и письменной рабочей поэзии XX века». В. И. Чичеров в статье «Литература и устное народное творчество», говоря о развитии в начале XX века массовой поэзии рабочих, от-

³⁷ «Советская этнография», 1955. № 2. стр. 13.

³⁸ Славянский фольклор. стр. 116—117.

мечал, что «наряду с произведениями пролетарских поэтов жило коллективное творчество рабочих».³⁹ Это положение не раскрывается в статье на анализе самого поэтического материала.⁴⁰

Разделяя коллективное и индивидуальное творчество и полагая, что «признаком, отличающим фольклор от литературы как индивидуально создаваемого искусства слова, является в первую очередь коллективность творчества трудящихся масс»,⁴¹ авторы указанных статей не раскрывают самого понятия коллективность народного творчества. Попытка рассмотреть коллективность в историческом аспекте имела, правда, в статье В. И. Чичерова, но решение этой проблемы автор свел главным образом к выяснению принципа взаимоотношений литературы и фольклора в классовом обществе⁴² и, по существу, понятие коллективности остается в статье невыясненным. Отсутствие достаточно четкой разработки принципа коллективности приводит иногда к упрощенному толкованию этого понятия. Зачастую он рассматривается лишь в плоскости создания отдельного произведения. Так, В. И. Чичеров, рассматривая вопросы специфики фольклора, подчеркивал, что коллективное творчество масс «проявляется не только в коллективной шлифовке, но и в коллективном создании новых произведений, становящихся достоянием народа».⁴³ Постановка вопроса о коллективности в такой плоскости может привести к толкованию ее как создания произведения коллективом авторов, а в этом случае за основу берется чисто внешняя сторона — число авторов.

За последнее время сделаны более успешные попытки решения вопроса о коллективной природе фольклора. В. Е. Гусев ставит проблему исторического развития коллективности, предлагая решать ее на конкретном материале. «Коллективность народного творчества, — отмечает он, — претерпевала качественные изменения на протяжении многовекового развития фольклора, изменялось ее социальное, этническое и эстетическое содержание».⁴⁴ Подобная постановка вопроса кажется нам наиболее удачной и правомерной для решения данной проблемы в целом.

Коллективность в отношении пролетарской революционной песенной поэзии должна рассматриваться в первую очередь как выражение коллективного сознания данного класса, общности его идеалов и эстетических вкусов.

Нет оснований для отыскивания в интересующем нас явлении поэтического творчества, которое мы определяем как массовую пролетарскую песенную поэзию, существенных признаков традиционного фольклора. Так, ни устностью, ни традиционностью, ни анонимностью массовая поэзия пролетариата предреволюционных лет, как правило, не обладает.

Жанр песни сам по себе определяет устность ее бытования, независимо от того, является ли она произведением фольклорным или литературным. Вся песенная поэзия возможна лишь в устном исполнении, именно в нем

³⁹ «Коммунист», 1955, № 14, стр. 76.

⁴⁰ Нам представляется более правильной позиция А. Л. Дымшица, который публикует произведения пролетарской революционной поэзии под общим названием «Революционная поэзия» (Революционная поэзия 1880—1917. Изд. 2-е, Библиотека поэта, большая серия, изд. «Советский писатель», Л., 1954; в дальнейшем: Революционная поэзия), не разделяя материал на произведения пролетарских поэтов и устное рабочее песенное творчество.

⁴¹ В. И. Чичеров. Вопросы изучения народного творчества. (К итогам дискуссии). «Советская этнография», 1955, № 2, стр. 119.

⁴² Там же, стр. 113—114.

⁴³ В. И. Чичеров. Литература и устное народное творчество. «Коммунист», 1955, № 14, стр. 74.

⁴⁴ В. Е. Гусев. Проблемы теории фольклора. В кн.: Проблемы современной фольклористики. (Авторефераты докладов). Л., 1958, стр. 6.

она обретает свой смысл и силу, поэтому определять массовое песенное творчество пролетариата как явление фольклорного плана на основе устного бытования было бы неверным.

Песенный материал, о котором идет речь в нашей статье, не обладает и анонимностью как признаком народного поэтического творчества. Большинство текстов революционных пролетарских песен сохраняет авторство. Имена создателей песен, получивших признание рабочей массы, зачастую сохраняются в памяти исполнителей. Существующая в то же время анонимность некоторых песенных текстов, особенно сатирически-разоблачительных, объясняется не столько своеобразием процесса создания произведения, сколько вполне понятным в обстановке террора царской охраны стремлением скрыть имя автора.

Массовость распространения революционной песенной поэзии до некоторой степени имеет общую природу с массовостью фольклора, но она тесным образом связана с коллективностью революционной пролетарской поэзии, понимаемой как выражение коллективного пролетарского сознания. Массовость бытования анализируемых песен в то же время свидетельствует о новой тенденции, вызвавшей к жизни этот жанр: о пробуждении сознания пролетариата и овладении им идеями социалистической теории. Чем более распространялись в пролетарских массах идеи социализма, тем шире звучала пролетарская революционная песня, которая призывала к борьбе, будила мысль и направляла волю трудящихся.

В целом для массовой песенной поэзии революционного пролетариата уже не характерна прямая зависимость от традиций народного поэтического творчества, хотя в некоторых произведениях массовой поэзии и наблюдается использование отдельных художественных приемов народной песни или же сатирической сказки. Для первого случая характерны «Машинушка», «Дубинушка», «Камаринская», для второго — «Сказка о попе и черте».

Следует отметить, что при всей существенности подобного факта основополагающее значение в общем наследии пролетарской массовой поэзии приобретали произведения литературной формы, и к этому выводу нас подводят произведения революционной пролетарской поэзии, бытовавшие на Урале. Фольклористические же работы последних лет, посвященные изучению массовой пролетарской песенной поэзии, рассматривают ее только как явление фольклора. Так, например, в упоминаемой выше статье В. К. Соколовой пролетарские революционные песни конца XIX—начала XX века безоговорочно анализируются как произведения песенного жанра фольклора.⁴⁵ Сам же материал, исследуемый в статье, представляет собой индивидуальное по происхождению и принципу создания творчество пролетариев, получившее массовое распространение, т. е., по существу, произведения, которые и возможно определить как массовую пролетарскую революционную песенную поэзию. Та же тенденция наблюдается и в работе П. Г. Ширяевой,⁴⁶ где произведения массовой революционной пролетарской поэзии рассматриваются как «устное творчество рабочих периода первой русской революции».⁴⁷

Стремление фольклористов подойти к оценке массовой пролетарской поэзии с критериями, предъявляемыми к традиционному фольклору, не может быть плодотворным, поскольку новое явление подтягивается под тра-

⁴⁵ «Советская этнография», 1955, № 2, стр. 3—15.

⁴⁶ Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 319—424.

⁴⁷ Там же, стр. 368.

дицпионные оценки, которые не дают возможности раскрыть специфику этого явления, особенности его возникновения и характера. Естественно, что и сам анализируемый материал приходит в противоречие с теми критериями и требованиями, исходя из которых многие исследователи пытаются его истолковать. В этом отношении характерна упоминавшаяся выше работа П. Г. Ширяевой «Историческая тема в песенном рабочем творчестве». ⁴⁸ В ней наблюдается попытка рассмотреть появление революционной поэзии с точки зрения развития исторической песни как фольклорного жанра. В результате этой попытки сам материал массовой пролетарской поэзии, приводимый П. Г. Ширяевой, приходит в противоречие с исходными положениями автора, заключающимися в том, что «в русском народном творчестве рабочую историческую песню следует рассматривать как необходимое и важное звено в общем развитии русского исторического песенного жанра». ⁴⁹ Песни, создаваемые в эпоху революционной борьбы и отражающие ее идеи, имеют мало общего с традиционными крестьянскими историческими песнями, выразившими потребности другой эпохи, отсюда положения автора так и остаются не подтвержденными материалом.

Массовая пролетарская революционная песня не только фиксирует события, имеющие историческое значение; изображение этих событий подчинено в ней агитационной задаче. Факты действительности получают в песне непосредственное разъяснение, в ней раскрывается их смысл, из изображаемого делаются выводы, намечающие программу дальнейших действий рабочих. Идеино-художественная функция обращения к конкретно-историческим фактам в пролетарской песне, посвященной изображению какого-либо эпизода классовой борьбы, уже иная, нежели в традиционных исторических песнях.

Одной из характерных особенностей массовой пролетарской поэзии является устойчивость ее песенных текстов. Эта особенность ясно прослеживается и в характере изменений текстов произведений общепролетарской революционной поэзии, распространявшихся на Урале.

Тексты песен, как правило, не приобретают существенных отличий от основного, первоначального текста. Наблюдаемые изменения, вполне понятные при устном распространении и исполнении песни, не задевают ее общей идейной направленности, они заключаются главным образом в введении иных определений (равнозначных по своему внутреннему смыслу), добавлении или снятии того или иного штриха. Именно такого типа изменения мы находим, например, в тексте песни «Машинышка». В тексте, напечатанном в 1905 году «Социал-демократом» (№ 4), читаем:

Наш рабочий порой восклицает с тоской:
Тяжелее сохи ты, машина!

и

А порфиру твою мы отыдем в бою
И порежем ее на знамена.⁵⁰

Эти же строки в уральском варианте звучат так:

Лишь рабочий порой восклицает с тоской,
Что тяжеле: соха иль машина?

и

А порфиру твою мы отыдем в бою
И повесим ее на знамена.⁵¹

⁴⁸ Славянский фольклор, стр. 112—142.

⁴⁹ Там же, стр. 114.

⁵⁰ Песни уральского революционного подполья, стр. 15 и 17.

⁵¹ Революционная поэзия, стр. 64.

В авторском тексте «Варшавянки» читаем следующие строки:

Наших подвижников юные очи
 Может ли вид эшафота пугать? ⁵²

В уральском варианте не всем понятное слово «эшафот» заменяется более близким понятием:

Наших сподвижников юные очи
 Может ли вид жандарма пугать! ⁵³

В песне «Красное знамя», заслужившей популярность и среди рабочих Урала, разночтения с авторским текстом столь же незначительны.

Так, строки

Скорей, друзья! Идем все вместе
 Рука с рукой и мысль одна!

и

Не нужно старых, рабских пут! ⁵⁴

в тексте, распространенном на Урале, звучат:

Смелей, друзья, идем все вместе,
 Рука с рукой и мысль одна!

и

Не нужно гнета, рабских пут! ⁵⁵

Аналогичные изменения встречаются и в других песенных текстах.

Характер изменений, который мы наблюдаем в текстах революционных пролетарских песен, распространенных на Урале, сохраняется в процессе бытования этих песен в пролетарской среде и других промышленных районов. Такое сходство вполне понятно и закономерно, так как создаваемая наиболее революционными представителями класса пролетарская песня четко выражала именно те идеи, к которым, возможно, масса еще только стихийно подходила. Будучи глубоко народной, революционная пролетарская песня запечатлела настроения и чувства самих пролетарских масс; это обстоятельство и помогает понять отсутствие сколько нибудь существенных отличий от первоначального текста вариантов.

Некоторые фольклористы выделяют в массовой пролетарской поэзии особую группу произведений, рассматривая ее как явление рабочего фольклора. Нам кажется более правильным рассматривать всю массовую революционную пролетарскую поэзию как явление, стоящее на линии слияния индивидуального и коллективного творчества, литературы и фольклора.

Рассматривая социальные предпосылки, способствующие возникновению массовой пролетарской поэзии как процессу слияния литературы и фольклора, следует в первую очередь указать на наличие общих классовых интересов, лежащих в основе двух форм творчества. Именно эпоха пролетарской революционной борьбы имела в этом смысле основополагающее значение для возникновения массовой пролетарской поэзии, она способствовала развитию пролетарского сознания и овладению социалистической

⁵² Там же.

⁵³ Песни уральского революционного подполья, стр. 5.

⁵⁴ Революционная поэзия, стр. 67.

⁵⁵ Песни уральского революционного подполья, стр. 13.

теорией, вызывала к творчеству широкие пролетарские массы. Освобождающийся от оков пролетарий, начинающий понимать свое историческое значение и классовую силу, стремился выразить в песнях свои настроения, известные успехи в борьбе с самодержавием, глубокую уверенность в неизбежности своей победы. Высокий уровень революционной сознательности масс создавал возможность быстрого восприятия произведений такого рода, превращения их в массовые.

Однако в возникновении рабочей поэзии как явления, знаменующего процесс слияния литературы и фольклора, большую роль сыграли и идейные предпосылки: именно тот факт, что в рабочее революционное движение впервые в истории освободительной борьбы трудящихся масс была внесена революционная марксистская теория. Никогда раньше борющиеся за свое освобождение классы не подходили к своей задаче так сознательно, как пролетариат. Систематическая пропаганда марксистских идей российской социал-демократической партией в массах рабочего класса, политическое просвещение рабочих, изучение передовыми рабочими произведений классиков марксизма, чтение современной политической литературы, брошюр и газет, распространение революционных песенников, листовок и прокламаций, усвоение массами революционных теоретических формул и лозунгов и встречающихся в них новых образов, лексики и даже фразеологии — все это способствовало формированию в рабочей поэзии таких особенностей, которых не было и не могло быть в традиционном фольклоре и которые до внесения сознательности в освободительное движение были присущи лишь передовой литературе и поэзии.

Этот процесс интересен и с точки зрения способа отражения действительности в произведениях пролетарской песенной поэзии. Изображение действительности дается в подавляющем большинстве текстов художественными литературными средствами. В этом убеждают нас как общепролетарские песенные тексты, так и произведения, возникшие в пределах промышленных районов Урала и имевшие относительно локальный характер распространения. Достаточно указать, с одной стороны, марши и гимны типа «Варшавянки», «Россианки», «Смело, товарищи, в ногу», агитационные сатирические песни «9 января», «Дело было под Артуром», «Нагаечка», «Всероссийский император» и, с другой стороны, «Сошлись говорить мы о праве своем», «Чермозская марсельеза», «Жизнь настала хуже собачьей» и др.

Тяготение к литературному способу отражения действительности, наблюдаемое в песенных произведениях рабочих допролетарской эпохи, вырастает в широкую тенденцию в период развития массовой пролетарской поэзии революционных лет.

Факты широкого распространения революционной поэзии на горнозаводском Урале в начале XX века показывают, что в песенной культуре уральских рабочих преобладают общепролетарские революционные песни, свидетельствующие о развитии сознания горнорабочих Урала. Процесс овладения уральскими рабочими песенной пролетарской культурой и участие их в ее развитии неотделимы от роста революционной борьбы пролетариата Урала начала XX века.

Распространение и популярность революционных пролетарских песен на Урале свидетельствуют о том, что и среди уральских рабочих эти произведения становились массовыми. Развитие песенного творчества, посвященного изображению местных событий и имевшего сравнительно небольшую степень распространения, подчинено общему революционно-агитационному направлению пролетарской массовой поэзии.

Произведения песенной поэзии, бытовавшие на Урале в революционный период, показывают, что рабочие уральских заводов активно реагировали на события, волнующие весь пролетариат России, а также живо откликнулись на различные факты эксплуатации на самом Урале и свои чувства и настроения запечатлевали в песнях.

Факты возникновения и распространения революционных песенных произведений, ставших массовыми и на горнозаводском Урале, дают возможность постановки проблемы слияния литературы и фольклора и определения данного вида песенной поэзии как революционной пролетарской массовой песенной поэзии.

«ДЕЯНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО» И. И. ГОЛИКОВА КАК
МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА XVIII ВЕКА

1

Иван Иванович Голиков, курский купец и откупщик, живший во второй половине XVIII века, известен в нашей исторической науке как неутомимый и ревностный собиратель самых различных материалов, относящихся к истории Петра и петровской эпохе.

Двенадцать томов «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России» вместе с последующими восемнадцатью томами «Дополнений» к этим «Деяниям» вплоть до половины XIX века являлись основными материалами по истории Петра и петровской эпохи. С них, собственно говоря, только и могло начаться серьезное изучение петровских преобразований, и в этом отношении «Деяния» заложили прочный фундамент для последующей историографии петровского времени.

Белинский, считая И. И. Голикова «прекрасным, отрадным явлением в русской жизни», отмечал ценность его труда. «Из прежних попыток сделать что-нибудь для истории Петра Великого достоин величайшего уважения только бескорыстный и простодушный труд Голикова», — писал он в своей рецензии, посвященной трудам Голикова, и в частности его «Деяниям».¹ «Тридцать томов остались памятником его благородного рвения, и в безыскусственном, беспорядочном его рассказе нередко заметно одушевление, достойное предмета, его возбудившего», — продолжал он.²

Денис Давыдов, возмущаясь необъективностью и враждебностью западноевропейских писателей, пишущих о России, противопоставляя этим писаниям, искажающим облик Петра, труды Голикова, как заключающие богатейшие документальные материалы.³

Не меньшую роль сыграли труды И. И. Голикова и для наших писателей, создавших художественные произведения о Петре I и его времени. Пушкин, Лев Толстой, А. Н. Толстой неизменно использовали труды И. И. Голикова, а порой и «отталкивались» от них.

Все наиболее крупные эпические произведения А. С. Пушкина, посвященные Петру и петровской эпохе, — «Арап Петра Великого», «Полтава»,

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 93.

² Там же, стр. 94.

³ Денис Давыдов. Военные записки. Гослитиздат, М., 1940, стр. 413.

«Медный всадник», «История Петра» — в большей или меньшей степени связаны с трудами Голикова, а иногда и основаны на этих трудах. Изучение исторических источников петровского времени начато Пушкиным с голиковских «Деяний».

В период своих педагогических увлечений 60-х годов Л. Н. Толстой одну из книжек журнала «Ясная Поляна» (1862, июнь) целиком посвятил Петру. В третий раздел этой книжки вошли семнадцать рассказов под названием «История про Петра», являющихся переделкой или вернее литературной правкой анекдотов и преданий из сборников Голикова и Штелина.

Наконец, советский писатель А. Н. Толстой, работая над романом «Петр I», широко и разносторонне использовал как исторические материалы, так и исторические анекдоты из собрания Голикова.

Следовательно, интересующий нас труд Голикова как исторический источник сыграл очень большую роль в истории русской науки и литературы и был достаточно высоко оценен передовой русской общественностью.

Современные советские историографы отдают должное трудам И. И. Голикова, хотя и отмечают известную их примитивность, панегирический тон изложения с неумеренным восхвалением Петра, отсутствие изящества и литературности изложения.⁴ Но среди многочисленных материалов, собранных Голиковым, один раздел еще не привлекал должного внимания наших исследователей: речь идет о тех анекдотах и преданиях о Петре I и его приближенных, которые сначала вошли в 17-й том «Дополнений к деяниям Петра Великого» (1796), а позднее были изданы Голиковым отдельной книгой «Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым» (1798).

Эти исторические анекдоты привлекали к себе, как уже указано, особое внимание наших писателей, и в первую очередь А. С. Пушкина. Исследователь исторических работ поэта И. Фейнберг отмечает это обстоятельство: «Воспоминания современников, близко стоявших к Петру, именуемые большей частью на языке того времени историческими анекдотами, привлекали... особое внимание Пушкина».⁵ Думается, что такой пристальный интерес Пушкина к этим легендарным рассказам объясняется тем, что именно они в наибольшей степени донесли до последующих поколений народный взгляд на личность Петра I и эпоху преобразований.

Материалы Голикова представляют собой различные устные рассказы или записи, слышанные и записанные собирателем от самых различных лиц, с которыми ему пришлось сталкиваться в жизни. Это полуисторические, полулитературные рассказы о личности Петра, его окружении, а иногда и о событиях эпохи; это и история и легенда.

Сам И. И. Голиков в предисловии к книге так пояснил характер этих анекдотов: «Под названием анекдотов разумеются такие повествования, которые в свет не изданы и которые, следовательно, немногим только известны; достоверность же таковых преданий зависит от следующего:

1. ежели повествуемое в них взято из подлинных записок или частных журналов того времени;
2. ежели особы, предавшие их словесно, или удостоверены о истине того от современников, заслуживших уважение;

⁴ См., например: А. В. Черепнин. 1) Русская историография до XIX в. Изд. Московского университета, 1957, стр. 247—253; 2) Очерки истории исторических наук СССР, т. I. М., 1955, стр. 216

⁵ И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. М., 1955, стр. 68.

3. ежели оные подтверждаются преданием, от самого того же времени из рода в роды переходящим и которое не противоречит самой истории».⁶

Сборник анекдотов и преданий И. И. Голикова не является единственным сборником подобного рода. Такие рассказы о Петре I начали появляться в печати через 50—60 лет после его смерти, в последней трети XVIII века. Первым подобным обстоятельным сборником явилась книга Якова Штелина «Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным» (напечатана на немецком языке в Лейпциге в 1785 и переведена на русский язык в 1801 году), затем появилась упомянутая книга И. И. Голикова (первое отдельное издание вышло в 1798 году), и, наконец, издание уже XIX века — «Рассказы Нартова о Петре Великом», напечатанные Л. Н. Майковым в 1891 году.

Количество анекдотов и преданий в этих сборниках весьма велико: в книге Штелина содержится 138, в книге Голикова напечатано 132 номера, в рассказах Нартова — 165 преданий и воспоминаний.

В какой степени весь этот огромный материал является народным и в какой степени его можно привлекать, изучая творчество русского народа?

В отношении книги Якова Штелина этот вопрос сразу же должен быть решен в отрицательном смысле, хотя и здесь среди неправдоподобных и тенденциозных рассказов встречаются жемчужины народного творчества.

Яков Штелин, иностранец, был вызван в 1735 году из Дрездена для работы в Академии наук и был одним из видных деятелей Академии наук первого периода ее существования; впоследствии он сделался профессором «элоквенции и поэзии» и специализировался на составлении аллегорических картин, транспарантов, фейерверков для придворных празднеств и т. д. Анекдоты, изданные им (на немецком языке), носят явно тенденциозный характер. В своем «Предуведомлении» он сам пишет, что саксонский посланник познакомил его со многими «знатными господами» Петербурга и Москвы, от которых он и записывал изданные им анекдоты. Этими «знатными господами» явились преимущественно иностранцы: свыше 80 анекдотов и рассказов и записано им от различных иностранцев, главным образом от немцев. Среди корреспондентов Штелина мы встречаем и графа Остермана, и советника Шумахера, и лейб-хирурга Яна Гофи, и фрейлину двора, и графа Минниха, и лекаря-голландца, и английского резидента, и ревельского бургомистра, и т. д. Естественно при этом, что «иностранная» тема — отношение Петра к иностранцам, курьезные случаи за границей, посещение им различных городов Европы, его мнение о различных достопримечательностях европейских городов и т. д. — занимает в книге непомерно большое место.

Некоторые анекдоты носят отпечаток взглядов на Россию и Петра «немецкой партии», с которой так настойчиво и неутомимо боролся М. В. Ломоносов. Уже по одним названиям многих анекдотов и рассказов можно судить о принципе отбора рассказов и преданий, включенных в книгу и интересующих собирателя в первую очередь: «Любовь Петра Великого к иностранцам, приезжающим в Россию», «Петр Великий угощает голландских корабельщиков блинами», «О посещении дома, в котором жил Лютер», «Петр Великий посещает немецкую церковь», «Мнение о карточной игре», «Мысли Петра Великого о венском дворе», «Попечение Петра Великого о наблюдении полицейского порядка» и т. д.

Правда, в сборнике встречаются два подлинно народных предания:

⁶ И. И. Голиков. Анекдоты, касающиеся до государя императора Петра Великого, собранные Иваном Голиковым. Изд. 2-е, М., 1798, стр. III (в дальнейшем: Голиков, Анекдоты).

одно, записанное от М. В. Ломоносова, — о посещении Петром родины Ломоносова, с. Холмогоры, и о разбитых Петром горшках; второе — известное предание о том, как Петр учил чухонских мужиков делать лапти. Но эти предания составляют крайне незначительную часть сборника, являясь драгоценными зернами среди великосветской шелухи.

«Рассказы Нартова о Петре Великом» гораздо более народны и патристичны по сравнению с книгой Штелина. Но Л. Н. Майков, исследовавший этот труд, высказал убедительное предположение, что изданные рассказы являются не подлинными рассказами самого А. К. Нартова (токаря, любимца Петра), а литературной обработкой их, произведенной его сыном А. А. Нартовым уже в конце XVIII века; при этом А. А. Нартов не ограничился, по-видимому, обработкой слога и стиля их, но коснулся отчасти и содержания.

В силу изложенных причин собрание анекдотов И. И. Голикова представляет наибольший интерес с точки зрения фольклористики и является наиболее демократическим и народным как по содержанию, так и по форме.

Книга анекдотов и преданий Голикова не является однородной ни по происхождению различных рассказов, ни по их значимости для историка и для литературоведа; значительная часть анекдотов и преданий не народна по происхождению, а записана собирателем от различных влиятельных лиц, принадлежащих к правящей верхушке, — сподвижников Петра Неплюева, Крекшина и др., но какая-то часть этих материалов возникла в среде народа, в среде простых людей и является народно-поэтической по происхождению.

Это отмечали почти все биографы Голикова и авторы многих трудов по историографии петровской эпохи, например Е. Шмурло, автор очень ценной книги о Петре.⁷ Перечисляя корреспондентов И. И. Голикова, от которых собиратель получил очень много ценных материалов и документов, а также устных сообщений, Шмурло отметил также наличие устных преданий народного происхождения, напечатанных собирателем. «Кроме того, — писал он, — черпал Голиков свои материалы и в преданиях народных, с успехом рылся у московских букинистов, в архивах провинциальных (воронежских)».⁸

Отмечал это также один из первых биографов Голикова, А. Старчевский. Рассказывая о том, как постепенно Голиков отошел от коммерческих дел и отдал всю свою энергию и все свое время собиранию материалов о Петре, автор отметил, что собиратель «сам ездил по всем тем местам, где бывал Петр I, отыскивал о нем сведения и расспрашивал старожил».⁹

Наконец, в статье, посвященной Голикову в «Большой советской энциклопедии» (к сожалению, без подписи автора), также отмечается это обстоятельство: «В результате многолетней работы Голикову удалось собрать большое количество подлинных документов, записок современников, воспоминаний, анекдотов, народных преданий и других материалов о Петре I».¹⁰

Если бы удалось выделить и восстановить народные предания в книге анекдотов и преданий Голикова, они могли бы явиться ценным материалом для изучения русского фольклора XVIII века и для изучения народного отношения к Петру и его преобразованиям. При крайне ограниченном ко-

⁷ Е. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912.

⁸ Там же, стр. 92.

⁹ А. Старчевский. Очерк исторической деятельности в России до Карамзина. СПб., 1845, стр. 171—176.

¹⁰ БСЭ, т. 11, 2-е изд., 1952, стр. 597.

личестве записей фольклора XVIII века такой косвенный источник для изучения фольклора петровской эпохи несомненно представлял бы научный интерес.

Какими же путями можно идти в исследовании этого вопроса?

Намечается несколько путей. Первый — идейный и стилистический анализ каждого предания; второй — сопоставление с записями сказов, сказаний и преданий из имеющихся печатных сборников и публикаций; наконец, третий — путь гипотетический, неизбежный в данном случае. Попробуем использовать все возможные пути исследования этого вопроса.

2

Нас в первую очередь должен интересовать вопрос о том, кто же сообщал собирателю различные рассказы, предания и анекдоты. Кто были его корреспонденты? Что представляют собой его анекдоты и предания?

Биографы Голикова согласно отмечают, что Голиков имел обыкновение записывать в свои тетрадки услышанные им рассказы и анекдоты, которые он впоследствии и подготовил к печати. Это утверждает, например, А. А. Старчевский, говоря о юных годах собирателя: «В это самое время он имел случай в Москве достать несколько рукописных сочинений о Петре Великом и познакомиться с жившими еще тогда некоторыми современниками и приближенными сего государя, от которых, слыша разные о нем повествования и анекдоты, записывал в свои тетрадки».¹¹

Ответить на вопрос о корреспондентах Голикова значительно труднее: обычно Голиков сам сообщал об этом в примечаниях к отдельным анекдотам и преданиям, но иногда об этом и умалчивал.¹²

А. С. Пушкин, интересовавшийся этим вопросом в период работы над историей Петра, записал в своем введении к подготовительным записям: «Особы, доставившие важнейшие сведения Голикову, были: действительный тайный советник, сенатор и кавалер Иван Иванович Неплюев, адмиралы Алексей Иванович Нагаев, Семен Иванович Мордвинов, Иван Лукьянович Талызин, комиссар Крекшин и московские купцы Сериков, Евреинов, Полуярославцев и Ситников и олонецкий купец Барсуков. Незнаемые Голикову люди, на которых он, однако, ссылается, суть: превосходительные господа граф Андрей Иванович Ушаков, Федор Иванович Соймонов, барон Иван Антонович Черкасов и Абрам Петрович Ганнибал».¹³

Очевидно, Пушкин интересовался только корреспондентами — современниками Петра I. Перечень корреспондентов И. И. Голикова, пропущенных Пушкиным, насчитывает свыше двадцати фамилий, среди которых мы встречаем представителей дворянства, купечества, духовенства и интеллигенции. Среди них, помимо лиц, перечисленных Пушкиным, находим также новгородского дворянина Флора Ивановича Неплюева, московского купца Лапшина, библиотекаря Бухвостова, статского советника Ивана Алексеевича Ушакова, коллежского советника Василия Федотовича Братищева, калужского купца Данилу Алферова, известного ученого Н. Н. Бантыш-Каменского, генерал-поручика Ивана Михайловича Толстого и др.

¹¹ А. Старчевский, ук. соч., стр. 171—172.

¹² Так, например, в примечании к анекдотам о пребывании Петра в Воронеже Голиков пишет: «Три сних анекдота слышал я от воронежских старожилов», а в примечании к анекдотам №№ 41 и 42: «Два сии анекдота сообщены ко мне через почту от неизвестной особы».

¹³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. IX, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 11.

Таким образом, нам известен примерный круг корреспондентов И. И. Голикова, но трудность заключается прежде всего в том, что нередко рассказ или предание попадали к нему через вторые или третьи руки, на это часто указывает и сам собиратель. Так, например, в примечании к рассказу о неустрашимости Петра на море и об искусстве кормщика Антипа Панова, который прогнал от себя Петра во время бури на море, Голиков заметил: «Последнее в анекдоте сем сообщено мне от бывшего Архангелогородского, а поныне Московского первой гильдии купца Михаила Андреевича Мамонова, слышавшего сие от самого Антипа Панова».¹⁴ Такое же примечание мы найдем к анекдоту о совете пушечного мастера переплавить колокола на пушки после поражения под Нарвой. Собиратель делает к этому преданию такое замечание: «Пьяный сей был пушечный мастер, и один престарелый пушкарь, знакомец его и бывший того очевидцем, передал нам сие».¹⁵

Иногда его корреспонденты желали скрыть свое имя, а иногда и сам собиратель, по-видимому, не мог сказать, от кого он слышал некоторые предания. Так, в одном случае он просто ограничивается упоминанием о неких «почтенных стариках времен государевых», а в другом прямо сообщает читателю: «Я бы мог наименовать их, но нет на то их воли».

Трудность заключается также и в том, что, по совершенно правильному замечанию Е. Шмурло, «в конце XVIII столетия реальный образ Петра наполовину успел уже окутаться легендой; живые достоверные черты сплошь и рядом тускнели в тумане наивного восторга, и хотящие рассказы о царе — „анекдоты“, как любили их в ту пору называть, — при всем их интересе полны были таких наслоений, что зачастую не знаешь, каких больше в них данных, для суждения ли о говорящем, о составителе или о самом Петре».¹⁶

Отделить в сборнике анекдотов и преданий И. И. Голикова историческую правду от народного вымысла, от легенд, сложившихся как среди простых людей, так и в верхушке правящих классов, — задача и трудная и интересная.

Не касаясь в настоящей работе легенд и преданий, возникших в правящей верхушке, среди приближенных Петра, постараемся показать и доказать «народную» струю этого сборника и народно-поэтическое происхождение некоторых анекдотов и преданий, опубликованных И. И. Голиковым.

Приступая к исследованию этого вопроса, можно прежде всего считать а priori, что И. И. Голиков не мог стоять в стороне от того широкого движения демократических кругов русского общества за соби́рание и изучение русского фольклора, наличие которого установлено советской наукой для второй половины XVIII века.

Подобно Чулкову, Попову, Левшину, Курганову — выходцам из купечества, из третьего сословия, И. И. Голиков, насколько можно судить по его трудам, также был любителем фольклора: народных пословиц и поговорок, народных изречений и преданий.

Что же роднит многие анекдоты и предания из книг И. И. Голикова с произведениями фольклорного характера, с народными песнями, преданиями, сказками петровской эпохи?

Это в первую очередь наивное, но традиционное для крестьянского фольклора решение проблемы царя и народа, антибоярская и антидворян-

¹⁴ Голиков, Анекдоты, стр. 10.

¹⁵ Там же, стр. 101.

¹⁶ Е. Шмурло, ук. соч., стр. 4.

ская направленность многих преданий и анекдотов при наивной вере народа в хорошего «мужицкого» царя. Главным героем эпохи, в ряде анекдотов и преданий выступает простой человек — солдат, крестьянин, пушкарь и т. д. Именно он, простой человек, оказывается умнее и способнее представителей господствующих классов.

В этом отношении, например, интересным представляется рассказ из собрания Голикова о дворовом человеке Иване.

Дворовый человек Иван был отдан в солдаты и на военной службе проявил способности, усердие, дисциплинированность и скоро дослужился до сержанта. Вскоре и его прежний барин-недоросль был призван в армию и там, по стечению обстоятельств, попал под начальство своего слуги. На военной службе этот недоросль оказался ленивым и нерадивым солдатом. Слуга как-то не выдержал и побил своего барина палкой. Мать недоросля пожаловалась Петру и настойчиво требовала примерного наказания Ваньки. Петр призвал Ваньку и недоросля и начал вести розыск. Когда же в ходе следствия Ванька, наглядно показывая свое обращение с бариним, на глазах у Петра снова поколотил своего барина, а мать завывала, обращаясь к Петру, последний, довольный в душе происшедшим, посоветовал старухе поскорее уйти: «...видишь, старуха, какой Ванька-то твой озорник, что и в моем присутствии не унимается, — сказал он. — Я советую тебе поскорее отойти, дабы и тебе самой чего от него не досталось, вить за непослушание везде бьют».¹⁷

Анекдот этот перекликается с северными народными преданиями о Петре, в которых Петр очень часто сурово расправляется с ленивыми и нерадивыми боярами и поощряет простых людей-тружеников.

Не меньший интерес представляет другое предание, героем которого является крестьянин Нюхонской волости Антип Панов. В этом предании рассказывается о неустрашимости Петра на море во время бури. Все приближенные Петра и другие пассажиры судна находились в страшном смятении и со страхом ожидали гибели. Только Петр и кормчий Антип Панов не потеряли решимости и присутствия духа. Кормчий, простой крестьянин, никого не подпускал к рулю и продолжал управлять судном.

«Когда государь пришед к нему, стал ему в деле указывать, и куда должно направлять судно, то сей с грубостью отвечал ему: „Пооди, пожалуй, прочь! Я больше твоего знаю и ведаю, куда правлю“». Когда же корабль благополучно пристал к берегу, Петр, «подошед к сему Антипу, сказал: „Помнишь ли, брат, какими ты словами на судне меня отпотчевал?“».

Перепуганный крестьянин «признавался в грубости своей и просил помилования». Петр, по этому преданию, в ответ «поднял его сам и, три раза поцеловав в голову, сказал: „Ты не виноват ни в чем, друг мой, и я обязан еще благодарностию тебе за твой ответ и за искусство твое“. И тогда же, переодевшись в другое платье, все бывшее на себе, измоченное даже до рубашки, пожаловал ему в знак памяти и, сверх того, определил ему же годовую до смерти пенсию».¹⁸

Нетрудно видеть, что и это предание очень близко по своей идее к известной народной песне «Петр и драгун» и народной сказке о Петре из сборника Садовникова,¹⁹ которые подчеркивают простоту Петра и любовь

¹⁷ Голиков, Анекдоты, стр. 298.

¹⁸ Там же, стр. 9—10.

¹⁹ Песня «Петр и драгун» является одной из самых распространенных песен петровской поры. По варианту из собрания П. В. Киреевского содержание ее таково. У государя крыльца на стуле сидит Петр. Царь обращается к князьям-боярам — нет ли

его к мастерству и умению, в чем бы это ни проявлялось. Традиционный образ Петра в песнях и преданиях петровской эпохи — это образ прежде всего работника с мозолями на руках и засученными рукавами.

Другим обстоятельством, роднящим многие голиковские предания с народными преданиями и сказками петровской эпохи, является «опрошение», «окрестьянивание» Петра в целом ряде анекдотов и преданий из сборника Голикова.

Известно, что народ своих любимых героев часто наделяет крестьянским происхождением, мужицкой внешностью, крестьянскими склонностями, вкусами, чертами характера. В русских народных сказках цари и королевичи часто топят печку, умываются ключевой водой, ловят рыбу в озере, рубят лес, пьют чай с бубликами, парятся в бане со своими работниками, посылают слуганок на базар и т. д.

В русских народных исторических песнях герои нашего прошлого часто опрошаются, наделяются народом такими чертами, которых у них не было и не могло быть.

Так, например, в большинстве исторических песен о Ермаке герой песни рисуется как народный герой: он нападает со своими молодцами на боярские и купеческие суда, ненавидит бояр и начальство, разгоняет бояр из царских палат. Ненавидит бояр и другой герой наших исторических песен — представитель господствующих классов Скопин-Шуйский. Его народ также превращает в идеального полководца-патриота в духе своих представлений.

Известно, что среди народных преданий о Пушкине, собранных в после-революционное время среди крестьян, есть и такие, в которых доказывается крестьянское происхождение поэта.²⁰

В фольклоре петровской эпохи мы также найдем предания подобного рода, доказывающие крестьянское происхождение Петра или трудовой крестьянский образ его жизни. «Даром хлеба не ел, лучше бурлака работал», — заметил о нем известный сказитель Щеголенок.

Сказительницы Аграфена и Марфа Крюковы, создавшие целый цикл новых былин о Петре, обычно изображают его как плотника с «засканными рукавами» и кровавыми мозолями на руках. В северных преданиях, опубликованных Майновым и Барсовым,²¹ рассказывается, что Петр первый бросается в бурливую северную речку, чтобы «первую свайку паложить» для будущей переправы, сам кладет первую мостовину, крицы дует, сам

охотника с ним побороться? Все князья-бояре испугались и разбежались, только пятнадцатилетний драгун вызвался на борьбу с самим царем. Молодой драгун победил Петра. Петр радуется победе молодого силача и хочет его наградить по его желанию.

Казачий вариант этой песни приводит А. М. Листопадов в своем сборнике «Донские исторические песни» (Ростов н/Д., 1946, стр. 61). По этому варианту, Петр с генералами «прогуливал» по своим полкам и искал против себя «посединщика». Охотник нашелся среди казаков казачьего полка. Победив Петра, казак просит пожаловать его «волею вольною».

Сказка, записанная Садовниковым, еще ближе по своей идейной сущности к анекдоту из собрания Голикова: «Как только время свободное ему от черной работы, так он все по кабакам ходил да у мастеров выведывал о их мастерстве: все научиться хотелось всему. Приходит раз в кабак и встретил там оборванного пьянчужку; взял водку, а его не потчует. „Ты, видно, ничего не умеешь?“ — спрашивает. — „Что больно обтрепан?“ — „Нет, — говорит, — умею вот такое-то ремесло“. — „А как вот эту вещь делать?“ — „Так вот“, — говорит. — „Врешь!“ — „Нет, ты врешь!“». Поднялся спор, и пьянчуга доказал Петру, что он врет. Петр остался эгим очень доволен, потому что о мастерстве все, что надо, разузнал, и наполнил мастерского в лоск».

²⁰ В. Н. Майн о в. Предание о Сидоркином кургане. Петровский сборник, изданный «Русской стариной». СПб., 1872.

²¹ Е. В. Барсов. Петр Великий в народных преданиях Северного края. «Беседа». 1872, № 5.

рубит и валит лес, подстиляет катки, работает, как хороший рабочий. Аграфена Крюкова в уникальной былине «Семейная жизнь Петра» рисует его как простого плотника, а Екатерину как стряпуху плотничьей артели.²²

Наконец, Вс. Миллер опубликовал грузинское предание, записанное в с. Гори от Соломона Гулишвили, по которому Петр до избрания его на царство был простым кучером, человеком честным, трудолюбивым, помогавшим всем людям, обращавшимся к нему за советом и помощью.²³

Предания подобного рода, рисующие Петра как простого человека, близкого и доступного широким народным массам, встречаются нередко и в Голиковском сборнике.

В одном анекдоте Петр, будучи приглашен Меньшиковым на торжественный и пышный обед, заехал к простому рядовому матросу (в связи с рождением сына) и остался у него обедать. Он с удовольствием ел матросские щи и пирог с морковью и яйцами, забыв о пышном обеде.

В другом рассказывается о прохождении Петром военной службы. В нем говорится, как Петр «стоял по очереди в карауле, спал с солдатами в одной палатке, носил одинаковый со всеми мундир, возил землю к крепостному строению на тележке, собственными же руками сделанной, ту же с ними принимал пищу».

В третьем Петр разъезжает по Москве в крестьянских санях-розвальнях, иногда лишь с кучером, иногда даже один.

Встречаются в сборнике Голикова анекдоты и рассказы, рисующие Петра экономным и рачительным хозяином. Так, например, Петр якобы приказал переделать печь в своем помещении, вследствие того что она была неэкономна, поглощала много топлива.²⁴

В одном из анекдотов Петр, подаривший деревню вместе с крестьянами одному из своих приближенных, вследствие чего эти крестьяне-однодворцы превратились в крепостных, выслушав жалобу солдата на несправедливость этого поступка, спешит исправить свою ошибку и облегчить положение крестьян.²⁵

Показательно, что совет Петру о переплавке колоколов на пушки после Нарвского поражения, по Голикову, подает не иноземец, не патриарх (как об этом говорится в позднейшей публикации Е. В. Барсова), а простой пушечный мастер, находившийся под хмельком.²⁶ Невольно вспоминаются исторические песни петровской поры, в которых верным помощником Петра в военных победах выступает простой народ — солдаты, казаки, драгуны. Это предание народно-поэтического происхождения подтверждает необыкновенную историческую мудрость народа: в самый критический момент Северной войны на помощь Петру приходит простой человек — пьяный пушечный мастер.

Очень смешны и простодушны анекдоты о вкусах Петра, слышанные Голиковым от воронежских старожиллов. В одном предании (о пребывании Петра в Воронеже) рассказывается о любви его к кислой капусте, которую воронежские купцы отказались ему давать.²⁷

Значительная часть преданий рисует Петра в окружении простых людей — купцов, солдат, плотников, матросов и т. д. В одном предании рас-

²² А. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 296.

²³ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. X, отд. III. Тифлис, 1890, стр. 46—47.

²⁴ Голиков. Анекдоты, № 49.

²⁵ Там же, № 40.

²⁶ Там же, № 27.

²⁷ Там же, № 21.

сказывается, как он пирует вместе с плотниками.²⁸ Очень часто Петр называет солдат или матросов «ребятами», «товарищами».

Несомненно, что какая-то часть сведений в подобного рода анекдотах и преданиях является достаточно достоверной и правильной, отмечает необыкновенный демократизм царя, но некоторые рассказы наделяют Петра этими чертами в силу эпической традиции.

Помимо простоты, любви к труду, непритязательности вкусов, честности и справедливости, народ в некоторых преданиях отмечает в Петре и такую черту, как неприязнь к щеголям, петиметрам, заезжим иностранцам — «беспачпортным бродягам».

Известно, что дореволюционная буржуазно-дворянская историческая наука несомненно преувеличивала «западничество» Петра, его любовь к иностранцам и иностранному и зачастую отрывала Петра от русской почвы. Эти взгляды нашли наиболее законченное и определенное выражение в историческом труде Н. М. Карамзина «Записки о древней и новой России», в котором Карамзин отзывался о Петре как о «беззаконном» искажителе «народного духа», «захотевшем сделать Россию Голландией». Такой же точки зрения придерживались и другие историки и публицисты консервативного лагеря. Вслед за Карамзиным твердили об измене Петра русским началам и славянофилам. В частности, по мнению К. Аксакова, «петербургский период» в истории XVIII века — это измена русской земле, народу, государству, народности.

Напротив, представители передовой мысли XIX столетия — декабристы, Пушкин, Белинский, Герцен, Огарев, Чернышевский, Добролюбов, — признавая прогрессивность петровских реформ, подчеркивали «народность» и Петра и его реформ.

По словам Н. А. Добролюбова, Петр решил «вопросы, давно уже заданные правительству самою жизнью народной, — вот его значение, вот его заслуги. . .

«Обширные преобразования, противные народному характеру и естественному ходу истории. . . не бывают прочны. Преобразования же Петра давно уже сделались у нас достоянием народной жизни, и это одно уже должно заставить нас смотреть на Петра как на великого исторического деятеля, понявшего и осуществившего действительные потребности своего времени и народа».²⁹

Новейшие факты, добытые нашей исторической наукой и советским литературоведением, придают большую достоверность дошедшему до нас преданию, по которому Петр как-то сказал в кругу своих приближенных: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а затем мы к ней должны вернуться задом».³⁰

Народ в своей оценке этой стороны многогранной деятельности Петра стоит на точке зрения, близкой к мнению представителей русской революционной мысли.

В сборнике И. И. Голикова имеется анекдот (№ 120) несомненно народного происхождения, в котором Петр выступает как враг мотовства, парижских мод, «пустого, рабского, слепого подражания». В нем рассказывается, что Петр однажды нарочно забрызгал грязью и замарал приезжего пышно одетого иностранца, а затем набросился на русского «парижанца»

²⁸ Там же, № 48.

²⁹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах, под ред. П. И. Лебедева-Полянского, т. III, ГИХЛ, М., 1936, стр. 129—130.

³⁰ Его приводит В. Ключевский в своем «Курсе русской истории» (ч. IV, М., 1937, стр. 225).

Корсакова, сказав ему: «Корсаков! Штаны-то на тебе такие, какие не носит и государь твой. Смотри, брат, чтоб я с тобой не побранился! Это пахнет мотовством, а ведь я знаю, что ты не богат!».³¹

Очень много для решения интересующего нас вопроса может дать анализ стилистических особенностей анекдотов и преданий, в первую очередь анализ языка.

В ряде преданий из собрания Голикова Петру и его приближенным приписывается чисто народный язык, нередко они употребляют пословицы и поговорки. Так, например, в анекдоте, названном собирателем «Монарх зажигает сам в Преображенском селе свой дворец, построенный вопреки приказа его» (№ 108), Петр, выслушав жалобы лесников на князя Ромодановского (который не выплатил денег за лес), весьма энергично выругал его такими словами: «Так, старый черт, наделав пакости, да и трусит, как заяц».³²

В анекдоте «Солдат из новобранных на часах» (№ 35) рассказывается о солдате, стоявшем на карауле на берегу Невы. Солдат разделся и решил искупаться, но, увидав неожиданно появившегося Петра, выскочил из воды, надел только белье, шляпу, перевязь и вытянулся, отдавая честь Петру. Царь, увидев его, засмеялся и сказал: «Хоть гол, да прав».³³

Интересна поговорка в устах Петра и в другом, на наш взгляд народном, анекдоте под названием «Монарх разъезжает по Москве в розвальнях и наказывает озорничество» (№ 38). Петр ночью поехал в розвальнях к Воскресенским воротам и подъехал к ним как раз тогда, когда старинная боярская карета опрокинула чьи-то розвальни и произошла свалка. Петра кучер и лакеи кареты встретили таким выразительным восклицанием: «А там что за черт в коробе?» — на что монарх, «привставши, ответил: „Не равен черт в коробе“».³⁴

В анекдоте о неудавшемся покушении на Петра он, выслушав чисто-сердечное раскаяние денщика Кикина,³⁵ несколько раз прошелся по комнате, не говоря ни слова, и, наконец, обратясь к нему, сказал в задумчивости: «Послов ни секут, ни рубят». В этом же анекдоте раскаявшийся заговор-

³¹ Анекдот этот использовал А. С. Пушкин при работе над исторической повестью «Арап Петра Великого». В повести, как известно, любимцу Петра Ибрагиму противопоставлен пустой светский щеголь Корсаков, приехавший из Парижа и вывезший отсюда лишь моды, светский лоск и презрительное отношение к своей родине и всему родному. По-видимому, Корсаков из анекдота Голикова явился «зерном» для пушкинского образа типичного щеголя и петиметра петровского времени. Об этом свидетельствует и сходство фамилий, и то, что Пушкин в 3-й главе в обращении Петра к Корсакову на ассамблее почти буквально повторил слова Петра из анекдота Голикова: «Послушай Корсаков, — сказал ему Петр, — штаны-то на тебе бархатные, каких и я не ношу, а я тебя гораздо богаче. Это мотовство, смотри, чтоб я с тобой не побранился» (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VI, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 32).

³² Голиков, Анекдоты, стр. 429.

³³ Там же, стр. 135.

³⁴ Там же, стр. 149.

³⁵ Судьба Кикина, человека несомненно способного и одаренного, была весьма трагичной. В молодости он был любимым денщиком Петра, затем «адмиралтейцем». Страсть к наживе и злоупотребления по службе сгубили его. «Кикинские» палаты в Петербурге в 1715 году были конфискованы, а сам он за взятки и злоупотребления был лишен чинов и сослан. Как способный человек, он был затем прощен и снова приближен к царю, но обиды своей не забыл и вошел в круг сообщников Алексея. Он пытался договориться с австрийским двором о бегстве царевича Алексея за границу. Будучи сторонником Алексея, Кикин вместе с тем вел двойную игру. Опасаясь разоблачений и ответственности, Кикин весной 1716 года обратил внимание Петра и Екатерины на опасные замыслы царевича. Тем не менее по делу царевича Алексея он был арестован, подвергся пыткам и в 1718 году колесован.

щик так объяснил свою нелюбовь к Петру и его делам: «Ум... любит простор, а от тебя было ему тесно».³⁶

В предании под № 94 Петр, убедившись в невинности осужденного Гурьева и добившись пересмотра дела в Сенате, вышел на крыльцо и, ударив унылого Гурьева по плечу, сказал: «Поди домой и ешь щи с чесноком».³⁷ В одном из преданий Петр советует подьячему: «По одежке протягивай ножки».

Пословицы и поговорки нередко встречаются и в речи приближенных Петра. В одном из анекдотов (№ 59) князь Долгоруков, зачитав указ о доставке хлеба для флота, присланный Петром Сенату, иронически воскликнул: «Спустия лето да в лес по малину».³⁸ В другом предании (№ 60) тот же Долгоруков в разгар пылкого спора о важном предмете прервал этот спор таким советом: «Время уже обедать, а хлеб-соль не бранит».³⁹

В одном из преданий (№ 65) этот же герой уговаривал Петра отменить новый рекрутский набор такими словами: «...так неужли не чувствуете вы скорби и разорения их от таких частых наборов рекрутских? Неужли не трогают вас слезы, рыдания и вопль отцов, дедов и жен сих бедных людей при разлуке с ними? Неужли не чувствуете, сколько рук отнимается от земледелия?».⁴⁰

В анекдоте под № 8 старая женщина умоляет Петра простить ее сыновей, участвовавших в заговоре на его жизнь, такими словами: «Кто будет меня кормить? Кто старость мою призрит, надежа государь, когда я, бедная, остануся без них?».

Во всех этих случаях мы имеем дело с богатым народным русским языком; язык многих анекдотов и преданий из собрания И. И. Голикова гораздо более народен и стоит гораздо ближе к русскому языку XVIII века, чем язык художественных произведений лучших прозаиков этого периода — Н. М. Карамзина и А. Н. Радищева.

Наконец, очень убедительным доказательством народной струи сборника Голикова является тот факт, что некоторые анекдоты и предания сборника встречаются также в имеющихся публикациях народных преданий о Петре и петровской эпохе.

В частности, мы имеем возможность сравнить два народных предания, записанных Е. В. Барсовым от крестьян Олонецкой губ. Щеголенкова и Грешникова и опубликованных им в 1872 году,⁴¹ с соответствующими анекдотами из собрания Голикова: первое — о посещении Петром воеводской канцелярии в Олонце, в которой не оказалось никаких судебных дел, и второе — о встрече Петра с вооруженным попом в лесах Олонецкой губ.

Возникает вопрос: что чему предшествовало? Анекдот из собрания Голикова попал в народную среду и стал бытовать среди крестьянского населения Севера путем устной передачи как произведение фольклора или, наоборот, анекдот из собрания Голикова, народно-поэтический по происхождению, является лишь литературной обработкой народного предания XVIII века?

³⁶ Голиков, Анекдоты, стр. 44 и 46.

³⁷ Там же, стр. 380.

³⁸ Там же, стр. 228.

³⁹ Там же, стр. 231.

⁴⁰ Там же, стр. 257.

⁴¹ Е. В. Барсов. Петр Великий в народных преданиях и сказках Северного края. «Труды Этнографического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете», 1877. кн. IV.

Решать этот вопрос приходится исходя из самых общих закономерностей развития народного творчества, так как указания Голикова на корреспондентов в данном случае носят общий, расплывчатый характер.⁴² Следует считать, что эти два предания возникли среди крестьянского населения Севера, а позднее попали к Голикову и были им несколько литературно обработаны для издания, а в дальнейшем включены в сборник анекдотов и преданий.

Сравнение текстов показывает большую конкретность и локализацию этих рассказов в записях Барсова. Оба предания в этих записях имеют своих конкретных героев — в первом случае воеводу Синявина, во втором попа Окулина, в то время как в сборнике Голикова фамилии герсев не указываются. Второе предание в публикации Е. Барсова имеет и точную географическую локализацию: «Ехал Петр I из Олонца и в двенадцати верстах между деревнями Заручиве-Кобдева и Верхняя Голмогева встретил старика», в сборнике же Голикова название местности не упоминается. Наконец, сам Голиков указывает в примечании, что его приятель забыл записать фамилию воеводы — героя предания; следовательно, в первоначальном виде этот народный анекдот связывался с определенным лицом и определенной местностью.

Одна из важнейших особенностей русского фольклора XVIII века как раз и заключается в этом стремлении к конкретизации и детализации, что является несомненно стремлением к реализму в народном творчестве. Это проявляется во всех ведущих жанрах русского фольклора XVIII века, и в первую очередь в исторических песнях, сказках и преданиях.

Таким образом, даже беглые наблюдения над идейной сущностью, тематикой и стилистическими особенностями сборника И. И. Голикова доказывают народный характер целого ряда анекдотов и преданий этого сборника, что позволяет расценивать интересующий нас труд Голикова не только как исторический, но и как литературный памятник.

Остается добавить, что «Деяния» И. И. Голикова являются в некотором роде и прямым источником для изучения русского народного быта, фольклора и народно-поэтического языка XVIII века.

Сам Голиков несомненно интересовался всем этим и стремился сообщить читателям о верованиях, суевериях, нравах и обычаях допетровского и петровского времени.

Так, например, собиратель, стремясь нарисовать широкую и полную картину состояния допетровской Руси, в XIII томе «Деяний» приводит такой интересный факт, заимствованный им из «журнальных записок сего времени г. Желябужского»: «В 1689 г. в земском приказе пытал Ивѣн Петров сын Бунаков по челобитью боярина князя Василия Васильевича Голицына, для того, что он вымал у него, князь Василья, след. С пытки он рван не винился, а сказал: землю для того в платок взял и завязал, что ухватил его утин (черная немощь), и прежде сего-то бывало, где его ухватит, тут же землю он и берет». К этому известию собиратель горестно замечает: «Ежели князь Голицын, почитавшийся тогда перед другими за просвещеннейшего, мнил так о колдовстве и порче, то что думать о простом народе!».⁴³

⁴² К первому преданию имеется такое примечание собирателя: «От олонцкого купца Барсукова, любимого государем, слышанное записал один из приятелей моих, но, к сожалению, запомнил он записать фамилию сего воеводы». Второе предание сопровождается следующим примечанием: «От протоиерея Архангельского собора Петра Алексеича сообщенный ему от гвадии капитана поручика П. С. Хлопова».

⁴³ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам, т. XIII. Изд. 2-е, М., 1840, стр. 324.

Здесь же Голиков приводит различные сведения этнографического характера о быте и обычаях русских: о крестинах, календарных, похоронных и свадебных обрядах. Так, например, о похоронном обряде он пишет: «Похороны препровождались воплем ближних их родственников и свойственников, а особливо при отпевании их в церквах; воплящие женщины приговаривали все их добродетели и свое вдовство или сиротство; и сие наблюдалось непременно, хотя бы не чувствовали о скончавшемся и жалости. Уверяют, что дабы вопль и приговоры, при оном употребляемые, являлись казистее, то еще и нанимали плачущих женщин, которые в приговариваниях были искуснее; все также знакомые дому скончавшегося женщины, а паче бедные, увеличивали число вопящих; в противном случае осуждались родственники от всех как нечувствительные».⁴⁴

Несколько дальше Голиков сообщает, что «и при царе Алексее Михайловиче коль много верили тогда колдовству и чародейству, когда каждый из придворных чиновник присягающий клялся через колдовство не испортить государя и проч.»⁴⁵

Возмущаясь расточительством и роскошным образом жизни своих современников и противопоставляя этому простоту и неприязнательность предков, Голиков особенно негодует по поводу истребления лесов. При этом он возмущается старинным обычаем украшать города, села и жилища молодой зеленью: «При том же можно ли без жалости видеть посекаемые в нечисленном множестве молодые деревья, а паче березовые, что особливо делается в так называемый Семик, и привозимые в города, селы и деревни возами для украшения ими церквей, домов, кабаков, улиц и проч. Коликое сим образом множество истребляем мы лесов, не дождав их возвращения, без наималейшей нужды! Коликую приносим мы жертву древнему суеверию и предрассудкам, ничем не извиняемую!».⁴⁶

Нередко в этом своем обзоре состояния допетровской Руси собиратель приводит пословицы и поговорки, пытаясь иногда даже дать им пояснение. Говоря, например, о различных нравах и обычаях жителей разных районов России, он замечает: «Сие-то различие произвело у Россиян пословицу: что город, то норв, что деревня, то обычай»,⁴⁷ или, приведя факты о падении нравов и благочестия у греческих монахов, отмечает: «Пословица древних: монах праздный есть тать лестный (курсив И. И. Голикова, — В. Б.) — уже была забыта».⁴⁸

Собрание Голикова в наибольшей степени (из всех других сборников подобного рода) донесло до нас фольклор о Петре, петровской эпохе и родной язык XVIII века.

Работа И. И. Голикова по собиранию народных преданий о Петре и событиях петровской эпохи является еще одним доказательством широкого движения демократических кругов русского общества последней трети XVIII века за собирание, использование и изучение родного фольклора.

⁴⁴ Там же, стр. 321.

⁴⁵ Там же, стр. 326.

⁴⁶ Там же, стр. 333.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, стр. 135.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СПИСОК НАПЕВОВ «ДРЕВНИХ РОССИЙСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ» КИРШИ ДАНИЛОВА¹

Напевы «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова неоднократно привлекали внимание историков русской музыкальной культуры XVIII века. В опубликованной в 1956 году статье Р. И. Зарицкой «Записи народной песни и ее изучение» автор пишет: «Вопрос о подлинности напевов сборника [Кирши Данилова] явился предметом острой научной полемики. Некоторые исследователи отвергали их народное происхождение. Но виднейшие дореволюционные и советские литературоведы и фольклористы² признали принадлежность этих напевов к старой песенной традиции и даже стремились определить их локальную специфику. Так, А. Маслов относит их к архангельской и беломорской, Е. Гиппиус — к заонежской традиции».³ В задачу настоящей статьи входит не продолжение полемики о напевах Сборника Кирши Данилова, а сообщение об одном из неизвестных списков Сборника. Исследователи, занимавшиеся напевами Сборника, всегда ориентировались только на его печатное издание и не касались списков, находившихся в обращении в годы, когда рукопись Сборника считалась утерянной (с первой четверти XIX века по 1894 год). Между тем известно, что списки нередко сопровождаются интереснейшими примечаниями их владельцев. Каждый вновь найденный список проливает свет на многие общие и частные проблемы исследуемой темы.

В 1935 году О. Попова в статье «Государственный Исторический музей» упомянула о том, что в рукописном отделе музея среди отдельных автографов за последнее время установлены были: «редкий автограф В. Ф. Одоевского: рукописные ноты с мотивами русских былин и переписанные рукою Одоевского же стихотворение Кюхельбекера „К гению-хранителю“».⁴ Это сообщение О. Поповой не привлекло внимания, наверное, потому, что в нем не было дано описание названных документов.

Через двадцать два года, в 1957 году, мы заинтересовались нотным «редким автографом В. Ф. Одоевского». Он оказался не чем иным, как единственным, неизвестным до сих пор списком напевов Сборника Кирши

¹ Из работы о русских народных песнях, записанных и собранных В. Ф. Одоевским, подготовляемой к изданию Государственным центральным музеем музыкальной культуры им. М. И. Глинки.

² В сноске Р. И. Зарицкой дан перечень авторов и их работ.

³ Очерки по истории русской музыки 1790—1825. Под ред. М. С. Друскина и Ю. В. Келдыша. Л., 1956, стр. 87.

⁴ «Литературное наследство», М., 1935, № 22—24, раздел «Хроника», стр. 777.

В. Ф. Одоевский

ДРЕВНІЯ
РОССІЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Титульный лист сб. «Древние российские стихотворения», принадлежавший
В. Ф. Одоевскому.

Данилова, а стихотворение В. К. Кюхельбекера «К гению-хранителю» — неизвестным вариантом его же стихотворения «К моему гению».⁵

Список напевов хранится в одной обложке с текстом стихотворения В. К. Кюхельбекера «К гению-хранителю». На обложке надпись: «Одоевский В. Ф. 1. Мотивы напевов русских былин. 2. Переписанное князем (В. Ф. Одоевским, — Б. Г.) стихотворение Кюхельбекера: К гению-хранителю».⁶ Оба документа не датированы. Напевы переписаны чернилами на одной стороне небольшого листа (22 × 24) серой бумаги с начерченными от руки нотными линейками; некоторые напевы содержат карандашные пометы В. Ф. Одоевского. Всего в «Списке» двенадцать напевов: Соловей Будимирович, Гость Терентьище, Дюк Степанович, Щелкан Дудентьевич, Машрюк Темрюкович, Сергей Хорош, Волх Всеславьевич, Три года Добрынюшка столярничал, Гришка Растрига, Василий Буслаев, Женитьба князя Владимира, На Бузане острове.

Содержание и название напевов не оставляют сомнения в том, что они принадлежат к «Древним российским стихотворениям» Кириши Данилова. Поскольку при жизни В. Ф. Одоевского (1804—1869) существовало только одно издание Сборника Кириши Данилова с нотами,⁷ естественно предположить, что В. Ф. Одоевский пользовался при переписке именно этим изданием.⁸ Однако сличение «Списка» В. Ф. Одоевского с печатным изданием Сборника Кириши Данилова заставляет отказаться от такого предположения:

⁵ Стихотворение В. К. Кюхельбекера «К гению-хранителю» (1818) (публикуется впервые):

Слети, мой добрый, верный гений,
Слети беседовать со мной!
Хранитель мой среди волнений,
Мой друг, мой пестун, ангел мой!

Главу с тяжелыми мечтами
Хочу на грудь твою склонить
И на груди твоей слезами
Больную душу облегчить.

Не ожидаю я участия
От юных, ветреных друзей.
Увы! почто тоски и счастья
Я не берег от их очей.

Безмолвный страж моей святыни,
Я стану жить в одном себе.
Об милой говорю отныне,
Хранитель! одному тебе.

И ты слетишь, мой добрый гений,
Крыло раскинешь надо мной.
Спаситель мой в пути мучений,
Мой друг, мой ангел, пестун мой!

(Стихотворение «К моему гению» см.: В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I. Л., 1939, стр. 13).

⁶ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея, Щукинское собрание, Ц. 779, св. 2, л. н.

⁷ Древние российские стихотворения, собранные Киришею Даниловым и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, досель неизвестных, и нот для напева. М., 1818.

⁸ Две былины из Сборника Кириши Данилова в обработке Д. Н. Кашина для голоса с фортепиано были напечатаны в 1806 году в «Журнале отечественной музыки» (тегради I и III, издатель Д. Н. Кашин); их напевы не соответствуют напевам в «Списке» В. Ф. Одоевского.

«Соловей Будимирович»
Начало нотной записи

Последняя нота 9-го такта

Конец напева

«Волх Всеславьевич»
Последняя нота напева

«Гришка Расстрига»
Вторая нота 5-го такта

«На Бузане острове»
3-й такт

и т. д.

Приведенные примеры разночтений «Списка» В. Ф. Одоевского со Сборником Кирши Данилова 1818 года⁹ могут показаться лишь ошибками, допущенными В. Ф. Одоевским при переписке. Однако и это предположение оказывается неверным, если познакомиться с предисловием П. Н. Шеффера к Сборнику, изданному в С.-Петербурге в 1901 году. В предисловии на основании автографа рукописи «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова доказывается, что в 1818 году Сборник был издан с большим числом искажений и опечаток (подробно перечислены П. Н. Шеффером). Так же подробно описывает П. Н. Шеффер все несоответствия печатного текста Сборника Кирши Данилова с его автографом и особо останавливается на разночтениях в нотном материале (см. приведенные в предисловии, на стр. XIV—XV, сличения напевов).¹⁰ Разночтения в нотах, указанные П. Н. Шеффером, целиком совпадают с таблицей разночтений «Списка» В. Ф. Одоевского с печатным изданием Сборника Кирши Данилова. Тем самым предположение о неточной копии В. Ф. Одоевского при переписке с печатного издания отпадает. В Сборнике под редакцией и с предисловием П. Н. Шеффера 1901 года все напевы являются достоверными подлинниками: они воспроизведены авторитетно и в издании 1818 года они награвированы). Напевы в «Списке» В. Ф. Одоевского совершенно точно соответствуют этим подлинникам, поэтому можно предположить, что он пользовался при переписке не печатным экземпляром Сборника Кирши Данилова, а его автографом и в отличие от издателей Сборника 1818 года скопировал этот автограф без ошибок. Однако, как уже упоминалось, при жизни В. Ф. Одоевского рукопись Сборника была утеряна и лишь в 1894 году найдена вновь.¹¹ Умер В. Ф. Одоевский в 1869 году и, стало быть, этой находкой воспользоваться уже не мог. Откуда же тогда заимствовал он двенадцать напевов «Сборника» Кирши Данилова?

Ответ на этот вопрос дает секретное письмо М. Б. Баркляя-де-Толли к флигель-адъютанту полковнику А. И. Чернышеву от 6 июня 1812 года.¹² Письмо М. Б. Баркляя-де-Толли написано на бумаге, водяной знак которой совпадает с водяным знаком бумаги «Списка» В. Ф. Одоевского. Обращаем внимание на это письмо потому, что ни в одном из известных нам печатных источников о водяных знаках бумаг «Списка» В. Ф. Одоевского не значится.¹³ По мнению С. А. Клепикова (автора работы «Филиграни и штемпели на бумагах русского производства»),¹⁴ письмо М. Б. Баркляя-де-Толли и «Список» В. Ф. Одоевского являются единственными дошедшими до нас документами с подобными водяными знаками. Бумага с этими знаками изготовлялась в начале прошлого столетия на фабрике А. П. Полторацкой. В 1825 году А. П. Полторацкая продала свою фабрику департа-

⁹ В настоящей таблице представлена только часть из них.

¹⁰ Еще больше таких разночтений отметил А. Маслов в своей статье «Кирша Данилов и его напевы» («Русская музыкальная газета», 1902, № 43).

¹¹ Об этом см. подробно в Сборнике Кирши Данилова под редакцией и с предисловием П. Н. Шеффера (СПб., 1901) и в сб. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» под ред. С. К. Шамбинаго (М., 1938).

¹² Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 19 [Барятинских], раздел III, папка 26, № 2. (Это письмо было любезно указано мне С. А. Клепиковым. — Б. Г.).

¹³ См.: К. Тромонин. Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге. М., 1844; Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, чч. I—III. СПб., 1899, и др.

¹⁴ Напечатана в кн.: Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. XIII, М., 1952.

Соловей бурья = Иванъ Васильевъ. см. = Иванъ Гаденовичъ

Тюби Мерзотовице,
Докъ степанъ,
Мастеровъ Машковъ,
Волковъ Васильевичъ
Три года добрыишка стая,
Срѣшша расстрѣла,
Вашинъ буславъ,
Иа буслава отрова.

менту уделов,¹⁵ и бумага с указанными водяными знаками больше уже не появлялась. Это важный факт на пути раскрытия происхождения «Списка» В. Ф. Одоевского, так как помогает установить хронологические рамки: В. Ф. Одоевский переписал напевы Сборника Кирши Данилова в первой четверти XIX века.

Предположение это становится еще более очевидным, если вспомнить, что в годы пребывания в Московском благородном пансионе (1816—1822) В. Ф. Одоевский обучался игре на фортепьяно у педагога пансиона Д. И. Шпревича (Шпревича) и был одним из самых лучших его учеников. Учитель и ученик были связаны прочными, теплыми дружескими отношениями. Современник В. Ф. Одоевского П. И. Бартенев свидетельствует, что «кн. Одоевский всегда с благодарностью вспоминает о Шпревиче, музыкальном учителе при Московском университете; Шпревич познакомил кн. В. Ф. [Одоевского] с Себастианом Бахом, которого имя едва было известно тогда в Москве; об этом кн. Одоевский намекает в своей повести „Себастиан Бах“ («Русские ночи», ночь 8-ая, стр. 211)».¹⁶ Именно в эти годы (1816—1818) Д. И. Шпревич принимал непосредственное участие в подготовке ко второму изданию Сборника Кирши Данилова и был редактором всей его «музыкальной части».¹⁷ Думается, что до этого времени ни Д. И. Шпревич, ни В. Ф. Одоевский не могли ознакомиться с рукописью Сборника.

Как известно, рукопись Сборника Кирши Данилова принадлежала первоначально П. А. Демидову, для которого тексты были записаны приблизительно в 1748 году.¹⁸ После смерти П. А. Демидова (1786) рукопись попала к его родственнику Н. М. Хозикову, а в 1802—1803 годах — к директору московского почтамта Ф. П. Ключареву. Последний поручил своему подчиненному (кстати говоря, также воспитаннику Московского благородного пансиона) А. Ф. Якубовичу издать Сборник Кирши Данилова. Первое издание «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова под редакцией А. Ф. Якубовича вышло в Москве в 1804 году. Издание это было неполным (в нем отсутствовали ноты напевов).¹⁹ Двенадцать лет спустя рукопись Сборника была продана Н. П. Румянцеву, решившему издать ее целиком. Для этого им были привлечены к изданию Д. И. Шпревич как редактор всей музыкальной части и К. Ф. Калайдович — литературной.²⁰ Второе издание Сборника увидело свет в 1818 году. Следовательно, работа Д. И. Шпревича над подготовкой рукописи Сборника к печати велась только с 1816 по 1818 год.

О жизни и деятельности Д. И. Шпревича мы знаем очень мало. Поселившись в России в начале XIX века, Д. И. Шпревич преподавал игру на фортепьяно в различных московских учебных заведениях (с 1804 по 1829 год в Университетском благородном пансионе).²¹ Кроме того, что уче-

¹⁵ Там же, стр. 108.

¹⁶ «Русский архив», № 7—8, 1864, стр. 810, примечание.

¹⁷ Об этом говорится на стр. XXXIII—XXXIV предисловия к «Древним российским стихотворениям, собранным Киршею Даниловым» (М., 1818).

¹⁸ Мы пользуемся сведениями об истории рукописи Сборника Кирши Данилова из предисловия С. К. Шамбинаго к предпоследнему изданию (М., 1938); последнее издание, подготовленное А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путиловым, вышло в свет в 1958 году.

¹⁹ Не были опубликованы также все литературные тексты. Из сохранившихся 70 в первом издании их только 26.

²⁰ См. об этом на стр. III предисловия ко второму изданию Сборника Кирши Данилова (М., 1818).

²¹ См.: В. Натансон. Из музыкального прошлого Московского университета. М., 1955, стр. 71.

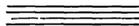
ником Д. И. Шпревича был А. И. Дюбак и что сам он обладал в Москве большой коллекцией восточных монет, описанной в специальной работе акад. Х. М. Френа,²² никакими другими сведениями о пребывании Д. И. Шпревича в России мы не располагаем. О В. Ф. Одоевском с 1804 года (года его рождения) по 1818 год известно гораздо больше, но и о нем нет нигде никаких упоминаний в связи со Сборником Кирши Данилова.

Как уже говорилось выше, в 1816 году В. Ф. Одоевский поступил в Московский университетский благородный пансион, который окончил в 1822 году. В пансионе прошла юность В. Ф. Одоевского, здесь, у Д. И. Шпревича, он получил профессиональное музыкальное образование. Зная основные события жизни В. Ф. Одоевского с 1804 по 1818 год, а также его тесную дружбу с Д. И. Шпревичем, можно с уверенностью сказать, что его «Список» является копией с рукописи Сборника Кирши Данилова, находящейся в 1816—1818 годах в распоряжении Д. И. Шпревича и К. Ф. Калайдовича, после чего ее местонахождение оставалось неизвестным (до 1894 года). То, что «Список» В. Ф. Одоевского должен быть датирован именно 1816—1818 годами, доказывается еще и тем, что он палеографически полностью сходен с другими сохранившимися рукописями В. Ф. Одоевского тех лет.²³

Неизвестный список В. Ф. Одоевского напевов «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова интересен прежде всего тем, что он всецело подтверждает факт нахождения на руках списков Сборника после исчезновения его оригинала. Работа по дальнейшему разысканию других списков выдающегося памятника русского былинного эпоса — Сборника Кирши Данилова — должна быть, следовательно, продолжена и углублена.

Вместе с тем найденный документ исключительно ценен для творческой биографии В. Ф. Одоевского, так как «Список» содержит его пометы: в былине «Гость Терентьище» — попытка дать тактировку (отмечена карандашом); в былине «Соловей Будимирович» — примечание о совпадении мелодии напева «Иван Гостиной сын» с мелодией напева «Иван Гаденович» и т. д.

Рукопись В. Ф. Одоевского — список напевов Кирши Данилова — свидетельство самого раннего, первого интереса В. Ф. Одоевского к русской народной песне вообще (в 1816—1818 годах ему было всего 12—14 лет). Живой интерес к Сборнику Кирши Данилова он сохранил на всю жизнь. Об этом говорят другие, интереснейшие материалы в архиве В. Ф. Одоевского, связанные с «Древними российскими стихотворениями» Кирши Данилова.

²² См.: В. Ф. Одоевский. Музыкально-литературное наследие. Под ред. Г. Б. Бернандта. М., 1956, стр. 604.

²³ Напомним, что переписанное В. Ф. Одоевским стихотворение В. К. Кюхельбекера «К гению-хранителю» также датировано 1818 годом.

Н. В. НОВИКОВ

Г. И. ПАРИХИН И ЕГО ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАПИСИ В СБОРНИКЕ
И. П. САХАРОВА

(ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Еще в конце 30-х—начале 40-х годов XIX века В. Г. Белинский, горячо отзываясь о собирательской деятельности И. П. Сахарова и приветствуя предпринятое им издание «Сказания русского народа», высказал некоторые сомнения и недоумения по поводу публикации Сахаровым ряда фольклорных текстов. Он указал, в частности, на явную близость сказок Сахарова к былинам из сборника Кирши Данилова.¹ О напечатанной Сахаровым в 1839 году сказке «Василий Буслаевич» (в альманахе Н. Кукольника «Новогодник») Белинский писал следующее: «„Василий Буслаевич“ — русская народная сказка, доставленная издателю альманаха г. Сахаровым, — есть не что иное, как „Василий Буслаев“, стихотворная поэма, находящаяся в „Древних российских стихотворениях, собранных Киршею Даниловым“ и вторично изданных в 1818 г. К. Калайдовичем. Г-н Сахаров не говорит ни слова, откуда он взял эту сказку, и как будто совсем не знает, что она давно напечатана. Предлагает же он ее публике в прозе, а не в стихах, и, кроме этого, с самыми незначительными отменами, впрочем, не в пользу сказки. Странно!».²

Вслед за Белинским А. Григорьев в статье «Русские народные песни» (по поводу собрания Стаховича)³ указал на то, что в песнях, напечатанных в сборнике Сахарова, попадают «стихи деланные и вставочные» (курсив Григорьева), размер их «большею частью не понят и весьма часто искажен, подведен под условное ярмо».⁴

За подобные искажения песенных текстов Григорьев обвинял как самого Сахарова, так и его корреспондентов.

О недобросовестной публикации Сахаровым народных песен неоднократно говорит в своих примечаниях к сборнику П. В. Киреевского и П. А. Бессонов.⁵

Собирательская и издательская деятельность Сахарова впервые получила достаточно развернутую характеристику в книге А. Н. Пыпина «История русской этнографии» (т. I, СПб., 1890, стр. 276—313). Касаясь

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 185.

² Там же, т. III, 1953, стр. 147.

³ «Москвитянин», 1854, № 15, отд. IV («Критика и библиография»), стр. 93—142.

⁴ Там же, стр. 96.

⁵ Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. VI, М., 1864, стр. 187—190; вып. VII, 1868, стр. 111—112, 137, 146—147 и др.

качества публикаций Сахаровым фольклорных текстов, исследователь присоединяется к высказываниям на этот счет Григорьева и Бессонова и, дополняя их некоторыми новыми данными, приходит к заключению, что труды Сахарова «почти совсем» утратили «значение научного материала».

Этот решающий приговор Пыпина послужил отправным моментом для многих позднейших исследователей фольклора. С тех пор в нашей науке сделалось «общим местом» предупреждать «о строго критическом» и «чрезвычайно осторожном» подходе к использованию материалов сахаровских сборников.

Не подвергая каким-либо сомнениям это положение, мы, однако, не можем умолчать о том, что критика фольклорных трудов Сахарова носила в целом все же ограниченный характер и не всегда велась со строго научных и принципиальных позиций. Так, например, А. Григорьев устанавливал «подделки» песен в сборнике Сахарова там, где их могло вовсе не быть: единственным критерием для этого ему служили отличия песни Сахарова от ее вариантов в записи других лиц. Ошибочный и умозрительный характер носят и многие замечания Бессонова, для которого все, что в песне «нелогично» и не вяжется с его собственными представлениями, — дело рук Сахарова.

Однако, несмотря на это, факт фальсификации Сахаровым ряда фольклорных текстов установлен исследователями с достаточной достоверностью. Тот же Бессонов выявил у него значительное количество скрытых перепечаток песен из сборников XVIII века (Прача, Новикова и др.), причем в явно подправленном и искаженном виде.

Большим недостатком в деле окончательного выяснения приемов публикации Сахаровым фольклорных текстов, а следовательно, и установления отрицательных и положительных сторон его фольклорных сборников, являлось то, что в научный оборот не вводились архивные материалы.

Привлеченные для данной статьи записи Г. И. Парихина — одного из корреспондентов Сахарова, обнаруженные нами в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде,⁶ позволяют, конечно, лишь частично восполнить образовавшийся пробел. Это лишь первая разведка в тот рукописный материал, целесообразность изучения которого неоспорима для полной и объективной оценки такого сложного и противоречивого явления русской фольклористики, как труды Сахарова.

1

Среди лиц, которым И. П. Сахаров печатно выразил свое «русское спасибо» за участие в сборнике «Сказания русского народа», стоит и имя Григория Ивановича Парихина.

Г. И. Парихин родился в г. Тихвине (бывш. Новгородской губ.), вероятно, около 1805 года в небогатой купеческой семье. Известно, что в конце 10-х годов он учился, или, выражаясь его словами, «числился», в приходской школе в течение пяти лет, из которых «едва ли 365 раз побывал в классе».⁷

В то время постановка учебного дела была такова, что на группу в семьдесят-восемьдесят учеников приходился один учитель, «да и тот для того

⁶ Письма разных лиц к И. П. Сахарову. — Отдел рукописей ГПБ, архив Савваитова, доп. 28/III, лл. 52—109 (в дальнейшем все письма и выдержки из писем Парихина к Сахарову и Краевскому даны по этому источнику).

⁷ Из письма Парихина Сахарову от 15 сентября 1839 г., л. 55 об. Здесь и далее в письмах Г. И. Парихина и выдержках из них исправлены грамматические ошибки.

лишь заглядывал в класс, чтоб, — как пишет Парихин, — скомандовать: Собирайтесь! Иван Иванов! — Читай молитву! — Расходитесь! И только!».⁸

Читать, писать и считать Г. И. Парихин выучился «самоучкою» и «охоту к чтению» достиг того, что стал заметно выделяться из круга своих товарищей, а впоследствии и из круга тихвинских купцов.

Страсть к чтению у него пробудилась рано и началась со знакомства с лубочными картинками, которые он приобретал у мальчишек за орехи и яблоки. «Главное достоинство этих картинок, — рассказывает Парихин, — заключалось для меня не в самих сюжетах, на них намалеванных, а в подписях, объясняющих их содержание. Разбирать эти подписи нравилось мне несравненно более, чем разбирать в букваре уроки. Они завлекали мое любопытство и были, так сказать, первым зерном страсти моей к чтению книг».

Потом внимание его переключилось на сказки, за которые, как он говорит, ухватился «обеими руками», — о Бове-королевиче, Иване-царевиче и «других подобно им знаменитостях». «Эти сказки, — признавался Парихин, — первенцы любви моей к чтению и первые книги моей библиотеки, переплетенные в несколько хорошеньких томиков, до сих пор сохраняются мною для памяти, и право, в иных из них гораздо более занимательности, чем во многих и очень многих нынешних повестях и романах».⁹

Со временем в круг его чтения начинают входить повести «Франциль Вендиан», «Милорд с Марцебрисом», «фантастическая цепь увлекательных и завлекательных рассказов» Шехерезады из «Тысячи и одной ночи», наконец поэма «Роланд», которую он запоем прочитывает «от доски до доски, не срываясь со стула».

Интерес к литературе, к художественному слову, печатному и устному, расширяется и крепнет у Парихина в последующие годы, приобретая особую целенаправленность.

Уже в середине 20-х годов он приступает к собиранию пословиц, а в 1829 году записывает со слов девяностолетней старушки две старинные свадебные песни — «Ах вы, девки, девушки» и «Как на синем на море»,¹⁰ и, таким образом, в качестве любителя народной поэзии приобщается к собирательской работе.

Летом 1838 года Парихин направляет А. А. Краевскому для публикации в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» пять заговоров и сопровождает их следующим письмом:

«Милостивейший государы!

«Производимая мною торговля требует непрерывных разъездов по самым удаленным и залесным деревням, и я скитаюсь большую часть года по таким местам, куда не только по пяти лет не заезжает г. исправник и по году не заглядывает г. заседатель, но даже еще до сих пор не проникает луч от гладко выполированной меди самовара!

«В таких местах добродушные жители поверят вам на слово, что из Петербурга в Павловск можно ездить без лошадей и расстояние в 30 верст перелететь в 30 минут, но вы ни за что в мире не убедите их, что это производится с помощью одного искусства, без всякого колдовства и подобия чертей!

⁸ Там же.

⁹ Там же, лл. 55 об.—56.

¹⁰ Напечатаны в кн.: И. П. Сахаров, Сказания русского народа, т. I, кн. 3. Изд. 3-е, СПб., 1841, №№ 4 и 5, стр. 183 (в дальнейшем: Сахаров).

«Не распространяясь вдаль, из одного этого можете судить, м[илостивейший] г[осударь], какую роль играют заговоры в этих залесных деревнях. Заговорам верят там как непреложной истине; верят даже тогда, когда заговор не подействовал.¹¹ Отрицать его силу — значило бы не верить, что курица несет яйца. В прежние годы случайно я не раз сблизжался со многими доками и слышал от них кучу заговоров, но, не думая, чтобы они могли заслужить внимание публики и быть когда-либо напечатанными, пускал их мимо ушей.

«Теперь же господин Сахаров разуверил меня в противном, напечатав в 1-й части книги Сказания русского народа о семейной жизни своих предков собранные им заговоры. Не безделицы, думаю, стоило собрать их г. Сахарову — надобно было много труда и еще больше времени — думаю это потому, что собрание как мне известно по опыту.

«Не будучи знакомы с докою или знахарем, вы не узнаете от него полуслова — даже за всемогущее золото. В этом случае они как-то не падки на деньги и исключения редки. Чтобы узнать какой-нибудь заговор от доки, надобно подружиться, сблизиться с ним, заслужить его доверие, попотчевать его пенежским, и тогда навеселе, в добрый час, он откроет вам, по мнению его, величайшую тайну, как приворожить красную девушку, чтобы полюбила доброго молодца, или как подходить к властям, к князьям и боярам, и только не думайте, чтобы за один раз господин дока открыл вам все то, что он знает! Он вам предоставит тысячу причин, которые приводить здесь не у места, что это сделать ему никак невозможно. Многие из док твердо и совершенно уверены сами, без всякой примеси шарлатанства, в действительности заговоров, и их не в пример труднее довести к откровенности, нежели знахарей-шарлатанов. Но довольно об этом. Непривычка писать завлекает меня за пределы короткого простого письма, которого вся цель состоит лишь в том, что я искренно желаю принести посильную дань русской литературе.

«После выхода в свет книги г-на Сахарова я начал помаленьку собирать все поверья, относящиеся к простому быту наших крестьян, и имею теперь, кроме кое-чего другого довольно любопытного, несколько заговоров, из которых препровождаю вам наперво при сем письме четыре.¹² Они слышаны мною в Тихвинском, Ладожском и Лодейнопольском уездах и списаны слово в слово. Если эти заговоры не помещены в книге г. Сахарова и если вы найдете, что они заслуживают хотя малейшее внимание, то покорнейше прошу вас напечатать их в вашей газете — и тем поощрить меня к дальнейшему собиранию деревенских преданий, в которых, может быть, попадет что-нибудь, еще неизвестное до сих пор в печати, и все что бы ни было будет доставлено к вам, если вы пожелаете.

«Знаете ли, м[илостивейший] г[осударь], как робко неписателю писать первое письмо к журналисту. Я полгода собирался писать к вам и едва осмелился.

«Воображение мое представляло мне вас строгим и неумолимым судьей, который, получа мое писемко¹³ и заговоры, швырнет их в огонь, не читая, да еще разгневается за то, что незнакомый человек осмеливается писать к нему — да мало ли еще что представляло и представляет мне во-

¹¹ Иногда случается, что заговор действует заодно с своевольным случаем иначе. . . (Примеч. Парихина; последнее слово в рукописи оборвано).

¹² Парихин с этим письмом направил фактически пять заговоров.

¹³ Так называют письмо почти все жители Онежского уезда. (Примеч. Парихина).

ображение. Но теперь уж кончено, письмо написано, делайте со всем этим вздором, то есть с письмом и заговорами, что вам угодно, только сделайте милость, удостоьте сказать подателю, что вы с ними сделаете? С истинным почтением честь имею быть

Ваш покорнейший слуга, купецкий сын

Григорий Парихин.

Июля 8-го дня 1838 года, Тихвин». ¹⁴

Вместе с заговорами Парихин пересылает Краевскому и первую пробу своего пера — небольшой этнографический очерк из жизни города Тихвина «Провинциальные увеселения» (о посиделках, или поседухах). Очерк был принят и напечатан Краевским. ¹⁵ Что касается заговоров, то цензура категорически воспрепятствовала их публикации в повременном издании, ¹⁶ и Краевский вынужден был передать их Сахарову, который в то время как раз работал над подготовкой третьего издания первой книги «Сказаний русского народа».

Узнав об этом, Парихин немедленно отозвался письмом к Сахарову. В этом письме, от 22 января 1839 года, он признавался в том, что ему неоднократно приходилось слышать заговоры в деревнях северных губерний России и что их можно было «насобирать на целый том», но, к сожалению, до выхода в свет трудов Сахарова он не знал, что они «заслуживают внимания и могут быть напечатанными».

В том же письме, отсылая Сахарову ряд своих фольклорных записей, Парихин выражал готовность и впредь доставлять ему все, что касается «деревенских и городских простонародных поверьев и суеверных обрядов, а также и старинные русские песни».

Другое письмо Парихина, от 15 сентября 1839 года, было ответом на письма Сахарова, в которых, очевидно, содержалась просьба к корреспонденту рассказать о себе, своих занятиях и пр., поощрялась его собирательская деятельность. Как пишет Парихин, Сахаров явился для него первым, кто «ласково молвил слово отрады», «оживил соучастием», подал «добрый совет», возбудил еще большую страсть к народной словесности. Он восторженно и искренно приветствует деятельность Сахарова и его труды и глубоко сожалеет, что из-за слабой подготовки в науках не может оказать ему требуемого содействия. Парихин отмечает мастерской подход Сахарова к разработке русской «частной старины»; ему нравится в «Сказаниях» описание святок, изложение критического взгляда на мифологию и особенно предисловие к песням русского народа, которое он называет «превосходным» по своей полноте, отчетливости, здравости суждений, верности мысли и плавному, легкому изложению. Такое предисловие, заявляет он, «не напишет никто, хоть будь семь пядей во лбу».

Слова Парихина — еще одно прямое доказательство правильности высказывания И. И. Срезневского о том, с каким исключительным энтузиазмом были встречены труды Сахарова его современниками и какое огромное и плодотворное воздействие они на них оказали. ¹⁷

¹⁴ Письмо Парихина к А. А. Краевскому от 8 июля 1838 г. См.: Письма разных лиц к И. П. Сахарову, лл. 96—96 об.

¹⁵ «Литературные прибавления», 1839, № 2, за подписью «Г...й П...ль».

¹⁶ На полях только что приведенного письма Парихина, которое вместе с заговорами готовилось к публикации в «Литературных прибавлениях», имеется следующая приписка, сделанная красными чернилами, по всей видимости, рукой Краевского: «Комитет [цензуры] нашел, что эту статью нельзя печатать в период. изд.»

¹⁷ И. И. Срезневский. Воспоминание об И. П. Сахарове. «Ученые записки Академии наук», 1864, кн. 2, стр. 239—244.

Судя по письмам к Сахарову,¹⁸ жизнь Парихина, «третьей гильдии купеческого сына», как он именовал себя, сложилась далеко не благоприятно для умственного развития и исполнения заветного желания — быть чем-нибудь «полезным русской литературе».

В семье его чтение книг считалось «сущим пустяком» и осуждалось как никчемное и праздное времяпрепровождение, уводящее человека от повседневных практических дел и забот. «Родитель мой, — пишет Парихин Сахарову, — почти вовсе не терпит книг... матушка вполнину пренебрегает ими... жена тоже вовсе не охотница до чтения», а потому, продолжает он с грустью, «я читаю, пишу и получаю журнал украдкою... Но всегда ли уберешься? Иногда книги попадают не туда, куда следует, отчего происходят семейные сцены, хотя самые пустячные, однако же все-таки неприятные, потому что прежде мне не запрещали читать».¹⁹

Литературные и собирательские занятия Парихина вызывали отрицательную реакцию и в тихвинской купеческой среде, где над ним злословили: «Ах, господин писатель, наше почтенье!», или с упреком говорили: «В купеческом звании неприлично заниматься словесностью» и т. п. Парихин признавался Сахарову, что от упреков и укоров нередко «надрывалось сердце и руки покидали перо надолго! И надолго пропадала охота писать и, собирая на бумагу, сохранять разбросанные клочки старинной русской народности».²⁰

И все же Парихин находил в себе силу преодолевать такие настроения и, невзирая ни на что, продолжал рыться, как он говорил, «в каждой норке за стариною».

Уже к 1838—1839 годам у него составилось собрание русских народных песен, загадок, пословиц, заговоров и т. п., из которых только часть, а именно 22 песни, 70 загадок, 16 заговоров, 1 сказку и 3 суеверных приметы, он переслал Сахарову. Все они сохранились в бумагах последнего и в большей степени опубликованы в «Сказаниях».²¹

Г. И. Парихин является одним из первых в России собирателей-самозаписчиков, подлинных зачинателей фольклористического движения, которое лишь много десятилетий спустя примет массовый характер. Отсюда особую научную ценность и интерес для нас несомненно приобретают приемы его собирательской работы и его непосредственные, пусть немногочисленные, наблюдения над бытованием народной поэзии.

Свои записи произведений народного творчества, особенно песен и заговоров, Парихин производил непосредственно от исполнителей. Об этом он неоднократно упоминает и в письмах к Сахарову и в примечаниях к отдель-

¹⁸ В упоминавшемся уже нами архиве Саввантова сохранилось четыре письма Парихина к Сахарову: от 22 января, 15 и 21 сентября и 24 октября 1839 г. (лл. 52—60 об., 62).

¹⁹ Письмо от 15 сентября 1839 г., л. 55.

²⁰ Там же, лл. 57—57 об.

²¹ Кроме «Сказаний», часть своих фольклорных записей Парихин обнаружил в очерке «Провинциальные увеселения» (две песни: «Я хожу гуляю да по хороводу» и «Около реченьки ходила молода»), а также в статьях «Старинные святочные песни» («Маяк», 1840, ч. VI, гл. 3, стр. 86—93 — пять песен: «Ай на дворе на улице», «Под горой лен-лен», «На Дону, да на Дону», «Вниз по реченьке струйка бежит» и «Мой ты млад-соловей») и «Русские народные загадки» («Маяк». 1842, кн. XI, гл. 3, стр. 47—78 — свыше 300 загадок).

ным текстам. Так, например, к песне «Ты, труба ль, моя трубушка» (Сахаров, кн. 3, № 6, стр. 183) он делает такую оговорку: «Не забудьте, что я списываю с голоса (разрядка наша, — Н. Н.) и стараюсь сохранить сколько возможно более верности».²² В примечании, дополненном другими чрезвычайно важными и любопытными сведениями, к песням «Ах вы, девки, девушки» и «Как на синем море» (Сахаров, кн. 3, №№ 4 и 5, стр. 183) он указывает: «Эти две песни списаны мною в 1829 году со слов (разрядка наша, — Н. Н.) девяностолетней старушки, которая имела удивительную память и помнила свою жизнь с пятилетнего возраста, — в ее время эти песни были в большом употреблении, а ныне их вовсе не слышим на свадьбах».²³

Пересылая Сахарову песню «Да что ль по двору, двору» (Сахаров, кн. 3, № 11, стр. 186—187), он сопровождает ее следующими словами: «Песня эта, слышанная мною от одной безграмотной 60-летней старушки, которая сказывала мне, что во времена ее молодости эта песня не была уже в употреблении и она слыхала ее от своей бабки — это самое и словно комунь (у Сахарова: комонь, — Н. Н.), которого я не находил ни в одной песне, породило во мне мысль, что ее стоит немедленно доставить вам на рассмотрение».²⁴

Заслуживают внимания и некоторые другие комментарии к текстам собирателя-самоучки, которые Сахаров счел возможным без всяких оговорок исключить, как-то: встречающиеся разночтения к отдельным словам и стихам, указания на условия исполнения той или иной свадебной песни в зависимости от времени, места и действия и др.

Вполне верные и для того времени свежие мысли Парихин высказал в замечании на 3-ю часть «Сказаний».

«Третья часть, — писал он в письме к Сахарову от 15 сентября 1839 года, — кажется, была бы еще занимательнее, если бы вы приложили к свадебным песням церемонии, существующие при свадьбах (о которых вы упоминаете на 6 стр. 3 час[ти]). Сколько мне известно, они не одинаковы и во многих городах имеют самобытный характер. Например, у нас в Тихвине совсем не то, что у вас в Петербурге — не те обряды, не те церемонии. Тихвинский я опишу вам, сколько достанет смыслу. В других городах опять большая разница — и против Петербурга и против Тихвина. Право, это было бы любопытно. А если бы вы описали эти обряды так, как описали старинные святки, было бы не только любопытно, но и восхитительно!».

Письменные сношения Парихина с Сахаровым продолжались всего-навсего в течение одного 1839 года. После этого о крайне бедственном житье-бытье Парихина мы узнаем лишь через пять лет из его письма в кн. В. Ф. Одоевскому.

Вот это письмо.

²² Письма разных лиц к И. П. Сахарову, л. 69.

²³ Там же, л. 106.

²⁴ Там же, л. 54. Подобное указание на запись со слов содержится и в его статье «Провинциальные увеселения», где к публикации тихвинского варианта песни «Я хожу, гуляю да по хороуду» он находит нужным дать такое пояснение: «Припев списан со слов, со всевозможною точностию и с соблюдением местного говора». О точности передачи фольклорных текстов Парихин говорит также в статье «Старинные святочные песни». «Как здесь, так и везде при сообщении старины, — заверяет он, — не прибавляю и не убавляю от себя ни полслова, а со всей дипломатической точностию (передавал) передаю и буду передавать только то, что слыхал из уст русского народа, просто, ясно и без всяких прикрас» («Маяк», 1840, ч. VI, гл. 3, стр. 89).

«Ваше сиятельство милостивейший государь
Владимир Федорович!»

«Приезжие из провинции, не имея здесь ни протекции, ни покровительства, основываясь только на изречении священного писания: „Толците и отверзится, просите и дастся вам“, я беру смелость обратиться к вам, как к истинному покровителю отечественной народной литературы с всепокорнейшей и убедительнейшей просьбою!»

«Я имел достаток и состояние, но несчастные обстоятельства по торговле и пожар, а главное продолжительная болезнь — вот уже 16 лет, как день-два здоров, а недели и более нездоров — довели меня до самого критического полжения и ввергнули в совершенную нищету. Не имея никаких средств к существованию, ибо бедность моя ныне так велика, что я не знаю, буду ли иметь на завтра кусок хлеба или день голодом, что уже и случалось неоднократно, и наслышавшись о беспримерной доброте вашей, я решился доставить прилагаемую при сем рукопись тысячи русских пословиц, которые я собирал в продолжение двадцати лет, в том мнении, что она может вам пригодиться для вашего издания, и убедительно вас просить: если она сколько-нибудь заслуживает ваше внимание, то сделайте милость, соизволите мне за нее какую-нибудь сумму, я буду доволен и самую малостию. Буде же она для вас не годится, то умоляю вас именем бога, соизволите мне из сострадания к человечеству что-нибудь на бедность.

«Может быть, фамилия моя вам несколько известна, ибо господин Сахаров, которому я доставил из Тихвина в 1838 году некоторые материалы для его книги, упоминает обо мне вместе с прочими в Предисловии к последнему изданию Сказаний русского народа. С истинным почтением и таковою же преданностью честь имею быть ваш всенижайший и всепокорнейший слуга

Тихвинский (прежде бывший купецкий), мещанский сын

Григорий Парихин.

Июня 6-го дня 1844 года».²⁵

Оказал ли помощь Парихину В. Ф. Одоевский и что сделал он с его сборником пословиц, нам до сих пор неизвестно.²⁶

2

Теперь обратимся к выяснению вопроса, что и как опубликовал Сахаров из фольклорных записей Парихина.

Начнем с народных песен, затем перейдем к загадкам и заговорам.

²⁵ Письмо Парихина к кн. В. Ф. Одоевскому от 6-го июня 1844 г. — Отдел рукописей ГПБ, архив В. Ф. Одоевского, оп. 2, № 855.

²⁶ Между прочим, из письма В. И. Даля к И. П. Сахарову (40-х годов) видно, что тетрадь с тысячей пословиц Парихин отсылал к Краевскому. «Теперь другая просьба, — пишет Даль Сахарову, — не знаешь ли, или не можешь ли узнать, где найти купца Парихина? Здесь ли он или в другом месте и где? Он писал раз Краевскому, что у него есть собрание пословиц, и прислал одну тетрадь, 1000 штук, в том числе до 200 мне не известных. Нельзя ли узнать, где он или где его собрание» (Отдел рукописей ГПБ, архив Савванитова, доп. 28/1, л. 278).

Из 22 народных песен, пересланных Парихиным, Сахаров поместил в «Сказаниях» 11 (№№ 1—11, стр. 180—187),²⁷ причем все из цикла свадебных. Составитель указал, кем они записаны и откуда доставлены.

Расхождения печатного текста с рукописным сводятся к следующему:

№№ песен в сборнике Сахарова	Страница и строка	Напечатано	Следует
1	180 12 св.	Прибегали к соловью два сокола	Прилетали к соловью два сокола
	16 св. 10 си.	Посадили в зеленом саду Заговорила красна девица душа	Посадили во зеленом саду Зговорила красна девица душа
2	181 1 св. 17—21 св.	Не на Свирской ярмарке Калену стрелу накладывает, Да эхел Ко стреле приговаривает: Да эхел Ты, стрела, стрела, тугой лук!	Не на Свирской ярмарке Калену стрелу накладывает, Да эхел Сам тугу луку наказывает, Да эхел Ко стреле приговаривает: Да эхел Ты стрели, стрели, тугой лук!
	16 си.	Что ль с поводом со шелковым	Что ль со поводом со шелковым
	15 си.	С колечком серебряным	Со колечком серебряным
	8 си. 4 си.	Что ль со калиной, со малиной Что ль с грушею ль зеленою	Что ль со калиной, со малиною Что ль со грушею зеленою
3	182 12—13 св.	И мы будем на святой Руси, Что ль во городе во Тихвине	И мы будем на святой Руси, Что ль во славном городе, Что ль во городе во Тихвине
	17 си.	Заговорила красна девица душа	Зговорила красна девица душа
	16 си. 183 4 св.	По любезном гулянье Со подружками повидаться	По любезном гулянье Со подружкам повидаться
4	9 св. 17 св.	Со подружками веселее Промеж тех двух полей	Со подружкам веселее Промеж тем двумя полям
	6	19 св. 12 си. 184 2 св.	Не куна възыграла Со терема ларцы несут В кой час услышал бы
20 св.		И мне теми дарами дарить	И мне тем дарам дарить
7	20 и 27 си.	Младенький, косматенький	Младенький, косатенький

²⁷ Насколько нам известно, остальные 11 песен нигде опубликованы не были. Даем их перечисление по первой строке: «Как комар-то», «Как у Танюшке по Ванюшке», «Старики наши старые», «Как купил мне муж коровушку», «Вы повеите да ветры буйные», «Ай на горы, да на горы», «Ах, как жил я, молодец», «Мой-то младой соловей», «По берегу ходила я, гуляла», «Шла молодая», «Я сплету ли я лапоток».

8	22—23 св.	Печат ли красное сол- нышко? Весел, весел ли мой суже- ной	Печат красное солнышко, Весел, весел мой суже- ный
9	14 св. 185 13 св. и 12 св. 19 св. и 6 св. 23 св. и 2 св. 7 св. 9 св.	Выливалась из трубки голубка Выливалась из трубки голубка А голубка под окошко А голубка шелкотати Она братцам жалобу да- рила У ней братья жалобы не примут	Выведалась из трубки голубка Выведалась из трубки голубка А голубушка под окош- ком А голубушка шелкотати Она братицам жалобу дарила У ней братица жалобы не примут
10	186 6 и 21 св. 4 св. 12 св. 17—19 св. 187 14 св. 17 св. 23 св. 30 св.	Да на сине море беги Да на синем море ко- рабль Да одеяло соболье Да корабль с девицами ушел, Да корабль с красными ушел Да там гордливу, горд- ливу Да что ль гордлива, горд- лива Да сковра на поволоку Да я шитой браной полог	Да на синё море беги Да на синём море ко- рабль Да одеяло собольё Да корабль с девицами ушел, Да ксрабль с красным ушел Да там гордаву, горд- ливу Да что ль гоочава, горд- лива Да сковра на полоку Да шитой браной я полог.
11			

Кроме того, в песне № 11 («Да что ль по двору, двору») Сахаров опустил припев «Эхе», повторяющийся после каждого стиха. Точно такую же операцию он произвел и с припевом «Да эхе» в песне № 10 («Уж как во саду, саду»). В песне № 7 («Соловей, соловьюшко») Сахаров не указал на повторность некоторых строк. Он не счел нужным, как мы уже отмечали, также сообщить читателям ряд разночтений, подмеченных собирателем при исполнении отдельных песен.

Однако следует сказать, что грубых и прямых фальсификаций, связанных с изменением смысла песен, при проверке нами не обнаружено.

Известное количество расхождений между печатными текстами и оригиналами произошло за счет неправильно прочитанных составителем слов и явных опечаток: например, вместо «прилетали» — «прибежали» (№ 1), вместо «Ты стрели, стрели, тугой лук» — «Ты, стрела, стрела, тугой лук» (там же), вместо «косатенький» — «косматенький» (№ 7) и некоторые другие. В песнях №№ 1 и 2 нами обнаружен, кроме того, пропуск двух стихов.

Все эти и подобные им недостатки являются типичными и свойственными не только сборнику Сахарова, но и целому ряду даже позднейших фольклорных изданий дореволюционных лет (например, сборнику П. В. Шейна).

Сознательная правка текстов составителем касалась преимущественно диалектных форм языка (например, вместо «со подружкам», «с девушкам» — «со подружками», «с девушками») и устранения скопления гласных в отдельных словах (например, вместо «во зеленоем», «со шелковым», «любезном» — «в зеленом», «со шелковым», «любезном» и т. п.), что, естественно, приводило к нарушению метрической структуры стиха и искажало его звуковой состав.

Песню № 5 («Как на синем на море») Сахаров напечатал без каких-либо изменений.

К разделу «Русские народные загадки и притчи» автор «Сказаний» дал маленькую вступительную заметку, в которой уведомил, что все загадки и притчи, помещенные здесь, были собраны им в Туле и Москве. Это уведомление Сахарова совершенно не соответствует действительности. Как нами установлено, из 221 загадки 65 (или более 25%) он взял у Парихина, который записал их в Тихвине и некоторых других местах Севера России.

При публикации загадок в «Маяке» (в 1842 году) Парихин хотя и указал на наличие в сборнике Сахарова своих записей, однако конкретных ссылок на них не дал.²⁸ Более того, взяв за правило (правда, далеко не последовательно проведенное) печатать лишь те загадки, которые «слово в слово» не совпадают с любимыми из загадок сборника Сахарова и некоторых других изданий, он невольно ввел в заблуждение таких фольклористов, как Худяков и Садовников, которые в отдельных случаях загадки Парихина, явно подправленные Сахаровым, принимают за варианты.

Поэтому сверка такого рода материала хотя был в пределах записей Парихина, на наш взгляд, весьма интересна и поучительна.

Сверка важна и в другом отношении: она должна помочь ответить на вопрос: «очень много фальсификаций»²⁹ в этих загадках, или они только иногда встречаются?

Поверочные данные записей Парихина дают следующий ответ на поставленный вопрос:

№№ загадок в сборнике Сахарова	Напечатано	Следует
151	На мягкую гору	На мясную гору
153	И на стол посадили	И на престол с царем посадили
163	Летит птица, Не крылата, Не горбата	Летит птица, Не крылата, Не перната
169	Между гор Бежит конь вороной	Между гор, между гор Бежит конь вороной
170	Не думным дьякам	Не думным дьячкам
180	Не догнать одной	Не догнать ни одной
182	Мучился, кстился, Пошел, запялся	Мучился, крестился, Пошел, замялся
186	У нашего Дениса Сломалась ось, И таратайка врось	У нашего Дениса Четыре колеса, Сломилась ось, И таратайка врось
187	По локоть в кулак ушло	Под локоть под юбку ушло
188	Мотовило, Котовило По поднебесью Ходило, Всех устрашило	Мотовило, Косовило По поднебесью ходило, По-французски говорило, По-немецки отвечало
189	Состроена избенка	Строенная фатеренка
192	И твердо и ломко	И твердо и кругло
193	Сестрина точива не сорвать	Сестрина точива не собрать
195	Летит по птичью, Ревет по бычью	Летить по-птичьин, Ревет по-бычьин

²⁸ В «Сказаниях» напечатаны загадки Парихина №№ 116, 129, 138, 151—165, 168—207 (стр. 97—103) и варианты к №№ 30, 34, 37, 58, 98, 103 (стр. 103).

²⁹ М. К. А за до в с к и й. Из истории развития русской фольклористики. В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Под ред. П. Г. Богатырева. М., 1954. стр. 82.

197	Щука конура По леса губила, Леса пали, Горы встали	Щука конура по лесу ходила, Все леса погубила, Леса пали, горы встали
199	На столбе цветы, Под цветом котел, Над цветом орел, Цветок не убивает	Под цветам котел, Над цветам орел, Цветов не убивает
200	Двое купаются, Третий дивуется	Двое купаться, А третий дивоваться
201	Села уточка на вяз	Села уточка на тас
205	Ползло зло, Зло схватилося, У зла жизнь прекратилась	Ползло Зло. Я зло хватил Да злом злу и жизнь прекратил.
207	Двое стоячих Да два лежачих	Двое стоячих Да двое ходячих
Вар. к 30	На ту сласть	На эту сласть
Вар. к 58	Стоит чудо	Стоит чудо
	В семи углах	В семи шубах
Вар. к 108	С лесом равен, А не видно его	С лесом равно, А не видно его

О чем говорят приведенные данные?

Во-первых, они свидетельствуют о том, что из 65 парихинских загадок 43, или около 75%, напечатаны Сахаровым без изменений и каких-либо ошибок и только в 22 содержатся те или иные отклонения от оригинала.

Во-вторых, только в двух загадках (№№ 153 и 188), по существу, грубо искажен и фальсифицирован текст.

В-третьих, большинство из обнаруженных разночтений падает или на сознательную мелкую правку (возможно, с оглядкой на варианты каких-то других записей, например №№ 151, 163, 170, 189), или на прямые ошибки по недосмотру (№№ 193, 197 и некоторые другие).

Не оставляет сомнения, что загадку № 153 Сахаров изменил, очевидно, по цензурным соображениям. В записи Парихина и в других вариантах она читается так:

Били меня,
Колотили меня,
Во все чины производили
И на престол с царем посадили.³⁰

В сборнике Сахарова эта загадка напечатана в следующем виде:

Били меня,
Колотили меня,
Во все чины производили
И на стол посадили.

Характер изменений загадки № 188 говорит о явном стремлении Сахарова архаизировать текст.³¹

О заговорах, вошедших в раздел «Русское народное чернокнижие» сборника «Сказания русского народа», в литературе имеются различные

³⁰ Вариант (записал Ф. Пордиялоцкий — «Новгородский сборник», вып. V, 1866, стр. 10):

Били меня, колотили,
Во все чины производили,
На престол с царем посадили.

³¹ Последние две загадки в сборниках И. А. Худякова «Великорусские загадки» (М., 1861, стр. 42 и 100. 24 и 92) и Д. Садовникова «Загадки русского народа» (СПб., 1901, стр. 134. 208) представлены в двух вариантах (и в записи Парихина и в переработке Сахарова).

суждения. А. Н. Пыпин, например, полагает, что коллекция этих заговоров (в количестве 64) «очень любопытная и ценная».³²

Ценность собранных Сахаровым заговоров отмечает и Н. Познанский, но предупреждает, что относиться к ним следует «очень осторожно», памятуя о «бесспорном» искажении их со стороны собирателя.³³ В доказательство этого он приводит следующее признание Сахарова: «Во всех народных сказаниях мы часто сохраняли многие слова, подслушанные в сельских разговорах, имеющих совершенно другое значение в современной нашей жизни»,³⁴ и тут же добавляет от себя: «А, следовательно, часто и не сохраняли».

Как правило, в нашей научной и учебно-педагогической литературе заговорами Сахарова если и пользуются, то только в исключительных случаях: большей же частью их попросту избегают.

Имеет ли это под собой какие-либо основания? Результаты сопоставления печатных текстов с рукописями Парихина показали, что Сахаров коренным образом перерабатывал материал. Эта переработка диктовалась как личными взглядами и вкусами составителя, так и в еще большей степени цензурными условиями.

Намек на цензурные гонения, как правильно подметили А. Н. Пыпин,³⁵ а вслед за ним Мансикка³⁶ и что неосновательно попытался отвести Н. Познанский, содержится в таких словах Сахарова: «в наших Сказаниях не все то помещено, что известно в селениях. Так, одного мы не могли вместить здесь по внутреннему нашему убеждению, как оскорбительного для современного просвещения; другое представлялось противным нашей жизни и нашим отношениям».³⁷

Следует учесть, что высказывание Сахарова относится не только к отбору материалов, как думает Н. Познанский,³⁸ но и к внутреннему их содержанию, из которого составитель вытравлял все, что, по его убеждению, оскорбляло «современное просвещение» и «представлялось противным» текущей жизни и отношениям.

Именно к таким «кощунственным» моментам он относил позднейшие вкрапления в заговоры христианских понятий и верований. Поэтому все, что было связано с церковью, богом, святыми и т. п., беспощадно устранялось из текста, как оскорбительное, противозачинное, противоречащее «христианской сущности» русского народа.

Размер настоящей статьи не позволяет нам показать полную «переработку» Сахаровым всех 7 (из 16 доставленных) заговоров Парихина («Русское народное чернокнижие», №№ 58—64, стр. 33—35). Типичные приемы такой переработки достаточно наглядно могут быть раскрыты и на одном из текстов, который мы и приводим ниже в качестве образчика.

«Заговор от скорой доспешки»

Напечатано

Следует

(Сахаров, кн. 3, № 59, стр. 33)

Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей во двери, из ворот

Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей во двери, из ворот в во-

³² А. Н. Пыпин. Истоия русской этнографии, т. I. СПб., 1890, стр. 299.

³³ Н. Познанский. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пгр., 1917, стр. 12.

³⁴ Сахаров, кн. 2, стр. 17.

³⁵ А. Н. Пыпин, ук. соч., стр. 339.

³⁶ U. J. Mansikka. Über russische Zauberformel. Helsingfors, 1909, стр. 3.

³⁷ Сахаров, кн. 2, стр. 17.

³⁸ Н. Познанский, ук. соч., стр. 11.

в ворота, в чистое поле, в чистом поле три дороги. Я пойду в правую дорогу, в правую дорогу в Колоно со восточную сторону, к Океан-мору. В Океан-море есть Алатырь-камень, на том камне стоит человек; он стреляет по чисту полю, а убивает всякие боли. Прошу я, раб такой-то, не стреляй по чистому полю, а стреляй раба, такого-то, от скорой болезни, от доспешки, от осудища, от черного волоса, от белого волоса, от темного волоса и от всякого нечистого взгляда. Пойду, зайду я, раб такой-то, в дом к красной девице, у ней топится свеча восковая, за темьяном, за ладаном, за кутьей. Попрошу я у красной девицы здоровья от доспешки, от вешней, полувешней, от летней, полулетней, от осенней, полусенней, от зимней, полужимней, от земляной доспешки, от ветряной доспешки, от стречника и поречника.

рота, в чистое поле, в чистом поле три дороги. Я пойду в правую дорогу, в правую дорогу к господнему³⁹ Колоно со восточную сторону, к Океан-мору. В Океан-море есть Златырь-камень, на том камне стоит божья церковь, на церкви есть золотой крест, на золотом кресте сидит Михаил Архангел, он стреляет по чистому полю, а убивает всякие боли. Попрошу я, раб (должно сказать свое имя) божий, и помолюсь Михаилу Архангелу; Михайла Архангел, не стреляй по чистому полю, а стреляй раба божия (имя того, кому наговаривать) от скорой болезни, от доспешки, от осудища, от черного волоса, от белого волоса, от русого волоса, от темного волоса и от всякого нечистого взгляда. Пойду, зайду я, раб (свое имя), в ту божью церковь, в той божьей церкви сидит на престоле сама мать пресвятая богородица, у ней топится свеча восковая, за темьяном, за ладаном, за кутьей за господней. Попрошу я матушку царицу небесную, рабу божию (имя того, кому наговаривают) здоровья от доспешки, от вешней, полувешней, от летней, полулетней, от осенней, полусенней, от зимней, полужимней, от земляной доспешки, водяной доспешки, ветреной доспешки, от стречника и поречника.

Грубейшие и недопустимые с научной точки зрения поправки Сахарова (которые, конечно, делались им не без нажима цензуры), как видно, до неузнаваемости уродовали произведение и извращали его идейный смысл.

Насколько произвольно обращался Сахаров с текстами заговоров, можно видеть и на другом чрезвычайно показательном примере. В «Заговоре на студу между мужем и женою» («Русские народные чернокнижие», № 60, стр. 33—34), в котором с особой силой дано о себе знать языческие представления народа и выражается непочтительное и пренебрежительное отношение народа к святым святых христианской религии, он «крест» заменяет на... «шапку», и получается вместо «положи крест под пятау» — «положи шапку под пятау», вместо «швырну я под пятау крест и чертище» — «швырну я под пятау шапку в чертище». Или исключает из текста такое обращение: «За то тебе, чертище, буду кланяться низко и верить в тебя, как верю в бога», и т. д.

Наши наблюдения над публикацией в «Сказаниях» заговоров, записанных Парихиным, дают, как нам кажется, право утверждать, что не только ими, но и вообще всеми материалами, входящими в отдел «Русское народное чернокнижие», невозможно пользоваться без строгого критического отношения к ним и привлечения рукописных источников.

Итак, мы заглянули лишь в один из уголков обширного, но чрезвычайно неравноценного и противоречивого фольклорного наследия И. П. Сахарова. Дело будущих исследователей — продолжить эту работу с тем, чтобы можно было на основе конкретных рукописных и печатных материалов окончательно и вполне точно и объективно установить как недостатки его сборников, так и то полезное для науки, что в них неоспоримо содержится.

³⁹ Курсивом выделены слова, отсутствующие в печатном тексте Сахарова.

ОБ ИЗДАНИИ «ПЕСЕН» П. Н. РЫБНИКОВА П. А. БЕССОНОВЫМ
И А. Е. ГРУЗИНСКИМ

Огромное значение материалов, собранных П. Н. Рыбниковым, для науки о народной поэзии общеизвестно. Его сборник открыл новый этап в былинноведении. Несмотря на наличие в настоящее время других сборников былин, собрание П. Н. Рыбникова не утратило своего значения и является настольной книгой каждого исследователя поэзии русского народа.

К сожалению, оба издания материалов П. Н. Рыбникова оказались неудовлетворительными. Издание 1860—1867 годов выходило по плану П. А. Бессонова, который был редактором первых двух томов сборника (редактором третьего тома, напечатанного в Петрозаводске, был сам П. Н. Рыбников, а четвертого — О. Ф. Миллер). Как известно, все былины в сборнике Бессонов расположил по сюжетам. Редактор четвертого тома, О. Ф. Миллер, в своих примечаниях глухо сообщил, что сам П. Н. Рыбников намеревался расположить былины в сборнике не по сюжетам, а по сказителям.¹

Поскольку архив П. Н. Рыбникова долгое время считался утерянным, проверить это сообщение не было возможности. Так и оставалось неизвестным, какие же принципы расположения материала в сборнике были предложены самим Рыбниковым.

Обнаруженные недавно в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (архив П. В. Киреевского и П. А. Бессонова, ф. 125, оп. 76, папка 28) рукописи П. Н. Рыбникова внесли ясность в этот вопрос.

Рукопись подготавливаемого П. Н. Рыбниковым к печати сборника состоит из переплетенных в одну папку 259 листов почтовой бумаги одного формата. Листы исписаны с обеих сторон двумя почерками (должно быть, самого Рыбникова и переписчика). Рукопись позволяет установить точную дату окончания работы собирателя над первым томом. На л. 157 рукой Рыбникова помечено: «Этим оканчивается I-й том моего сборника. Во II-м томе былины Пудожские и Каргопольские. 1860, 19 сентября».

Если учесть, что основная масса текстов былин была записана собирателем лишь летом 1860 года, то можно восхититься той энергией, с которой П. Н. Рыбников готовил сборник к печати.

К сожалению, некоторые листы в папке отсутствуют. Как можно судить по сохранившимся материалам, П. Н. Рыбников намеревался издать свое собрание в трех томах. Первые два тома посвящались былинам (с побывальщинами), в третий должны были войти другие собранные им материалы.

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. IV. М., 1867, стр. XXXV и сл.

Все тексты в сборнике пронумерованы. Всего в первых двух томах должно было быть 80 текстов (40 — в первом, 40 — во втором).

Первый том состоит из двух разделов: «Бывальщины» и «Заонежские былины». Как явствует из примечания Рыбникова (л. 1), все «бывальщины» записаны со слов крестьянки Дмитриевой из Святозерской волости, деревни Пряток». Этих бывальщин шесть: 1) Бывальщина про Святогора богатыря; 2) Про Онику воина; 3) Илья Муромец; 4) О Марье царевне; 5) О Юнке Степановиче. Текста бывальщины под № 6 в архиве не сохранилось.

Страницы с текстом бывальщины «О Марье царевне» перечеркнуты (надо думать, Бессоновым), и в сборник «Песен» П. Н. Рыбникова эта бывальщина не вошла. Она представляет собой ритмический пересказ духовного стиха об Иосафе и пустыне.

Отдел заонежских былин открывается текстами сказителя К. Романова, о чем собиратель сообщает в примечании на л. 9: «Эти былины записаны мною со слов Козьмы Романова, слепого крестьянина деревни Лонгасы, волости Сенногубской, Петрозаводского уезда». Все восемь следующих текстов былин К. Романова сохранились полностью: 7) О Добрыне Никитиче; ² 8) Добрыня Никитич (Добрыня и Алеша, — П. У.); 9) О Дунае Ивановиче; 10) О добром молодце и жене неудачливой; 11) О царе Калине и Ермаке Тимофеевиче; в примечании Рыбников указал, что конец этой былины он дал в записи Щеголенка; 12) О горюшке сером. О горе злосчастии и Упаве молодце; 13) О Вольге Буслаевиче; 14) О Иване Васильевиче Грозном. В примечании к последнему тексту Рыбниковым оговорено, что пел эту былинку Л. Богданов, К. Романов же только поправлял его (это примечание полностью было перепечатано Бессоновым).

В примечании к следующему списку указано: «Былины с 15-ой по 33 включительно записаны мною со слов Рябинина, крестьянина Кижской волости, Петрозаводского уезда» (л. 43). Это следующие былины: 15) О Иване Гоудиновиче; 16) О Садке купце, богатом госте; после слов «А Садков корабль остается» собиратель отметил: «Далее певец не мог припомнить. Но в Пудожском уезде, Купецкой волости, деревни Бураковой, от крестьянина Никифора Прохорова я успел записать другой отрывок, который можно рассматривать, как продолжение № 16, а от Леонтия Богданова целую былинку или скорее побывальщину о Садко; только в ней стих не так хорош, а язык уже беден эпическими особенностями, как записанных от Рябинина» (л. 46 об.); 17) Хотен Блудович; к этому тексту Рыбников сделал примечание: «См. № 36, Приложение № 1»; поскольку текст под № 36 не сохранился, трудно судить о том, что имел в виду собиратель; 18) О Ставре Гоудиновиче; 19) О Михайле Потыке Ивановиче; 20) О Вольге Святославиче; 21) О Михайле Потыке сыне Ивановиче; 22) Об Илье Муромце и палянице удалой; 23) О Василье Буслаевиче; 24) Князь Скопин и Никита Романович; 25) О горюшке и добром молодце; 26) О Ермаке Тимофеевиче (Илья Муромец, Ермак и Калин-царь, — П. У.); 27) О Дюке Степановиче; 28) Святогор с Ильей Муромцем; в примечании к этой былинке Рыбников заметил: «Рябинин не помнил былины о том, как Илья Муромец получил свою силу богатырскую от калик и от Святогора богатыря. Не мог я записать ее и от других певцов, а потому передаю пока побывальщину о том же, записанную со слов Леонтия Богданова» (л. 104); как продолжение былины об исцелении Ильи Рыбников напечатал былинку Рябинина об Илье Муромце и Соловье Разбойнике:

² Нумерация текстов и названия былин всюду, если особо не оговорено, принадлежат П. Н. Рыбникову.

очевидно поэтому былина лишена запева и необходимой экспозиции; 29) О Илье Муромце и поганом Идолище; 30) О Дунае Ивановиче; 31) О Добрыне Никитиче (поэма); 32) Грозный царь Иван Васильевич; 33) Сорок калик со каликою; к строке «Есть вы русские могучие богатыри...» Рыбников сделал примечание: «Так как Рябинин не помнил далее этой былины, то передаю пока побывальщину о том же со слов Левонтия Богданова и калики Латышева, деревни Кузнецовой, Бережно-Дубровской общины, Пудожского уезда» (л. 149). Былина № 34 о Хотене Блудовиче, как указывает собиратель, записана со слов Леонтия Богданова.

Поскольку Рыбников высоко ценил мастерство Т. Г. Рябинина и записывал от него даже отрывочные тексты былин, он, надо полагать, стремился охватить весь репертуар талантливого сказителя. Позднее он записал от него еще две плохо сохранившиеся былины: 1) Самсон богатырь и 2) Святогор (обе они были опубликованы в третьем томе «Песен»). А. Ф. Гильфердингу же Рябинин пропел еще пять новых сюжетов: Илья Муромец в ссоре с Владимиром, Дсбрыня и Маринка, Добрыня и Змей, Скопин и Молодец и худая жена. Не следует ли полагать, что эти новые сюжеты усвоены Рябининым в период с 1861 по 1871 год, хотя, по сообщению Гильфердинга, Рябинин усвоил их еще в молодости от своих прославленных учителей?

Текстов былин №№ 35—40 в папке нет. По какой-то причине первоначально они в сборник включены не были. Несомненно, именно о них идет речь в письме П. Н. Рыбникова Бессонову: «№№ 35, 36, 37, 38, 39 и 40 были мною вместе с письмом, где я высказывал свой личный взгляд на русскую эпическую народную поэзию, отданы Г. В. для передачи Вашим друзьям. Жаль, если эта посылка затерялась, а в ней была любопытная былина сатирического содержания «Каково птицам жить на Руси» и другая, не менее замечательная, о Саламане. Черновые бумаги я забросил, но во всяком случае постараюсь отыскать и переписать их».³ Как сообщил Бессонов в примечании к этому письму, «эта посылка позднее нашлась и поступила во вторую часть».⁴

В письме от 4 марта 1861 года Рыбников писал, что выслал Бессонову дубликаты утерянных былин. Он перечислил их: 36) Каково птицам жить на Руси; 37) О Ставре; 38) О добром молодце и жене неудачливой; 39) О Иване Гоудиновиче (о Василье Буслаевиче и Кошее Трипетовиче); 40) О царе Саламане; 41) О Кострюке.⁵

В своем письме Бессонову от 22 апреля 1861 года П. Н. Рыбников сообщал: «Из былин посылаю: Щеголенкова, записаны мною, (36) Каково птицам жить на Руси, (37) Ставра, (38) Василья Буслаевича, неудачливого молодца. От В. еще не получил своей тетради и должен был восстанавливать по тетрадям, где было записано с рассказа Щеголенкова и поправлено с пенья его; тетрадки измараны до бесконечности и, как ни надеюсь я на свою память, а в Ставре не уверен, — поэтому кое-что отметил точками. Если получите тетрадки от В., печатайте, как выписано там».⁶

³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. II, М., 1862, стр. IV—V (в дальнейшем: Бессонов, ввиду того, что он был редактором I и II частей).

⁴ Там же, стр. V.

⁵ Отметим, что Рыбников здесь перепутал нумерацию. Ранее речь шла о былинах с № 35 по № 40. Здесь же он указывает в числе утерянных и № 41 (о Кострюке), который есть в папке, — это былина о Чуриле Пленковиче. Подробнее об этой путанице далее.

⁶ Бессонов, II, стр. VIII.

Надо полагать, что записи былин от В. П. Щеголенка Рыбниковым были произведены сравнительно рано, но поскольку он не ценил этого сказителя, то и не хотел включать его былины в свой сборник, надеясь записать более совершенные тексты.

Былины №№ 39 (Иван Годинович) и 40 (Саламан и Василий Окульевич) записаны Рыбниковым от племянницы В. П. Щеголенка П. Г. Юховой.

Не совсем ясно, в какой том должны были войти былины с № 41 по № 44. Первоначально Рыбников предполагал сделать тома равными — по 40 былин в каждом. Но поскольку первый том посвящен заонежским былинам, то былины №№ 41—44, записанные в Кижском районе, во втором томе были бы не к месту. Вот перечень этих былин: 42) О Митрии Васильевиче и Домне Александровне (записано в Кижской волости); 43) Гришка расстрижка (записано там же); 41) О Чуриле Пленковиче (также из Кижской волости); 44) О Кострюке и детях Андреевых (записано в Великогубском погосте Заонежья).⁷

Надо полагать, что Рыбников, работая над сборником, убедился, что механическое распределение материала (равными долями) по темам нецелесообразно, и решил отнести эти былины в конец первого тома, тем более, что все они безымянные. Следует думать, что эти тексты были записаны Рыбниковым в начальный период его собирательской деятельности в Олонецком крае, когда он сам еще не осознавал необходимости их строгой паспортизации. Впрочем, были и другие причины, о которых говорит он в письме Бессонову от 14 декабря 1860 года: «Не всегда я выставлял имя крестьянина, от которого записывал: да иногда забывал это сделать, а иногда опасался спросить крестьянина, чтоб он не перестал петь».⁸ На забитость русского крестьянина, задавленного ярмом самодержавия, жаловался не один Рыбников.

Этими текстами и заканчивается первый том, содержащий заонежские былины. В своей «Заметке», опубликованной в третьем томе, собиратель подробно объяснил, какие районы включаются в понятие Заонежье: «Заонежьем называются расположенные за озером Онегом, Петрозаводского уезда, погосты: Сенногубский, Кижский, Великогубский, Типиницкий, Яндомозерский, Кузарандский, Космозерский, Толвуйский, Вырозерский, Фоймогубский, Карасозерский, Мелогубский и Повенецкого уезда Шунгский и Челмужский».⁹

Следует отметить, что общая структура обоих томов «Песен» П. Н. Рыбниковым была продумана еще в 1860 году. Об этом свидетельствует следующий факт. В «Олонецких губернских ведомостях» начиная с 1859 года под общей рубрикой «Былины, песни и духовные стихи» П. Н. Рыбниковым регулярно печатались имеющиеся у него материалы. В № 14 от 2 апреля 1860 года редакция газеты сообщала: «С душевным удовлетворением спешим довести до сведения наших читателей, что напечатанные нами в прошедшем году некоторые памятники народной поэзии, собранные в здешнем крае П. Н. Р—м, обратили на себя особенное внимание исследователей русской народности. Замечательное собрание этих памятников, постоянно пополняющееся новыми приобретениями, без сомнения, обогащает весьма важными фактами историю нашей народной поэзии и в то же время доказывает, что в Олонецком крае эти создания народной фантазии дошли до

⁷ Нарушение порядка нумерации принадлежит самому П. Н. Рыбникову.

⁸ Бессонов, II, стр. V.

⁹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. III. Петрозаводск, 1864, стр. XV (примечание).

нас гораздо полнее, правильнее и картиннее, чем записанное во многих великорусских губерниях. Собрание былин, стихов и песен г. Р—ва, сколько нам известно, предназначается к изданию особым сборником, который займет видное место в нашей ученой литературе».

Каждый опубликованный в газете текст Рыбниковым был занумерован. Порядок нумерации на первый взгляд поражает своей загадочностью. Например, перед былиной о Василии Игнатьевиче, опубликованной 13 августа 1860 года, стоял № 45; перед текстом «Былины о Лжедмитрии», опубликованной 24 сентября, стоял № 43 и т. д. Оказывается, эта нумерация в точности совпадает с нумерацией текстов в рукописном сборнике, о котором идет речь.

Второй том открывается пудожскими былинами. Первой (порядковый номер ее 45, записана в Песчанской волости Пудожского уезда) идет былина о Василии Игнатьевиче. Двенадцать следующих былин записаны от Н. Прохорова: 46) О Соловье Будимировиче; 47) О Садке (текст этой былины П. Н. Рыбниковым включен в первый том под № 16); 48) О Илье Муромце; 49) О младом Соловникове; 50) О Ваньке Удовкине сыне и царе Волошане Волошанском; 51) О ссоре Ильи Муромца; 52) О Вольге Святославовиче; 53) О Василии Буслаеве; 54) О старчище Иванище (Илья и Идолище, — П. У.); 55) О Днепре Королевиче; 56) О Иване Гоудиновиче; 57) О Ермаке Тимофеевиче (Илья Муромец, Ермак и Калин царь, — П. У.).

Следующие семь былин записаны в Шальском погосте Пудожского уезда (от «Шальского лодочника»): 58) О Соловье Будимировиче; 59) О Вольге Всеславьевиче; 60) О Вольге Всеславьевиче (Вольга и Микула, — П. У.); 61) О Василии Буслаеве; 62) О Василии Буслаеве (смерть Василия Буслаева, — П. У.); 63) Былина о двух братьях, двух ливиках (приведен печатный текст из «Олонедских губернских ведомостей»); 64) О Сухмане Дихмантьевиче.

Былины с № 65 по № 72 в папке отсутствуют. Однако названия их восстанавливаются из оглавления (л. 259). Это — сумозерские былины: 65) О Садке, богатом госте; 66) О двух братьях, двух витниках и князе Романе Дмитриевиче; 67) О Дюке Степановиче. Нетрудно догадаться, что речь здесь идет о текстах, записанных от А. П. Сорокина.

Далее в оглавлении указаны колодозерские былины: 68) О Чуриле Пленковиче; 69) О Илье Муромце; 70) О Михаиле Потыке сыне Ивановиче; 71) О Ставре Гоудиновиче; 72) О Василии Буслаевиче. Как можно понять из «Заметки» П. Н. Рыбникова, речь здесь идет о былинах, записанных собирателем от сказителя, известного под именем Колодозерского старика.

Былины №№ 73, 74 — о Добрыне Никитиче (Добрыня и Маринка) и Каково птицам жить на Руси, озаглавленные под общей рубрикой «Кенозерские, Каргопольского уезда», записаны от Михаила Богданова. Далее идут бережнодубровские былины: № 75 — О Сокольничке-охотничке и № 76 — Песня о горе. Былины №№ 77—80 не указаны даже в оглавлении, хотя в письме Бессонову от 14 декабря 1860 года Рыбников вспоминает о них: «№№, подчеркнутые в реестре (этот реестр — список былин, высланный собирателем Бессонову, не сохранился, — П. У.), еще не высланы в Москву; вместе с этим получите № 65—70. Остальные, т. е. 76—81, вышло на днях: дела у меня много, а писать вечером не могу, утром хожу в канцелярию: вот и причина замедления».¹⁰

¹⁰ Там же, стр. VI.

Намерение увеличить количество текстов в сборнике свыше 80, как ранее было задумано, возникло у Рыбникова не ранее ноября—декабря 1860 года. До этого времени во всех письмах цифру 80 он называл предельной.

П. Н. Рыбников, наблюдавший жизнь былин в устах народа, пришел к выводу, что бытование былин — процесс творческий и что степень качества былин определяется степенью таланта сказителя.

Позднее сам собиратель писал об этом в своей «Заметке»: «При ближайшем знакомстве с певцами я заметил, что они не всегда поют былины совершенно одинаково... У каждого истинного сказителя заметно его личное влияние на склад былины: он вносит в нее свой характер, любимые слова, поговорки. Чтобы убедиться в этом, стоит сравнить пересказы Рябинина, Романова и Иевлева (т. е. трех учеников прославленного Ильи Елустафьева, — П. У.)».¹¹ Примечательно, что эти наблюдения П. Н. Рыбникова целиком совпадают с наблюдениями А. Ф. Гильфердинга: «Кроме местных влияний, в былине участвует личная стихия, вносимая в нее каждым певцом; участие это чрезвычайно велико, гораздо больше, чем можно бы предполагать, послушав уверенья самих сказителей, что они поют именно так, как переняли от стариков. На Кенозере я встретил двух замечательных сказителей, которые заимствовали былины от одного и того же учителя: это — Иван Сивцев, по прозванию Пóромской, который выучился петь былины от своего отца, и Петр Воинов, ученик того же старика Пóромского, у которого он жил в работниках. Если сличить былины, с их слов записанные, то сейчас заметишь, что они весьма сходны по содержанию, но значительно рознятся в подробностях изложения и обработках речи».¹²

Для того чтобы показать своеобразие жизни былин в народе, П. Н. Рыбников и решил издать их по районам бытования, а в пределах каждого района — по сказителям. Одним словом, Рыбников сделал то же самое, что через десять лет сделает А. Ф. Гильфердинг. Важно подчеркнуть и то, что былинные районы, установленные П. Н. Рыбниковым, в общих чертах совпадают с былинными районами, установленными А. Ф. Гильфердингом. Разумеется, географические границы районов не всегда совпадают с былинными районами. Каждый былинный район характеризуется своеобразием художественного стиля, который определялся не только особенностями экономической жизни народа, но и своеобразием устной традиции.

П. А. Бессонов, нарушивший волю собирателя при издании его былин, на многие годы задержал развитие былиноведения.

Расположение былин в сборнике не по сказителям, а по сюжетам — основной порок первого издания «Песен» П. Н. Рыбникова.

Другим существенным недостатком первого издания является то, что оно выходило в течение многих лет по мере поступления материала. Следовательно, и принцип расположения былин по сюжетам, как было предусмотрено планом Бессонова, в нем не выдержан: былины на один и тот же сюжет разбросаны по разным книгам.

Существенным пороком этого издания является и то, что многие материалы, собранные П. Н. Рыбниковым, не были опубликованы. Большую часть их Бессонов присвоил себе и издал в своем сборнике «Калекки пережоже».

¹¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. I. Изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, М., 1909, стр. ХСIV—ХСV (в дальнейшем: Грузинский).

¹² А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. I. Изд. 4-е, М.—Л., 1949, стр. 56—57 (в дальнейшем: Гильфердинг).

Вкралась в издание и довольно многочисленные опечатки. Так, например, в былине «Василий Игнатьев и Батыга» (л. 98) строка

Прирубил-пригубил он до едн о й головы

в печатном тексте (I, стр. 177) приобрела такой вид:

Прирубил-пригубил он до е д н о й головы.

В этой же былине в рукописи было (л. 98):

Назад же по Батыге ворочался.

В издании Бессонова (I, стр. 177) напечатано:

Назад же ко Батыге ворочался.

Таких опечаток в издании Бессонова, к сожалению, довольно много. Естественно, при научном издании текстов былин подобные опечатки недопустимы.

Справедливости ради отметим, что такого рода опечатки произошли помимо воли П. А. Бессонова, который, надо полагать, понимал необходимость точного воспроизведения в печати фольклорного материала. Желания заменить диалектные особенности речи общелитературными он нигде не проявлял. Скорее наоборот. Так, например, в той же былине о Василии Игнатьеве в рукописи имелось примечание П. Н. Рыбникова: «Буквы, поставленные курсивом, в народном произношении выговариваются: О как У; А как Я, Ч как Ц». Бессонов принял в соображение замечание собирателя и вместо, например, «з л а т о р о г а я» всюду напечатал «з л а т о р у г а я».

Все те, кому довелось ознакомиться с архивами Бессонова, могли убедиться в том, что он почти никогда не вносил своих поправок в присланные собирателями тексты. Иногда прямо без переписки, без всяких поправок материалы собирателей он отправлял в типографию. Так, например, поступил он с текстами былин, записанных А. Харитоновым (см. архив П. В. Киреевского и П. А. Бессонова в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, ф. 125, оп. 76, папка 30). Поэтому сомневаться в подлинности текстов изданий Бессонова нет оснований.

Большой недостаток изданий Бессонова — чрезвычайная перегруженность их не относящимися к делу материалами. Прежде всего это многочисленные пухлые «заметки» самого Бессонова. Во втором томе «Песен» Рыбникова его заметка занимает 346 страниц мелкого текста! В статьях Бессонов излагал свою концепцию фольклора, которая для того времени уже не отличалась ни оригинальностью, ни новизной, но свидетельствовала о его консервативности в науке. В то же время в этих заметках Бессонов не отвечал на те вопросы, которые возникают при чтении текстов былин (например, не объясняются особенности различий вариантов, условия жизни былин, особенности речи северного крестьянства и т. п.). А эти сведения при состоянии науки того времени могли бы быть достаточно полными и обстоятельными. В издании «Песен» Рыбникова нет и элементарно необходимого справочного аппарата.

Все эти недостатки первого издания материалов П. Н. Рыбникова были очевидны; вот почему встал вопрос об их переиздании. В начале нашего столетия огромный труд по переизданию «Песен» взял на себя А. Е. Грузинский.

В соответствии с принципами изданий народной поэзии того времени Грузинский решил издать «Песни» не по сюжетам, как было в первом издании, а по районам бытования былин и по сказителям.¹³

Работа Грузинского была бы облегчена, если бы он пользовался архивом самого П. Н. Рыбникова, но архив был ему неизвестен. Об этом свидетельствует то, что он нигде не ссылается на него, даже не упоминает о нем. Так, например, говоря о необходимости издания былин по сказителям, А. Е. Грузинский, ссылаясь на показания О. Ф. Миллера, заявляет: «Сам Рыбников уже понимал важность объединения репертуаров каждого сказителя».¹⁴ Если бы Грузинский знал о рукописи Рыбникова, то ему не было бы необходимости ссылаться на О. Ф. Миллера. Как мы видели, сам Рыбников не только понимал необходимость издания былин по сказителям, но и сделал все, чтобы осуществить такое издание.

О незнании Грузинским архива Рыбникова свидетельствует и то, что в его издании повторены все те ошибки, которых нет в рукописи самого собирателя.

Прикрепление былин к определенному сказителю А. Е. Грузинский производил: 1) на основании паспортизации текстов, имеющейся в первом издании, 2) на основании свидетельств самого Рыбникова в «Заметке», опубликованной в третьем томе первого издания, и 3) на основании текстологических сопоставлений былин различных сказителей.

Нужно заметить, что Бессонов все паспортные данные текстов, сообщенные собирателем, всегда сохранял и не вносил в них каких-либо существенных изменений (например, сокращений). Но дело в том, что сам П. Н. Рыбников не всегда подробно паспортизировал собранные им материалы. Иногда его сведения о текстах ограничивались только сообщением о месте записи. Фамилии сказителей, особенно в начальный период своей собирательской деятельности, П. Н. Рыбников обычно не сообщал. Даже такие талантливые сказители, как перевозчик на реке Шале, старик крестьянин из Колдозера, нищий из Красной Ляги, известны лишь под псевдонимами «Шальский лодочник», «Колодозерский старик», «Калика из Красной Ляги».

Кроме того, в распоряжение П. Н. Рыбникова поступали тексты, собранные различными лицами, такими, как П. О. Бутенев, А. А. Шкалин, И. Миролюбов, Н. В. Обручев, Прозоровский, Лысанов, А. И. Соколов. Тексты этих собирателей, как правило, совсем не паспортизированы. Следовательно, в первом издании «Песен» большое количество текстов осталось без имени исполнителей.

Сведениям же о сказителях, которые П. Н. Рыбников сообщал в своей «Заметке», к сожалению, не всегда можно доверять. Как известно, он писал «Заметку» несколько лет спустя после собирания, поэтому в нее вкрались некоторые ошибки. Так, Рыбников перепутал имена и фамилии некоторых сказителей: П. Т. Антонова, например, он назвал Патахиным, сказителя Н. Ф. Дутикова — Федотовым и т. п. О некоторых же сказителях он даже не упоминает.

Следовательно, текстологический анализ былин при таких обстоятельствах является делом крайне важным. Отметим, что тщательная текстологическая работа, произведенная А. Е. Грузинским, дала весьма положительные результаты. Например, былины «Добрыня и Змей», «Михайло Потык», «Земский собор» и «Настасья Политовская», не имевшие паспор-

¹³ О намерении П. Н. Рыбникова издать былины по районам бытования А. Е. Грузинский знал из «Заметки» О. Ф. Миллера (в IV томе первого издания), на которую и ссылается в своем «Предисловии редактора».

¹⁴ Грузинский, I, стр. III.

тов, им правильно были отнесены к А. Е. Чукову. С полным основанием безымянную былинку «Добрый молодец и речка Смородинка» он закрепил за И. М. Кропачевым и т. п.

Однако приемы текстологического анализа былин у Грузинского не всегда были научно обоснованы. Однажды нам уже приходилось говорить о его неправильной текстологической методике, которая приводила его к ошибочным результатам — былины одного сказителя он приписывал другому: так, былинку о Дюке сказителя С. Корнилова он приписал Н. Ф. Дутикову.¹⁵

К сожалению, подобные ошибки в издании Грузинского не единичны. Приведем здесь другие примеры. Обосновывая прикрепление непаспортизованных былин к И. М. Кропачеву (Лядкову), А. Е. Грузинский писал: «Мы зачисляем за Лядковым четыре текста, а не один, как гласит указатель Рыбниковского собрания и как повторяет за ним Гильфердинг (III, 314). Основания наши такие: Рыбников в „Заметке“ прямо говорит, что записал от своего целовальника три текста: „песню о Горе, былинку о Кострюке и отрывок отличнейшего пересказа о Дюке“; по этому указанию нетрудно отыскать их в сборнике (это будут по первому изданию: I, 84, II, 27 и 25). Четвертая песня — „О добром молодце неудачливом и речке Смородинке“ (I, 82); она обозначена у Рыбникова так: „Кенозеро; записано проездом от крестьянина“; принадлежность ее Лядкову устанавливается совпадением с Гильфердинговской записью этой песни от того же Лядкова (№ 262). Заслуживает внимания, что былина о Кострюке, данная Лядковым обоим собирателям, представляет два несхожих текста — обстоятельство, не раз отмеченное нами выше (см. Рябинин, Сарафанов, Трф. Романов). Наибольшую близость к Рыбниковскому Кострюку дает у Гильфердинга Швецовский вариант (№ 310)».¹⁶

Таким образом, основное доказательство прикрепления былин к Кропачеву-Лядкову Грузинский находит в показаниях собирателя. Однако его не смущает тот факт, что эти показания противоречивы: в первом издании «Песен» только одну былинку — о Кострюке (Бессонов, II, № 35) — Рыбников зачислил за «Кенозерским целовальником», в «Заметке» же, которая писалась несколько лет спустя, он приписал ему еще две былины. Можно ли доверять этим показаниям? А. Е. Грузинский принимает их безоговорочно. Но прав ли он?

Возьмем, к примеру, историческую песню о Кострюке, которая, как говорилось, самим Рыбниковым зачислена за «Кенозерским целовальником». Сюжет и стиль этой песни в записи Рыбникова и в записи Гильфердинга (от И. М. Кропачева) поражают своей несхожестью — факт, на который обратил внимание и Грузинский, но который несколько его не смутил.

Напомним сюжетную схему этой песни в записях обоих собирателей.

Текст Рыбникова. Иван Грозный женится на черкесской княжне Марье Демьюковне. На радостях царь заводит пированье — почестен пир. Все на пиру похваляются, кроме шурина царя — Кострюка. На вопрос о том, почему он не похвалится, Кострюк ответил, что он хотел бы с кем-либо побороться, отвешать своей силы. На клич Никиты Романовича отозвались два брата Андреевича — Васенька Маленький и Обросенька Хроменький. Обросенька схватился с Кострюком и одним ударом низвергнул его. Пристыженный Кострюк клянется не бороться больше с московскими борцами.

¹⁵ См. статью «Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин» в сборнике «Русский фольклор» (т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1957).

¹⁶ Грузинский, II, стр. 565.

Текст Гильфердинга. В шатрах на Воробьевских горах под Москвой остановилась царица Марья Дюмрюковна со своим братом Кострюком. Кострюк просит себе из Москвы поединщика, чтобы поотведать силу. Иван Грозный собирает пир и на пиру обращается ко всем с призывом выступить против Кострюка. Все отказываются. Тогда честная вдова Апраксия советует позвать на пир своих сыновей — старшего Ванюшку и меньшего Потанюшку. Потанюшка, маленький, хроменький и горбатенький, вызывается «попытаться» с Кострюком. Увидев Потанюшку, Кострюк только посмеялся. В доказательство своей силы пнул Кострюк правой ногой скамейку дубовую, где сидели татары, и много пригубил их. Началась борьба. Одним ударом Потанюшка поразил Кострюка, содрал с него платье, и оказалось, что Кострюк не мужчина, а женщина.

Сравнение сюжетных схем обеих записей песни показывает, насколько велика их разница.

Однако этот факт сам по себе не может еще служить доказательством того, что обе версии песни не могут принадлежать одному сказителю. Примеров того, как один сказитель одно и то же произведение исполняет в разных версиях, довольно много. Однако творческая манера, индивидуальный стиль сказителя остаются неизменными. Наиболее устойчивым моментом в стиле сказителя, как мы неоднократно говорили, являются типические места. Анализ их и помогает подсказать решение о принадлежности текстов одному сказителю.

Возьмем тот пример, на который ссылается А. Е. Грузинский, — былинку об Илье и Калине Т. Г. Рябинина в записях П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Разница в сюжетах этих записей общеизвестна (в записи Рыбникова главным действующим лицом в былине выступает Ермак, в записи Гильфердинга — Илья). Сравним типические формулы Рябинина в обеих записях.

Формула входа в помещение в записи Рыбникова:

На пята тут двери растворилися,
Приходит молодец в палату белокаменну,
Крест он кладет по писаному.
Поклон ведет по ученому,
На все на три, на четыре на сторонки покланяется,
Самому князю Владимиру в особину
И всем его князьям подколенным.

(Грузинский, I, стр. 37).

Поскольку этой формулы в былине «Илья Муромец и Калин-царь» в записи Гильфердинга нет, то возьмем ее из былины «Илья и Соловей-разбойник», записанной Гильфердингом:

Сам идет он во полаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пята он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал ён по писаному,
Вел поклоны по учёному,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всим его князьям он подколенным.

(Гильфердинг, II, стр. 14).

Формула седлания коня в записи Рыбникова:

И шел он, Ермак, на широкий двор,
Седлал добра коня богатырского,

Заседывал коня, улаживал,
 Подкладал он потничек шелковенький,
 Покладал на потничек седельшко черкасское,
 Подтянул подпружки шелковыя,
 Полагал стремяночки железа булатняго,
 Пряжечки полагал чиста золота,
 Не для красы, Ермак, для ужожества,
 А для-ради укрепы богатырския:
 Подпруги шелковыя тянутся — они не рвутся,
 Стремяночки железа булатняго гнутся — они не ломаются,
 Пряжечки красна золота они мокнут — не ржавеют.

(Г р у з и н с к и й, I, стр. 39—40).

Эта же формула из былины об Илье и Калине в записи Гильфердинга:

А й тут старья казак да Илья Муромец
 Стал добра коня он заседывать,
 На коня накладывает потничек,
 А на потничек накладывает войлочек,
 Потничек он клал да ведь шелковенькой,
 А на потничек подкладывал подпотничек,
 На подпотничек седелко клал черкасское,
 А черкасское седельшко недержано,
 И подтягивал двенадцать подпругов шелковьих,
 И шпилёчики он втягивал булатнии,
 А стремяночки покладывал булатнии,
 Пряжечки покладывал он красна золота,
 Да не для красы-ужожества,
 Ради крепости всё богатырскойей:
 Еще подпруги шелковы тянутся, да оны не рвутся,
 Да булат-железо гнется, не ломается,
 Пряжечки-ты красна золота
 Оне мокнут, да не ржавеют.

(Г и л ь ф е р д и н г, II, стр. 22—23).

Несмотря на некоторые отличия формулы в разных записях, ее не спутаешь с аналогичной формулой других сказителей, и принадлежность ее одному сказителю сомнений не вызывает.

Приведем еще одну формулу — избиеение врага. Запись Рыбникова:

Стал он эту силушку конем топтать,
 Конем топтать, копьем колоть.
 Бьет он эту силушку, как траву косит.

(Г р у з и н с к и й, I, стр. 40).

Эта же формула из былины «Илья и Калин-царь» в записи Гильфердинга:

Стал он силушку конем топтать,
 Стал конем топтать, копьем колоть,
 Стал он бить ту силушку великую,
 А он силу бьет, будто траву косит.

(Г и л ь ф е р д и н г, II, стр. 28).

Не будем приводить других формул — положение ясное. Несмотря на разницу в содержании, стилевые особенности былин Рябинина в обоих текстах выступают совершенно отчетливо.

Возвратимся к песне о Кострюке. Стиль песни, записанной Рыбниковым, ничего общего со стилем И. М. Кропачева не имеет. Об этом, в частности, свидетельствуют и типические места песни.

Сравним типические формулы песни о Кострюке, записанные Рыбниковым, с соответствующими формулами былин, записанных от И. М. Кропачева А. Ф. Гильфердингом.

Формула пира из песни о Кострюке в записи Рыбникова:

Грозный царь Иван Васильевич,
На великих был он на радостях,
И заводил пированьице — почестен пир
На своих на князей на бояр,
На всех на могучих богатырей,
На все паленицы удалые.

(Бессонов, II, стр. 221).

Эта же формула из песни о Кострюке Кропачева в записи Гильфердинга:

Собирал царь почестен пир
Он на многи на князи на бояры,
На сильные думные русски богатыри,
Да й на все поляничу удалыя.

(Гильфердинг, III, стр. 376).

Формула единоборства из песни у Рыбникова:

Не два ясные сокола слетались:
Два добрые молодца схватились;
Как стал Кострюк на ногах,
А очутился Кострюк на буйной головы.
Платьице у него треснуло,
Кожа у него вереснула;
Три ребра он в боку сломил,
И сломил он у него ручку правую,
И сломил у него ножку левую;
Взял его за правую руку,
Из платья его вон повытряхнул.

(Бессонов, II, стр. 223).

Эта же формула из песни о Кострюке в записи Гильфердинга:

Потанюшка хроменькой, маленькой
На ножку припадаё,
Из-под ручки выглядяё.
Он бьё Кострюка право́й рукой во белую грудь.
А левой ногой пинае его под гузно:
От его Кострюк упал на сыру землю,
Содрал с его Потанюшка платьицо цветное.

(Гильфердинг, III, стр. 377).

Формула насыщения из песни о Кострюке Рыбникова:

Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися
И все на пиру порасхвасталися.

(Бессонов, II, стр. 221).

В песне о Кострюке в записи Гильфердинга этой формулы нет, но она встречается в других былинах И. М. Кропачева, например в былинке о Василии Буслаеве:

Тут на пиру принапилисе,
Тут на пиру принаеалисе.

(Гильфердинг, III, стр. 366).

Некоторые формулы песни, записанной Рыбниковым, в былинах Кропачева вообще не используются, как и наоборот, часть формул (те, которые нужны по ходу действия) из былин Кропачева не используется в песне у Рыбникова. Отбор типических формул сказителями характеризует особенности их стиля.

Таким образом, песня о Кострюке, записанная Рыбниковым и приписанная им «Кенозерскому целовальнику», по своему стилю отлична от стиля И. М. Кропачева и принадлежать этому сказителю не может.

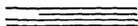
О том, что эта песня не принадлежит Кропачеву, косвенно можно судить и по следующим соображениям. В первых двух томах первого издания песни о Кострюке представлена четырьмя вариантами. Два из них (Бессонов, II, №№ 36 и 37) записаны не самим Рыбниковым, а Н. В. Обручевым и А. И. Соколовым, два других — им самим. Вариант, опубликованный в первом томе (Бессонов, I, стр. 403—406), сохранился в рукописи под № 44. Варианта, записанного от «Кенозерского целовальника», в рукописи нет. Нетрудно догадаться, что именно о нем идет речь в письме Рыбникова Бессонову от 4 марта 1860 года (см. выше): этот вариант у него значится под № 41 в числе былин, отосланных Бессонову с В. Как уже говорилось, былины №№ 36—41, которые перечисляет Рыбников, отнесены им к кижским; следовательно, к числу кижских былин была причислена и данная песня о Кострюке. Не известно, по какой причине эта песня оказалась в числе кенозерских с пометкой, что она записана от «Кенозерского целовальника». Очевидно, Рыбников при записи в черновике не пометил, от кого была записана эта песня. Вначале он решил отнести ее к кижским, но передумал и отнес к кенозерским. Однако, как показывает стилистический анализ ее текста, собиратель ошибся.

Значительное количество текстов А. Е. Грузинский отнес в разряд безымянных, хотя многие из них с полным основанием могли бы быть прикреплены к определенному сказителю. О том, что былина о Батыге и Василии Игнатьеве (Грузинский, II, № 209) принадлежит сказителю И. Фепонову, мы уже говорили.¹⁷

Случаев неправильной паспортизации текстов А. Е. Грузинским во втором издании «Песен» П. Н. Рыбникова довольно много, но, поскольку наша заметка преследует чисто информационные цели, нет возможности останавливаться на этом вопросе подробнее. Этот вопрос — предмет особой статьи.

Уже и приведенных фактов достаточно, чтобы заключить, что второе издание, А. Е. Грузинского, оказалось неудовлетворительным. Основной его порок — ошибочность паспортизации материала. Неудовлетворительность этого издания и в том, что оно повторяет все текстологические ошибки первого издания.

Теперь, когда обнаружен архив собирателя, имеется полная возможность научного издания «Песен» П. Н. Рыбникова. Это издание должно быть осуществлено в самое ближайшее время.

¹⁷ См. указанную выше статью «Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин».

Б. Ф. ЕГОРОВ

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ А. Н. ПЫПИНА-ФОЛЬКЛОРИСТА В ОБЩЕСТВЕННОЙ БОРЬБЕ 1860-х ГОДОВ

В настоящее время уже достаточно подробно изучены воззрения вождей-шестидесятников — Чернышевского и Добролюбова. Их взгляды — наиболее четкое, наиболее последовательное выражение революционно-демократической теории в России. Сложность социальной жизни той поры создавала противоречия в развитии русской общественной мысли, заключающиеся частично в том, что даже некоторые представители либерально-дворянского лагеря не могли не испытать в условиях мощного предреформенного подъема влияния демократических идей. А это приводило их к пересмотру многих своих воззрений, к стремлению эклектически совместить противоположные идеологические полюсы, а иногда даже к мужественным попыткам полностью перейти в демократический лагерь. К таким деятелям принадлежал и А. Н. Пыпин.

Эта, так сказать, «промежуточная» общественная группа очень слабо изучена в советской науке. А именно Пыпин, как никто другой из представителей либерального литературоведения, наиболее близко подошел при решении ряда вопросов к революционно-демократической точке зрения, и особенно в области фольклора.

Впервые анализ фольклорных работ Пыпина в «Современнике» дала И. М. Колесницкая,¹ но в ее статье кратко рассматриваются взгляды Пыпина лишь после 1861 года, и поэтому вполне справедливо замечание В. Е. Гусева, что И. М. Колесницкая не показывает сложной эволюции Пыпина.² В своей статье В. Е. Гусев так рисует развитие идеологии Пыпина: «Молодой Пыпин находился в лагере либерально-буржуазной науки; лишь с конца 50-х годов на короткое время примкнув к революционной демократии, затем, после закрытия „Современника“, Пыпин снова вернулся в либеральный лагерь»,³ — и далее Гусев на конкретных примерах доказывает этот тезис. Но так как статья носит обзорный характер, то, естественно, что и здесь эволюция Пыпина дана очень кратко. А между тем тезис В. Е. Гусева, в основном правильный, на наш взгляд, нуждается в уточнении.

Действительно, Пыпин начал свою деятельность как верный последователь «академической» школы в литературоведении и фольклористике

---

¹ И. М. Колесницкая. Проблемы этнографии и народного творчества в «Современнике» 1850—1860-х годов. Сб. «Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ», вып. 3, 1951.

² В. Е. Гусев. Проблемы народной поэзии в русских журналах 50—60-х годов XIX века. «Советская этнография», 1955, № 3, стр. 97.

³ Там же.

(см. в статье В. Е. Гусева подробный анализ рецензии Пыпина «О русских народных сказках»: «Отечественные записки», 1856, № 4). Интересно, однако, что стоило только Пыпину начать сотрудничать в «Современнике», как сразу же в его статьях стало заметно некоторое смягчение положений мифологической школы.

Так, в декабрьской книжке «Современника» за 1856 год была опубликована рецензия на второй выпуск «Сказок» А. Афанасьева, несомненно принадлежащая Пыпину,⁴ в которой хотя и повторяются многие положения статьи «О русских народных сказках», но такие, например, оттенки статьи, как пренебрежительное отношение к сатирическим элементам в сказке, в рецензии отсутствуют. И дело здесь заключается, вероятно, не столько в эволюции Пыпина за 8 месяцев (апрель—декабрь), сколько в воздействии на содержание статьи редакции «Современника».

Об этом свидетельствуют статьи Пыпина, публикуемые не в «Современнике»: в них снова акцентируются выводы мифологической школы. Такова, например, его рецензия на книгу А. Милюкова «Очерк истории русской поэзии» («Атеней», 1858, № 25). Более того, в этой рецензии Пыпин полемизирует с Добролюбовым, не называя, правда, его по имени: «... жизнеописания авторов или вернее библиография их сочинений стали главной заботой тех, в ком уцелела охота заниматься историей литературы. Этот характер изучения не нравился многим, и библиографы не раз слышали неодобрительные отзывы о своих трудах; отзывы принадлежали людям, скептически смотревшим на самый предмет ревностных изысканий, находившим его не стоящим внимания. Эти суждения были не совсем справедливы» (стр. 544).

Несомненно, под «многими» подразумевается в первую очередь Добролюбов, который в статье «Собеседник любителей русского слова» («Современник», 1856, №№ 8 и 9) ядовито высмеял фактографов, предостерегающих «библиографического направления критики».

В то же время эпоха оказывала воздействие на Пыпина. Не без влияния идей Чернышевского и Добролюбова он заговорил в указанной рецензии «Атеней» об угнетении народа и «всех сопровождающих его бедствиях» (стр. 553), хотя факт этот Пыпин истолковал в русле своей теории (чем более народ угнетен, тем более «искажается» фольклор).

Так постепенно статьи Пыпина приобретают эклектический характер, становятся конгломератом несовместимых идей, и чем дальше, тем эта эклектичность нагляднее. Рассмотрим для примера две его рецензии, напечатанные в № 11 «Современника» за 1860 год, — «Памятники старинной русской литературы. Под редакцией Н. Костомарова» и «Сборник русских духовных стихов, составленный В. Варенцовым».⁵

⁴ Доказательству этого мы посвящаем специальную статью. Здесь же отметим, что эта рецензия почти полностью повторяет выводы рецензии Пыпина из «Отечественных записок» (1856, № 4), причем особенно точно вновь сказано о двух недостатках сборника Афанасьева: 1) напрасно при публикации воспроизводится местный диалект; 2) следовало бы, по примеру братьев Гримм и В. Караджича, собрать по несколько вариантов одной сказки и затем составить сводный текст.

Кроме того, из гонорарных ведомостей «Современника» видно, что отдел «Библиография» в № 12 за 1856 год составляли Чернышевский и Пыпин («Литературное наследство», М., 1949, № 53—54, стр. 235, 277), однако авторство Чернышевского совершенно исключено, так как рецензия написана в целом с позиций мифологической школы, которую Чернышевский уже в 1854 году подверг беспощадной критике.

⁵ Обе рецензии анонимны. Принадлежность Пыпину первой из них установлена Ю. Масановым («Литературное наследство», № 53—54, стр. 476), второй — В. Э. Боградом (В. Боград. Журнал «Современник» 1847—1866. Указатель содержания. Гослитиздат, М.—Л., 1959, стр. 387).

Первая рецензия полна фраз, характеризующих близость Пыпина к мифологам: «Перебравши все подробности легенды, легко видеть, до какой степени вся она проникнута народными поверьями дохристианского, мифического периода, с которым вообще имеет связь масса народных верований и поэзии» (стр. 38).

Во второй же рецензии наряду с подобными суждениями встречаются совершенно другие мысли: «Наша ученая критика много раз занималась ими (произведениями народного творчества, — Б. Е.), определяла их мифологическое и археологическое значение, но мало занималась ими с ближайшей точки зрения, именно со стороны их современного значения» (стр. 94).

Здесь Пыпин впервые заявил о необходимости изучения произведений народного творчества «со стороны их современного значения», и в этом несомненно сказалось влияние Добролюбова (сложность творческих взаимосвязей Чернышевского и Пыпина требует особого исследования).

Остановимся еще на статье Пыпина «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине» («Современник, 1861, № 1). Основной упрек автора по адресу Буслаева — «Исследования г. Буслаева останутся односторонними, если они не будут дополнены историческим разбором памятников, который бы определил их эпоху и их реальный смысл для народа» (стр. 16) — опять яркое свидетельство влияния Добролюбова. Пыпин здесь вплотную подошел к революционно-демократическому пониманию историзма в филологическом исследовании (определение не только влияния эпохи на литературу, но и значения литературы для эпохи, для народа).

И тем не менее рядом с этим у него опять повторяются мысли об угасании народного творчества в процессе развития общества: «Обыкновенно мы знаем, однако, народный эпос более поздней эпохи, когда народ теряет первобытную полноту подобного быта и многое забывает. Несмотря на то, и в позднейших памятниках легко отличаются следы древней формации языка, старинного быта и мифологии» (стр. 4); и ниже еще более решительно: «... народ перестал сочинять песни или несладко сочиняет их на новый лад: таковы современные нам мещанские и солдатские песни, от которых с пренебрежением отворачиваются аматеры народной поэзии» (стр. 17—18).

Итак, в целом критика Буслаева ведется Пыпиным далеко не с революционно-демократических позиций, и нужно с осторожностью относиться ко всем его замечаниям.

Возьмем, к примеру, упрек Пыпина Буслаеву в идеализации устного народного творчества. Пыпин высказывает при этом такую мысль: устное народное творчество проникнуто в большой мере консервативными, религиозными, суеверными элементами, отрицательно влияющими на народную жизнь; таким образом, многие произведения народного творчества стали тормозом общественного прогресса: «... древняя поэзия наша, которой так восхищается г. Буслаев, очень часто оказывала весьма плохие услуги народному развитию» (стр. 20). Здесь Пыпин расходится с Добролюбовым. Пыпин преувеличил влияние религии и суеверия на устное народное творчество, поэтому его критика в данном вопросе сводилась к упреку Буслаеву в идеализации народного творчества, в то время как прежде всего следовало показать главную ошибку Буслаева, заключающуюся в чрезмерном внимании к произведениям, отражавшим религиозные и консервативные взгляды народа. Но этого Пыпин не мог сделать, так как именно в этом он был совершенно согласен с Буслаевым.

Большой интерес представляет печатный отклик Буслаева на критику — «Ответ г. Пыпину» («Отечественные записки», 1861, № 4). Поистине заме-

чательно в этой статье то, что на упреки, в которых Пыпин повторял добролюбовские идеи, Буслаев ничего не мог возразить, и наоборот, Буслаеву довольно легко было полемизировать с Пыпиным по всем остальным проблемам. Так, на упрек Пыпина в идеализации устного народного творчества Буслаев справедливо возразил: «Не могли же вы не знать, что я привел мрачные факты, где грозят суеверием и побоями... и привел в той же самой книге, которую вы удостоили своим разбором» (стр. 67).

С другой стороны, возражая Пыпину на упрек в антиисторизме, Буслаев смог доказать несправедливость Пыпина только в первой части упрека (нет связи исследуемого произведения с исторической обстановкой): «В разборе повести о Горе-злосчастии я мог во многом ошибаться, но не хотел быть односторонним, обставив этот поэтический вымысел по возможности полною картиною русской действительности, и по преимуществу XVII века, к которому отношу сочинение этой повести» (стр. 63). О второй части упрека, как раз «добролюбовской» (не показано значение произведения для народной жизни), Буслаев в своем ответе не сказал ни слова, да ему и нечего бы было сказать: в этом направлении он народное творчество совершенно не исследовал.

Таким образом, до 1861 года Пыпин занимал половинчатую позицию, колеблясь между революционными демократами и дворянско-буржуазной наукой. Реформа 1861 года окончательно размежевала революционный и либеральный лагеря. Теперь невозможно было находиться в нейтральной области. К чести Пыпина, он последовал за революционными демократами.

Статьи Пыпина 60-х годов убедительно свидетельствуют о плодотворности их влияния. Особенно показательна в этом отношении статья «Историческая объективность» («Современник», 1863, № 4). Характеризуя достоинства исторических исследований Костомарова, Пыпин выражает революционно-демократическую точку зрения на роль народных масс в истории, на актуальность изучения народного творчества в связи с выяснением этой роли в предреформенный период: «В историческом изучении г. Костомарова народ постоянно стоит на первом плане, на нем он сосредоточивает свой главный интерес, в его судьбе видит существенное движение истории... Изучение народной поэзии, обычаев, преданий вело, с другой стороны, к тому же стремлению раскрыть историческую роль народа в нашем прошедшем» (стр. 258—259).

Но Пыпин подчеркивает и значительные недостатки трудов Костомарова, и прежде всего — внешний объективизм, который, как показывает Пыпин, не может прикрыть авторской тенденциозности: «Как бы ни загоразживался историк в научное бесстрашие, он остается человеком своего времени и человеком известной тенденции своего общества» (стр. 284). Поэтому ученый-объективист в силу реакционности своего мировоззрения не объясняет, а искажает действительность: «... заявленное громко уважение к науке и к варяжскому вопросу не спасает от ненаучных выводов и пристрастия» (стр. 284).

Революционно-демократическое влияние отразилось и на частных высказываниях Пыпина в этой статье, особенно в его отзыве о русских так называемых разбойничьих песнях: «Разбойничьи песни — во всяком случае песни весьма новые; в их построении и образах можно проследить остатки более древнего эпоса, но сущность их вызвана новыми обстоятельствами народной жизни. Разбойник наших песен есть прямой союзник Стеньки Разина, человек, оставивший общество, потому что оно угнетало и лишало его свободы; его борьба была протестом против стеснения народного земского быта, против угнетателей XVI и XVII века, против крепостного

права и т. д. ... Любовь к разбойничьим песням продолжалась и будет продолжаться до тех пор, пока существуют породившие их общественные причины» (стр. 267—268).

Ярким показателем усиления в трудах Пыпина оппозиционных элементов служит статья «Старые недоразумения» («Современник», 1863, № 7), где Пыпин несравненно более резко и прямо, чем в статье «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине», вскрыл реакционную политическую сущность методологии Буслаева: «В свое время он иначе смотрел на предмет своего изучения; в нем до некоторой степени и до сих пор уцелела нелюбовь к мистическим толкованиям г. Бессонова, к пиэтической мономании г. Шевырева. Г. Буслаев, конечно, прав в этой нелюбови; и тот, и другой не имеют тех научных приемов критики, которыми владеет г. Буслаев, но, если дело идет о конечных результатах, которые выводятся из изучения, г. Буслаев в своих последних произведениях заходит с ними едва ли не туда же, куда г. Шевырев и Бессонов. Как для них, так и для него русская народная жизнь определяется стариной, ее народными мифами и поверьями... Эта тенденция... многими своими чертами напоминает немецкий романтизм... Погружаясь в очарование средневековой мифологии, поэзия подавала — иногда и не желая того — руку и средневековому феодализму, а затем и современным феодалам» (стр. 2—3).

Что особенно важно, все работы Пыпина 60-х годов проникнуты, вопреки его прежним тезисам, призывом к изучению современного народного быта, современного народного творчества. Особенно это следует сказать о его рецензии на «Этнографический сборник», вып. VI («Современник», 1864, № 10) и о статье «Как понимать этнографию» («Современник», 1865, № 2), которые достаточно подробно уже проанализированы в вышеупомянутых статьях И. М. Колесницкой и В. Е. Гусева.⁶

Общественный кругозор Пыпина настолько расширился, что на принадлежащем ему списке известного стихотворения М. А. Михайлова «Памяти Добролюбова» (1861) он вписал своей рукой поистине революционный эпиграф (из стихотворения Шамиссо «Старый мельник»):

Das Wort wird That, das Kind wird Mann,
Der Wind wird Sturm, — wer zweifelt daran?⁷

Но, подойдя к революционным демократам в кульминационный период классовой борьбы 60-х годов, Пыпин не смог остаться на тех же позициях в условиях спада общественного подъема.

При отсутствии развитого пролетариата в России 1870—1880-х годов передовая демократическая мысль развивалась очень сложно, приводя в основном к двум итогам: или к попыткам организации революционной борьбы силами узкого круга заговорщиков, а отсюда — к субъективизму, идеализму в философии и эстетике (народники), или же к трезвому пони-

⁶ Пользуемся случаем указать на источность, допущенную В. Е. Гусевым в примечании 78 его работы (стр. 103): «И. М. Колесницкая установила, что обе статьи написаны Пыпиным». На самом деле авторство Пыпина установлено С. А. Рейсером, Ю. И. Масановым и С. А. Макашиным («Литературное наследство», № 53—54, стр. 274, 488, 501), и И. М. Колесницкая в данном случае лишь основывается на исследованиях, опубликованных в «Литературном наследстве».

⁷ Перевод: «Слово становится делом, дитя становится мужем, ветер становится бурей, — кто в этом сомневается?». Рукопись хранится в архиве Рукописного отдела ИРЛИ (Р. I, оп. 6, № 61). Эпиграф опубликован Ю. Д. Левиным (без указания на принадлежность перевода Пыпину) в кн.: М. Михайлов, Собрание стихотворений. изд. «Советский писатель», Л., 1953, стр. 66б.

манию, что революционный романтизм народников противоречит объективному ходу истории, которое сочеталось с трагическим невидением реальных сил, способных уничтожить несправедливый строй (Щедрин).

Первый путь требовал от человека исключительного мужества и героизма, второй, кроме того, — прочной революционно-демократической основы мировоззрения. Ни теми, ни другими качествами Пыпин не обладал. По пути Л. Толстого он также не мог пойти: для этого нужно было значительно ближе знать крестьянство. Поэтому переход Пыпина в лагерь либерализма в 70-х годах вполне закономерен. Элементы демократической идеологии у него, правда, имеются и в этот период (анализ их — предмет особого исследования), однако в целом его путь шел к «классическому» по своему либеральному духу труду — «История русской этнографии», как бы подводящему итоги идейной эволюции автора в области фольклористики.

Но, естественно, для советской науки важно в первую очередь наследие Пыпина 1860-х годов, когда он стоял в ряду самых передовых деятелей эпохи.

П. Г. ШИРЯЕВА

СЕМЕН МИХАЙЛОВИЧ ПОНОМАРЕВ

(ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА)

В Государственном архиве Географического общества СССР имеется обширное фольклорно-этнографическое собрание С. М. Пономарева (ф. 12), относящееся к 1880-м годам и содержащее многочисленные записи фольклора и наблюдения над бытом крестьянства, произведенные в Заволжье. Собрание это было передано Архиву в 1890 году после смерти собирателя редакцией журнала «Северный вестник», в котором С. М. Пономарев сотрудничал.¹

Записи С. М. Пономарева опубликованы не были и лишь частично использованы им в некоторых из его статей. Всего опубликовано Пономаревым (под собственной фамилией и под псевдонимами: П. Уймович и Деревенец) 19 статей² и огромное число газетных заметок, которые пока учтены далеко не все. Материалы собрания и печатные труды С. М. Пономарева характеризуют его как одного из представителей демократической фольклористики 80-х годов XIX века.

1

Широкой научной общественности имя Семена Михайловича Пономарева известно главным образом по его статье, посвященной общему обзору песенной поэзии среднего Заволжья, — «Что поет про себя Приуралье».

Полной биографии С. М. Пономарева нет. В ряде газет ему посвящено несколько некрологов и воспоминаний, написанных близкими товарищами по учебе в гимназии, по журнальной и газетной работе и по работе на переселенческом пункте в Оренбурге. В каждой такой публикации о С. М. Пономареве говорится как о рано погибшем таланте, человеке исключительной честности, заботливо относящемся к крестьянам-переселенцам, ехавшим

---

¹ Упоминания об этом собрании см.: «Северный вестник», 1887, № 11, отд. 2, стр. 32 (сообщение собирателя); «Живая старина», 1891, вып. III, стр. 268.

² Наиболее значительные из них: *Лето среди переселенцев* («Вестник Европы», 1886, № 9); *Семейная община на Урале* («Северный вестник», 1887, № 1, отд. 2); *Что поет про себя Приуралье. Песни среднего Заволжья и их содержание* (там же, №№ 11 и 12, отд. 2); *Письма с глухой стороны* (там же, 1888, № 7, отд. 2); *Артельщина и дружба как особый уклад народной жизни* (там же, №№ 10—12, отд. 2); *К вопросу о деревенском настроении. Заметка о сектантских обычаях* (там же, 1889, №№ 2 и 3, отд. 2); *В пути. Из новосельских очерков* (там же, 1890, № 4, отд. 2); *Очерки народного права* (там же, № 5, отд. 2); *Очерки народного быта. Обрядовый обычай* (там же, № 6, отд. 2); *Очерки и пересказы. Среди новоселов* (там же, №№ 9 и 10) и др.

через Оренбург.³ Краткие сведения о С. М. Пономареве в некрологах помогают установить, что он родился в Оренбурге около 1865 года (точных дат не сохранилось), умер 25 января 1889 года на двадцать четвертом году жизни. Отец его, в прошлом пермский мещанин, когда-то очень состоятельный, но обедневший, занимал к моменту рождения сына пост смотрителя оренбургской богадельни. Около 1875—1876 годов Пономарев поступает в гимназию, но из шестого класса ее вынужден уйти. Причины ухода товарищи по гимназии объясняли следующим образом: «Нелады с режимом гимназии и классицизмом понудили его покинуть гимназию и готовиться дома на аттестат зрелости».⁴ В своей автобиографии писатель Н. Д. Беккаревич, соученик С. М. Пономарева по оренбургской гимназии, близко стоявший к собирателю в течение всей его жизни, говорит о направлении интересов оренбургских гимназистов в те годы: «Гимназисты читали статьи Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева и т. д., почти во всех классах издавались рукописные журналы».⁵ Встречаются в некрологах и указания на роль передовых учителей в формировании мировоззрения С. М. Пономарева. «Очень большое внимание на выдающиеся дарования покойного, — говорилось в одном из некрологов, — обращал бывший учитель истории и географии Николай Емельянович Северный».⁶ Об этом педагоге и его влиянии на молодежь Н. Д. Беккаревич пишет: «Личность эта глубоко симпатичная, он своей методой преподавания дал навсегда неизменный толчок нашему мирозерцанию».⁷

По уходе из гимназии С. М. Пономарев уехал из Оренбурга в Петербург, чтобы устроиться на работу и поступить учиться, «но, промывшись там год, вернулся домой чуть ли не пешком и здесь взялся за перо».⁸ Он стал писать корреспонденции в только что начавшую выходить в 1884 году «Самарскую газету» и одновременно сотрудничал в газетах «Волжский вестник», «Оренбургский листок», «Нижегородский листок», в журнале «Вестник Европы». Основным журналом, где было напечатано большинство его статей, явился «Северный вестник». Пономарев был членом-корреспондентом Статистического общества при Московском университете, членом Оренбургского отделения Русского Географического общества.

Вся деятельность С. М. Пономарева была посвящена вопросам народознания. «Еще на гимназической скамье Семен Михайлович с жаром отдался изучению народа; все дни проводил он обыкновенно за книгами, составлял рефераты, делал выписки; но работа его постоянно носила один и тот же

³ Н. Б.—ч. Рано погибший талант. (Из воспоминаний о С. М. Пономареве). «Волжский вестник», 1889, № 54, 2 марта; Семен Михайлович Пономарев. «Оренбургский листок», 1889, № 5, 29 января; Семен Михайлович Пономарев. «Самарская газета», 1889, № 33, 10 февраля; Некролог. «Северный вестник», 1889, № 3, отд. 2, стр. 135, 137—138; № 5, отд. 2, стр. 69—71; Н. Беккаревич. Оренбургские гимназии старого времени. «Русская старина», 1903, № 11, стр. 416.

⁴ Н. Д. Беккаревич. Забытые могилы. «Исторический вестник», 1906, июль, стр. 172.

⁵ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, ф. 377, № 301 (в дальнейшем: Рукописный отдел ИРЛИ). Эти устремления молодежи встречали противодействие со стороны реакционного учительства. «При переходе из 7 в 8 класс все мои рукописи (а их был целый сундук), — пишет Н. Д. Беккаревич в своей автобиографии, — уничтожены были, а сам он был удален из гимназии после второго выпускного экзамена.

⁶ Семен Михайлович Пономарев. «Волжский вестник», 1889, № 27, 26 января.

⁷ Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 377, № 301.

⁸ Н. Д. Беккаревич. Забытые могилы, стр. 172.

характер: это было неустанное изучение народа, его быта, его благосостояния, его религиозных движений (современных), переселения и т. д.»⁹

Пономарев жил и работал в эпоху, когда в общественно-политической жизни России на смену революционно-демократической интеллигенции 1860-х годов в 70-е годы пришли революционные народники и когда последующая эволюция народнической идеологии в 1880-е годы привела к утрате народниками революционно-демократических стремлений, к отказу от революционной борьбы с самодержавием.

С. М. Пономарев «не был узким народником... — писал о нем в годы первой русской революции Н. Д. Беккаревич. — Его интересовало все хорошее, честное, его интересовала вся жизнь».¹⁰ Действительно, разносторонний характер деятельности С. М. Пономарева не укладывается в рамки народнического мировоззрения.¹¹ Его внимание привлекали острые, злободневные вопросы современности.

На формирование взглядов С. М. Пономарева безусловное воздействие оказали работы революционно-демократической интеллигенции, влияние которой он испытал, еще находясь в гимназии. В дальнейшем поддержку своим взглядам он нашел в трудах таких собирателей и исследователей, тесно связанных с демократическим движением, как П. С. Ефименко, П. П. Чубинский и др. Следует отметить возможное влияние на Пономарева и передовой марксистской мысли того времени. У нас нет точных сведений, что С. М. Пономарев знал книгу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», вышедшую в 1884 году, но есть основание предполагать об этом, а также о возможном знакомстве с книгой Л. Моргана «Древнее общество» (1877). Во всяком случае он был знаком с теми работами русских ученых, которые использовал в своей книге Ф. Энгельс. В 1886 году С. М. Пономарев пишет рецензию на двухтомное исследование М. М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении» (1886). По-видимому, не только эта работа о ранних этапах общественного развития народа была известна С. М. Пономареву. Его статья «Семейная община на Урале»¹² показывает широкое знакомство с общественно-политической литературой того времени. Он ссылается, например, на работу А. М. Евреиновой о большой юго-славянской семье,¹³ на исследования П. С. Ефименко,¹⁴ П. П. Чубинского¹⁵ и др. Статья «Семейная община на Урале» более чем какая-либо другая затрагивает многие общие вопросы, поднимавшиеся в трудах передовых людей России: об образовании патриархальной семьи, о сравнении ее с юго-славянской «задругой», о судьбах большой семьи и т. д. Можно предполагать, что в результате тщательного изучения лите-

⁹ Этим воспоминанием о С. М. Пономареве завершается раздел журнала «Провинциальная жизнь» («Северный вестник», 1889, № 5, отд. 2, стр. 69—71).

¹⁰ Н. Д. Беккаревич. Забытые могилы, стр. 173.

¹¹ В своем некрологе Н. Д. Беккаревич сообщил о политических позициях С. М. Пономарева: «К сожалению, многого я теперь не могу сказать по разным обстоятельствам. Некоторые письма его я тоже не могу обнародовать до времени. Придет время и тогда личность С. М. Пономарева выяснится ярче и светлее» («Волжский вестник», 1889, № 54, 2 марта).

¹² С. Пономарев. Семейная община на Урале. «Северный вестник», 1887, № 1, отд. 2.

¹³ А. М. Евреинова. О задружном начале. «Юридический вестник», 1878, № 8.

¹⁴ П. С. Ефименко. Народные юридические обычаи в Архангельской губернии. Архангельск, 1869.

¹⁵ П. П. Чубинский. Очерки народных юридических обычаев и понятий в Малороссии. Записки Русского Географического общества по отделению этнографии, т. II, СПб., 1869.

ратуры того времени появилось следующее утверждение С. М. Пономарева, высказанное им в статье о распадении семейной общины на Урале: «Я не сторонник теории родового устройства старой Руси, по моему разумению, строй общинно-территориальный имеет за собою данные. Но всматриваясь ближе в условия приуральной жизни, я все более и более прихожу к тому заключению, что территориальная община, по-видимому, не исключала больших семей. Напротив, мне представляются старые общины — общинами общин семейственных, как то наблюдается и в Сибири, где крупные семьи, зачастую разбросанные, составляют крупную общинную единицу... По-видимому, семья была носителем экономических интересов; она производила и потребляла, распределяла промез себя продукты; она ведала все хозяйство под руководством домовладыки и большухи».¹⁶

Свои положения об исторических судьбах большой семьи Пономарев подкрепляет прекрасно подобранными произведениями песенной поэзии. На основе своих наблюдений он приходит к выводу, что большая семья, семья-община все более и более распадается: «Ее век миновал. Многое изменилось. Прежние экономические основы рухнули. Жизнь выдвинула новые требования. Нет уже содержания, которое наполняло старую семейную общину. Народ сдает ее в архив и на Урале».¹⁷

Как и многие в его время, Пономарев отмечал явления, сопутствующие развитию капитализма в России. Характерно, что его первой опубликованной работой была статья о положении рабочих Самары и Оренбурга.¹⁸ «Мы довольно долго были свидетелями самарского городского пролетариата, — писал он, — наблюдали его серое и полуголодное существование, особенно в продолжительные периоды безработицы, когда целые массы нищих бродили по улицам, отыскивая Христа ради дневное пропитание или почти насильно предлагая свой труд за кусок хлеба».¹⁹ Он показывает классовый состав этих нищенствующих безработных и рассказывает о способах борьбы самих рабочих в поисках хлеба; в связи с этим он пишет о характере артелей безработных.

Еще более определенные представления о тяжелом положении рабочего класса Зауралья он получил после того, как побывал на заводе владельцев Пашковых в с. Верхотор Уфимской губ. «Верхотор — любопытное село, — пишет он в своих черновых записях. — Бедность сделала свое дело. Табаку не курят, водки почти не пьют, чаю тоже: „все боятся разориться“».²⁰ «На плавильной фабрике Пашкова в огне жарятся рабочие, а платят им теперь 20 коп. на своих харчах и одеже. Девушке, месяц сидящей на кучах²¹ почти без сна, платят 3 р.»²²

¹⁶ С. Пономарев. Семейная община на Урале, стр. 10. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в вопросе о патриархальной семье Ф. Энгельс ссылается на М. М. Ковалевского. «Только около десяти лет тому назад, — пишет Ф. Энгельс, — было доказано, что такие большие семейные общины сохранились и в России; теперь все признают, что они столь же глубоко коренятся в русских народных обычаях, как и сельская община» (Госполитиздат, [М.], 1948, стр. 68; см. также стр. 76—79, 159—160 — со ссылкой на Ковалевского).

¹⁷ С. Пономарев. Семейная община на Урале, стр. 38.

¹⁸ С. Пономарев. Артельные соединения городской «босой команды». «Северный вестник», 1885, № 2, отд. 2.

¹⁹ Там же, стр. 175.

²⁰ Архив Географического общества СССР, ф. 12, оп. 1, тетр. 10, лл. 6—7 (в дальнейшем: Архив ГО. Первая цифра обозначает номер фонда, вторая — описи, третья — тетради).

²¹ Имеется в виду процесс выжигания угля, очень тяжелый и утомительный.

²² Архив ГО, 12.1.22, л. 55.

Теоретическую работу Пономарев сочетал с большой и разнообразной практической деятельностью среди переселенцев. Возникновение интереса к переселенческому движению было далеко не случайным. Оренбург в 1870—1880-х годах стал столбовой дорогой, по которой сотни, тысячи крестьян ехали в Сибирь, в Оренбургскую и Уфимскую губ. Пономарев активно помогал чиновнику Сувчинскому, ответственному работнику «переселенческого дома» в Оренбурге. Проводя целые дни среди переселенцев, он подробно расспрашивал каждого и по силе возможности оказывал им помощь словом и делом. Для его статей, посвященных описанию тяжелых, мучительных испытаний крестьян, проехавших сотни километров, характерно беспощадное бичевание недостатков в организации переселения.

Все же некоторое влияние народников на Пономарева ощущается в его статьях. Правда, у него нет непосредственной идеализации общины. Более того, в его статьях нередко встречаются очень трезвые суждения, свидетельствующие о правильном представлении, что развитие переселенческого движения дает громадный толчок расселению крестьянства, что из районов выселения идет главным образом крестьянство среднего достатка, а на родине остаются крайние группы деревни, что переселение усиливает расслоение крестьянства на местах выхода и переносит элементы расслоения на места вселения. Само переселенческое движение он считает частью колонизаторской политики самодержавия. У него иногда также можно обнаружить ясные, определенные ответы на вопросы об общине, артели. Сошлемся на одно из таких замечаний: «Интересен вопрос, долговечна ли артель. Многие сильно сомневаются и небезосновательно: в самом деле, обеднение велико, конкуренция слишком сильна, сплачивание на фабриках всюду заменяет недавнюю артель, постоянная зависимость от подрядчиков, страшное развитие нанимательства и кабалы артелей, отсутствие средств бороться с этим, распадение многих недавних артелей, наконец „рознь“ русского крестьянства, развитие в народе индивидуалистических идей, поголовное обращение деревней в города, прекращение прежней патриархальности в жизни, повсеместное требование „хоть гірше да инше“ — все это заставляет сомневаться в целостности артели».²³

Но эта безусловно правильная точка зрения, возникшая в результате длительного наблюдения Пономарева над жизнью крестьянства самых различных социальных его слоев, легко уживается с другой, зачастую противоположной ей. Как и Г. И. Успенский, Пономарев поэтизирует артельные соединения, он с восхищением отзывается о всевозможных видах артельного крестьянского труда, где коллективная работа помогает организованно отстаивать интересы большинства, где артельный труд показывает великолепные образцы трудолюбия крестьянства или помогает выявить «коммунистические» инстинкты крестьянина.

Говоря в своих статьях о жизненно насущных интересах крестьянина, С. М. Пономарев широко привлекает и его народную поэзию, как отражающую мировоззрение народа. В его архиве находим записи самых разнообразных жанров, хотя преимущественное положение занимают в его записях песни. Отдавая им первостепенное место, он в то же время с большой настойчивостью собирает легенды, предания, выискивает бытовые подробности отживающих колдовских сбрядов и обычаев, записывает входящие в обиход деревни частушки, отмечает интереснейшие этнографические

²³ С. М. Пономарев. Артельщина и дружба как особый уклад народной жизни. «Северный вестник». 1888, № 12, отд. 2, стр. 49. Под поголовным превращением деревень в города С. М. Пономарев подразумевает активный процесс «раскрестьянивания» деревни.

детали быта, прошлого и настоящего. Такое отношение к народной поэзии, как к источнику познания народа, находит полное соответствие с высказываниями Н. А. Добролюбова, который писал: «... народная поэзия выражается не в одних песнях. Здесь также весьма важны сказки, может быть даже важнее песен. . . Кроме того, народные пословицы, поговорки, притчи, загадки, заговоры, заклятия, причитания, присловия также служат отражением народного ума, характера, верований, воззрений на природу, и в них мы находим проявление поэтического гения языка».²⁴

В коллекции Пономарева имеются также духовные стихи и молитвы, собранные с целью дать представление о всей сложности мировоззрения крестьянина.

2

О собирательской деятельности С. М. Пономарева сохранилось очень мало сведений. Кое-что можно найти в его неопубликованных рукописях и печатных работах. Известно, что фольклорные материалы он черпал из двух основных источников: от коренного населения Заволжья — в деревнях, селах и городах Самарской, Оренбургской, Уфимской губ. — и от переселенцев. Город Уфа, возникший в годы царствования Ивана IV (в 1573 году), Самара (в 1586 году), Оренбург (в 1735—1743 годах) и их окрестности постепенно заселялись крестьянами и казацеством из самых различных местностей России. Этот ранний поток переселенцев образовал старожильческое население; другой поток переселенцев, ставший массовым, относится к концу XIX века, к 1870—1880-м годам.

Первые переселенцы принесли с собой в Заволжье свои народно-поэтические произведения. Репертуар их пополнялся затем по мере дальнейшего заселения. Массовая запись народной поэзии, произведенная в 1880-е годы С. М. Пономаревым, явилась первым значительным итогом наблюдений над бытованием поэтического творчества в Заволжье.²⁵ Его собирательская работа протекала следующим образом: летом, когда был наплыв переселенцев, он записывал фольклор у крестьян, прибывающих в Оренбург; осенью и зимой он собирал народное творчество от коренного населения Оренбург-

²⁴ Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в трех томах, т. I, М., 1950, стр. 529.

²⁵ Укажем некоторые из опубликованных до 1890-х годов материалов по Оренбургской и Уфимской губ., относящихся к русскому фольклору: Свадебные обряды у жителей Уфимского уезда. «Оренбургские губернские ведомости», 1850, № 32; Слова, местноупотребляемые в Оренбургской губ. Там же, 1851, №№ 43 и 44; Мих. Михайлов. Святки. Очерк деревенского быта. «Отечественные записки», 1858, т. 87, отд. VIII; Гр. Попов. Сказка или песня о царе Иване Васильевиче и боярине Никите Романовиче, сохранившаяся в изустном предании в Челябинском уезде Оренбургской губ. «Сын Отечества», 1857, № 26; Р. Игнатьев. Чертово горюдыще близ Уфы. «Русский дневник», 1859, № 132; Анд. Михайлов. Песни заводских крестьян Оренбургской губ. Верхнеуральского уезда. «Оренбургские губернские ведомости», 1880, №№ 25 и 26; А. В. Пиглевский. Предание о Белебее. «Уфимские губернские ведомости», 1866, № 44; Ф. А. Семенов. Простонародные свадебные обряды в Уфе. Там же, 1869, №№ 5 и 6; Р. Г. Игнатьев. Древняя песня о дьяке и боярской дочери раскрасавице Александре Даниловне. Там же, №№ 19 и 20; В. Плотников. Очерк свадебных обрядов у оренбургских новолинейных казаков. «Записки Оренбургского отд. Русского Географического общества», вып. II, 1871; Я. П. Безукладников. «Аракчеев, граф Ракчеев». «Русская старина», 1872, т. 6, стр. 592—593; Н. Е. Пальчиков. Крестьянские песни, записанные в с. Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губ. М., 1888; М. Колесников. Этнографические очерки русского населения Уфимской губ. в его народном быту, обрядах, обычаях и пр. «Уфимские губернские ведомости», 1888, №№ 20, 25—27, 36, 40, 42; 1889, №№ 1, 6, 14, 21, 25; Н. Кувайцев. Из настоящего и прошлого. Там же, 1889, № 30, и мн. др.

ской, Самарской и Уфимской губ. Во время своих осенне-зимних поездок он посещал не только старые поселения, но благодаря своей связи с переселенцами бывал и во вновь организованных деревнях и хуторах. Н. Д. Беккаревич в своих воспоминаниях о С. М. Пономареве пишет: «По осени, зимой, когда сезон переселенческих движений оканчивался, он нанимал возницу себе и в телеге по грязи, в стужу, кое-как укрытый, менее всего заботившийся о себе и своей персоне, тащился из села в деревню, из деревни в станицу, останавливался, сливался с народом и записывал то, что его интересовало: песни, предания, сказки, пословицы, поговорки, прибаутки инородцев и казаков Оренбургского и Уральского края. В это время он дома, в Оренбурге, бывал только гостем, только для того, чтобы написать какую-либо статью... погреться и снова пуститься дальше в свои скитания».²⁶

Круг обследованных им сел, деревень, хуторов довольно значителен: насчитывается около 150 населенных мест, сведения о которых значатся в его рукописи. В Оренбургской губ. он бывал в следующих уездах: Оренбургском, Троицком, Орском. Охват районов крайне широк, так, например, г. Троицк находится в 750 верстах от Оренбурга, Орск — в 265 верстах.²⁷ В указанных уездах он посетил села: Петровское (126 дворов, 1718 жителей обоего пола), Крашенниково (119 дворов, 632 жителя), Дедуровку (250 дворов, 1800 жителей), Адамовку (147 дворов, 925 жителей); казачьи станицы: Краснохолмскую (680 дворов, 4760 жителей), Углевку (по другим спискам это станица Донецкая, 338 дворов, 2679 жителей). Среди обследованных им казачьих сел, чьи названия сохранились под текстами, в рукописи имеются записи с пометой «на казачьей линии», без других необходимых указаний. Кроме названных выше мест, С. М. Пономарев побывал у «саратовских хуторян» (Орского уезда, точных указаний, на каких именно хуторах он был, нет), записывал, по его словам, и в «переселенческих хуторах» (конкретных данных тоже не имеется). В Оренбургской губ. можно назвать и целый ряд других, более мелких селений.

В Уфимской губ. он обследовал некоторые из деревень и сел Белебеевского, Уфимского и Стерлитамакского уездов, в основном селения, находящиеся в юго-западной и южной частях Уфимской губ. Таково, например, с. Верхотор (638 дворов, 3753 жителя), где имелся медеплавильный завод наследников Пашкова, 7 кузниц, 7 бакалейных и мануфактурных лавок, водяная мельница.²⁸ Он производил записи также и в самих уездных городах.

В собрании С. М. Пономарева не сохранилось ссылок на названия новых деревень, починок, хуторов, которые образовывались в Оренбургской и Уфимской губ. с приездом туда крестьянства из различных районов России. Большинство записей С. М. Пономарева имеет ссылки на старые, а не новые места жительства. Это, по-видимому, объясняется тем, что новые наименования деревень, хуторов были еще непривычны крестьянам, которые по-прежнему считали себя «вятскими», «тамбовскими», «воронежскими» и т. д. Таким образом, сведений о том, где именно осели прибывшие крестьяне, от которых записывал Пономарев, не имеется.

Сведения о записях в Самарской губ. весьма ограничены. На основании пометок под текстами можно судить о встречах С. М. Пономарева с кре-

²⁶ Н. Д. Беккаревич. Забытые могилы, стр. 172—174.

²⁷ Ссылки даются по изданию: Списки населенных мест Оренбургской губернии, с общими о ней сведениями. Оренбург, 1892.

²⁸ Списки населенных мест по Уфимской губернии. Уфа, 1871.

стями Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского и Николаевского уездов; сохранились названия следующих деревень и сел: Аксаковки, Грибовки, Заплавного, Монакова. Мы не обнаружили в его архиве ни маршрута поездок по губернии, ни данных о времени посещения тех или иных мест. Можно лишь предполагать, что в Самарской губ. он бывал вскоре после ухода его из гимназии, т. е. в 1881—1883 годах.

Довольно подробные сведения С. М. Пономарев оставил о своей работе по собиранию поэтического творчества на переселенческом пункте. В очерке «Лето среди переселенцев»,²⁹ обильном фактами, он пишет о том, что лето 1885 года он провел среди новоселов. В другой его статье, опубликованной уже после смерти в двух номерах «Северного вестника», сообщалось: «Вот уже два лета я только и делаю, что знаколюсь с новоселами»,³⁰ и ранее: «Вот уж три года, как я толкаюсь среди новоселов».³¹ Такие указания помогают представить время записи — 1885—1887 годы.

В статьях Пономарева говорится о социальном составе переселенцев, ищущих новые земли. Среди них большое место занимали бывшие дворовые и николаевские солдаты. Последних Пономарев называет особым сортом новоселов. Солдаты, едущие на новые земли, бывали в Польше, Венгрии, Севастополе, «брали города, выносили осады, на собственной спине испытали двадцатипятилетнюю муштру... И теперь она, эта армия с кремневыми ружьями, двинулась на Оренбург и полонила его». Это прекрасно поясняет наличие в собрании Пономарева значительного цикла солдатских и рекрутских песен и песен исторических. Не менее важно и другое его замечание, помогающее понять появление (в его собрании) новых городских песен. Он пишет, что «солдаты ехали со своими детьми, которых нужда пристроила к городу, ремеслу, отучила от крестьянства».³²

Среди новоселов Пономарев выделяет еще раскольников, ехавших на новые земли которых заставила консервативность их взглядов, стремление сохранить старое. Староверы, пишет Пономарев, перебирались в глухие места, чтобы уберечь от разложения свою веру. В неведомые края направлялись старики — патриархи больших семей, чтобы удержать свои семьи от распада и влияния нового.³³

Пономарев подчеркивает, что переселенцы в большинстве случаев — люди, изголодавшиеся «по земле неурезанной». Он рассказывает о том, как середняками одной деревни была отправлена в качестве ходока старуха со следующим наказом: «Подавай лесу стоячего, непролазного, все уладим, все уделаем, нетути у нас, бают, простору: куда ни сунься, все купцы да бары, попробуем, бабка, попытаем крестьянскую землю. Здесь, что ни сробишь, все купцу в брюхо пойдет, а хайло-то у него незатычно, а душа купецка меры не знает, а на бар, бают, отцы поработали, а теперь поклон да вон».³⁴

Говоря о пестроте социального состава переселенцев, Пономарев называет группу крестьян-ссылных, возвращающихся из Сибири, которые в отличие от многих других новоселов отказались давать какие-либо сведения о себе, приняв С. М. Пономарева за официального государственного чиновника.

²⁹ С. Пономарев. Лето среди переселенцев. «Вестник Европы», 1886, № 9.

³⁰ С. Пономарев. Очерки и рассказы. Среди новоселов. «Северный вестник», 1890, № 9, стр. 139.

³¹ Там же, стр. 171.

³² Там же, № 10, стр. 187—188.

³³ Там же, стр. 186.

³⁴ Там же, стр. 180.

Среди разнообразного состава переселенцев Пономарев отмечает и тех, кого «мир» выпроводил из деревни, купив на свои средства лошадь с телегой, дав на дорогу всего по 10 руб. денег. Эта нищета, голодая и побираясь, тоже ехала на новые места.

Основными жанрами, которые Пономарев собрал на переселенческом пункте, явились предания исторического характера, легенды, приметы, рассказы о колдовстве, духовные стихи, устные рассказы о помещиках и, по видимому, в какой-то мере песни, хотя о последних он довольно определенно заявил, что они на переселенческом пункте не записываются: «На становище не услышите вы песни. Они не поются. Переселение — священный акт, исключающий песнопение. . . Если у вас не крепки нервы, идите прочь от этого места бездонной нищеты и скорби. Слушайте песни Славянского; изобретайте славянскую самобытность, пишите оды русскому землерою, но не являйтесь на переселенческие становища, где что ни слово — то горе, что ни звук — то вопль и стоны».³⁵

Песни от переселенцев были, таким образом, записаны Пономаревым уже на местах нового их жительства. Основная же часть этнографических материалов и прозаических жанров фольклора была, очевидно, собрана, несмотря на тяжелые условия записи, именно на переселенческом пункте, как об этом свидетельствуют и изредка встречающиеся в его рукописях пометы. Так, например, интересное этнографическое описание быта и артельного труда шерстобитов, портных, пильщиков он сопровождает следующим указанием: «записано от Лебедянской партии», т. е. от крестьян Лебедянского уезда Тамбовской губ.³⁶

В рукописях Пономарева находим сведения и о его способах записи. Песни записывались им и со слов и с голоса; этнографические материалы он заносил в свою тетрадь иногда тут же на переселенческом пункте, в других случаях записывал по памяти. Последнее он объясняет самими условиями записи и характером собираемого им материала. Пытаясь уяснить исчезающие из быта крестьянства обряды и обычаи, Пономарев отмечал такие стороны «обычного права» крестьян, которые ему не удавалось записать непосредственно со слов переселенцев: «Как известно, крестьянин не будет так откровенно беседовать о текущих делах, а тем более о преступлениях, в коих он подчас принимал непосредственное участие, если я, сидящий рядом с ним, все это при нем же записываю. Вследствие этого приходилось откладывать записи на остаток вечера или ночи, иногда до другого утра; память могла изменить мне, и, может быть, я перепутывал самые села, года или имена, но ручаюсь, что фактов я запомнить не мог; они и теперь стоят предо мною, как живые; затем ошибка могла произойти от самых толкований крестьянами событий, но и эти ошибки, конечно, могут служить лишь [на] пользу, потому что крестьянин передает вам при этом свой задушевный образ мысли, он сам дает вам нити к уразумению народных правовых понятий».³⁷

Из отдельных замечаний Пономарева мы узнаем, что он «изо дня в день» посещал площадь, где со своим скорбом разместились крестьяне, которые привыкли к его посещениям, приветливо встречали его, изливали ему свои бесконечные жалобы и просьбы.³⁸ Как-то он пришел вечером.

³⁵ Там же, № 9, стр. 146.

³⁶ С. М. Пономарев. Артельщина и дружба как особый уклад народной жизни, стр. 144.

³⁷ С. Пономарев. Очерки народного права. Особенности его. «Северный вестник», 1890, № 5, отд. 2, стр. 73.

³⁸ С. Пономарев. Очерки и пересказы. Среди новоселов. «Северный вестник», 1890, № 10, стр. 158.

Народу было мало. «Утомившись за день, — вспоминает С. М. Пономарев, — я растянулся рядом с новоселом. Беседа пошла живо. Новосел, видимо, соскучился, а спать не хотелось. Говорили мы о разных предметах: и про город, и про безработицу, про старину». ³⁹ В статье «Среди новоселов» мы найдем не менее интересные его воспоминания о полевой работе: «Вы подходите тут же, усаживаетесь на опущенную оглоблю новосельской колымаги (на площади в Оренбурге, — П. Ш.) и заводите знакомство с бабами. Они рассказывают вам про свою сторону, прольют немало слез, поведают вам про тяжелые подаяня, про немилостивое начальство, про неурожай, про скотинушку, про дорогу, про то, сколько мытарств претерпели они, про свою печаль-тоску, про бабьи надежды на вольный край». ⁴⁰ Эти и подобные им краткие заметки показывают, что Пономарев пытался подходить к явлениям быта крестьянства с определенных социальных позиций. Это обусловило и сам принцип оценки Пономаревым того общественного явления, каким было переселение, а следовательно, и подход к собираемым фактам. «Видя эту драму, на вас, свежего человека, находит невольное раздумье: из-за чего все эти неисходные страдания, из-за чего столько горя, тем горшего и большего, что оно немое: мужик редко стонет, еще реже он выражает внешним образом свои мучения». ⁴¹

Многие этнографы, фольклористы, земские статистики, касаясь переселенческого вопроса, попутно собирали среди новоселов произведения народного-поэтического творчества (Н. М. Ядринцев, Н. А. Иваницкий, В. Н. Григорьев и др.). У каждого из них была своя методика записи. Поиски наилучших способов собирания находим и у С. М. Пономарева. «Составлял я до десятка самых разнообразных программ для опросов, — писал С. М. Пономарев. — Выходя на новосельское становище, я каждый день был твердо убежден, что стану спрашивать о том-то и о том-то. Каждый раз собирался записывать одни цифры. Но лишь только входил в эту толпу, расположившуюся на обширной площади, меня охватывало это хаотическое смешение языков, фигур передних и обратных; ⁴² порядок снова пропадал; программа забывалась; новоселы быстро перебивали меня, и в конце концов мы заговаривали без программ, без систем». ⁴³ Пономарев не случайно упоминает о программах, которых он собирался придерживаться в своей работе. В 1870—1880-х годах появился целый ряд специальных разработок по собиранию экономических и фольклорно-этнографических сведений. ⁴⁴

Из разнообразных жанров народной поэзии, привлекавших внимание С. М. Пономарева, на первом месте оказались песни и устные рассказы, хотя в его представлении любой жанр, попадавший в поле зрения собирателя, всегда был чем-то необходимым, крайне важным для понимания мировоззрения народа. То, что он оказал наибольшее предпочтение песне и устному народному рассказу, вытекало из его взгляда на эти виды творчества. «Песни — документы народа, — писал он, — песни и сказания — вот народные творения, вот народная словесность, народный документ, который необходимо целиком ввести в литературу, потому что эти документы говорят о народе устами самого народа. Они хранятся им, передаются от

³⁹ Там же, стр. 189.

⁴⁰ Там же, № 9, стр. 140.

⁴¹ Там же, № 10, стр. 158.

⁴² В данном случае Пономарев имеет в виду крестьян, возвращающихся обратно после неудачной поездки на новые земли.

⁴³ С. Пономарев. Очерки и пересказы. Среди новоселов. «Северный вестник», 1890, № 9, стр. 171.

⁴⁴ О программах, издававшихся в эти годы, см. на стр. 190.

предков к потомству, разносятся из одного места в другое. Эти документы суть общепризнанные самим народом».⁴⁵

К песням у него было особое отношение. Записывать их он требовал в единстве текста и напева. Огромное значение придавал он мелодии. «Весь смысл, вся разгадка народной тоски в песне заключается не в тексте, а в напеве, поэтому более чем когда-либо, теперь необходимо приложить возможные усилия к записыванию этих народных напевов, так как без них наша песня вовсе не будет понятна. По моим личным наблюдениям, народ не столь заинтересован в большинстве текстом и смыслом, а именно всю энергию в песне сосредоточивает на звуках и на мелодии, выражая преимущественно последние своим душевным настроением, передавая его не в словах, а в ноющих, тоскующих, слезных нотах».⁴⁶

Судя по таким высказываниям, можно было полагать, что в его собрании будут обнаружены нотные записи. Возможно, они и были, так как Пономарев ссылается на помощь товарищей-оренбуржцев в его собирательской практике,⁴⁷ но до настоящего времени найти эти записи не удалось.

Взгляд С. М. Пономарева на народную поэзию, ее связь с историческим прошлым русского народа близок к оценке В. Г. Белинского,⁴⁸ так же как и попытка С. М. Пономарева раскрыть «внутреннюю, — по выражению Белинского, — историю народа». Особенно это видно из той общей характеристики, которую собиратель дает различным жанрам песенной поэзии. «Приуралец поет про все. Содержание его песен разнообразно и живо, как сама народная жизнь, и те песни, — скромно замечает собиратель, — которые записаны мною, составляют ничтожную часть народного приуральского песнопения».⁴⁹

Из своего большого собрания С. М. Пономаревым было отобрано 125 текстов, которые он предполагал опубликовать в первую очередь. Их он сопроводил кратким комментарием о функции песни в народном быту.

Отобранные для публикации песни Пономарев открывает лирическими произведениями о положении женщин в семье. Он их относит к старшему слою песен, в которых «лирические мотивы нераздельно слиты с эпическим творчеством. Лирическая сторона изящна, пластична, высокохудожественна... вторая половина выхватывает эпизоды из отдаленного времени, когда возможно было сослать свою жену и даже продавать ее».⁵⁰ Во многих других комментариях он раскрывает те или иные стороны любовных лирических песен, давая описание внешнего вида молодца, свиданий, подарков, отмечая мотивы разлуки, измены и т. д. Представляют интерес его замечания к календарно-обрядовым песням. Он называет святочную песню «Как на речке на Казанке» очень старой, в которой уже утратились мифологические мотивы, «вложенные пра-прадедами». Народ уже не помнит значения слов «ветер с вихорями, светел месяц со звездами, красно солнце со лучами» и того древнего призыва божества-солнца, которое играет «столь выдающуюся роль в святочном песнопении».⁵¹

⁴⁵ С. Пономарев. Что поет про себя Приуралье. Песни среднего Заволжья и их содержание. «Северный вестник», 1887, № 11, отд. 2, стр. 38.

⁴⁶ Там же, стр. 37—38.

⁴⁷ Там же, стр. 32.

⁴⁸ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 328 и др.

⁴⁹ С. Пономарев. Что поет про себя Приуралье. Песни среднего Заволжья и их содержание. «Северный вестник», 1887, № 12, отд. 2, стр. 62.

⁵⁰ Архив ГО, 12.2.1, примеч. к №№ 1 и 2.

⁵¹ Там же, примеч. к №№ 3 и 4.

Пономарев характеризует песни «молодецкие», «разбойничьи», «тюремные», «крепостные». Он собрал много сведений об их бытовании. «„Тюрьма“ — одна из любимых народом тем, — пишет он в комментарии к песне «Что ты, гуленька, невесело летаешь». Он доказывает, на основе своих наблюдений, что народ с сочувствием и сожалением относится к заключенным, и мотивирует это тем, что в «„разбойничках-рыболовничках“ народ видит силу, храбрость, мужество и невольно идеализирует эти качества... Его „затюремщики“ — не кровопийцы, они — герои».⁵² В известной песне «Ты воспой, воспой, жавороночек» еще более отчетливо, по его словам, рисуется положительное отношение к «затюремщику». Пономарев подчеркивает: «Симпатии на стороне человека в тюрьме. Вор, как известно, в народных песнях не значит то же, что и у нас: Стеньку Разина песня зовет тоже воров».⁵³ «Крепостным» песням Пономарев придавал большое значение. «Всякое мнение о ней (о крепостной эпохе, — П. Ш.) народа, все сказки, прибаутки, поговорки, рассказы о крепостном времени имеют громадную цену. Их записывать надо теперь, иначе наступит скоро время вымирания стариков, носителей крепостных традиций и творчества того времени, которое несомненно кладет свою печать на все».⁵⁴

С песнями крепостной эпохи С. М. Пономарев ставит в один ряд песни о ссыльных. Приведа песню о сибирских поселенцах, возвращающихся из ссылки, он отмечает жалостный ее напев и сюжет. «Эта песня, наверно, также продукт крепостного времени, его наследие», — заключает он.⁵⁵

В своем обзоре песен он называет большую группу юмористических произведений: «Удивительно хороши насмешливые песни народа. Крестьянин наш большой руки юморист. Струнка живого наблюдательного ума бьет ключом в каждой песне». Эту живую струю смеха собиратель находит в самых разнообразных песнях: о неумелом «нарядничестве», о ленивой в работе женщине; он отмечает, что и в драматических песнях часто прорывается смех, иногда добродушный, иногда злобный. По мнению Пономарева, остроумие заложено в самой природе народа, оно ярко проявляется в обычной жизни, в замечательном мастерстве казака и крестьянина вести беседу. «Было бы странно, если бы эти особенности не вылились в песне», — пишет собиратель, считая, что сатирические песни дают благодарный материал для изучения мировоззрения народа. В связи с этим он высказывает свои соображения об особенностях этих песен: «В них автор-народ уже не объективен, как в эпосе, понятном лишь с толкованием; в сатире же сам автор все время налицо; он изображает отрицательное и осмеивает; он сам выдвигается наружу. Если эпос — сам народ в массе стадный и безличный, в сатире — индивидуальность на первом плане, и она дает возможность изучить и видеть народ вблизи, а не вдалеке, как в эпосе, торжественном, напоминающем стихию, море, воздух».⁵⁶

Обрисовав многие группы традиционных песен, веками шлифовавшиеся в них образы, он выделяет песни «новые», которые сопровождает следующим пояснением: «Новая поэзия еще ничего не дала, кроме неловких попыток настроиться на поэтический лад».⁵⁷

Песен литературного происхождения в коллекции С. М. Пономарева немного: это бывшие в народном обиходе песни поэтов XVIII века, ставшие

⁵² Там же, примеч. к № 25.

⁵³ Там же, примеч. к № 26.

⁵⁴ Там же, примеч. к № 12.

⁵⁵ Там же, примеч. к № 38.

⁵⁶ С. Пономарев. Что поет про себя Приуралье. Песни среднего Заволжья и их содержание. «Северный вестник», 1887, № 12, отд. 2, стр. 66.

⁵⁷ Архив ГО, 12.2.1, примеч. к № 83.

песнями стихи Пушкина, Кольцова, Аксакова, Некрасова и официозные песни казачьего репертуара. О проникновении городских песен в репертуар деревни он пишет в связи с комментарием к популярной в народе «Сва-тался за вдовушку» (текст № 5): «Песня эта, очевидно, занесена из города (вариант, который он приводит, является по своей тематике чисто городским, — П. Ш). Но она распевается наряду с крестьянскими и приобрела права гражданства. Она любопытна по отношению своему к различным сословиям и, в частности, к скоморошеству. Наверно, поэтому-то она удачно акклиматизировалась на народной почве. Социальные темы живучи».⁵⁸

Обзор комментариев к предполагавшейся публикации дает возможность составить представление о той классификации, которую он думал положить в основу своего полного собрания песен. Он отказался от расположения песен по историческому принципу (его он сохраняет в размещении некоторых групп поэтических произведений). В классификации песенной поэзии сочетались у него два принципа: жанровый (иногда тематический) и функциональный. В перечне песен, установленном им самим, мы найдем следующие разделы, которые перечисляем в том порядке, в каком они намечены собирателем, с сохранением его названий: песни сатирические, свадебные (расположены по губерниям), исторические, молодецкие, крепостные, казачьи, сословные (имелись в виду песни, отражающие социальные взаимоотношения различных классов), разбойничьи, тюремные, рекрутские, извозные, земледельческие, фабричные, масленичные, пасхальные, троицкие, покосные и жнивные, семейные, святочные и подблюдные, хороводные и танковые, плясовые и скакальные, беседные и вечерочные, новые песни, припевки, пригудки, прибаски, детские, приплачки, чернические, разные песни.

Принцип такого смешанного распределения песен в изданиях фольклорных собраний 1870—1880-х годов был не новым. Аналогичную систему мы находим у П. С. Ефименко, П. П. Чубинского, В. Н. Добровольского.

В распределении песенного творчества С. М. Пономарев проявил прекрасное знание народной поэзии и особенностей ее бытования. К сожалению, выделив основные группы песен, он не довел работу до конца, не поставил на свое место песни любовные и песни «о причудливых историях», под которыми он разумел баллады, хотя место для этих песен он выделил, закрепив за материалами соответствующие номера тетрадей. Так, за частью любовных песен балладного характера (в своей ранней нумерации) он оставил № 16, назвав их песнями «юридическими»; основную массу любовных песен он предполагал поставить вслед за семейными песнями (тетрадь № 26), как бы желая ярче оттенить содержание тех и других: оно раскрывалось любовными песнями в значительно более светлых тонах, чем семейными песнями с их драматическим содержанием.

Классификация С. М. Пономарева по сравнению с классификацией, принятой другими собирателями, более подробна, более детально передает характер песенной поэзии, собранной в одном из наиболее глухих углов России.

3

С. М. Пономарев как собиратель фольклора, деятельность которого протекала в 1880-х годах, занимает видное место среди огромного числа краеведов, этнографов и фольклористов этого времени. Его имя может быть закономерно поставлено в один ряд с именами таких собирателей и обществен-

⁵⁸ Там же, примеч. к № 5.

ных деятелей, как А. Я. и П. С. Ефименко, П. П. Чубинский, Н. А. Иванушкин, Д. Н. Садовников, В. Н. Добровольский и др. Большинство из названных деятелей было тесно связано с революционно-демократическим и народническим движением 1860—1880-х годов, многие из них вынесли заключение и ссылку за свои демократические взгляды. В условиях царской России политическая ссылка сыграла немаловажную роль в изучении быта и народной поэзии самых различных национальностей и прежде всего русских. Она оказала большое влияние на развитие этнографии и изучение фольклора на местах. Усилиями ссыльных были подняты огромные пласты фольклора, разработаны важные теоретические вопросы. К этим людям, число которых весьма значительно, может быть с полным основанием отнесена положительная характеристика В. Г. Белинского, данная им краеведам в связи с отзывом на сборник сказок Богдана Бронницына: «Какой благодарности заслуживают те скромные бескорыстные труженики, которые с неслабым постоянством, с величайшими трудами и жертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели и забвения».⁵⁹

Говоря о принадлежности С. М. Пономарева к числу передовых деятелей в области изучения народной поэзии, мы не располагаем сведениями о личных его связях с ними. В архивах пока обнаружено всего два письма С. М. Пономарева. Одно из них направлено редактору «Северного вестника» А. М. Евреиновой по частному вопросу (о плагиате Я. Абрамовым статьи Пономарева), другое адресовано писателю Ф. Д. Нефедову. Последнее письмо раскрывает исключительный интерес С. М. Пономарева к изучению народной поэзии, его попытки изыскать материальные средства для собирательской работы. Письмо к Ф. Д. Нефедову не датировано; полагаю, что оно могло относиться, судя по упоминаемым в ней статьям, к 1887—1888 годам. В письме Пономарев обращается к Нефедову «с предложением своих услуг по доставлению этнографических и экономических сведений с окраин».⁶⁰

Обращение к Ф. Д. Нефедову мотивируется не только интересом к фольклору самого Нефедова, его стремлением стоять ближе к деревне, но главным образом задачами «изучения дерев[енской] стороны». Пономарев просит оказать материальную помощь для поездок по губернии за необходимыми материалами. От себя он предлагает взамен «деревенские путевые заметки полубеллет[ристического] характера; часть их будет, однако, чисто экономич[еской] и этнографич[еской]». «Между прочим, — пишет Пономарев, — я могу предложить Вам мои статьи о песнях, о переселении».

Он огорчается, что недостаток средств «ставит печальные препятствия в выполнении цели научных изысканий» и принуждает его «к зарабатыванию средств журнальным путем». В своем письме Пономарев называет некоторые из своих статей, отсылая Ф. Д. Нефедова к «Вестнику Европы» (1886, № 9) и «Северному вестнику» (1886, №№ 9 и 10; 1887, №№ 1 и 5).

Но не только личные связи, вся трудовая деятельность С. М. Пономарева роднит его с многими краеведами, этнографами и фольклористами, так как его интересовали те же общие вопросы народознания, которые были характерны для передовой фольклористической науки 1860—1880-х годов.

Среди идейно близких ему фольклористов и этнографов следует назвать А. Я. и П. С. Ефименко. Студент П. С. Ефименко, активный участник демократического движения 1860-х годов, просидевший четыре месяца

⁵⁹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, М., 1953, стр. 507.

⁶⁰ Центральные государственные исторический архив литературы и искусства, ф. 342, оп. 2, № 217.

в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости, провел долгие годы ссылки в Архангельской губ. Там он женился на учительнице Холмогорской школы Анне Яковлевне Ставровской.⁶¹ В своей автобиографии П. С. Ефименко писал, что во время продолжительного пребывания на Севере он занимался «изучением народной жизни, не специализируясь ни на какой отдельной ее стороне, а интересуясь всей совокупностью ее явлений», насколько они были ему доступны. «Таким образом, в круг моих собраний входили материалы и этнографические, и филологические, и исторические, обычно-правовые, экономические».⁶²

П. С. Ефименко, собравший огромный материал о правовом положении трудящихся русского Севера, считал, что положение крестьянства в пореформенный период должно вызвать у передовой интеллигенции законный интерес.⁶³ Интерес самого Ефименко к этой области сказался в работе «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» (изданной в двух книгах в 1877 и 1878 годах), явившейся событием в науке. Первый выпуск, состоящий из девяти разделов, содержал описание внешнего и внутреннего быта русского населения Севера; второй — произведения народной словесности. С. М. Пономарев знал об этой работе, как и о всех других исследованиях и публикациях П. С. и А. Я. Ефименко. Надо полагать, что не без влияния Ефименко в архиве С. М. Пономарева оказались собранные отдельные этнографические описания, сделанные им со слов крестьян-переселенцев Шенкурского уезда Архангельской губ. Правда, эти записи несколько протокольны и фрагментарны, но они все же дают представление о крестьянском жилище. Приведем одну из таких записей: «Изба большая 3 сажени, а малая половина 2 сажени печатных. За дверями мост. За сенями поветь. На повети кадушки. Клети. На повети горница, а то холодная клеть. А под клетью хлевы крепкие с окнами. За хлевами зимняя изба. Всегда летом живут в летней избе, в зимнюю избу спать ходят. И наоборот, „не гноят избу“. Нигде протоков нет. Передняя изба высокая. Сарай — крыша. На ней охлупень (желоб). Есть особого рода дождевые трубы (курицы).⁶⁴ За двором гумно через дорогу. За двором конопляник, картовник, гуменник. Капустники в воде, телятник у воды. Один телятник на целую деревню — в огородах (1/4 версты, в другую сторону 500 сажень). Мужики со всех дворов сходятся с жердями загораживать. Телята целое лето тут, а потом уже с коровами».⁶⁵

О близости обоих собирателей свидетельствуют многочисленные параллельные тексты свадебных песен и причетов, собранных от крестьян Шенкурского уезда Архангельской губ., а также «народные приговоры»: «У сапожника — ни сапога, у портного — ни одежды, у кузнеца — ни ножа, ни топора, у колесника — ни колес, у шорника — ни избы. А у пахаря — все мякина».⁶⁶ В собрании П. С. Ефименко имеется немало близких «приговоров» с таким же социальным заострением, записанных в Шенкурском же уезде (вып. 2, стр. 251): «Есть вино, так пьем его, а нет вина, так пьем

⁶¹ См.: А. П. Разумова. Из истории русской фольклористики. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 75—140 (в дальнейшем: Разумова).

⁶² Рукописный отдел ИРЛИ, фонд С. А. Венгерова, первое собрание автобиографий, № 1200.

⁶³ См.: Сборник народных юридических обычаев Архангельской губ. Архангельск, 1869.

⁶⁴ В данном случае собиратель неточно определил слово «курицы». Это стропила на крестьянских избах, заканчивающиеся внизу крюком («коленом»), на который кладется желоб и в который упирается тес, закрывающий крышу.

⁶⁵ Архив ГО, 12.1.10, лл. 1—2.

⁶⁶ Там же, л. 1.

и воду; голодному хлеб слаще меду» (№ 8), «Идет бурлак, стучится у окна: не надо ли холста? А когда взглянули, говорит: милостыньку ради Христа» (№ 9) и др.⁶⁷

Большое влияние на С. М. Пономарева оказала многогранная деятельность А. Я. Ефименко, особенно ее книга «Исследования народной жизни на Севере»,⁶⁸ в основу которой легли материалы, собранные не только ею, но и П. С. Ефименко и П. П. Чубинским. Высказанные ею в предисловии принципиальные положения о необходимости «проникнуть во все особенности его (народа, — П. Ш.) нравственных и правовых воззрений», стремление исходить из основного положения, что «народ должен быть признаваем за активный элемент»,⁶⁹ пронизывают все изложение книги. Это были те же вопросы, которые интересовали и С. М. Пономарева. Не случайно он много внимания уделяет ее работе, сопоставляя приводимые ею данные с теми, которые он получил от крестьян-переселенцев. В его архиве сохранилась следующая критическая ссылка на материалы о семейных разделах. «В противоположность теории трудовой госпожи Ефименко меня уверяли (крестьяне-переселенцы, — П. Ш.), что раздел имущества производится всюду побратно, а не по едокам и трудовым рабочим единицам». Свои сведения С. М. Пономарев получил, как и А. Я. Ефименко, от крестьян Шенкурского уезда Архангельской губ. (Архив ГО, 12. 1. 1, л. 62).

Примером для С. М. Пономарева в его собирательской и исследовательской деятельности служили не только талантливые публицистические работы А. Я. Ефименко, но и собранный ею и П. С. Ефименко фольклорный материал, а также их подход к нему и методика записи. С А. Я. Ефименко сближают Пономарева некоторые общие стороны личной жизни, одинаково безрадостные детство и юность, условия глухой провинциальной жизни. В своей автобиографии для редакции «Критико-биографического словаря Венгерова» А. Я. Ефименко, говоря о своем идейном росте, отмечала, что Холмогоры, как и другие северные города, несмотря на свою заброшенность или благодаря ей «оживлялись интеллигентными элементами, которые выбрасывало общественными бурями и непогодами... Потерпевшие крушение, естественно, независимо от каких-либо тенденций, являлись здесь представителями света и поддерживали своим влиянием те слабенькие жизненные ростки, которые пробивались сквозь толстую кору местных почвенных условий».⁷⁰ (Кроме П. С. Ефименко и П. П. Чубинского, в эти же годы отбывали ссылку: Н. М. Ядринцев — в г. Шенкурске, Г. Н. Потанин — в г. Никольске, Н. А. Иваницкий — в г. Тотьме).

Как были похожи эти условия жизни провинциального города с большим числом людей, «потерпевших крушение», на жизнь в Оренбурге, в котором политические ссылки были таким же живительным источником. В Оренбурге и Орске отбывал ссылку Т. Г. Шевченко (в 1857 году он покинул Оренбургский край). В 1858 году возвратился из Оренбургской губ. поэт-петрашевец А. Н. Плещеев, многие годы проведенный в ссылке. Уроженцем Оренбурга был поэт-революционер М. Л. Михайлов, собравший немало фольклорных материалов на территории края; ему принадлежат «Очерки деревенского быта. Святки» и «Уральские очерки».⁷¹ Незадачливая судьба

⁶⁷ Особенно много аналогий с материалами Ефименко в песенной части собрания.

⁶⁸ А. Я. Ефименко. Исследования народной жизни на севере, вып. 1. М., 1884.

⁶⁹ Там же, стр. VII.

⁷⁰ Рукописный отдел ИРЛИ, фонд С. А. Венгерова, первое собрание автобиографий, № 1199.

⁷¹ «Отечественные записки», 1853, т. 87, отд. VIII; «Морской сборник», XLIII, 1859, № 9, стр. 1—29.

занесла в Оренбург и писателя Н. В. Успенского.

В архивных материалах С. М. Пономарева не раз встречается имя П. П. Чубинского, который отбывал срок своей ссылки также в Архангельской губ. Для Пономарева собранные Чубинским фольклорно-этнографические материалы были образцом, особенно его огромный труд, явившийся результатом экспедиции 1869—1870 годов в западно-русскую область Украины.⁷² Выход семитомного собрания трудов этнографической экспедиции был крупнейшим событием в истории этнографии. Метод широкого подхода к народному поэтическому творчеству, разработанный Чубинским еще в студенческие годы, внимание к общим вопросам народознания, разнообразие собранного им материала — все это роднит С. М. Пономарева с Чубинским. Взгляд последнего на поэзию как на отражение народной жизни характерен также и для Пономарева.

Чубинский много внимания уделял собиранию статистических сведений о количестве земли, податных платежей и т. д., используя этот сухой материал для характеристики народной жизни. И С. М. Пономарев не раз писал о том, что собирание статистических сведений — его прямой долг. Подобные заявления возникли, нам кажется, под непосредственным воздействием разнообразных материалов семитомного труда Чубинского.⁷³ В полевых записях С. М. Пономарева мы не раз встретимся с выписками из сочинений Чубинского. Так, собирая от крестьян сведения о разделе, он обращается к аналогичным фактам семейной жизни украинского крестьянства. Такова, например, его выписка из VI тома издания (стр. 45—46) об отношении отца к сыну при разделе имущества. Интересуясь остатками языческих и колдовских обрядов, он вновь ссылается на Чубинского, использовавшего большое собрание А. Ф. Кистяковского, из которого делал подробные выписки (см. раздел о пытках, стр. 202—203). О близости методики Пономарева к характеру работы Чубинского говорит весьма показательный факт обращения его к программам по собиранию фольклорно-этнографических материалов. Нам кажется, что в неоднократных ссылках на эти программы (которых он, правда, не всегда придерживался) он имел в виду именно программу П. П. Чубинского, составленную совместно с А. А. Русовым. Она называлась «Программа для собирания этнографических и статистических данных» (1873) и содержала следующие 4 раздела:

1. Географические сведения.
2. Исторические и археологические.
3. Этнографические сведения:
  - а) Внешний быт;
  - б) Памятники народного творчества;
  - в) Юридический быт.
4. Статистические сведения:
  - а) Экономический быт;
  - б) Умственный, нравственный и социальный.

Программ по собиранию различного рода сведений было много, но среди них программа Чубинского являлась одной из наиболее обстоятельных, возникших в результате огромной собирательской работы.⁷⁴

⁷² См.: Разумова; А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. 3. СПб., 1891, стр. 347—360.

⁷³ Подробно об этом см.: Разумова, стр. 125—126.

⁷⁴ Укажем некоторые из этих программ: П. В. Шейн. 1) Приглашение к содействию в собирании памятников народного творчества. Вильна, 1877; 2) Программа для собирания местных этнографических сведений, изд. Русским Географическим обществом. СПб., 1877; П. А. Матвеев. Программа для собирания народных юриди-

В деятельности Пономарева была еще одна крайне характерная черта, сближавшая его с этнографами-демократами Чубинским и Ефименко. Все они уделяли серьезное внимание описанию быта ссыльных.⁷⁵ Пономарева также привлекала эта сторона. На переселенческом пункте он встречался с ссыльными, возвращающимися из Сибири. В его архиве имеются песни о ссыльных, а изредка и сведения об их характере.⁷⁶

На вторую половину XIX века падает деятельность демократа фольклориста, этнографа, поэта и ботаника Н. А. Иваницкого. Взгляды его сложились под непосредственным воздействием революционно-демократической мысли 1860-х годов. Деятельность его связана главным образом с г. Тотьмой — местом ссылки его в 1870 году, и с некоторыми другими районами Вологодской губ. — Кадниковским и Вологодским. Его собирательская работа протекала с 1882 года, особенно интенсивно во вторую половину 1880-х годов. Собранные им фольклорные материалы стали печататься с 1880-х годов. В течение 1883—1884 годов он опубликовал «Пословицы», «Загадки», «Повествовательные песни», «Бытовые песни», «Свадебные песни», «Игровые песни», «Шуточные песни», «Любовные песни», помещая их в «Вологодских губернских ведомостях» и первых четырех «Статистических сборниках».⁷⁷ Многие были использованы П. В. Шейном в его «Великоруссе».

С. М. Пономарева и Н. А. Иваницкого сближают само отношение к фольклору и цели исследования. «Собранный мною здесь материал представляет попытку очертить быт и нравы народа, населяющего Вологодскую губернию», — писал Иваницкий во вступлении к своему монументальному труду «Материалы по этнографии Вологодской губернии», вышедшему в 1890 году. Аналогичную задачу выдвигает Пономарев, собирая фольклорно-этнографические материалы Оренбургского края, пытаясь всесторонне осветить жизнь и быт народа. Оба краеведа собирали песенную поэзию в одни и те же годы. Более того, Пономарев записывал фольклор от крестьян того же Тотемского уезда, что и Иваницкий: крестьяне-переселенцы дер. Петроково Тотемского уезда сообщили Пономареву песни и другие фольклорно-этнографические материалы. Близость заключается и во взаимоотношениях того и другого краеведа с местным населением. Оба пользовались его помощью в своей собирательской практике. Наконец, обоих собирателей объединял одинаковый интерес к судьбам крестьянства, к его тяжелому материальному положению. Проводя много времени на переселенческом пункте в беседах с крестьянами, Пономарев вникал в их нужды, ходатайствовал о помощи им. Иваницкий также интересовался вынужденным переселением крестьянства. Он скончался в Никольске-Уссурийском, куда поехал, чтобы ознакомиться с жизнью и бытом переселенцев.

Отчетливо представляя многие противоречивые стороны русской действительности, Иваницкий писал о них с нескрываемой ненавистью, оттеняя среди них самые острые, самые животрепещущие: страшный контраст

ческих обычаев. Суд и расправа. [СПб.], 1879; Программа для собирания сведений по этнографии. [СПб.], 1883; Программа для собирания этнографических сведений, составленная при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, под ред. Н. А. Янчука. М., 1887, и т. д.

⁷⁵ Крайне характерны в этом отношении статьи П. С. Ефименко «Калишевский, последний кошевой Запорожской сечи (1691—1802)» («Русская старина», 1875, кн. 11, стр. 405—420) и «Ссыльные малороссияне в Архангельской губернии (1703—1802)» («Киевская старина», 1882, т. III, сентябрь, стр. 391—412).

⁷⁶ С. Пономарев. Очерки и пересказы. Среди новоселов. «Северный вестник», 1890, № 10, стр. 198.

⁷⁷ Библиографию его трудов см. в сб.: А. и А. Веселовские. Вологжане-краеведы. Источники словаря. Вологда, 1923, стр. 28—30.

жизни простого народа и вышестоящих классов.⁷⁸ Не менее реалистически беспощадна и картина бедственного положения крестьянства, нарисованная С. М. Пономаревым. О сгрудившихся в Оренбурге переселенцах он писал: «Жара палит смертельная, а переселенческие колымаги стоят непокрытыми. Площадь горит от знойных лучей солнца. Впывалку лежат больные; рядом под пологом покойник, которого еще не успели обмыть. Ребятишки нещадно режут, требуя питья. Все взрослые ушли наниматься или наводить справки у начальства».⁷⁹ Глядя на этих несчастных, С. М. Пономарев восклицает с душевной болью: «Из-за чего все это?». О классовом расслоении деревни С. М. Пономарев составил весьма отчетливое представление, встречаясь с сотнями переселенцев; имущественные различия он сам наблюдал в деревнях и селах Оренбургской и Уфимской губ. Пономарева и Иваницкого сближает также сама манера подходить к явлению с широких позиций, стремление рассматривать фольклор и этнографию в единстве. Оба они, как и Чубинский и Ефименко, обращали внимание на самые разнообразные жанры народной поэзии, стремясь при помощи ее шире раскрыть особенности мировоззрения крестьянства.

Говоря о современниках С. М. Пономарева, интересовавшихся народной поэзией, нельзя пройти мимо А. М. Васнецова, брата двух знаменитых художников — Виктора и Аполлинария. Его книга «Песни северо-восточной России» (1894) явилась результатом длительного собирания фольклора, начатого еще в 1872 году.⁸⁰ Фольклористическая деятельность его была связана с преподавательской работой в деревнях и селах Вятской губ. В работе Васнецова и Пономарева было много общего. В какой-то мере сам состав населения, от которого Васнецов записывал народную поэзию, был близок к тому смешанному составу, который встречал на своем собирательском пути Пономарев. В известной степени близки и метод записи, и классификация собранного ими материала. Васнецов производил записи в двух совершенно различных по составу населенных пунктах: с. Рябове, где прошло его детство, селе с крайне патриархальным укладом жизни, и с. Шурме (имеющем местный чугунолитейный завод) со смешанным населением. Жители последнего села съехались из различных районов России: Тулы, Ветлуги, Калуги, Каширы, Самары. В целях записи Васнецов бывал и в с. Буйско-Архангельском, где также имелся завод и было такое же смешанное население, о говоре которого собиратель дал весьма ценные сведения. Собранные Васнецовым песни имеют близкие варианты к песенным материалам Пономарева, полученным от такого же смешанного населения.

Близость этих двух краеведов состоит и в общности их взглядов на назначение народной поэзии и ее сущность. Васнецов в предисловии отмечает, что в бытовой песне «выражен общественный и частный строй народной жизни: одни говорят об отношениях членов семьи, о деспотизме старших над младшими, о горькой доле последних, которые в силу обычая должны покоряться воле старших без всякого сопротивления со своей стороны; только в песне позволено выразить свой протест и в то же время выплакать свое горе». Эта точка зрения перекликается с неоднократными

⁷⁸ Н. А. Иваницкий. Записки. «Север», кн. II, 1923, стр. 36; см. также: Н. В. Новиков. Н. А. Иваницкий и его переписка с П. В. Шейном. (Материалы к биографии собирателя). В кн.: Русский фольклор, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958.

⁷⁹ С. Пономарев. Лето среди переселенцев, стр. 144.

⁸⁰ См. вступительную статью Л. В. Дьяконова ко 2-му изданию книги (Киров, 1949).

высказываниями С. М. Пономарева о роли бытовых песен, собранных в те же годы, от таких же, как и у Васнецова, крестьян разных областей России с разной поэтической культурой.

С. М. Пономарев начал свою творческую деятельность, когда закончилась недолгая жизнь замечательного поэта и талантливого собирателя русского фольклора Д. Н. Садовникова (1847—1883), автора фольклорных сборников «Загадки русского народа» (1875), «Сказки и предания Самарского края» (1884). С Садовниковым Пономарев объединяет общий интерес к антикрепостническим народным движениям: в собрании Пономарева встречается, как и у Садовникова, немало преданий о Степане Разине и разинцах; объединяет и то, что первые записи Пономарева относятся к Самарской губ.

В 1884 году вышло посмертное издание собрания П. И. Якушкина, умершего в 1872 году.⁸¹ Самоотверженный труд собирателя, ссылка его не могли не оказать влияния на впечатлительного С. М. Пономарева. Упоминаний о Якушкине в его архиве не сохранилось, но в тетрадях с фольклорными записями содержатся любопытнейшие наблюдения над песнями крестьян Орловской губ.⁸² и в частности, родного П. И. Якушкину Малоархангельского уезда, творчество крестьян которого нашло видное место в собрании Якушкина. С. М. Пономарев записал от крестьян-переселенцев Орловской губ. большое число поэтических произведений самых разных жанров. Крайне любопытную картину представляют собранные им спустя 20—30 лет (после Якушкина) песни, прекрасно сохранившиеся, несмотря на суровые условия переезда исполнителей песен из Орловской губ. в Оренбургскую. О месте поэтического творчества крестьян Орловской губ. в коллекции С. М. Пономарева свидетельствует следующий факт: из 490 свадебных песен, записанных им, 140 получены от крестьян-орловчан.

С Якушкиным его сближает сам подход к наблюдению над бытованием народной поэзии, умение сблизиться с населением и подойти к нему, найти с ним общий язык, помочь в трудную минуту. Якушкин потешался над исследователями в белых перчатках, которые «воротят нос» от народной жизни, видят в жизни то, что им хочется, а не то, что существует в действительности.⁸³ С такой же страстностью отстаивал необходимость непосредственной связи собирателя с населением и личных наблюдений над жизнью народной поэзии и С. М. Пономарев, о чем он писал редактору «Северного вестника» А. Евреиновой. Пономарев возмущался поведением Я. В. Абрамова, человека, далеко стоящего от народной жизни. Упрекая последнего в использовании своей статьи о переселенцах, Пономарев писал: «Моя статья обширна и, как всегда, основана на личном наблюдении, а у Абрамова, в жизнь свою не написавшего самостоятельной строки и удившего отовсюду, этих личных наблюдений нет».⁸⁴

К числу фольклористов-этнографов, поднявших в 1860—1880-е годы огромные пласты фольклора в Архангельской, Вятской, Вологодской, Орловской, Олонекской, Саратовской и других губерниях, следует отнести и В. Н. Добровольского (1856—1920), которому принадлежит большое собрание фольклорных и этнографических материалов из Смоленской губ.⁸⁵

⁸¹ См.: В. Базанов. Павел Иванович Якушкин. Орел, 1950.

⁸² Архив ГО, 12.1.22, лл. 1, 65 об.

⁸³ В. Базанов, стр. 4.

⁸⁴ Рукописный отдел ИРЛИ, фонд журнала «Северный вестник», 563.1, лл. 52—53.

⁸⁵ В. Н. Добровольский. Народное поэтическое творчество Смоленской области. (Из Смоленского этнографического сборника, под ред. В. М. Сидельникова). Смоленск, 1954.

В его классическом четырехтомном издании сосредоточены все жанры народной поэзии. В. И. Ленин назвал включенные в его издание поэтические произведения «интересным материалом», раскрывающим чаяния и ожидания народа.

Материалы Добровольского имеют особенную связь с огромной коллекцией Пономарева: в ней можно встретить записи от крестьян-переселенцев Смоленской губ. Сближает обоих собирателей и одинаковый социальный подход к жизни крестьянства и его народной поэзии, особое умение улавливать новые мотивы и темы в народно-поэтическом творчестве крестьян. Среди фольклорных материалов Пономарева можно обнаружить довольно близкие варианты крестьянских песен, имеющих в сборнике Добровольского. Таковы, например: «На прекрасе на такой стоит фабричек новóй», «А у нашего старосты кужельные онучи», песня крестьян-сезонников «Лет пятнадцати мальчишка». Шуточная песня о ленивой Арине-непряхе у Добровольского почти дословно совпадает с записью С. М. Пономарева.⁸⁶ Для обоих собирателей характерен интерес к частушкам.

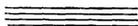
Собрание С. М. Пономарева является единственным большим собранием, широко охватившим различные районы Уфимской и Оренбургской губ. С уверенностью можно сказать, что мы не найдем подобных собраний ни в более ранний период, ни в более поздний, хотя и можно назвать отдельные собрания с интересными записями фольклора. Говоря об изученности обеих губерний, нельзя пройти мимо большой и важной работы Н. Е. Пальчикова (1838—1888), записывавшего песенную поэзию от крестьян с. Николаевки Мензелинского уезда Уфимской губ., где он поселился в своем имении по окончании Казанского университета. Здесь он прожил свыше 30 лет, собирая хоровую народную песню. Собрание его было опубликовано братом уже после смерти собирателя. Многие песни сборника Пальчикова являются любопытными параллельными текстами к записям С. М. Пономарева. Сходной у обоих является и классификация песен. Пальчиков выделяет песни хороводные с игрой и песни без игры; аналогично деление этих песен и у Пономарева; близок у обоих собирателей календарно-обрядовый цикл: песни святочные, троицкие, семиковые, свадебные.

Из фольклорно-этнографического окружения С. М. Пономарева нельзя исключить собирателей казачьего поэтического творчества, учитывая большой интерес Пономарева к изучению жизни и быта оренбургского казачества. Как показывают архивные материалы, ему, очевидно, было знакомо сочинение И. И. Железнова «Уральцы. Очерки быта уральских казаков» по первому двухтомному изданию 1858 года. Мы находим у него многократные ссылки на это собрание, а иногда и выписки из него. Действительно, немало устных рассказов, песен из коллекции С. М. Пономарева совпадает с этим ранним изданием Железнова. Полагаем, что и творчество донских казаков было ему в какой-то мере известно по сборнику А. Пивоварова «Донские казачьи песни», вышедшему в Новочеркасске в 1885 году. С собраниями казачьего творчества из других районов России роднит С. М. Пономарева общая тематика поэтического творчества: обилие песенной поэзии о походах, исторических событиях, наличие официозных произведений. Возможно, что с донскими песнями С. М. Пономарев был знаком и по более раннему собранию А. Савельева «Сборник донских народных песен» (1866).

⁸⁶ В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. 4. СПб., 1903, стр. 512, 499, 502, 18.

Перечисляя имена фольклористов и этнографов, чья деятельность протекала во вторую половину XIX века, мы назвали в первую очередь тех областных этнографов-фольклористов, с которыми в своей практической работе в какой-то мере был связан С. М. Пономарев: то была идейная близость, а также запись фольклора от крестьян одних и тех же районов и т. д. Но мы не назвали многих других этнографов и фольклористов этого же периода, чьи труды могли быть также ему известны и оказывали свое влияние на его работу. Таковы, например, два выпуска песен, собранных учителем пения при Череповецком техническом училище Ф. Лаговским, — «Народные песни Костромской, Вологодской, Новгородской, Нижегородской и Ярославской гг» (1877, 1923), таков и сборник русских народных песен, записанных в Вятской губ. А. Абрамычевым (издан в Петербурге в 1879 году), варианты которых встречаются в собрании Пономарева, и некоторые другие.

Имя С. М. Пономарева должно быть поставлено в один ряд с передовыми фольклористами и этнографами конца XIX века. Материал, собранный этим талантливым, рано умершим фольклористом, дает яркое представление о характере традиционного фольклора, о тех процессах, которые совершались в народном творчестве, позволяет поставить проблему акклиматизации поэтических произведений в новых условиях. Этнографические заметки, использованные Пономаревым в опубликованных статьях и частью сохранившиеся в рукописях, позволяют представить взгляды С. М. Пономарева на этнографию как науку историческую, с другой стороны — как науку о современном быте народов. Характеристика этих его взглядов — задача особого очерка.

А. Д. СОЙМОНОВ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА В РУССКОЙ НАУКЕ КОНЦА XIX ВЕКА

История русской фольклористики конца XIX века совершенно недостаточно освещена в советской историографии. Работы, посвященные этому периоду, ограничиваются, как правило, упоминанием нескольких имен видных исследователей и собирателей фольклора, не затрагивая развития науки в целом.¹ Между тем русская фольклористика данного периода заслуживает самого тщательного изучения. Необходимость такого изучения обуславливается тем, что в эти годы формируется новый этап в истории русской общественной и научной мысли, который оказывает большое влияние на все последующее развитие науки.²

Процесс развития науки является, как известно, сложным и противоречивым. Для него характерна борьба нового со старым и на этой основе расширение границ научного познания. В 90-х годах прошлого века отчетливо сказывается стремление найти новые пути изучения фольклора. В фольклористике этого периода ясно проявляются глубокие противоречия, которые свидетельствуют, с одной стороны, о подъеме научно-исследовательской работы, с другой — о кризисе господствующих идеалистических взглядов и концепций буржуазных исследователей.

Одной из центральных проблем, раскрывающих всю сложность и противоречивость этого процесса, является изучение классического наследия народного поэтического творчества в исследованиях конца XIX века. 90-е и 900-е годы были периодом интенсивной борьбы вокруг традиций русской национальной культуры, периодом «переоценки ценностей» и поисков новых методов изучения классического фольклора. В эти годы фольклористика, опираясь на новейшие открытия в области этнографии, значительно

---

¹ Истории русской фольклористики конца XIX века посвящены небольшие разделы в курсах русского фольклора Ю. М. Соколова (Русский фольклор. Учпедгиз, М., 1938, стр. 75—92) и П. Г. Богатырева (Русское народное поэтическое творчество. Учпедгиз, М., 1956, стр. 130—134. Написано Ю. Н. Сидоровой). Кроме того, известен ряд статей, касающихся этого периода в основном в связи с деятельностью А. Н. Веселовского и В. Ф. Миллера, о которых будет сказано ниже.

² Вопрос о значении этого этапа для истории русской фольклористики рассматривается в работах М. К. Азадовского «О построении истории русской фольклористики» («Труды Восточно-Сибирского гос. университета», т. II, вып. 4, Иркутск, 1944, стр. 113—135), В. Е. Гусева «Об изучении истории русской фольклористики» («Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», т. XV, вып. 3, 1956, стр. 233—249), а также в работе автора настоящей статьи «Из истории русской фольклористики второй половины XIX века» (Историко-литературный сборник. Под ред. В. Г. Базанова, В. Е. Гусева и В. А. Ковалева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 5—32).

расширяет круг своих исследований, что находит отражение в появлении фольклорно-этнографических журналов, создании «песенных комиссий», разработке новых методов собирания фольклора.

Общественный подъем конца XIX века в России и новый этап развития русской общественной мысли оказывают огромное влияние на постановку всей научно-исследовательской работы в области изучения идейно-художественных традиций народного поэтического творчества. Начиная с 90-х годов прошлого века это отчетливо сказывается в деятельности научных организаций, занимающихся изучением фольклора: в расширении круга научных проблем и материалов, составляющих теоретическую основу для разработки фольклорного наследства, в небывалом размахе собирательской работы.

Центральными научными организациями, которые в конце XIX века объединяют и направляют усилия многих исследователей в области изучения классического фольклора, являются Отделение этнографии Русского Географического общества и Этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Будучи старейшей научной организацией страны, Русское Географическое общество в этот период, впервые после 60-х годов, уделяет особенно большое внимание развертыванию работы в области фольклора. Отделение этнографии, созданное при нем в 90-е годы, превращается, по существу, в самостоятельную научную организацию, которая необычайно широко развертывает многостороннюю деятельность.

Начиная с 1891 года Отделение этнографии Русского Географического общества учреждает свой периодический печатный орган, которому дается название «Живая старина», подчеркивающее, что в центре внимания Отделения находится изучение культурных, в том числе фольклорных традиций. Особый интерес к фольклорному наследству наблюдается также в работе созданной при Отделении Песенной комиссии. В задачу Песенной комиссии, в которой принимают участие виднейшие музыкальные деятели и композиторы, входит изучение лучших образцов народной песни и других видов классической народной музыки. Для расширения поля деятельности Отделения этнографии в области изучения фольклора создается широкая сеть корреспондентов, с которыми устанавливается связь через местные отделения Русского Географического общества. Опираясь на эти организации, Отделение этнографии рассылает своим корреспондентам программы и инструкции для записи фольклора и в ответ получает обильные фольклорные и этнографические материалы, из которых впоследствии было образовано крупнейшее фольклорное рукописное хранилище.³

Подъем научно-исследовательской работы в области изучения народного поэтического творчества и особый интерес к его традициям наблюдается и в работе другой крупнейшей научной организации — Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. С 1889 года Общество утверждает свое периодическое издание «Этнографическое обозрение», в котором большое внимание уделяется исследованиям фольклора. Вместе с тем оно устанавливает связь с местами через своих корреспондентов, развертывает работу в области музыкального фольклора, которая приводит к созданию Музыкально-этнографической комиссии, подобной Песенной комиссии Отделения этнографии Русского Географического общества. О размахе работы Общества люби-

³ Ныне Архив Географического общества СССР.

телей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете в области изучения классического фольклора можно судить по тому, что оно превратилось в важнейший центр в области изучения русского героического эпоса, а также народной песни. Оно обеспечило издание таких классических собраний, как «Беломорские былины» А. В. Маркова,⁴ «Архангельские былины и исторические песни» А. Д. Григорьева,⁵ «Труды Музыкально-этнографической комиссии»⁶ и др.⁷

Наряду с Московским университетом как крупнейшим научным центром возросший интерес к изучению фольклора и его классического наследства наблюдается в эти годы и в других университетах страны; в частности, при Казанском университете такую работу ведет Общество археологии, истории и этнографии, издающее «Известия», в которых находят место и вопросы изучения фольклора. Большое внимание проблемам фольклористики уделяется и в Петербургском университете, где протекает деятельность видного представителя буржуазной филологии и этнографии А. Н. Веселовского. В Киевском университете в области изучения классического фольклора ведет работу П. В. Владимиров, вопросами изучения русского эпоса занимается А. М. Лобода. Вопросы изучения эпоса, как одна из центральных проблем в фольклористике 90-х годов, находят место в работах М. Е. Халанского (Варшавский университет). Таким образом, в университетах страны работу по фольклору ведут различные организации и крупнейшие специалисты. О росте интереса к фольклору в этот период свидетельствует также появление частных научных организаций. Такой организацией является созданное в 1897 году на средства капиталиста-мецената В. Н. Тенишева Этнографическое бюро.⁸ Подобно другим научным организациям такого профиля, Этнографическое бюро В. Н. Тенишева привлекает к своей работе специалистов, оплачивая их работу, широко рассылает программы для собирания фольклора, вербуя для этого корреспондентов, и, наконец, предпринимает ряд изданий по собранным этнографическим и фольклорным материалам.⁹ Обращает внимание, что В. Н. Тенишев, создавая Этнографическое бюро, заявил, что собираемые им фольклорные материалы нужны, чтобы выяснить причины недовольства в стране и роста революционного движения.

Следует отметить, что попытки оказать непосредственное влияние на постановку исследовательской работы в области фольклора со стороны господствующих классов, а также со стороны правительства были не единичны и носили неслучайный характер. Однако решающее значение для

⁴ А. В. Марков. Беломорские былины. С предисловием проф. В. Ф. Миллера. М., 1901.

⁵ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым. Т. I, М., 1904; т. III, СПб., 1910 (издавались на средства Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. II издан автором в 1939 году в Праге).

⁶ Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. I, М., 1906; т. II, М., 1911.

⁷ См.: П. И. Козлов и Н. Н. Чебоксаров. Этнография в Московском университете. «Советская этнография», 1955, № 2, стр. 110—111.

⁸ С. А. Токарев. Основные этапы развития русской дореволюционной и советской этнографии. «Советская этнография», 1952, № 2, стр. 175; Н. Начинкин. Материалы «Этнографического бюро В. Н. Тенишева» в архиве Государственного музея этнографии народов СССР. Там же, 1955, № 1, стр. 159—163; Князь Вячеслав Николаевич Тенишев (некролог). «Этнографическое обозрение», 1903, № 2, стр. 202.

⁹ См. например: С. Максимов. Нечистая сила. Ответы на вопросы программы под №№ 192—202 и 204. С предисловием князя В. Н. Тенишева. Изд. Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева, СПб., 1899.

научно-исследовательской работы в области фольклора и изучения его традиций имело не это влияние, а тот коренной поворот, который происходил в научном познании в условиях нового этапа освободительного движения и развития общественной мысли в России. В 90-е годы это выражается прежде всего в развитии фольклористических учений на базе новейших открытий этнографии и истории. Обращает внимание, что все названные выше организации, занимающиеся изучением фольклора, являются отделами, бюро, отделениями этнографии. Можно также напомнить, что такой видный филолог, представитель сравнительно-исторической школы, как А. Н. Пыпин, называет свой известный труд по истории фольклористики «Историей русской этнографии», хотя собственно этнографические учения там почти не излагаются или излагаются только в связи с фольклористикой. Все эти факты, которые можно было бы умножить, свидетельствуют о том, что задачи, стоящие перед фольклористикой в этот период, в значительной степени определяются этнографией, т. е. наукой, ставшей своей целью описание народов, или точнее наукой о народоведении, понимаемом в самом широком значении этого слова.

Развитие этнографии во второй половине XIX века определяет новые пути в фольклористике, создавая научную базу для изучения фольклора на ранних стадиях его развития в доклассовом обществе. Величайшие открытия в области истории доклассового общества и его культуры принадлежат Л. Моргану, работы которого, по словам Ф. Энгельса, «имеют для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и теория прибавочной стоимости Маркса для политэкономии».¹⁰ Изучая по материалам, собранным среди североамериканских индейцев, жизнь первобытного общества, Л. Морган подошел к материалистическому пониманию истории человечества. Он «по-своему», отмечает Ф. Энгельс, вновь открыл материалистическое понимание истории много лет спустя после того, как оно было открыто и научно обосновано К. Марксом. Труд Л. Моргана, который был использован К. Марксом и Ф. Энгельсом для определения законов развития первобытнообщинного строя, его возникновения и гибели, указал пути развития наиболее передового направления в этнографии. Книга Моргана, коренным образом изменившая представления о первобытном обществе, содержала огромный, тщательно изученный фактический материал, подтверждающий теорию исторического материализма.

Таким образом, материалистическое учение в области этнографии, получая поддержку и теоретическое обоснование в марксистской науке, создавало все необходимые условия для изучения фольклора на ранних стадиях его развития и для изучения сохранения его традиций в позднейшие эпохи. На базе новейших открытий К. Марксом и Ф. Энгельсом выдвинут ряд положений в области изучения искусства и фольклора. Они легли в основу исследований Г. В. Плеханова о происхождении искусства. На эти работы, касающиеся изучения русского классического фольклора, нами было обращено внимание в статье «Из истории русской фольклористики второй половины XIX века».¹¹ Руководствуясь марксистской оценкой фольклорного наследия, необходимо рассмотреть, как ставилась данная проблема в буржуазной фольклористике.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 126.

¹¹ Историко-литературный сборник. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 5—32.

Прежде всего следует подчеркнуть, что в свете гениальных открытий в области этнографии и изучения фольклора доклассового общества во второй половине XIX века потеряли научное значение господствовавшие до этого концепции мифологической школы, теории заимствования и подобные им идеалистические построения буржуазных ученых. После коренного переворота в этнографии, совершившегося в данный период, представители буржуазной фольклористики вынуждены были пересмотреть прежние взгляды и убеждения. Однако несмотря на это, они оставались на идеалистических позициях. Начиная со второй половины XIX века основой для их теоретических изысканий становится позитивизм. Труды философов-позитивистов ставятся во главу угла при теоретическом определении задач и методов этнографии и фольклористики. К концу века позитивизм и буржуазная социология приобретают сугубо реакционные черты, раскрытые В. И. Лениным в его книге «Материализм и эмпириокритицизм».

Таким образом, развитие научного познания в области этнографии и фольклористики определяется борьбой материализма, высшей формой которого является марксизм, с идеализмом и его разновидностями как идеологией господствующих классов общества. Исходя из этого, следует критически рассмотреть, как ставится проблема фольклорного наследства в русской науке конца прошлого века.

Некоторые существенные особенности в развитии научно-исследовательской работы в данный период можно выяснить, обратившись к журналам «Этнографическое обозрение» и «Живая старина», на страницах которых изучение фольклорного наследства находит довольно яркое отражение. Оба журнала привлекают виднейших исследователей своего времени, стремясь всесторонне освещать состояние фольклористики и этнографии России. Особенно это относится к «Этнографическому обозрению», выходящему с 1889 года под редакцией Н. Я. Янчука и В. Ф. Миллера. Среди этнографов, сотрудничавших в журнале, встречаются имена Д. И. Анучина, давшего для первой книги передовую статью «О задачах русской этнографии»,¹² Н. Н. Харузина, систематически публиковавшего здесь свои работы, имя молодого тогда Л. Я. Штернберга, опубликовавшего здесь свою знаменитую работу «Сахалинские гиляки»,¹³ на которую откликнулся Ф. Энгельс, и др. Вопросы изучения русского фольклора на страницах этого журнала находят место в работах В. Ф. Миллера, А. Н. Веселовского, А. М. Лободы и других исследователей, занявших ведущее положение в буржуазной фольклористике этого времени. В журнале систематически публикуются этнографические очерки, в которых традиционный и новый фольклор рассматривается в связи с изучением бытового уклада крестьянства. Значительное место отводится также публикации фольклорных материалов и библиографии. Все это является заслугой «Этнографического обозрения», отводившего видное место вопросам изучения народного творчества.

Однако в разработке проблемы фольклорного наследия, как и других теоретических вопросов фольклористики, «Этнографическое обозрение» не выработало определенных научных позиций, отдавая дань эклектизму, свойственному буржуазной фольклористике конца прошлого века. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть комплект журнала за любой год.

¹² «Этнографическое обозрение», 1889, № 1, стр. 1—35.

¹³ Там же, 1893, № 2, стр. 1—46.

В «Этнографическом обозрении» публикует свои работы Н. Ф. Сумцов — последователь эволюционистского направления в этнографии и горячий сторонник учения Э. Тайлора о переживаниях. На взглядах эволюционистов и Э. Тайлора мы остановимся ниже, здесь лишь необходимо отметить, что именно Н. Ф. Сумцов представлял в «Этнографическом обозрении» ту официальную и общепринятую среди буржуазных этнографов концепцию, согласно которой классический фольклор относится к области переживаний в истории культуры. Работы Н. Ф. Сумцова, помещенные в журнале, не имели в большинстве своем теоретического значения. Это были преимущественно статьи компилятивного характера: «Ворон в народной словесности», «К истории сказаний об искусном стрелке», «К вопросу об укрощении змей», «Мышь в народной словесности»,¹⁴ или работы с подбором материала к определенным сюжетам, например: «Песни о госте Терентии и родственные им сказки», «Былины о Добрыне и Маринке и родственные им сказки о жене-волшебнице»¹⁵ и т. п. В них находим подтверждение основной концепции автора, изложенной им в книге «Культурные переживания»¹⁶ и в статье «Переживания».¹⁷

Наряду с Н. Ф. Сумцовым основным сотрудником журнала являлся В. Ф. Миллер. Если Н. Ф. Сумцов в своих работах стремился следовать взглядам и концепциям эволюционистов, то В. Ф. Миллер с начала 90-х годов был сторонником теории заимствования, а со второй половины 90-х годов — представителем и впоследствии главой нового тогда направления в фольклористике, названного «исторической школой». Знакомство с работами В. Ф. Миллера, помещенными в «Этнографическом обозрении» за первое десятилетие (1889—1900 годы), дает исчерпывающее представление об эволюции взглядов этого исследователя. Если в первые годы издания журнала В. Ф. Миллер публикует в нем «Материалы для истории былинных сюжетов», развивающие положения «Экскурсов в область русского народного эпоса»,¹⁸ то уже со второго пятилетия он начинает печатать здесь статьи, составившие первый том его известных «Очерков русской народной словесности».¹⁹ Последние явились теоретической основой концепции исторической школы.

Большое место в «Этнографическом обозрении» занимают статьи Г. Н. Потанина, горячего сторонника теории заимствования. В этих статьях, впоследствии вошедших в книгу «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе»,²⁰ Г. Н. Потанин доказывал, что средневековый европейский и в том числе русский эпос обязан своим происхождением восточному эпосу как наиболее древнему. Для фольклористики конца прошлого века такой взгляд на происхождение эпоса становится своего рода анахронизмом, поскольку наука к этому времени решительно преодолевает теорию заимствования. Однако в «Этнографическом обозрении», не придерживавшемся определенных научных позиций, такая точка зрения была так же правомочна, как и противоположные ей. Г. Н. Потанин был и крупнейшим этнографом-востоковедом, известным путешественником,

¹⁴ Там же, 1889, № 4, стр. 61; 1890, № 1, стр. 130 и 257; № 4, стр. 49.

¹⁵ Там же, 1891, № 4, стр. 106; 1892, № 1, стр. 143.

¹⁶ Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. Киев, 1890.

¹⁷ Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXIII. СПб., 1898, стр. 208—209.

¹⁸ В. Ф. Миллер. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.

¹⁹ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897.

²⁰ Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

поэтому его исследования об эпосе, как бы они ни казались спорными, были ценны уже тем, что содержали большой и неизвестный до того времени материал фольклора народов Востока. Все эти обстоятельства не могли не привлечь внимания к работам Г. Н. Потанина.

В. Ф. Миллер, Г. Н. Потанин и Н. Ф. Сумцов были постоянными и наиболее плодотворными сотрудниками «Этнографического обозрения». Но в нем участвовали и другие не менее известные авторы. Так, в первые годы издания журнала в нем встречаются заметки А. Н. Веселовского «К вопросу о народных космогониях»²¹ и «Несколько новых данных к народным представлениям о Доле».²² Один из номеров журнала начала 90-х годов открывается статьей Н. С. Тихонравова «Пять былин по рукописям XVIII века».²³ В области изучения русского эпоса, которому журнал уделяет особенно много внимания, можно отметить также работу А. М. Лободы «Белорусская народная поэзия и русский былевой эпос».²⁴

Большой интерес проявляет редакция «Этнографического обозрения» и к другим классическим жанрам фольклора. Так, например, следует отметить целую серию статей о народном театре, принадлежащих разным авторам. Назовем здесь статью А. Н. Малинки «К истории народного театра», две статьи М. И. Васильева того же названия и статью В. Каллаша «Материал для истории народного театра».²⁵ Обращает внимание, что изучение классических фольклорных традиций не ограничивается только искусством слова, но распространяется и на народную музыку. В «Этнографическом обозрении» печатаются работа Н. Н. Мельгунова «К вопросу о русской народной музыке», статья П. И. Баламберга «Русская народная песня и ее влияние на музыку», журнал помещает известную запись Аренского напевов былин И. Т. Рябинина и заметку о них.²⁶

Среди исследований, которые имеют специальный этнографический характер, соответствующий основному профилю журнала, но представляют большой интерес и для фольклориста, необходимо отметить также этнографические очерки. Такова работа Е. Всеволожской «Очерки крестьянского быта Самарского уезда», в которой наряду с описанием быта встречаются интересные фольклорные записи.²⁷ Конечно, изучение положения народных масс под социально-политическим углом зрения в журналах конца прошлого века найти трудно. Однако этнографические очерки, способствующие такому изучению, приобретали большое значение для фольклористики.

В отношении собирания и публикации фольклорных материалов позиции «Этнографического обозрения» тоже были противоречивы. Всячески способствуя собирательской работе, журнал не делал различия между подлинно передовыми традициями, сохранившимися в народной среде, и пережиточными явлениями. В этих вопросах редакция журнала стояла на объективистских позициях: не стремясь к идеализации старины, как это

²¹ «Этнографическое обозрение», 1890, № 2, стр. 32—48.

²² Там же, 1891, № 2, стр. 20—28. Указанные статьи А. Н. Веселовского по характеру исследования близки к названным выше работам Н. Ф. Сумцова. В дальнейшем в связи с другими работами А. Н. Веселовского мы скажем об этом подробнее.

²³ Там же, 1891, № 1, стр. 1—48.

²⁴ Там же, 1896, № 1, стр. 1—35.

²⁵ Там же, 1897, № 4, стр. 37—56; 1898, № 1, стр. 76—100; № 2, стр. 103—116; № 4, стр. 47—68.

²⁶ Там же, 1890, № 3, стр. 115—138; 1898, № 2, стр. 65—83; 1894, № 4, стр. 152—153.

²⁷ Там же, 1895, № 1, стр. 1—34.

мы увидим в «Живой старине», она вместе с тем была далека от изучения освободительных народных традиций.

Собственно фольклорным записям (имеется в виду русский фольклор) в «Этнографическом обозрении» отводилось довольно скромное место, главным образом в отделе «Смеси». Но подбор материала для этого отдела осуществлялся очень искусно и обычно в рамках определенного жанра. Так, в № 4 «Этнографического обозрения» за 1897 год помещены следующие записи причитаний: 1) «Вопи» Весьегонского уезда Тверской губ., запись Ю. Ботье; 2) «Причёты» Пошехонского уезда Ярославской губ., запись Я. Ильинского; 3) «Крики» Рижского уезда Рязанской губ., запись Ал. Виноградова.²⁸ Все эти материалы опубликованы не как случайные записи, присылаемые в редакцию с мест, они подверглись систематизации.

Цели такой систематизации были различны. Нельзя не отметить, что «Этнографическое обозрение» явилось первым научным фольклористическим журналом, обратившим внимание на широкое распространение в 90-е годы частушек. Сделано это было путем подбора соответствующего материала для «Смеси». Так, в № 4 «Этнографического обозрения» за 1897 год под рубрикой «Экспурсы в область народной песни» помещаются статья А. Балова «Коротенькие песни или „припевки“» и к ней два «Прибавления»: 1) «Сбирушки» из Череповецкого уезда Новгородской губ., запись Кл. М. Гарднер; 2) «Частушки» из Покровского уезда Владимирской губ., запись А. Е. Грузинского.²⁹ А после этого идут статья М. К. Васильева об украинских народных песнях (записаны на сахарных заводах) и статья П. А. Березина о латышских народных песнях.³⁰ Здесь опять мы видим подбор материала с определенными научными целями.

Правда, публикации русского фольклора в «Этнографическом обозрении» занимают небольшое место. Но это объясняется тем, что в нем публиковались работы по этнографии, лингвистике и фольклору не только русского, но и других народов, населяющих Россию. Недостаточное количество публикаций возмещалось в журнале хорошо поставленной критикой и в особенности библиографией. Это делает «Этнографическое обозрение» за указанные годы неоценимым справочным изданием. Ниже мы воспользуемся некоторыми критико-библиографическими данными, помещенными в журнале.

В. И. Ленин в одном из писем А. М. Горькому в 1910 году писал, что «журнал без направления — вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная».³¹ Ленин имел в виду общественно-политические журналы, но его замечание может быть отнесено и к научным журналам, посвященным общественно-политическим дисциплинам. «Этнографическое обозрение» следовало основным направлениям в этнографии, однако ему был свойствен эклектизм в изучении фольклора.

Буржуазные фольклористы в конце прошлого века напряженно ищут новых путей разработки фольклорного наследства. Они начинают понимать, что новейшие открытия в области естествознания, этнографии, истории создают прочную базу для материалистического учения в фольклористике. Будучи не в силах принять это учение, они создают эклектические теории, которые в данной исторической обстановке приобретают реакционные черты. Все это не могло не отразиться как на страницах «Этнографи-

²⁸ Там же, 1897, № 4, стр. 112—124.

²⁹ Там же, № 2, стр. 93—119.

³⁰ Там же, стр. 120—138.

³¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 34, стр. 380—381.

ческого обозрения», так и другого этнографического издания — журнала «Живая старина».

Периодический орган Отделения этнографии Русского Географического общества журнал «Живая старина» начал выходить в 1890 году под редакцией В. И. Ламанского (по четыре выпуска в год). По характеру, структуре и общему направлению в изучении русского фольклора журнал был близок к «Этнографическому обозрению», однако он имел свое определенное лицо, что нетрудно видеть уже по первому номеру «Живой старины». Журнал открывается статьей В. И. Ламанского «От редактора», в которой указано направление журнала и поставлены некоторые проблемы современной этнографии.

Среди таких проблем наиболее неопределенной и неясной, по мнению В. И. Ламанского, является изучение фольклора. «Так называемый фольклор, — пишет он, — фольклористика с ее представителями, фольклористами, получали и у нас право гражданства вслед за такими же новыми науками или лучше за новыми названиями старых дисциплин, за социологию и учением эволюции. Собственно же фольклор, хотя и обращается к этнографическим материалам, имеет свою задачу создать новую опытную психологию, новое учение о душе не личной а общечеловеческой, всенародной, вселюдской, если так можно выразиться, и новую историю человеческой культуры с самых первых ее истоков. Этнография, этнология разлагает, определяет свойства и особенность рас, племен и народов. Фольклор соединяет, сопоставляет разные черты и данные различных степеней развития человечества, без отличия рас и племен».³² Пытаясь таким образом установить грань между этнографией и современной фольклористикой, В. И. Ламанский критически оценивает работы фольклористов, в том числе и появившиеся на страницах «Этнографического обозрения». «Наша цель и задача, — пишет он далее, — конечно, гораздо подручнее, ограниченнее беспредельной, неуловимой цели и задачи фольклористов. Не отказываясь совершенно от помещения статей сравнительного направления, если они идут от настоящих ученых со строгими приемами и обширными знаниями, мы смеем считать жалкою потерю времени, когда местные любители этнографии вместо живых наблюдений и исследований окружающей действительности отворачиваются от нее или, вырвав из нее отдельные курьезы, спешат сравнить и высыпать для сравнения и аналогии кучи всякого рода примеров, кое-как набранных из первопопавшихся русских и иностранных книжек и статей по фольклору».³³ В этой пространной критической оценке современной фольклористики нетрудно увидеть выступление против теоретических предпосылок Н. Ф. Сумцова, против методологии В. Ф. Миллера, представленной в «Экскурсах в область русского народного эпоса» и встретившей вскоре резкую критику Н. П. Дашкевича.³⁴

Спор, казалось, мог разгореться на страницах обоих журналов, но что мог противопоставить В. И. Ламанский оспариваемым им взглядам? Оригинальных теоретических работ в области русского классического фольклора в «Живой старине» почти не появлялось. Они и не могли появиться при тех методологических предпосылках, которым следовали буржуазные фольклористы.

Из теоретических работ по русскому фольклору в первых выпусках «Живой старины» была напечатана работа И. Н. Жданова «Песни о князе

³² «Живая старина», 1890, № 1, стр. XLI.

³³ Там же.

³⁴ Н. П. Дашкевич. Разбор сочинения В. Ф. Миллера. Экскурсы в область русского народного эпоса. СПб., 1895.

Михайле»,³⁵ построенная на широком сравнительном материале русского и европейского эпоса, но после этой статьи специальных исследований в области русского классического фольклора почти не появляется. Правда, на страницах журнала можно встретить имена А. Н. Веселовского, напечатавшего здесь небольшие заметки,³⁶ Л. Н. Майкова, публиковавшего фольклорные материалы по рукописным источникам,³⁷ статьи А. Аарне;³⁸ во второй половине 90-х годов — отдельные работы Г. Н. Потанина³⁹ и некоторых других исследователей. Однако все эти работы не могли определить теоретического направления журнала в области фольклористики.

Конечно, это не означало, что журнал не представлял теоретического интереса для других областей знания. Необходимо отметить ту особенность «Живой старины», что в ней довольно видное место занимали материалы по филологии и языкознанию, что делало журнал несколько специфическим этнографическим изданием и в этом отношении отличным от «Этнографического обозрения». В журнале публиковались статьи, письма, материалы А. И. Соболевского, А. Н. Потебни, И. И. Срезневского и других видных славистов и лингвистов. Что же касается изучения классического фольклора, то наибольшее внимание уделялось отделу «Памятники языка и народной словесности», который и содержал основные материалы по фольклорному наследию.

Отдел «Памятники языка и народной словесности» комплектовался в основном согласно «Программе для собирания сведений по этнографии», напечатанной в первом выпуске журнала. «Программа» давала довольно точное представление о том, что подразумевала редакция под термином «живая старина». В соответствующем разделе «Программы», посвященном фольклору, было сказано: «Весьма желательно, чтобы при местных описаниях были доставлены и сохранившиеся между жителями воспоминания о временах прошедших, местные сказки, песни, поговорки, рассказы, пословицы, загадки, байки, прибаутки, причитания, заговоры, приметы, толкования снов и т. п. Из песен особенное внимание должно обращать на те, которые поются при известных случаях или в соединении с особенными наружными действиями и обрядами, как-то: вообще свадебные и хороводные, в особенности так называемые колядки, щедривки, купальские, семацкие, троицкие; стихи, которые поются нищими и слепыми по домам или сидя на мостах и переулках с чашкой, например об Анике-воине, об Алексее человеке божьем и т. д.»⁴⁰

В соответствии с этой программой и комплектуется в «Живой старине» отдел «Памятники языка и народной словесности». Для этого отдела за первое десятилетие существования журнала характерен повышенный интерес к изучению религиозно-обрядового фольклора. Наиболее оригинальными и богатыми по материалу являются записи свадебного обряда, доставленные из самых различных местностей.⁴¹ В числе других материалов встречаются песни, причитания, легенды и т. п. Вот, например, как представлен этот отдел в одном из номеров журнала за 1892 год, в котором более всего отводится места русскому фольклору: «1) О причитаниях и

³⁵ «Живая старина», 1890, № 1, стр. 1—30; № 2, стр. 1—23.

³⁶ Там же, № 2, стр. 124—125, 128—129.

³⁷ Там же, № 1, стр. 1—4; № 3, стр. 129—130.

³⁸ Там же, 1898, № 1, стр. 105—110.

³⁹ Там же, 1897, № 3—4, стр. 249—250.

⁴⁰ Там же, 1890, № 1, стр. XLVIII—XLIX.

⁴¹ См.: Оглавление 40 выпусков «Живой старины» за десять лет (там же, 1900, № 4, стр. I—XXVIII).

плачах, записанных в Олонецкой и Архангельской губ. (Ф. Истомина); 2) Заговоры от ружья в Тобольской губ. (Сообщ. С. К. Поткановым); 3) Купля, продажа скота; заговор от лихорадки в Нижегородской губ. (Сообщ. И. А. Шелковым); 4) Проводки и проводочные песни в Ростовском уезде (И. Б.).⁴²

Таким образом, как в «Этнографическом обозрении», так и в «Живой старине» вопросам изучения классического фольклора уделяется довольно видное место, хотя и с определенной тенденцией. Это свидетельствует о том, что разработка фольклорного наследства является одной из важнейших научных проблем, привлекавшей широкие круги научной общественности. Но в исследовательской работе, проводимой в этой области, отчетливо проявляется эклектизм, свойственный буржуазной фольклористике конца прошлого века.

Исследователи фольклора в эти годы настоятельно ищут новых методов и принципов изучения фольклорного наследства. В поисках этих методов фольклористика обращается к этнографии. Господствующим направлением в этнографии данного периода, как отмечает проф. С. А. Токарев, продолжает оставаться эволюционизм.⁴³ К этому направлению в буржуазной этнографии во второй половине XIX века принадлежали и ученые, стоящие на материалистических позициях, как например Л. Морган, и ученые-идеалисты. В целом оно было прогрессивным по отношению к ранее существовавшей мифологической школе и, будучи таковым, оказало большое влияние на фольклористику. В фольклористике это направление значительно продвинуло научное познание благодаря исследованиям культуры и искусства древнего общества. Значение деятельности эволюционистов в этой области было очень велико, однако, как отмечено в марксистской науке, постановка ими данной проблемы была противоречивой. Основным противоречием в системе эволюционистов явилось то, что, борясь с реакционными теориями регресса, они понимали эволюцию метафизически, противопоставляя ее историческому развитию культуры. Наиболее отчетливо это противоречие сказалось в работах о первобытной культуре Э. Тайлора, оказавших влияние на постановку проблемы фольклорного наследства.

Э. Тайлор был одним из первых крупнейших ученых этнографов-эволюционистов, собравших и систематизировавших огромный материал о первобытном обществе и его культуре. Его знаменитая книга «Первобытная культура» для своего времени была подлинной энциклопедией в области культуры древнего общества. Она систематизировала и обобщала многочисленные данные и материалы, добытые к тому времени археологией, этнографией и фольклористикой. В этом состояло основное значение труда Э. Тайлора о первобытной культуре, ставшего незаменимым научным пособием для многих поколений этнографов и фольклористов.

Собирая и систематизируя материалы по истории культуры, Э. Тайлор стремился доказать единообразие и последовательность ее развития у разных народов. Осуществление этой задачи имело большое значение для науки, однако Э. Тайлор подошел к ее решению с идеалистических позиций. В. И. Ленин в работе «К вопросу о диалектике» отмечает: «Две основные... концепции развития (эволюции) суть: развитие к[а]к уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей... Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна.

⁴² «Живая старина», 1892, № 3, стр. 139—156.

⁴³ С. А. Токарев. Основные этапы русской дореволюционной и советской этнографии. «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 175.

Только вторая дает ключ к „самодвижению“ всего сущего; только она дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового». ⁴⁴

Вторая концепция, изложенная здесь В. И. Лениным, отсутствует в работе Э. Тайлора. Культуру он понимал только как продукт разума, эволюцию культуры рассматривал метафизически и, подобно другим буржуазным социологам-эволюционистам, пытался перенести на развитие общества законы естествознания.

Противоречивость концепции Э. Тайлора, как и других буржуазных исследователей-эволюционистов, резко сказывается на изучении культурного наследства, в том числе фольклорных традиций. Эволюционисты, исходя из принятой ими концепции, не могли объяснить неравномерности в развитии культуры и сохранение традиций прошлого. В ходе борьбы со сторонниками регресса культуры Э. Тайлор выдвигает для объяснения таких явлений теорию переживаний, или пережитков. Теория Э. Тайлора находит очень широкое распространение у эволюционистов и получает научное освещение в работах советских исследователей. Рассмотрению этой теории посвящена кандидатская диссертация М. И. Долгоносовой «Учение Э. Тайлора о пережитках», ⁴⁵ в которой подвергнуты критическому анализу взгляды Э. Тайлора. Долгоносова указывает, что, создавая учение о пережитках, Э. Тайлор основывался на идеалистических предпосылках, возводя каждое явление культуры к интеллектуальным основам, трактуя его как продукт разума на определенной стадии эволюции. ⁴⁶ Характерную черту учения о пережитках, как и всей концепции Э. Тайлора, составляет отказ от исторического изучения явлений культуры и искусства. «Тайлор создал учение о пережитках, — пишет М. И. Долгоносова, — после того, как провел резкую черту между законами культуры (законами эволюции), с одной стороны, и законами истории, с другой». ⁴⁷ Историческое изучение памятников культуры предусматривает раскрытие противоречий в ее развитии, определение того, что является прогрессивным, и того, что тормозит процесс этого развития. Но такой метод исследования Э. Тайлор считает невозможным для изучения культуры, полагая, что сохранение ее памятников, как и произведений фольклора, должно быть отнесено к разряду пережитков. Таким образом, учение Э. Тайлора о пережитках как составная неотъемлемая часть эволюционизма не могло послужить научной основой для разработки проблемы культурного наследства. В советской науке к этому учению обращаются не для исследования культурных традиций, а для рассмотрения собственно пережиточных явлений в культуре, как это явствует из диссертации М. И. Долгоносовой.

Однако в конце XIX века, когда эволюционистское направление в русской фольклористике получало широкое распространение, это учение рассматривалось по-иному. Оно воспринималось как всеобщий «метод», «закон», объясняющий сохранение культурных традиций прошлого. Русские этнографы и фольклористы, стоящие на позициях эволюционизма, рассматривали весь классический фольклор как пережиток прошлого. Так, например, Н. И. Харузин, характеризуя теорию Э. Тайлора как особый метод, говорил: «Переживания сохраняются с большой живучестью и в на-

⁴⁴ Ленинский сборник, XII, М.—Л., 1933, стр. 324.

⁴⁵ М. И. Долгоносова. Учение Э. Тайлора о пережитках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Защищена в Институте этнографии Академии наук. 1950 (рукопись).

⁴⁶ Там же, стр. 99.

⁴⁷ Там же, стр. 40.

родном творчестве. Сказки, песни, пословицы, загадки и проч., сложившиеся на поздних ступенях цивилизации, сохраняются долго после того, как быт, который они отражают в себе, отошел в область далекого прошлого». ⁴⁸ И так, как бы ни было важно идейно-художественное значение классических произведений фольклора для современной культуры, по мнению Н. И. Харузина, их следует относить к переживаниям.

Еще более определенно высказывается в 90-е годы по этому вопросу М. Н. Сперанский, который формулирует «закон» переживания старины. В юбилейном сборнике в честь В. Ф. Миллера Сперанский помещает статью «Одно из применений закона переживания старины в истории русской литературы», которая свидетельствует, что взгляды эволюционистов отнюдь не были чужды так называемой «исторической школе». ⁴⁹ Эволюционисты и представители исторической школы объединяются на почве позитивизма. Характерно, что в 1917 году, последовательно излагая теорию исторической школы, Сперанский писал: «...устная словесность сохраняется и развивается на основе закона переживания старины». ⁵⁰ Таков итог, к которому приходят теоретики исторической школы.

Насколько широко трактуется указанная теория в конце прошлого века, можно показать и на ряде других примеров. Так, не лишена интереса для истории фольклористики передовая статья одного из номеров «Этнографического обозрения», написанная А. И. Кирпичниковым и названная им «Очерки мифологии XX века». ⁵¹ Строя свою статью на газетных сообщениях о различных происшествиях, предрассудках и т. п., автор приходит к выводу, что такого рода переживания являются живым проявлением «мифологического мировоззрения» во всех слоях общества, не исключая интеллигенции. ⁵² Большое место учение о переживаниях занимает в работах Н. Ф. Сумцова. Как уже указывалось выше, ему принадлежит статья «Переживания» в XXIII томе «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. В этой статье Н. Ф. Сумцов утверждает, что изучение фольклора — это и есть изучение переживаний: «В Западной Европе, — пишет он, — над изучением переживаний работает множество специальных, так называемых фольклорных обществ; в России — несколько соответствующих им исторических и этнографических обществ, этнографические отделы спб. геогр. общ. и москов. общ. любит. естеств. и антропологии». ⁵³ Н. Ф. Сумцову принадлежит также книга «Культурные переживания», в которой, однако, нет обобщений и выводов относительно «закона» или «метода» переживаний. Книга Сумцова состоит из ряда статей, опубликованных им ранее в периодической печати. Эти статьи, как и работы Сумцова, помещенные в «Этнографическом обозрении», строятся на систематизации фольклорно-этнографических материалов, подобранных по определенной конкретной теме. ⁵⁴

⁴⁸ Н. И. Харузин. Этнография. Лекции, читанные в Московском университете. Издание посмертно, под ред. В. и Л. Харузиных, вып. 1, СПб., 1901, стр. 31.

⁴⁹ М. Н. Сперанский. Одно из применений закона переживания старины в истории русской литературы. Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. Под ред. Н. Я. Янчука. М., 1900, стр. 45.

⁵⁰ М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 114.

⁵¹ «Этнографическое обозрение», 1899, № 4, стр. 1—42.

⁵² Там же, стр. 39.

⁵³ Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXIII, стр. 208.

⁵⁴ Н. Ф. Сумцов. Культурные переживания. Киев, 1890.

Но изучение памятников фольклора как переживаний не раскрывает их значения в истории культуры, не дает представления об их идейно-художественном содержании, воплотившем волю и мысли народа и отражающем жизнь и борьбу народных масс. Все это остается за пределами интересов эволюционистов, которые, отрицая исторические противоречия в развитии культуры, не могли установить, что и почему в ней остается от прошлого в качестве наследия и что безвозвратно отмирает как естественное следствие этого развития.

Для решения таких вопросов при изучении памятников народного творчества фольклористика должна была обращаться к иным методологическим принципам и иным областям знания. Большое значение для разработки фольклорного наследия приобретали методы и принципы, которые используются в филологических исследованиях. Фольклористика, являясь составной частью этнографии, никогда не теряла связи с филологией. В свою очередь филология в конце прошлого века в значительной степени через фольклористику была тесно связана с этнографией. К изучению фольклора как наследия древней культуры обращались многие выдающиеся ученые-филологи, рассматривавшие этнографию, филологию и фольклористику как родственные, тесно связанные между собой области знания. В числе таких ученых уже назывались имена известного филолога и слависта В. И. Ломанского — редактора журнала «Живая старина», А. Н. Пыпина — автора «Истории русской этнографии», А. И. Соболевского — постоянного сотрудника «Живой старины» и составителя известного свода «Великорусские народные песни»,⁵⁵ академика Н. С. Тихонравова, опубликовавшего в начале 90-х годов ценнейшие записи былин, и др. Во второй половине XIX века, когда развитие общественной мысли в России оставляет далеко позади метафизические представления о литературном процессе, проблема исторического развития художественной литературы, предшественником и спутником которой является фольклор, становится в центре внимания филологической науки. Начиная с известной рецензии Н. С. Тихонравова на «Историю русской литературы» А. Галахова, в которой была высказана мысль о необходимости ввести обстоятельный разбор фольклорных памятников в курсы по истории русской литературы, поворот в изучении фольклорного наследия становится особенно ощутимым.⁵⁶ В новом издании курса русской словесности А. Галахова, имеющем специальные главы, посвященные фольклору,⁵⁷ в курсах П. В. Владимирова,⁵⁸ в работах А. Н. Веселовского по западной и русской литературе четко проясняется отношение к фольклору как основе литературного процесса на начальных стадиях его развития.

К 90-м годам прошлого века в историко-литературных работах почти не остается места для идеалистических концепций мифологов, как это было, например, в «Курсе русской словесности» О. Ф. Миллера.⁵⁹ Филологическая наука конца прошлого столетия в изучении фольклорного наследия

⁵⁵ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, тт. I—VII. СПб., 1895—1902.

⁵⁶ Н. С. Тихонравов. История русской литературы А. Галахова. Отчет о девятнадцатом присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1878, стр. 13—136.

⁵⁷ Написаны О. Ф. Миллером (былины и исторические песни), А. И. Кирпичниковым (духовные стихи) и П. И. Морозовым (песни, сказки, пословицы, заговоры и загадки).

⁵⁸ П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Из лекций и исследований. Киев, 1896.

⁵⁹ О. Ф. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности, ч. I. вып. 1. Изд. 2-е, СПб., 1865.

опирается на новейшие открытия в области этнографии. Идея эволюции художественного творчества от низших форм к высшим занимает господствующее положение в ней. За основу принимается изучение отдельных жанров фольклора, сюжетов, мотивов его произведений. Отражение исторической действительности изучается путем сопоставления произведений фольклора с памятниками древнерусской литературы и отыскания в них общих мотивов, образов и имен героев, позволяющих относить данные произведения к определенной эпохе. Все это можно видеть как в монографиях, так и в различных статьях по фольклору.

Изучение произведений классического фольклора находит довольно видное место в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук», издание которых возобновляется с 1896 года. Обращает внимание, что в этом специальном филологическом издании появляются статьи по фольклору, которые, казалось бы, скорее подошли для этнографического журнала. Таковы, например, статьи А. В. Маркова и А. Д. Григорьева «Былинная традиция на Белом море. (Из отчета о поездках)»,⁶⁰ В. Ф. Миллера «Новые записи былин в Якутской области»,⁶¹ Н. И. Коробки «Весенняя игра „Воротарь“ и песни о князе Романе»⁶² и некоторые другие. Помещение их в «Известиях» свидетельствует о том, что и это издание не отгораживалось от фольклорно-этнографических материалов. Но вместе с тем оно имело свое особое направление в разработке фольклорного наследия.

«Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», публикуя фольклорные материалы, главное внимание обращают на их поэтические достоинства и взаимосвязь фольклора с литературой. Именно эта сторона разработки проблемы фольклорного наследия составляет основную особенность историко-филологических исследований. В «Известиях» помещается целый ряд статей такого содержания, например работы Ф. Е. Корша «О русском народном стихосложении»,⁶³ А. Н. Веселовского по западной литературе и фольклору,⁶⁴ В. Н. Перетца по истории народной песни и русского стихосложения,⁶⁵ и др.

В конце XIX века появляются исследования, которые ставят перед собой задачу изучить литературную историю классических памятников народного творчества в их взаимосвязи с литературой. Таковы, например, работы И. Н. Жданова, посвященные вопросам изучения русского эпоса. В книге «Русский былевой эпос», вышедшей в 1896 году, он пишет: «Один из виднейших вопросов, вызванных изучением наших былин, — вопрос об их литературной истории, о первоначальном составе нашего эпоса и о тех изменениях, которые могли и должны были испытать исторические песни, прожившие несколько веков».⁶⁶ И. Н. Жданов мотивирует необходимость

⁶⁰ «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1900, кн. II, стр. 641—653.

⁶¹ Там же, кн. I, стр. 36—78.

⁶² Там же, 1899, кн. II, стр. 589—640.

⁶³ Там же, 1896, кн. I, стр. 1—42; 1897, кн. II, стр. 429—504.

⁶⁴ Укажем здесь следующие статьи А. Н. Веселовского: «Шведские баллады об увозе Соломоновой жены» (там же, 1896, кн. I, стр. 60—80), «Сказание о Вавилоне, скинии и св. Граале» (там же, кн. IV, стр. 647—694 и 1005—1008), «Где сложилась легенда о Граале?» (там же, 1900, кн. II, стр. 393—400).

⁶⁵ «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1897, кн. III, стр. 745—782.

⁶⁶ Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895, стр. V.

такого изучения историческим взаимовлиянием памятников литературы и фольклора. «Влияние историко-литературных течений, — пишет он, — могло значительно отклонить движение эпоса от его первоначального направления. Поэтому рядом с песнями, сложившимися на историко-бытовой основе и удерживающими эту основу и в позднейших пересказах, находим такие произведения эпической поэзии, в которых исторические воспоминания заменяются иным литературным материалом... При таком изучении выясняется живая связь, соединяющая былевой эпос с другими, параллельными ему течениями народного творчества, история былин не остается уединенной, а войдет в общую картину движения старо-русской поэзии».⁶⁷

Сформулированные в работе И. Н. Жданова положения типичны для поисков путей изучения памятников фольклора в их взаимоотношениях с литературой. Они основываются на методологических принципах, которые разрабатывает филологическая наука в изучении фольклорного наследства. Однако надо отметить, что в работах И. Н. Жданова эти принципы не выдерживались. Ю. М. Соколов писал, что Жданов сочетал теорию заимствования с исторической школой.⁶⁸ Иначе говоря, стремясь воссоздать литературную историю былин на русской исторической основе, Жданов не смог преодолеть до конца теорию заимствования, которая все еще продолжала сказываться в работах многих исследователей. Это накладывает сильный отпечаток на работу Жданова о народном эпосе. Будучи насыщена большим фактическим материалом, она содержит необоснованные утверждения о западном влиянии на развитие русского эпоса.⁶⁹

Преодоление теории заимствования, поиски новых путей для развития фольклористики, сочетающих принципы этнографического и филологического исследований, со всей определенностью сказываются в работах А. Н. Веселовского. Деятельность А. Н. Веселовского как исследователя фольклора достаточно освещена в советской науке. Научное наследие А. Н. Веселовского неоднократно привлекало внимание фольклористов. В 1930—1940-х годах интерес к нему перерастает в стремление представить А. Н. Веселовского как одного из последователей революционных демократов в русской науке.⁷⁰ В послевоенные годы, в ходе борьбы с космополитизмом и теорией единого потока, такая точка зрения вызывает резкую критику и полное осуждение трудов Веселовского.⁷¹ В настоящее время вновь пересматривается отношение к наследию Веселовского, о чем свидетельствуют статьи Н. К. Гудзия о Веселовском,⁷² а также материалы научной сессии, посвященной А. Н. Веселовскому, состоявшейся в ноябре 1956 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

⁶⁷ Там же, стр. VII.

⁶⁸ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1938, стр. 88.

⁶⁹ Таковы, например, главы книги, посвященные былинам о Василии Буслаевиче и сказанию о Роберте Дьяволе, и др.

⁷⁰ В области фольклористики такие тенденции сказались в работе М. К. Азадовского «Литературное наследие Веселовского и советская фольклористика» (Советский фольклор, № 7, 1941, стр. 3—30).

⁷¹ Резкою критике деятельность и труды А. Н. Веселовского были подвергнуты в редакционной статье («Против буржуазного литературоведения») газеты «Культура и жизнь» (1948, № 7 (62), 11 марта). Материалы дискуссии, развернувшейся вокруг наследия Веселовского, освещались в журнале «Октябрь», где были помещены статьи И. П. Дмитракова и М. Кузнецова, Н. Глаголева, В. Ф. Шишмарева (1947, № 12), В. Кирпогина (1948, № 1), а также на страницах других журналов и газет.

⁷² Н. К. Гудзий. 1) Забытые имена. «Литературная газета», 1956, № 139, 22 ноября; 2) О русском литературоведческом наследстве. «Вестник Московского университета, Историко-филологическая серия», № 1, 1957, стр. 128—140.

На сессии в числе других докладов был заслушан доклад В. Е. Гусева, посвященный проблемам изучения фольклора в наследии Веселовского.⁷³

Эти работы советских ученых свидетельствуют о том, что деятельность А. Н. Веселовского представляет сложное явление в истории фольклористики конца XIX—начала XX века.

Изучение трудов А. Н. Веселовского данного периода показывает, что в вопросах разработки традиций народного поэтического творчества он разделял основные положения эволюционистов. В. М. Жирмунский в статье, посвященной «Исторической поэтике» Веселовского, пишет, что «с Тайлора начинается знакомство Веселовского с классической буржуазной этнографией», что «Тайлору принадлежит столь существенная и для Веселовского идея изучения так называемых „переживаний“», что «историческая поэтика Веселовского, посвященная проблеме происхождения поэзии и построенная на огромном фольклорном и этнографическом материале, в значительной мере является поэтикой историко-этнографической».⁷⁴ Но труд этот отнюдь не является механическим претворением в фольклористике эволюционистской теории. А. Н. Веселовский работает над «Исторической поэтикой» в условиях, когда назревает кризис эволюционистского направления. Обращает на себя внимание, что он называет свою поэтику «исторической», что, как видно из изложенного выше, было совершенно неприемлемо для теории Э. Тайлора в период его работы над «Первобытной культурой». Последовательные эволюционисты противопоставляли эволюцию истории. А. Н. Веселовский стремится преодолеть эту ограниченность, что несомненно имело значение для разработки проблемы традиций народного поэтического творчества. В постановке этих вопросов А. Н. Веселовский идет значительно дальше Э. Тайлора и отнюдь не ограничивается теорией переживаний. Более того, можно с уверенностью сказать, что для разработки фольклорных традиций идея исторической поэтики имеет несравненно большее значение, чем учение о переживаниях, хотя бы уже потому, что она выдвигает задачу исследования роли фольклорных традиций в истории культуры и искусства на разных этапах исторического развития.

Однако так можно сказать о самой идее исторической поэтики, но отнюдь не о реализации ее в буржуазной фольклористике. Работая над исторической поэтикой, А. Н. Веселовский в изучении происхождения и развития искусства исходит из идеалистических предпосылок, противостоящих материалистическому пониманию этой проблемы. Следуя буржуазным социологам и позитивистам, он утверждает, что поэтическое искусство зарождается в процессе «синкретической игры», будучи вызвано требованиями «психофизического катарзиса».⁷⁵ В этой исходной предпосылке, как отмечает проф. В. М. Жирмунский, А. Н. Веселовский опирается на Г. Спенсера, который выдвигает теорию первобытного искусства как игры, служащей освобождению от „избытка сил“.⁷⁶ Теория Г. Спенсера, получившая широкое распространение в буржуазной фольклористике, противостояла материалистическому определению происхождения искусства, дан-

⁷³ В. Е. Гусев. 1) А. Н. Веселовский и проблемы фольклористики. «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», т. XVI, вып. 2, 1957, стр. 114—128; 2) Еще раз о наследии А. Н. Веселовского. «Литературная газета», 1957, № 11, 24 января.

⁷⁴ В. М. Жирмунский. Историческая поэтика А. Н. Веселовского. В кн.: А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. ГИХЛ, Л., 1940, стр. 15—16.

⁷⁵ Там же, стр. 201.

⁷⁶ Там же, стр. 625.

ному в работах К. Маркса и Ф. Энгельса и получившему разработку в русской науке в трудах Г. В. Плеханова.

Обращаясь к истории искусства на ранних стадиях его развития, А. Н. Веселовский полностью следует за эволюционистами. Материалистическое обоснование истории искусств, которое разрабатывалось в эти годы в науке, его не интересовало. Как позитивист, он увлекался описанием различных явлений в истории искусства, абстрагируя их от конкретно-исторической обстановки. В результате выработалась схема, что, в частности, и явилось одной из причин незавершенности «Исторической поэтики» А. Н. Веселовского.

Для изучения художественных традиций народного поэтического творчества большое значение имеет также разработка А. Н. Веселовским «поэтики сюжетов», составляющей неотъемлемую часть его исторической поэтики. Ощущая неудовлетворенность главами «Исторической поэтики», исследователь стремится «поэтикой сюжетов» восполнить разрыв с действительностью, наметившийся при изучении им истории поэзии. В опубликованных материалах по «поэтике сюжетов» А. Н. Веселовский рассматривает основные этапы в развитии первобытнообщинного строя как «бытовые основы сюжетности».⁷⁷ Однако, обращаясь к таким материалам, он остается на позициях буржуазной социологии и позитивизма. Это проявляется уже в самом определении сюжета и мотивов в виде схемы и формул, которые рассматриваются как «переживания старого в новых сочетаниях».⁷⁸ В результате этого сюжет превращается во внеисторическую категорию, что приводит к разрыву формы и содержания при изучении художественного произведения. Смысл «поэтики сюжетов», как пишет сам А. Н. Веселовский, сводится к изучению «явлений схематизма и повторяемости», которые должны утверждаться на всем протяжении истории поэзии.⁷⁹

Таким образом, методы, которым следовал А. Н. Веселовский в «Исторической поэтике», не могли дать желаемых результатов для изучения классических фольклорных традиций. Это особенно сказывалось в его работах по русскому классическому фольклору, написанных одновременно с работами по исторической поэтике. Н. К. Гудзий в названной выше статье указывает: «Веселовский в ряде своих экскурсов, в особенности в области русского народного творчества, обнаружил чрезмерное увлечение всякого рода сопоставлениями русского материала с материалом иноземным. Это приводило к голому компаративизму, часто не влекло за собой никаких положительных выводов, мало что давало для уяснения самой сути генезиса русского народного поэтического творчества. Порой даже неясно, идет ли у Веселовского речь о заимствованиях или просто о ничего не объясняющих фактах сходства тех или иных мотивов и ситуаций в русском фольклоре и фольклоре других народов».⁸⁰

Все это говорит о том, что А. Н. Веселовский, идя за эволюционистами, занимался подбором, «нанизыванием» фактов для заполнения определенных рядов в развитии поэзии. Это прослеживается и в его «Исторической поэтике» начиная с характеристики синкретизма и в его специальных работах по русскому фольклору. В 90-е годы прошлого века среди таких работ наиболее значительным является цикл статей, названный «Мелки-

⁷⁷ Там же, стр. 515.

⁷⁸ Там же, стр. 493.

⁷⁹ Там же, стр. 494.

⁸⁰ Н. К. Гудзий. Забытые имена, стр. 3.

заметки к былинам».⁸¹ Следуя избранному методу «нанизывания» фактов, А. Н. Веселовский приходит в этой работе к фактическому отрицанию самобытного национального характера русского эпоса. Рассматривая отдельные мотивы былин, он ищет параллели к ним в мировом фольклоре и литературе, подбирая таким образом факты определенного ряда в истории поэзии. Так методология эволюционистов приводит к отрицанию национальной самобытности, космополитизму и формализму в изучении поэзии.

Таковы некоторые черты, характеризующие концепцию А. Н. Веселовского в изучении фольклорного наследства. Для разработки проблемы традиций народного творчества самым существенным в его работах явилось рассмотрение значения фольклорного наследия в ходе исторического развития поэзии. Это нашло отражение в выдвинутой им идее исторической поэтики, давшей ему основание рассматривать всякое произведение искусства в неразрывной связи с фольклорными традициями.

Изучение классического наследства народной поэзии не могло, однако, ограничиться вопросами исторической поэтики. В конце XIX века проблема фольклорных традиций с особенной остротой ставится при разработке истории русского фольклора более близких к нам исторических эпох. Этнография как наука, включавшая в себя фольклористику, при всей широте исследуемого материала не охватывала этих эпох. Основное внимание этнографов-фольклористов сосредоточивалось на происхождении и развитии искусства в первобытном обществе и сохранении его в виде переживаний. Для изучения фольклора последующих эпох необходимо было обратиться к истории народов. Но вопросы изучения истории народов выходили за пределы этнографии, поскольку эволюционисты противопоставили историю этнографии, а сменившая их реакционная культурно-историческая школа пришла к отрицанию идеи прогресса и закономерностей развития человеческого общества. Таким образом, из области знания, органически связанной с историей, буржуазная этнография превращалась в дисциплину, противостоящую историческому изучению жизни народов.

Глубокие противоречия в развитии научного познания могли быть преодолены только на основе марксистско-ленинской теории. Марксизм-ленинизм рассматривает развитие общества как единый и закономерный исторический процесс, в котором смена общественно-экономических формаций в каждого народа происходит в результате смены и развития способа производства материальных благ. Решающая роль в производстве материальных благ принадлежит самим производителям, т. е. народным массам. Народ является творцом истории, творцом материальной и духовной культуры. Роль личности в процессе исторического развития культуры определяется умением воплотить в своей деятельности потребности общественного развития. В процессе развития общества начиная с рабовладельческой общественной экономической формации история народов становится историей борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами. С появлением классового общества классовая борьба пронизывает экономику, политику, идеологию. Народное поэтическое творчество, выражая идеологию трудящихся масс, становится идейным оружием в их борьбе с угнетателями. Сохраняя наследие прошлого, оно начинает обогащаться новыми произведениями, принимает качественно иной облик и иные черты. В условиях классового общества фольклор, являясь творчеством народа, становится одним из источников зарождения и развития литературы, музыки и других видов искусства.

⁸¹ «Журнал Министерства народного просвещения», 1889, май, стр. 31—36; 1890, март, стр. 1—55; 1896, август, стр. 235—277.

Значение его передовых традиций, сложившихся в обстановке непримиримой классовой борьбы, необычайно возрастает.

Историческое значение этих традиций оказывается чуждым буржуазной науке. Однако накопление фольклорных материалов, развитие революционно-демократической фольклористики и, наконец, научное, материалистическое освещение истории культуры марксистской наукой создают необходимые предпосылки для изучения фольклорных традиций позднейших эпох. Отношение к этой проблеме в буржуазной фольклористике развивается на основе официальной историографии и тех теорий, которые получают распространение в буржуазной исторической науке.

В обстановке идейной борьбы вокруг проблемы классического наследия народного поэтического творчества, развернувшейся в конце прошлого века, возникает ряд идеалистических теорий и направлений, среди которых наибольшую известность приобретает так называемая историческая школа, зародившаяся в этот период. Историческая школа, как уже отмечалось выше, исходит из тех же философских предпосылок позитивизма и неокантианства, что и другие идеалистические направления в этнографии; наиболее характерная черта ее — нигилизм в оценке творческой роли русского народа в истории и истории культуры. В период подъема революционного движения реакционная буржуазная наука пытается доказать, что народ не имеет культурных традиций, что он способен только разрушать, что на его долю остаются переживания, остатки отмирающей культуры господствующих классов общества. Эту общую тенденцию буржуазной науки конца прошлого века можно проследить в самых различных и, казалось бы, не имеющих ничего общего работах. Об этом пишет и будущий лидер кадетов П. Н. Милюков, отрицающий народный характер русской национальной культуры,⁸² к таким выводам приходит либеральное народничество, проповедуя теорию «героев» и «толпы», эти же тенденции выражает и реакционная фольклористика.

В разработке вопросов истории русского фольклора и эпоса историческая школа в фольклористике принимала в качестве отправных предпосылок взгляды так называемого государственного направления в русской исторической науке. Это направление возникло как реакция на обострение классовых противоречий в период революционной ситуации 60-х годов XIX века. Исходным положением для него явилось противопоставление и подчинение народа государству. Виднейшим представителем этого направления был Б. Н. Чичерин, который, обращаясь к изучению древнейшего периода русской истории, утверждал: «У нас княжеская власть сделалась единственным двигателем народной жизни, а вольная община исчезла перед нею, не оставив по себе и следа в истории».⁸³ Отстаивая взгляды реакционной дворянской историографии, Б. Н. Чичерин и другие представители государственной школы придавали особое значение государственной власти и полностью игнорировали историческую роль народа и классовую борьбу. С этих позиций оценивались все явления исторической и культурной жизни народа начиная с древнейшего периода. В конечном итоге, по мнению Б. Н. Чичерина, сила русского государства коренится в слабости народных сил. Эта антинаучная концепция, которую разделяли также известный этнограф и историк К. Д. Кавелин и ряд других буржуазных этнографов, приобрела особенно реакционные черты в историографии конца прошлого века. Она вела к отрицанию закономерности исторического про-

⁸² П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2. СПб., 1897.

⁸³ Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права. М., 1858, стр. 10—11.

цесса, к преклонению перед единичными фактами и именами. На это именно и опирается историческая школа.

Историческая школа создается не сразу. Она возникает по мере распространения в буржуазной фольклористике охарактеризованных выше «теорий» государственной школы и подобных им реакционных взглядов. Одним из виднейших представителей буржуазной фольклористики конца прошлого века, стремившихся опираться на реакционные теории буржуазно-дворянской историографии, явился В. Ф. Миллер. Деятельность В. Ф. Миллера, как и других буржуазных исследователей, была противоречивой. Занимаясь изучением русского эпоса, он стремился использовать для этой цели материалы древнерусской литературы и обобщить все известные данные о бытовании эпоса. Но, осуществляя в течение многих лет эту работу, В. Ф. Миллер обосновывал свои взгляды, прибегая к реакционной историографии, к трудам Б. Н. Чичерина и его последователей. Деятельность В. Ф. Миллера и противоречивость его концепций как исследователя фольклора и русского эпоса в особенности получила всестороннее освещение в советской науке. Реакционная сущность взглядов В. Ф. Миллера как одного из основателей исторической школы отмечалась в советской печати при обсуждении пьесы Д. Бедного «Богатыри», поставленной Камерным театром.⁸⁴ Критическому анализу его концепция подверглась на научной сессии, организованной Институтом этнографии Академии наук СССР в 1937 году,⁸⁵ и впоследствии в работах Ю. М. Соколова, М. К. Азадовского, А. М. Астаховой, Е. В. Гиппиуса и В. И. Чичерова.⁸⁶

За последние годы концепция исторической школы, и в том числе взгляды В. Ф. Миллера, получила критическую оценку в исследованиях А. М. Астаховой «Русский былинный эпос на Севере», В. Я. Проппа «Русский героический эпос», в коллективном труде «Русское народное поэтическое творчество», изданном Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, а также в рецензии на I том этого труда, написанной В. И. Чичеровым.⁸⁷ Список специальной научной литературы, в которой подвергались критике работы В. Ф. Миллера, можно значительно увеличить, если обратиться к истории науки. Так, например, из более ранних работ необходимо назвать книгу А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин», в которой содержится критика концепции В. Ф. Миллера.⁸⁸

Для постановки проблемы традиций народного поэтического творчества в фольклористике конца прошлого века и определения новых путей их исследования несомненно имело значение обобщение В. Ф. Миллером дан-

⁸⁴ См. сб. «Против фальсификации народного прошлого». Изд. «Искусство», М., 1937.

⁸⁵ См. стенограмму сессии в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, р. V.

⁸⁶ Ю. М. Соколов. Русский былинный эпос. «Литературный критик», 1937, № 9, стр. 171—196; М. К. Азадовский. Советская фольклористика за 20 лет. «Советский фольклор», 1937, № 6, стр. 3—53; А. М. Астахова. Былинное творчество северных крестьян. В кн.: Былины Севера, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 7—105; Е. В. Гиппиус и В. И. Чичеров. Советская фольклористика за 30 лет. «Советская этнография», 1947, № 4, стр. 29—51.

⁸⁷ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948; В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. ЛГУ, 1955; Русское народное поэтическое творчество, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953; т. II, кн. 1, 1955; т. II, кн. 2, 1956; В. И. Чичеров. Русское народное поэтическое творчество, т. I, 1953. «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка», т. III, вып. 3, 1954, стр. 293—297.

⁸⁸ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Саратов, 1924.

ных о бытовании классического эпоса в конце XIX и начале XX века и рассмотрение материалов, которые раскрывают взаимосвязь эпоса с древнерусской литературой. Такие вопросы нашли освещение в основном труде В. Ф. Миллера по фольклору «Очерки русской народной словесности» (т. I). Изучению современного состояния эпоса, его бытованию В. Ф. Миллер уделяет здесь довольно большое внимание. Более четверти I тома его «Очерков» посвящено вопросам географического распространения былин, состоянию эпической поэзии в Олонецкой губ., новым материалам, записанным в Якутии (записи В. Г. Тана-Богораза), и, наконец, вопросу о профессиональных певцах-сказителях былин. Эти разделы «Очерков» впервые обобщили данные и материалы, характеризующие состояние эпической поэзии во второй половине XIX века. Многие из того, что было отмечено В. Ф. Миллером, не потеряло значения и до настоящего времени. Однако следует отметить, что и в этой наиболее интересной части «Очерков» отчетливо выступает противоречивость концепции В. Ф. Миллера как одного из идеологов исторической школы. Особенно ярко это сказывается в главе «Русская былина, ее слагатели и исполнители». Собрав для этой главы большой материал о скоморохах, сказителях, певцах былин, В. Ф. Миллер пытается доказать, что былины созданы профессиональными певцами-гуслирами, искусство которых противостоит народному творчеству. Подобные тенденции проявляются и в других главах «Очерков». Они показывают, что исследователь шел по пути отрицания творческой роли народа в истории культуры.

В отношении анализа текстов былин «Очерки» В. Ф. Миллера совершенно устарели. Однако для изучения традиций народного поэтического творчества попытки классификации текстов былин по степени разработанности сюжета, а также использование для изучения былинных текстов преданий и сказок имеют определенное значение. В этой же связи известный интерес представляет сопоставление былин с древнерусской литературой, в частности с русскими летописями. Правда, здесь В. Ф. Миллер идет по проторенной дорожке. Но несомненно он вносит и много нового в сопоставление былин с памятниками литературы. Таковы, например, его попытки найти параллели в русских летописях к былинам о Садко, Добрыне, Ставре Гоудиновиче и др. И хотя эти попытки оказывались не всегда достаточно обоснованными, они знаменовали собой определенную веху в разработке взаимосвязи былевого эпоса с древнерусской литературой. Таким образом, важнейшей заслугой В. Ф. Миллера явилось последовательное расширение рамок исследуемого материала до позднейших эпох или, как он сам писал, изучение «истории былин и отражение истории в былинах, начиная не от времен доисторических, не снизу, а сверху».⁸⁹

Но было бы неверно думать, что это положение, выдвинутое В. Ф. Миллером, изменяло методологию изучения эпоса и фольклора вообще. Выше уже отмечалось, что представители исторической школы, в том числе В. Ф. Миллер, не только не оспаривали, но и разделяли взгляды эволюционистов на происхождение и развитие искусства в доисторические эпохи, принимая и учение о переживаниях. Для В. Ф. Миллера и его коллег была близка и теория культурно-исторической школы в этнографии, утверждавшая, что возникновение новых культур является результатом смещения мигрирующих культурных явлений.

Историческая школа была названа так потому, что ее представители, и в том числе В. Ф. Миллер, обратились к изучению фольклора истори-

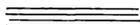
⁸⁹ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, стр. IV.

ческих эпох. Но подлинного историзма в исследовании классического фольклорного наследия у В. Ф. Миллера не было, поэтому ни он, ни его последователи не могли создать и не создали истории фольклора и эпоса.

Основной методологической ошибкой В. Ф. Миллера и других представителей исторической школы явилось то, что в своих исследованиях они шли не от исторической действительности к былине, как того требует материалистическая наука, а от былины к действительности. В этом они ничем не отличались от мифологов, сторонников теории заимствования, и от представителей прочих идеалистических направлений в фольклористике. В центре внимания представителей всех этих направлений находится сюжет былины, который истолковывается ими на все лады в зависимости от того, какой материал для такого толкования использовался. Среди многочисленных сторонников исторической школы произвол в толковании той или иной былины был необычайный. Существует столько же теорий происхождения того или иного сюжета, сколько было исследователей, писавших о нем. Так, например, былина о Василии Буслаевиче истолковывалась и как отражение новгородского ушкуйничества, и как пересказ западноевропейской легенды о Роберте-Дьяволе, и даже как памфлет на Ивана Грозного.

Подлинный историзм предполагает раскрытие конкретно-исторических условий, которые могут показать причины возникновения народного эпоса как явления, свойственного не только русскому, но и другим народам на определенной стадии их общественно-экономического и культурного развития. Материалы археологии, этнографии и истории уже в конце XIX века давали возможность наметить пути такого изучения. Данные об общественном строе и культуре древнего общества, добытые Л. Морганом, Э. Тайлором, а также русскими исследователями, в том числе ближайшим сотрудником В. Ф. Миллера — М. М. Ковалевским, содержали необходимые сведения о самых ранних стадиях общественного развития. Работы русских историков В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева и др., посвященные истории феодализма в России, содержали огромные материалы, раскрывающие культуру и идеологию феодальной эпохи. Но они не были использованы В. Ф. Миллером и его ближайшими сотрудниками и последователями. В сущности, работа В. Ф. Миллера, как и многих его последователей, была замкнута в довольно узком кругу явлений историко-филологического и фольклорного характера.

Материалы, рассмотренные в данной статье, далеко не исчерпывают всех вопросов изучения классического наследия народного творчества в фольклористике конца XIX века. Для всестороннего освещения этих вопросов требуется специальное исследование, в котором должна быть показана деятельность научных организаций не только в центре, но и на местах, вопросы собирательской работы и т. д. Однако и те данные, которые приводятся здесь, показывают, какой широкий размах приобретает научно-исследовательская работа в области происхождения фольклора, изучения его развития в последующие исторические эпохи и определения значения фольклорного наследия в истории русской национальной культуры.

И. С. ЭВЕНТОВ

М. И. КАЛИНИН О НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Михаил Иванович Калинин был выдающимся советским государственным деятелем, одним из старейших участников коммунистического движения в России. Выходец из народа, прошедший большую школу революционной борьбы, Михаил Иванович знал многие произведения народного творчества, бытовавшие среди крестьян, рабочих, ссыльных революционеров, участников марксистских кружков.

В. И. Ленин, выдвигая М. И. Калинина на пост руководителя верховного органа Советского государства, особенно подчеркнул его органическую связь с жизнью народа.

«Этo товарищ, — сказал Владимир Ильич, — за которым около двадцати лет партийной работы; сам он крестьянин Тверской губернии, имеющий тесную связь с крестьянским хозяйством и постоянно обновляющий и освежающий эту связь. Петроградские рабочие сумели убедиться, что он обладает умением подходить к широким слоям трудящихся масс, когда у них нет партийной подготовки...».¹

В поле деятельности всесоюзного старосты находились самые разнообразные вопросы государственной, хозяйственной и культурной жизни страны. Целый ряд его высказываний посвящен проблемам социалистической культуры. В трактовке этих вопросов М. И. Калинин был верным проводником ленинских идей, пропагандистом партийной политики. Естественно, что видное место в системе этих высказываний занимали мысли о демократической сущности и природе искусства, о народности литературы, о взаимозависимости между творчеством художника и жизнью народа.

Мысли эти конкретизированы в словах М. И. Калинина о том, что «наша художественная литература, музыка, живопись, театр и вообще наша художественная мысль в лице лучших представителей никогда не забывала свою служебную роль по отношению к народу».²

Говоря о социалистической культуре, М. И. Калинин подчеркивал, что «у нас деятели искусств получают оценку своих творений со стороны народа», что «наше искусство служит народу, должно ему служить», что «в наших условиях связь искусства с народом гигантски возрастает».³

Мысли эти отразились и в суждениях М. И. Калинина непосредственно о фольклоре как источнике поэтических богатств народа, о зависимости искусства, поэзии, литературы от народного творчества. «Самые дарови-

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 210.

² М. И. Калинин. О задачах советской интеллигенции. М., 1939, стр. 55.

³ М. И. Калинин. О вопросах социалистической культуры. М., 1938, стр. 50—51.

тые поэты, — утверждал Михаил Иванович, — самые талантливые композиторы становились гениями в своем творчестве только тогда, когда они соприкасались с народным творчеством, когда они обращались к его истокам. Вне этого нет гениальных людей».⁴

При встрече с деятелями грузинского искусства, выразив пожелание, «чтобы их творческие силы росли, как цветы, на самой благоприятной почве, и росли непрерывно», всесоюзный староста добавил: «А чтобы они так росли, надо опираться в своей работе на творчество народа, черпать силы из народного творчества. Если грузинская опера и балет, грузинская драма будут находить корни в народном творчестве, их дальнейший расцвет и подъем обеспечены».⁵

Развитие массового народного творчества Калинин считал необходимым условием роста и формирования крупных художественных индивидуально-стей.

«Талант, конечно, в значительной степени — врожденное качество, — говорил он работникам Большого театра Союза ССР, — некоторые зачатки талантливости человек получает при самом рождении. Но помимо этого, главное и основное — это среда, как прежде говорили, окружение, это бурная жизнь, это творчество народных масс. Чем больше музыкальное творчество будет прививаться народу, чем больше людей будет участвовать в этом творчестве, тем, по простой теории вероятности, скорее появятся музыкальные гении. Сколько гениев пропало впустую в прежнее время! У людей были врожденные качества для гениальной работы, но обстановка душила проявления гения. У нас условия совсем иные. Мы стремимся и должны растить, развивать, выявлять эти таланты».⁶

Подчеркивая роль фольклора в эстетическом развитии общества, М. И. Калинин в то же время отмечал, что далеко не каждая историческая эпоха способствовала развитию народного творчества, особенно его монументально-героических форм. Еще Маркс указывал, что капиталистическое производство враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия, и решительно отвергал возможность возрождения эпоса в условиях капитализма.⁷ Между тем в социалистическую эпоху, как замечал М. И. Калинин, открывается широкий простор для развития эпоса.

«Великая пролетарская революция, — говорил он на собрании партийного актива Москвы 2 октября 1940 г., — не только произвела огромные разрушения, но и положила начало невиданной созидательной работе. Вместе с тем она прошла могучим очистительным ураганом в головах десятков миллионов людей, вселив в них бодрость и веру в собственные силы. Теперь они почувствовали себя богатырями, способными победить весь мир, враждебный трудовым массам.

«И вот зародился уже советский эпос, который воссоединил линию народного творчества далекого прошлого и нашей эпохи, оборванную капитализмом, который враждебен этой отрасли духовного производства. Развернувшийся процесс социалистического преобразования общества выдвинул множество богатых и увлекательных тем, достойных кисти великих художников». По словам М. И. Калинина, народ уже создает отдельные зарисовки для эпико-героических произведений о великой эпохе и ее великих героях.

⁴ Там же.

⁵ М. И. Калинин. Статьи и речи. 1936—1937. М., 1938, стр. 42.

⁶ Там же, стр. 65.

⁷ См.: К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I. М., 1931, стр. 247.

От народа же не должны отставать наши талантливые литераторы и художники. «Ведь никогда еще не было для них столько и такого благодарного материала, как в нашу эпоху. Только теперь они имеют неограниченную возможность служить своему народу и внедрять в массы глубокие чувства патриотизма на основе великих деяний современных поколений».⁸

Эти слова важны для понимания основных закономерностей развития народного эпоса, да и устного творчества вообще. Только в нашем обществе этой области искусства возвращаются условия, которые были у нее отняты капитализмом, и создаются такие условия, которых не могло быть ни в одну из минувших эпох. Поэтому мы являемся свидетелями небывалого размаха народного творчества в нашей стране. М. И. Калинин отмечал эту особенность неоднократно.

«Велико и многогранно творчество народов СССР, — писал он в 1937 году. — В науке, технике, искусствах — всюду небывалый расцвет культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Творчество народов СССР особенно ярко проявилось в народной песне, в создании огромного количества народных хоров, оркестров, самодеятельных театральных кружков. Почти все национальные республики имеют свои государственные театры. . .

«В песнях, постановках национальных театров Казахстана, Узбекистана, Армении и др., в музыке, в народном творчестве народы, как бы вырвавшиеся из темного каземата в лучи яркого солнца свободной страны, с огромной силой проявляют свои таланты, воспевая радость свободной жизни».⁹

Значение этого явления тем более велико, что оно охватывает область жизни и творчества многих народностей, каждая из которых является носителем особых, исторически сложившихся национальных традиций.

Еще в 1925 году, открывая сессию ЦИК СССР, М. И. Калинин выразил убеждение в том, что развитие национальной политики будет всемерно способствовать росту культуры народов СССР. «Как во всех других вопросах нашей политики, — сказал председатель ЦИК СССР, — так и здесь мудрость, проявляемая народами, и удивительная гибкость, неисчислимый запас творческих сил, которые есть в народах и которые в трудные моменты всегда являются на помощь Советскому государству, дадут возможность изжить полностью трудные моменты и найти те формы, которые обеспечили бы, с одной стороны, могущество Советского Союза, а с другой — не тормозили бы, не мешали бы народному творчеству, развитию особенностей народов, населяющих Советский Союз, их национальной культуре и т. д.»¹⁰

Осуществление ленинских принципов национальной политики, развитие советской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, послужило залогом того расцвета народного творчества, который Калинин отмечал в приводимых выше работах.¹¹

⁸ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1941, стр. 17—18.

⁹ М. И. Калинин. Что дала советская власть трудящимся. В кн.: Статьи и речи. 1936—1937, стр. 128—129. В этой работе, помимо приведенных замечаний, содержится особая глава под названием «Подъем народного творчества».

¹⁰ М. И. Калинин. Статьи и речи. 1919—1935, М., 1936, стр. 171.

¹¹ См. также доклад М. И. Калинина на торжественном заседании Московского совета к XV-летию Великой Октябрьской социалистической революции («Правда», 1932, 10 ноября), речь при награждении деятелей искусств Узбекской ССР (Статьи и речи. 1936—1937, стр. 70) и речь на Тбилисском общегородском собрании представителей интеллигенции 27 мая 1940 года («Заря Востока», 1940, 29 июня).

Большой интерес проявил М. И. Калинин к классическому наследию русской литературы и народного творчества. Его высказывания о традиционном фольклоре заслуживают особо пристального внимания. В них содержатся ценные мысли о познавательном и художественном значении фольклора, о различных исторических наслоениях в нем.

Обращаясь к истокам народного творчества, М. И. Калинин подчеркивал прежде всего взаимосвязь труда и песни. Он рассматривал художественное совершенство песни как результат многолетнего коллективного творчества. Эти суждения М. И. Калинина близки к мыслям М. Горького о происхождении устной поэзии.

«Песни действительно великих поэтов, — говорил Михаил Иванович, — народ поет, не может не петь в силу своей музыкальности. А почему народ музыкален? Потому, что музыка есть один из могучих факторов увеличения производительности труда. Возьмите народные напевы, — все они связаны с трудом. Возьмите пляску народную, мы ею все восхищаемся, — народ, отбирая лучшее, показывает трудовые процессы в пластической форме. И песни и пляски создавались народом на протяжении десятилетий и даже столетий, народ оставлял в них только самое ценное, бесконечно совершенствовал и доводил до законченной формы. Ни один великий человек не может за свой короткий век проделать такой работы, — это доступно только народу. Народ является и творцом и хранителем ценного».¹²

В основе русской песенной лирики, по словам М. И. Калинина, лежит «музыка души», «глубина переживания». «Почему наши русские песни так хватают за сердце? — спрашивал он. — Потому, что страдания свои, печали и горести или свое веселье люди выливали от всей полноты чувства».¹³

М. И. Калинин считал, что при оценке памятников народного творчества нужно учитывать те исторические напластования, в которых отразились не только сильные, но и слабые стороны общественного сознания. Эти отсталые, пережиточные элементы народного творчества мы находим, например, в обрядовой поэзии с ее архаическими мотивами. В речи на VIII съезде ВЛКСМ 13 мая 1928 года, говоря о пережитках прошлого в быту, Михаил Иванович сослался на примеры широкого бытования дохристианской языческой обрядности и фольклора:

«Достаточно вам припомнить, что вот до сих пор еще в крестьянстве празднуется масленица, зажигают костры, поют песни, прыгают через костры. Ведь масленица была праздником весны до введения христианства в России. Это был обряд дохристианского населения в России. Прошло тысячелетие, изменилась совершенно Россия, социальные огромные перемещения произошли после этого, а бытовая сторона еще осталась как бы застывшей».¹⁴

Значительный интерес в связи с изучением социального генезиса фольклора представляет характеристика, данная М. И. Калининым «Плачу холопов», сложенному безымянным крепостным поэтом и известному по одной из публикаций 90-х годов прошлого века.¹⁵ Привлекая это произведение

¹² М. И. Калинин. О вопросах социалистической культуры, стр. 51. По убеждению Горького, устное творчество на ранних стадиях своего развития отражало стремление «древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов» (М. Горький. Литературно-критические статьи. М., 1937, стр. 633).

¹³ Цитируется по воспоминаниям Ф. Гладкова о М. И. Калинине («Новый мир», 1946, № 7—8, стр. 189).

¹⁴ М. И. Калинин. О молодежи. М., 1940, стр. 70.

¹⁵ См.: «Почин. Сборник Общества любителей российской словесности на 1895 год». М., 1895, стр. 11—14. Публикации предпослана заметка Н. С. Тихонравова:

для иллюстрации мысли о «сплошных невыразимых страданиях» крестьянства при крепостничестве и цитируя из него 30 строк,¹⁶ М. И. Калинин замечает: «Трудно указать в литературе более реалистическое описание прошлой жизни крестьян, чем то, которое дали сами крестьяне в своем „Плаче холопов“; следовало бы его напечатать в крестьянских газетах полностью и хранить в красных уголках для крестьянской молодежи.

«Могут возразить, что ведь эта песня-плач пелась в восемнадцатом столетии, а мы, слава богам, живем в двадцатом.

«К сожалению, такое возражение имеет лишь формальное значение. Крепостное право отменено с небольшим полсотни лет назад; наши отцы еще испытывали всю его прелесть на себе. . .

«Попробуйте перевести эту песню на языки индусов, негров, малайцев и т. д., и можно быть уверенными, они найдут в ней многие и многие черты собственного быта».¹⁷

Высоко оценивая познавательный смысл этого произведения, М. И. Калинин, прежде чем цитировать его, предупреждал, однако, что во многих произведениях подобного рода «лежит известная доля сентиментальности (слащавости)», что им «не чужды розовые краски», но, что тем не менее «они дают ценнейший материал». Не исключено предположение, что часть этих упреков может быть отнесена не к сочинителям, а к собирателям этих произведений, поскольку в данном случае речь идет о произведении народной поэзии, дошедшем до нас через старинные рукописные сборники, где оно могло подвергнуться известной деформации. Но и в этом случае предупреждение Михаила Ивановича очень важно для понимания тех наслоений, которые мы встречаем в памятниках устного творчества.

Народ наш, по словам М. И. Калинина, является восприимчиком всех лучших традиций фольклора и прежде всего его богатейших патриотических традиций.

«С каким восторгом раскованные народы восстанавливают в памяти образы своих эпических и исторических героев. Они отображают их в своих лучших художественных произведениях, которые везут на показ в Москву — сердце советских республик, где каждый из них хочет как бы сказать всем народам СССР: смотрите, я являюсь не из чьей-то милости членом великого союза народов, я не человек без роду и племени, — вот моя родословная, которой я горжусь, и хочу, чтобы и вы, мои братья по труду и по защите лучших идеалов человечества, полюбовались моей родословной!». М. И. Калинин делает вывод о том, что «советский патриотизм берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса; он впитывает в себя все лучшее, созданное народом, и считает величайшей честью беречь все его достижения».¹⁸

В другом месте, призывая воспитывать в сознании воинов советский патриотизм, Михаил Иванович предлагал: «... напоминайте каждому бойцу о героических традициях его народа, о его прекрасном эпосе, литературе,

«В одном из рукописных сборников, состав которого превосходно характеризует вкус читателей среднего сословия в XVIII веке, мы нашли стихотворение, ниже помещаемое. В нем не следует искать каких-либо достоинств стиха, но поражает глубина и искренность чувства, коим оно внушено. Это в полном смысле слова плач холопов прошлого века, и такое заглавие я решился дать этому беззаглавному и анонимному произведению. Стихотворение написано около 1767 г.»

¹⁶ См. публикацию этих строк в составленной мною книге: М. И. Калинин о литературе. Сборник статей и высказываний. Л., 1949, стр. 197.

¹⁷ М. И. Калинин. За эти годы, кн. 3. М.—Л., 1929, стр. 415—416.

¹⁸ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. М., 1941, стр. 17.

о великих людях — полководцах и военачальниках, о борцах за освобождение народных масс».¹⁹

Таким образом, народный эпос способствует развитию нашего гражданского самосознания, воспитанию патриотических чувств.

Но далее М. И. Калинин говорил о рождении нового, советского эпоса, который, как уже было сказано, «воссоединил линию народного творчества далекого прошлого и нашей эпохи», линию, «оборванную капитализмом». Тезис о первостепенном значении монументально-героических форм в нашем фольклоре стоит в центре всех высказываний М. И. Калинина о народном творчестве. В чем видит источник этих новых эпических форм? В героике советских людей, в гигантском размахе их созидательной работы, в исполинском величии революции. Не случайно в высказываниях М. И. Калинина встречаются былинные образы и сравнения, имеющие целью подчеркнуть легендарно-эпический характер подвигов, совершаемых нашим народом.

«Кто же в действительности сможет вывести нас из разрухи, кто может вывести Россию из нынешнего тяжелого экономического состояния? — спрашивал М. И. Калинин в 1921 году в речи о переходе к новой экономической политике. — Где этот Илья Муромец, который мог бы своей силой улучшить нашу жизнь? .. сила — единственная, которая может противостоять буржуазному натиску, это — тот класс, который и стоит в настоящий момент у власти: рабочие, руководимые Коммунистической партией и крепкие своим союзом с крестьянами».²⁰

О русских богатырях М. И. Калинин напомнил и в речи на открытии юбилейной сессии ЦИК СССР в октябре 1927 года. Говоря о преследованиях, которым подвергали царские власти питерских большевиков, Михаил Иванович заметил: «Как у сказочного богатыря на месте одной срубленной головы выростали две, — здесь будет уместно это сравнение, — так и на месте одного вырванного отряда большевиков на заводах выростали новые группы: в недрах ленинградского пролетариата на протяжении десятилетий никогда не прерывали свою деятельность в старом большевистском подполье комитеты партии».²¹

Наконец, в уже известных нам строках о советском эпосе содержится указание на то, что миллионы наших людей под влиянием преобразующей и созидательной силы революции «почувствовали себя богатырями, способными победить весь мир, враждебный трудовым массам».

Итак, для нашего времени характерен новый эпос, который призван реалистическими средствами отразить величайшие события современности и запечатлеть образы выдающихся народных героев. Чрезвычайно характерна в этой связи ссыла на то, что величие Ленина и глубина его воздействия на строй жизни и мышление советского человека могут быть достойно отражены в народно-песенных произведениях.

«Что я могу сказать об Ильиче? — говорил Михаил Иванович на траурном заседании в первую годовщину смерти Ленина. — Я могу дать одну стомиллионную его частицу, имеющуюся у каждого из нас — в этом ведь ценность Ленина, что в каждом из нас находится его частица. И вот теперь, в этот день каждый хочет найти эту свою идеальную частицу своего я, которая связывает с Лениным. Конечно, товарищи, это одна из

¹⁹ М. И. Калинин. Единая боевая семья. «Спутник агитатора», 1943, № 15—16, стр. 9.

²⁰ М. И. Калинин. За эти годы, кн. 2. М.—Л., 1926, стр. 111.

²¹ М. И. Калинин. Статьи и речи. 1919—1935. М., 1936, стр. 242.

труднейших задач, и поэтому ни один оратор не может удовлетворить аудиторию. Здесь может удовлетворить только музыка или народная песня».²²

М. И. Калинин указывал, что в эпоху социализма существенно меняется соотношение между литературой и фольклором. Их сближению способствует изменение типа художника, определяемое, с одной стороны, вхождением в литературу талантливых представителей народной поэзии и, с другой стороны, неразрывной связью профессиональных художников с народом. «При советском строе, — констатировал Михаил Иванович, — получили широкое распространение произведения народных певцов, поэтов, сказителей: Джамбула, Токтогула Сатылганова, Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Феклы Беззубовой, Марфы Крюковой».²³ «У нас художник, — говорил всесоюзный староста в другом месте, — чтобы стать великим, должен пойти в народ; если его произведения не захватывают десятки тысяч людей, он останется незаметным».²⁴

Наконец, художественная литература повседневно черпает поэтические образы и приемы из произведений фольклора, в то время как сама оказывает идейное и эстетическое воздействие на развитие народного творчества, на рост культуры и самосознания масс.

Таковы важнейшие мысли М. И. Калинина о путях развития народного творчества.

Произведениями фольклора М. И. Калинин довольно часто пользовался в своей публицистике.

В некоторых случаях заимствования из фольклора преследовали в его работе иллюстративные цели. Так, например, для характеристики возросших бытовых запросов крестьян М. И. Калинин в докладе на IV съезде Советов СССР (в 1927 году) приводил бытующую в деревне частушку:

Надоели лапти ножкам:
Из лаптей торчит солома,
Ножки тянутся к сапожкам
Из шевра али из хрома.

Тяга к хромовым сапожкам, поясняет Михаил Иванович, заставляет крестьянина поднимать культуру земледелия, улучшать сельское хозяйство, повышать его товарность, рассчитывать при этом не на свой замкнутый двор, а на ту помощь и тот размах, который способна дать лишь сельскохозяйственная кооперация.

По словам Михаила Ивановича, эта «новая маленькая частушка... выражает потребности крестьянина лучше, чем все статьи».²⁵

Произведения фольклора часто привлекались им для наглядного выражения мысли, для того, чтобы приблизить ее к слушателю, к простому читателю. В этом отношении характерно использование М. И. Калининым пословиц в беседах и речах. Пословица, по словам Даля, «„коротенькая притча“... Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословицы — обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми».²⁶ Именно эти особенности пословицы — ее разумный дидактизм, убедительность и популярность — ис-

²² «Правда», 1925, 24 января.

²³ М. И. Калинин. О моральном облике нашего народа. М., 1945, стр. 15.

²⁴ М. И. Калинин. О задачах советской интеллигенции, стр. 67.

²⁵ М. И. Калинин. Статьи и речи. 1919—1925, стр. 226.

²⁶ В. Даль. Пословицы русского народа. Гослитиздат, М., 1957, стр. 18.

пользует М. И. Калинин, прилагая пословицу «к делу», т. е. вплетая ее в свою речь как народную притчу, помогающую раскрыть определенную мысль.

Важно отметить, что при этом пословица не только иллюстрирует мысль, но и сама приобретает необычный смысловой оттенок, наполняясь новым жизненным содержанием и становясь политически актуальной.

Один из случаев использования пословицы в политической практике приведен в воспоминании Михаила Ивановича о первых днях Советской власти, когда он был избран городским головой Петрограда.

«Вместе с тов. Мануильским мы пришли в зал заседаний Петроградской управы, где происходило заседание старой Управы. Там был эсеровский цвет во главе с Шрейдером. Говорят, „долг обязывает“, и я, исполняя долг, возложенный на меня питерскими рабочими, по возможности внушительно заявляю:

«„Я, избранный на основании всеобщего равного и проч. и проч. петербургским головою, прошу вас сложить свои полномочия и оставить помещение“.

«В ответ посыпалось общее громкое „ха-ха-ха!“ „Смотрите, смотрите, городской голова, какой городской голова! Ха-ха-ха!“

«Признаться, я себя чувствовал примерно так же, как в своей юности перед камердинерами.²⁷ В ответ нашелся лишь сказать:

«„Уважаемые господа, вы рано смеетесь. Пословица говорит: «Хорошо смеяться последнему». А вы засмеялись первыми“».²⁸

Эта чрезвычайно ходовая, почти стершаяся пословица, имеющая устойчивое житейское содержание, приобрела звучание исторического приговора в устах представителя революционного класса, явившегося ликвидировать старую власть.

Другой пример наполнения старой пословицы новым политическим содержанием находим в речи М. И. Калинина, произнесенной на митинге военнопленных колчаковцев в г. Оренбурге 20 сентября 1919 года. Но если в приведенном выше случае правоучительная пословица получила в устах Михаила Ивановича сатирическое звучание, то здесь обычная констатирующая и обобщающая формула пословичного речения прозвучала патетически. Призывая обманутых врагами трудовых казаков принять смертный бой с белогвардейцами и тем самым смыть свой вчерашний позор, Калинин сказал: «... только тот человек, который тесно сплотился со своим народом, который с этим народом делит горе и радость, только такой человек будет счастлив и такой человек не задумается сложить свои кости в общей братской могиле.

«Вы помните русскую пословицу: „На народе и смерть красна“. Я не знаю, есть ли у вас, казаков, эта пословица, но мы, русские, согласны с этой пословицей. Мы говорим, что в тысячу раз лучше быть убитым и лежать в общей могиле, чем быть лакеями чужеземного империализма».²⁹

Заметим при этом, что пословица в новом контексте не только не теряет своего дидактического оттенка, но значительно усиливает его, переводя дидактику в разряд серьезных политических уроков, даваемых всем ходом современной борьбы.

²⁷ Имеется в виду период службы М. И. Калинина «в людях» при его первом приезде в Петербург (конец 80-х годов). И. Э.

²⁸ М. И. Калинин. Разговор по душам (русской эмиграции). «Известия», 1923, 8 июня.

²⁹ М. И. Калинин. За эти годы, кн. 2, стр. 37.

Примером актуализации пословичного фольклора может служить употребление его в следующем контексте (цитируем работу М. И. Калинина о 20-летнем пути комсомола):

«Присущие молодежи черты подвергаются сильнейшему влиянию окружающей среды. Народ это отметил поговоркой: „С кем поведешься, от того и наберешься“. Классовая принадлежность, как правило, кладет свой отпечаток на характер человека, на его поступки, на его отношение к людям, и потому на окружающую обстановку он смотрит через призму интересов своего класса».³⁰

В ряде случаев пословицы используются М. И. Калининым в их прямом назначении: сохраняется традиционное содержание пословицы, ее общепринятый смысл. Так, в беседе с крестьянами Мордовской волости Усманьского уезда Тамбовской губ. в 1919 году на вопрос крестьян о том, как поступать в тех случаях, когда хлеб выбивает градом, председатель ВЦИК ответил пословицей: «В большой семье хлеба найдется».³¹ Или на митинге в Нальчике 18 мая 1923 года, соглашаясь с мнением большинства и отвергая противоположное мнение незначительной части собравшихся, Михаил Иванович сказал: «Одна ласточка весны не делает».³² В одной из статей 1936 года читаем: «Работникам печати много дано — они облечены огромным доверием партии, они представляют и формируют общественное мнение нашей великой страны, население которой реагирует исключительно восприимчиво на каждое выступление газеты. А кому много дано, говорит старая пословица, с того много и спрашивается».³³ Во всех этих случаях пословица используется в своем устоявшемся смысловом содержании.

Большой интерес представляет использование пословиц, сопровождаемое варьированием их традиционного текста. Даль заметил, что «каждая пословица говорится на несколько ладов, особенно в случае приложения ее к делу».³⁴ В практике устного бытования пословица, будучи «приложена к делу», претерпевает часто кардинальную ломку: меняется не только смысл ее, но и текст. М. И. Калинин превосходно использует эту возможность. В качестве примера приведем живую запись беседы председателя ВЦИК с крестьянами Самохваловской волости Минского уезда 21 июня 1919 года:

Логацкий. — А как думает Советская власть поступать с теми хозяйствами, хозяева которых ушли на позиции защищать революцию?

Калинин. — Если там остаются ребятишки, или жена, или мать. то деревня будет обязана помогать обработать. Ну, а если один был и ушел, то кто-нибудь эту землю вспашет.

Логацкий. — А не будет ли это убыток для Советской власти?

Калинин. — Убыток в войне вообще большой: людей убивают, а не то, что земля будет не засеяна. Мы ведь сейчас людей больше ценим, чем при царизме. На войне-то ведь нашу родню убивают... А как практически поступать с хозяйством красноармейца, который уходит на войну, — это должен сделать местный комитет.

Логацкий. — Да у нас комитет-то плохой.

Калинин. — Каков приход, таков и поп. Мы не из Франции комитетчиков берем, из своих кругов выбираем. А насчет вашего случая... подумаю. Ведь такие случаи очень редки».³⁵

³⁰ М. И. Калинин. Славный путь комсомола. М., 1938, стр. 3.

³¹ М. И. Калинин. За эти годы, кн. 1. Л., 1926, стр. 20.

³² Там же, кн. 2, стр. 148.

³³ М. И. Калинин. Работникам большевистской печати. «Правда», 1936, 5 мая.

³⁴ В. Даль, ук. соч., стр. 13.

³⁵ М. И. Калинин. За эти годы, кн. 3, стр. 85.

В известных нам собраниях русского фольклора мы находим множество вариантов этой широко распространенной пословицы: «Каков поп, таков и приход», «Куда поп, туда и приход» и т. п.³⁶ М. И. Калинин, сообразуясь с политической задачей своего выступления, приводит эту пословицу не в обычном, а в перелицованном виде, утверждающем влияние общества на своих местных руководителей; причем он не сочиняет этот вариант, а заимствует его из народного обихода, где он встречается, однако, гораздо реже первоначального.³⁷

Фольклор отражает уровень народного самосознания, и в древних памятниках его, а также в некоторых бытующих образцах запечатлены старые, отжившие представления о многих предметах. Учитывая эту особенность, М. И. Калинин часто применяет пословицы как повод для полемики с отсталыми взглядами: в этих случаях выдвигаемая им мысль не подтверждает, а опровергает пословицу, ибо изменившиеся общественные отношения делают пословицу устаревшей, вызывают необходимость замены ее новой. Рабоче-крестьянская власть, сказал председатель ВЦИК в речи на станции Аркадак Балашовского уезда на Саратовщине 30 июля 1919 года, отменяет право эксплуатации, право жить на счет другого человека. «Говорят: „Родился в бархате и помирай в бархате“. А рабоче-крестьянская власть говорит: если человек потрудился на общую пользу, то вместе со всеми он должен пользоваться всеми благами, которые получаются».³⁸

Развернутую полемику с устаревшими взглядами, выраженными в пословице, находим мы в речи М. И. Калинина на митинге рабочих Шлиссельбургских пороховых заводов 30 декабря 1919 года: «Я снова возвращаюсь к вопросу, как сделать каждого молодого юношу, каждую девушку счастливыми? Говорят, „счастье не воробей, за хвост не поймашь“, а по существу это воробей. Счастье нужно завоевать. И каждого, кто становится в ногу с партией, партия бросает его на работу, и... вся жизнь такого человека с утра и до вечера наполняется осмысленной работой... И тогда молодой юноша, участвуя в этом процессе работы, будет счастлив».³⁹

Точного текста приведенной пословицы мы в фольклорных сборниках не находим. По-видимому, он возник в быту по внешней аналогии с другой пословицей («Слово — не воробей, вылетит — не поймашь»), однако он отчетливо выражает определенную сторону отжившего миропредставления, запечатленную во многих схожих пословицах: «Счастье не конь: хомута не наденешь», «Счастье в оглобли не впряжешь», «Счастье не кляп: в руки не возьмешь», «Счастье не палка: в руки не возьмешь» и т. п.⁴⁰ Этой формуле пассивности, бессилия человека перед судьбой Михаил Иванович противопоставляет формулу активного отношения к жизни, власти человека над судьбой: «Счастье нужно завоевать», — фольклор послужил как бы «обратным поводом» для утверждения этой мысли.

Вспомним при этом, что Михаил Иванович в своих высказываниях о фольклоре предупреждал о наличии в нем сентиментально-романтических идей и мотивов. Практика использования фольклорных элементов М. Калининным в публицистике и пропаганде целиком базируется на его понима-

³⁶ См.: И. Иллюстров. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904, стр. 92; В. Даль, ук. соч., стр. 178; М. Снегирев. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848, стр. 163, 198 и др.

³⁷ «Каков приход, таков у него и поп» (см.: В. Даль, ук. соч., стр. 178).

³⁸ М. И. Калинин. За эти годы, кн. 3, стр. 108.

³⁹ Там же, стр. 185.

⁴⁰ См.: В. Даль, ук. соч., стр. 72, 75.

нии социальной природы устной поэзии и ее внутренних противоречий. Переосмысливая одни элементы, наполняя их новым общественным содержанием, превращая их в средства убеждения, придавая им актуальность, М. И. Калинин в то же время отбрасывал в своей речевой практике те элементы фольклора, которые отставали от передовых мыслей народа, от роста его гражданского самосознания.

Все приведенные нами примеры являются свидетельствами глубоко принципиального и творческого отношения М. И. Калинина к устной народной поэзии. Вместе с ценнейшими высказываниями Михаила Ивановича об эпосе, о народной лирике, об исторических путях развития фольклора, о решающем значении творческой связи художника с народом они послужат дальнейшей научной разработке основных проблем народного творчества.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ НАУКИ О КОМИ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ А. М. ШЕГРЕНА и П. И. САВВАЙТОВА)

1

В 1839 году в петербургском альманахе «Утренняя заря» появилась статья «Народная поэзия у зырян». Она впервые познакомила русского читателя с образцами коми народного творчества. Автором статьи был известный этнограф Н. И. Надеждин, только что вернувшийся в Петербург после своей устьсысольской политической ссылки.

Но еще раньше Н. И. Надеждина проявил интерес к коми фольклору и стал собирать его русский академик Андрей Михайлович Шёгрэн (1794—1855).¹ Это был ученый весьма разносторонних интересов. В истории отечественной науки он известен как исследователь угро-финских и кавказских народов. А. М. Шёгрэн создал первую научную грамматику и словарь осетинского и ливского языков, им были подготовлены материалы по грамматике и словарю коми языка. Перу А. М. Шёгрена принадлежит фундаментальный труд по истории и этнографии угро-финских народов, изданный посмертно.² Во время своих многочисленных поездок в разные районы России А. М. Шёгрэн собрал обширные языковые и этнографические материалы, памятники старины. Одной из первых его научных экспедиций была поездка к восточным угро-финнам в 1824—1829 годах. А спустя несколько лет (в 1846 и 1852 годах) он совершает еще две экспедиции, на этот раз к западным финнам.³

¹ В 70-х годах XVIII века по заданию Российской Академии наук в Коми крае работала экспедиция, возглавляемая академиками И. И. Лепехиным и Н. А. Озерецковским. Экспедиция собрала ценные сведения по этнографии коми народа. Но образцов коми фольклора ей записать не удалось (И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, т. 4. СПб., 1805).

² A. Sjögrens. Gesammelte Schriften, B. I. Historisch-ethnographisch Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. St.-Petersburg, 1861 (в дальнейшем: Sjögren). Перечень сочинений А. М. Шёгрена, напечатанных с 1821 по 1855 год, опубликован в «Ученых записках Академии наук по первому и третьему отделениям», т. III, вып. 4, СПб., 1855.

³ Во время экспедиций по северу России А. М. Шёгрэн сумел привлечь широкий круг местных энтузиастов для сбора языковых данных. В архиве Шёгрена хранятся принесенные ему в дар от местных жителей «Лексикон пермского языка» кудымкарского священника Георгия Чечулина, пермяцко-русский словарь, подготовленный в 1785 году Антонием Поповым, словарь сольвыгодских провинциальных слов, собранных смотрителем уездного училища Ал. Муровым, и т. д. (Архив АН СССР, ф. 94, оп. 1, №№ 219, 223, 8).

Интерес А. М. Шёгрена к угро-финским языкам пробудился рано. Еще в 1821 году вышла его небольшая статья о финском языке и литературе.⁴ С того времени Шёгрэн не переставал изучать народы Севера. Среди работ ученого, кроме исследований по кавказским языкам, выделяются статьи и заметки по финскому, коми, удмуртскому, пермяцкому, вогульскому и марийскому языкам. В литературе по угро-финноведению по праву отмечаются многосторонние лингвистические интересы А. М. Шёгрена.

Но документы, хранящиеся в Архиве Академии наук СССР (в Ленинграде), открывают еще одну, ныне почти позабытую, сторону деятельности этого ученого — его постоянный интерес к угро-финскому, и в частности к коми фольклору. Фольклористические интересы А. М. Шёгрена были связаны с его лингвистическими исследованиями. Фольклор был использован им для более глубокого изучения коми письменности. В этой связи во время экспедиций А. М. Шёгрэн записал немало фольклорных текстов и тем самым положил начало изучению коми народной поэзии.

Современники и друзья А. М. Шёгрена знали о его большом внимании к коми фольклору. По сообщению поэта Федора Глинки, проф. А. Шёгрэн встретился с ним в конце 1827 года в Петрозаводске, т. е. как раз после своего путешествия к восточным угро-финнам, и устно переводил ему «некоторые из древних финских стихотворений, имеющих свой особенный размер, без рифм, но звучный и приятный». А в «Петрозаводской руне» поэт так пишет о Шёгрене:

Долго, долго, доктор милый!
 Ждал я жадно Ваших писем:
 Где-то Шёгрэн наш гуляет?
 Там ли, где в тиши зыряне,
 Дети добрые природы,
 По дубравам дичь стреляют,
 Водят пчел в дуплах древесных,
 Нравом кротки и не знают
 Мелких краж и вероломства.⁵

Действительно, в это время Шёгрэн был у «детей добрых природы» и открыл у них «некоторые из древних... стихотворений».⁶ Но, к сожалению, лишь незначительная часть коми фольклорных произведений была использована А. М. Шёгреном в его крупном исследовании о коми-зырянах «Die Sjugjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch», в котором освещались разные стороны жизни и деятельности коми народа, подробно описывались географические условия, климат, промышленность и сельское хозяйство края.⁷ Вместе с тем в научный оборот включались многочисленные документы древности, касающиеся истории Коми края. В заключении автор характеризовал образ жизни (die Lebensweise), празднества и свадебные обычаи коми, а также их язык. В этой части своего труда А. М. Шёгрэн сообщил весьма интересные сведения о народно-поэтическом творчестве и быте коми начала XIX века. По словам исследователя, в центре его внимания был фольклор коми населения районов по р. Сысоле, жизнь же фольклора верхней Вычегды он сам не наблюдал.

⁴ A. Sjögrens. Über die Finnische Sprache und ihre Litteratur. St.-Petersburg, 1821.

⁵ В. Базанов. Карельские поэмы Ф. Глинки. Петрозаводск, 1945, стр. 104.

⁶ Там же. Подробнее о жизни и деятельности А. М. Шёгрена см. в «Справочном энциклопедическом словаре» (т. 12, СПб., 1847, стр. 251—254).

⁷ См.: Sjögren, стр. 233—461. За это сочинение, прочитанное Шёгреном 12 августа и 30 сентября 1829 года в Академии наук, автор был избран в адъюнкты Академии.

Празднества и развлечения (die Vergnügungen) коми крестьян, замечает А. М. Шёгрэн, состоят в так называемых «рытъя», т. е. в вечеринках и игрищах. Из других обычаев упоминаются колядование («коляда чуксавны») и братчина. Говоря о песенном творчестве коми, автор приходит к выводу, что местные жители заимствовали у русских не только обычаи, но и многие песни. При этом он отмечает, что наряду с русскими песнями «зыряне» поют и свои оригинальные песни. В качестве образца подобных песен он приводит две шуточные песенки «Огöдiм, öгöдiм» (Очистили зерна от охвостья) и «Чукля ки, мукля ки» (Кривая рука, сухая рука) (Sjögren, стр. 440—441).

Помимо песен, А. М. Шёгрэн сообщает одиннадцать коми загадок и отмечает их близость к финским и эстонским загадкам. Такими загадками он считает следующие:⁸

1. Кык кöиñ пышйöны, а асьныс енэжö видзöдöны, d. h. Zwei Wölfe laufen, aber selbst schauen sie nach dem Himmel. — Die Schlittenkufen.

2. Быд мортлöн аслас вольпась, d. h. Ein jeder Mann hat sein Bett. — Das Moos zwischen den Balken in der Wand.

3. Кардорын керасьöны, а татчö чагъясыс чеччалöны, d. h. Zu Archangelsk haut man, hierher hüpfen aber die Späne. Briefe.

4. Нель вок öти вевт улын сулалöны. Vier Bruder stehen unter einem Dache. — Ein vierfüßiger Tisch (Sjögren, стр. 442).

Описывая свадебные обычаи и мифологию коми, А. М. Шёгрэн постоянно указывает на их сходство с русской свадьбой и мифологией западных финнов, отмечает славянские и финские заимствования в коми народном творчестве.

Использованные в указанном исследовании материалы далеко не исчерпывают всего собранного А. М. Шёгреном во время поездок по Коми краю. Его неопубликованные записи, хранящиеся в Архиве АН СССР (ф. 94), представляют большую научную ценность.

Основной заслугой Шёгрена была запись в 1827 году величальных, или, как называл их сам собиратель, «зырянских наблюдных песен», а также значительного числа пословиц и загадок.⁹ Вот семь найденных Шёгреном «зырянских наблюдных песен»:

1. Воль кузя мунö, керöсö кайö. Код керöсö кайö? Лаврень керöсö кайö, Сидөрöвич керöсö кайö. Мый инö вайö? Куим вотыс вайö. Куим вотысыс оз ков, да Лавреньыс колö — «По постилке идет, на горку ползет. На чью гору ползет? На Лаврентьеву гору ползет, на Сидоровичну гору ползет. Что же несет? Три ягодки несет. Три ягодки не нужны, а Лаврентьюшко угоден».

2. Воль кузя мунö, керöсö кайö. Код керöсö кайö? Улит керöсö кайö, Назаровна керöсö кайö. Мый инö вайö? Куим дөрöм вайö. Куим дөрöмыс оз ков, да Улитыс колö — «По постилке идет, на гору ползет. На чью гору ползет? На Улитину гору ползет, на Назаровнину гору ползет. Что же несет? Три рубашки несет. Три рубашки не нужны, а Улитушка угодна».

3. Сьöлöмöс нюкыртас, тюкыртас кö, тыкыртас. Паком ордас тюкыртас, Созон вылас видзöдлас, — ещö прям ярыга, веркөвöй ярыга, сердеш-

⁸ Немецкие переводы коми загадок и отгадок принадлежат Шёгрэну. Коми тексты даются по новой коми орфографии.

⁹ Архив АН СССР, ф. 94, оп. 1, № 8, лл. 138—139. Переводы коми песен на русский язык выполнены автором настоящей статьи, использовавшим толкования отдельных выражений, данные Шёгреном.

ной ярыга. Ой диди! Ой диди! — «Сердечушко защемит, поноет, так поноет. По Пахому поноет, на Созона заглянет. Вот совершенный бобыль и первейший бобыль, сердечный бобыль. Ай диди! Ай диди!».

4. Лазарсё да Устиньсё гын доддѣ водтѣдасны, кузь туйѣ мѣдѣдасны. Чили-чоли кѣрт мегыр, лайкъя коска кѣрѣбъя, пегана вѣла. Вартѣдисны, пѣрисны, пос улѣ усисны — «Лазаря и Устиньюшку в войлочну повозочку уложат, во дальню дороженьку проводят. Стук-бряк железная дуга, с подголовяшкой коробья, со пеганою лошадкой. Погонили на услок, опрокинуло под мосток».

5. Пыжѣн да море кузя, подѣн да берег кузя, бергѣдчыв тѣ, Пакомушко, бегѣдчыв тѣ, Сопронѣвич. Уна тувъя-ѣ тѣ вылин дукѣсыд? Баркатнѣй-ѣ юрвылад шапкайд? Кѣрт пыдѣса-ѣ кокад сапѣгыд? Шпанскѣй-ѣ кѣмома чулякыд? Пражаѣн-ѣ кѣртѣма червѣнныд? Чуня-ѣ киад кепысыд? Езысы-ѣ чуняд чункытшыд? — «Во стружочке да по морю, пешочком да по бережку, воротись-ко, Пахомушко, воротися, Софронович. Многобортный ли кафтан-от на тебе? Чернобархатна ли шапка на главе? Со скобками ли сапожки на ногах? Испански ли чулочки надеты у тебя? Со пряжками ли застегнуты подвязочки? Перчаточки ли на руках? Серебряный ли на мизинчик перстенецек надет?».

6. Пыжѣн да море кузя, подѣн да берег кузя, бергѣдчыв тѣ, Пекли-штушка, бергѣдчыв тѣ, Падейовна. Кокошниктѣ зарниѣн-ѣ вурѣма? Лентатѣ шѣлкѣн-ѣ кыѣма? Воча-воча вуасны, нюк-нюк керасны, ой-ой-ой шуасны — «Во стружочке да по морю, пешочком да по бережку воротись, Фекли-штушка, воротись, Фадеевна. Кокошник твой вышит золотом ли? Лента-то выткана шелком ли? Встречу навстречу сойдутся, сердечушки забьются. Ай! Ай! Ай! сами скажут».

7. Ой тѣ. Анѣ! тѣ Анѣ! Чуля синма тѣ, Анѣ! Пѣла вома тѣ, Анѣ! Пукта тѣнѣ, Анюк. Вешта тѣнѣ, Анюк. Нѣль сѣтшѣм Анюкѣс куйм де-нежкаысь вѣзѣйѣны. А мичаджык Анюкѣс бѣярынѣя сѣтѣны — «Ах ты, Анюша! ты Анюша! Косоглазая Анюша! Криворотая ты, Анюша! Положу тебя, Анюта, да и выкуплю, Анюта. По четыре таких Анют за три деньги отдают. А хорошую Анюту во бояры выдают».

Как видно, эти песенные тексты напоминают собой свадебные величальные, а также шуточные песни, бытующие в народе, однако подобные тексты до сих пор не были записаны. Они помогают не только воссоздать более полную картину народно-песенного быта коми 20-х годов XIX века, но и раскрыть генезис такого песенного жанра, как свадебная народная лирика.

Многие из пословиц, поговорок и загадок, найденных в архиве Шѣгрена, так же как песни, живут до сегодняшнего дня, прекрасно иллюстрируя собой их устойчивость в народном быту. Некоторые народные афоризмы разбросаны по отдельным рукописным заметкам Шѣгрена, относящимся к разным годам. Особенно много пословиц и загадок удалось Шѣгрена записать в 1827 году (свыше 60 пословиц и около 30 загадок).¹⁰ Большинство из них ученым не было вовсе опубликовано в его капитальных трудах о коми-зырянах. Приведем некоторые из них.¹¹

1. Беда иѣз вывтѣ ветлѣ, а не пу вывтѣ — «Беда по людям ходит, а не по лесу».

2. Бон орѣдан, а сьмыс мынтан — «Оборвешь мочало, а заплатишь ремешок».

¹⁰ Там же, лл. 133—136.

¹¹ Перевод на русский язык принадлежит автору настоящей статьи.

3. Вердтõм вõв вылын не ылõдз мунан — «На некормленной лошади далеко не уедешь».

4. Йõз мышкусайын ноп кокныд — «За чужой спиной котомка легка».

5. Озыркõд эн судитчы, а вынакõд эн вермась — «С богатым не судись, с сильным не борись».

6. Пõт тшыгõс оз гõгõрво — «Сытый голодного не разумеет».

7. Сэтчаньын кералõны, а татчõ чагъясыс четчалõны — «Там рубят, а сюда щепки летят».

8. Шыр биõн яг оз сотчыв — «От мышачьего огня бор не загорался».

9. Эз на шэд пõtкаыс, а гõнсõ куштõ — «Не изловивши птицу, и перья теребит».

10. Сирõс виõма, а пиньыс кольõма — «Щука убита, а зуб ее остался».

А вот несколько загадок из материалов Шёгрена:

1. Вõрõ муно́ — клетка тэчõ, вõрысь локтõ — унджык тэчõ (нинкома кокту́й) — «В лес идет — клетки кладет, из лесу идет — больше кладет (дорога, проложенная ногами, обутыми в лапти, лапотные следы)».

2. Вõснидик гез му гõгõр судзõ, а юр гõгõр оз судз (синьяс) — «Тоненькие вожечки вокруг поля достают, а вокруг головы не достанут (глаза)».

3. Кымын унджык ме бергала, сымын унджык озырма и кыза (черс) — «Чем боле я кружусь, тем больше богатею и толстею (веретенце)».

4. Косясисны попьяс, тышкасисны попьяс, кумõ мунисны и джагõдчисны (вартаньяс) — «Бились попы, перебились попы, в клеть ушли и перевешались (молотила, цепи)».

5. Потш кузя гõрд тупыль быгыльтчõ (сартас сотчõ) — «По жердке красный клуб катится (лучина горит)».

Уже по приведенным выше народным афоризмам и песням можно судить, что коми народное творчество начала XIX века не было так бедно, как утверждали об этом поверхностные бытописатели.¹² Оно было разнообразно и по своей тематике и по своим жанрам. Но данные Шёгрена не только воссоздают содержание народного репертуара коми в прошлом. Среди собранных Шёгреном этнографических материалов есть немало таких, которые ярко рисуют картины бытования коми народной поэзии, народные обычаи, поверья, приметы. В этом отношении выделяется большое «Описание Ношувльской пристани». После подробного рассказа о географическом положении Ношуля, о его экономическом значении автор характеризует народные обычаи ношульцев, их свадебные причитания, в которых выражается сожаление о девичьей жизни, оплакивается девичья коса, приносится благодарность всем, кто приготавливал для невесты баню. Говоря о коми народных сказках, автор отмечает широкую распространенность в них самобытного образа, символизирующего злые силы, — Яги-бабы. Автор указывает также на проникновение в среду коми крестьян русских народных песен вроде приводимой им и поныне бытующей среди коми певцов на русском и коми языке хороводной песни «Ай диди ладо, сеяли, сеяли».¹³

¹² А. Schrenk. Reise nach dem Nordosten der europäischen Rüssland durch die Tundren der samojedon, zum Arktischen Uralgebirge. В. I, 1848; В. II, 1854; К. А. Попов. Зыряне и зырянский край. «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XIII, вып. II, М., 1874.

¹³ Архив АН СССР, ф. 94, оп. 1, № 8.

2

Материалы по истории, письменности, фольклору и этнографии коми народа, собранные русскими учеными и местными энтузиастами, находятся также в архиве П. И. Савваитова (Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) и среди документов П. И. Савваитова в архиве Русского Географического общества.

П. И. Савваитов (1815—1895), русский археолог и этнограф, будучи одним из руководителей Этнографического отдела Русского Географического общества, получал многочисленные сведения о Коми крае и по заданию Общества систематизировал их. Главная часть савваитовских материалов относится к 40—80-м годам XIX века, но имеются и более поздние документы, принесенные архиву в дар сыном П. И. Савваитова.

Изучением истории коми культуры П. И. Савваитов занимался еще в годы работы в Вологодской духовной семинарии (1837—1842), но главным образом в период работы над «Грамматикой зырянского языка» (1843—1850). Эту «Грамматику» Савваитов составлял в связи с открытием в 1843 году при Вологодской духовной семинарии класса зырянского языка, готовившего священнослужителей для работы в Коми крае. Задавшись целью дать зырянскому классу «классическое руководство» по родному языку, Савваитов в течение долгих лет собирал материал по коми языку и фольклору.

Таким образом, собирательская деятельность Савваитова в области коми фольклора была подсказана потребностями дальнейшей христианизации Коми края, стремлением воспитать народ в духе религиозной покорности и смирения. Этим объясняется тот факт, что в ряде печатных работ Савваитов тенденциозно подбирал коми фольклорные произведения, в частности такие пословицы и поговорки, которые рисовали бы коми народ богобоязненным, покорным и безропотным.¹⁴ Если учесть, что эти попытки исказить духовный облик коми были предприняты сразу после крупного волнения коми крестьян в Усть-Куломе в 40-е годы XIX века и что эти попытки, по красноречивому свидетельству одного архивного дела, были «мерами к исправлению нравственности зырян», то подоплека занятий Савваитова коми языком и фольклором станет очевидной.

Но ограниченность мировоззрения Савваитова не помешала ему сыграть положительную роль в изучении коми письменности и фольклора. Фольклорные записи в архиве П. И. Савваитова, собранные им самим и многочисленными его корреспондентами, весьма разнохарактерны по своему содержанию.¹⁵ Они свидетельствуют о том, что тенденциозного отбора при самом собирании коми фольклора не было, он был только при его публикации.

В архиве П. И. Савваитова собрано немало редких памятников коми культуры. Помимо копий с документов древнепермской письменности, П. И. Савваитову удалось приобрести две уникальные рукописи религиозно-нравственного содержания, переведенные на коми язык еще в XVIII веке. В пометке к этим рукописям указывается, что они были в употреблении около 1779—1786 годов.¹⁶ Кроме того, у П. И. Савваитова сохранилась рукопись первой зырянской грамматики Ф. Козлова, написанной около

¹⁴ П. И. Савваитов. Грамматика зырянского языка. СПб., 1850. См. также статьи о коми пословицах в «Москвитяине» (1842, № 7) и «Северной пчеле» (1843, 30 сентября).

¹⁵ Отдел рукописей ГПБ, архив Савваитова.

¹⁶ Там же, Q, I, № 1217.

1808 года, с замечаниями на полях коми поэта-шестидесятника И. А. Куратова,¹⁷ переводы устьсысольского жителя Шергина русских текстов на коми язык (в 1815 и 1823 годах), «Русско-зырянский словарь», написанный скорсписью 1830 года крестьянином с. Деревянск Иваном Гуляевым. Среди архивных бумаг есть материалы для коми-русского словаря и грамматики коми языка, собранные П. И. Савваитовым во время поездки по Коми краю в 1846 году, а также отзывы и замечания петербургских, устьсысольских, зеленецких, ижемских, корткеросских, вологодских ученых, духовных лиц, учителей и крестьян об издании труда по коми языку.

Изучая коми язык, П. И. Савваитов и корреспонденты Географического общества, особенно член его С. Мельников, собрали сведения по коми фольклору и записали ряд фольклорных текстов. Небольшая часть из них была опубликована в журнале «Москвитянин», в приложении к «Грамматике» Савваитова, а позднее в журнале «Живая старина». Таковы статья П. И. Савваитова о коми пословицах и статья Мельникова о вечеринках, игрищах и коляде в Устьсысольске в 1852 году. Но большая часть архивного материала широкой массе читателей остается неизвестной. А этот материал проливает новый свет на деятельность этнографа П. И. Савваитова. Обращает на себя внимание тот факт, что Савваитов правильно нацеливал корреспондентов Географического общества на точность и полноту фольклорных записей. В 1852 году в Географическое общество поступила рукопись поэмы Мельникова «Тунныр як, зырянский колдун и разбойник».¹⁸ Это было беспомощное стихотворное изложение сюжета одной коми народной сказки. От коми сказки в сочинении С. Мельникова, кроме одного имени Тунныр-яка, не осталось и следа. Однако Мельников, уверенный, видимо, в обратном, выражал желание дальше составлять зырянские повести и сказки в стихах, т. е. писать и впредь стилизации под коми фольклор. Между тем уже до этого случая он обнаружил себя наблюдательным собирателем коми фольклора, и поэтому П. И. Савваитов в своем заключении на поэму С. Мельникова писал: «Если бы Мельников, вместо своего составления зырянских повестей и сказок в стихах, собрал рассказы и сказки зырян в том виде, какой имеют они в устах народа, то труд его был бы полезнее и действительно заслуживал бы внимания и одобрения; потому что в таком безыскусственном виде мог бы знакомить читателей с духом и понятиями зырянского народа».¹⁹ Прислушавшись к голосу Савваитова, С. Мельников сыграл свою, пусть небольшую, но весьма почетную роль в сборе коми фольклора.

Фольклорные материалы архива П. И. Савваитова отражают в основном состояние коми фольклора в середине и во второй половине XIX века, т. е. являются как бы продолжением материалов А. М. Шёгрена (первая половина XIX века). Среди них есть тексты разных коми фольклорных жанров: песен, сказок, свадебных причитаний, загадок, пословиц, поговорок, детских побасенок и дразнилок, заговоров, примет, описания свадеб-

¹⁷ До недавнего времени в научной историографической литературе по коми письменности было распространено неверное мнение о том, что создателем первой коми грамматики был А. Флёров. Это мнение существовало, несмотря на замечание И. А. Куратова о его несостоятельности. Между тем рукопись Ф. Козлова, обнаруженная нами в архиве П. И. Савваитова, говорит о том, что «Грамматика» А. Флёрова (СПб., 1813) действительно является не более как ухудшенным списком с рукописи Ф. Козлова. А. Флёров лишь добавил предисловие, заменил некоторые примеры для упражнений, оставив всю грамматику без изменений (см.: Отдел рукописей ГПБ, архив Савваитова. Q, XVI, № 22).

¹⁸ Отдел рукописей ГПБ, архив Савваитова, F, XVII, № 70.

¹⁹ Там же.

ных и похоронных обрядов, обычаев. Таковы, например, «Картины зырянского быта» или «Путешествие на Синдор», написанные С. Мельниковым.²⁰ Любопытны сочинения 1841 года воспитанников Вологодской семинарии, уроженцев Коми края. Семинарист Василий Ванеев, описывая удорскую коми свадьбу, останавливается на некоторых деталях обряда, в частности на обычае надевания на голову невесты «сборника» (головной убор замужней женщины) как символа замужества, который она обязана носить постоянно, всю свою жизнь. А Стефан Ванеев дает подробные сведения о зырянской ярмарке в Яренском уезде.²¹

В архиве П. И. Савvaitова больше всего коротеньких афористических жанров — поговорок, пословиц, загадок: записано около 400 текстов пословиц и загадок. Иногда они разбросаны по отдельным статьям вроде статьи «Нечто о наречиях комижского (т. е. коми, — А. М.) языка», иногда занесены на отдельные карточки (свыше 200 карточек), собранные в виде небольшого свода. Среди них, вопреки утверждению П. И. Савvaitова в его статье о коми пословицах, совсем немного пословиц, выражающих религиозность и смирение народа. Напротив, пословицы выразительно рисуют отношение угнетенных к богачам, к общественному неравенству. В то же время пословицы и поговорки насыщены поэтичными национальными образами. Вот некоторые примеры коми пословиц и загадок, выбранных из архива П. И. Савvaitова:

1. Пöрысь пон оз увт тыртöм пу вылö — «Старый пес на пустое дерево (где нет дичи) не лает».

2. Ошкысь кö повны, не буга и овны — «Если медведя бояться, то хорошо не проживешь».

3. Барыш либö варыш — «Либо барыш, либо сокол» (по смыслу близка к русской поговорке «Пан или пропал»).

4. Ен вылö надейтчы, а ачюд эн узь — «На бога надейся, но и сам не спи».

5. Гöльман да йöрман — «Обеднеешь, так и застрянешь».

6. Озыр гöль коньöр йылысь этша и мöвпалö — «Богатый не много думает о нищем бедняке».

7. Лунтыр тэ дор, а сёйны эн кор — «Весь день на тебя [работай!], а есть не проси».

8. Тэ коми öксы кодь вылын — «Ты высоко сидишь, как коми öксы (как коми князь)».

9. Донтöм черилöн кизер юква — «От дешевой рыбы [получится] жидкая уха».

10. Дозмöр кытчö оз лэбзьы пыр лыс кокалö, дыш морт пыр уджалö, да бур оз ло — «Куда ни полетит куропатка, все хвою клюет, лентяй все работает, да толку нет».

11. Муыс из, а борйыс пу — «Земля каменная, а межа деревянная» (зеркало).

12. Нель кока пышйö, а кызь вит кока вöтчö — «Четырехногий бежит, двадцатипятиногая гонится» (боронование).

13. Тшöкыд, тшöкыд вöр, нер бертны оз шогмы — «Густой, густой лес, да одной годной вицы не найдешь» (волосы).

14. Вöрö кайö, гортö видзöдö, гортö мунö, вöрö видзöдö — «Когда в лес идет, домой смотрится, а когда домой возвращается, то в лес смотрит» (топор).

²⁰ Там же, № 58, л. 72.

²¹ Там же, Q, XVII, № 231.

15. Гõна вом воссяс, шыльыд юр пырас — «Мохнатая пасть откроется, гладкая голова туда войдет» (теплые рукавицы).

Многие пословицы и загадки, имеющиеся в архиве П. И. Савvaitова, сохранились в народном быту почти без всякого изменения.

Народно-песенных произведений было записано меньше, чем пословиц и загадок. Некоторые из них сходны с записями, принадлежащими А. М. Шёгрену, вроде «Бобõ, бобõ, кытчõ ветлн?» (Бобэ, бобэ, куда ходил?). Большинство же песен было записано впервые. Так, С. Мельников в 1851 году прислал в Географическое общество запись любовно-лирической песни «Орина краса Ивановна», которая и сейчас широко бытует под названием «Аксинья пõ краса, Ивансвна пõ краса». Правда, сам Мельников не понял смысл песни, назвав ее «зырянской насмешкой бесприютности». На самом же деле песня по своим образом близка к той группе русских народных песен, которые, по словам В. Г. Белинского, являлись хорошим доказательством того, что любовь труженика «могла быть не только поэтической, но и грациозно-поэтической».²² Мельников записал оригинальный вариант песни о капризной невесте «Чур бõж нылõй, Чапанõй», т. е. вариант песни «Чужмõр нылõй, Чабанõй» (Девушка Чожмер, Чабан моя). Известно, что среди бумаг коми поэта-демократа И. А. Куратова были найдены две коми народные песни, записанные не его рукой: семейно-бытовая песня «Рытъя войõ матушка» (В вечернюю пору матушка) и «Ылын-ылын выль ва сайын» (Далеко-далеко за рекой). В 1850-е годы эти же песни записал С. Мельников и вместе с популярной песней «Руч ку да кõч ку» (Лисья шкура и заячья шкура) прислал их П. И. Савvaitову. Кроме этих песен, Савvaitову были присланы также поэтические варианты коми народных песен «Морейсы ру кайõ, сийõ-õд абу ру» (С моря туман поднимается, что ведь не туман), «Дас сизим арõсõд олi» и «Дас сизим арõсысь томджык» (Моложе семнадцати лет) и т. д., а из песен литературного происхождения в качестве народной представлена в архиве П. И. Савvaitова песня И. Куратова «Коми кыл» (Коми слово). Из детского фольклора записаны песня-прибаутка «Джидж, кытчõ ветлн? Сус коль сёйны ветлi» (Стриж, куда ходил? За кедровыми орехами ходил), песня-сказка «Важõн олiсны-вõлiсны сёкыр да руч» (Жили-были старая лошадь и лиса), песенки «Гыжъя кай гыжъясьõ» (Когтистая птица чешется), «Аньõ-макõ век педзёõ» (Юла все вертится), «Мõдлапõлын пан тшын» (На том берегу дым), «Леньõ, леньõ, эн пышйы» (Олень, олень, не убегай; «лень» переводится С. Мельниковым как «олень», — А. М.), «Кокõй-чойõй» (Ножки-сестрички).

Значительно меньше представлено коми сказок. Среди них выделяются сказки о трех братьях и Марье-царевне, сказка о Ёме-бабе, предания о Яг-Морте (Лесном человеке), о Тунныр-яке.

Имеются записи свадебных и похоронных причитаний, и важно то, что вместе с причитаниями подробно описываются свадебные празднества, похоронные поминки, а также братчина. Из наиболее старинных записей следует отметить заговор, записанный скорописью XVIII века:

Саридз сол синмас,
Биа из пиняс,
Сир пинь горшас,
Кõрт ньõв сьбõлмас.

(В глаза тебе соль, добытую из теплого моря, в зубы тебе огненный камень, щучий зуб в горло и железную стрелу в сердце).

²² В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, М., 1954, стр. 445.

Это одна из самых ранних записей коми фольклора, известных в настоящее время.²³

Среди архивных материалов Русского Географического общества и бумаг П. И. Саввантова, помимо коми-зырянского фольклора, сохранились записи коми-пермяцкого народной поэзии — песен, сказок, пословиц, преданий.²⁴ Особенно ценен литографированный сборник «Песни пермяков», изданный в 1887 году в Перми редактором «Пермских губернских ведомостей» П. А. Вологдиным. Этот сборник является первым известным нам музыкальным сборником коми народно-песенного творчества.

По размерам сборник невелик. В него вошло всего 32 песни, записанные от коми-пермяков в Соликамском уезде, причем из всех песен две даны на коми-пермяцком языке. Это, как говорит сам Вологдин, проголосная песня о скитаниях молодца и о его отношении к родителям «Ае да мамё менё оз радитё» (Отец и мать меня не любят) и любовно-лирическая песня о тоске девушки в разлуке с милым «Кумушка менам» (Моя кумушка). Песни, помещенные в сборнике, по преимуществу содержат ясно выраженное недовольство угнетенных своим бесправным положением. Так, в песне «Мы в посылке долго жили» (ее сложили пермяки на русском языке) изображены тяжелые условия пермяков-отходников на работе в руднике; песня «Молодость ты, молодость моя» говорит о тяжелой жизни в чужих людях: «В чужих людях живучи, горе мыкаючи»; о несправедливости во время рекрутского набора, о горе рекрутов поется в рекрутской песне «Раскрасотка-девушка». Помимо мелодий и текстов коми-пермяцких песен, П. А. Вологдин опубликовал музыкальную запись наигрышей, исполнявшихся на своеобразных музыкальных инструментах коми-пермяков — «пö-лянах». По замечанию Вологодина, «девки, играя на дудках, пляшут, а парни, сидя на лавке, громко, каждый давая такт ногою, импровизируют, кто что хочет». Это уникальная старинная запись наигрышей, произведенная в дер. Тебеньковой Кувинской волости Соликамского уезда в ночь под Новый год — 31 декабря 1864 года.

Составитель сборника во многих случаях, хотя и весьма лаконично, указывал, где записана песня, кто ее исполнял. Так, о песне «Кумушка менам» (Кумушка моя) сообщалось, что она «записана на Пихтовском железном руднике Кувинской волости. Пели пермяки Юсьвинской и Егвинской волости Соликамского уезда».²⁵

К сожалению, сборник не давал полного представления о национальном песенном репертуаре коми-пермяков.

Уже на основании приведенного здесь материала можно судить о том, насколько ложным было широко распространенное в печати XIX века мнение о духовной бедности северо-восточных угро-финнов. Архивные материалы помогают полностью рассеять это мнение и создать более объективную картину жизни коми фольклора в XIX веке. В этом важная заслуга таких деятелей русской науки, как А. М. Шёгрэн и П. А. Саввантов, а также П. А. Вологодина, С. Мельникова и многих других русских и коми энтузиастов-фольклористов.

²³ Отдел рукописей ГПБ, архив Саввантова, Ф, XVII, № 111, л. 198.

²⁴ Первая публикация коми-пермяцкого фольклора принадлежит писателю П. И. Мельникову-Печерскому, напечатавшему несколько песен в своих путевых заметках («Отечественные записки», 1840, т. XIII, декабрь, Смесь, стр. 85—95). Вслед за ним, в середине XIX века, несколько произведений коми-пермяцкого фольклора собрал крепостной крестьянин гр. Строгановой Николай Рогов, подготавливая к изданию «Грамматику пермяцкого языка».

²⁵ Архив Русского географического общества, р. XXIX, № 76.

РАССКАЗЫ В. Г. КОРОЛЕНКО О БРОДЯГАХ И ФОЛЬКЛОР

Творчество В. Г. Короленко 1880—1890-х годов явилось ярким выражением идей революционно настроенной интеллигенции и сыграло, как и вся его общественная и публицистическая деятельность, огромную роль в деле пробуждения сознания самых широких слоев народа. Наибольшую известность в 80-х годах среди студенчества, политических ссыльных, в различных кругах радикальной интеллигенции Короленко приобрел как автор сибирских рассказов, основной темой которых была тема жизни и быта ссыльных, бродяг, поселенцев. Биографы и исследователи творчества В. Г. Короленко обычно рассматривали сибирские произведения как единый цикл в творчестве писателя, распадающийся на две группы: 80-х и 90-х годов;¹ имеющиеся статьи об использовании фольклора в этом цикле сводятся главным образом к выяснению элементов фольклора в этих рассказах, влияния их на стиль и язык произведений без анализа их идейно-художественной роли в содержании.²

Цель настоящей статьи — выделить в группе сибирских произведений Короленко особый цикл рассказов о бродягах,³ единый по тематике, и показать роль фольклорных элементов в произведениях этого цикла, созданных на народно-поэтической основе. Рассматриваются два рассказа: «Соколинец» и «Федор Бесприютный».

В годы якутской ссылки внимание В. Г. Короленко привлекают различные типы сибирских бродяг; жизни бродяг как одной из сторон тюремно-арестантской и ссыльно-поселенческой темы, далеко не новой в литературе, он посвящает ряд своих произведений. Короленко намеревался создать особый цикл рассказов о бродягах. На это указывало название рассказа «Соколинец», первого на тему о сибирском бродяжестве: «Рассказы о бродягах. I. Соколинец» (см.: «Северный вестник», 1885, № 4). Главный герой его — бродяга, бежавший с сахалинской каторги, а основу сюжета составляет история его побега. В том же году был опубликован рассказ «В ночь под светлый праздник» («Волжский вестник», 1885, № 70) о побеге из тюрьмы больного бродяги, убитого часовым. В 1886 году Короленко пишет рассказ «Федор Бесприютный», с подзаголовком «Из рассказов о бродягах»; в нем поставлен вопрос об ответственности общества за существующий социальный порядок. Рассказ был запрещен цензурой и

¹ А. И. Малютина. Короленко и Сибирь. «Енисей», 1950, № 7.

² И. Г. Париков. Фольклор в сибирских рассказах и очерках Короленко. «Ученые записки Новосибирского государственного пединститута», 1948, вып. 7; А. Малютина. Короленко и народное творчество. «Сибирские огни», 1953, № 4.

³ Темы бродяжества в творчестве В. Г. Короленко касаются Н. С. Державин («Мертвый дом» в русской литературе XIX века Пгр., 1924) и Г. А. Бялый (В. Г. Короленко. М.—Л., 1949, стр. 76—92. В дальнейшем: Б я л ы й).

впервые появился только после 1917 года, но в переработанном виде был опубликован в 1886 году под названием «По пути».

В том же году в очерках из тюремного быта «Содержающая», печатающихся в «Русских ведомостях», выделяется специальный раздел, посвященный сибирским бродягам как особой среди арестантов категории людей, своего рода «рыцарей свободы».

В дальнейшем работа над темой о сибирском бродяжестве прекращается, писатель возвращается к ней только в 1899 году в рассказе «Маруся» (позже переименован автором и известен под названием «Марусина заимка») и мимоходом касается ее в «Государевых ямщиках» (1901). Начатый было цикл, вызвавший немало и восторгов, и порицаний автору, серьезно тревоживший цензуру, остался недоконченным. В архиве В. Г. Короленко сохранились, однако, наброски начатых рассказов о бродягах.

В 1946 году был опубликован отрывок незаконченного рассказа «Артисты»;⁴ писатель показывает в нем двух бродяг, талантливых певцов, хорошо известных сибирской тюремной администрации неоднократными побегами, и ставит вопрос о судьбе талантов из народа в условиях тюрьмы и каторги.

В архиве сохранился также неопубликованный набросок сюжета рассказа, герой которого — бродяга Иван 48 лет.⁵ Это темный, невежественный крестьянин. Вся его жизнь прошла «с каторгой на барщине, с каторгой на службе, с каторгой на каторге» (Архив, 8, 436).

Чем привлекала писателя эта тема и почему цикл рассказов о бродягах остался незаконченным? Архив В. Г. Короленко более, чем архив какого-либо другого писателя, богат незаконченными, незавершенными произведениями, набросками замыслов, тем. Многие биографы и критики Короленко объясняют это постоянно отвлекающей писателя огромной общественной и публицистической деятельностью. Несомненно, это обстоятельство сыграло немалую роль в судьбе многих замыслов Короленко, но незавершенность цикла рассказов о бродягах может иметь и другое объяснение. Сама тема встречала всевозможные цензурные препятствия. Когда в 1886 году был подготовлен к отдельному изданию сборник сибирских очерков и рассказов, то цензор Назаревский, обращая на него особое внимание Главного управления по делам печати, указывал, что, «представляя собой мрачные и раздражающие картины из быта острожников, бродяг, каторжников и подобных озлобленных элементов общественных, очерки эти проникнуты не состраданием только к ним, но тенденциозным пристрастием, доходящим до антипатии к тем элементам, кон отвергли всё это общественное отребье».⁶

Если под угрозой цензуры была судьба целого сборника, то единственная попытка Короленко поставить вопрос о бродяжестве в плане социальном («Федор Бесприютный») тем более была обречена, и рассказ запретили. Даже когда он вышел наконец в переработанном виде под названием «По пути», Короленко с горечью писал 4 февраля 1888 года А. П. Чехову: «Если бы вы знали, что цензура сделала с моим рассказом!...».⁷

⁴ В. Г. Короленко. Сибирские очерки и рассказы, т. II. Иркутск, 1946.

⁵ Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина, Рукописный отдел, архив В. Г. Короленко, ф. 135, папка 8, ед. хран. 436 (в дальнейшем: Архив. Первая цифра — номер папки, вторая — единица хранения).

⁶ «Красный архив», 1922, т. I, стр. 420—421.

⁷ В. Г. Короленко, Собрание сочинений, т. 10, М., 1956, стр. 83.

Таким образом, одной из причин того, что цикл о бродягах остался незавершенным, был цензурный режим.

Другой причиной было отношение к судьбам и возможностям этой своеобразной социальной группы самого Короленко. Писатель не видел в бродягах социальной силы, способной на борьбу с существующим общественным порядком; он не скрывал, что это отчаявшиеся и изломанные нравственно люди, способные лишь к стихийному протесту и борьбе только за свои интересы. Но их сила и упорство в бессознательном стремлении к свободной жизни, стихийный протест против тюремно-каторжных порядков, нежелание подчиняться им и готовность на величайшие страдания ради возможности почувствовать себя снова человеком, стремление к утверждению собственной личности в ее правах на человеческое существование привлекали писателя, так как именно эти черты были необходимы современному ему обществу и их романтически подчеркнутое изображение было актуально. В 90-е годы и позже, в период нарастания общественного подъема перед первой русской революцией, когда на арену общественной борьбы выходит пролетариат, Короленко обращается к изучению жизни рабочих-кустарей («Павловские очерки», 1892), изучает пугачевское движение, намереваясь писать исторический роман о Пугачеве.

Поэтому основной причиной незаконченности цикла рассказов о бродягах было то, что эти рассказы уже сыграли свою роль в 80-е годы, а в 1900-х годах тема сибирского бродяжества уже не была столь действенной и своевременной. Но интерес писателя к ней не исчез: в редактируемом им беллетристическом отделе «Русского богатства» в 1900-е годы появлялись очерки и статьи о жизни и быте бродяг, однако сам писатель к этой теме уже не возвращался, а начатые были в 80-е годы рассказы и имеющиеся замыслы новых остались незаконченными.

Образ бродяги появляется в творчестве В. Г. Короленко не случайно. К концу XIX века бродяжество, издавна существовавшее в России, представляет в общественной жизни страны явление большого социального значения. Среди различных видов бродяжества — нищих, богомольцев, безработного городского люда, босяков, обнищавших крестьян, ищущих заработка, сибирские бродяги составляли особую категорию. В XIX веке в сибирских тюрьмах, на каторге, на поселении томились сотни тысяч крестьян, мещан, интеллигенции. Неустройство общественной жизни России, крепостной и раскрепощенной, но сохранившей различные формы жестокого гнета народных масс, являлось причиной многочисленных одиночных и коллективных разнообразных проявлений протеста, обычно стихийного, за чем следовала тюрьма, каторга, ссылка на поселение. Условия тюремного быта, каторжный труд, система телесных наказаний и т. п. вызывали массовые побеги с каторги и из тюрьмы. В жизни Сибири бродяжество стало настоящим бедствием. В конце 70-х годов в место каторги и ссылки на поселение был превращен остров Сахалин, но и отсюда совершались побеги.

Со второй половины XIX века бродяжество как социальное явление становится постоянной темой журнальной, беллетристической и специальной этнографической литературы; оно находит отражение и в передовых газетах и журналах того времени («Колокол», «Современник», «Русское слово», «Дело»).

В художественной литературе образ бродяги появляется в 30-х годах XIX века в романах И. Т. Калашникова и Н. С. Щукина и повести Н. Полевого «Сохатый». В этих произведениях упоминается о бродяжестве как характерной черте сибирской жизни, но бродяги изображаются обычно как

лица второстепенные и часто эпизодические. В начале XIX века наиболее предприимчивые и энергичные из бродяг становились предводителями разбойничьих шаек, рассказы об их «подвигах» слагались в целые предания. Подобные предания о бродягах — атаманах Сохатом и Бузе — используют в своих произведениях Н. Полевой и И. Калашников. Разбойники рисуются в этих произведениях в традициях немецкой романтической школы; они наделяются яркой внешностью, но изображаются при этом как жертвы диких страстей, с ожесточенным и не знающим сострадания сердцем. В поэме А. Таскина «Нерчинские беглецы» правдиво отмечены отдельные черты бродяжьего быта, но в самом языке поэмы много условно-романтических штампов. В трактовке образа бродяги А. Таскин не пошел дальше Н. Полевого и И. Калашникова.

Яркий образ вольнолюбивого сибирского бродяги, мужественного и находчивого, был создан в стихотворении Д. П. Давыдова «Думы беглеца на Байкале» (1858), ставшем народной песней. Давыдов, сам много странствовавший по тайге и хорошо изучивший жизнь бродяг,⁸ правдиво передает не только характерные для сибирского беглеца трудности и опасности пути, но и радостное чувство свободы и счастье борьбы за нее с людьми и стихиями.

В напеве и словах песни звучит торжество вырвавшегося на волю человека, пережившего ради свободы немалые страдания и опасности, не раз-riskовавшего жизнью. В песне выражена горячая вера в счастливый исход побега:

Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Горная стража меня не поймала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.

С большой глубиной и правдивостью передана радость и ликующее чувство сознания своего освобождения, так как самая трудная часть пути пройдена. Вероятно, поэтому стихотворение Давыдова стало широко популярно по всей стране, приобрело иной, символический, революционизирующий сознание смысл в годы подъема общественного движения и до сих пор является одной из любимейших народных песен. Реалистически, в немногих чертах, но с меньшей художественной силой обрисован бродяга в его же поэме «Волшебная скамеечка» (1859).

В начале 70-х годов образ бродяги появляется на страницах «Записок из Мертвого дома» Достоевского: Достоевский замечает, что в весеннее время с первым жаворонком начинается бродяжество по всей России. Несмотря на голод, изнурительную ходьбу по лесам, необходимость постоянно остерегаться и прятаться, воровать и грабить, а иногда и убивать, «лесная бродячая жизнь, — говорит писатель, — рай перед острожной. Хоть тяжелая доля да все своя воля». Стремление к побегам он объясняет желанием арестанта «переменить участь»: «Всякий бегун имеет в виду не то, что освободиться совсем, — он знает, что это почти невозможно, — но или попасть в другое заведение, или угодить на поселение, или судиться вновь, по новому преступлению, совершенному уже по бродяжеству, — одним словом, куда угодно, только бы не в старое, надоевшее место, не в прежний острог».⁹

⁸ Ф. Кудрявцев. Сибирский поэт Давыдов. В кн.: Д. Давыдов. Стихотворения. Иркутск, 1937.

⁹ Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений, т. 3, М., 1956, стр. 624.

Бродяга в романе В. В. Крестовского «Петербургские труппы» изображен как эпизодическое лицо («Отечественные записки», 1864—1867). Это человек, доведенный наказаниями до морального и физического отупения. В 1877 году к теме бродяжества обращается И. З. Суриков. Им была задумана поэма «Беглый», но из нее известен только отрывок «В остроге». Поэт подчеркивает трагизм и безнадежность положения беглеца: «Свет велик, да что мне радости? В нем бродяге места нет».¹⁰

Внимание к Сибири как стране тюрем, ссылки и каторги, стране, «где только люди да цепи, цепи да люди» (Омулевский), один из крупных исследователей этого вопроса Н. М. Ядринцев объяснял влиянием натуральной школы, которая обратилась к исследованию быта простого народа и вообще бедных классов общества; писатели, следующие традициям натуральной школы, «естественно, должны были натолкнуться на несчастья, лишения и преступления, которыми обыкновенно сопровождалась жизнь бедняков».¹¹ Однако Ядринцев из цензурных соображений не акцентировал внимания читателей на другой, не менее важной причине: огромном количестве политических ссыльных и политических заключенных, выходящих из всех слоев общества, разделявших судьбу всей мещанской и интеллигентской России, томящейся в цепях, кандалах, в ссылке и на каторге. Количество политических ссыльных, административно высланных, осужденных на каторгу, к началу XX века достигает чудовищных цифр.

Участь политических ссыльных и каторжников пришлось разделить многим русским писателям и поэтам, начиная с А. Н. Радищева, декабристов и кончая В. Г. Короленко, П. Ф. Якубовичем-Мельшиным, С. Я. Елпатьевским и многими другими. Скорбные слова А. И. Герцена о трагической судьбе писателя в России повторил позже В. Г. Короленко: «... редкий из нашей братии может, положив руку на сердце, ответить: на каторге не бывал, под судом и следствием не находился, под явным и тайным надзором не состоял. Такая уж преступная профессия».¹²

Поэтому бытописателями тюрьмы, певцами закованной в кандалы и сосланной в сибирские рудники крестьянской, бродячей, безработной и протестующей России нередко оказывались разделявшие и здесь ее судьбу русские писатели, среди которых после Достоевского на одно из первых мест следует поставить В. Г. Короленко. Если Достоевский показал человека в преступнике, раскрыл неиспорченные стороны его души («Записки из Мертвого дома»), то, продолжая гуманистическую концепцию Достоевского, утверждающего, что «ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего»,¹³ Короленко писал, что надо «видеть и в убийце человека», так как «убийца не все же только убивает, он еще и живет, и чувствует, как все остальные люди».¹⁴ Короленко шел дальше Достоевского, так как ставил вопрос о тех общественных условиях, которые делали из нормального человека преступника.

В образе сибирского бродяги писателя привлекают ярко выраженные «моменты героизма» в борьбе за свою личную свободу, нежелание мириться с тюремно-каторжными условиями труда. В 1880-е годы Короленко.

¹⁰ И. З. Суриков. Стихотворения. Изд. 4, М., 1884, стр. 368—373.

¹¹ Н. М. Ядринцев. Преступники по изображению романтической и натуральной школы. «Дело», 1872, № 6.

¹² В. Г. Короленко, Собрание сочинений, т. 8, М., 1955, стр. 339 («Стереотипное в жизни русского писателя»).

¹³ Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений, т. 3, стр. 701.

¹⁴ В. Г. Короленко, Собрание сочинений, т. 1, М., 1953, стр. 135 (в дальнейшем при цитировании в тексте в скобках указываются страницы этого издания).

как и Гаршин и молодой Чехов, ищет путей для обновления и обогащения реалистического метода.

Являясь предшественником Горького, выступившего в литературе с революционно-романтическими произведениями, Короленко считал не обходимым сочетать реалистические элементы в изображении жизни с романтическими.¹⁵

По мнению писателя, «в каждой почти душе» присутствует «момент героизма... хотя бы и в микроскопических дозах».¹⁶ Показывать эти «моменты героизма», воздействуя тем самым на сознание общества, побуждая его к активной борьбе за свои права и интересы, считал своим долгом писатель. С этим связана характерная для всех произведений Короленко глубокая вера в человека, оптимизм, отличающие его творчество от творчества многих писателей — его современников. Отсутствие героических мотивов в современной писателю литературе он объяснял идейной ограниченностью реализма. Сам он находит «моменты героизма» в самых различных слоях народа (сектант Яков, перевозчик Тюлин, лесник Роман, революционерка Морозова и т. д.). Именно «моменты героизма» привлекают его и в образах бродяг Сибири. В их жизни писатель видит страстную и в то же время стихийную, бессознательную любовь к свободе, к «вольной волюшке», во имя которой приносятся невероятные жертвы и нередко жизнь. Поэзия борьбы за свободу — один из постоянных мотивов лиризма, пронизывающего все творчество В. Г. Короленко.¹⁷ В борьбе за свободу рождается мужество, выдержка, появляется смелость, находчивость и уверенность, осознание своих способностей, словом, все те черты, которые так нужны обществу в эпоху общественной реакции. Именно эти стороны человеческого духа и воспевает Короленко в образах бродяг: «Человек, который сумел уйти с каторги или поселения, который прошел горы и долины Забайкалья под винтовками бурят, проплыл по бурному морю (так называют в Сибири Байкал) — такой человек доказал, что он не болтун, что он истинный служитель того святого огня — надежды, которая горит в каждом сердце. Он воплощенная надежда, ее носитель, ее „рыцарь“».¹⁸

Короленко романтизирует лишь отдельные стороны бродяжества, создавая в целом правдивые образы беглых каторжников, людей, вынужденных нередко идти на преступления и даже убийства в борьбе за возможность существовать. Элементы романтизации вносятся писателем путем сочетания лирического мотива свободолюбия с поэтическими образами старинных разбойничьих и тюремных песен, преданий, пословиц и поговорок. Впервые образ бродяги появляется у Короленко в рассказе «Убивец», написанном в 1882 году в Якутии. В лице бродяги «Ивана 38 лет» намечен психологически сложный и противоречивый характер. Он потерял веру в правду божескую и человеческую, а раз нет справедливости, значит нет и преступления; он берется доказать, что нет человека, которого нельзя было бы «взять железом», и убивает ямщика, не причинившего ему никакого зла,

¹⁵ Подробнее об этом см.: Г. А. Бялый. К вопросу о русском реализме конца XIX века. «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ», 1946; С. Н. Николаева. В. Г. Короленко о сущности и задачах искусства. «Ученые записки Сталинградского гос. пединститута», 1955, вып. 6; Н. Д. Михайловская. К вопросу о творческом методе Короленко. «Известия Воронежского гос. пединститута», т. X, вып. 3, 1948.

¹⁶ См. письмо Н. К. Михайловскому от 2 января 1888 — сб. «Короленко о литературе», М., 1957, стр. 465—466.

¹⁷ Подробнее об этом см. в статье: Н. К. Пиксанов. Лиризм Короленко. «Жизнь», 1922, № 2.

¹⁸ В. Г. Короленко. Сибирские очерки и рассказы, т. I. М., 1946, стр. 322 («Содержащая»).

никакой обиды. И все-таки в этой изломанной, ожесточившейся и озлобленной душе пробуждается негодование против чужой жестокости и несправедливости, смутные укоры собственной совести.

Это типичное для романтиков сочетание преступного и мрачного характера с чистотой душевных исканий, с жадной доброй и справедливостию подходит художественное выражение посредством фольклорных элементов, которые усиливают некоторую романтичность образа бродяги. Следовательно бродяга отвечает песенными формулами: на вопрос о товарищах — «Я да темная ночь, да тайга-матушка — сам третей» (стр. 96; ср. со словами из известной старинной разбойничьей песни «Не шуми, мати зеленая дубравушка», известной А. С. Пушкину и приведенной в нескольких вариантах А. И. Соболевским: «Что товарищей у меня было четверо: Уж как первой мой товарищ — то темная ночь, второй мой товарищ — булатный нож...»)¹⁹ На вопрос, какого он роду-племени, отвечает: «Острог мне батюшка, тайга моя матушка. Тут и род, тут и племя» (стр. 98). Это поэтические образы, часто встречающиеся в песнях бродяг и тюремных («Тайга родная вместо матери была...»)²⁰ Обращение к поэтическим образам старинных разбойничьих и арестантских песен придает несколько романтический оттенок образу бродяги, к чему, собственно, и стремится автор.

Еще ярче эта особенность короленковского метода выступает в рассказе «Соколинец». Здесь также творческое использование поэтики разбойничьих, арестантских и тюремных песен о бродягах, преданий, поговорок, загадок является одним из средств некоторой романтизации образа бродяги.

При разработке тюремно-бродяжьей темы Короленко не случайно обращается к этим тематически и художественно определенным жанрам тюремного народного творчества. Во второй половине XIX века в фольклоре возник целый цикл песен о бродягах, который тематически, а отчасти и по своим художественным особенностям восходил к старинным разбойничьим песням, в известной мере уже утратившим свою актуальность. Тюремные же песни об арестантах, бродягах, поселенцах, широко бытующие на Урале и в Сибири, распространяются затем по всей России, ибо к концу XIX столетия в сибирских тюрьмах, на каторге и поселении перебивала вся «виноватая» рабоче-крестьянская, мещанская и интеллигентская Россия, сознательно или бессознательно выражавшая «несогласие» с существующими порядками, пытавшаяся сознательно или стихийно бороться с ними.

В большинстве тюремных песен звучат те же мотивы любви к вольной волюшке, грусти и тоски по родине, воспевание удачных побегов из тюрьмы, презрение к опасностям, что и в разбойничьих песнях. Кроме того, последние бытовали среди арестантов и несомненно влияли на возникновение песен бродяг, тюремных и арестантских. Так, известная старинная песня разинцев «Ты взойди, взойди, солнце красное» в Сибири имела следующее продолжение: «Обогрей-ка ты нас, людей бедных, людей бедных, бродяг беглых и х! (разрядка моя, — Э. В.)».²¹ Отдельные элементы поэтики старинных разбойничьих, разинских и пугачевских песен также широко использовались тюремным фольклором: постоянные эпитеты — тюрьма крепкая, каменная тюрьма, широкая дороженька, темный лес; художественные, иногда горько-иронические образы тайи-матери, острога-батюшки, вольной птицы (сокола, жавороночка) и т. д.

¹⁹ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VI. СПб., 1899. №№ 394, 424—430 (в дальнейшем: Соболевский).

²⁰ В. Гартенвельд. Песни каторги. СПб., 1908, № 22 («Бродяга»).

²¹ В. А.—в. Несколько тюремных и поселенческих песен. «Енисей», 1898, № 89, 31 июля, стр. 2—3.

Образ разбойника в какой-то степени идеализировался народными песнями. С глубоким сочувствием рисуется, например, разбойник в широко распространенной в первой половине XIX века песне «Не шуми, мати зеленая дубравушка», имеющей различные запевы. В многочисленных вариантах песни «Усы», записанной во всех концах России, что также свидетельствует о ее популярности в народе,²² звучит любование удалью, смелостью, лихостью разбойников, а образ ограбленного зажиточного мужика рисуется не только без сочувствия, но и с насмешкой. Образ бродяги в песнях, — насколько можно судить по немногочисленным публикациям, ибо песни эти почти не привлекли внимания собирателей, — рисуется с грустным сочувствием, а иногда бродяга становится в глазах народа бунтарем и мстителем, например в сказах о беглеце Сороке, легенде о беглеце Кривоцуком и других в записи А. Мисюрёва.²³

В. Г. Короленко обращается к фольклору бродяг, арестантов и поселенцев как к ценнейшему материалу для изображения этой среды. Песни о бродягах, широко распространенные в Сибири и на Урале²⁴ и чрезвычайно популярные в народе, особенно «Глухой, неведомой тайгою...», «По диким степям Забайкалья...», «Славное море, священный Байкал...» и др., не могли не быть известны писателю, проведшему в тюрьмах, на этапах и в ссылках лучшие годы своей молодости. Хорошо был знаком Короленко и с разинским фольклором. В 70-е годы, увлекаясь революционным народничеством, он интересовался крестьянскими войнами Разина; о своеобразной романтизации волжско-разинского движения, распространенной среди революционно настроенного студенчества, вспоминал он в «Истории моего современника»; сам он хорошо знал цикл разинских песен, даже редкие их варианты, о чем свидетельствует его записная книжка 1879 года. В ней встречаются цитаты из разинских песен, например на стр. 54:

Рукой махнем —
Кораблик возьмем,
Кудрями тряхнем —
Девиду возьмем.²⁵

В творческом представлении В. Г. Короленко, стремящегося показать моменты героического в самых темных углах жизни, даже среди деклассированных элементов общества, отдельные яркие, незаурядные и волно-

²² П. С. Богословский. Песня об усах из сборника Кирши Данилова и камская вольница. Пермь, 1928.

²³ А. Мисюрёв. Предания и сказы Западной Сибири. 1954, стр. 89—91.

²⁴ См., например: В. А.—в. Несколько тюремных и поселенческих песен; В. Шишков. Песни, собранные в Иркутской губернии по течению р. Нижней Тунгуски в 1911 г. «Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО», т. XIII, 1914; П. А. Шилков. Из быта срочных арестантов. «Этнографическое обозрение», 1891, № 4; В. А.—в. К вопросу о сибирской народной песне. «Сибирский сборник», 1899; С. Максимов. О сибирских великорусских песнях. «Живая старина», 1898, вып. 1; М. Н. Костюрина. Сибирские народные песни, записанные в подгородных деревнях около Тобольска. «Ежегодник Тобольского губернского музея», 1895; А. А. Макаренко. Сибирские песенные старины. «Живая старина», 1907, вып. 1; Ф. Н. Баранов. Песни оренбургских казаков с напевами, вып. 2. Оренбург, 1913, №№ 91—100; В. И. Гартенфельд, ук. соч.; А. Гуревич. Бродяжьи тюремные песни. «Старый фольклор Прибайкалья», Улан-Уде, 1939.

²⁵ В. Г. Короленко. Записная книжка 1879 года. Горький, 1933. Полный вариант песни имеется в «Песнях, собранных П. Киреевским» (М., 1868, вып. 7, стр. 33—34) и приводится М. А. Яковлевым (Народное песнетворчество об атамане Степане Разине. Л., 1924, стр. 18) и А. Н. Лозановой (Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.—Л., 1935, стр. 53).

любивые характеры среди сибирских бродяг, не могли не вызвать ассоциации с поэтическими образами разбойничьих песен. Поэтому наряду с тюремным фольклором писатель обращается и к поэтике старинной разбойничьей песни. Все эти фольклорные элементы нашли творческое отражение в сюжете, художественных образах и языке рассказов о бродягах, но особенно ярко это выразилось в «Соколинце».

Самый сюжет его возник из записи устного рассказа бродяги-поселенца²⁶ и сходен в основных чертах с сюжетами песен о бродягах: соколинца Василий бежит с Сахалина с группой товарищей («бежал бродяга с Сахалина звериной узкою тропой...»), ему помогает советом и указаниями старик Буран, хорошо знающий бродяжьи тропинки и расположение кордонов («старый товарищ бежать пособил...»), «как изошли из кустов да тайга-матушка над нами зашумела, — верите, точно на свет вновь народились. Таково всем радостно стало», — рассказывает соколинца («Ожил я, волю почую...»).

Сюжетное сходство объясняется тем, что песни о бродягах и рассказ Короленко имели в основе своей один и тот же жизненный материал. Короленко использовал рассказы поселенца, встреченного им во время пребывания в Якутской ссылке, бывшего бродяги, бежавшего с Сахалина. Песни о бродягах могли возникнуть в результате чьего-нибудь индивидуального творчества, затем проходить дальнейшую шлифовку в коллективе в процессе своего бытования. Но не исключена возможность, что источником некоторых бродяжьих песен также служили рассказы бывалых бродяг об удачных побегах (например, песни о Ланцове). Как правило, в большинстве песен о бродягах имеется упоминание о побеге, удачном или трагически закончившемся.

Лирический пафос этих песен объясняется глубокой тоской по родине, жаждой свободы, выражаемой с большой искренностью и задушевностью. К этому присоединяются нередко сожаления о семье и родных, которых больше не придется увидеть, мысли о возможной неожиданной гибели в тайге от голода, болезней или диких зверей.

В. Г. Короленко сумел с необычайной художественной силой передать в рассказе бродяги настроения, свойственные бродяжьим песням. Его герой ярко рисует тоску долгого, трудного пути по тайге, связанного с необходимостью постоянно прятаться, голодать, идти только по ночам, все время опасаясь быть пойманным. Гнетущее настроение от сознания своей ненужности, неприкаянности, отверженности нередко овладевает беглецами: «Ночка-то темная, тайга-то глухая... дождем тебя моет, ветром тебя сушит, и на всем-то, на всем белом свете нет тебе родного угла, ни приюту» (стр. 164). О том же говорит и песня бродяг, приводимая С. В. Максимовым: «Уж куда-то я, добрый молодец, ни кидался, уж по лесам, по деревням все заставы, на заставах все крепкие караулы».²⁷

Судьба бродяг после удачного побега с каторги или из тюрьмы не всегда складывается благополучно. Нередки случаи гибели в тайге от истощения, болезней или шальной пули бурята, который даже сложил поговорку, что «худенький беглый лучше доброй козы»,²⁸ так как воспользоваться нехитрым бродяжьим скарбом (котелок, халат, нож и т. п.) представлялось более выгодным. Поэтому в бродяжьих песнях нередко встречается харак-

²⁶ Эта запись, сделанная рукой В. Г. Короленко, сохранилась: Архив, 4, 154.

²⁷ С. В. Максимов. Сибирь и каторга, т. IV. СПб., 1896, стр. 173 (в дальнейшем: Максимов).

²⁸ Там же, т. I. СПб., 1891, стр. 204.

терный для украинских дум и народных казачьих песен образ — хищные птицы и звери растаскивают кости умершего одинокого бродяги:

Пролегает путь-дорожка через темные леса,
Там сидит бедный бродяжка, сам с собою рассуждает:

Прилетай-ка, черный ворон, выпивай-ка кровь мою,
Приходите, люты звери, растащите кость мою.

Прилетел ли черный ворон, выпивал ли кровь его,
Приходили люты звери, растащили кость его.²⁹

В рассказе соколинца этот же образ еще сильнее подчеркивает обреченность и трагизм участи всеми гонимого бесприютного бродяги: «Не всякому ведь бродяге и могила-то достанется. Помрешь в пустыне, — зверь сожрет, птица расклюет... Кости — и те серые волки врозь растащут» (стр. 163).

Но если во многих песнях бродяг мотивы тоски и грусти являются преобладающими даже в том случае, если беглец и доходит до родины, где часто уже не находит семьи, то в некоторых из песен выражена и поэзия борьбы за свободу, страстное свободолюбие, торжество вырвавшегося на волю человека. Именно эти мотивы с большой силой звучат в стихотворении Давыдова «Славное море, священный Байкал...», ставшем одной из любимых и популярнейших песен с конца XIX века до наших дней. Эти же мотивы страстного и в то же время стихийного свободолюбия окрашивают все повествование «Соколинца». При этом неоднократно используется образ вольной птицы, характерный для тюремных и арестантских песен; этот образ вольно летящей птицы дается в рассказе как символ свободы, к которой стремятся «соколиньские бродяжки»: «Реет горный орел, тихо взмахивая свободным крылом», «амурская-то сторона за проливом край неба горами синее. Так бы, кажись, птицей снялся да полетел (рядка наша, — Э. В.)» (стр. 157; ср., например, со словами песни: «Мне бы, братцы, вольной птицей по ветру туда нестись»),³⁰ «Конек почти ложился на землю, распластываясь в воздухе, точно летящая птица» (стр. 173) и т. д. Радостное, ликующее чувство сознания своей свободы, звучащее торжеством в словах и напеве песни бродяги, прошедшего самую трудную часть пути («горная стража меня не поймала, в дебрях не тронул прожорливый зверь, пуля стрелка миновала...») окрашивает и конец рассказа соколинца. Он не сообщает о том, каким образом очутился на поселении в Якутии. Бродяжья эпопея заканчивается тем, что, удачно добравшись до Николаевска, беглецы разбились на группы в два-три человека и пошли дальше. Короленко намеренно заставляет соколинца оборвать свой рассказ, оставляя у читателя уверенность в счастливом исходе. Дальнейшее повествование о новой тюрьме и выходе на поселение противоречило бы смыслу рассказа, выражающему идею беззаветной самоотверженности во имя свободы: «... мне казалось, что надо мной шумят лиственницы и кедры, что я гляжу вниз с высокого утеса... Казалось, меня обдавал свободный ветер, в ушах гудел рокот океана, садилось солнце, залегали синие мороки, и моя лодка тихо качалась на волнах пролива.

«Я думал о том, какое впечатление должна производить эта бродяжья эпопея, рассказанная в душной каторжной казарме, в четырех стенах крепко запертой тюрьмы. И почему, спрашивал я себя, этот рассказ запечатлевается даже в моем уме — не трудностью пути, не страданиями, даже „не

²⁹ В Д—в. Несколько тюремных и поселенческих песен, № 89.

³⁰ В. Гартенфельд, ук. соч., № 8.

лютую бродяжьей тоской“, а только поэзией вольной волюшки? Почему на меня пахнуло от него только призывом раздолья и простора, моря, тайги и степи?» (стр. 171).

Короленко, подчеркивая страстную, но стихийную любовь к свободе и раздолью, неукротимое стремление к воле, никогда не умирающее в душе бродяги и способное захватить даже не искусственного в побегах человека, отмечает очень важную функцию подобных бродяжьих «эпических» рассказов: в условиях душной тюрьмы они производили огромное впечатление, будили в сознании желание свободы, активную волю к борьбе за нее. Весь рассказ соколинца представляет собой не что иное, как один из тех самых бродяжьих рассказов, которые, по-видимому, широко бытовали в стенах тюрьмы и на каторге, но рассказ, преобразенный с огромной художественной силой талантом художника и выполняющий по существу ту же функцию пробуждения активности в обществе. Эти устные рассказы остались незаписанными фольклористами, не привлекли внимания исследователей, но их художественную ценность, активное психологическое их воздействие на сознание слушателей неоднократно раскрывает Короленко в своих произведениях. Хороший рассказчик или сказочник, по словам писателя, «человек ценный для всей камеры»: «...какой-нибудь бывалый человек, бродяга, улегшись во весь рост на нарах, заложив руки за голову, мечтательно уставившись глазами в потолок, рассказывает внимательной аудитории о своих странствиях „по морю“ на плотике, о разных народах дикой Сибири, о каменистом Соколином острове, о проворном буряте Забайкалья... И слушатели следят с замиранием сердца интересный рассказ, и забывает серая шпанка о постылой содержащейся тюрьме, уносясь воображением за отважным „русским человеком“, пробирающимся по тропкам бурятских лесов», — читаем мы у Короленко.³¹ Автор несколькими штрихами раскрывает здесь важность подобных «бывальщин» для арестантов: они забывают о действительности, которая для них «хуже смерти», и бродяга в их глазах уже не преступник, бежавший от наказания, а просто «русский человек», отважно идущий по незнакомому краю.

Короленко знал немало таких рассказов. Не случайно в его произведениях так много говорится о различных приключениях и побегах бродяг из тюрьмы: бегут 12 каторжан с Сахалина («Соколинец»), Федор Бесприютный бежит с поселения со своим отцом и его товарищем, затем один («Федор Бесприютный»), Степан бредет с товарищем по лесу и встречает двух бежавших из тюрьмы женщин, а затем целую группу бродяг, с которыми спускается на плоту по реке («Марусина заимка»), и т. д. По-видимому, писателю приходилось встречать незаурядных рассказчиков. Это у них заимствованы меткие и яркие слова и сравнения из бродяжьего быта: «запасай ноги», «без малого волку в пасть не полезли»; опытный бродяга «идет, знай, покачивается, по сторонам не глядит, ровно собака по следу» и т. п. Знакомство писателя с талантливыми рассказчиками из тюремной среды отразилось не только на сюжете, стиле и языке его рассказов, но и в создании образов. Герои его нередко сами талантливые рассказчики; рассказы Федора Бесприютного, например, автор характеризует как «выразительные и красивые».

Из всего многообразного и неодинакового по своей художественной ценности тюремного фольклора Короленко использовал только то, что отвечало его задачам писателя-художника.

³¹ В. Г. Короленко. Сибирские очерки и рассказы, т. I, стр. 320—321 («Содержающая»).

Мы не найдем у него так называемых блатных песен и сказок, зато половицы, поговорки, загадки, предания, бытовые рассказы, отразившие силу и красоту человеческого характера, проявленную в условиях тюрьмы и каторги, служили для писателя одним из богатых источников художественного творчества.

Устный рассказ, беседа «по душам» с поселенцем — это не всегда фольклор. Не каждый из таких рассказов становился достоянием устной традиции. В своей массе устные рассказы представляют собой сырой материал, который составляет основу для возникновения фольклорных произведений: некоторые из устных рассказов бытового характера становятся преданием, некоторые перелагаются в песню; одни долго бытуют как рассказы типа «бывальщины», другие исчезают совсем. Источники сибирских рассказов Короленко — это не только произведения фольклора, но сама жизнь народа, нередко без вины страдающего в тюрьмах, на каторге и поселении, оторванного от родины, жизнь, рассказанная писателю самим народом. Короленко отнесся к нему с чутким вниманием и искренним сочувствием, умея и в преступнике увидеть живые человеческие черты, стремясь понять причины, которые привели человека на каторгу. Писатель хорошо изучил среду поселенцев, бродяг и ссыльных. Товарищ его по ссылке, земледелец О. В. Аптекман вспоминает, что Короленко умел завоевать огромное доверие в этой среде.

«К нему льнули все, а в особенности наиболее отчаявшиеся и отверженные... Не преувеличивая, они благоговели перед ним. За что? Они чутьем угадывали, что В. Г. не только не презирает их, но и признает их за людей. И это возвышало их в собственных глазах... Обаятельная простота его, обычная приветливость, прямые, искренние отношения с окружающими, кто бы они ни были, очаровывали даже самых закоренелых».³²

Благодаря большому личному обаянию, душевному доверию, которое умел вызывать в людях Короленко, они выкладывали перед ним все, что могло быть ему интересно. Тот же Аптекман вспоминает: «У нас на глазах создается „Сон Макара“, „Соколинец“. Его Макара — это хозяин нашей юрты... грязный, грубый, вороватый, пришибленный. Он привязывается к В. Г., ходит к нему, выкладывает перед ним все печали своей скорбной, беспросветной трудовой жизни... Душа его распахивается перед „хорошим человеком“».³³

Устный рассказ, еще не отлившийся в чеканные формы фольклорного произведения, не прошедший шлифовку в коллективе, но в то же время являющийся не простой констатацией факта, а в какой-то степени производящим художественного слова, — один из основных источников для выяснения художественной специфики рассказов Короленко о бродягах.

Некоторые из этих устных рассказов, определяющие содержание и художественное своеобразие произведений Короленко о бродягах, сохранились в архиве писателя. Это еще не черновые редакции, а как бы заготовки материала, это запись со слов рассказчика, но запись, сделанная по памяти и носящая уже некоторые следы художественной обработки. Такова первоначальная запись истории побега с Сахалина, рассказанной поселенцем в Амге, вошедшая без существенных сюжетных изменений в рассказ «Соколинец».

³² О. В. Аптекман. Черты из личных воспоминаний. «Каторга и ссылка», 1927, № 8 (37).

³³ Там же.

Г. А. Бялый, изучавший эту запись, считает ее черновой редакцией «Соколинца».³⁴ Такого же мнения придерживаются А. И. Малютина в кандидатской диссертации «Сибирские рассказы В. Г. Короленко и их народно-поэтическая основа»³⁵ и Р. П. Маторина.³⁶

Однако это только запись устного рассказа бродяги, сделанная во время или вскоре после беседы с поселенцем. Самый факт этой беседы вспоминает тот же О. В. Аптекман: «...пришел к В. Г. „Соколина“, и они с глазу на глаз провели в душевной беседе за чаепитием бесконечно долгую якутскую ночь».³⁷ Запись рассказов поселенца состоит из трех отрывков: первый опубликован,³⁸ второй («Отрывок II. Рассказы поселенца») и третий («Отрывок III. Бродяжий брак») хранятся в архиве писателя.³⁹ Третий отрывок был использован в рассказе «Марусина займка» как рассказ Степана об истории его брака с Марусей. Когда критика обвинила писателя в выдуманности и неправдоподобности рассказа Степана, Короленко сказал Ф. Д. Батюшкову: «Как раз то, что у меня было записано дословно в мсей записной книжке и что я воспроизвел, не перерабатывая. Ну уж и критика (разрядка моя, — З. В.)».⁴⁰ С. В. и Н. В. Короленко, комментирующие издание сибирских рассказов 1946 года, в примечаниях к «Соколину» упоминают об этой записи, не считая ее черновой редакцией: «Это еще краткая запись, первоначальный сырой материал».⁴¹

При сравнении печатного текста рассказа с этой записью бросается в глаза разница в языке: в записи часто повторяются одни и те же слова: глагол «говорить» («Я говорю: Смотри, парень, близко. А он говорит — далеко еще»), «называемый» («Порт это, называемый Дуя...», «Гиляк стоит, Оркун называемый» и т. д.), характерны короткие, отрывистые фразы, сокращения слов (В-дие — Ваше благородие), отсутствие знаков препинания. Изменение некоторых имен и фамилий, а также названий городов, упоминаемых в записи, дает основание предполагать, что вначале были названы подлинники лица, участвующие в побеге, а изменения были сделаны автором из конспиративных соображений. На это указывают в своих примечаниях С. В. и Н. В. Короленко: «Со слов В. Г. Короленко известно, что в те годы, когда был опубликован „Соколинца“, история побега с Сахалина целой группы уголовных не была еще забыта, и у автора возникло опасение, как бы его рассказ не имел роковых последствий для его героя».⁴²

Поэтому фамилии некоторых героев в рассказе другие, нежели в записи: так, фамилия старосты арестантской артели, помогающего в организации побега, Горохов, всюду перечеркнута и исправлена на Бобов (в рассказе Бобров) начальник кордона в записи Сотников, в рассказе — Салтанов. С этой же целью, вероятно, изменено место побега. В рассказе каторжники бегут с мельницы, где работал «Петруха из каторжных». В записи устного рассказа поселенца беглецы уходят с лесопилки, которой «арестант заведовал, старик, Сережкой звали. Горохов к нему: так и так — требуй народу

³⁴ Бялый, стр. 79—80.

³⁵ А. И. Малютина. Сибирские рассказы и их народно-поэтическая основа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Государственная библиотека СССР им. Ленина, 1950, гл. III.

³⁶ Р. П. Маторина. Описание рукописей В. Г. Короленко. М., 1950, стр. 81 (в дальнейшем: Описание).

³⁷ О. В. Аптекман, ук. соч., стр. 171.

³⁸ В. Г. Короленко. Сибирские очерки и рассказы, т. II.

³⁹ Архив, 4, 154.

⁴⁰ Ф. Д. Батюшков. Короленко как человек и писатель. М., 1922, стр. 70.

⁴¹ В. Г. Короленко. Сибирские очерки и рассказы, т. II, стр. 536—537.

⁴² Там же, т. I, стр. 536—537 (примечание).

побольше. — Ладно, говорит». Название кордона в записи только упомянуто (Погиба), в рассказе раскрытие смысла названия носит характер топонимической легенды: «А почему Погиба? — больше всех тут нашему брату погибель». Зато имя гиляка, помогающего беглецам переправиться на амурскую сторону, сохранено без изменения — Оркун. С этим Оркуном встретился в 90-х годах Л. Штернберг, отбывавший свой срок на Сахалине в качестве политического ссыльного. «Мне пришлось здесь встретить и даже сделаться другом одного из подлинных действующих лиц этого рассказа, — вспоминает Штернберг. — В десяти верстах от моего кордона находилось маленькое гиляцкое селение Тык на речке того же имени. Старостой этого селения оказался в то время тот самый Оркун, который снабдил бродяг из „Соколинца“ лодками и так симпатично очерчен в рассказе Короленко».⁴³

Таким образом, устный рассказ бывшего бродяги о побеге с Сахалина, записанный Короленко, — это еще не первая черновая редакция «Соколинца», а образец одного из бродяжьих рассказов, широко бытовавших в тюремной среде и имеющих в своей основе конкретные происшествия.

В процессе творческой работы над рассказом Короленко совершенно переработал язык записи, придал ей другое идейное звучание, широко использовал элементы фольклора. Речь рассказчика-поселенца насыщается яркими художественными образами из народных песен и былин, пословицами, поговорками, яркими сравнениями. Основной идеей рассказа становится идея свободной вольной жизни, ради которой человек готов и должен пойти на любые трудности и лишения; она выражается в самой речи, проникнутой то глубоким лиризмом чувства «лютой бродяжьей тоски» по родине, то радостным сознанием свободы. Мотив свободолюбия выражен певучим, ритмичным, характерным для Короленко языком звукописи. В то же время писатель сохранил все яркие, выразительные характеристики, меткие выражения и характерные для бродяжьего быта слова, имеющиеся в записи.

Перерабатывая запись рассказа бродяги, Короленко вносит романтическую трактовку образов,⁴⁴ развертывая отдельные фразы в целые поэтические картины. Например, в записи впечатления привезенных на Сахалин арестантов переданы кратко: «Идем мы, а сами спрашиваем друг друга: Неужто это конвою с нами нету?». В рассказе за этим следует: «— Молчи, — угрюмо проворчал в ответ на это Буран. — Зачем тебе здесь караул? Небось и без караулу не убежишь. Остров этот большой да дикой. В любом месте с голоду поколеешь. А кругом острова море... Вот оно: кругом-то вода, посередке беда»⁴⁵ (стр. 147).

Изображая начало побега, Короленко отмечал обычай совершать особый арестантский молебен, чтобы побег был удачным. В записи о нем не упоминается; возможно, Короленко знал его из других источников. Этот обычай, по-видимому, был распространен среди бродяг, отличающихся известным суеверием, в связи со всевозможными опасностями и случайностями, иногда трудно объяснимыми, встречающимися в пути: «Беглецы „стали на молитву“, отслужили нечто вроде молебна на этот случай по особому арестантскому уставу, попросились с Бобровым и двинулись в дорогу» (стр. 152).

⁴³ Л. Штернберг. Встречи и впечатления. Сб. «В. Г. Короленко», Пгр., 1922, стр. 61.

⁴⁴ На это указывает и Г. А. Бялый (стр. 79—80).

⁴⁵ Эта же загадка о Сахалине приведена А. П. Чеховым (Собрание сочинений т. 10, М., 1956, стр. 349).

Рассказ бродяги, включенный в сюжетную рамку «Соколинца», преобразуется под пером писателя и со стороны поэтической. Язык рассказчика становится ярким, живым, образным, расцвечивается песенными и былинными образами, поговорками, загадками, присловьями. Например, описание привала бродяг в записи: «Тут мы привал сделали. Огонь развели, стали варить рыбу». У Короленко: «Вот сидим мы у огня, уши дождаемся, давно горячего не видали. А ночь темная, с окияну тучи надвинулись, дождик моросит, по тайге в овраге шум идет, а нам и любо... Нашему-то брату, бродяжке, темная ночь — родная матушка: на небе темнее — на сердце веселее (разрядка моя, — Э. В.)» (стр. 168; использован песенный образ в сочетании с присловьем, завершающий небольшой рисунок пейзажа). Трудности и опасности пути по глухой тайге раскрываются писателем через былинный художественный образ. В записи: «Пища у нас вышла, нужно в Николаевск заходить, а уж там, должно быть, начальство-то дожидается». У Короленко: «Стали ближе к Николаевску подаваться; займки пошли чаще, и нам еще опаснее. Как-никак, подвигаемся помаленьку вперед, да тихо; ночью идем, а с утра забиваемся в глушь, где уж не то что человек, — зверь не прорыщет, птица не пролетит. Николаевск — город надо бы подальше обойти, да уж мы притомились по пустым местам, да и припасы кончились (разрядка моя, — Э. В.)» (стр. 165; ср. со словами былины: «...на добром кони никто тут не проезживают, птица черный ворон не пролетывает, серый зверь да не прорыскиват»)⁴⁶.

В записи гиляки, очень быстро узнавшие о смерти Салтанова, только упоминаются. У Короленко это сообщение сопровождается характеристикой: «Бедовые эти инородцы, сороки им на хвосте вести носят. Что ни случись, все в ту же минуту узнают (разрядка моя, — Э. В.)» (стр. 162). Перефразированная автором поговорка «Сорока на хвосте прирессла» придает оттенок мягкого юмора положительной характеристике «бедового» гиляцкого народа, наблюдательного, трудолюбивого, добродушного и отзывчивого. Загадка о Сахалине: «Кругом-то вода, посередке беда» — в устах Бурана завершает нарисованную им мрачную картину жизни на Соколином острове и т. д.

Широко привлекая материал фольклора в процессе работы над рассказом, писатель в то же время использует характерные для речи бродяг выражения: «идем — нос-то по ветру держим», «ну, брат, запасай ноги, табак твое дело», «раздували припасы» (разделили) и т. д. Синтаксический строй языка в рассказе бродяги сохраняет народный характер: сочетание краткого причастия с глаголом в значении сложного сказуемого («челнок зачален стоит»), употребление указательной частицы «вот», придающей повествованию характер живого, только что совершившегося или совершающегося действия («вот, вошли мы в тайгу... вот мы, значит, и с лодками... Вот, рассказал нам старик все дороги»), употребление союза «и» перед сказуемым для передачи внезапности действия («туман в море и угнало»), короткие восклицательные предложения, выражающие отношение рассказчика к сообщаемому им самим («Куда им!», «Бывает!», «Страсть было жалко!»). Слова, характерные для говоров Сибири и Урала (ужо, хошь, разно, сумлеваться, чутья, прибитчиться), грамматические формы, свойственные народному языку (об ину пору, на радостях-то, пуше того дорого, таково радостно), также придают речи соколинца народный харак-

⁴⁶ А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. СПб., 1873, № 74 и др.

тер. В употреблении их писатель соблюдает необходимое чувство меры, нигде не нарушая требований художественности.

Другим выдающимся произведением цикла рассказов о бродягах является «Федор Бесприютный». В процессе создания его также использованы устные рассказы бродяг, но уже не как основа сюжета, а как средство раскрытия образа главного героя и в то же время средство обличения «неправды жизни».

Бродяжество раскрывается в этом рассказе как страшная трагедия социальной жизни России; здесь в центре внимания писателя уже не мотивы стихийного свободолобия, а вопросы жестокой социальной несправедливости, судьба искалеченной человеческой жизни.

Перед читателем «выдающийся представитель бродяжьей профессии» Федор; жизнь его изуродована, лишена смысла. Он делает титанические усилия вырваться из рокового круга — побегов и каторги, каторги и побегов; пятнадцать раз убегал он, два раза «доходил до своей губернии», но судьба его определена с детства. Сын поселенца, разделявший его участь, он не имеет права быть равным членом общества. И в сознании Федора встают те же самые «проклятые вопросы», которые решаются и передовыми людьми: о социальном неравенстве, об ответственности каждого члена общества за судьбу общества в целом, наконец, о его личной ответственности за собственную жизнь.

«Мир в душе бродяги отравлен тяжелой неправдой... Жизнь оскорбила этого человека, — вот он восстал, и он ставит эти вопросы, обращая их к жизни, требуя у нее ответа». «Сурово» его «лицо с резкими чертами», и глаза смотрят «не с мужицкой наивностью; в них заметна своего рода интеллигентность» (стр. 216). Многочисленные псбеги закалили его волю, а ум, незаурядная сила характера, удаль создали огромный авторитет и влияние среди арестантов, которые верят, что «Бесприютный знает», «Бесприютный зря слова не скажет». Вот почему так ярко бросается в глаза «моральное превосходство» Федора над полковником, инспектирующим партию, превосходство, отмеченное цензором, запретившим рассказ, как самое опасное в его идейном содержании.

Образ Бесприютного рисуется автором в более реалистическом плане, без тех явных элементов романтизации, которые характерны для «Соколинца». В нем автор уже не поэтизирует «момент героизма», а показывает бесплодность стихийного протеста, вызванного отчаянием. Неиссякаемое свободолобие Федора уже не восхищает писателя: бродяга всю жизнь вложил в пятнадцать побегов с каторги (шестнадцать побегов из Сибири в центральную Россию равны тому, чтобы обойти дважды по экватору весь земной шар, писал Д. Кеннан в своей книге «Сибирь и ссылка») ⁴⁷ и ничего не достиг. В волосах Бесприютного «уже проглядывает седина», а он по-прежнему бредет (в который уж раз!) по этапу. Нет в рассказе и романтики своеобразного бродяжьего долга товарищества, романтики скитаний по глухой тайге известными только бродягам тропами. Автор показывает почти звериную борьбу за существование, в которой все соображения товарищества и бродяжьей чести теряют смысл при условиях, когда один человек для другого действительно становится волком.

Раскрывая личную трагедию бродяги, который в других условиях мог бы стать человеком незаурядным, Короленко разоблачает все общественное устройство России с его бессмысленными и жестокими законами.

⁴⁷ Д. Кеннан. Сибирь и ссылка. СПб., 1906, стр. 158.

Существенный момент в этом произведении составляют два рассказа Федора о своих побегах, раскрывающие тяжелые и мрачные картины жизни бродяг. Источник первого рассказа неизвестен, источником второго послужили, так же как и в «Соколинце», записи рассказов неизвестного бродяги, сделанные уже не Короленко, а кем-то из его знакомых. Это записи рассказов какого-то бродяги, обозначенного X, сделанные на этапах Иркутской губернии. Рассказов несколько, все они повествуют о различных приключениях бродяг-спиртоносов в тайге, о переживаемых ими лишениях, о вольных и невольных преступлениях. Судя по началу первого рассказа, они были записаны от бродяги-татарина: «Пришли мы, четверо татар, из Томска на Витим в 1874 году...». В отличие от записи, сделанной В. Г. Короленко, рассказы явно подверглись кое-какой литературной шлифовке, не всегда удачной к тому же, и индивидуальные особенности языка и стиля рассказчика почти не сохранились.⁴⁸

В рассказе «Федор Бесприютный» частично использован эпизод из записи, повествующий о мести приискового рабочего Абдула своему товарищу. Автор взял лишь чисто внешний факт упорного, почти фанатического преследования и совершенно его переработал в соответствии с замыслом своего рассказа.

Содержание записи сводится к тому, что татарин Абдул стремится отомстить своему бывшему товарищу, обличившему его в воровстве сахара у соседей по казарме, за что Абдул получил «полсотни» плетей по товаришескому суду и с тех пор непрерывно искал случая убить обличителя. Опасаясь за свою жизнь, последний берет расчет и становится спиртоносом, несмотря на свою молодость и неопытность. В первый же раз, выйдя один в тайгу, он встречает своего преследователя. Последний уверяет его, что все забыл, и предлагает идти вместе, а ночью встает и бросается с топором туда, где спал спиртонос; тот в это время наблюдал из кустов и, удивившись в вероломстве, двумя пулями уложил Абдула на месте.

В рассказе Короленко Федор, еще почти подростком, встречается в тайге со стариком-бродягой, больным лихорадкой, оголодавшим, в жалких лохмотьях, с изодранными в кровь ногами. Федор поит его чаем, делится припасами, а ночью, внезапно проснувшись, слышит, как кто-то тихонько шарит у него над головой. Незаметно выйдя из шалаша, он видит, что старик уже приготовил «здоровенную корягу». Старик признается, что хотел убить его ночью, так как без одежды и пищи он умрет в тайге, где на сотни верст нет жилья. На предложение Федора разделить его припасы он отвечает, что на двух их все равно не хватит. В записи основной мотив преследования — месть. У Короленко старик-бродяга крадется в тайге за Федором, подстерегая каждое его движение, движимый инстинктом жизни. В записи преследование предшествует попытке убийства. У Короленко попытка убийства кладет начало преследованию: «... сколько я с ним муки принял, так это и рассказать невозможно, — признается Федор. — Ни отдохнуть, ни поспать, — сейчас он тут как тут. Видели вы летом слепую муху, как она к скотине привяжется? Ну, так и этот старик. И ведь не думайте, нисколько моего добра не помнил: чуть, бывало, прилягу к ночи, прислушаюсь, уж он тут... крадется в тайге и все с корягой... Впоследствии времени уж он и стыд потерял. Я к нему усовещевать, а он на меня так и кидается, так и наскокивает» (стр. 196).

В записи внимание В. Г. Короленко, по-видимому, привлекло стремление спиртоноса, убившего Абдула, уяснить для себя самого вопрос о степени

⁴⁸ См. приложение 2 к статье.

своей вины («Я спрашивал многих благочестивых книжных людей, что мне будет за это, грех ли я сделал или нет. И мне отвечали, что греха я не сделал. В моем положении иначе нельзя было поступить. Я защищался»). Такой же вопрос ставит перед собой и герой Короленко, но писатель-гуманист склонен решить его иначе, не снимая ответственности с человека за его поступки ни при каких обстоятельствах. Федор признается: «И совесть у меня нечиста, а иной раз так даже места себе не найду. И по сию пору, бывает, старик этот не дает мне покою. Потому что не иначе, думаю я, только что был он тогда вроде как в горячке. А я его, больного человека, убил... Как же теперь, по вашему-то: должен я за это отвечать или нет» (стр. 200). Но в решении вопроса о личной ответственности у героя Короленко напрашивается и другой вывод — об ответственности всего общества за существующий порядок: «Иной человек и век проживет без греха. Сходит к празднику в церковь, оттуда домой придет, о божественном разговаривает с детьми... Совесть, думает, чиста у меня, не как у прочих других. А между прочим, может, и совесть потому у него чистая, что он горя не видал да на линию такую поставлен. А вот моя линия совсем другая» (стр. 199). Об этой, заранее определенной для него «линии» он говорит в другом месте: «С самых с тех пор, как пошел за отцом да как мать померла, я, может, и человека хорошего не видал, и слова хорошего не слышал. Откуда мне было в понятие войти... Может... я бы согласнее в младых летах свою жизнь кончить, чем этак-то жить. И верно, то согласился бы. Так ведь у меня никто не спрашивал, а сам я был без понятия» (стр. 198).

Таким образом, Короленко заимствует из записи «типические обстоятельства», но наполняет их содержанием общечеловеческой и социальной значимости. Страшная несправедливость, которую совершила над бродягой жизнь, отравила мир в его душе своей «тяжкой неправдой». «Жизнь оскорбила этого человека, — вот он восстал, и он ставит эти вопросы, обращая их к жизни, требуя у нее ответа» (стр. 216). Рассказы самого Федора, один из которых создан на основе записи, разоблачают «тяжкую неправду», отравившую его сознание.

Создавая заново историю третьего побега Бесприютного, Короленко использует свои богатые наблюдения и другие источники. В рассказе Федора много этнографических деталей, ярко рисующих отдельные характерные особенности бродяжьего быта, показывающих известную традиционность в жизненном опыте бродяг. Отец Федора учит его: «...случится с незнакомым человеком ночевать, пуще всего голову береги. В живот хоть может и ткнет, все же труднее убить. А по голове ничего не стоит» (стр. 197). Аналогичный момент есть в записи рассказа бродяги X: «Опасаясь дикого зверя в тайге, а человека и подавно, в особенности во время ночевки опасаясь. Я, бывало, останавливался на ночевку всегда до захода солнца».

«Отхожу спать от огня сажень за пять. Оттуда из темноты видно кругом, что делается, благодаря костру. Если же лежишь у огня, то недобрый человек всегда издали может тебя рассмотреть и порешить».⁴⁹

В описание встречи Федора Бесприютного со стариком автор включает картину вещего сна, которая раскрывает типичные для бродяг черты: исключительно развитый инстинкт самосохранения и в то же время суеверие. Описание сна перемежается с картинами ночной тайги, одинокого костра, шумящего по листьям дождика, а напоминание об исчезнувшем в лесу странном старике вызывает у читателя чувство тревоги: «Ушел ста-

⁴⁹ См. приложение 2 к статье.

рик к ручью, не идет да не идет. Ночь, помню, темная была, на небе тучи, да еще и неба сквозь дерев не видать. Огонек у входа эдак дымит, потрескивает, да листья шелестят. Тихо. Вот лежал я, лежал — и вздремнул, да не очень крепко. Только слышу — вдруг отец меня окликает: „Федор, не спи!“ Так это будто издалека слышно» (стр. 197). Сон повторяется три раза, и проснувшийся Федор слышит, как старик крадется к шалашу: «Подошел этот старик, остановился у самого того места, куда я головой улегся, потом слышу — шарит осторожно, хворост разворачивает» (197). И человек, 15 раз прошедший Сибирь, немало перевидавший на своем веку, обращается к собеседнику с вопросом: «Как же теперь надо понимать: ведь уж это явственно ко мне отец приходил с того свету» (стр. 198).

Характеристика Бесприютного как «выдающегося представителя бродяжьей профессии» раскрывается также посредством обращения к образам наиболее распространенных арестантских песен, поговорок, легенд. Так, популярность и несколько легендарная известность Федора Бесприютного по всему сибирскому тракту подчеркивается сравнением с Ланцовым, героем различных легенд и известной тюремной песни «Звенит звонок насчет поверки...»: ⁵⁰ «Панов (в другой редакции — Фролов, — Э. В.) Бесприютный был выдающейся личностью бродяжьей профессии. Его имя гремело среди серой арестантской братии и было известно даже между сибиряками по всему тракту, как некогда имя Лонцова (так у Короленко, — Э. В.), о котором слагались песни».⁵¹ Сравнение с Ланцовым дает почувствовать незаурядность и в то же время типичность образа Бесприютного для арестантской среды. Позже, при подготовке в 1914 году собрания своих сочинений, Короленко снял это сравнение в связи с изменением трактовки образа бродяги; автор стремился показать, что на пожизненную каторгу может быть обречен при существующих порядках и совершенно невинный человек, поэтому в последней редакции подчеркнуто, что за Пановым не знали никаких преступлений. Сравнение с Ланцовым, которому приписывали 19 убийств, уже противоречило идейному смыслу образа и было снято. Но самый факт обращения писателя к образу Ланцова свидетельствует не только о широком знании Короленко тюремного фольклора, но и о вдумчивом отношении к нему писателя, учитывавшего всегда социальную и идейную ценность фольклорных произведений. В лице Бесприютного Короленко выводит одного из тех талантливых рассказчиков, которых сам писатель неоднократно встречал в тюремной среде: «Его рассказы были так выразительны и красивы, что Залесский думал про себя: — Из него мог бы выработаться замечательный рассказчик».⁵² Умение ярко и выразительно рассказывать сочетается у Бесприютного с талантливостью актера: «...он закатил глаза так, что видны были одни белки и физиономия его, даже вся фигура сразу изменилась до неузнаваемости. Он протянул вперед руку, как будто держась за поводья, и стал поразительно похож на старика-слепого, бредущего за милостыней. Через минуту его лицо опять изменилось. Прежний Фролов смотрел на Залесского пытливо и печально».⁵³

Бесприютный хорошо знает порядки арестантской артели, ее фольклор (легенды, предания, поговорки). Во второй редакции рассказа это подчер-

⁵⁰ Подробнее о Ланцове см. в статье: О. Елеонский. Мысли и воспоминания поляков. «Русская старина», 1906, сентябрь.

⁵¹ «Северный вестник», 1888, № 2.

⁵² В. Г. Короленко. Сибирские очерки и рассказы, т. I. стр. 499.

⁵³ Там же, стр. 494.

кивается легендой о генерале Кукушкине, превратившейся уже в своего рода поговорку, которую мимоходом бросает Федор:

«— Ты, барин, генерала Кукушкина не знаешь, видно.

«— Какого Кукушкина?

«— А вот такого. Бродяжий генерал. Весной в тайге кричит: ку-ку, ку-ку... строгой. Как стукнет, так по лесу из конца в конец отдается. Тут мы, бродяги, к нему и собираемся».⁵⁴ (Эта своеобразная легенда была широко известна по всей Сибири. Ее приводят Ф. М. Достоевский, В. В. Крестовский, С. В. Максимов, Д. Кеннан и др.).⁵⁵

Образ Бесприютного дается на фоне жизни арестантской партии во время этапа. Быт арестантов рисуется со всеми его мелочами, характерными обычаями. Подробно описывается, например, обычай просить подаяние под пение «Милосердной» (широко распространенная в арестантской среде песня):

«Партия получила от этапного начальника позволение отрядить охотников за сбором подаяния в соседние деревни. Окруженные конвоем, звеня кандалами, они проходили по улицам деревень, стараясь придать себе особенно угнетенный и несчастный вид, — и тянули хором жалобный мотив: „Милосердные наши-и матушки-и...“».

Упомянув об арестантских песнях, Короленко характеризует их как «грустные», «протяжные», «надрывающие»; лишь однажды упоминается «циничная песня», которую «с пьяной наглостью заводила» женщина-арестантка.

Элементы фольклора, способствующие более яркому и правдивому изображению арестантской среды, сочетаются с немногочисленными этнографическими деталями, раскрывающими быт арестантской партии во всей его неприглядности: таковы упоминания о продаже женщины на тюремном «майдане» из полы в полу, воровство общественных денег, хищения и вымогательства старост. Упоминается распространенный в Сибири обычай ставить краюху хлеба и кринку молока на окно для бродяг, дележ милостыни обязательно поровну. Не перегружая сюжета и не снижая художественности рассказа, эти бытовые детали ярче передают обстановку и придают повествованию своеобразный тюремный колорит.

Одновременно с работой над рассказом «Федор Бесприютный» Короленко писал очерки тюремного быта «Содержающая», печатавшиеся в «Русских ведомостях». Описывая различные сословия тюремного общества, автор особое внимание уделяет бродягам. Снова дается романтическая трактовка постоянному стремлению к побегам как своеобразному служению мечте о свободной жизни. Образ бродяги и здесь дается в том романтическом освещении, при котором меркнет грязная, преступная и тяжелая сторона его жалкого существования.

Рыцарское служение мечте о воле налагает на бродягу, как показывает Короленко, трагическую печать вечных, но никогда не осуществляющихся стремлений, и это, усиливая романтическую трактовку образа бродяги писателем, придает ей в то же время общечеловеческий и философский смысл: «...бродяга отмечен особой чертой трагизма, которая вызывает невольное сочувствие даже не у арестанта... Он как будто прообраз общей судьбы человеческого рода: все его счастье, все проблески его мрачной жизни — в этом недостижимом стремлении к воле, потерянному счастью,

⁵⁴ Там же, стр. 500.

⁵⁵ Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений, т. 3, стр. 622 («Записки из Мертвого дома»); В. Крестовский, Сочинения, т. I, СПб., 1898, стр. 193 («Петербургские трущобы»); Максимов, т. I, стр. 183; Д. Кеннан, ук. соч., стр. 208.

которое, может быть, так манит к себе и кажется таким светлым потому, что оно потеряно».⁵⁶

Глубокий пессимизм этих строк, казалось бы, не свойствен всегда светлому оптимистическому тону произведений писателя. Но в «Содержающей», по справедливому замечанию Г. А. Бялого, есть «обобщение и итог... работы над „бродяжьей“ темой, указание на тот смысл, который эта тема имела»⁵⁷ в творчестве Короленко.

В решении этой темы ярко подчеркнуты две стороны: трагическая участь сотен людей, зачастую ни в чем не повинных, нередко талантливых и незаурядных (Федор Бесприютный, соколинец Василий, «артисты» Брусок и Знай-потачивай и др.), обреченных жестокими и бессмысленными порядками на вечные скитания и каторгу; в изображении причин бродяжества заключалась обвинение всему существующему порядку. Вторая сторона — изображение ярких, решительных, вольнолюбивых характеров, находимых писателем среди самых отверженных, выкинутых из общества элементов, изображение, которое должно было воздействовать на сознание читателей в эпоху жесточайшей правительственной реакции, будило в читателях желание и волю к борьбе за поправленные права. Не случайно В. Лебедев-Полянский в статье о рассказе «Федор Бесприютный»⁵⁸ писал, что любой критик-марксист предпочтет этот рассказ, так велика в нем сила обличения и критики существующего.

В разработке тюремно-каторжной темы Короленко идет дальше Достоевского, резко противопоставив тюрьму, куда часто как бы переселяется вся крестьянская Русь, официальной России. Обитатели тюремной камеры оказываются во многих отношениях поэтичнее, душевно чище и благороднее представителей официальной России; в тюремных рассказах, поговорках, песнях заключается одна из самых сильных сторон критики официальной России. Не случайно вслед за Короленко молодой Горький, еще не ставший певцом пролетариата, еще не видевший в нем передовой общественной силы, также обращается к изображению отщепенцев общества, противопоставляя их сытым «хозяевам жизни» с их мелкими и пошлыми интересами.

В годы появления сибирских рассказов В. Г. Короленко имел своего особого читателя: это прежде всего революционеры всех имеющихся в России направлений — революционные народники, бывшие каракозовцы, будущие социал-демократы и т. д., сосланные на каторгу, поселение, заключенные в тюрьму. Так, в камере каторжной тюрьмы на Каре читает произведения Короленко Ф. Кон со своими товарищами, и нередко эти рассказы «выжимают из глаз тщательно скрываемую от товарищей слезу». «Короленко был сверстником, „современником“, братом по духу. Своими рассказами он играл на родственных струнах души узников уже самыми своими сюжетами», — вспоминает Ф. Кон.⁵⁹

Земледелец С. П. Швецов вспоминает, что в 1880—1885 годах Короленко «любила и знала одна лишь революционная Россия, точнее говоря, интеллигентная ссыльная Россия, Россия политических тюрем и этапов».⁶⁰ Л. Штернберг, сосланный на Сахалин, читал «Соколинца» (оттиск рассказа

⁵⁶ В. Г. Короленко. Сибирские очерки и рассказы, т. I, стр. 322.

⁵⁷ Бялый, стр. 84.

⁵⁸ В. Лебедев-Полянский. К вопросу о творчестве Короленко. «Вопросы современной критики», 1927, стр. 350.

⁵⁹ Ф. Кон. Памяти В. Г. Короленко. «Пролетарская революция», 1924, № 5.

⁶⁰ С. П. Швецов. В. Г. Короленко в Вышнем Волочке. «Каторга и ссылка», 1927, № 8 (37), стр. 159—160.

дал ему один из товарищей) в трюме парохода и был поражен мыслью, что и в убийце надо видеть человека. Под влиянием ее он начинает относиться к окружающим его арестантам не с брезгливым презрением, а с искренним сочувствием.⁶¹

Таким образом, рассказы В. Г. Короленко о бродягах 80-х годов имели большое значение в революционной ссыльной среде благодаря их гуманистическому содержанию, высокой идейности, оптимизму и вере в человека. Значительна была и познавательная роль его произведений. Короленко в своих рассказах очень верно изображал сибирскую природу, быт и условия жизни, характеры людей.

Рассказы В. Г. Короленко о бродягах отличаются художественным своеобразием стиля. Черпая из богатой сокровищницы народной жизни и народного творчества сюжетные положения, художественные образы, яркий и выразительный язык, Короленко возвращал сторицей полученное из родников народного искусства, создавая произведения о народе, отличающиеся необычайной силой художественной выразительности и мастерства.

Элементы народной поэтики сыграли значительную роль также в воплощении своеобразного творческого метода Короленко, органически соединяющего черты реализма и романтизма, в создании романтизированных образов сибирских бродяг.

Для нас эти рассказы В. Г. Короленко ценны и как документы ушедшей эпохи, созданные на основе подлинных, достоверных фактов, и как высокохудожественные произведения.

Ниже публикуются некоторые записи устных рассказов бродяг, хранящиеся в архиве В. Г. Короленко и послужившие источниками его рассказов. В текстах круглые скобки Короленко, квадратные — редактора. Орфография и пунктуация современные.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 1

О т р ы в о к II⁶²

Р а с с к а з п о с [е л е н ц а]

У рассказчика лицо особенное. Такие лица встречаются, кажется, только между поселенцами.

— Не видал я хорошего и теперь не вижу, — говорил он. Только и видел хорошего до 18 лет. Ладненько тогда жил, пока отца с матерью слушался. Перестал слушаться, и жизнь моя кончилась. С самых с тех пор я так считаю, что и на свете не живу. Так... бьюсь понапрасну.

И при этом по красному, не особенно симпатичному лицу здорового детины пробегает какая-то тень и нижняя губа нервно подергивается, как у ребенка, точно он на это время вновь возвратился к тому возрасту, когда слушался родителей, — точно вновь стал ребенком, но только этот ребенок готов расплакаться... над собственной разбитой жизнью.

— Вы здесь давно ли?

⁶¹ Л. Штернберг, ук. соч., стр. 61—73.

⁶² Отрывок является записью устного рассказа, сделанной Короленко и содержащей некоторые элементы художественной обработки. Запись использована как основа сюжета в рассказе «Соколинец», составляет 11 листов, скрепленных в небольшую тетрадь. Лл. 8 и 10 отсутствуют (см. Описание, стр. 81).

— Недавно. Из-за моря прибыл. Сужден Екат[еринбургским] судом за бродяжничество. С Сахалина в 18-..ом году мы бежали.

— С Сахалина? Неужто?

Лицо поселенца оживляется.

— Как же! Неужто не слыхали? В один раз 12 человек тогда бежали!

— Как же это вам удалось?

— Одиннадцать ден и всего-то прожил. Там ведь без конвою ходили.. — Видите, такое дело вышло. Приехали мы на пароходе «Нижний Новгород». Пароход здоровенный. К Дую ночью подъехали. Порт это, называемый Дую.. Высадили нас на лодки, темно. Оно и не видно. Потом на берег выходим. Там кричат: с партии что ли? Мы отвечаем, что с партии. — Ступайте в 7-ую казарму!

Идем мы, а сами спрашиваем друг друга: неужто это конвою с нами негу? Потому что идем свободно, а если конвой, так уж непременно часовой тебя прикладом ткнет: не распускайся! Ну, а меня и Бобова⁶³ в кандалы прежде еще заковали. Горохов-то⁶⁴ товарищ мой. Такой друг мой был, просто первейший приятель. Он староста был, а я помощником у него. А на пароходе у нас случай вышел — троих убили.

— Арестантов?

— Да за клязуй! Бобов-то первый раз осужден — ему не так, да и не замешан был. А я-то вторично, да хоть и не виноват, все же могло дело худо выйти. Вот Бобов-то мне говорит: вот что, парень, — твое дело плохо. Сказывают, к амурскому начальнику на рассмотрение послали. Пожалуй, как бы не расстреляли. Как-никак, лучше, парень, ноги-то запасай..

Я и сам того.. думаю, хоть не расстреляют, так на кобыле тоже не сладко. Одна цена — пожалуй, под плетьюми кончишься. Конечно, вижу, непременно надо идти.

На день выпускали нас — ходи куда хочешь, а на ночь запирали, потому что мы, новые, как бараны суется. А старых не запирали вовсе. Свободно. Из казармы тоже с мешком не выпустят. Вот тут и думайте.

Дня через два я собрал партию, говорю: выбирайте подстаросту другого, я не хочу. Конечно, у меня уж на дорогу сухари запасены, галеты тоже. Горохов⁶⁴ еще свои мне отдал. Собирай, говорит, людей. А у нас тут в партии тоже каторжный старичок был. Опытный бродяга. С Сахалина два раза бежал. Один раз во Владивостоке поймали, другой раз — в Софийске. Бураном звали, бывалый старик, да поизносился уж. Так он тоже пристал. А мы и рады, конечно, потому что без проводника невозможно. Тут еще кое-кто, человек 12 набралось. Думаем, как теперь сделать. Бобов пришел. — Ну, что, — говорит, — ребята, с богом. Как бы мне вам помощь какую сделать? Я говорю ему: спасибо! А ты вот что: проси, чтобы Сережка побольше народу потребовал на лесопильню, бревна подкатывать. Тут, видите ли, около Дуя лесопильня устроена, арестант заведовал, старик, Сережкой звали. Горохов к нему: так и так, требуй народу побольше. Он так и сделал. Смотритель сделал распоряжение — отпустить 40 человек на лесопильню к Серсжке. Как стали выкликать — мы все 12 в то число и стали. Потом стали пайки на лесопильню закупать, Горохов тут и наши сухари наклаал. Вот мы и вышли.

А между прочим старик Буран раньше-то обещал идти, а тут нейдет. А уж мы с лесопильни ушли в кусты. Трои сутки сидим. А там на Саха-

⁶³ Фамилия Бобов написана сверху вместо зачеркнутой — Горохов.

⁶⁴ Не исправлено.

с Д—ным да с Володькой, вышли на утесик — глядим: вижу над рекой гилляк стоит, Оркун называемый.

— Это что же, имя что ли?

— Кто его знает! Показывает на себя да говорит: Оркун, Оркун! Ну, верно, имя. А может, это староста по-ихнему. Окружили мы его, стали разговаривать. Начертили лодку — значит, нужно нам переправляться. Он сейчас стал наши халаты щупать, — хорошо ли? Потом показывает этак пальцами: два ли, три, десять ли? Долго мы не могли никак толку понять. Потом Володька-то говорит: да ведь это, ребята, ему надо знать, сколько нас. Показали мы ему, что 12 человек. Кивает головой. Потом велит себя к товарищам свести. Ну, мы ведем. Товарищи-то стали было сумлеваться. Что, мол, показывать что ли нас привели. Тише, — говорим, — тут мы дело с ним делаем. Давайте халаты. — У каждого по два халата с собой. Отдали все по одному халату. Оркун наш собрал, в узел завязал, ремнем перетянул, да на плечи. И пошел себе вниз, в деревушку. Опять ребята говорят: это что ж, мол, такое, он своих созовет, да пожалуй еще в кордон дадут знать. А мы говорим: молчите, ужб. Их и всего-то три-четыре юртенки. Долго ли нам в случае чего ночью их всех перерезать.

Подождем этак часика два. Оркун, видно, своих собрал, рассказал. Идут все гурьбой и, видим, копыя несут с собой. — Вот, видите, — ребята говорят. — Биться идут. — А у нас ножи по аршину. — Ладно, — говорим, — что будет. Смотри, ребята, никто не выдавай; либо ни одному живому не оставаться, либо всех выручить. Ну, кого убьют — делать нечего, а живого не выдавать. А Оркун увидал, что мы сумлеваемся, велел своим копыя оставить... Один гилляк на руках их держит. Подошли мы тут — видим, что дело по чести. Выволокли они две лодки: одна побольше, другая-то поменьше. Оркун показывает: в одну, мол, лодку пятерым садиться, в другую восьмерым можно. Вот мы, значит, и с лодками. Сели в них, заливчик этот переплыли... Если нам берегом идти — прямо на кордон выйти, к последнему, к Погибе то есть. А тут мы прямо через заливчик переехали, потом к берегу пристали ветру дожидаться, через пролив на амурскую сторону плыть. Вот живем в лесу на горе день, живем другой — нет да нет ветру. Хоть ты что хочешь. Голоду приняли, потому что хлеб весь вышел. Ягоду жрали. [Нет двух страниц].

...Этак вот, как от собак отмахиваются... Один Володьку-то штыком пкнул в ногу, — да и повалились вместе... и я тут попался в кучу, — ружьем-то придавило...

— Ну и что же?

— Да что! Подумайте, ведь их всего-то пять человек, а нас 12. Подскочили ребята — покончили живо. А Сотников как раз в это время с горки спустился. Да еще один солдатик на горку выбежал — поглядел, поглядел, бедняга, и пошел себе назад к кордону.

И ветер тут как раз поднялся. Раньше бы — так ничего бы этого и не было...

Переехали мы на амурскую сторону, а уж там гилляки говорят: Сотникова голова... вода!.. Знают уже. Думаем — плохо дело. Пища у нас вышла, нужно во Владивосток⁶⁵ заходить, а уж там, должно быть, начальство-то дожидается. Была тут займка, купец... — ов жил. Большой для нашего брата благодетель! Говорят, на Сахалине да на Амуре все тор-

⁶⁵ Зачеркнуто карандашом, исправлено на Николаевск.

говал с гиляками, а они его и застукали где-то, убить хотели. Да подоспели тут бродяжки наши и вызволили его. С тех пор постоянно от него всякое удовольствие было. Должен я их, говорит, по век⁶⁶ моей жизни наблюдать! Ну и действительно, пришли мы на эту заимку, а он в то время в Питер уехал и оставил приказчика. Будут, говорит, тут наши соколинцы — давай по положению 5 рублей на брата, а пищи сколько [нет одного листа].

...Немец что ли, пароходы строил, так его именем падь прозвали. От городу недалече. И амбарушко там старый остался. Тут мы привал сделали. Огонь развели, стали варить рыбу.

А во Владивостоке⁶⁷ в то время смотритель был Н—ов, добрейшей души старичок. Вышел он вечерком на крылечко, видит — огонек в лесу горит. Кто бы это, думает. Позвал арестантов. Слушайте, ребята, наши где ныне рыбу-то ловят? В Дитманской пади, что ли? Нет, говорят... повыше. Ну, говорит, видите вон огонек. Наверно, это наши сахалинцы развели. Плохо дело. Исправник увидит — мне же велит ехать. Тогда уж поневоле переловлю... Садись, ребята, в лодку. Поедем...

Вот мы сидим около огонька, вдруг слышим по реке-то лодка этак тихонько плещется. А ночь-то темная. Подошел я к берегу — гляжу: один сидит в шапке с кокардой. Беда, говорю, ребята, исправник! Как прыснем мы тут от огня-то. Кто куда. А смотритель вышел на берег и кричит нам: ничего, выйдете все! Потом послал своих ребят — зовите, мол. Вот один вышел и говорит: Эй, вы! Не бойтесь! Кого вы в здешнем остроге знаете? Мы притаились в лесу — молчим. Он опять: Да что вы, лешие! Сказывайте: кого вы здесь знаете? А мы говорим: знаем ли, не знаем ли, а если бы век вас не видели, так лучше было бы. Тут старик сам заговорил: Г—ва знаете? А Дарин знал его. — Ребята, говорит, верно! Это смотритель. Голос его. — В[аше] [благоро]дие, — говорит, — вы Дарина знаете ли? — Дарина? Как же, — говорит, — знаю. Старостой был. Петр что ли? — Я самый здесь. Выходи, ребята. Это отец наш.

Тут все мы вышли. — Что вы это, ребята, делаете, — говорит. — Зачем здесь огонь развели. Ведь увидит исправник — беда! Ну, вот что! Гаси скорее огонь. Не очень вы, ребята, еще остры, видно. Даром, что Сотникова поддели! Канальи эдакие.

— Гаси огонь, ребята, да ступай вон туда, падью, подальше. За горкой разводи огонь сколько хочешь, а здесь из городу видно. Подъедет исправник, так уж не отсюда — он вас с той стороны захватит да окружит. Вот я вам хлеба привез, рыбы, чаю. Получайте, да вались, ребята, мимо города. Не дай бог к исправнику попасть. Да еще лучше вам врозь разбиться. — Дождик, — говорим, — Ваше б[лагоро]дые. — Не размокнете.

Действительно, дождь пошел. Ночь темная, мокрая, все же на душе у нас повеселело. Зашли в овраг, огонь развели, сварили рыбу, чаю напились. Потом на другой день дальше пошли. Так и ушли. С Д—ным уж за морем (Байкалом) расстались, — случай такой вышел. Встретили мы тут двух баб, вместе пошли. Д—н уже в Ростове обсудился, а я в Ирб[ите]. Екате[ринбургским] окр[ужным] судом сужден. С бабой я на одно имя показался, теперь вместе живем.

(Архив, 4, 154).

⁶⁶ Было сначала «по гроб».

⁶⁷ Оставлено без исправления.

Расс[каз] Бродяги

(К «По пути») ⁶⁸

Записано со слов бродяги Х.

1. Из страны бесправия и бесправных. ⁶⁹

... Сел я под деревом и случайно глянул назад. Издали увидел я, что что-то движется, но разобрать что не мог. Я спрятался в кусты и стал приглядываться. Оказалось, идет какой-то человек, и я подумал про себя: видно, спиртонос; авось кто-нибудь знакомый, веселее будет идти дальше вдвоем. Но вскоре я был поражен, узнав в пешеходе Абдулку... Очевидно, он меня преследовал. Я снял с себя лямку с флягой и, взяв в правую руку револьвер, выступил вперед, загородив дорогу: «Не ходи дальше, иначе я тебя застрелю, как собаку!» Услыхав это, он упал на колени и стал просить меня не опасаться его. «Я забыл про старое, и тебе стыдно помнить нашу ссору. Я рад, что догнал тебя, так как знаю, что ты идешь со спиртом. Я неопытен, дороги не знаю и прошу тебя принять меня в товарищи. Долго говорил он, и я стал ему верить и перестал опасаться, видя флягу за плечами и только топор за поясом: другого оружия у него не было. Я согласился идти вместе, и мы отправились. В обеденную пору мы сели отдохнуть. Разложили огонь, сварили чаю и затем пошли дальше. К вечеру подошли мы к ночлегу. Я стал раскладывать огонь. Абдулку послал набрать в котелки воды. Поставили мы таган, сварили чай и бурдамагу (это специальное блюдо спиртоносов. Берутся сухари пшеничные и развариваются в котелке. Туда прибавляют масло) и, поевши, расположились спать. Абдулка лег спиной к огню по одну сторону костра, а я по другую. Он скоро захрапел, но я спать не мог. У меня из головы не выходила мысль, что он не просто меня догнал. Сердце ныло, что-то грызло внутри, было предчувствие какой-то напасти. Я размышлял так: ежели только у Абдулки худое что на уме, он не выдержит и сегодня же ночью захочет покончить со мною. Если же сегодняшняя ночь пройдет благополучно, то я могу спокойно идти дальше без всякой опаски. Я потихоньку пододвинул к огню длинную колоду аршина в два, снял с себя однорядку и подложил флягу, к[ото]рую в пути всегда под голову кладешь, я сделал подобие чучела. Ночью легко было принять за спящего человека. Сам же отошел сажен пять в сторону и сел в тени под кустом. Не прошло и часа времени, как Абдулка стал сопеть, почесываться, видно, стал просыпаться. А костер уже стал не так ярко гореть, была пора подбросить валежнику, так как становилось прохладно. Гляжу, он подымается на правой руке и медленно, осторожно подвигается к чучеле. Затем быстро вскакивает на ноги и, держа двумя руками топор, бьет обухом по тому месту, где должна была находиться моя голова... Я весь похолодел и невольно вскрикнул: спасибо, товарищ! Абдулка выпустил из рук топор от неожиданности. Что оставалось мне

⁶⁸ Два первых заголовка написаны рукой В. Г. Короленко на обложке, в которую вложены 12 листов с записью различных рассказов бродяги. Рассказы записаны рукой неустановленного лица. Запись сделана чернилами очень мелким почерком (см. Описание, стр. 63).

⁶⁹ Из нескольких имеющихся в записи рассказов публикуется только отрывки, творчески использованные автором в рассказе «По пути».

делать?.. Я его двумя пулями положил на месте и принялся обыскивать. Ведь у него были большие деньги. Но денег я не нашел. Я подумал: ну, воспользуюсь хоть его спиртом, снесу свой, а потом вернусь за этим. Беру флягу, — а она порожняя. Так я ничем не попользовался, кроме топора. Затем я подложил валежнику в костер и бросил туда собаку...

Я спрашивал многих благочестивых книжных людей, что мне будет за это, грех ли я сделал или нет? И мне отвечали, что греха я не сделал. В моем положении иначе нельзя было поступить. Я защищался. Он хотел меня предательски убить. Если бы я не стрелял, он бы меня, как щенка, убил топором. Ведь я был еще малолеток, роста небольшого и силы. А он здоровенный мужик.

Много раз ходил с товарищами, а чаще в одиночку. Опасаешься дикого зверя в тайге, а человека и подавно, в особенности во время ночевки опасаться. Я, бывало, останавливался на ночевку всегда до захода солнца. Раскладу, бывало, огонь, на тагане согрею чаю, сам обсушусь, если промок в пути, а затем, когда поем и напьюсь чаю, отхожу спать от огня сажень за 5. Оттуда из темноты видно кругом, что делается, благодаря костру. Если же лежишь у огня, то недобрый человек всегда издали может тебя рассмотреть и порешить.

Записано на этапах по Иркутской губернии в Разгонной в июле, 1844.

(Архив, 9, 532).

В. Е. ГУСЕВ

К ВОПРОСУ О ФОЛЬКЛОРНОМ ИСТОЧНИКЕ «ПЕСНИ О СОКОЛЕ» А. М. ГОРЬКОГО

(ПАМЯТИ В. А. ДЕСНИЦКОГО)

Созданная в годы подъема рабочего движения, «Песня о Соколе» А. М. Горького была созвучна настроениям передовой части русского пролетариата той поры¹ и в свою очередь оказывала революционизирующее воздействие на массы рабочих.² Войдя в сознание миллионов, «Песня о Соколе» из факта собственно литературного превратилась в факт народной культуры.

Эту органическую близость «Песни о Соколе» народу, его самой передовой и сознательной части, неспособна была заметить и оценить по достоинству дореволюционная буржуазная критика. «Тоска жизни и жажда воли — именно стихийной воли и неразумной свободы», — так резюмировал смысл «Песни о Соколе» Н. Минский.³ Даже сочувствующий А. М. Горькому Н. Михайловский увидел в романтических образах раннего Горького, называя в их числе и Сокола, всего лишь «портретную галерею идеальных, очищенных от грязи босяков».⁴

Враждебная А. М. Горькому критика вступала с ним в открытый бой, осуждая выраженный в «Песне о Соколе» пафос борьбы. «Эта „Песня о Соколе“ очень многим нравится, многие из молодежи от нее в восторге, — писал А. Скабичевский. — Но мне эта вещь кажется необыкновенно фальшивой и слабой... Прежние поэты небу давали другое употребление. Вспомним: „По небу полуночи ангел летел...“. Та, старая песня была не о Соколе или другой птице, а о „Боге великом“... Маленькая разница! Современный поэт заменяет ангела хищной птицей и поет „безумство храбрых“».⁵ Эта попытка противопоставить произведение А. М. Горького классической литературе была совершенно несостоятельной. В советском литературоведении хорошо выяснена традиция использования образа вольнолюбивой «хищной птицы» как в мировой, так и в русской литературе.⁶ Свои

¹ См.: С. Канатчиков. Из истории моего бытия. М.—Л., 1929, стр. 109—110; А. Заломов. Мои встречи с А. М. Горьким. «Правда», 1936, № 72, 24 июня.

² См.: «Рабочее дело», 1901, № 6, стр. 30—31; А. А. Белозеров. Под литературным руководством М. Горького. Сб. «Горький на родине», Горький, 1937, стр. 298; Е. Ярославский. Сб. «Революционный путь Горького», М., 1933, стр. 10.

³ Сб. «Критические статьи о произведениях Горького», СПб., 1901, стр. 25.

⁴ Там же, стр. 93.

⁵ Там же, стр. 197—198.

⁶ См.: Д. С. Балухатый. «Песня о Соколе». Сб. «М. Горький. Материалы и исследования», т. III, М.—Л., 1941, стр. 167—205; Ф. Головаченко. Иоган Вольфганг Гете. «Литература и язык в школе», 1932, № 3, стр. 17—24, С. В. Касторский. Стихотворения М. Горького. В кн.: Максим Горький. Стихотворения. Библиотека поэта, малая серия, изд. «Советский писатель», М., 1951, стр. 25.

рассуждения А. Скабичевский завершал выводом, будто в Горьком «дух народный совсем выдохся».⁷ Последнее замечание является наиболее знаменательным — оно ставило под сомнение народность «Песни о Соколе». Между тем «Песню о Соколе» усваивали не босьяки и не анархисты, не «общество, где читают Ницше» (выражение того же Скабичевского), а сознательные русские пролетарии. И объяснялось это, в частности, тем, что в своем произведении А. М. Горький был верен «духу народному», тому духу, который лучше всего улавливается в народных песнях.

Вполне естественно, что в литературоведении давно уже возник вопрос о фольклорной основе «Песни о Соколе» в связи с общей проблемой народности этого произведения. Долгое время этот вопрос решался слишком прямолинейно — делались попытки установить в фольклоре прямые сюжетные аналогии к «Песне о Соколе», причем большое распространение получила версия о том, что источником «Песни о Соколе» явилась народная крымская татарская песня или сказание.⁸ Между тем усиленные поиски аналогичного сюжета в татарском фольклоре до сих пор не увенчались успехом. Объяснение этому находим у В. А. Десницкого. «Указал ему (А. М. Горькому, — В. Г.) на смущение специалистов-фольклористов, которые перерыли безрезультатно все сборники в поисках первоисточника», — вспоминает В. А. Десницкий и приводит затем ответ А. М. Горького: «Фольклорист я никакой... Записывать надо, — это сделают и без меня. Но повторять самому так, как слышал, не надо. И зачем?»⁹ И В. А. Десницкий делает весьма важный и справедливый вывод: «На основе народной он создавал свои произведения, возводя их на более высокую ступень сознательности и мастерства».¹⁰

Наиболее плодотворным поэтому оказался подход Д. С. Балухатого, который в своей известной работе «Песня о Соколе», собрав многочисленные вариации образов сокола и ужа в фольклоре разных народов, пришел к выводу, что А. М. Горький «создал произведение высоко принципиальное по идее и вполне оригинальное по художественному своему мастерству».¹¹ Балухатый очень тонко проанализировал, в частности, различные значения образа сокола в народной поэзии, установив, что «крайняя степень положительной трактовки образа сокола... — уподобление его образу человека вольной жизни».¹² Нам представляется спорным его утверждение о том, что народно-поэтический образ сокола «имеет все черты однопланно-бытового или узко-аллегорического, а не широкого символического значения».¹³ К сожалению, Д. С. Балухатому осталась неизвестной одна народная песня, на которую впервые обратил внимание А. И. Овчаренко, ограничившийся беглыми и самыми общими соображениями о связи этой песни с «Песней о Соколе» А. М. Горького.¹⁴ Эта песня — «Как на дубе на высоком», рас-

⁷ Сб. «Критические статьи о произведениях Горького», стр. 198.

⁸ Первым высказал такое предположение Н. Михайловский (там же, стр. 91). См. также: Д. С. Балухатый, ук. соч., стр. 174; Р. М. Каганович. Лингвостилистические особенности стихотворения А. М. Горького «Песня о Соколе». «Русский язык в школе», 1952, № 5, стр. 22.

⁹ В. А. Десницкий. М. Горький нижегородских лет. Сб. «Горький на родине», Горький, 1937, стр. 199.

¹⁰ Там же. Ср.: М. А. Шнеерсон. Фольклор в творчестве М. Горького. 1892—1917. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954.

¹¹ Д. С. Балухатый, ук. соч., стр. 211.

¹² Там же, стр. 181—182.

¹³ Там же, стр. 182.

¹⁴ А. И. Овчаренко. О художественной сатире М. Горького. «Известия Академии наук, Отделение литературы и языка», т. XIII, вып. 2, 1954, стр. 127—128.

сказывающая о гибели сокола в бурном море, представляет большой интерес и сама по себе и как возможный ближайший фольклорный источник образа Сокола в произведении А. М. Горького.

Прежде всего возникает вопрос о времени возникновения песни и о ее авторе. А. С. Шаповалов в своих воспоминаниях «В борьбе за социализм», приведя полностью текст песни, высказывает предположение, что автором ее был ссыльный революционер Е. В. Барамзин.¹⁵ Однако это маловероятно. Свидетельство об исполнении песни Е. В. Барамзиным относится к 1899 году.¹⁶ В качестве народной песни она была впервые опубликована А. и В. Железновыми в сборнике «Песни уральских казаков», изданном в Петербурге в том же году.¹⁷ К сожалению, дата записи песни отсутствует. Самая ранняя запись в сборнике вообще датирована 1880 годом, преобладающее число записей помечено 1883 годом. Следовательно, песня о соколе могла быть записана Железновым в 1880-е годы. Говоря о составе своего сборника, В. А. Железнов указывает, что в сборнике наряду с песнями старинными «есть и такие, хотя и немногие, которые насчитывают за собою не более 50—60 лет».¹⁸ Следовательно, если даже песню о соколе В. А. Железнов считал одной из самых поздних песен, то в его восприятии эта песня все же не была современной; да и, как видно из предисловия к сборнику, В. А. Железнов относился к современным песням весьма скептически и не имел намерения публиковать их. Возможно, что дальнейшие розыски приведут к установлению времени возникновения песни о соколе и автора первоначального текста.¹⁹ Для нас сейчас достаточно знать, что эта песня как народная бытовала уже во второй половине XIX века. Об этом свидетельствует и М. И. Орфанов в своих очерках о Восточной Сибири. Приведя две первые строфы песни, он называет ее песней «чисто народного творчества», «полной поэтической прелести».²⁰

Особенно существенное значение имеет, независимо от времени возникновения самой песни, ее восприятие в 1890-е годы в социал-демократической среде как песни, в символической форме выразившей мысль о трагической гибели революционера. «Эта песня, которую Барамзин пел вместе с Ленгником, мне особенно понравилась, — вспоминает А. С. Шаповалов. — В ней под видом ясного, смелого сокола очень верно изображалась гибель обреченного на смерть революционера (разрядка моя, — В. Г.). Как сокол к синему морю, так и революционер стремится к идеалу, такому же широкому, как море, и, как тот сокол, погибает в борьбе».²¹

Таким образом, вывод Д. С. Балухатого о том, что образ сокола в народной поэзии «лишен широкого символического изображения» и что такое наполнение этот образ приобретает впервые у М. Горького, лезья признать убедительным. С другой стороны, весьма вероятно возможность знакомства А. М. Горького не только с другими народными песнями, где встречается

¹⁵ А. С. Шаповалов. В борьбе за социализм. Госполитиздат, 1957, стр. 132.

¹⁶ Там же, стр. 131.

¹⁷ Песни уральских казаков. Собирали Александра и Владимир Железновы. СПб., 1899, стр. 79—80.

¹⁸ Там же, стр. II.

¹⁹ Недавно было высказано предположение, что «песня является народным песенным вариантом стихотворения П. Ершова „Молодой орел“» (Русское народное творчество в Башкирии. Под общей ред. Э. В. Померанцевой. Уфа, 1957, стр. 319).

²⁰ М. И. Орфанов. В дали. (Из прошлого). СПб., 1883, стр. 418—420. См. также: П. Г. Ширяева и Б. М. Добровольский. Песни русских рабочих. Комментари, стр. 214. Рукопись.

²¹ А. С. Шаповалов, ук. соч., стр. 133.

образ сокола, но именно с данной песней, где этот образ отчетливее, чем в других песнях, выражает идею жажды свободы и гибели в борьбе. Народную песню о соколе А. М. Горький мог слышать от того же Е. В. Барамзина, бывшего его близким знакомым, но вполне вероятно, что он знал эту песню и помимо Е. В. Барамзина. Известно, что великий писатель с детства любил русские песни, легко усваивал новые песни и не только сам пел их, но и был запевалой, «наставником и руководителем» в пении.²² «Он страстно любил пение, и готов был петь бесконечно, забывая все окружающее... — свидетельствует товарищ детства А. М. Горького. — Пели мы не только с увлечением, но и с большим чувством... Пели исключительно грустные песни».²³ Естественно предположить, что и распространенная в конце XIX века грустная песня о соколе была известна А. М. Горькому еще в юности, в годы жизни на Волге. Факт бытования этой песни в Поволжье зарегистрирован, правда, в послереволюционные годы, но, вероятно, эта песня сохранилась до настоящего времени потому, что она была известна здесь и в конце XIX—начале XX века.²⁴

Однако, устанавливая принципиальную близость «Песни о Соколе» А. М. Горького к народной песне о соколе, мы отнюдь не хотим поколебать ни утверждения А. М. Горького, приведенного в воспоминаниях В. А. Десницкого, ни мысль самого Десницкого, ни конечный вывод Д. С. Балухатого о самостоятельном характере «Песни о Соколе». Напротив, может быть, именно на примере песни «Как на дубе на высококом», среди других народных песен представляющей наибольшие возможности для сопоставлений с «Песней о Соколе», лучше всего можно убедиться в оригинальности произведения А. М. Горького.

В большинстве вариантов народной песни возникает символический образ сокола, не удовлетворенного своим существованием в родимой стороне, испытывающего тоску по воле и улетающего в поисках приволья в незнакомую даль. Здесь народная песня как бы развивает вольнолюбивый мотив «Думы сокола» А. В. Кольцова. И только в одном из известных нам вариантов песни речь идет о соколе, тоскующем в неволе, в чужой стороне, что давало возможность толковать ее сюжет как побег революционера из ссылки:

Что ты, сокол мой, невесел,
Буйну голову повесил?
Али скучно стало, грустно
Жить в чужих дальних краях?
Али нет тебе приволья
На широких озерах?²⁵

Характерным финалом большинства вариантов песни является трагическая гибель сокола. Завершает песню картина ясного тихого утра после

²² См.: Н. А. Картиковский. Нижний и Казань. В кн.: М. Горький в Татарстане. Казань, 1932, стр. 60.

²³ Там же.

²⁴ См.: Русское народно-поэтическое творчество в Татарской АССР. Казань, 1955, стр. 126, № 88 и стр. 284, примечание. Запись этой песни произведена также в дер. Малые Озерки Базарно-Карабулакского района Саратовской обл. в июле 1957 года О. Б. Алексеевой от местного сторожила Н. А. Захарова, 77 лет (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, Р. V, колл. 156, папка 3, № 64. В дальнейшем: вариант Захарова). Исполнитель заметил, что песню «пели еще в 1914 году».

²⁵ Записал В. Караковский от В. И. Владельщикова, 80 лет, в с. Толстинском Варненского района Челябинской обл. в июле 1950 года (Архив Челябинского краеведческого музея, материалы фольклорной экспедиции 1950 года, К-1950). Очевидно, сходный вариант был известен М. И. Орфанову: «В этой песне под видом сокола изображен ссыльный, тоскующий по родине» (ук. соч., стр. 420).

бури. Однако в редких случаях песня обрывается на эпизоде полета сокола над бурным морем. Трудно сказать, является ли это сознательным усечением песни или результатом забывчивости, но такая концовка объективно существенно меняет весь смысл песни — фиксирует внимание только на факте бесстрашного полета сокола в его стремлении к воле, снимает с образа сокола трагический оттенок.²⁶ По существу, мы уже имеем дело с новой песней, хотя и сюжетно незавершенной. Дальнейшее развитие могло привести и к оптимистическому исходу — к спасению сокола и его торжеству над стихией, но такие варианты песни нам неизвестны.

Сличая распространенные варианты песни с характерным для них трагическим развитием темы, все же можно сделать определенный вывод, что в большинстве случаев отчетливо звучит мотив борьбы, хотя и борьбы неравной. Любопытно, что вариант Е. В. Барамзина не является в этом отношении наиболее ярким примером; в народе бытовали варианты, в которых этот мотив усиливался. Сравним, например, соответствующие строфы текстов, приведенных А. С. Шаповаловым и А. и В. Железновыми:

Буря воеет, гром грохочет,
Волны хлещут к облакам,
И летит мой сокол ясный,
Крылья мочит по волнам.

(Шаповалов).

Ветер свищет, гром грохочет,
Волны хлещут до облаков,
Сокол борется с волнами,
Сокол в море потонул.

(Железновы).

В варианте, записанном на Южном Урале, эта же строфа приобретает новый оттенок — в ней останавливается внимание на опасности, которая подстерегает сокола, что усиливает драматическое напряжение борьбы:

Ветер дует, гром грохочет,
Волны хлещут высоко,
Сокол борется с погодой,
Сокол, море — глубоко!²⁷

Наконец, в варианте, сообщенном Н. П. Андреевым П. Г. Ширяевой в 1939 году, возникает мотив успешной борьбы сокола:

Буря воеет, гром грохочет,
Сокол в небе высоко,
Сокол борется с невзгодой —
Сокол в море далеко.²⁸

Характерно, что выражение «Сокол борется с погодой» (волнами, невзгодой) стало устойчивым в абсолютном большинстве вариантов.

²⁶ См.: Фольклор Чкаловской области. Составил В. А. Бардин. Чкалов, 1940, стр. 110, № 88. К сожалению, никаких сведений об исполнителе и песне, дающих возможность судить о целостности текста, автор примечаний к сборнику не сообщает.

²⁷ Архив Челябинского краеведческого музея, материалы фольклорной экспедиции 1950 года, К-1950, ук. запись.

²⁸ П. Г. Ширяева и Б. М. Добровольский, ук. соч., стр. 214. Сходное развитие темы содержит вариант, записанный М. Вагиной от Е. И. Кульцаревой в 1949 году в с. Сулея Саткинского района Челябинской обл. (В. Е. Гусев. Русские народные песни Южного Урала. Челябинск, 1957, стр. 52):

Буря воеет, гром грохочет,
Сокол летит высоко,
Сокол борется с погодой —
Сине море далеко.

В отличие от всех рассмотренных вариантов, в песне, записанной в Башкирии, эта кульминационная строфа отсутствует (Русское народное творчество в Башкирии, стр. 248).

Таким образом, народная песня о соколе создала выразительный образ борца за свободу, предпочитающего жизни в неволе смерть в неравной борьбе с враждебными силами. Но во всех без исключения вариантах песни отсутствует ясно выраженная мысль о том, что смерть сокола не напрасна. И заключительные слова «Песни о Соколе» А. М. Горького «Пускай ты умер!..» являются действительно принципиально новым и важным, что внес писатель в тему гибели сокола по сравнению с современной ему народной песней. Революционный призыв к борьбе в произведении пролетарского писателя прозвучал более отчетливо и сильно, чем в народной песне.

Некоторая неясность идеи народной песни о соколе допускала толкование символического сюжета песни не только в социально-политическом плане, как это мы видели у А. С. Шаповалова, но и в отвлеченно-бытовом плане по сходству с соответствующими народными песнями (горе одинокого молодца, приведшее его к гибели на чужой стороне). В связи с этим не случайно появление варианта, где отсутствуют мотивы жажды воли и борьбы, где разрушается символическая основа песни и на ее месте воссоздается привычная для старой крестьянской лирики тема несчастной любви.²⁹

В одном из известных нам вариантов звучит мотив сожаления и чуть ли не осуждения по поводу безрассудной гибели сокола:

А что было ему нужно?
Если бы он до утра подождал!
А псутру тихо стало,
Красное солнышко взошло.

(Вариант Захарова).

Здесь уже имеет место разрушение первоначального идейного содержания, что в целом не характерно для современных вариантов песни, но все же, на наш взгляд, это искажение смысла песни стало возможным вследствие некоторой двусмысленности заключительной поэтической картины, допускающей различные толкования: восход солнца над успокоившимся морем может восприниматься как символ торжества света над мраком ночи и при этом возбуждать чувство катарсиса после кульминационного трагического эпизода гибели сокола, но, с другой стороны, это спокойное утро, наступившее после бурной ночи, могло вызывать и чувство умиротворения, а потому и побуждать искать причину гибели сокола не в объективных обстоятельствах, а в преждевременности его порыва «к свободе, к свету» («Если бы он до утра подождал!»). Песня в этом случае звучала не как призыв к самоотверженной борьбе, а как предостережение. Короче говоря, восприятие песни о соколе, вследствие ее своеобразной символичности, во многом зависело от мировоззрения той среды, в какую

²⁹ Приводим отрывки из песни, записанной П. Г. Ширяевой в г. Колпино Ленинградской обл. в 1936 году от И. С. Пронькина, 55 лет, и К. Ф. Пронькиной, 56 лет (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, Р. V, колл. 77, папка 4, № 19):

На родимую сторонку
Ясный сокол прилетел
И на ольху, ольху молодую
Тихо, жалостно присел

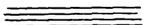
Как во том селе, деревне
Парень девушку полюбил.
Навязался злой разбойник —
У парня девушку отбил

«Что ты, сокол мой, невесел
Призадумавшись сидишь?»

эта песня проникала. В зависимости от степени сознательности и социальной активности исполнителя и слушателей менялось и наполнение конкретным содержанием символических картин песни. Популярная в эпоху начала рабочего движения в России и отразившая во многом еще стихийное стремление масс к борьбе за свободу, народная песня о соколе не могли уже до конца удовлетворить сознательных организованных пролетариев, шедших на штурм самодержавия и капитализма под руководством своей партии. Этим, думается, и объясняется то, что эта песня не стала массовой революционной песней.

Иной оказалась судьба «Песни о Соколе» А. М. Горького. Первая редакция ее (1895), как справедливо отметил Д. С. Балухатый, «еще не раскрывала отчетливо героической темы, не была пронизана революционной патетикой».³⁰ В этом отношении она не отличалась принципиально от народной песни, даже в какой-то мере уступала тем вариантам песни, где был усилен мотив борьбы сокола. Но в дальнейшем А. М. Горький существенно переработал свое произведение и создал новый текст (редакция 1899 года), где «впервые раскрыл героический образ Сокола как символ смелого, непреклонного революционного борца»³¹ и где место романтического любования вольной птицей заступил энергичный призыв к борьбе по примеру пожертвовавшего собой героя. Приобретя символичность, характерную для народной песни о соколе, произведение А. М. Горького обогатилось новым идейным содержанием, которого не было в народной песне. Это стало возможно благодаря политической зрелости художественного мышления писателя, воспринявшего опыт классовой борьбы пролетариата. Идейно-художественные качества «Песни о Соколе» А. М. Горького определили ее огромную популярность в рабочих массах и в широких кругах революционно настроенной интеллигенции. В творческом соревновании с народной песней победил поэт, — победил потому, что его произведение ознаменовало более высокую ступень революционного сознания.

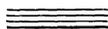
«Песня о Соколе» не может рассматриваться как простая «обработка» народной песни, точнее образа сокола народной песни. Но народная песня о соколе является ближайшей предвестницей произведения А. М. Горького. В ней развитие традиционного народно-поэтического образа сокола непосредственно подводит к созданию горьковского образа. Эта песня может считаться одной из нитей, которые связывают творчество пролетарского поэта с русской народной поэзией.

³⁰ Д. С. Балухатый, ук. соч., стр. 162.

³¹ Там же, стр. 166.

МАТЕРИАЛЫ
И
ПУБЛИКАЦИИ

И. З. СЕРМАН

КАРЛ МАРКС О РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ РАЗИНСКОГО ЦИКЛА

Хорошо известен интерес Маркса к русской истории и русским общественным отношениям. Некоторое, хотя и неполное, представление о широте и пристальности этого интереса дают опубликованные конспекты русских книг, сделанные Марксом. Среди них есть конспект книги Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина», опубликованный уже давно,¹ но до сих пор не обративший на себя внимания наших фольклористов. Как видно по отсылкам Маркса, он пользовался переизданием монографии Костомарова.² Конспект сделан тщательно и подробно, по своему объему (1,6 печатных листа) он составляет почти пятую часть текста указанной книги Костомарова. В проработке материала совершенно очевидна система и целеустремленность. Наиболее подробно, страницу за страницей, Маркс конспектирует стр. 197—227, где Костомаров обстоятельно освещает положение крестьян и посадских и объясняет социально-политические предпосылки восстания. Из девятнадцати страниц, которые занимает конспект Маркса в журнале, этой части книги Костомарова уделено двенадцать. Затем конспект становится более сжатым, описание похода Разина к берегам Персии (стр. 240—251) сведено к одному абзацу. Еще более кратко излагается у Маркса самый ход восстания (стр. 252—291). Подробный рассказ об убийстве астраханского митрополита (стр. 323—338) Маркс опускает вовсе. Из напряженно-романтической характеристики личности Разина («В его душе действительно была какая-то страшная, таинственная тьма»³ и т. д.) Маркс вносит в конспект только одну фразу: «„Закон, общество, церковь“ не имели для него никакого значения».⁴

Работал над конспектом книги Костомарова Маркс не ранее 1879 года.⁵

Русская демократическая общественность в 1860—1880-е годы высоко ценила Костомарова как историка и этнографа. В 1889 году Н. Г. Чернышевский писал: «Немецкие ученые считают Костомарова замечательнейшим из современных русских историков; их мнение справедливо. Костомаров был человек такой обширной учености, такого ума и так любил истину, что труды его имеют очень высокое научное достоинство. Его понятия о деяте-

¹ К. Маркс. Стенька Разин. Под ред. и с предисловием Д. Рязанова. «Молодая гвардия», 1926, № 1, стр. 104—125.

² Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. II. СПб., 1872, стр. 195—355 (впервые напечатано: «Отечественные записки», 1858, №№ 11 и 12; первое отдельное издание вышло в 1859 году).

³ Там же.

⁴ К. Маркс, ук. соч., стр. 119.

⁵ В конспекте упоминается книга П. Соколовского «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом» (СПб., 1878).

лях и событиях русской истории почти всегда или совпадают с истиной, или близки к ней».⁶

Монография Костомарова появилась в 1858 году, после того как был снят цензурный запрет на публикацию материалов о Разине и Пугачеве. Незадолго до того, как Костомаров стал работать над своей книгой о Разине, Анненков в 1855 году опубликовал письмо А. С. Пушкина брату Льву, в котором поэт назвал Разина «единственным поэтическим лицом русской истории». Можно предположить, что замысел книги Костомарова и манера изложения — ее насыщенность песнями — в какой-то мере являются реализацией пушкинской оценки Разина. Один из ее рецензентов, М. П. Устинов, историк и журналист 1850—1870-х годов, не только положительно оценил эту книгу, но и увидел в ее содержании политически актуальный момент — предупреждение правительству и дворянству не доводить до взрыва народного недовольства. Устинов считает, что Костомаров должен был бы показать в своей книге, «сознали ли... товарищи погибших жертв народного гнева истинное основание возмущения и колоссальной вспышки угнетенного класса, приняты ли были какие-либо меры к большему или меньшему отстранению на будущее время причин народного недовольства».⁷

Можно предположить, что Маркс обратился к монографии Костомарова в связи с большим интересом к Разину и разинскому движению, который проявляли деятели русского революционного народничества 1870-х годов. В спорах последователей П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина, в работах последнего, с которым ожесточенно полемизировали в начале 1870-х годов. Маркс и Энгельс, постоянно упоминается Разин. В написанной совместно Марксом и Энгельсом в 1873 году по поручению генерального совета Интернационала брошюре против Бакунина говорилось: «Чтобы одурачить своих читателей, Бакунин смешивает в одну кучу вождей народных восстаний XVII и XVIII веков с современными русскими разбойниками и грабителями».⁸

Оценивая Разина и Пугачева в соответствии с их историческим значением, Маркс и Энгельс не могли не считаться с тем, что среди русских революционных народников 1870-х годов еще была сильна вера в возможность поднять в России новую разинщину.

«Мы верили и надеялись, — вспоминал один из активных деятелей «Земли и Воли», — что там, где двести и сто лет тому назад разыгрались величайшие исторические драмы народной жизни — бунты Стеньки Разина и Пугачева, где гуляли вольные „ушкуйники“ и „ватажки“, держа в страхе угнетателей народа, где вольное казачество развернуло и развило в полном блеске свои свободные формы жизни... что там нам удастся создать в народе революционную рать, призванную осуществить народную революцию».⁹

Такое положение «разинского вопроса» в русской общественной жизни 1870-х годов может объяснить и общую направленность конспектирования книги Костомарова. Маркс хотел понять реальные исторические причины возникновения великого народного движения в России в конце XVII века, чтобы решить для себя вопрос о возможности подобного взрыва в условиях

⁶ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. X, М., 1951, стр. 928.

⁷ «Библиотека для чтения», т. 155, 1859, июнь, Литературная летопись, стр. 19. Рецензия подписана «М. У—нов».

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. II, Политиздат, 1940, стр. 600 («Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих»).

⁹ О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х гг. Пгр., 1924, стр. 260.

России пореформенной, и потому всего подробнее, как уже указывалось выше, конспектировал первую треть монографии. При этом Маркс несомненно обратил внимание на своеобразную черту книги Костомарова. В отличие от других историков Костомаров свою характеристику разинского движения, отношения народа к Разину и психологии самого Разина строит на народной песне. В книге приводятся, полностью или в отрывках, четырнадцать разинских песен, среди них: «У нас-то было, братцы, на Тихом Дону», «Что пониже было города Саратова», «Уж как по морю, по морю синему», «Ах туманы вы, мои туманушки» и т. д.

Маркс следующим образом конспектирует то место книги Костомарова, где говорится об отношении народа к казакам, действовавшим на Волге:

Костомаров (стр. 204)

Их деяния воспевались в песнях; к ним относятся ра нообразные предания; их образ в народном воображении сохраняется с марами (курганами) и городищами, усевающими приволжские степи. Воровские казаки не были в глазах простонародья простыми разбойниками в обыкновенном смысле этого слова; они нападали на суда, на людей, грабили и убивали, но, по обширному ж кругу, в котором хотела выразиться их деятельность, название разбойников для них недостаточно. Сами они говорят в своих песнях: «мы не воры, не разбойники — мы удалые добры молодцы».

Маркс (стр. 109)

Их деяния воспевались в песнях и т. д., они не были в глазах простонародья простыми разбойниками в обыкновенном смысле этого слова, так как они проявляли свою деятельность в большом масштабе. Сами они говорят о себе в своих песнях: «мы не воры, не разбойники — мы удалые добры молодцы».

В конспекте заметно стремление Маркса на основе костомаровского изложения подчеркнуть отношение народа к Разину и разинцам, в деятельности которых народ видел нечто гораздо более значительное, чем «простой разбой».

Это же народное отношение к волжским разбойникам Маркс отмечает и в песне «Что пониже было города Саратова»: «После этого шайка Разина перешла на Волгу и на них (на стругах)

Удалые молодцы,
Удалые молодцы, воровские казаки. . .

(Народная песня, стр. 234).¹⁰

Историческая песня оценивается Марксом как авторитетное свидетельство при определении характера классового расслоения казачества и роли «голутовенных людей»: «Стенька в Черкасске сблизился с этими людьми, составил из них удалую шайку, как говорит о нем современная народная песня¹¹ (229—231). В народной песне говорится, что он идет не в „казачий круг“, а „к нам, казакам“ (второго класса), он советуется с „голытьбой“, которой он в песне говорит:

«Сударь мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять;
Разобьем, братцы, басурманские корабли —
Возьмем мы казны, сколько надобно!» (231).

¹⁰ К. Маркс, ук. соч., стр. 120.

¹¹ Маркс имеет в виду песню «У нас-то, братцы, было на Тихом Дону».

Конспект книги Костомарова дает интересный материал для определения взглядов Маркса на русскую историческую песню, на русский фольклор вообще. Как видно из самого метода его конспектирования, Маркс не искал в разинских песнях прямого отражения исторических событий. Из песен, приведенных у Костомарова и отражающих определенные моменты разинского движения, Маркс цитат не приводит. Он не ищет в песне документального подтверждения истории. Для него песни о Разине интересны главным образом своим отношением к народной борьбе «удалых молодцов», той поэтической идеализацией казачьего «разбоя», которая является общей чертой народно-поэтического творчества XVII—XVIII веков. Поэтому Маркс включает в свои конспекты замечание Костомарова о сходстве героев русских «разбойничьих песен» с сербскими юнаками и греческими клефтами, т. е. видит в русских исторических песнях разинского цикла характерное поэтическое явление определенной эпохи исторического развития народной жизни.

ПИСЬМА П. Н. РЫБНИКОВА К И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ

Деятельность П. Н. Рыбникова как собирателя и составителя одного из первых (после собрания Кириши Данилова) сборников былин, найденных в Олонецкой губ., неоднократно привлекала внимание советских фольклористов. Краткие сведения о его биографии, взглядах, направлении интересов и собирании им фольклорного материала, приведенные А. Е. Грузинским в его статье, предшествующей первому тому второго издания «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым»,¹ и сведения, получаемые читателем из «Заметки собирателя» (I, стр. LXI—CII) и писем его к московским друзьям: славянофилам К. С. Аксакову, Д. А. Хомякову, П. А. Бессонову (III, стр. 301—325), пополнились рядом ценных наблюдений советских исследователей.

Н. Н. Виноградов опубликовал в сборнике «Советский фольклор» архивные материалы, расширившие сведения о биографии собирателя.² Полемицируя с А. Е. Грузинским, считавшим, что фольклористические интересы П. Н. Рыбникова формировались главным образом под влиянием славянофилов, М. К. Азадовский³ доказывал, что интерес собирателя к народной жизни и творчеству складывался в кругах демократической интеллигенции 1850-х годов при известном влиянии высказываний Н. А. Добролюбова. Связи П. Н. Рыбникова со студенческим движением 1850-х годов на основании новых архивных материалов тщательно изучены в книге А. П. Разумовой.⁴ Интерес собирателя к народу в период его пребывания в ссылке освещен в книге В. Г. Базанова.⁵

Несмотря на ценность добытых советской наукой сведений, по-новому освещающих деятельность Рыбникова-собирателя, до сих пор еще остается неясным вопрос об истории создания сборника «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», печатавшегося на протяжении семи лет (с 1861 по 1867 год), и «Заметки собирателя», о причинах ее позднего опубликования (в третьем томе первого издания), что повлекло за собой не только нарекания в адрес собирателя, но и прямо высказанные сомнения относительно достоверности опубликованных в первых двух томах текстов.

Некоторый свет проливают на все это найденные в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (в архиве

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, в трех томах, М., 1909—1910 (в дальнейшем при ссылках на это издание в тексте указываются том и страница).

² Н. Н. Виноградов. Материалы для биографии П. Н. Рыбникова. «Советский фольклор», № 2—3, Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 317—325.

³ М. К. Азадовский. Литература и фольклор. Л., 1938, стр. 185—191.

⁴ А. П. Разумова. Из истории русской фольклористики. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.

⁵ В. Базанов. Народная словесность Карелии. Петрозаводск, 1947, стр. 30—53.

И. И. Срезневского) письма П. Н. Рыбникова И. И. Срезневскому (ЦГАЛИ, ф. 436, оп. 1, ед. хр. 1362).

Публикуемые шесть писем П. Н. Рыбникова точно датированы собирателем и относятся к периоду с октября 1862 по апрель 1864 года.

Письма эти свидетельствуют прежде всего о том, что в период работы Рыбникова над подготовкой к изданию записанных им в 1859—1861 и последующих годах текстов былины и других произведений народной словесности и написания статьи Рыбников вел оживленную и очень содержательную переписку с одним из крупнейших филологов своего времени — Измаилом Ивановичем Срезневским, сыгравшим, как это явствует из писем Рыбникова (письма Срезневского к Рыбникову неизвестны, об их содержании мы можем судить лишь на основании ответов Рыбникова), весьма существенную роль как в направлении его собирательской деятельности, так и в его работе над издаваемыми материалами, особенно над «Заметкой собирателя».

Измаил Иванович Срезневский (1812—1880), крупнейший филолог своего времени, славист, исследователь древнеславянских и древнерусских памятников, собиратель и исследователь славянского фольклора и этнографии, автор работ по истории русского языка, член Археологического общества с 1850 года и ординарный академик Академии наук с 1854 года, с большим успехом читавший курсы славяноведения в Петербургском университете и Педагогическом институте, оказался учителем в области филологии своих революционно настроенных современников-демократов: Н. Г. Чернышевского (в университете) и Н. А. Добролюбова (в Педагогическом институте), гордился этим, хотя и не разделял их политических убеждений.

Исследователь деятельности Добролюбова-фольклориста отмечает, что среди других профессоров И. И. Срезневский привлекал демократическую молодежь своей огромной эрудицией, научной добросовестностью и большой любовью к читаемому им предмету.⁶ Именно к нему, а не к преподавателю народной словесности, обратился молодой Добролюбов со своими первыми фольклорными записями и наблюдениями над особенностями говора Нижегородской губ. Срезневский внимательно отнесся к работам юноши, помогал ему советами, направлял его филологическую деятельность. Таковую же добросовестность, внимание, сочетающееся с высокой научной требовательностью и принципиальностью, проявил И. И. Срезневский, как это видно из публикуемых писем, и к разносторонней собирательской деятельности высланного в г. Петрозаводск и находившегося во все время переписки под надзором полиции П. Н. Рыбникова.

До настоящего времени в связи с деятельностью Рыбникова мы знали об И. И. Срезневском только как о рецензенте (недоверчивом и подозрительном) первого тома «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым»⁷ и авторе «представления» труда собирателя на Демидовскую премию.

В рецензии Срезневский высоко оценивал первый том издания, материал которого по объему превосходил все ранее опубликованное (Сборник Кириши Данилова и отдельные публикации былинных текстов), однако он не скрывал, что отсутствие всякого сопроводительного материала от собирателя

⁶ Б. Ф. Егоров. Н. А. Добролюбов и проблема фольклористики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту, 1952 (рукопись), стр. 134 и сл.

⁷ И. И. Срезневский. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1 (М., 1861). «Известия II Отделения имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности», т. X, вып. III, СПб., 1862.

способствует зарождению у читателя сомнений в подлинности публикуемых записей. Между тем, замечает рецензент, при издании сборника Рыбникова не сделано почти ничего для того, чтобы рассеять такого рода сомнения: «Нет ни статьи г. Рыбникова, ни от издателей никаких пояснений, которыми читатель мог бы руководствоваться при обозрении сборника, при оценке его достоинства».⁸ Он недоумевает, зачем печатание объяснительной записки отложено до второго тома, и формулирует те вопросы, которые, по его мнению, следовало бы осветить автору в такого рода заметке: «... в нашей литературе, — пишет он, — нет еще ни одной записи ни о значении былины в народе, ни об их так называемых „сказителях“, ни о том, как добиваться до того, чтобы они позволили записать былины со своих слов (разрядка моя, — И. К.)».⁹ У самого Срезневского в момент написания рецензии подлинность собранных материалов не вызывала сомнений, ибо он к этому времени уже получил интересовавшие его сведения о Рыбникове и его собирательской работе от своих корреспондентов из Петрозаводска: Д. В. Поленова и В. Модестова. Эти сведения, рассеивающие подозрения читателя, Срезневский включает в свою рецензию и прибавляет, что они дороги ему «как доказательство тому, что труд г. Рыбникова достоин доверенности, что на песни, им записанные, надобно смотреть как на действительно достойные народнсе».¹⁰

Взяв на себя ответственность поручиться за сборник Рыбникова, Срезневский, заключая рецензию, вновь настойчиво подтверждает свое требование: «... чтобы в своей объяснительной записке г. Рыбников сообщил все возможные подробности не только о былинах и их певцах, но и о том, как отыскать их».¹¹

Выступая в печати и наводя справки о Рыбникове у различных лиц, Срезневский, по-видимому, в то же время вступил в переписку и с самим собирателем, выразив интерес к его разносторонней деятельности по изучению края. Первое из публикуемых писем Рыбникова от 5 октября 1862 года является уже ответом на письмо И. И. Срезневского от 26 сентября и содержит развернутые ответы собирателя на поставленные ученым вопросы о находках древних книг, рукописей и вопросы, относящиеся к сборнику. Рыбников прямо указывает, что «выполнил желание» своего рецензента и в последних письмах к Бессонову объясняет значение былины в народе и рассказывает, что может, о сказителях (следовательно, статьи у Рыбникова в это время еще не было). В письме он старается разъяснить свою корреспонденцию и то, как он сходил с певцами, каким образом получал от них материал, высказывает свои соображения относительно достоверности былины. Таким образом, письмо 1862 года явилось прямым ответом Рыбникова на вопросы, поставленные в рецензии Срезневского, а может быть, и в частном письме его к собирателю от 26 сентября (текст которого до нас не дошел). Формировавшийся в демократической среде интерес собирателя к народу как создателю поэтического творчества и носителю его, к сказителям и т. п. получил, таким образом, поддержку крупнейшего научного авторитета того времени, и мы видим из последних писем, что Рыбников с готовностью и увлечением, насколько позволяли ему время и условия, старается удовлетворить интересы Срезневского.

Одновременно с письмом от 5 октября 1862 года Рыбников, по-видимому под воздействием тех же вопросов Срезневского, послал в «Олонекские

⁸ Там же, стр. 249.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 253.

¹¹ Там же, стр. 254.

губернские ведомости» свои первые «Заметки с дороги» И. С. Аксакову, где сообщал сведения о встречах с певцами, о первой поездке в Заснежье, о знакомстве с Леонтием Богдановым и т. д. («Заметки с дороги» были напечатаны в №№ 43—45 «Олонецких губернских ведомостей» за 1862 год и включены позднее без изменений в текст «Заметки собирателя» — I, стр. LXIII—LXXV).

В апреле 1863 года Рыбников сообщает Срезневскому о появлении «Заметок с дороги». Однако, ощущая, по-видимому, недостаточность сведений, приведенных в них, и описательный их характер, он в письме от 2 апреля 1863 года вновь отвечает на какие-то, вероятно снова заданные ему его ученым корреспондентом вопросы, касающиеся былинной традиции в Олонецкой губ. Некоторые из этих сведений были включены позднее в «Заметку собирателя», однако то, что приведено в письме к Срезневскому (как использованное позднее, так и неиспользованное) носило более синтетический характер, нежели в «Заметке собирателя». Рыбников пытался сам и давал возможность своему корреспонденту сделать некоторые обобщения на основании сообщаемых наблюдений и свидетельств сказителей о характере былинной традиции, об исполнениях, о напевах и пр.

Но и этого оказалось недостаточно для того, чтобы удовлетворить интересы его требовательного корреспондента. Первые два тома были Рыбникова, которые он посылал в Академию, желая участвовать в конкурсе на соискание Демидовской премии (о чем писал Срезневскому в первых двух письмах), «не были включены в число сочинений, которые конкурировали в 1863 году на Демидовскую премию». Очевидно, Срезневский не удовлетворился сведениями, сообщенными собирателем в письмах, и добивался от него, прежде чем допустить до конкурса, усиления научного аппарата сборника: развернутой статьи, словаря, указателей. Поэтому Рыбников в письме от 13 октября 1863 года, выражая огорчение по поводу того, что его два тома не были представлены на конкурс, и надежду на включение в 1864 году, сообщает Срезневскому о печатании в Петрозаводске «третьей части сборника» с большой статьей о сказителях, копию которой обещает послать своему корреспонденту.

Через семь месяцев вместе с древними рукописями он действительно препроводил к Срезневскому уже полный текст своей «статьи» (вероятно «Заметки собирателя»), о чем сообщал в письме от 12 ноября 1863 года, снова подчеркивая: «Кажется, мне удалось ответить на все те вопросы, которые интересовали вас».

По-видимому, Срезневский интересовался не только статьей собирателя, где освещались бы условия бытования былин в народе и вопрос о сказителях, его заботил весь аппарат собрания Рыбникова, большое научное значение которого он понимал. В письме от 12 ноября 1863 года Рыбников сообщает Срезневскому, что словарь непонятных и областных слов уже готов, а указатель собственных имен он сделать не успел и выпустит его особым приложением.

В феврале следующего года Рыбников препроводил Срезневскому первые листы третьего тома собрания и сообщил, что он выйдет не позднее апреля. На этот раз, по-видимому, Срезневский остался удовлетворен уровнем издания, так как, судя по письму Рыбникова от 21 апреля 1864 года, он уже 13 апреля сообщил собирателю о присуждении ему Демидовской премии.¹²

¹² Официальный отчет о 33-м присуждении Демидовских наград был читан в публичном заседании Академии наук 26 июня 1864 года. «Олонецкие губернские ведомости» перепечатали извлечение из него 15 августа 1864 года в № 32.

Рассматривая в своем «представлении» на премию труд Рыбникова, Срезневский наряду с теми достоинствами, которые были указаны им еще в рецензии 1862 года (обширность труда, записи, произведенные собирателем с полным знанием дела), отмечает новые достоинства собрания: критический подход к материалу и умелый отбор его собирателем, появление подстрочных примечаний с истолкованием «необщепонятных слов и выражений, особенно областных», словаря «с выписками замечательных мест из былин» и «с разными любопытными объяснениями», «Заметки», где «помещены весьма любопытные и в своем роде даже единственные сведения о лицах, поющих былины, о передаче былин из рода в род, о сочувствии народа к былинам в тех краях, где они наиболее в ходу».¹³

Следовательно, своей перепиской с Рыбниковым Срезневский активизировал собирателя, стимулируя дальнейшие записи текстов, собирание дополнительных сведений, объяснение собранного материала. Эта упорная работа Рыбникова, проведенная под руководством опытного и требовательного ученого, и была в 1864 году увенчена Демидовской наградой, которая открывала, как признается сам собиратель, возможности для завершения начатого дела.

С присуждением премии отношения Рыбникова со Срезневским не прекратились. В письме от 21 апреля 1864 года собиратель благодарит последнего за радостное известие и развивает план дальнейшей работы над былинами: собирание и публикация материалов, составление указателя (о нем будет сказано ниже).

Таким образом, публикуемые письма освещают историю возникновения научного собрания Рыбникова: путь от издания одних только текстов без всякого аппарата (т. I) или текстов с толкованиями славянофила Бессонова в его «Заметке» (т. II) к трехтомному, а затем и четырехтомному изданию со статьёй собирателя, словарем, указателями — и показывают роль Срезневского в этой работе.

Переписка Срезневского с Рыбниковым способствовала интенсивной работе последнего по собиранию древних книг, рукописей и некоторых археологических материалов и сведений по истории края. В этой своей деятельности собиратель также отчитывался перед ученым, посылая документы, казавшиеся ему наиболее значительными, информируя его (письма от 5 октября 1862 года, 13 октября 1863 года, 12 ноября 1863 года) о своих новых и о возможных будущих находках (письмо от 5 октября 1862 года), о книгах и находках, отправляемых в Публичную библиотеку или в Археологическое общество, просил совета по тому или иному вопросу, связанному с древними памятниками. Сведения, заключающиеся в письмах, уточняют наши представления о деятельности Рыбникова в Петрозаводске, где он занимался собиранием не только народной поэзии, но и всего того, что относилось к истории Олонецкой губ., сохранившихся там древних рукописей и книг.¹⁴

Письма к Срезневскому не только открывают перед нами историю создания сборника, они дополняют и расширяют сведения о деятельности Рыбникова-собиравателя в период с 1861 по 1864 год. Так, например, из письма Рыбникова к Бессонову, опубликованного Грузинским в третьем томе и

¹³ «Олонецкие губернские ведомости», 1864, № 32, стр. 271.

¹⁴ Из собранных материалов, упомянутых Рыбниковым в переписке со Срезневским, А. Е. Грузинский опубликовал только сказание «О начале града Москвы и о великом князе Данииле Александровиче» (т. III, стр. 239—244). Другие рукописи остались, по-видимому, в архиве Археологического общества. Судьба старинных книг, найденных Рыбниковым, неизвестна.

использованного им в статье (I, стр. XXIX), было известно, что деятельность Рыбникова-собирателя, во время служебных командировок вступавшего в общение с народом, казалась подозрительной начальству: «Вы в Москве полагаете, что я по крайней мере здесь свободен и разгуливаю, где хочу и как хочу. Между тем до последнего времени всякое мое путешествие было соединено с большими препятствиями, а три первых и даже отчасти пятое оставили за собой неприятности» (I, стр. XXIX, см. также стр. LXII). В «Заметке собирателя» Рыбников объясняет запоздалую публикацию статьи тем, что на первых порах он был подавлен богатством материала («памятники былевой поэзии заслонили от меня тогда их хранителей и передатчиков» — I, стр. LXIII), и тем, что он стеснялся сразу выспрашивать у сообщавших былины людей об их житье-бытье (I, стр. LXII). Из писем к Срезневскому выясняются и другие причины, мешавшие собирателю работать над статьей, причины которых в «Заметке» он прямо назвать не мог. Так, в письме от 5 октября 1862 года Рыбников поясняет, что он мог собрать подробные сведения только о певцах, с которыми неоднократно встречался после первого знакомства в Петрозаводске (Романов, Рябинин), собрать же подробности о других певцах не мог, потому что ему «было позволено только один раз проехать Олонецкую губернию» (имеется в виду поездка 1860 года): «В два месяца, в захолустьях, в „задвенных“ уголках я успел отыскать или положить начало отысканию всего того, что издал в течение 2-х лет». В 1861 году он ездил всего месяц, сопровождая губернатора, работе мешали служебные дразги, ссоры провинциальных властей, которых трудно было избежать.

А. Е. Грузинский пишет, что после выхода в свет первого, а затем второго тома былин, в Рыбникове уверились и «с 1861 года он стал чувствовать себя свободнее» (I, стр. XXX). Однако из писем Рыбникова видно, что это далеко не так. Работе над статьей препятствовала канцелярская работа (письмо от 2 апреля 1863 года); собирать на местах дополнительные, необходимые для статьи сведения (о сказителях и условиях бытования былин) было трудно и после выхода второго тома. В письме от 13 октября 1863 года Рыбников с досадой и огорчением писал Срезневскому: «... я по долгим годам дожидался иногда случая для разрешения вопроса, подобных которому десятки могли бы быть разрешены в одну поездку, в одну неделю». В письме от 5 октября 1862 года он указывает, что нарочито медлил с сообщением даже того небольшого, что знал о сказителях («каждая строчка, напечатанная с моим именем, подвергалась самому строгому исследованию со стороны некоторых лиц»), и ссылается на придирку к его статье о Шунгской ярмарке.¹⁵ Таким образом, ясно, что не случайно, не по небрежности Рыбникова и не по вине издателя Бессонова не появилась в первых томах статья, а вследствие трудных условий, в каких приходилось работать над сборником находившемуся под надзором полиции собирателю.

Далее, письма к Срезневскому расширяют наши сведения о характере работы Рыбникова со сказителями. Упомянутые в письмах от 5 октября 1862 года и от 2 апреля 1863 года эпизоды поисков сказителей, встреч с ними и полученные от исполнителей сведения об условиях бытования былин и отношении к ним народа использованы были позднее Рыбниковым в его «Заметке собирателя». Так, эпизод встречи с «робким певцом» (письмо от 5 октября 1862 года), бежавшим от собирателя в лес, отмечен

¹⁵ Имеется в виду, вероятно, статья: П. Н. Рыбников. Шунгская (Олонецкая губ.) крещенская ярмарка в 1860 году. «Вестник промышленности», 1860. т. IX, № 8 стр. 38—57.

в «Заметке собирателя» I, стр. LXXXV, сведения, полученные от Кузьмы Романова об условиях исполнения былин (письмо от 2 апреля 1863 года) — в т. I, стр. LXXX, об исполнении Рябининым былин на Ладожском озере (письмо от 2 апреля 1863 года) — в т. I, стр. LXXVIII, сведения об Илье Елустафьеве и о Кокотине — там же, стр. LXXV—LXXVII.

В письме от 5 октября 1862 года Рыбников сообщает еще о том, почему он пользовался доверием народа и как вызывал сказителей на исполнение. Перечисленные сведения, полученные от певцов и о певцах, использованы Рыбниковым в письме от 2 апреля 1863 года в другом контексте, нежели в «Заметке». Так, сведения о Елустафьеве и об исполнении Рябинина приводятся в связи с характеристикой Т. Г. Рябинина и К. Романова. Вслед за теми сведениями, которые были помещены в №№ 43—45 «Олоонецких губернских ведомостей» под названием «Заметки с дороги», Рыбников описывал в «Заметке собирателя» первую встречу с Рябининим, характеризовал его, его учителей, затем Козьму Романова и других сказителей. В письме же весь этот материал расположен иначе. Рыбников, отвечая на вопросы Срезневского, сначала дает общие сведения о распространении былин в Олоонецкой губ. по уездам среди русских и карел, затем сообщает сведения о былом распространении былин (со слов К. Романова и Рябинина), об исполнении их в других местах (на Ладожском озере, со слов Рябинина) и переходит к классификации певцов, которых делит на три типа: сказителей, калик и любителей, знающих две-три былины. (В «Заметке собирателя» Рыбников делит певцов только на две группы: сказителей и калик — I, стр. CI—CII).

Охарактеризовав в письме сказителей, Рыбников дает перечень наиболее выдающихся певцов Олоонецкой губ. Принцип составления этого перечня следующий: исполнители расположены по уездам — Заонежье, Пудожский, Каргопольский, Повенецкий, а внутри уездов номерами обозначены их категории. I, 1, 2 обозначают сказителей, II — калик, III — просто любителей. Этот принцип позволяет не только установить степень распространения былины в различных уездах, но представить себе, какие типы сказителей преобладают в том или ином уезде. Так оказывается, что в Заонежье былины исполняются главным образом сказителями (шесть человек) и любителями (девять человек), в Каргопольском уезде их исполняют преимущественно калики. Такого рода выводы на основании перечня Рыбников и делает в письме к Срезневскому. Подобного указателя с делением на типы сказителей нет ни в первом, ни во втором издании «Песен». В первом издании к IV тому приложен указатель имен сказителей, расположенных по уездам (подразделения на типы нет). Грузинский во втором издании этот указатель почему-то не перепечатал и приложил к III тому только список певцов.

Письма к Срезневскому расширяют наши представления о замыслах и планах работы Рыбникова над собранными былинами.

Из всей совокупности сведений о Рыбникове ясно, что намерения заняться теоретическими вопросами, связанными с издаваемым материалом, у собирателя были. В письмах к Бессонову, К. Аксакову, Хомякову он сообщал о своем намерении предпослать первому тому «обстоятельную статью о былинах», для написания которой Рыбников желал иметь книги Гримма, Лахмана, Кириши Данилова. Известно, что Бессонов отговаривал собирателя от работы над теоретическими вопросами. Грузинский предполагал, что планы Рыбникова «быстро разбились о невозможность работать в Петрозаводской дали без книг, а еще более о внутренние препятствия, лежавшие в самой личности Рыбникова» (I, стр. XLVIII). Последнее утверждение

едва ли можно считать верным. Здесь дело не в натуре Рыбникова, которому якобы чужды были теоретические интересы. В письме к Срезневскому от 2 апреля 1863 года, в подстрочном примечании, Рыбников высказывает суждения о циклизации народной поэзии и приводит параллели из скандинавского и немецкого эпоса, из древнеиндусских и других восточных памятников. Эти примечания использованы и в «Заметке собирателя» (I, стр. ХСVIII). Однако воспитанного в среде революционно настроенной демократической молодежи 1850-х годов Рыбникова тянуло, конечно, к другому, к изучению народной поэзии в связи с особенностями народной жизни и народного характера. Это стремление, поддержанное научным авторитетом такого ученого, как Срезневский, настойчиво добивавшегося от собирателя сведений об исполнении и исполнителях, сказалось на дальнейших неосуществленных замыслах Рыбникова относительно «Указателя», представление о котором дает письмо от 21 апреля 1864 года. Намереваясь издать дополнительно (к третьему тому) полученные позднее записи былин, заплачек и песен, Рыбников хотел приложить к тому указатель, который желал увидеть в издании Срезневский.

Из писем следует, что Рыбников приступил уже к составлению сводов «главнейших былин по всем вариантам». Из этих сводов, по мнению Рыбникова, должны были определиться характер богатыря, «его роль». Из свода выясняется, пишет Рыбников, значение Ильи Муромца, в котором «русский народ выразил сознание полноты своей духовной, нравственной и физической силы». «В Илье, — говорит он, — сознание силы сливается с сознанием нравственного совершенства и неподдельного мужества». Эти черты любимого народного героя Рыбников сопоставляет с особенностями русского народного характера, отличающегося силой, непреклонностью.

В письме от 21 апреля 1864 года Рыбников сообщает Срезневскому о новых фольклорных материалах, которые он получил или надеялся получить после выхода третьего тома. Он называет «превосходные образцы» заплачек Пудожского уезда, которые вошли в четвертый том «Песен», изданный в 1867 году (IV, стр. 105—115). Что касается заплачек из Каргопольского уезда, то их Рыбников, по-видимому, так и не получил. Былины дополнительно он также частично получил, частично надеялся получить. Из числа записей от названных в письме сказителей в четвертый том вошли былины, записанные от Лукина из Пудожгоры (IV, стр. 60—74, 93—97). Из Муозера (Петрозаводский уезд), Водлозера (Пудожский уезд) и «с Мошинской стороны от калик тамошних» (имеются в виду, вероятно, записи от Гёркуши, с которым, как известно из «Заметки собирателя», Рыбников безуспешно пытался встретиться и которого включил в перечень сказителей — письмо от 2 апреля 1863 года) собиратель, вероятно, так ничего и не получил.

В письме от 2 апреля 1863 года Рыбников сообщает о манере исполнения былин на голос певцами Козьмой Романовым, Рябининым и др. Эти наблюдения вошли в «Заметку собирателя» (I, стр. ХСIII—ХСIV).

До сих пор не было известно записей напевов былин, сделанных самим Рыбниковым. В письме от 2 апреля 1863 года собиратель посылает Срезневскому нотные записи двух напевов былин от Леонтия Богданова и для сравнения напевы духовных стихов, которые воспроизводятся на стр. 300. Редакцию напевов былин с подтекстовкой дальнейших стихов записи П. Н. Рыбникова, выполненную В. В. Коргузаловым, см. в приложении к статье. Что касается «единственной былины, записанной с голоса сказителя Кузьмы Романова» (имеется в виду напев), посланной собирателем Бессонову, то она, по-видимому, затерялась в бумагах последнего.

Публикуемые ниже письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому даются в современной орфографии. В ломаных скобках расшифровываются имевшиеся в тексте писем сокращения. В сносках под звездочками даны примечания Рыбникова, под цифрами — автора публикации. Разрядкой выделены слова, подчеркнутые Рыбниковым.

Милостивый Государь
Измаил Иванович,

На письмо Ваше от 26 сент<ября> имею честь уведомить, что в моем харатейном евангелии нет никаких отметок ни в начале книги, ни в конце. Заголовок и несколько следующих листов оторваны, сборник тоже; книга вообще много пострадала от сырости, хотя и можно прочесть текст ее без затруднения. — Что касается других древних книг, то часть их я отправил в Императорскую публичную библиотеку, а другую — в Москву гг. Аксакову и Бессонову. В числе последних находятся копия с Киевского Патерика, харатейного евангелия, Травника, древняя география и т. п. В настоящее же время у меня остались триодъ XVI века да позднее (по моему мнению, поддельная рукопись) житие Иоанна Златоуста; я их перешлю на днях в Публичную библиотеку; но вряд ли будет в них что-либо интересное для Вас. — В декабре месяце я надеюсь поделиться с Вами кое-чем любопытным. Вот уже два года искал я летописей. Попался мне было «Двинский летописец», но в нем не было ничего нового против печатного, краткий «Каргопольский летописец» ушел у меня из-под рук в 60 г. в Устьмошской волости, крестьянин Клим Хорин, взявший эту книгу от Звягина, отперся от того, что брал ее, зато в настоящем году я напал на древний список летописи и покупаю его уже месяца четыре: дорого заплатить я не в состоянии, и не хочется упустить такую интересную вещь.

Много, много можно было бы знающему человеку отыскать в Олонецкой губернии: в каждом сельском обществе Петрозаводского, Каргопольского, Олонецкого, Пудожского и особенно Повенецкого уездов есть старинные рукописи. — И пропадают они у крестьян, а еще вернее гибнут, когда отбираются чиновниками. Есть замечательные книги и в церквях. Так, я помню, что при Лепшинской церкви, в дер. Верале, в глуши Каргопольского уезда есть очень древнее евангелие, судя по письму, XIV или XIII стол<етия>; на переплетном листе подписи о вкладыах: между прочим, какая-то Богданова в 7108 году дала московскую гривну. Евангелие в Тихманье (неподалеку от Лепши) кажется еще старше. . .

Кроме рукописей, можно отыскать здесь много и другой старины. — O pierres gravées Вы уже изволите знать. Кроме того, я передал Е. Ф. Фортунатову для того, чтобы он показал Вам, древний перстень с дорогой камеею; но, к сожалению, он как-то затерял перстень, и не знаю даже, успел ли показать его Вам. Во многих местностях Петрозаводского, Каргопольского и Пудожского уездов я слышал сказания о городищах и курганах¹⁶ панов (общее название врагов-иноплеменников в Олонецкой губернии): шайки ляхов долго свирепствовали в наших местностях в начале XIII столетия, а главное, Олонецкий край (Обонежане), пользовавшись особенными льготами в цветущее время Новгорода, с 1331 г. поступил в потомственное владение Нариманту Гедиминовичу, от которого перешел к Патрикию Наримантовичу и наконец к Лугвению. — Таким образом три поколения панов, литовских князей владели в Обонежии и Чуди,

¹⁶ В рукописи: курганов.

19 Русский фольклор, т. IV

например, в Сенной губе, в Устьмоше, в¹⁷ древнем могильнике против со-сен на Лепше реке, на Воезере, в Пудожском побережье. Раскопки наверное обогатили бы нашу археологию. — Монет древних множество в каждой волости. Несколько любопытных экземпляров я отправил в Археологическое Общество.

Что касается до статьи о былинах, то я выполнил Ваше желание, насколько мог, в последних своих письмах к Бессонову, т. е. я объясняю там значение былин в народе и рассказываю жизнь сказителей. — Но это я мог исполнить не для всех сказителей, а только для самых знаменитых: например, Кузьмы Романова и Рябини́на, которые бывают у меня в Петрозаводске и по сию пору. Относительно других певцов я не мог сообщить больших подробностей, потому что мне было позволено только один раз проехать Олонецкую губернию. Точно предчувствуя, что эта первая и последняя поездка на всей воле, я плыл через Онего на лодченках, верхом и пешком пробирался через леса, пенусы, райды и красные янги, точно кто-нибудь гнался за мною, и, действительно, в Каргополе я получил предписание вернуться. В два месяца, в захоlustьях, в «задвенных» уголках я успел отыскать или положить начало отыскиванью всего того, что издаю в течение 2-х лет и что сообщаю в разные ученые общества. В 61 году я ездил всего месяц, сопровождал губернатора и ревизуа уездные присутственные и полицейские места. — Много ль можно было узнать при такой обстановке! А затем ссоры провинциальных властей, как ни старался я избежать дрязгов и замкнуться в своем семействе, отразились и на мне. В последний раз я побывал с губернатором в Повенецком уезде и тут вытащил из хлама церковной библиотеки харатейного «Пифонта» и передал его Д. В. Поленову. — В январе месяце всякого рода разъезды воспрещены мне.

Как я сходил с певцами и вообще народом, это трудно рассказать: просто, вероятно, я внушаю им доверие. На Шунге к губернатору позвали певца: тут был Д. В. Поленов и много других лиц. Как ни уговаривали они калику начал петь, он все отзывался неуменьем. — В это время я вернулся и просто-напросто принялся его расспрашивать: «Какую же старину он умеет?». — Маловато я знаю-то, П. Н., я ведь больше стихи попеваю. — «Будто Добрынюшки не знаешь или Михайло Потыка сына Ивановича. Начинается-то старина вот как...». — Нет, этих я не помню, я лучше того заведу про «Василья Игнатьевича». Он завел, я подпевал и помогал ему, и былина была спета на послушанье всем присутствовавшим.

В Шалах, например, я записывал от Лодочника, где ж тут было спрашивать про его имя, жите-бытье, сидя в узкой дрянной лодчонке и поспешая слушать старину. Едучи в Песчанскую волость, я услышал от извожика, что в дер. Большой двор есть хороший певец, только очень робкого характера. Приехал я на место и посылаю за этим крестьянином: он нейдет, другой раз посылаю, говорят — болен. — Сел я на лошадь и поехал к его дому и, не доезжая до избы, насмотрел человека, бежит к лесу. Проводник тут же мне и объяснил, что больно-то певец и бежит к лесу. Пустился я за ним, перегнал, пересек дорогу и, соскочив с лошади, заставил вместе с собою присесть на обрубок дерева. Видит мой беглец, что я помираю со смеха, и рассказал мне простодушно, что он «валил» (выжег) лес, за это обвинен и осужден, и думал, что я приехал его наказывать. А затем крестьянин по моей просьбе превесело затянул:

Ай тени, тени, тени, спотетени,
Испод белые березы кудревастенкой и пр.

¹⁷ В рукописи: о.

Так как в прошедшем и настоящем году я мало ездил сам, то во 2-м томе много былин, записанных не мною, а другими по моему указанию и поручению. Вообще я даю сказителю задельную плату рабочего дня и, если записываю не сам, по плачу переписчику от 40 до 50 к. за былину.

Мне кажется, достоверности былин нужно искать в их содержании. Если б кто-нибудь мог действительно подделаться под склад этих песен и изобрести содержание, тожественное с духом изобретений народа, то он стал бы одним из самых замечательных русских поэтов и нечего было ему прибегать к посторонней помощи для издания сказаний. — Впрочем, и со внешней стороны сборник мой, кажется, был обеспечен от подозрений. Главные открытия 1-го тома находились в былинах Романова и Рябинина. — Таких песней 30, и они занимают 190 страниц, т. е. $\frac{2}{5}$ первого тома. Эти песни не раз были петы у меня на дому при гг. Модестове, Поленове, Ф. Н. Фортунатове, Е. Ф. Фортунатове, Остроумове, Н. Д. Дмитриеве, Преферанском и многих других. — Л. Богданов — пел свои 6 былин тоже не раз при посетителях. Была полная возможность поверить каждую букву записанного. Кроме того, былину о В. Игнатъевиче и Каргопольские 2-го тома слышал бывший губернатор, Каргопольский доктор Володько. Наконец, откровенно скажу Вам, Измаил Иванович, что всеобщая известность былин в Олонецкой губернии отразилась и в моих приемах издания: всякий коренной Олонецкий житель знает, что былины совсем у нас не редкость.

Наконец, я медлил сообщением немногого, что знаю о сказителях, потому что каждая строчка, напечатанная с моим именем, подвергалась самому строгому исследованию со стороны некоторых лиц. Сумели же отыскать неуважение к начальству в небольшой статейке о Шунгской ярмарке. Я там выразил смелую мысль, что мужики поссорятся, поссорятся между собой, пойдут на суд к начальству и на дороге сочтут за лучшее помириться.

Теперь позволяйте обратиться к Вам, Измаил Иванович, с небольшою просьбою: Не откажите уведомить меня, могу ли я представить свой сборник, т. е. первые 2 тома, на Демидовскую премию. Первые 2 тома составляют совершенно отдельное целое, сборник былин, а в третьем будут помещены заплачки, причитанья невест, песни беседные, хороводные, загадки и проч.

Покорнейше прошу принять Вас уверения в совершенном моем почтении и преданности, имею честь быть

Вашим покорнейшим слугою

П. Рыбников.

5 октября 1862. Петрозаводск.

Р. С. Замечания на «Круту Каличью» постараюсь переслать на днях.

Милостивый Государь
Измаил Иванович,

Начну письмо это с оправдания долгого молчания. С октября месяца прошлого года я стал печатать в губернских ведомостях «Заметки с дороги», в которых предположил рассказать, как я собирал и записывал былины в Олонецкой губернии.* Два письма были напечатаны уже в ноябре

* По экземпляру каждого письма было высылаемо Вам; не знаю, получили ли Вы их?

и декабре месяцах, как спешная канцелярская работа отвлекла меня на три месяца от всякого литературного занятия. Не зная положительно, когда буду в состоянии выпустить в свет продолжение заметок, считаю долгом ответить в коротких словах на Ваши вопросы.

Былины известны в Олонецкой губернии в уездах Петрозаводском, Пудожском и Каргопольском, т. е. в тех местностях, где живет издревле сплошное русское население, как в Петрозаводском Заонежье или в Каргопольском уезде, и там, где, как в Пудожском уезде, поселились в XIV, XV и XVI столетиях колонисты из этих обоих древних центров здешнего Русского населения. Из Вытегорского, Лодейнопольского и Повенецкого уезда я достал по три, по четыре былины, и притом записанные в Лодейном Поле г. Шкалиным носят на себе характер книжности и следы явных переделок: кого в этом винить, местность ли или записывателя, не могу решить, потому что не имел случая изучить Лодейнопольских вариантов. В Олонецком уезде я не бывал, но не предполагаю там певцов старин, потому что там живут исключительно Карелы. Впрочем, где Карелы перемешаны с Русскими, там можно встретить былевую поэзию. Так, я записал в Петрозаводском уезде от Карелки Дмитриевой из деревни Пряток побывальщины 7-ую, 16, 50 и 81 первого тома, а в 1862 г. от крестьянина Кареляка Лазарева из деревни Кямениц Повенецкого уезда 2 былины о Михайле Данильевиче и Садке богатым госте. Это обстоятельство объясняю себе тем, что у Карел былевая и бытовая Карельская поэзия совсем почти исчезла, оттого Кареляки иных бытовых песен, кроме Русских, не поют, а при случае перенимают и старины. При этом замечу, что в Карельских побывальщинах склад и строй стиха разрушены, а в Карельских вариантах былин беспрестанно встречаются рифмы.

В Заонежье, в Пудожском уезде по берегу озера Онега, по реке Водле и Кене, в Каргопольском уезде по реке Онеге, по Кенозеру и около озера Лача былины известны очень многим, но настоящих певцов не так много. В Заонежье каждый почти крестьянин, даже женщины и дети знают что-нибудь из былевой поэзии; впрочем, это относится только к православным, раскольники же чуждаются старин и если что и знают, то высказывают с крайней неохотою. В старое время знатоков былин было гораздо больше, и сами крестьяне больше интересовались ими. Так, по словам здешнего старожилы А. И. Иванова, лет 50 тому назад, когда мещане и даже чиновники города Пудожа собирались на беседы, то обыкновенно слушали пение былины. По рассказам старика Кузьмы Романова, в самом Заонежье старины были еще более распространены лет 60 или 70 тому назад: «Соберутся бывало старики и бабы вязать сети, и тут сказители станут петь былины. Начнут они перед сумерками, а пропоют до глубокой ночи». Наконец, по замечанию сказителя Рябинина, старины в других губерниях пользуются большею любовью, чем теперь в Олонецком крае. Когда Рябинин был помоложе (теперь ему 70 лет) и ходил на рыбные промыслы в Ладожское озеро, то в праздничный день рыболовы с других судов собирались обыкновенно слушать у него старины. Кто-нибудь брался исполнять его дело на его сойме, а сам Рябинин между тем пел и сказывал без умолку. «Если б ты к нам пошел, Трофим Григорьевич, говаривали рыболовы, мы бы за тебя работали и кормили в волю, лишь бы ты сказывал нам».

Из этого старого времени до меня по рассказам Рябинина и Романова дошли слухи о учителях их, знаменитом Илье Елустафьевиче, Игнатие Ивановиче Андрееве и Федоре Яковлевиче. Илья Елустафьев был первый сказитель во всей Олонецкой губернии, занимался он рыболовством, знал

несчетное число былин и мог петь про разных богатырей целые дни. Крестьяне очень любили его слушать и даже платили ему за сказыванье. Соберется бывало сходка, — мужики и говорят: «А ну, Илья Елустафьевич, спой-ко былину». «А положи-тко полтину, я и спою былину». Тут кто-нибудь потароватее из богатых выложит ему полтину, а Илья Елустафьев станет сказывать. Был еще, по словам Рябинина, какой-то Петербургской трактирщик Кокотин, любитель старин, который читывал ему многие былины из рукописной тетрадки. Например, у этого Кокотина было записано, как Добрынюшке Никитинцу покрут понадобился и как Добрынюшка ездил в чужие земли за дорогими шелковыми материями. От него же Рябинин слышал, как Галык неверный Федор Иванов наезжал на славен Киев град, грозил пожечь его и вызывал к себе поединщика.

Теперешних певцов можно разделить на несколько разрядов: I сказители, II Калик и III любители, знающих по крайней мере вполне две-три былины. Между сказителями 1) большая часть оседлые и зажиточные люди. Это земледельцы, рыболовы, держатели постоянных дворов, целовальники. Они поют по собственной охоте, не за деньги, а из удовольствия. Даже у слепого Козьмы Романова есть собственный дом и хозяйство. Научились они былинам от тутошних же стариков-сказителей и передают свое знание детям. Так, Терентий Иевлев помнит кое-что от деда своего Ильи Елустафьева, хоть он и небольшой любитель сказывать старины; дети Рябинина (особенно младший сын) выучились сказывать от отца. К этому же разряду следует причислить 2) переходных сказителей, большею частью портных, которые ходят из деревни в деревни, обшивают крестьян и за работу коротают время в пенье; таковы известный Бутылка и Щеголенков.

Калики — убогие люди: слепые, хромые, сухорукие и проч. т. п. Они странствуют из деревни в деревню, от праздника ко празднику, с торжка на ярмарку, с ярмарки на торжок и кормятся подаванием за пение духовных стихов. Сидят они где-нибудь на площадях, у ограды церковной, у погоста и поют о изгнании Адама из рая, о Алексие божием человеке, о книге Голубиной и проч. — Былины они поют богатым людям, торговцам и чиновникам, и то в комнатах, а не на улице; да им и неловко было бы перед крестьянами сказывать былины. Так как сказыванье для них промысел, то они выбирают самые длинные старины. По всей вероятности, им одолжены происхождением сводные былины, представляющие переход от отдельной песни (*αιοδη*, *carmen*) в поэму. Таковы попытки сложных былин об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, о Дюке Степановиче.*

* Народная эпическая поэзия, сколько нам известна ее история, начинается с коротеньких богатырских (героических) песен, каковы, например, песнь о Гадубранде, Фероерские песни о Сигурде, Брунгильде и Гюгни. В древнейших частях Ригведы сохранились отрывки таких же первобытных песен отчасти религиозного содержания; на основании подобных же Фирдуси составил свою Шахнаме. Вероятно, подобные же былины предшествовали и Илиаде (припомните, как Демодок поет перед Одиссеем о Троянских делах). Сравн. еще Сказание о мече Аттилы. *Jornand*, XXXV. По смерти Аттилы Гунны пели по нем заплачки. *Jorn*. XLIX, *facta ejus cantu funera referebant*. Галльские барды, под звуки лиры, пели песни о подвигах предков, *Taut*. *Bardi quidem fortia virorum facta heroicis composita versibus cum dulcibus lyrae modulis cantabant*. Таковы же, наконец, Сербские былины. — Еще былины Готфские, *Jorn*. IV, XIV, V.

Мало-помалу отрывочные поэтические сказания группируются около любимых народом героев и образуют целые циклы. Впоследствии эти циклы разного времени и происхождения, под влиянием господствующего мифа и при участии личного творчества, сближаются между собой и сплавиваются в одну эпопею.

Русская народная эпическая поэзия остановилась на первом моменте, на былинах, и только стала группироваться в циклы: Владимиров, Новгородский, Московский.

Сообразно с этим разделением, прилагаю перечень сколько-нибудь замечательных певцов Олонецкой губернии. I, 1, 2 сказители, II калики, III простые любители. От отмеченных знаком + еще ничего мною не записано.

Калики большею частью из Каргопольского уезда и по реке Онеге спускаются и в Архангелъскую губ.; оттого Каргопольский уезд стал известен раньше прочих.

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ УЕЗД

1. Заонежье

I. 1) Трофим Григорьевич Рябинин, землепашец и рыболов из дер. Середки, Кижской волости (I-й и II т. сборника), первый сказитель в целом Заонежье.

I. 1) Кузьма Иванович Романов, 80-летний, а может быть и 90-летний слепец из дер. Лонгасы, Сенногубского общества Кижской волости; имеет хозяйство и собственный дом и кроме того пользуется пособием из Петрозаводской думы. (I и II т.).

I. 1) Терентий Иевлев, внук Ильи Елустафьева, из Кижской волости (II-й том Сб.).

I. 1) Андрей Сарафанов из Кижской волости (былины печатаются в III-м т.).

I. 1) Петр Иванов Корнилов, деревни Курганиц, той же волости (II т.).

I. 2) Крестьянский портной Щеголенков из деревни Боярщины (I и II т.).

III. Леонтий Богданов из дер. Середки Кижской волости, бедный крестьянин, ходил в отхожие промыслы на Ладожское озеро и в Петербург (I т.).

III. Родственник Богданова из той же деревни (№ 50 II т.).

III. Григорий Васильев из Сенной губы (№ 81 II-го т.).

III. Племянница Щеголенкова, бывшая Даниловская «келейница», родом из дер. Боярщины (№№ 14, 52 II-го т.).

III. Старуха из Великогубского погоста (№ 68 I т.).

III. Женщина из Кижской волости (№№ 46, 79, 69 I-го т.).

2

III. Никита Резин из Ладвинского погоста (печат. в III т.).

III. Никита Байнин из Деревянского погоста (печат. в III т.).

III. Карелка Дмитриева из дер. Пряток, Святозерского погоста (I т.).

ПУДОЖСКИЙ УЕЗД

I. 1) Содержатель постоялого двора Андрей Сорокин, Сумозерского погоста, Филимоновской волости (I и II т.).

I. 1) Сказитель девяностолетний из Колодозера (I т.).

I. 1) Никифор Прохоров, землепашец дер. Бураковой Купецкой волости (I т.).

I. 1) Шальский лодочник (I т.).

Разрушаясь, былины переходят в побывальщины, сказки (Märchen, Moerän) и лирические песни (Lieder). — Данила несчастный дворянин, Святогор и Ванюша Ключничек. Горе серое.

I. 1) Старик, богатый крестьянин с острова Поромского, знает более 20 былин (+).

I. 1) Гаврила Амосов, крестьянин Уножского погоста из деревни Уна Губа (+).

II. Слепой Иван из дер. Мелентьевской, Купецкого общества, калика (былина о Василье Игнатьевиче во II т.).

III. Песчанской волости в д. Большой двор крестьянин, тот самый, который пустился спасаться от меня к лесу (№ 29 I-й т.); знает 5 или 6 старин.

КАРГОПОЛЬСКИЙ УЕЗД

II. Калика из Красных Ляг (II том), около г. Каргополя.

II. Латышов, калика из дер. Кузнецовой, Бережнодубровского погоста (Бережнодубровский погост, как и многие другие, расположен по обоим берегам Онега, оттого принадлежит по двум уездам — Пудожскому и Каргопольскому, вот почему я в I-м томе поминал Латышова под Пудожским уездом). I и II т.

II. Гёргуша, калика из Воезерского прихода, чуть ли не первый в Каргопольском уезде, умеет петь «Данилу несчастного дворянина» былинно (+).

II. Слепой старик из-под Каргополя (печат. в III томе).

III. Крестьянин Михайло Богданов из Кенозера (№ 28 и 84 I т.; заметьте, что Кенозеро опять принадлежит двум уездам — Пудожскому и Каргопольскому).

III. Крестьянин Кенозерский, от которого я проездом записал № 27 II т.

III. Кенозерский целовальник, от которого записан № 24 и 55 II т. Наконец, здесь следует вспомнить Каргопольских калик, спускавшихся в г. Онегу, от которых записывали гг. Верещагин, а вероятно и Даль, и Харитонов, потому что каликам кроме как из Каргополя быть не откуда.*

Взяв этот перечень и взглянув на карту Олонецкой губернии, Измаил Иванович, Вы усмотрите, что (судя, разумеется, по данным, мне известным) знание былин особенно распространено в Заонежье; здесь оно в руках сказителей земледельцев, рыболовов и отчасти переходных. В Кижской волости все почти знают кое-что из былевой поэзии (в Толвуйской гораздо меньше, там более раскольников); напр<имер>, знают все родные Рябинина, Леонтия Богданова. На пространстве каких-нибудь пятнадцати верст существует множество самостоятельных вариантов одной и той же былины. Напр<имер>, № 12 I т. и № 64 II т. — бой Ильи с сыном; о Илье Муромце и Ермаке Тимофеевиче №№ 20, 21 и 22 I т. и в третьем томе печатается записанная в Кижской волости былина того же содержания, где роль Ермака исполняет Илья Муромец, а на место Ильи Муромца в старших богатырях Самсон Самойлович, о Добрыне №№ 23, 24, 25, 26, 27 I т.; о Дунае 30 и 31 I-го тома, 12 II-го и еще былина III-го; о Иване Годиновиче № 34 I т. и 14 II т.; о Михайле Потыке №№ 35, 36, 38 I т., 16 и

* Забыл совсем было Повенецкий уезд. I, 2. Крестьянский портной из Пудожгородского погоста. От него, как мне известно стало, записаны перепечатанные в I т. № 24, 25, 38, 49, 77; из них № 38 в полном виде вновь напечатан во II томе, а 77 печатается в III; во II томе ему принадлежат №№ 16 и 20. Былины этого певца отличаются особенным интересом содержания и художественностью склада и выражения. Так как он живет в Заонежье, а Пудожгородский приход рядом с Песчанским, то Бутылка составляет как бы переход от Заонежских сказителей к Пудожским. III. Кареляк Лазарев из дер. Кямениц (печ. в III томе).

17 II т.; один Рябинин знает два варианта №№ 35 и 36 I т.; Сорок калик со каликою №№ 39 и 40 I т. и 18 II т.; Хотен №№ 43 и 44 I т., 22 II и былина III т.; Ставр Гоудинович № 41 I т., 20 и 21 II т., ... о добром молодце и жене неудачливой №№ 77 и 78 I т., №№ 49 и 50 II т.; Горе — №№ 85 и 86 I т. и т. д.

Летом от Заонежья до Пудожского берега Онега день езды в лодке, зимою несколько часов санной езды; оттого Пудожгорский погост Повенецкого уезда и восточную часть Пудожского уезда можно считать естественным продолжением Заонежья: тот же характер почвы, тот же язык, те же обычаи; жители обеих местностей состоят в свойстве или родстве. Потому и здесь былины известны еще многим, хотя уже нет такого числа сказителей, чтобы по два, по три приходилось на одну деревню, по несколько на один погост. — Западная часть Пудожского уезда уже носит Каргопольский характер. Заметьте еще, что единственный Пудожский калика, от которого я записал старину о Василье Игнатьевиче, сам выучился ей у крестьянина.

В Каргопольском уезде на границе с Пудожским крестьяне еще знают кое-что из былин; но исключительное знание принадлежит каликам.

Относительно воззрения самих крестьян на долговечность и способ передачи былевой поэзии передаю замечание Рябинина: «Скажи мне, П. Н., говорил он, отчего про прежних князей поют все в былинах и тым князьям слава век не минует. Какой мальга мой Ванька, а и тот уже научился от меня петь, хоть еще и не вполне. Как едет по деревне, запоеет про ратая, — по деревне стон стоит. — А про нынешних царей поют на песнях...».

Единственная былина, записанная с голосу сказителя Кузьмы Романова, теперь в Москве у Бессонова, потому в настоящее время могу препроводить к Вам только напевы двух старин от Леонтия Богданова. — Настоящий сказитель постояннo импровизирует на господствующий лад старины. Так, Кузьма Романов иногда вдруг ускорит пенье и точно расколет голос, а выйдет отлично и совершенно под лад содержанию. В «добром молодце и жене неудачливой» начало заводится протяжно:

Жил-был у батюшки-у матушки единый сын,
 Во дрокушке был у матушки
 И во любви был у батюшки:
 Ел сладко, носил красно,
 Работал легко.*

Еще чувствуется в ухе отголосок последнего длинного *б* как Романов перехватывает напев и как-то скоро и жалобно начинает петь с дрожащими модуляциями:

Похотела меня матушка,
 Поневолил роден батюшка
 Пожениться удалому дородню добру молодцу:
 Поженили отец с матушкою
 Не в простом месте, во богатом.

И все то пение старика на три или четыре лада; но они удивительно разнообразятся вибрациями. — И у Рябинина собственно только два на-

* Так пел на дому у меня старик эту былинку. Вообще он каждый раз или что-нибудь пропустит или что-нибудь прибавит.

пева, но перехваты и колена голоса дают каждой былине особый характер. Один и тот же быстрый напев очень весел в Ставре; в Потыке нежнее и заунывнее, в Вольге и Микулушке становится торжественным (по выражению сказителей в Ставре надобно петь толще, а в Потыке тоньше); протяжный напев грозен в Илье Муромце и Соловье, в двух королевичах из Крякова, еще грознее в Паленице. Заметил я еще один прием у Кенозерского певца (II т., № 27, стр. 135): напев Дюка Степановича подходит к подблюдному (напр<имер>, скачет груздочек по ельничку); но на третьем от конца слоге (на ante penultima) делается особого рода цезура, голос возвышается и протягивается, а последние 2 слога соединяются с следующим стихом. Пудожский певец из Песчанского погоста (I т.), перед тем как завести старину о Василье Игнатьевиче, навел себя на голос такой интродукцией.

Ай тѣни, тѣни, тѣни спотетѣни. . .
Из-под белыя березы кудревастенъкия.

Выводя тени, он словно пробовал, какой тон подойдет к былине.

Если на будущее время Вам потребуются еще какие-либо разъяснения о этом предмете, я сочту за особое удовольствие сообщить Вам все подробности, какие только пожелаете.

В заключение позвольте обратиться к Вам за советом, кого из петербургских цензоров выбрать бы мне для цензирования III-го тома? Я решился печатать его в Петрозаводске, потому что мои московские друзья и издатели сами в трудных обстоятельствах. Быть может, переписка рукописи для цензуры имеем особые условия, а я с ними совершенно незнаком. Всякую заметку об этом предмете приму с живейшею благодарностью.

I и II т. при отношении представлены мною еще в прошедшем году для составления на Демидовскую премию.

Примите, Ваше Превосходительство, уверение в совершенном моем почтении и глубокой преданности.

Ваш покорный слуга
П. Рыбников.

2 апреля 1863 г.

Адрес мой: в Петрозаводске, Старшему Чиновнику особых Поручений Олонецкого Гражданского Губернатора П. Н. Рыбникову.

P. S. Панских песен у меня нет.

P. S. Напевы былин потому трудно записывать, что надобно отмечать четверти тона, что возможно только на скрипке, а не на фортепьяно.

Между тем в Петрозаводске скрипачей вовсе нет, да и пианисты наши хороши в салоне.

Милостивый Государь
Измаил Иванович!

Вероятно, или неполнота сведений в моей записке или невыход 3-ей части Сборника были причиною, что Сборник мой не был включен в число сочинений, которые конкурировали в 1863 г. на Демидовскую премию. Эта третья часть теперь печатается в Петрозаводске, и в ней большая статья о сказителях, которая, надеюсь, удовлетворит Вас. Но считаю долгом при этом заявить, что иные вопросы зарождаются легко, так сказать сами собою, а отвечать на них добросовестно куда как трудно! 4 слишком года прожил я в Олонецкой губернии, и, по известным Вам обстоятельствам,

привязанный почти постоянно к одному месту, я по долгим годам дожидаясь иногда случая для разрешения вопроса, подобных которому десятки могли бы быть разрешены в одну поездку, в одну неделю.

Так как печатание сборника может продлиться довольно долго, то я не премину через две или 3 почты препроводить к Вам копию с моей статьи, а между тем убедительнейше попрошу Вас не отказать в заявлении,

Императору Государю
 Милости Иванова!

Милостивые государь Ваше, мною давно уже
 возмущен по Вашей Милости Императору
 не только потому что Вы не только не
 отметили меня душой но и не только не
 отметили. Я же давно уже в своем на своем
 месте.

Врагство убитый в собою и не только
 меня а и в своем предании

Вашему И. М.
 Рыбникова

Письмо П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому от 8 февраля 1864 года.

что на 63/64 год я желал бы вступить в число соискателей на премию. Экземпляр обоих томов Сборника послан мною еще в 1862 г. в Академию.

Не откажите в уведомлении, известен ли летописный рассказ об убитии князя Данила Александровича женою Улитой и ее любовниками Кучковичами. В моем варианте очень интересны подробности о том, как убийцы с любимым княжеским псом разыскивают ночью князя, который спрятался в срубе; потом как перевозчик берет перстень у князя, а перевозить его отказывается.

Еще раз прошу Вас, если возможно, об исполнении моей просьбы, покорнейше прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности

П. Рыбников.

13 октября 1863 г.

С этим письмом имею удовольствие препроводить к Вам копию с моей статьи, отрывок древней рукописи, содержащей описание смут Междуцарствия, былину о Иване Гостином сыне и 2 экземпляра Сказания о Данииле Александровиче: 1-ые две Вам, другой для Общества. <*>

Статья была готова давно; да здешние переписчики совсем сокрушили меня: по два-по три раза приходится переписывать каждый лист. Кажется, мне удалось ответить на все те вопросы, которые интересовали Вас. Словарь всех непонятных и областных слов уже готов; но указатель собственных имен в том объеме, каком приложен к изданию песен Киреевского П. А. Бессоновым, при всех условиях не успел теперь составить и выпущу его особым приложением.

Не откажите передать рукопись в Археологическое общество и если она окажется интересною, то оттуда препроводить в Публичную библиотеку. С будущей же почтой пришлю древнее каменное орудие для Лерха и рукописный сборник, где есть Соловецкая летопись, для Археологического общества.

Примите уверения в совершенном почтении и глубокой преданности.

П. Рыбников.

12 ноября 1863 г.

Не откажите в двух-трех словах уведомить о Вашем мнении относительно рукописи из времени Междуцарствия.

Милостивый Государь
Измаил Иванович!

Вследствие желания Вашего имею честь препроводить к Вашему Превосходительству первые листы печатающейся здесь 3-ей части моего сборника песен. Остальные листы буду пересылать по мере их напечатания. — 3-я часть выйдет в свет не позже апреля месяца.

Примите уверения в совершенном моем почтении и глубокой преданности.

П. Рыбников.

8 февраля 1864 г. Петрозаводск.

Милостивый Государь
Измаил Иванович!

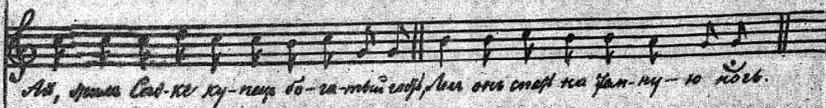
Прежде всего спешу высказать Вам глубокую благодарность за радостное известие, сообщенное в письме 13 апреля, и за то участие, которое Вами было постоянно принимаемо в судьбе моего сборника. Присуждение

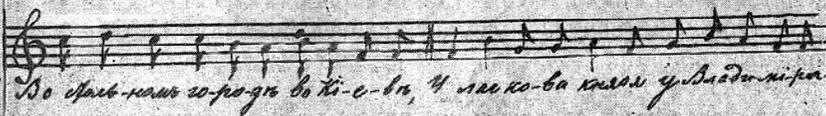
<*> Кроме того, от Поромского сказителя я получил 9 превосходнейших былин, когда вся III часть сборника была уже готова к печати, и я должен был во всех ссылках изменять нумерацию былин.

Голоса ^{1.} Св. лавр. / отъ Леопольдъ Богдановъ 1871 г.

Садко Пугачевъ, богатый человекъ и 1^е стр. 367

Котикъ Чулдовъ и. ч. 1^е стр. 253

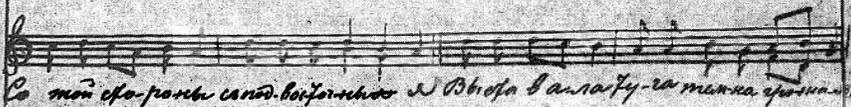

Для сравненія оригинала и записи II.

Поэтому духовникъ съигровъ
Алексей Чувъ и. ч. Тотъ и

Котикъ Чулдовъ

Примеч. Котикъ это все пометитъ будущи имати
ку черк-овой мѣсткѣ, потому что тамъ мѣсткѣ
написано.

Записи П. Н. Рыбниковым былинных напевов.

премии доставляет мне средства докончить начатое дело; в чем докончить, сейчас объясню.

Вероятно, Вы заметили, что из заплачек я записал для III части только Петрозаводские и Повенецкие (Пудожские только записаны похоронные и от одной женщины); в настоящее время у меня есть значительное число превосходных образцов этих народных импровизаций из Пудожского уезда; а летом я надеюсь увеличить свое собрание и в Каргопольском уезде. Далее, печатая III том, я думал, что покончил с былинами; к счастью, вышло не так. У меня уже записано несколько интересных вещей, и много их я ожидаю из разных местностей: Мунозера (Петр<озаводского> уезда), Унота (Пуд<ожского> от Амосова), Водлозера (Пуд<ожского>), Пудожгоры (от Лукина) и Мошинской стороны от калек тамошних. Таким образом, надеюсь, к зиме наберется если не целый том, то выпуск, к которому я приложу желаемый Вами указатель.

Указатель этот думаю составить так: у меня есть своды главнейших былин по всем вариантам (два образца перешлю к Вам с одной из будущих почт былины две-три, если Вы того пожелаете). Из этого свода сами собою определяются: значение богатыря, его характер, его роль; позднейшие прибавки, развитие некоторых частных в ущерб целому, сами собою отделяются от первоначальных очертаний. Ничего не прибавляя от себя, я расположу факты, относящиеся до богатырей, сообразно с понятием о нем, которое у меня образовалось при изучении свода вариантов.

Например, из этого свода высокое значение Ильи Муромца выясняется удивительно. В нем русский народ выразил сознание полноты своей духовной, нравственной и физической силы. Ему на бою смерть не писана не потому только, что он всех сильнее, не потому, что он бессмертен; в Илье сознание сил сливается с сознанием нравственного совершенства и непобедимого мужества. Зная, что он всю жизнь стоял за веру христианскую, за вдов и сирот, за народ, он не может усомниться в себе, в своей у ч а с т и (не по Дюковой пало участи, подошла статья Дюка Степанова). Когда бывал побежден другой богатырь, на него нападает тоска, страх или, наконец, он готовится к смерти с мужеством смирения, страдательным. Когда одолели Илью Муромца, когда у него на груди сидит победитель, кажется, «опутан ведь весь как лысый бес», а ни на минуту не падает духом и не теряет надежды победить. «Сокопляет он силу в одно место» или «начинает исподлобья выглядывать, по плечу себе оружьяны высматривать». Так и русский народ, по сознанию минутных победителей Пруссак и Австрийцев, гораздо легче истребить, чем победить.

Вот, напр<имер>, отрывки из новых вариантов о Хотене (1 от Иевлева, второй от Кареляка Лазарева).

1. Взяла она чару во белы руки
1. И вылила ей чару в ясны очи,
2. Помутила ей зренье видячее,
2. Измочила ей шубу камчатую,
1. Пушок морской, вершок дорогой...

Из Дюка Степанова:

Вылетал орел с земли Камские,
 Не того орла сына орловича,
 Кой летает по темным лесам,
 А того орла сына орловича,

Кой летает по поднебесью,
 Залетал орел под облака,
 И сидел орел на синем море,
 На белом на горячем на камени,
 Обронил он свои перушки орлиные,
 Орлиные перушки, правильные.

Из Кострюка, когда он перед смертным побоищем красуется на крыльце.

Стоит широк да велик,
 Широк — велик да и рогозоватый,
 Рогозоватый да и продолговатый.

Из Саламана (от Трофима Степанова):

Как затрубил во турий рог,
 Выские горы зашаталися,
 Темные леса развалялися,
 Во реках вода приусохнула,
 Во озерах вода приудрогнула,
 Во морях вода всколыбалася,
 И пошел около моря шум велик.

Конечно, эти отрывки не дадут достаточного понятия о целом; но из них видно, что в новых вариантах много особенного. С одной из почт препровожу к Вам «опущенное» из третьего тома о Саламане и проч.

С чувством глубокой благодарности и совершенной преданности имею честь быть

Вашим покорным слугой
 П. Рыбников.

21 апреля 1864 г.

РЕДАКЦИЯ НОТНОЙ ЗАПИСИ П. Н. РЫБНИКОВА С ВАРИАНТОМ
ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАСТЕКСТОВКИСадке купец, богатый гость
(Рыбников, I, стр. 332)

(Умеренно)

Ай жил Сад_нѣ купец_бо_га_тый гость, Лег он спать на тем_ну_ю ночь,

В(ы)_ста_вал по_ут_ру ра_ным_ра_но, Го_во_рил к дру_жни_не ко хо_роб_ро_ей:

„Ай не ты, дру_жни_нуш_на хо_роб_ра_я! Бе_ри_те_на бес_чет_ной зо_ло_той наз_ны

и вы_ку_пи_те весь то_вар в Но_ве_гра_де. Не ос_тавь_те то_ва_ру ни на де_неж_чу

А дру_жи_на е_го бы_ла по_слуш_ли_ва: Бра_ла бес_чет_ной зо_ло_той наз_ны

Вы_ку_пи_ла весь то_вар в Но_ве_гра_де. Спал Сад_нѣ вто_ру_ю ночь во_креп_но_ем сне,

В(ы)_ста_вал по_ут_ру ра_ным_ра_но, Го_во_рил к дру_жни_не ко хо_роб_ро_ей:

„Ай не ты, дру_жни_нуш_на хо_роб_ра_я! Нет ли о_щѣ то_ва_ру в Но_ве_гра_де

Не ос_тавь_те то_ва_ру ни на де_неж_чу (и т. д.)

Хотин Блудович
(Рыбников, I, стр. 326)

(Умеренно подвижно)

В. В. Коргузалов.

Г. Г. ШАПОВАЛОВА

ПСКОВСКИЙ РУКОПИСНЫЙ СБОРНИК НАЧАЛА XVIII ВЕКА

Важнейшие вопросы изучения пословиц — эволюция жанра, характер, вариативность пословиц — могут быть освещены лишь на материале, отразившем пословичный репертуар ряда веков. Однако русская паремиология до сих пор располагает лишь небольшим числом опубликованных сборников XVII—XVIII веков.¹ Наиболее известны из них сборники, напечатанные П. К. Симиони в его книге «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX столетий» (вып. 1).

В своей книге Симиони опубликовал с комментариями два рукописных сборника. Один из них полный, относящийся ко второй половине XVII столетия (1695—1697). Другой же сборник, начатый, если судить по водяным знакам, за несколько лет до 1700 года и оконченный около 1730 года, Симиони поместил в приложении, так как он был дефектным: в нем не хватало ряда страниц с пословицами на буквы «З», «И», «К». Тем не менее по содержанию этот сборник оказался настолько интересным, что Симиони счел необходимым издать его, несмотря на дефектность и на то, что он уже был опубликован ранее.

История сборника такова: в 1879 году этот небольшой сборничек на 28 листах в четверку (20 × 16 см) подарил Л. Н. Майкову врач Ордин из г. Кадникова Вологодской губ. В 1880 году сборник был опубликован в «Памятниках древней письменности» (вып. IV, стр. 75—114). К моменту начала работы П. К. Симиони над изданием сборник оказался уже в Париже у известного законоведа и библиографа В. В. Богишича. По просьбе Симиони, который считал невозможным дать перепечатку из «Памятников древней письменности» без сверки с оригиналом, Богишич вернул рукопись в Россию в императорскую Академию наук.²

Полвека эта рукопись считалась единственным списком данного сборника. Однако совсем недавно нам стал известен другой список того же памятника в рукописном сборнике XVIII века, хранящемся в Псковском

¹ Сбор разных пословиц и поговорок. В кн.: Н. Г. Курганов. Российская уездная грамматика, или Всеобщее Писмословие... СПб., 1769, стр. 109—125; Собрание 4291 древних российских пословиц. Печ. при имп. Моск. университете, 1770; Выборные российские пословицы. 1782 (изданы анонимно Екатериной II); Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем. СПб., 1785; Г. Г[ромов]. Пословицы и поговорки престоноародные. Большая часть их в иносказательном смысле. В кн.: Любовники и супруги или мужчины и женщины (некоторые). И то и сно. Читай, смекай и, может быть, слюбится. СПб., 1798, стр. 206—224; Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX столетий. Собрал и подготовил к печати П. К. Симиони. Вып. 1, СПб., 1899; имеется также несколько отдельных публикаций в периодической печати.

² В настоящее время рукопись хранится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук СССР.

областном краеведческом музее. Сборник имеет 278 листов в четверку (16 × 20 см) и состоит из нескольких рукописей и двух печатных брошюр в начале сборника. Бумага сборника пожелтела, осыпается по краям, с водяным знаком «1751 г.»; переплета нет. Весь сборник написан трудно разбираемой скорописью, различными почерками, среди которых один почерк встречается наиболее часто.

Этот сборник с 1908 года находился в музее Псковского церковного историко-археологического комитета, куда был пожертвован в числе нескольких других рукописных сборников священником Николаевской церкви г. Порхова Василием Краснодумовым. С 1921 года рукопись хранилась в Псковском губернском музее, а с 1945 года — в Псковском областном краеведческом музее, где находится и по сей день.

Содержание сборника чрезвычайно разнообразно. В нем нашли место печатные календари на 1727 и 1731 годы, «Московский летописец от сотворения мира...», оканчивающийся 1698 годом, «Обращение индиктионов...», «Гистория» — сатира на Феодосия Яновского, «Сказание о летах, месяцах, неделях и днях», «Первый шхип», описание дурацкой свадьбы, вирши, посвященные Петру I, описание коронации Екатерины II, вирши и духовные псалмы на разные темы и многое другое. Большой интерес представляет запись на лл. 239—262 пословиц под заголовком «Пословицы и поговорки». Можно предположить, что эта запись пословиц, занимающая 20 листов сборника, и оказалась воспроизведением сборника пословиц, опубликованного в «Памятниках древней письменности» и в приложении к книге П. К. Симони «Старинные сборники...». Но это воспроизведение, как показало исследование, оказалось зачастую далеко не механическим. Помимо разночтений в самих пословицах и поговорках, сборник получил большое количество приписок-добавлений. Эти приписки сделаны разными почерками XVIII века главным образом в конце каждого раздела пословиц на определенную букву, часто на полях страниц (преимущественно на верхнем и нижнем полях, реже на боковых) и лишь в нескольких случаях в начале раздела.

Внимательный анализ и сравнение обоих списков дали возможность установить чрезвычайно интересные различия этих сборников. Так, если просмотреть пословицы на букву «А», то окажется, что совпадение Псковского (как мы условимся называть публикуемый сборник) и Вологодского (как мы условимся называть сборник, опубликованный П. К. Симони) списков начинается лишь с двадцатой пословицы по Псковскому сборнику.

В Псковском сборнике на букву «Д» приписана первая пословица, на букву «Л» в начале приписаны четыре пословицы и т. д. Что касается разночтений основного состава пословиц того и другого сборника (а их много — из 927 пословиц 231 имеет разночтения), то их можно разделить на несколько типов.

Один из основных типов разночтений состоит как бы в «выправлении» смысла пословицы псковским переписчиком:

Вологодский сборник

Жена мужу пастырь.
Лакома овца к соли, а
коза к воли.
Море плыть кораблем,
а в городе жить с
воробьем.
Наряд собачий, а
полетка воробья.

Псковский сборник

Жена мужу паства.
Лакома овца к соли, а козак
к воли.
Морем плыти кораблем, а
в горе жити воробьем.
Наряд соболий, а походка
воронья.

Пастух рад лета, а
тело цвета.
У Парашки что глаза
у барашка.
Яблок на окне не
растет.

Пастух рад лета,
а пчела цвета.
У Парашки глаза что
барашки.
Яблок на сосне не растет.

К другому типу разночтений относятся случаи, когда в Псковском сборнике дается свой вариант пословицы. Например:

Будет тихо, будет
и лихо.
Один под овинном, а два
воевать.
Радостен бес, что
отпущен иная в лес.

Было тихо, будет и лихо.
Один под овин, а два по
свету.
Радостен бес, что отпущен
в лес.

3-й тип разночтений — приписка, поясняющая смысл:

Египет пшеном, а Италия
вином.
Два чирка — тот же
крековень.
Мужик гол, а в руках
на него кол.

Египет пшеном, а Италия
вином изобильны.
Два чирка — тот же крековен
утионок.
Мужик гол, а в руках кол —
панев не надежа.

4-й тип — перестановка слов:

Брат брату головою в
уплату.
Боятся волка — бегать и от
белки.
Двоемыслен бывает непостоянен.

Брат брату в уплату головою.
Боятца волка — и от белки бегать.
Двоемыслен непостоянен бывает.

Такая перестановка ведет за собой нарушение рифмы. В некоторых случаях в Псковском сборнике мы видим замену одного имени другим:

Фома пирует, а кума горюет.
Пар в бане не одной Марине.

Филип пирует, а кума горюет.
Пар в бане не одной Марье.

Иногда переписчик Псковского сборника пытался обобщить смысл пословиц или поговорок, стремился к их большему лаконизму:

Манна слатка, Анютка патка.
Не родом старцы бывают уроды.

Манна слатка, девка патка.
Не родом старцы уроды.

В ряде случаев в Псковском сборнике мы имеем и грамматические разночтения:

Где ни летал сокол, везде ему свежий мо-
сол.
Жесток нрав не бывает лукав.
Много знать — мало спать.

Где ни летает сокол, везде ему свежий мо-
сол.
Жестокой нрав не бывает лукав.
Много знати — мало спати.

В Вологодском сборнике целый ряд пословиц и поговорок имеет надстрочные поправки в скобках. Переписчик Псковского сборника принимает некоторые из этих поправок:

Баба пьяна, а стыд (а суд) свой помнит.	Баба пьяна, а суд свой помнит.
Есть деньги — так сила (слина), а нет — так схи́ма.	Есть деньги — так слина, ³ а нет — так схи́ма.
Личико маленько (беленко), да разума маленько.	Личико беленко, да разума маленько.

Особо следует остановиться на пропусках отдельных пословиц и поговорок в Псковском сборнике. Если отдельные пословицы пропущены псковским переписчиком случайно («Еремеевы слезы о чужом добре льютца», «Елень быстра никому не сестра»), то другие пропуски сделаны явно умышленно. Переписчик Псковского сборника, очевидно, считал нецелесообразным оставлять в сборнике библейские изречения, смысл которых был ясен лишь людям, знающим Библию, как например: «Давид играл в гусли, а Ламех в скрипку», «Лотов грех не вменится в смех», «Обрете Филип Нафанаила». В равной мере переписчик опускал и просто непонятные, утерявшие смысл, а быть может, и искаженные выражения: «Болестей тебе не штей», «Болятка — не колока», «Без денег вода лит тово не ведает».

Нельзя обойти и случаи, когда в Псковском сборнике оказался худший вариант, чем в Вологодском. Например:

Будет пора, так не уйдет дуда (т. е. вельселе, — Г. Ш.).	Будет пора, так не видеть туда.
Выдряной пух — что смердий дух.	Выдраной пух — что смердей дух.
Глухой с немым не сошлись.	Глупой с немым не сошлись.

Сравнение двух сборников показывает, что они восходят к одному первоисточнику. Быть может, Псковский сборник, как более поздний, мог быть при каких-то обстоятельствах списан с Вологодского или с его копии. Но при любой гипотезе очевидно, что псковский переписчик был значительно культурнее вологодского и весьма внимательно, критически подходил к переписываемому материалу; выправлял пословицы, заменял отдельные из них знакомыми ему вариантами, дополнял сборник, опускал непонятные выражения.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. В Псковском рукописном сборнике мы имеем исправленный, улучшенный текст сборника П. К. Симони, опубликованного им в приложении.
2. Восстанавливаются утерянные листы из сборника Симони с пословицами на буквы «З», «И», «К».
3. Сравнивая эти два сборника, мы имеем возможность сделать ряд наблюдений над жизнью старинных сборников пословиц и поговорок, над тем, как изменялись отдельные пословицы, создавались новые варианты.

Ниже полностью публикуются пословицы и поговорки из Псковского сборника XVII—XVIII веков. При подготовке его к изданию были приняты следующие принципы:

1. Алфавит выдержан полностью по рукописи.
2. Орфография сборника в основном сохранена, введены лишь современная графика и некоторые упрощения:
  - а) выносные буквы введены в текст;

³ Слина — слюна.

б) «ѣ» заменено «е», «і», «ј» — «и», «w» — «о» и т. д.

в) мягкий знак (ь) восстанавливается в конце тех слов, в написании которых наблюдается разнобой, например: «жит» и «жить» — ставится везде «жить» и т. п. Твердый знак (ѣ) в конце слов снят.

3. Пунктуация дана современная. Введены заглавные буквы, тире, двоеточие, точка после пословиц или поговорок, запятые. В ряде случаев проставлены ударения.

4. Слово «приписка», часто употребляемое нами в сносках, относится ко всей пословице целиком и означает, что к основному составу сборника на полях или между строк приписаны другим почерком еще одна или несколько пословиц, иногда отдельные слова.

5. Непонятные слова объясняются в сносках.

6. Нумерация проставлена нами для удобства пользования сборником.

А

Ангел в правде помогает, а бес лжею подстрекает.

Аще за друга ся поручаешь, то свою душу другу полагаешь.

Азия Африки честнее, август марта теплее.

Апрель водою, октябрь вином.

5 Аминем беса не избудешь.

Агнец с бараном едино.

Араматы от муки не избавят.

Афедрону тинпан не замена.

Ах, ах, а пособить нечем.

10 Ана не мана, не укусить стать.

Анна не всякому манна.

Аль я сглупал, что упал?

Ах, да рукою мах.

Али мою корету кони завезли?

15 Али мой канун не отпет вздыханием?

Али я виновата, что рубаха дировата?

Аз не без обоих глаз, про себя вижу.

Али я хуже людей, что везде стоя пью?

Али моя денга щербата, никто ея не возмет?

20 Аз родился как свет в зачатьи явился.

Али мой двор как земской отворился, что всяк в него ввалился?

Антипа не липа, и луп содрав не покрылся.

Адаме, Адаме, ты согрешил, а наши сердца сокрушил.

Антихрист близко, а солнце ниско.

25 Али мое пиво не удалось, что мое пиво под тын пролилось?

Ах выколю — кто мне зазрит глаз.

Аль мое дитя молоденко, что душу изломило в маленком?

Апостоли обличают, они же и научают.

Андрей крестился, Иоанн благовестил.

30 Аще бы в орде, толко бы в добре.

Ай, ай, заключен рай.

Ай, ай, месяц май, тепел, а голоден.

Ай, ай, Ева прельстилась древом и выстонала чревом.

Агрипен засвербело в спине.

35 Аврам гуляет, а враг покорает.

Ах, страх, давно бы свое хотение исполнил, да за плечми гроза.

Адамовы лета с начала света.

Аптека улечит на полвека.

Аптека не о два века.

40 Аптеками лечат, а хворые кричат.

Аз зрю.

С азиову и камень треснет.

Б

Брат брату в уплату головою.

Брашно добро по пашне.

45 Быстрая лошадь скорее станет.

Больная жена мужу не мила.

Беден бес, что у него бога нет.

Без дождя виноград не роден.

Бабины промыслы — что неправы помыслы.

50 Беды терпеть — каменное сердце иметь.

Беси плачут, как иноки алчут.

Баба скачет задом и передом, все у нее изойдет своим чередом.

Был у тещи, да рад утекши.

Больному кровать золотая не поможет.

55 Басни бай, дурак то любит.

Бабей огород недолголетен.

Безумен рад видя друга при напасти.

Бедность и мудрого смиряет.

Без ума голова котел.

60 Богатым злато нищих ради.

Баба бредит, чорт ей верит.

Баба на торге ся гневает без денег, вода пить тово не ведает.

Без денег в торг⁴ — сам на себя ворог.

Богатство человека от смерти не избавит.

65 Быть было ненастью, да дощь помешал.

Борода, что ворота, а ума и с прикалитки нет.

Богатый бывает, а щастливый побирает.

Без клинья кафтана не зделать.

Без ума торговать лиш денги терять.

70 Будет пора, так не видеть туда.

Было тихо, будет и лихо.

Бедность безумного во тму и от людей отводит.

Больно ранен и головы не нашли.

Баба с сурмою, а дети с сумою.

75 Баба пьяна, а суд свой помнит.

Бродит, что худая муха в осень.

Бедности человека научают и мудрости.

Блины брюху не тяга.

Богатому пакость, а убогому радость.

80 Бедному кус за ломтя место.

Будешь богат, будешь и рогат.

Будет рож, будет и лош в людех.⁵

Быстрая вошка попала на гребешек.

Борись, а не дерись, станешь дратца, будеш запиратца.⁶

85 Бредет Татьяна не добре пьяна, хоть и упадет, да не валяется.

⁴ Над словом «торг» приписка «город» тем же почерком.

⁵ «Лош» выправлено из «вош» другим почерком.

⁶ Над словом «запиратца» приписка сверху «каятца» другим почерком.

- Было ремесло, за хмелем заросло.
 Беседа не пригожа без хлеба.
 Босы лаптей не износят.
 Брак без драк ретким любовен.
 90 Брови пригожи, а дровни угожи.
 Борода кажет мужа, а жену мужа.
 Береза не угроза, где она стоит, там и шумит.
 Бритва остра, да никому не сестра.
 Богатой с кудою, а убогой с кормою.
 95 Богатый в пиру, а убогой в миру.
 Был в Крите, что Иона в ките.
 Беды терпети, беспокойством ся не гордети.
 Белья руки чужья труды любят.
 Бестыдна гостя пивом не выгнать.
 100 Барыш накладу большой брат.
 Бояцца волка — и от белки бегать.
 Беды бедами, а к нам воротами.
 Было бы щастие, а дни впереди.
 Быть бычку на веревочки.⁷
 105 Бить бабу кнутом, чтобы сводничала путем.⁸
 Пар в баню, а чад вон.⁹
 Был дворенин, а дед имя переменял.
 Баба ворожила, да головой наложила, а тебе твоя не миновать.¹⁰
 Бог умудряет слепца, а ¹¹ кузнеца.
 110 Будет добро — наладимся, а будет худо — натерпимся.

В

- Всякий зверь смотрит на небо, а упадет в яму.
 В лесу медведь, а в дому мачеха, да лихая невестка.
 Всякое дело мастера боитца.
 В дороге и отец сыну товарищ.
 115 Всякая погутка за хлебом добра.
 Всякому свое мило, хотя на полу згнило.
 Вдоветь — всегда терпеть.
 Взавшись за гуж, не молви, что не дуж.
 Волку зима за обычай.
 120 Воск к огню мягок, а кал жесток.
 Ветр кручины не развеваает.
 В воду глядит, а беду говорит.
 Ворона сове не оборона.
 Волков ловят не голкою,¹² но уловкою.
 125 В дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет.
 В ведро спантю возят, а в дождь и сама ездит.
 В чем живет смех, в том и грех.
 В большом месте сидеть — много ума надобно.

⁷ Приписка другим почерком рыжими чернилами.

⁸ Приписка другим почерком черными чернилами.

⁹ Данная пословица и следующая — приписка рыжими чернилами.

¹⁰ Данная пословица и две последующих — приписка другим почерком рыжими чернилами.

¹¹ После «а» пропуск в рукописи.

¹² Голка — шум, крик.

- Во время брани добра не говорят.
- 130 В чем смолоду охота, в том под старость неволя.
 Всякой грех не вменится в смех.
 Все [тад. . .] вры что на бабе три, бывает де и десеть да по одному.¹³
 Вам поют, а нам наветки дают.
 Верен раб — господин ему рад.
- 135 Вас кормит море, а нас томит горе.
 Видит сабака молоко, да в кувшине глубоко.
 Везде скачут, а у нас плачут.
 Вахрамей, разумей: кого корят, а тебе в глаза говорят.
 Вырас наш жук болши медведя.
- 140 Водигца с полочами — не торговать колочами.
 Веселие волку, как не слышит за собою голку.
 Воеводою быть — без меду не жить.
 Волк не гол, есть на нем шуба, да и пришита.
 Всяк в бедах бывает, а на другом видя избывает.
- 145 Выбраной пух — что смердей дух.
 Вино варят зимою, а пьют ево парюю.
 Время перехотчиво, да злыдни обычай.
 Велик телом, да мал делом.
 Волость не болеть — лутче корысти.
- 150 Внятно кума не мила и все постыло.
 В поле воля, а кто в нем съещаетца, родством не щитаецца.
 В мори потоп, в пустыни ветри, в мире напасти, от насильников пропасти,
 от разбойников убийство, от богатых насильство, от татей пропажа,
 от ябедников продажа, от соседей леть, а завидливыя хотят с ног
 съесть.
- В людях так Ананья, а у себя дома и не найдешь.¹⁴
 Волно сабаке и на владыку лаеть.
- 155 Вор мне не брат, а б . . . не сестра.
 Возмил бычка, а отдал ремешка.
 В посту ретька, да хрен, да книга Ефрем.¹⁵
 Век должен, а платежу нет.
 Вора худа рада суда.
- 160 Все хорошо, да не так, как толокно; толокно замеси, да и в рот понеси.
 а где тово лутче, как хлеб орженой, — реш да ешь.

Г

- Гнев человеку кости сушит и сердце крушит.
 Грех сладок, а человек падок.
 Глутому в поле не давай воли.
 Грехи любезны, да доводят до бездны.
- 165 Где любят, тут не часто гости.
 Где тонко, тут и рветца.
 Где были родины, там будут и крестины.
 Где кто не обедает, там ничего не ведает.
 Где мертвых погрбают, там и рыдают.

¹³ Поздняя приписка в конце страницы на полях красными чернилами.

¹⁴ Данная пословица и три последующих — приписка другим почерком черными чернилами.

¹⁵ Данная пословица и три последующих — приписка другим почерком рыжими чернилами.

- 170 Где свинья умирает, там и ворон играет.
 Где ни летает сокол, везде ему свежий посол.
 Голодная птаха — и зоб на стороне.
 Где голод, там и холод.
 Гусли потеха, а хуже ореха.
- 175 Глупой с немым не сошлись.
 Грибов ищут — по лесу рыщут.
 Горду быти — глупым слыти, а скупу — приятно к пупу.
 Грач — соколу, а легушка — вороне.
 Говорит день до вечера, а слушать нечево.
- 180 Глаза выше лба не бывают.¹⁶
 Где гнев, тут и мясть.¹⁷
 Губа не дура.
 Глаза что лошаки, а не видят ни крошки.

Д

- Домашняя денешка лутче заещева рубля.¹⁸
- 185 Доброе слово лутче мягкого пирога.
 Двоемыслен непостоянен бывает.
 Доброй был князь, да изнела ево грязь.
 Думу имею велику, а на гумне по толику.
 Домом жить — о всем тужить.
- 190 Дары и нечестивого в любовь приводят.
 Два чирка — тот же крековень, утинок.¹⁹
 Дон, Дон, а дома лутче.
 Два в поле воюют, а один горюет.
 Два брата на медведя, а два свояка на кисель.
- 195 Девичий стыд до порога, а как переступила, так и забыла.
 Девка красна до замужья.
 Дед погибает, а бабе смех.
 Для того свинья иным голосом запела, что не своево кормухватила.
 Для шей люди женятца, а для мяса замуж ходят.
- 200 Девка плачет, а белка скачет.
 Давно ли он зашудудивел, а теперво и заплешивел.
 Добывался, что города, а избывает, что ворога.
 Дурень лежит, а честь его растет.
 Дорога добра не выкупишь, а недруга слезами не утетишь;
- 205 Добрая слава — золотое ожерелье.²⁰
 Детки за щепки, а matka за детки.
 Дешева, да гнила, дорога, да мила.

Е

- Есть нета лутче.
 Есть деньги — так слина, а нет — так схима.
- 210 Елико разумных толико и безумных.
 Египет пшеном, а Италия вином изобилны.

¹⁶ Начиная с этой пословицы и до конца буквы приписки двумя почерками.

¹⁷ Мясть — месть.

¹⁸ Данная пословица — приписка другим почерком черными чернилами в конце предыдущей страницы с пословицами на букву «Г». Заещева — заезжего.

¹⁹ «Утинок» — приписка теми же чернилами.

²⁰ Данная пословица и две последующие — приписка различными почерками.

- Есть что слушать, да нечево кушать.
 Елень быстра бывает, да от смерти не утекает.
 Един вол десять рол²¹ водит.
 215 Есть мошна — будет и квашня.
 Едину лежать, другому бежать, а обоим остановитца лучше.
 Естли бы на горох не мороз, он бы давно через тын перерос.
 Есть у молодца — не хоронитца, а нет — не соромитца.
 Еловая шишка укусом несладка.
 220 Есть медок, да засечен в ледок.

Ж

- Жить в обидах, что со лвом в ровинах.
 Живучи в горе, что корабль в море.
 Жить в Риме, а побресть во тму.
 Журавль летает не высоко, да видит далеко.
 225 Жаль лозы — не видать козы.
 Жалеть вина — не употчивать гостя.
 Жить в дозоре — не бывать в позоре.
 Журавль высоко летает, а от реки не отбывает.
 Жаль кулака, да бить дурака.
 230 Жалеть мешка — не залесть²² дружка.
 Женою доброю муж честен бывает.
 Женская лесть по Петров день.
 Жена и Олаферну голову отсекала.
 Жестокость²³ смущает сердца.
 235 Женское збойство и на свинье не объехать.
 Журавль межи не знает, а через ступает.
 Жена мужу паства.
 Жуку нора за обычай.
 Женское слово — что клей рыбей.
 240 Женское сердце — что ржа в железе.
 Жестокой нрав не будет прав.
 Жаль коня любя себя.
 Жил да и жилы порвал.
 Жил тихо, да от людей лихо.²⁴
 245 Женитца, так не ленинца, хотя и не хочетца встават.
 Жидок путь водою, а ходят его з бедою.
 Жернова куют, как они не имут.
 Жеравль под небом, а сила на земли.
 Жевотина водить — не розиня рот ходить.
 250 Жить на Москве, быть в тоске.
 Жену ходи лозою на тобою с грозою.²⁵
 Жена сердцем, а муж с перцем.
 Жене спускать, то в мошне искать.
 Живет то порою, что течет и вода горою.²⁶

²¹ Роля — пашня, пахота, орьба.

²² Очевидно, описка, следует читать «завесть».

²³ В слове «жестокость» «с» и «т» — приписка другим почерком красными чернилами.

²⁴ Была описка: «от людей тихо», «т» исправлено на «л».

²⁵ Очевидно, тут пропуск переписчика. Пословицу следует читать так: «Жену ходи лозою, а она над тобою грозою».

²⁶ «Что» над строкой и «и» в строке приписаны другим почерком и другими чернилами, очевидно, позднее.

- 255 Живет то пора, что сором итти из двора.
 Железо ржа съедает, а сердце печаль погубляет.
 Жалеть²⁷ коня — истомить себя.
 Железу при рати обычаем бывати.
 Живучи в бедности не ищи честности.
- 260 Живет богатой, что бык рогатой.
 Жнут порою, а жуют зимою.
 Жених весел и всему браку радость.²⁸
 Жена красовита — безумному радость.
 Жена злонравна — мужу погибель.
- 265 Жена не гусли — поиграв, на спичку не повесишь.
 Жену люби, что душу, а бей, что шубу.
 Жена в сурме, а муж в тюрьме.
 Жену слушать, что больно родит, так на свете и людям не быть.²⁹
 Жаль батку, да вести на погост.³⁰

З

- 270 Злато меди честнее.
 Захотел у пса преснеца, а он мукою слизал.
 Звонки бубны за горами, а к нам придут, что лукошки.
 Знать сокола и по полету.
 Затем девке не сидеть, что робят родить.
- 275 Запас мешку не порча.
 Замешкался, что пест в лошках.
 Зародился Никита на волоки.
 За тем ли стало, что приданова мало.
 Зуй до воды охоч, а плавать не умеет.
- 280 Знать по роже, что был на стороже.
 Зрелые семена поздно выходят.
 Знать собою, что звать Фомою.
 Знать по цвету, что идет к лету.
 Знать по киле, что был в могиле.
- 285 Зачал за здравие, а свел за упокой.
 Заочно торговать, что будет горевать.
 Зябнет сердце: видя недруга своего.
 Завидна в поле горох да репа.
 Знать по Фоме, что тужит по куме.
- 290 За неволю к полю, когда лесу нету.
 За тою кромою не знаемся с кумою.
 Зимою згожается, что летом урожается.
 Зоб полон, а глаза голодны.
 За наши грехи не ходят ляжи.
- 295 За иную куму лезти и в тюрьму.
 За реку с кумою, а Фома с сумою.
 За мое же добро переломили мне ребро.
 Загорелась душа до винного ковша.
 Збруя добра при рати, чем недруга попрали.
- 300 Заимует — так находит, а как платить — так обходит.

²⁷ «а» красными чернилами выправлено из «е».

²⁸ Данная пословица и пять последующих — приписка другим почерком черными чернилами.

²⁹ Данная пословица — приписка другим почерком красными чернилами.

³⁰ То же.

- Заглядывает, что кривая сатана в кувшин.
 Знатца с кумою — расстатца с женою.
 Зверя бьют — времени ждут.
 Звонкой бубен, да страшен игумен.
 305 Здоровы бы были детки, да чужие клетки.
 З гуся вода — небылые слова.
 За неволю волосы вянут, что крепко за них тянут.
 З год не станет, а з день станет.³¹
 Зовут в семеры гости, а все в тюрьму.
 310 За малым дело стало, что денег нет.
 За свой грош везде хорош.³²
 За што про што, — за твое плоштво, не ходи по лавки не. . . . . в окно.³³
 Знать от быка не хлебать молока.³⁴

И

- Из одного места, да не одни вести.
 315 Изстара то повелось: доброе худым не полюбилось.
 Истинно не ложно, противу рожна прати невозможно.
 Иван был в орде, а Марья вести сказывает.
 Из пустой избы либо чорт, либо сова.³⁵
 Из масла пристал да щекою розжевал.
 320 Изпустя из рук вощи,³⁶ не тужи.
 Изжил век за холщевой мех.
 Иметь голод — появитца и голос.
 Иметь стыд,³⁷ как он будет сыт.
 Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь.
 325 Иголка маленка, да болно колет.
 Испужено зверь далече бежит.
 Испустя время не вступать в то стремя.
 Испустя время,³⁸ да в лес по малину.
 Изловя волка так гонка.
 330 Инок Агрипен засвербело в спине.
 Иному Фоме насидетца в тюрьме.
 Иван играет, а Марья с голоду умирает.
 Иное ремесло к собакам занесло.
 Искал себе мужик ежа, а нашел ножа.
 335 И долго спал, да в пору встал: и долго копал, да в пору попал.³⁹

К

- Красно поле пшеницею, а беседа смирением.
 Как кто служит, так и тужит.
 Куда головка склонилась, туда и повалилась.
 Как кто ведает, так и обедает.
 340 Куда ворона летит, туда она и глядит.

³¹ Данная пословица и две последующие — приписка другим почерком.

³² Приписка черными чернилами.

³³ Приписка красными чернилами.

³⁴ Приписка черными чернилами.

³⁵ Над словом «чорт» дан вариант «сыч» тем же почерком.

³⁶ Вощи — вожди.

³⁷ В рукописи вместо «сыт» стоит «стыд» — описка.

³⁸ Над словом «время» дан вариант «пору» тем же почерком.

³⁹ Приписка красными чернилами.

- Красна дорога ездаками.
 Конь копытом, а жаба⁴⁰ клешнею.
 Кисель зубов не портит.
 Ково бережемся — тому ключи в руки.
 345 Козел бороною, а большой головою.
 Которою рекою плыти, там и слава слыти.
 Кто грамоте горазд, не умеет ли пропасть.
 Каково постелет, таково и выпитца.
 Конь досуг досугом, а человек смирением.
 350 К мягкому воску печать — юну человеку учение.
 Куда древо наклонилось, туда и повалилось.
 Куда конь хочет, туда и скочет.
 Кинулся за малым, да велико потерял.
 Колко гостей, толко и постель.
 355 Кинулся семьею, а dospел свиньею.
 Какова псу кормля, такова ему и ловля.
 Какова голова, такова и душа.
 Колко играл, толко и взял.
 Как волк уносит — никто не видит, а как волка понесут — всякой видит.
 360 Каков сад, таковы и яблоки.
 Которая птичка рано запела, то ей во день молчать.
 Каков пастырь, таковы и овцы.
 Каков поп, таков и приход.
 Какова сила, такова ей и кила.
 365 Каков Сава, такова ему и слава.
 Калико сокола не кормить, а от рук ево отпустить.
 Колико товаров, толико и анбаров.
 Когда коня вадят, тогда его гладят, а как привадят, так придавят.⁴¹
 Как приманят, так и узду положат.
 370 Когда дрова горят, тогда и кисель варят.
 Коли орать — в дуду не играть.
 Когда пировать, тогда не мудровать.
 Кила никому не мила.
 Конь не поскачет — господин восплачет.
 375 Конь молодцу, будто капр огурцу.
 Когда Ивашке белая рубашка, тогда у него и праздник.⁴²
 Кучился мучился, а как упросил, так и бросил.
 Кума к куме тащит в суме.
 Казань осетрами, Сибирь соболями, а Смоленск кровью.
 380 Казаки обычаем — что собаки.
 Казак донской — что карась озерной: икрян да сален.
 Казаки в запорогах — что пни при дорогах.
 Кафтан красен клиньями.
 Каецца богатой, что один пил, а друга не любил.
 385 Колчан пригож стрелами, а обед пирогами.
 Камень в воду, что лакомень в мед.
 Кошке игрушки, а мышки слезки.
 Карасевая ушица да гороховая лапшица — гостиня еда.
 Карчма не Волга, а весела с нею дорога.

⁴⁰ Над словом «жаба» дан вариант «рак» тем же почерком.

⁴¹ Вторая половина пословицы приписана другим почерком черными чернилами.

⁴² Приписка другим почерком красными чернилами.

- 390 Кила не кила, а я ... с горшок.
 Клятва страшна, а глупому смешна.
 Ключ сильнее замка.
 Клей не на рубашку, а игла не на душку.
 Ключевая вода пить не беда.
- 395 Корыто закрыто, кто не ведаёт — тому диво.
 Кинул уду, вытащил. ....
 Край моря на конец горя.
 Коля и ешь лапшу, ища лошка.⁴³
 Короста на детках, а на матери свербеж.
- 400 Кресла старому, а колыбель малому.
 Как дьяк ходит по площади, тогда говорят — беднава пощади, а как будет
 дьяк без места — и нам будет тесна.
 Как дьяк будет у места, что кошка у теста.
 Которая кошка блудлива, та живет неторопливо.
 Колико не бражнечать, да праздничать.
- 405 Кому урод чадо, а отцу да матери чадо.
 Кто словами поспешен, скорее будет и повешен.
 Кудри вились, да и долой свалились, а шолуди напали, долой не идут.⁴⁴
 Кобыла должна один обычай иметь.
 Козел да коза, то боярской род.
- 410 Кус поводной, а люд голодной.
 Как быть плешивого брить, не лутче ли ево опалить.
 Купил бы корольки, да животы коротки.⁴⁵
 Каково кликнется, таково и отзовется.
 Как у Сенюшки две денешки, так Семен да Семен, а как у Сенюшки ни
 денешки, так. .... Семен.
- 415 Красно еичка в светлый день.
 Канул как камень в воду.
 Куда конь с копытом, туда и лягушка с клешней.
 Как бы не твое бёрдо, так нечего бы и дернуть.
 Корова телится, а у быка ж ... болит.
- 420 Кто болше служит, тот болше и тужит.
 Коли слушать жены, что болно родить, то разве...⁴⁶ всех людей пере-
 водить.

Л

- Литовский мост — что немецкий пост.
 Лисица жет, а на хвост сашлет, а оба изверились.
 Лутче сурово зелие с любовию, нежели телец, упитанный со враждою.
- 425 Летаёт хорошо, а садитца не умеет.
 Любовь вражды лутче.
 Лошка воды лутче моря бездны.
 Лихое гляденья пуще прошенья.
 Люди молотят, а иные замки колотят.
- 430 Люди спать, а они жолвей искать.
 Лутче вода пить с радости, нежели мед в горести.
 Лутче семью горети, а однова бы вдовети.

⁴³ Приписка другим почерком красными чернилами.

⁴⁴ Вторая часть пословицы написана в виде приписки другим почерком красными чернилами.

⁴⁵ Начиная с этой пословицы и до конца буквы — приписки оазными почерками.

⁴⁶ После слова «разве» два слова разобрать нельзя.

- Лошатка в хомуте, везет по могуте.
 Ласково слово кости не изломает, а жестокое на гнев воздвизает.
 435 Ленивому болит всегда ⁴⁷ в хребте.
 Ленивого знать и по платью.
 Ленивый и во сне себя соромит.
 Лишняя говора соробу даводитьь.
 Лошкою Волги не переехать.
 440 Люди пировать, а мы горевать.
 Люд голодной, а кус поводной.⁴⁸
 Лес сечь — не жалеть плечь.
 Куют да дуют, а чорт знает что будет.⁴⁹
 Люди молотят, а мы замок колотим.
 445 Лутче плыть пучину, нежели терпеть кручину.
 Лутче хлеб с водою, нежели пирог с бедою.
 Луком владеть, то и товарища не иметь.
 Лук при дороге — что друг при вологе.⁵⁰
 Ладан на чертей, а тюрьма на татей.
 450 Личенко беленко, да разуму маленко.
 Лакома овца к соли, а казак к воли.
 Лгать — так людей обегать.
 Лихвою збирать, то последи вздыхать.
 Листом красно древо, одеждою чрево.
 455 Легка рана, что и головы не сьскали.
 Либо полон дом, либо корень вон.⁵¹
 Летала синица зажигать море, море не зажгла, а славу учинила.

М

- Мед каплет от уст жены блудницы.
 Медведя соколом и вороном не ловят.
 460 Мера всякому делу вера.
 Мзда и мудра мужа очи залепляет.
 Меха не надуть, а смерда не научить.
 Мед сладко, а муха падко.
 Млад месяц не во всю ночь светит.
 465 Мило, что душа, а горко, что беда.
 Мягкое слово кости ломит.
 Много званых, да мало избранных.
 Много хороших, да мало любовных.⁵²
 Многие кумы, да разные сумы.
 470 Мыло черно, да моет бело.
 Мелка река да круты берега.
 Мирская молва, что морская волна.
 Много люду, много и труду.
 Муж печетца как бы хлеба добыть, а жена мыслит как бы мужа избыть.
 475 Мал язык, да всем телом владеет.
 Мал соловей, да голос велик.

⁴⁷ «Всегда» — приписка сверху красными чернилами.

⁴⁸ Ср. на стр. 318: «Кус поводной, а люд голодной».

⁴⁹ Приписка другим почерком красными чернилами на нижнем поле страницы.

⁵⁰ Волога — влага, пиво.

⁵¹ Данная пословица и следующая — приписка разными почерками.

⁵² Зачеркнуто слово «любовных» и сверху приписано другими чернилами «любных», рядом приписка «милых».

- Милому дается и возымется.
 Много знати, мало спати.
 Многия кумы доводят сумы.
 480 Многия смехи — великие грехи.
 Мал смех, да велик грех.
 Мерить ветр, не станет ведр.
 Мерять воду — не спрашивать меду.
 Масло коровье едят на здоровье.
 485 Мать кормит детей, так сохнет, а оне по ней нет.
 Млеко хорошо в пирогах, а река в берегах.
 Меч туп, а меченосец глуп.
 Мелник богат шумом.
 Мйса, что черемиса: чисто и погано пожирает.
 490 Мужик богатой — что бык рогатой.
 Москва любит запасец.
 Много соседов, да мало обедов.
 Манна слатка — девка патка.
 Море плиты кораблем, а в горе жити воробьем.
 495 Мал телом, да велик делом.

- . . . . .
 Мужик гол, а в руках кол, панев не надежда.
 Мужику тошно, а попу в мошну.
 Мужик плачет, а поп пляшет.
 500 Муж да жена — одна сатана.
 Мал камень, да дорог.⁵³
 Мягко стелет, да жоско спать.
 Муж в тюрьме, а жена в сурме.
 К милому итти — семь верст не околица.

Н

- 505 Не будь тороплив, а будь памятлив.⁵⁴
 Напьемся — бояра, проспимся — крестьяне.
 Невинна душа, не пристрашна смерть.
 На что было лгать, коли нечего дать.
 Наряд соболей, а похотка воронья.
 510 Нарезаетца, что Юрья на бабу.
 Не родом старцы уроды.
 Новый веник чисто метет.
 Не рада баба повою, рада баба покою.
 Не всякая капля до волос каплет.
 515 Нашел чернец клобук — не возрадовался, а потерял — не тужит.
 Наш Фомка все комкает.
 Не всякому чиханью здравствуй.
 На што бабе мечь, ково ей сечь.
 Нечем чорту с..., так кремнем бросать.
 520 Не дивен тать, дивен блудник.
 Не купи села, купи прикащика.
 На гнилой товар да гнилой купец.
 На што было женитца, коли рож не родитца.

⁵³ Начиная с данной пословицы и до конца буквы — приписка разными почерками.

⁵⁴ Данная пословица, следующая и пословицы за №№ 516, 517 — приписка рыжими чернилами.

- Не желей тещина добра — колупай до дна.
 525 На грех мастера нет.
 Не попользует имение в день ярости.
 На веку живет притчей много.
 Не пусти гузнá наперед ума.
 На старость наступить — желание не получить.
 530 Нос с локоть, а ума и с перстик нет.
 Не наша часть с гостми спать.
 Не угадать, куда желватор стрелит.
 На свой нож — любой кус.
 Ни радость вечна, ни печаль бесконечна.
 535 Несть того человека не преступил бы чего.
 Нашего греха стыдно и попу сказать.
 Не слушай начала, жди конца.
 Надоела белая рубаха да мяхкай хлеб.⁵⁵
 Не от камня плоду, ни от фофана меду.
 540 Не сули журавля в небе, дай синицу в руки.
 Не продал на денгу, а съел на алтын, а с досталью к обеду домой поспел.
 Не мила убогая сестра брату, ни болная жена мужу.
 Не давай голодному хлеба резать.
 Не посылай холостово с сватаннем.
 545 Нашево Данила жена убила.
 Не видена — девица, а видена — девушка.
 Не солгали приметы на ваши ответы.
 Не свое бы было, не собакою бы слыло.
 Незваны гости гложут и кости.
 550 На худом городе и Фома дворянин.
 Не в сыре вологи, не в зяте племени.
 Нарезаетца, что Маланья на свадьбу.
 Не сохни, не боли: не твой ношу сапоги.
 Не ты мне купил, не ты и денги давал.
 555 Не надеялся бы на силу, присадят ему и килу.
 Наши печали не ветры вскачали.
 Наша Татьяна и с воды пьяна.
 Нажила Натаха по гузно рубаху.
 Надумаюсь с подушкой, спрошуся и с подружкойю.
 560 Недосол на столе, пересол на спине.
 Нутка Фома: под..... з двора.
 Не спрашивают Варвару на расправу.
 Не изловишь без труда рыбы из пруда.
 Не ходит волк в стадо — заставят овец пасти, а волк бы рад хотя в лесу
 постоять.
 565 Не наша еда лимоны, есть их иному.
 Не красно старова в поле видеть, да страшно против ево ехать.
 Не на... спени как дети слепы.
 Не стало свéчи, что зажечи.
 Наш Обросим есть не просит, а есть не бросит.
 570 Не любя весть, как нечево есть.
 Не ума набратца, что з дураком подратца.
 Не видено — золото, а видено — медно.
 Не купи двора, купи соседа.

⁵⁵ Данная пословица, две последующие, а также пословицы за №№ 561. 562. 563 приписки разными почерками.

- Не стало паю в яишном⁵⁶ бою.
 575 Не женись на тещи, не выдай за свекра.
 Не купи горшка, купи угодника.
 Не уйдет — не малина, не апала.
 Насильно мил не будешь.
 Не красна изба углами, красна пирогами.⁵⁷
 580 Не рада баба повою, рада покою.
 Не было печали, да ветры накачали.
 Наклад — барышу большой брат.
 Недомогает, девятый хлеб доедает.
 ... в тетрадь, коли слов не знать.⁵⁸
 585 Не погано море, что пес налохтал.
 Ни богу свеча, ни чорту кочерга, ни в печи ожегу.
 Надаела белая⁵⁹ рубашка да [белый] мягкий хлеб.
 Не ходи по лавке, не..... в окно....⁶⁰

О

- Орел с вороною не толкует.
 590 Очи ушей вернее.
 От смерти и под камень не укроешься, от лихой жены и под жорновом.
 Обидно в поле горох да репа, завидно в людех вдова да девка.
 Отрезав голову, да над волосами плачет.
 От избытка сердца уста глаголют.
 595 Одна есмь в келье, кто ж навонял?
 Однем рать не пуста.
 Один умный десять безумных видит.
 О куме не жить, а без кума не быть.
 Овин горит, а мужик молотит и новой просит.
 600 От доброва обеда и к ужину останетца.
 От кума алтын, от кумы полотно.
 Обрадовался крохам, да ковригу потерял.
 Остр нож, что дворянинов гребень.
 Опясался мешком, да пошел пешком.
 605 Остр нож и без мыла бреет.
 Орет до тины, а есть мекины.
 Обрил голову по плечи.
 Ни в дудку, ни поплясать.⁶¹
 Отрыгаетца маслом — видеть коровей след.
 610 О том не тужат, что долго служат.
 О том забыл тужити, что некому служити.
 Обед дворянской, что ответ крестьянской.
 Ответ чернецу, что идет ему к концу.
 Овца не без отца, а у катка и три батки.⁶²
 615 О чем скачет, о том и плачет.
 О ком свет видит, тово и обидит.

⁵⁶ Над словом «яишном» приписка тем же почерком «кулашном».

⁵⁷ Начиная с данной пословицы и до конца буквы — приписки разными почерками.

⁵⁸ Многоточием отмечены неразобранные слова и буквы.

⁵⁹ Слово «белая» зачеркнуто.

⁶⁰ Дальше неразборчиво — осыпался края страницы.

⁶¹ Приписка на нижнем поле листа красными чернилами.

⁶² «Три» переделано красными чернилами из «два». «В «батки» «и» переделано теми же чернилами из «а».

- О ком хвалился, от того и повалился.
 От Савы славы, а от Перши чести.
 Остров в море, а твое сердце в горе.
 620 От ково те вести, что нечево поести.
 Один под овин, а два по свату.
 Один Фома горюет, а два в поле воюют.
 Овин горит, а хозяин вопит.
 Один бык, да и тот отвык.
 625 Осетр водою, а Петр бедою.
 Осотров окружило бедою, а нас водою.
 Овса ясли, а кони изгасли.⁶³
 Оком не досмотришь — так мошною доплотишь.
 Ооча жаба до орехов, да зубы худы.⁶⁴
 630 Одарил ее чорт рукомеслом, что кузня у ней под хвостом.

П

- Палец не гнетца, а завертка рветца.
 Палицею бросать — богатырство оказать.
 Память в тылу, а мысль во лбу, а хотение в сердце.
 Пар в бане не одной Марье.
 635 Пояс красной — изъян напрасной.
 Пастух рад лета, а пчела цвета.
 Поток — кораблю, а песок — журавлю.
 Подноготь увяз — всей птице пропасть.
 Печать вощенная, окладь дощенная.
 640 Плавать по реке, а живот в божией руце.
 Поганое судно и в богатом доме не годно.
 Плохова⁶⁵ волка и телята лижут.
 Привыкать коровке к оржаной соломке.⁶⁶
 Поп да петух и не етчи поют.
 645 Приехал не зван, поещай не дран.
 Певчая птичка прежде погибает.
 Пришли чернеца схимить, а он и старое платье хочет скинуть.
 При светле сидеть — студу быть.
 По звездам корабли ходят, а по ямам землю знают.
 650 Пирог с крупною — всяк с рукою, а плеть с узлом — всяк пятится проч
 гузном.⁶⁷
 После немочи повалки живут.
 Плоха тому жить, у кого дед ворожит, а у нас и баба не знала
 Пошлины взяты, а товар утонул.
 Пашенку пашут, так руками не машут.
 655 Пошла по масла, как в печи угасла.
 Приехала баба из города, привезла вестей три короба.
 Постился, да и в воду опустился.

⁶³ Над словами «овса ясли» приписка сверху «полны» другим почерком черными чернилами.

⁶⁴ Данная пословица и следующая — приписки другим почерком.

⁶⁵ Первоначально было «плоха», потом «а» переделано рыжими чернилами на «о», над «о» другими чернилами поставлено «ва».

⁶⁶ Было: «Привыкай коровка к оржаной соломке». Буква «й» рыжими чернилами переделана на букву «т», а буква «а» тоже рыжими чернилами переделана на букву «е».

⁶⁷ Поздняя приписка на нижнем поле листа рыжими чернилами.

- Пить до дна — не видать добра.
 При солнце тепло, а при господине добро.
- 660 Похвала мужу пагуба.
 Пришла баба, не брезгуй ею.
 Палата добра, да утлы двери.
 Пришли казаки с Дону, погнали ляхов з дому.
 Плыть стругом, подумать и з другом.
- 665 Поучень жену бьет, а потвор мать.
 Приятеля мила невзгода убила.
 Пить пиво — сидеть и криво.
 Плохо жить — издеваючи, надобно жить изнемогаючи.
 Пей не щитай, лутче хмель не берет.⁶⁸
- 670 Парá денешки дает, а другая берет.
 Продавец за товаром, а купец за накладом, а чорт за купцом.
 Посидеть у Дашки — будто у брашки.
 Первая песенка зардевши петь.
 Под носом дыра, а у ж. . . нет и дна.⁶⁹
- 675 Пошел по канун, да и сам утонул.
 Плутом жить, плутом и слыть.
 По бороде — блажен муж, а по уму — вскую шаташася.
 Плат у Рамана из своего кармана.
 Любитца сова лутче ясного сокола.
- 680 После дождика в четвериг.
 По одешки протегай и ножки.⁷⁰
 Прировнял Опохина пива с Нестеровым.
 Пиво варит не богатой — тароватой.
 Под носом с ковригу, а под рожою с лодыгу.
- 685 Поп свое, а чорт свое.
 Привязался, как неелок к тесту.
 Плохо лежит, брюхо болит.

Р

- Раб госпоже — что мед на ноже.
 Рак клешнею, а богатой мошною.
- 690 Рыба ловить — при смерти ходить.
 Ржа съедает железо, а печаль сердце.
 Рыба в воде, а ягода в траве.
 Раняя пичка носок прочищает, а поздняя глаза протирает.
 Ростом с тебя, а разума с теля.
- 695 Рать бес корысти, где войны нет.
 Рано вставать — не потерять, а поздно вставать, то самому себя соромить.
 Ретивая лошадь не долго живет.
 Рад безумной, видя друга при напасти.
 Рано вставая — поп поет, а поздно ложась — вдова плачет.
- 700 Рад куме, да нет в суме.
 Радостен бес, что отпущен в лес.
 Ременья не дерут круг гуменья.

⁶⁸ Данная пословица и следующая — приписка разными почерками на нижнем поле страницы, первая красными чернилами, вторая — черными.

⁶⁹ «И дна» — приписка другим почерком рыжими чернилами.

⁷⁰ Начиная с данной пословицы и до конца буквы — приписки различными почерками и разными чернилами.

Рад тот гость, что пил и в пост, а еще и в мясопуст не дают.
Родился, да не пригодился.

- 705 Ребра ломают, как татей пытаются.
Родился на свет, а пошел во тьму.
Рубя клетки, так и песни спети.
Рогатому быку, что богатому мужику.
Рагозиною одетца, от знаемых зардетца.
710 Рцы; слово; твердо.
Разум хорош, куда и лутче этово.
У Рамана своево кармана.⁷¹
Руки в боки, глаза вверх, говорит бешеную.

С

- Соколу лебедь не в диво.
715 С разумом жить — лишь тешитца.
Слон доброй к слову, а лодья к перевозу.
Смерть о саване не тужит.
Смерть все пожитки оказывает.
Сорока лет, а сорома нет.
720 Сокол выше солнца не летает.
Смердей взгляд пуще брани.
Свои сухари лутче чужих пирогов.
Снеси вас чорт, а нас накорми бог.⁷²
Сердцу веселие — лицо цветет.
725 Сердит, что Илья, а дерзок, что Петр.
Сердцем крут, да ж... отхотчив.
Скорая женитба — видимая работа.
Столко и товару нет, что пошлину правят.
С мотовства пошлина дорога.⁷³
730 Сором девке, а парню позор.
Стар хочет спать, а молодая играть.
Сам себе не рад, что грамоте горазд.
Сам своей бодрости не рад.
Сеть крепка мужу устне.
735 Сокол летая ловит, а ворона сидя.
Сердитая собака в хрепте понесет.
Сердце соколье, а смельство воронье.
Старова чорта да поднял бес.
Старый то ловец, что не оставил и овец.
740 Стрелец за полками, а жена за глотками.
Сам в кручине, что корабль в пучине.
Сто рублей имея бежат, а сто друзей без боязни лежат.
Сено, сено, семерых съело.
Слово молви крепче, а сам гляди клепче.
745 Старец старца укоряет, а оба гологусы.⁷⁴
Сноп приходит в гумне, а пьяной во сне.
Спорка не мала, где река мост сломала.

⁷¹ Данная пословица и следующая — приписка различными почерками и разными чернилами.

⁷² Приписка другим почерком на нижнем поле страницы рыжими чернилами.

⁷³ Приписка сверху теми же чернилами «воровства».

⁷⁴ Приписка на нижнем поле страницы рыжими чернилами.

- Стар бедáми, да млад годами.
 Сукно знают цветом, а дружбу приветом.
- 750 Свеча ясна, как беседа красна.
 Села для дворов, орел для ворон.
 Слово не стрела, а к сердцу льнет.
 Собаку мослом, а она тому и рада.
 Со жи люди не мрут, толко и веры не имеют.
- 755 Собака лает, а ветер носит.⁷⁵
 Стыдитьца жены, так и детей не видать.
 Спроси у гуся не забнут ли ноги.
 Сама б...., без копейки плат.
 С поклону голова не заболит, не отсохнет хрипет.
- 760 Собака сера и бела да дух один.
 Стоит пеньком, да поматывает....⁷⁶
 Смерть причину сыщет.
 Сладки ..... да соромы лихи.⁷⁷
 Сиди на рогоже, а говори с ковра.
- 765 Сокол с места, а сова на место.
 Сиг в алтын, а уха под тын.
 Спасибо кумушка на брашке, с ..... ж.... болит.

Т

- Такие тетрати с кого сбирати.
 То не смех, что напрасно грех.
- 770 Тая Татьяна была еще бы не пьяна.
 Телом бела, хоть делом худа, глупе кто и любит.
 Тесто насыщает, а место не просвещает.
 Тернов куст не живет пуст.
 Татьяна — не сметана, не щи ею белить.
- 775 То де[ло],⁷⁸ что в голове засвербело.
 Те детки натерпелись и бедки.
 Тою порою, да не тою горою.
 Теми умами знатся и с кумами.
 Такими книгами играть не лодыгами.
- 780 Там ўжина, где дураков дюжина.
 Толко бы на волка не собаки, а на девку не дети, они бы и днем воровали.
 То не спасенье, что пьян в воскресенье.
 Тула и зипун здула, а Кошира и в оогозину вшила.
 Тати не молотят, лишь в замки колотят.
- 785 Торговать бедою, потрясти сумою.
 Толко ты за пирог, а чорт поперек.
 Трусит что харя дегтем.
 Три года не баил, да мама и .....⁷⁹
 Тепло, де толко руки да ноги озябли да попереломило.
- 790 Тайно согрешено — половина прощаетца.

⁷⁵ Начинная с данной пословицы и до конца буквы — приписки разными почерками и разными чернилами.

⁷⁶ Последнее нецензурное слово приписано другим почерком рыжими чернилами. В слове «поматывает» вставлена буква «е».

⁷⁷ Над словом «соромы» теми же чернилами приписка «позоры».

⁷⁸ В рукописи описка; вместо слова «дело» только «де».

⁷⁹ Начинная с данной пословицы и до конца буквы — приписки различными почерками и разными чернилами.

Тише едешь — дальше будешь.

Третьей год ни . . . в рот (старая баба говорила).⁸⁰

Тесть любит честь, а зять любит взять, а шурин глаз щурит.

У

У року и сокол не отлетает.

795 У девки догадки, а у парня свои замыслы.

У одной овечки да семь пастухов.

Убог монастырь, что игумен сам воду возит.

У Фомки не бес помхи.⁸¹

Умом торговать, а без ума горевать.

800 У нашево новобрачного по всяк⁸² день мясо.

Убить бобра — не видать добра.

Учитель один не щитаёт годин.

Упился бедами, опохмелился⁸³ слезами.

Упился у подрушки, а просыпаетца у подушки.

805 У правого уши смеютца, а у виноватого язык уныл.

Утвердивыся на лжах, сей пасет ветры.

Умной — что староста губной: все ево боятца.

Уды тайныя, а грехи явныя.

У Акулки хороши бакулки.

810 У Парашки глаза что у барашки.

Уварилось пиво у Марины — лутче малины.

У праздников бывает много бражников.

У семи пестунов да дитя без глаз.

У старца в келье чем бог послал.⁸⁴

815 У вас дрова рубят, а у нас и деревья летят.

Улита едет — когда-та будет.

Указывай Деме, да дома.

Удалой до чго не думает: и легок, да умен.

Ф

Филип и в канопле не укрылся.

820 Фома не купил ума; Фома большая крома.⁸⁵

Фофан с толокном, а Сидор с волокном.

Федка что ретка, а хвост не такой.

Филип пирует, а кума горюет.

Фома плачет, а жена напившись скачет.

825 Фрол никого не боитца и под лавкою лежа проспигца.

Фа да фря с шанешкам — голубые глаза.⁸⁶

⁸⁰ Вторая часть — приписка теми же чернилами, но другим почерком в скобках.

⁸¹ Помха — помеха, остановка.

⁸² «Всегда» исправлено темными чернилами на «всяк».

⁸³ «Опохмелился» — правка темными чернилами.

⁸⁴ Начиная с данной пословицы и до конца буквы — приписки разными почерками и разными чернилами.

⁸⁵ Вторая часть пословицы — приписка другим почерком.

⁸⁶ Приписка другим почерком рыжими чернилами на верхнем поле страницы с пословицами на букву «Х».

X

- Хвалит другу чужую сторону, а сам ни поногу.
 Худ муж в могилу, а добра жена по дворам.
 Холщевая рубаха — не нагота, а невейной хлеб — не голод.
- 830 Холопье слово — что рогатина.
 Кто тихо ездит, далее будет.
 Х коже ума не пришить.
 Хлеб да капуста лихово не попустят,
 Ходя спинка бита, да пирог съеден.
- 835 Кто пеш не хаживал, тот коня не жалел.
 Кто скуп, у того солен пуп.
 Хмель не плачет, что пьяницу бьют.
 Кто в холопах живал, тот и бит, чаю, бывал.
 Кто попу не сын, тот б. . . . сын.
- 840 Хлеб да пирог и во сне добро.
 Хорошо он плавает, лишь пузыри плавают (поскакивают).⁸⁷
 Холост много мыслит, а женатой боле.
 Хозяин весел — и гости радостны.
 Кто в Вильне не бывал, тот и дива не видал.
- 845 Храбромu смерть пред очима повсегда.
 Кто празднику рад, тот и до свету пьян.⁸⁸
 Христьянин пьян, так сам себе пан.
 Хвалу, честь, славу и дурак любит.
 Хотя дитя криво, да отцу, да матери мило.
- 850 Ходить с лукою, торговать мукою.
 Хотя молебен и отпет, да пользы нет.
 Хорош да полна дурен.
 Хлеба край и под елью рай.⁸⁹
 Худы те вести, что нечево поести.
- 855 Хлеба ни куска — и на печи возмет тоска.
 Хоть жаль, да убывает.
 Хорошая жена — мужу сухота, у которой ж. . . крива.
 Хороша дочь, коли мать хвалит.
 Хватился малах ажно е. . . в головах.
- 860 Хотя хлеб не мягкой, да слово глаткое.

Ц

- Цветное платье большое место несет.
 Цвет старости — седина.
 Цевки⁸³ скати — руками не плескати.
 Цвет — пчолкам, а мед — жонкам.
- 865 Целба голодному хлеб с вадою.
 Царство Москва, а мужикам тоска.
 Церковь в сердце, а колоколя в гусне.⁹¹

⁸⁷ Слово «(поскакивают)» и пословица за № 846 — приписка другим почерком.

⁸⁸ Начиная с данной пословицы и до конца буквы — приписки разными почерками и разными чернилами.

⁸⁹ Цевка — род шпильки в ткацком станке.

⁹⁰ Приписка красными чернилами.

Ч

- Чорта крести, а он в воду глядит.
 Чужую кровлю кроешь, а своя каплет.
 870 Чужой муж мил, а не век с ним жить, а свой хоть и постыл, да волочитца с ним.
 Честь пива лутче и подароже.⁹¹
 Чужим умом не долго жить.
 Что не родится, то и не пригодитца.
 Чечотка отлетит, а гнездо останется.
 875 Челном ялика не переехать.
 Чихнуть и головой саднуть.
 Честь приложена, а убытку бог избавил.
 Чужой хлеб петухом в горле поет.⁹²
 Частые пирушки переводят и полушки.
 880 Чурка и палка, и зерно, и пепел.
 Что есть, то вместе, а чево нет — то пополам.

Ш

- Што смешно, то бывает и грешно.
 Шутки шутить, так людми замутить.
 Што на яву видится, то и во сне грезится.
 885 Шила в мешке не утаишь.
 Шилом воды не нагреешь.
 Шаханья много, да мат один.
 Што мухино сало разошлось по персту.
 Што мне свои, коли лихи до меня.
 890 Шолуди настали, да и долой не идут.
 Што што и уперла, ажно . . . не пускают.⁹³

Ъ

- Ехать не звану в пир: что быть не драну.
 Едет детина, а везет гостинец.
 Ем, а дела не виноваты.
 895 Есть калачи — не сидеть на печи.
 Ехала кума не ведомо куда.
 Езда беспутная: саней нет, да и впречи нечево, и ехать некуда.
 Езь забивал,⁹⁴ а рыбы не видал, лишь рыбу та потерял.

Ю

- Юн с игрушками, а стар с подушками.
 900 Юноша молод не терплевал холод.
 Юн всяк бывал и в грехе живал.
 Юной хвастать, а стар хрястать.
 Юноша леп, да ж. . . слеп.

⁹¹ Подароже — приписка другим почерком.

⁹² Начиная с данной пословицы и до конца буквы — приписки разными почерками.

⁹³ Приписка другим почерком разными чернилами.

⁹⁴ Над словом «забивал» тем же почерком приписка «покуда».

Я

Яблок на сосне не бывает.

905 Явен грех: малу вину творит.

Яко червь в древе, тако и кручина в сердце.

Язык мал: великим человеком шатает.

Язык голову кормит и до смерти доводит.

Языком хотя залижи, а рукам волю не давай.

910 Ящерка маленька, да зубы востры.

Яблонное семя знает свое время.

Якорь телу — язык.

Яркое слово смущает сердце.

Ярко желаю да руки пожимаю.

915 Я тебе сказывал, а ты в разум не взял.

Я думал то, а не се.⁹⁵

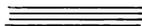
Денешка с кона летит, а не денешка⁹⁶ — и пропасть будет.

Коли чево маленька — мели меленка, а коли чево болше — мели потолще.

Ни радость вечна, ни печаль бесконечна.⁹⁷

920 Лутче почернеть, нежели умереть.

Не дай бог с козлом в огороде быть, а с трусом на море плыть.

⁹⁵ Приписка другим почерком рыжими чернилами в конце буквы.

⁹⁶ В «а не денешка» «е» переделано на «а» («а на денешка»). Позднее все зачеркнуто и сверху другим почерком приписка «а на денги». Данная и следующая пословицы — приписки другим почерком рыжими чернилами.

⁹⁷ Данная пословица и две последующих — приписка черными чернилами.

ОДНА ИЗ СТАРЕЙШИХ ЗАПИСЕЙ «ЦАРЯ МАКСИМИЛИАНА»
И «ШАЙКИ РАЗБОЙНИКОВ» (1885)

Большая часть работ, посвященных истории русского народного театра, обычно начинается с указания на то, что этот раздел народного творчества привлек внимание фольклористов чрезвычайно поздно и что поэтому до нас дошли лишь очень немногие народные драмы. К этому верному наблюдению следует еще прибавить, что отношение к народному театру со стороны первых ученых, обративших на него внимание, было явно неприязненное, даже враждебное. Публикуя свои записи народных драм, они ставили своей целью показать оскудение народной поэзии в XIX веке, падение народной фантазии, утрату народным творчеством эпической широты, свойственной былинам, лирической задушевности песен, яркой образности волшебных сказок, глубокой мудрости старинных пословиц.

В 1864 году в «Русском архиве» (№ 10, стлб. 1097—1099; изд. 2, стлб. 78—80) А. А. Котляревский опубликовал текст народной драмы «О храброе воине Анике и Смерти». Во вступительной заметке Котляревский дал общую характеристику народного театра, указав при этом, что существовавшие «еще в глубокой языческой старине» «зародыши народного театра» «так и остались зародышами» и что «масса простого народа как была, так и осталась при своих хороводах, играх и обрядных действиях». «Только позднее, с развитием промышленности, преимущественно фабричной, с помещением военного сословия на постоянные жительства в казармах, — писал далее Котляревский, — можно заметить некоторое стремление занять праздный досуг толпы представлением незатейливых сцен, соответствующих вкусу и занятиям зрителей». Затем Котляревский с иронией говорил об источниках нового народного театра: «... с сознанием превосходства грамотного, образованного человека перед деревней, казарменный драматург обратился к источнику книжному и поставил его содержание на бедную, лишенную всякой декоративной обстановки, сцену своей обители». Вынужденный признать, что «эти произведения не лишены и внешней поэтической формы и своего рода юмора», Котляревский поспешил тут же ограничить эстетическое значение народной драмы: «... но это не вольная речь и меткий юмор простолодыня, а тепличная, плоская фраза человека, успевшего вполне войти в нравы и интересы фабрики или казармы».¹

Работа Котляревского, насколько можно судить по имеющейся в нашем распоряжении библиографии, была вообще первой печатной публикацией пьесы русского народного театра. Из дальнейшего текста заметки

¹ «Русский архив», 1864, изд. 2, стлб. 73—74; А. А. Котляревский, Сочинения, т. IV, СПб., 1895, стр. 425.

Котляревского видно, почему он, зная также и драму о царе Максимилиане, счел нужным опубликовать только пьесу об Анике-воине: «В целом вся пьеса «об Анике» <...> в литературном отношении стоит неизмеримо выше пошлой солдатской драмы о кесаре Максимилиане: если в первой нет драматического воодушевления, но зато нет и тех казарменных острот, которые обильно украшают вторую. Вообще это произведение ближе к русской жизни, менее отходит от чистого народного источника, чем „драма о кесаре Максимилиане“».²

Статья Котляревского отражала господствовавшее в то время и даже позднее мнение, что русские народные драмы делятся на «солдатские» («Царь Максимилиан») и «фабричные» («Аника», «Шайка разбойников»). Однако уже давно стали появляться в литературе сведения о том, что солдаты не ограничивались представлением одного «Царя Максимилиана». Так, в статье П. «Царь Максимилиан», помещенной в «Искре», указывалось, что наряду с данной драмой солдаты ставили и «Шайку разбойников».³ И. С. Тургенев в письме к С. Т. Аксакову от 16 января 1853 года, описав представление «Шайки разбойников», разыгранное фабричными, прибавил: «Эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные, ее занес какой-то прохожий солдат».⁴

Однако и «солдатский» и «фабричный» театр почти не изучены. Не собран даже материал, рассеянный в старых газетах, в которых (в корреспонденциях из разных мест и в путевых заметках) находятся сообщения о представлениях народных драм. Еще в 1870 году Алексей Веселовский писал о «Царе Максимилиане»: «Мы имеем перед собой целый ряд вариантов этой пьесы, записанных в самых разнородных местностях, имеем в газетах разных времен сведения о представлениях ее на всевозможных народных театрах».⁵ А первые публикации текста «Царя Максимилиана» относятся к 1895 году.⁶

Суммарное деление народного театра на «солдатский» и «фабричный» привело к тому, что особая — и очень богатая — разновидность народного театра: «театр матросский» — выпала из поля зрения фольклористов.

Между тем материалы о «матросском» театре и — шире — «матросском» фольклоре давно уже накапливаются и ждут своих исследователей.⁷ Для истории народного театра некоторые записи данных о «матросском» театре имеют еще одно преимущество: они дают понятие о репертуаре, а не об одном представлении.

Здесь мы отметим, что весьма досадное для исследователей народного театра обстоятельство заключается в том, что дошедшие до нас записи

² «Русский архив», 1864, изд. 2, стлб. 75—76; А. А. Котляревский, Сочинения, т. IV, стр. 526

³ П. Царь Максимилиан. «Искра», 1863, № 6, стр. 82.

⁴ Из переписки И. С. Тургенева с семьей Аксаковых. «Вестник Европы», 1894, январь, стр. 339.

⁵ Алексей Веселовский. Старинный театр в Европе. Исторические очерки. М., 1870, стр. 399.

⁶ Народный театр. Сборник. М., 1895, стр. 48—61 (запись Д. А. Травина). Запись пьесы «Трон», сделанная М. К. Васильевым в 1889 году, была опубликована в 1898 году.

⁷ См.: А. Соколов. Русские морские песни. «Морской сборник», 1854, ч. II, № 6, стр. 97—140; Э. Э. Ухтомский. Путешествие на Восток е. и. в. государя наследника цесаревича 1890—1891, т. I. СПб. — Лейпциг, 1893, стр. 5—7 (второй пагинации); Н. Н. Виноградов. Царь Максимилиан и его непокорный сын Одольф. Старый текст и несколько слов по поводу текста. СПб., 1905 (оттиск из «Известий ОРЯС», т. X, кн. 2, 1905, стр. 301—338). Много материала по «матросскому» фольклору можно найти в так называемой «морской литературе» начиная с «Фрегата Паллады» Гончарова и произведений К. В. Станюковича.

имеют случайный характер, представляют единичную фиксацию текста какой-либо пьесы и почти никогда не сопровождаются указаниями, какие другие народные драмы входили в репертуар данного театрального коллектива.

Поэтому особый интерес приобретает одна из самых старых известных нам записей «матросского» репертуара (а не единичных пьес), сохранившаяся в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки в фонде Е. И. Аренса. Здесь в записях двух пьес — «Представление Царя Максимилиана» и «Шайка разбойников» — мы имеем полный свод почти всех народных драм, за исключением «Царя Ирода» и «Как француз Москву брал»: в «Представление царя Максимилиана», помимо основного текста этой драмы (без эпизодов с Венерой), вошел «Царь Мамай» и «Аника-воин»; во второй пьесе механически соединены «Барин пьяный и Афонька малый», «Барин и староста» и сама «Шайка разбойников». При этом все тексты очень полные, а, например, «Барин и староста», насколько можно судить, самый полный из всех до сих пор известных. Именно эта полнота текстов и то, что записи, сделанные от одного лица, представляют целый репертуар какого-то «матросского» театра, — все это делает необходимым введение данных материалов в научный оборот.

Как уже указывалось выше, публикуемые записи находятся в архиве Е. И. Аренса в Отделе рукописей Публичной библиотеки. Фонд Аренса поступил в Публичную библиотеку в 1945—1947 годах от наследников историка русского флота профессора Николаевской морской академии Евгения Ивановича Аренса (1856—1931).⁸

В составе фонда Аренса под № 6 находится тетрадь школьного образца «на косых линейках (12 листов) со вложенными дополнительными листками (сшитая тетрадь из нелинованной бумаги 12 листов, еще два таких же листка и шесть листов с записями песен; о них см. ниже). Тетрадь имеет синюю гладкую обложку, на которой написано: «4 ноября 1885 года. Василий Дудин». На обороте обложки тем же почерком сделана надпись: «Представление царя Максимилиана». Дальнейший текст («Представление царя Максимилиана» и «Шайка разбойников») писан той же рукой. На обложке тетради карандашом надписано: «Матросские <!> песни и пьесы (на походе 1877 г. и в плавании). Собрал Е. Аренс».

Е. И. Аренс, сын видного деятеля интендантского ведомства второй половины прошлого века,⁹ получил морское образование, по завершении которого участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, плавая на Дунае. В 1883—1885 годах он совершил плавание на клипере «Стрелок». Свои путевые впечатления Аренс печатал сначала в газете «Кронштадтский вестник» (1887), а затем в более подробном виде в журнале «Русское обозрение», (1890, июль—сентябрь) под заглавием «Из плавания на клипере „Стрелок“ в 1883—1885 годах».¹⁰

В своих путевых записках Аренс не упоминает ни о театральных представлениях матросов, ни фамилии Дудин. То обстоятельство, что тетрадь

⁸ А. И. Андреев (ред.). Краткий отчет о новых поступлениях за 1939—1946 гг. Л., 1951, стр. 12. (Гос. Публичная библиотека. Отдел рукописей).

⁹ И. А. Аренс ушел в отставку в 1877 году в знак протеста против неприкрытого казнокрадства, господствовавшего в русской армии в 1877—1878 годах.

¹⁰ О Е. И. Аренсе см.: Военная энциклопедия. Под ред. В. Ф. Новицкого. Изд-ва И. Д. Сытина, М., 1911, т. III, полутом V, стр. 17; С. А. Венгеров. 1) Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I. Изд. 2, Пгр., 1915, стр. 29; 2) Источники словаря русских писателей, т. I. СПб., 1900, стр. 101; Наука в России. Справочник. Научные работники Петрограда. М.—Пгр., 1923, стр. 5.

помечена датой 4 ноября 1885 года, т. е. временем возвращения из плавания, заставляет предположить, что запись Дудина сделана была для Аренса либо в самый последний момент на клипере «Стрелок», либо уже в Петербурге.

То, что об публикуемые ниже пьесы ставились на клипере, на котором находились офицеры-дворяне, и что тетрадь была передана офицеру же Аренсу, несомненно наложило известную печать осторожности на тексты записи. Однако и сквозь «автоцензуру» Дудина пробивается ироническое и неодобрительное отношение «автора» к царю Максимилиану. Так, в сцене с кузнецом, где в ответ на слова царя Максимилиана:

Приходи в субботу,
Заплачу за работу,
Дам тебе монет,
Которых 30-ть лет
В кармане нет —

кузнец говорит: «Век бы у тебя и не было». «Автоцензура» Дудина видна и в сокращении предсмертной реплики Палача, в которой отсутствует имеющееся в некоторых текстах этой драмы осуждение царя Максимилиана. Текст «Шайки разбойников», в особенности в части, представляющей сценку «Барин и староста», более свободен от «автоцензуры».

Текст «Шайки разбойников» интересен еще тем, что в самом конце его перечисляются имена разбойников, которые встречаются только в записи Н. Е. Ончукова.¹¹ Существует мнение, что в последней записи это позднее наслоение, чуть ли не начала XX века. Наличие тех же имен, вплоть до Карикатуры (и притом в литературной форме!), в записи В. Дудина опровергает эту точку зрения.

Сопоставление текста «Царя Максимилиана» в записи В. Дудина с текстом «Царя Максемьяна и его непокорного сына Одольфа», опубликованным Н. Н. Виноградовым (см. выше прим. 7), показывает их близость, но не идентичность.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в обоих текстах отсутствует роль Венеры. Н. Н. Виноградов отметил, что в использованной им рукописи роль Венеры была вымарана, и высказал правдоподобное предположение, что удаление этой роли вызвано отсутствием лиц, которые могли бы исполнить роль богини. У Дудина Венера вовсе не упоминается. В записи-пересказе Э. Э. Ухтомского Венера среди действующих лиц имеется.¹²

В литературном отношении аренсовский текст «Представления Царя Максимилиана» интересен еще тем, что последняя реплика Племянника Мамаю:

Пускай моя душа идет в ад
И там будет нетленна —

является утратившими размер заключительными словами Дмитрия из трагедии Сумарокова «Дмитрий Самозванец»:

Ступай душа во ад и буди вечно пленна!

¹¹ Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, стр. 70—87 («Шлюпка»).

¹² Э. Э. Ухтомский, ук. соч., стр. 6. Кстати, отмечу, что Ухтомский утверждал, будто «весьма странный трагикомический и в значительной степени сатирический сюжет <«Царя Максимилиана»> русскими матросами давно уже заимствован из иностранных флотов <и> радикально переработан нашими балагурами на новый лад» (там же). В книге Ухтомского «Из путевых набросков и воспоминаний» (СПб., 1904) рассказ о представлении «Царя Максимилиана» отсутствует.

В монологе Племянника Мамая обращает на себя внимание длинная и совершенно не связанная с содержанием «Царя Максимилиана» цитата. Это выдержка из стихотворения И. И. Дмитриева «Ермак» (1794).

Замечу также, что «слава», которую поют придворные Максимилиана победителю Анике:

Хвала, хвала тебе, герой,
Что град Антон спасен тобой,

сейчас может быть точно возведена к литературному оригиналу. Комментируя текст «Царя Максимилиана» в изданной мной «Русской народной драме XVII—XX веков», по поводу этих стихов я писал: «Возможно, что эти строки взяты из каких-то хвалебных стихов, связанных с Отечественной войной 1812 г. и приноровленных к тексту „Царя Максимилиана“». ¹³ В самом деле, в «Летописи русского театра» П. Н. Арапова сообщается, что в 1813 году на сцене петербургского театра ставился «дивертисмент с пением» «Праздник в стане союзных армий», где имелся куплет в честь графа П. Х. Витгенштейна:

Защитника Петрова града
Велит нам славить правды глас!
Его был Витгенштейн ограда,
И враг не смел итти на нас.
Хвала тебе, наш вождь, герой,
Что град Петров спасен тобой.¹⁴

В ареновской тетради «Матросские песни и пьесы», как указывалось, находятся записи двух песен. Записи эти сделаны другими лицами. Первая представляет переделку казацкой, «кавказской» песни, приноровленной к обстоятельствам войны 1877—1878 годов; в припеве

Гремит слава трубой,
Мы дралися, враг, с тобой.
По горам твоим, Дунай,
Раздалась слава об нас

совершенно явно слово «Дунай» поставлено вместо «Кавказ». Что песня эта казацкого происхождения, видно из второго, тоже переделанного куплета:

Оставляем свои дома
Свои родные страны,
С нетерпеньем поспешаем
На турецкие границы.

Очевидно, «страны» поставлено вместо «станицы», в результате чего исчезла рифма.

Вторая песня — известная «Станем-ка, жонушка, домик наживать».

Печатаю ниже записи В. Дудина, я только раскрыл многочисленные сокращения и устранил орфографические и пунктуационные ошибки, сохраняя во всем прочем оригинал в неприкосновенности. Круглые скобки принадлежат В. Дудину, квадратные применяются при восстановлении зачеркнутых частей текста, ломаные принадлежат автору публикации.

Песню «Гремит слава трубой» я предполагаю опубликовать позднее,

¹³ Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1953, стр. 338.

¹⁴ П. Н. Арапов. Летопись русского театра. СПб., 1861, стр. 220.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЦАРЯ МАКСИМИЛИАНА

Песня

Ездил русский белый царь и проч.

(оканчивается на слове:)

Много побрал городов.

Выход царя

Здравствуйте, все почтеннейшие господа!
 Вот и я прибыл сюда;
 За кого вы меня почитаете? За русского
 Или короля французского?
 Я ни есть царь русский
 И ни есть король французский.
 Я есть сильный и славный царь Максимилиан!
 На голове имею корону,
 На плечах порфиру,
 В руках скипетр и держава!
 Да будет всей Европе слава! Слава!
 Топну я о землю ногой, земля потрясется;
 Взгляну я на море, корабль всколыхнется.
 Азия, Африка и Америка, и те все вострепещут.
 Горы и доли, и те все раздадутся.
 Для кого же сей трон снаряжен,
 Как не для меня, грозного царя Максимилиана?
 Сяду я на сей трон и буду судить сына своего Адольфа.

Царь

Явись, скороход-фельдмаршал,
 Пред трон своего монарха.

Скороход

О великий император, грозный царь Максимилиан!
 Зачем скорохода-фельдмаршала призываешь?
 Или что делать повелеваешь?

Царь

Подите и принесите мне скипетр, державу и на голову мою царскую корону.

Хор

Мы к царю идем,
 Злат венец несем,
 На главу (царю) наденем,
 На трон царя взведем.

Выход царя (вынимая меч)

Защитники мои, обнажите мечи свои!

Выход Аники-воина

Видите ли? Зрите ли?
 У царя Максимилиана на главе корона,

На плечах порфира,
В руках скипетр и держава.
Да будет всей Европе слава!

Песня

Славься, славься, Русь святая!
Славься, русская земля.

Царь

Скороход-фельдмаршал,
Явись перед трон своего монарха.

Скороход (подходит)

О великий император, грозный царь Максимилиан!
Зачем скорохода-фельдмаршала призываешь?
Или что делать повелеваешь?

Царь

Поди и приведи ко мне непокорного сына моего Адольфа.

Скороход

Пойду
И приведу.

Адольф (подходит)

О дражайший мой родитель,
Всего мира покоритель!
Зачем сына своего Адольфа призываешь?
Или что делать повелеваешь?

Царь

О любезный мой сын Адольф!
Я слышался тобою,
Что ты похваляешься мною;

Будто бы ты построил хрустальный дворец и живешь с одной принцессой. Скажи мне, веруешь ли ты нашим кумирским богам.

Адольф

Я ваши боги
Топчу под ноги,
А верую во единого Иисуса Христа
И целую его во уста.

Царь

Прочь, дерзкий и непокорный сын!
Ты видишь, у меня на голове царская корона,
На плечах порфира, в руках скипетр и держава!
Я тебя могу казнить и миловать.
Скороход фельдмаршал,
Явись перед трон своего монарха.

Скороход

О великий, грозный царь Максимилиан!
Зачем скорохода-фельдмаршала призываешь
Или что делать повелеваешь?

Царь

Поди и отведи непокорного сына моего Адольфа в темницу на три
[года] дня на хлеб и воду.

Песня

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест,
Сколько горестей смертельных
Мне в разлуке должно снести и т. д.

Выход Араба

Здравствуйте, все почтеннейшие господа.
Вот и я прибыл сюда
Из Арабского царства,
Из Арабского государства,

Защитить любезного друга своего Адольфа. Позвольте мне пропеть
любимую мою песню.

Царь

Пропой, пропой,
Черт с тобой!

Араб

Гусар на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял,
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая он сказал:
Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить,
Клянусь я честью и усами,
Любви не изменить.
В любви непобедима сила,
Она мой верный щит в войне,
Булат в руке, а сердце нило,
Чего, чего страшиться мне.
Здравствуй, распроклятый, грозный царь Максимилиан,
Победитель всех восточных стран!
Много ты побеждал королей,
Сильных и могучих богатырей,
Но нет, меня не победишь.
Я к тебе пришел не пир пировать
И не год годовать,
А я к тебе пришел биться, рубиться,
На острых мечах потешиться.
Дай мне такого сильного и славного рыцаря
Или могучего богатыря,
С которым бы я мог биться,

Рубиться,
 На острых мечах потешиться.
 А естли ты мне не дашь,
 То я все твое царство пожгу, поплению,
 И тебя, грозного царя Максимилиана, в плен возьму.

Ц а р ь

Прочь, дерзкий!
 Что ты об моем царстве хлопочешь,
 Или ты от моей непобедимой руки смерти хочешь?
 Ты знаешь, я прикажу тебя привязать к конскому хвосту
 И отправить в Арабскую страну.

А р а б

Давай, давай немедленно!
 Сердце горит,
 Кровь кипит,
 На острых мечах потешиться велит.

Ц а р ь

Скороход-фельдмаршал!
 Явись перед трон своего монарха.

С к о р о х о д

О великий император,
 Грозный царь Максимилиан!
 Власть имеешь повелевать.
 На что скорохода-фельдмаршала призываешь
 Или какие дела повелеваешь?

Ц а р ь

Поди приведи верного защитника
 Града Антона Анику-воина.

С к о р о х о д

Пойду и приведу верного защитника
 Града Антона Анику-воина.

А н и к а

О великий император,
 Грозный царь Максимилиан!
 Зачем Анику-воина призываешь,
 Или что делать повелеваешь?
 Или я в чем провинился,
 Или мой булатный меч притупился?
 Или я стал глуп,
 И мой булатный меч стал туп?
 Или под мою руку сопотивник есть?

Ц а р ь

Нет, ты мне ни в чем не провинился,
 И твой булатный меч не притупился и т. д.
 Подступает под наш град

Распроклятый черный Араб,
Хочет все наше царство пожечь и попленить
И меня, грозного царя Максимилиана, в плен взять.

Поди защити град Антон и покажи силу могучую.

Аника

Пойду и защищу.

Выход Аники

Фу! Что я вижу, что я слышу:
Подступает под наш град
Распроклятый черный Араб,
Хочет все наше царство пожечь, попленить и т. д.
Но нет, этого не будет!
Ты что, распроклятый черный Араб хлопочешь?
Или от моей непобедимой руки смерти хочешь?
Ты знаешь, я много раз у вас в Арабии бывал
И вас, чернокожих, побивал,
А ты тогда где бывал?

Араб

Естли б ты к нам в Арабию пришел,
То б своего праха не нашел,
А естли бы ты на меня, рыцаря, наткнулся,
То вмиг к моим ногам бы подвернулся.

Аника-воин

О дерзкий! Чем нам на сем месте хвалиться,
Лучше выйдти в заповедные луга побиться,
Кто же кому покорится,

Араб

Давно готов.

(Араб и Аника сходятся. С 3-м счетом Араб падает.)

Слова Аники-воина

Спи, герой, в земле сырой!
Твой прах покрыт густой травой.
Над твоей дурной головой
Шумит лес зеленый, густой.
Твой ретивый конь в чистое поле убежал,
Твой крепкий щит
В мелкие дребезги¹⁵ разбит.

Аника

Вот тебе, грозный царь Максимилиан,
Защитил град Антон
И показал силу могучую.

¹⁵ В тексте: дребиз.

Ц а р ь

Воздать хвалу герою!

Х о р

Хвала, хвала тебе, герой,
Что град Антон спасен тобой.

*(Здесь 2-й раз царь призывает сына Адольфа, затем уже выходит
Змиулан.)*

Выход турецкого рыцаря Змиулана

На сию площадь выбегаю
И я всем вам объявляю:
Я есть тот,
Что не возьмет меня сам черт.
А ты что, грозный царь Максимилиан,
Победитель всех восточных стран,
Царей ты устрашаешь
И богатырей побиваешь,
В пепел превращаешь.
Но нет, меня не превратишь.
Я пришел к тебе не год годовать
И не пир пировать.
А пришел биться,
Рубиться,
На острых мечех потешиться.

Ц а р ь

Ты что, распроклятый Змиулан, хлопочешь?
Или ты от меня полцарства хочешь?
Я тебя прикажу привязать к конскому хвосту
И отправить в Турецкую страну.
Явись, скороход-фельдмаршал,
Перед трон своего монарха.

С к о р о х о д

О великий император,
Грозный царь Максимилиан!
Зачем скорохода призываешь
Или какие дела делать повелеваешь?

Ц а р ь

Поди и приведи ко мне Анику-воина,
Града защитника!

А н и к а

О великий император,
Грозный царь Максимилиан!
Зачем Анику-воина призываешь?
Или какие дела делать повелеваешь? и т. д.

Ц а р ь

Подступает под наш град
 Распроклятый Эмиулан
 И хочет все наше царство пожечь, попленить
 И меня, грозного царя Максимилиана,
 В плен взять.

Поди и защити град Антон и покажи силу могучую.

А н и к а

Пойду и защищу.

С л о в а А н и к и

Фу! Что я вижу, что я слышу?
 Подступает под наш град
 Распроклятый Эмиулан,
 Выхваляется дерзкими словами,
 Хочет все наше царство пожечь, попленить
 И грозного царя Максимилиана
 В плен взять.
 Но нет, того не будет.
 Ты что, распроклятый Эмиулан, хлопчешь?
 Или от моей непобедимой руки смерти хочешь?
 Ты знаешь, я много раз у вас в Турции бывал
 И вас, негодяев, побивал.
 Ты где тогда бывал?

Э м и у л а н

Если бы ты к нам в Турцию пришел,
 То б своего праха не нашел,
 А если бы на меня, храброго рыцаря, наткнулся,
 То вмиг к моим ногам бы подвернулся.

А н и к а

О дерзкий! Чем нам на сем месте хвалиться,
 Лучше пойдем в заповедные луга побиться
 Да кто ж кому покорится.

Э м и у л а н

Давно готов!

(Оба сходятся. После второго удара Аники-воина Эмиулан становится на одно колено и говорит:)

Стой! Стой!
 Товарищ, душа мой!
 Как поедешь ты домой,
 То скажи маменьке родной
 И жене моей молодой,
 Что я женился на другой.
 Жена моя угрюма и страшна,
 В чистом поле цветами убрана.

Нас сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрела.

А н и к а

Ты спишь или бредишь?

Э м и у л а н

Брежу.

А н и к а

Вот мой острый меч, я тебе голову срежу.

(После этого приема Эмиулан падает на землю.)

А н и к а *(говорит)*

Ты спи, герой, в земле сырой,
Твой прах покрыт густой травой,
Над твоей дурной головой
Шумит лес зеленый, густой.
Твой ретивый конь в чисто поле убежал,
Твой крепкий щит
В мелкие дребезги разбит.
Твоя палица боевая
На мелкие части разбитая.
Предаю тебя вторично смерти.

(Аника побивает Эмиулана, говоря:)

Вот тебе, царь, услуга,
А мне хвала за победу.

Ц а р ь

Воздать Анике-воину хвалу!

Х о р

Хвала, хвала тебе, герой, и т. д.

(Это пропущено и следует это поместить впереди выхода рыцаря Эмиулана.)

Ц а р ь

Скороход-фельдмаршал,
Явись перед трон своего монарха.

С к о р о х о д

О великий император,
Грозный царь Максимилиан!
Зачем и т. д.

Ц а р ь

Поди и приведи ко мне непокорного и непослушного моего сына,
Адольфа.

С к о р о х о д

Пойду и приведу.

Адольтф

О дражайший мой родитель,
 Всего мира покоритель!
 Зачем сына Адольфа призываешь и т. д.

Царь

Любезный мой сын Адольф! Сидел ты три [года] дня в темнице и помирал голодною смертию. Спрашиваю я тебя [последний раз] вторично: одумался ли ты? веруешь ли ты нашим кумирским богам?

Адольтф

Я вам сказал, что ваши боги
 Кладу под ноги,
 В грязь топчу,
 Веровать не хочу,
 А верую во Иисуса Христа
 И целую его во уста.

Царь

С глаз скройся, дерзкий и недостойный!
 (Минутное молчание.)

Царь

Ах, Адольф, Адольф! Я хотел тебе представить красавиц из 12-ти государств, из которых мог бы ты выбрать себе законную жену, и вручил бы я тебе скипетр и державу и на главу твою злат венец, а теперь заморю я тебя голодною смертию.

Адольтф

Дражайший мой родитель, красавицы меня не прельщают и жениться я не намерен, а что касается до моей смерти, я ее не боюсь.

Царь

Скороход-фельдмаршал,
 Явись перед трон своего монарха.

Скороход

О великий император, грозный царь Максимилиан,
 Зачем скорохода призываешь и т. д.

Царь

Поди и приведи ко мне придворного кузнеца Максима.

Скороход

Пойду и приведу.

Кузнец

Пойду и явлюсь к царю.
 О великий император, грозный царь Максимилиан,
 Зачем кузнеца Максима призываешь и т. д.

Ц а р ь

Зри непокорного моего сына Адольфа и навесь на него в 20 пуд тяжелые цепи.

К у з н е ц

Пойду и навешу на непокорного твоего сына Адольфа в 20 пуд тяжелые [латы] цепи. Навесил, позвольте за работу, ваше величество.

Ц а р ь

Приходи в субботу,
Заплачу тебе я за работу,
Дам тебе монет,
Которых 30 лет
В кармане нет.

К у з н е ц (про себя)

Век бы у тебя и не было.

Ц а р ь

Скороход-фельдмаршал,
Явись перед трон своего монарха и т. д.

С к о р о х о д

О великий император, грозный царь Максимилиан,
Зачем скорохода призываешь и т. д.

Ц а р ь

Поди и отведи непокорного моего сына Адольфа в пустыню, на три месяца на хлеб и на воду.

П е с н я

Умолкни, дикая дуброва.
Дай мне подумать, погадать.
На утро казнь моя готова,
Мечу булатному сверкать.

(Здесь следует продолжение роли Персидского рыцаря Эмиулана, а после этого в 3-й раз царь призывает Адольфа.)

Ц а р ь

Скороход-фельдмаршал,
Явись перед трон своего монарха и т. д.

С к о р о х о д

О великий император, грозный царь Максимилиан,
Зачем скорохода призываешь и т. д.

Ц а р ь

Поди и приведи непокорного моего сына Адольфа.

С к о р о х о д

Пойду и приведу Адольфа.

А дольф

О дражайший мой родитель и т. д.

Царь

Любезный мой сын Адольф, дел я тебе никаких не повелеваю, а только в 3-й и последний раз я тебя спрашиваю и надеюсь, что ты одумался и не захочешь в таких цветущих летах оставить честь и славу, которая ожидает тебя на сем свете, и помереть голодною смертию или позорною казнию. Скажи мне: веруешь ли ты нашим кумирским богам?

А дольф

Дражайший мой родитель,
Всего мира покоритель,
Я давно одумался и мыслей своих не переменю,
А ваши боги
Дерзаю бросить под ноги,
В грязь топчу,
Веровать не хочу.
Верую во Иисуса Христа
И целую его во уста.

Царь

Прочь, дерзкий. Ты видишь, что у меня на главе корона, на плечах порфира, в руках скипетр и т. д. Я могу тебя миловать и казнить. Скороход-фельдмаршал, явись перед трон грозного царя Максимилиана.

Скороход

О великий император, грозный царь Максимилиан,
Зачем скорохода призываешь и т. д.

Царь

Поди и приведи ко мне палача Брамбеуса, который сидел 35 лет в темнице.

Скороход

Пойду и приведу палача Брамбеуса.

Выход палача Брамбеуса
Я палач, я Брамбеус!

Скороход

Это что у тебя за сабля?

Палач

Это не сабля, а бритва; бреет бороды
И не оставляет на плечах головы.

Скороход

Оставь ее здесь.

Палач

Как же я явлюсь к царю?

Скороход

Брось, я тебе говорю.

Палач

Возьми, черт с тобой.

Палач (подходит к царю)

О великий император, грозный царь Максимилиан,
Зачем палача Брамбеуса призываешь,
Или что делать повелеваешь,
Или под мою дерзкую руку сопотивник есть? и т. д.

Царь

Верный и покорный мой палач Брамбеус,
Ты мне ни в чем не провинился,
И твой булатный меч не притупился.

Зри твоего любимого и моего непокорного сына Адольфа. Выведи его на лобное место и предай его злой смерти; а если ты не казнишь, то я с тебя голову сниму и похороню тебя в болото, поставлю над тобою деревянный столб и напишу на черной доске, что тут зарыт непокорный палач Брамбеус; а если ты казнишь, то по смерти твоей похороню я тебя на высоком холме, на желтом песке и поставлю над тобою мраморный памятник и напишу золотыми литерами: Здесь покоится прах придворного палача Брамбеуса.

Палач

Пойду и выведу непокорного твоего сына Адольфа на лобное место и предам злой смерти.

О, боги! Боги! Тридцать пять лет сидел я в темнице, голов не рубил и свой острый меч не тупил, а теперь пришлось.

Данное царю слово не изменить,
С Адольфа голову срубить.

Песня

Прощаюсь, ангел мой, с тобою,
Прощаюсь с счастьем моим;
Увы, я принужден судьбою
Под кровом неба жить один.
Настал последний час разлуки,
Прости, душа моя, прости.

Выход римского посла

(Здесь нужно всем, кто имеет оружие, т. е. холодное оружие, должны стать друг против друга и скрестить накрест свои сабли, загородить дорогу к царю и трону. А римский посол должен скорым шагом подойти с обнаженной саблей и ударить по саблям снизу и тем проложить себе дорогу к царю и говорить приготовленную речь. А палач стоит в стороне и саблю опять возьмет.)

Посол

О ты, грозный царь Максимилиан!
 Не прикажи казнить,
 А прикажи римско-католическому послу речь говорить.

Царь

Говори, говори, посол.

Посол

Сей плачевный вид твоего наследника сына.
 Ему пала честь и слава Рима!
 Он был герой,
 И я пал на колено пред тобой.

(Посол преклоняет одно колено.)

Не прикажи казнить,
 А прикажи римско-католическому послу речь говорить.

Царь

Говори, говори, дерзкий посол.

Посол

Кого ты именно из победителей губишь?
 Он рыцарей и царей не боится,
 Готов насмерть с тобой сразиться.

(При этом посол топает ногою 1 раз, делает прием саблей и ожидает ответа.)

Царь

Прочь, дерзкий посол.

Посол

(также топая ногою и взмахивая саблей, говорит:)

О варвар, убийца! Кровопроливец!

(Уходит со сцены.)

Песня

Не слышно шуму городского,
 За Невской башней тишина,
 И на штыке у часового
 Горит полночная луна.

Царь

Что за песни! Казнить, так казнить.

Палач

Рука не поднимается; прикажи, царь, открыть все трактиры, погреба
 и питейные дома для палача Брамбеуса,

Чтоб я мог пить, гулять и веселиться,
 А потом уже над Адольфом гордиться.

Ц а р ь

Скороход-фельдмаршал, явись перед трон и т. д.

С к о р о х о д

О великий император, грозный царь Максимилиан,
Зачем скорохода призываешь и т. д.

Ц а р ь

Поди и возвести по всем четырем странам моего государства, чтобы открыли везде все трактиры, погреба и питейные дома для палача Брамбеуса.

С к о р о х о д

Пойду и возвещу по всем четырем странам и т. д.

П а л а ч

(*держа бокал в руке и говоря*)
Выпей, государь.

Ц а р ь

Поднеси Адольфу.

П а л а ч (*вынимая саблю*)

Я поднесу,
Всю брюшину разнесу,
А если стаканчиком опохмелю,
То он не найдет башки своей неделю.

Изжарю на этом ноже, гуся лапчатого. Прощайся, Адольф!

А д о л ь ф

Когда я жил на воле,
Тогда у меня друзей было довольно,
А когда несчастье на меня пало,
То и друзей у меня не стало;
Прощай, род,
Прощай, народ,
Прощай, священная обитель,
Прости и ты, отец, душегубитель.

П а л а ч

О любезный Адольф, казните вы меня.

А д о л ь ф

Нет, любезный мой палач Брамбеус. Я вас казнить не могу, а казните вы меня.

П а л а ч

О любезный Адольф,
Как я люблю тебя сердечно,
Так и погублю тебя навечно,
За что тебя любил,
За то и голову срубил.

(*Адольф падает сраженный.*)

П а л а ч (говорит)

Сабля моя острая, железо мое ржавое,
Пронзи, пронзи ретивое мое сердце!
(Оба вместе падают мертвы: Адольф и палач.)

Ц а р ь

Скороход-фельдмаршал,
Явись перед троном своего монарха.

С к о р о х о д

О великий император, грозный царь Максимилиан,
Зачем скорохода призываешь и т. д.

Ц а р ь

Поди и приведи ко мне стариков-гробокопателей.

С т а р и к и

Здравствуй, батюшко царь Максимилиан!
Зачем стариков гробокопателей призываешь,
Или что делать повелеваешь?
Или под нашу руку сопотивник есть?
(При этом старики подняли свои палки.)

Ц а р ь

Вот, старинушки, уберите эти тела, чтобы они сверх земли не тлели,
Дождь бы их не мочил,
И червь не точил.

(Старики вместе)

Черти не утащат.

С т а р и к и

Это, барин батюшко, не наше дело.

Ц а р ь

Как не ваше дело? Послужите, старинушки. Я вам буду платить погонные.

С т а р и к и

Ты нас прогонишь?

Ц а р ь

Я говорю, буду вам за труды платить погонные.

С т а р и к и

Это бы не худо, барин батюшко, а поскольку именно?

Ц а р ь

Да по 25 линьков в спину; а мало, так сто,
И пропадет ваша служба ни за что.

Старики (между собою)

Давай, скажем, что не здоровы, давай.

Мы и так не здоровы, барин батюшка.

Царь

Так вас нужно полечить?

Старики

Знамо, что надо помочить.

Царь

Скороход-фельдмаршал,
Явись перед троном и т. д.

Скороход

О великий император, грозный царь Максимилиан,
Зачем и т. д.

Царь

Поди и попроси сюда доктора, лекаря
И притом главного аптекаря.

Скороход

Пойду и попрошу.

Доктор

Здравствуй, грозный царь Максимилиан!
Здравствуйте и вы все, почтеннейшие господа;
Я прибыл к вам из Англии сюда.
За кого вы меня почитаете, за лекаря
Или за аптекаря?
Я не есть лекарь
И аптекарь,
Я есть главный доктор Фома;
У меня лекарство: пластырь и сулема;
Я живых лечу,
Из мертвых кровь мечу;
Больных поправляю,
На тот свет отправляю;
Ко мне приходят на ногах,
От меня увозят на дровнях.
Зачем, грозный царь, главного доктора призываешь
Или какие дела делать повелеваешь?

Царь

А полечите вот стариков-гробокопателей.

Доктор (спрашивает одного)

Старик,
Что у тебя болит?

1-й старик

Да я, право, забыл, что у меня болит.
Мокей, а Мокей, что у меня болит?

2-й (отвечает)

А мы с тобой вчера каши объелись, так у тебя болит пузо.

1-й

У меня, барин батюшко, болит пузо.

Доктор

На твое пузо нужно горшок накинуть
И тебя ближе к гробу придвинуть,
Крышкой закрыть,
Да землей завалить.

Доктор

А у тебя, старинушка, что болит?

2-й старик

Ах! И я забыл, барин батюшко. Постою, я спрошу Потракея. Потракей, а Потракей, што у меня болит?

1-й

У тебя болят зубы.

2-й старик

У меня болят зубы, барин батюшко.

Доктор

Твои зубы нужно выдергать. Фельдшер, выдергай старику большие зубы.

Старик

Нет, не надо. У меня всего только один зуб,
И тот торчит, как сук.¹⁶

Доктор

Значит, тебе нужно их заговорить.

Старик

Вот это бы не худо загородить, барин батюшко.

Доктор

Ну, говори за мной, старик, ну, городи за мной:
Зубы мои зубы,
Отвалитесь, нос и губы.

Старик

Нет, не надо. А чем же я буду табачок-то нюхать.

¹⁶ В тексте: как сук торчит.

Доктор

Ну, говори за мной:
Зубы мои и десны,
Болите зиму и весну.

Старик

Нет, не надо.

Доктор

Ну, говори за мной:
В зубах черви, черви сохнут,
А старые старики глохнут.

«Старик»

Нет, нет, не надо.

Старики (оба вместе)

Позволь, батюшко царь Максимилиан, отпеть нам мертвое тело.

Царь

Отпевайте, отпевайте, старинушки.

Старики

Явились Мощи
В осиновой роще;
Три полена в головах,
При фартучках;
И шильца в руках,
И щетинка в зубах:
Должно быть сапожник был.

(Потом старики обыскивают покойников и потом уносят.)

Песня

Посол (от Мамаю)

Здравствуй, грозный царь Максимилиан. Вот тебе от царя Мамаю дорогие подарки (и подает пакет).

Царь

Фу, царь Мамай, какую чепуху плетет. Хочет от меня получить дорогие подарки. (При этом царь Максимилиан, обнажив свою саблю и топя ногою, отвечает:) Слушай, посол, поезжай и скажи своему царю Мамаю. Вот ему от меня дорогие подарки:

Пули встречу,
Ядра вдогонку,
Каленые стрелы по бокам
И на его босурманскую голову.
Держу меч в противоположную сторону.

Выход Мамаю

Хожу и гуляю по чистому полю,
По широкому раздолью;
Ищу я себе встречного

И поперечного,
 С кем бы я мог побиться,
 Порубиться,
 На свой острый меч потешиться;
 А ты что, грозный царь Максимилиан, всех царей
 устрашаешь

И богатырей побиваешь,
 Все в пепел превращаешь.
 Нет, меня не превратишь.
 А нет ли мне здесь с кем побиться,
 Порубиться,
 На свой острый меч потешиться?

Ц а р ь

Ты что за птица?

М а м а й

А ты что за зверь?

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Я ни есть зверь, а я есть сильный и храбрый царь Максимилиан, на
 голове имею корону, на плечах — порфиру,

В руках скипетр и держава,
 Да будет всей Европе слава, слава.
 Встану я на землю — земля потрясется,
 Взгляну на синее море — корабль всколыхнется и т. д.

М а м а й

Я не есть птица, я есть сильный и храбрый царь Мамай!
 Мой меч с неба звезды рвет
 И весь вольный свет в кулак жмет.

Ц а р ь М а к с и м и л и а н

Фу, дерзкий! Чем нам на сем месте хвалиться,
 Лучше выйдем в заповедные луга побиться,
 Да кто ж кому покорится.

М а м а й

Давно готов.

(И после трех ударов Мамай падает на землю.)

Выход племянника «Мама я»

Дух твой во мне пылает,
 И больше гнев мой возрастает.
 Пойду и отомщу за смерть моего дяди.
 Выхожу я на рать силу великую,
 На побонще смертное,
 На кровопролитие ужасное.
 О боги! боги! Какое зрелище пред очи представляют.
 Признаки угрюмых облаков в луне я зрю.
 Иртыш, Куртыш сверкает,

Высокий берег подымает,
 Высокий берег и крутой,
 Покрытый пеною [морской] густой;
 И вот я вижу один млад, другой с бородой;
 Одежда у них из звериных кож;
 На поясах висел широкий нож;
 Груды у них были увешаны ремнями
 И мелкими ржавыми кремнями;
 Во ужаси сердца моего происходящем
 На каждом вижу я наряд,
 Булатные мечи висят;
 Два уступчатых тимпана,
 Два вирстоновых копья,
 Два сибирские ширмана,
 В них внимаю слово я.
 Но страшные какие для меня невзгоды,
 Который для меня поддерживал венец,
 Гремевшему славою Царству
 И роду нашему конец. Теперь постиг ты, милый дядя,
 Свой плен и горькую судьбу.
 Твои народы расточены,
 Как вихрем в прах разметены.
 А ты, Кучум, враг вселенной!
 Твой прах погиб в чужих руках.
 О боги, боги!
 Что я вижу.

Мой дядя лежит мертв, от которого было мне наследство: полцарства и венец. А ты, Магомет, нанес мне горести и печали.

Нет, нет, не хочу этого бесчестия терпеть.
 Мне лучше вместе с дядей помереть.
 Пускай моя душа идет в ад
 И там будет нетленна.

(Колет себя в грудь и падает рядом с дядей мертв.)

Царь Максимилиан

Собаке собачья и смерть.
 Скороход-фельдмаршал, явись перед троном и т. д.

Скороход

О великий император, грозный царь Максимилиан,
 Зачем и т. д.

Царь

Поди и приведи ко мне стариков-гробокопателей.

Скороход

Пойду и приведу. Старики, отправляйтесь к царю за наградой.

Старики

Здравствуй, батюшко царь Максимилиан.
 Зачем стариков-гробокопателей призываешь и т. д.

Ц а р ь

Вот, старинушки, уберите это тело,
Чтобы оно сверх земли не тлело и т. д.

С т а р и к и

Это не наше дело, царь батюшко.

Ц а р ь

Как не ваше дело, послужите старинушки, я вам буду платить погонные.

С т а р и к и

Вот это бы хорошо. Мокей, давай спросим поскольку. Давай, Потракей, и т. д.

Ц а р ь

Да по 25 линьков в спину,
А мало, так по 100,
И пропадет ваша служба ни за что.

С т а р и к и

Мы, царь батюшко, и так нездоровы.

Ц а р ь

Вас надо полечить?

С т а р и к и

Да, полечить.

Ц а р ь

Скороход-фельдмаршал,
Явись перед троном и т. д.

С к о р о х о д

О великий император, грозный царь Максимилиан и т. д.

Ц а р ь

Поди и позови ко мне главного лекаря и т. д.

Д о к т о р

(Здесь продолжать так же, как сказано выше: стариков вылечить, тела похоронить.)

В ы х о д А н и к и - в о и н а

Ходил я гулял по всем 4-м странам,
Искал я себе противника,
С кем бы мог побиться,
Порубиться,
На острый мой меч потешиться.
О горы мои, горы;
Леса мои, лесочки.
Кто есть здесь жив человек?

Выходи, голову срублю
И в грязь втопчу.

(На голос Аники-воина выходит смерть.)

С м е р т ь

Здравствуй, Аника-воин!

А н и к а

Ты что за баба? Что за пьяница?

С м е р т ь

Я не баба, я не пьяница.
Я есть смерть, твоя красавица.

А н и к а

По всем дворам и чередам прошла,
А зачем ко мне пришла?

С м е р т ь

Я пришла тебя загубить,
С тебя голову срубить.

А н и к а *(становится на колени)*

Смерть, моя мати! Дай мне жизнь на три года.

С м е р т ь

Нет! Тебе житья на три месяца.

А н и к а

Смерть, моя мати! Дай мне житья на три месяца.

С м е р т ь

Нет! Тебе житья на три часа.
Вот тебе моя острая коса,
А я уйду в дремучие леса.

(Аника падает на землю и его кладут на оружие, несут и поют погребальную песнь.)

П е с н я

Померла наша надежда;
Помер рыцарь молодой.
Руки к сердцу приложимши,
Грудь накрыли полотном.
Громко певчие запели,
На кладбище понесли,
На кладбище приносили,
Застонала вся земля.
Вся вселенная сказала,
Что погибшая душа.

Ц а р ь (выходит на сцену)

О боги, боги! Кого я лишился. Лишился я любезного моего сына Адольфа, палача Брамбеуса и притом же града защитника Аники-воина. А вы, друзья, хоть бы меня повеселили. Спойте мою любимую песню:
Уж вы сени мои, сени.

(Под эту песню нужно плясать.)

К о н е ц

ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВ

П е с н я

Ты позволь, позволь, хозяин
В новую горницу взойти,
В новую горницу взойти,
Слово вымолвить.

Б а р и н

Фу, проклятая телега. Ехал шагом и запылится, точно на почтовых прискакал.

(В трактире)

Трактирщик новый!

Х о з я и н

Что прикажешь, барин голый?

Б а р и н

Нет ли у вас особой комнаты для моих вещей, которых у меня сроду не бывало.

Х о з я и н

Есть самые лучшие, петербургские, в которых собаки спят.

Б а р и н

Афонька малый!

С л у ж и т е л ь

Что изволишь, барин пьяный?

Б а р и н

Шампанское есть у вас?

А ф о н ь к а

Есть, барин, самое лучшее, петербургское.

Б а р и н

Подай мне стакан холодной воды.

А ф о н ь к а

Вот почтеннейшие господа, у нашего барина шампанское в воду превратилось.

Б а р и н

Прочь, грубиян, не твой расчет.

(Афонька отскакивает назад.)

Б а р и н (утром)

Афонька малый!

А ф о н ь к а

Что прикажешь, барин пьяный?

Б а р и н

Подай мне кресло.

А ф о н ь к а

Изволь, барин.

Б а р и н

Афонька малый!

А ф о н ь к а

Что прикажешь, барин пьяный?

Б а р и н

Подай мне зеркало и расческу.

А ф о н ь к а

Изволь, барин.

Б а р и н

Афонька малый!

А ф о н ь к а

Что прикажешь, барин пьяный?

Б а р и н

Мы с тобой вчера, кажется, не дрались, не боролись, а от чего же это у меня волосы лезут.

А ф о н ь к а

Помилуйте, барин, теперь весна, всякая скотина линяет.

Б а р и н

Как, как! Ты меня, мерзавец, считаешь за скотину?

А ф о н ь к а

Никак нет — за порядочного господина.

Б а р и н

Смотри, не ошибайся.

Б а р и н

Афонька малый!

Афонька

Что прикажешь, барин пьяный?

Барин

А где мы вчера с тобой были?

Афонька

А у вашей Марьи Ивановны в гостях.

Барин

А что, хороша моя Марья Ивановна?

Афонька

Хороша. Как набелится, нарумянится, выйдет на улицу — лошади пугаются, а мужики ругаются.

Барин

Как, как!

Афонька

Как аленький цветочек.

«Барин»

Смотри, брат.

Барин

Афонька малый!

Афонька

Что прикажешь, барин пьяный?

Барин

Подай мне водки алой.

Афонька

А где она?

Барин

Там, в поставе.

Афонька

Какой черт там ее поставил?

Барин

Ну, на другом.

Афонька

Я и так обернулся раз 15 кругом.

Барин

Ну, посмотри в третьем.

Афонька

Нас обоих с тобой вчера выгнали плетью.

Барин

Прочь, грубиян.

Барин

Афонька, малый!

Афонька

Что прикажешь, барин пьяный?

Барин

Посмотри, не идет ли мой староста.

Афонька

Идет старичонко на худенькой клячонке.

Староста

Здравствуй, барин батюшко!

Барин

Здравствуй, почтеннейший старичок, кто ты такой и зачем приехал?

«Староста»

Я прежний ваш староста, который 35 лет на вашей шее мотаюсь и на отчете.

Барин

Фу, черт возьми, не мог узнать своего старосту.

Барин

Расскажи-ка, староста, мне, хорошо ли живут мои крестьяне?

Староста

Хорошо, барин батюшко.

Барин

А как?

Староста

Да в семи дворах один топор и тот без топорщица.

Барин

Как, как?

Староста

В каждом дворе по 7-ми топоров, а топорщица-то, барин батюшко, крашенные!

Барин

Это хорошо живут мои крестьяне.

Б а р и н

Староста, хорошо ли мои крестьяне занимаются хлебопашеством?

С т а р о с т а

Хорошо, барин батюшко.

«Б а р и н»

А как?

«С т а р о с т а»

Да один пашет, а 20 человек руками машет.

Б а р и н

Как, как?

«С т а р о с т а»

Каждый день по 100 сох выезжают.

«Б а р и н»

Хорошо же мои крестьяне занимаются.

Б а р и н

А как, староста, у моих крестьян хорош ли урожай хлеба?

«С т а р о с т а»

Хорош, барин батюшко.

«Б а р и н»

А как?

С т а р о с т а

Да колос от колоса —

Не слышно человеческого голоса.

«Б а р и н»

Как, как?

«С т а р о с т а»

Колос на колосе —

Не протащишь человеческого волоса.

«Б а р и н»

Это очень хорошо.

Б а р и н

Староста, а хороши ли у моих крестьян были покосы?

С т а р о с т а

Хороши.

«Б а р и н»

А как?

«Староста»

Да копна от копны будет 3 дня езды, а на моей клячонке 3 недели проскачешь.

«Барин»

Как, как?

Староста

Копна на копне и проезду нет.

«Барин»

Это очень хорошо.

Барин

Староста, а скажи мне, как моя мельница? Хорошо ли мелет и много ли?

«Староста»

Хорошо и много.

«Барин»

А как?

Староста

Да если изо всех ларей и со всех полочек сгрести, смести, то не из чего и лепешки испетчи.

«Барин»

Как, как?

«Староста»

Около семисот четвертей в сутки.

«Барин»

О, крестьяне мои хорошо занимаются земледелием. Я очень рад и благодарю тебя, староста, что ты хорошо управляешь моим имением.

Барин

Староста, послушай.

Староста

Что прикажешь, барин батюшко?

Барин

Крестьяне мои живут хорошо. Урожай хлеба хороший, покосы очень хороши. Скажи мне, собрал ли ты с крестьян оброк?

Староста

Собрал, барин батюшко.

Барин

Поскольку и с кого именно?

(Староста вынимает из сапога палку с зарубками и говорит:)

Слушай, барин батюшко, сколько с кого именно.

«Б а р и н»

Слушаю. Читай.

С т а р о с т а

С Хомки грош, с Еремки грош, а с Ворфоломейки одну копейку.

Б а р и н

Почему с него мало?

С т а р о с т а

Да он голый, как бес,
По 3 дня хлеба не ест,
А ребятишек-то полна изба.

(При этом староста так широко развел руками, что даже барина задел.)

Б а р и н

Тише, тише, староста, ты зубы выбьешь.

Б а р и н

Послушай, староста, мне больше с тобой теперь делать нечего. А дай мне отчет и поезжай.

С т а р о с т а *(плачет)*

Прогневал я царя-то небесного. Ох, батюшки мои светы. Дорога-то дальняя, морозы трескучие, а дожди-то текучие, а старик-то я старый; на Фомкин грош я выпил, на Еремкин-то грош закусил, а на Ворфоломейкину копейку табачку купил. Давай, барин батюшко, понюхаем.

«Б а р и н»

Нет, нет, староста, я не нюхаю. Вот, почтеннейшие господа, все мое именье, все приобретенья у старосты в табакерке. Я вижу, староста, ты пьян.

«С т а р о с т а»

Никак нет, барин батюшко.

«Б а р и н»

А ну-ко пройди по одной половице.

«С т а р о с т а»

Для вашей милости по всем пройду *(идет и шатается)*.

Б а р и н

Прочь, старый пес! Афонька малый!

А ф о н ь к а

Что прикажешь, барин пьяный?

«Б а р и н»

Где же ты теперь находился?

«Афонька»

В овине сушился.

«Барин»

А если б овин-то загорелся?

«Афонька»

Я бы вышел да погрелся.

«Барин»

Где же ты спасался?

«Афонька»

В красной лодочке катался.

«Барин»

А велика ли ваша лодочка?

«Афонька»

Велика не велика, а бочек 40 войдет.

«Барин»

Кто у вас был за управителя?

«Афонька»

Руль.

«Барин»

Кто за установителя?

«Афонька»

Якорь.

«Барин»

Кто за наибольшего?

«Афонька»

Мачта.

«Барин»

Кто же, наконец, был у вас на ней за старшего?

«Афонька»

Атаман.

«Барин»

Давно бы так и говорил, болван. А можно его видеть?

«Афонька»

Можно, да осторожно.

Песня

Что тучки принависли,
 Что в поле за туман;
 А что же ты помыслил,
 Скажи, наш атаман. (2 раза)
 Здесь место незнакомо,
 А я есть эсаул,
 Вокруг своего дома
 Поставлю караул. (2 раза)

Выход атамана

Упала святейшая звезда с небес
 И осветила весь вольный свет.
 Леса мои, лесочки,
 Кусты мои, кусточки,
 Все повыжженные и повырубленные,
 Все друзья мои и товарищи
 Повыволненные.
 Остался я один молодец при реке Волге.
 Эсаул, подходи ко мне скорее,
 Говори со мной смелее.

Ты знаешь — кто скоро не подходит и смело со мной не говорит, голову сниму и в грязь втопчу.

Есаул

Сегодня же, господин атаман,
 Придвинусь я к вам.

«Атаман»

Не сегодня, а сейчас.

«Есаул»

Что изволите, господин атаман?

Атаман

Поди и построй мне легкую шляпку,
 С гребцами, с молодцами,
 С удалыми песенниками,
 Чтобы она вмиг по матушке Волге летела,
 Из-под носу белая пена кипела.
 А я пойду гулять на матушку Волгу,
 Собирать старого долгу,
 Которого еще мой дедушка распустил.

Есаул

Вот, почтеннейшие господа и друзья, разгулялся наш атаман и приказал построить себе легкую шляпку с гребцами, с молодцами и т. д.

(все повторять, как прежде).

Атаман

Эсаул, подходи ко мне скорей,
 Говори со мной смелей,
 Ты знаешь и т. д.

Е са ул

Сегодня, господин атаман и т. д.

А та ман

Не сегодня, а сейчас.

Е са ул

Что прикажете, господин атаман?

А та ман

Готова ли моя легкая шляпка?

Е са ул

Готова, господин атаман.

«А та ман»

подавай, подавай ее к моему парадному крыльцу.

Е са ул

Упала святейшая звезда с небес

И ослепила весь вольный свет.

Что за чудо!

Говорят, с нашим атаманом жить худо.

Врут. С нашим атаманом не пропадешь. Наш атаман непобедимый и неустрашимый.

День по морям,

Ночь по горам.

Корабли и корветы разбивает

И тем богатство наживает.

А вы, друзья, не убийтесь,

Да по чистой совести откройтесь,

Да наградит вас господин атаман,

Увешает ваши груди крестами и медалями.

Что за встречи!

Где увидим¹⁷ в харчевне свечи —

Туда палим,

Туда летим;

Пьем, гуляем

И красных девушек ласкаем;

И все даром, не за копейку.

Говорил преподобный Пафнутий: ешь человеческое мясо, как свинину; пей человеческую кровь, как черное пиво, не будет греха ни на копейку.

«А та ман»

Е са ул!

«Е са ул»

Что прикажете, господин атаман?

¹⁷ В тексте: увидит.

«Атаман»

Готова ли шлюпка?

«Есаул»

Готова, господин атаман.

«Атаман»

Подавай к моему парадному крыльцу.
Чтобы были гребцы на местах
И весла на бортах.
А ты же, братец, не унывай
Да любимую мою песню запевай.
Да знаешь ли какую?

«Есаул»

Знаю, вниз по матушке, по Волге.

«Атаман»

Подавай.

Есаул

Вот, друзья, разгулялся наш атаман и приказал подавать легкую шлюпку к его парадному крыльцу,

Чтобы были гребцы по местам,
Да и весла по бортам.
А вы, друзья, не унывайте,
Да любимую песенку запевайте.
А знаете ли какую?

«Гребцы»

Знаем.

«Есаул»

Какую?

«Гребцы»

Вниз по матушке, по Волге.

(Садятся по достоинству.)

Атаман

Первые весла на руки! Вторые — на борт. Третьи — на воду.

Песня

Вниз по матушке, по Волге,
По широкой речке долгой.
Тише, тише, молодцы, грести,
Под носом берег есть.

«Атаман»

Есаул, подходи ко мне скорей,
Говори и т. д.

Е с а у л

Сегодня же, господин атаман, и т. д.

А т а м а н

Не сегодня, а сейчас.

〈Е с а у л〉

Что изволишь, господин атаман?

〈А т а м а н〉

Поди и посмотри на все четыре стороны.
Нет ли где пенъев, кореньев,
Подводных каменьев
При мелких местах,
Чтобы нам легкую шлюпку не проломить,
Гребцов-молодцов не потопить;
Чтобы не сесть на дно
И не пропасть бы всем заодно.

〈Е с а у л〉

Слушаю, господин атаман. Вижу, господин атаман.

〈А т а м а н〉

А что ты видишь?

〈Е с а у л〉

Черни.

〈А т а м а н〉

Какие там черти?
Я знаю, что в воде черти, в земле черви,
В лесах сучки,
А в городах полицейские крючки;
Они давно хотят нас, добрых молодцев, изловить
И по разным темницам разместить!
Но врут, я этого не боюсь,
Еще далее в турецкие города заберусь.
А ты, братец, смотри вернее.
Я вижу ты спишь,
Так я тебя приободрю,
25 линьков в спину влеплю,
А мало — сто,
И пропадет твоя служба ни за что.

Е с а у л

Вот, друзья, за что меня господин атаман бьет,
Или моя подзорная труба врет.
Дай-ко я стеклышко протру
Да снова посмотрю.
Вижу, господин атаман.

А т а м а н

А что ты видишь?

«Е са ул»

Колода.

А та ма н

Какой там черт, воевода.
 Что он тебе, сват,
 Или брат,
 Или ближнее сродство?
 Да для меня будь хотя 12 тысяч регулярного войска,
 Я и того не боюсь,
 А дальше в турецкие города заберусь.
 Ты, молодец, смотри вернее,
 Я вижу, ты совсем заснул,
 А то я тебя приободрю.

Е са ул

Вот, друзья, за что меня господин атаман вторично
 бьют,

Или моя труба и т. д.
 Вижу, господин атаман!

«А та ма н»

А что ж ты видишь?

«Е са ул»

Близко города село.

«А та ма н»

Давно бы так говорил;
 У наших молодцов животы подвело
 И ребра подсохли.

Давно уж пора нам, добрым молодцам, попить, погулять, повеселиться

И золотой казной поразиться.

(Атаман командует)

Приворачивай, ребята!

Пе с ня

Приворачивай, ребята! и т. д.

(оканчивается на слове)

Ко Еленину задворью.
 Тише, тише, молодцы греть,
 Под носом берег есть.

«А та ма н»

Есаул!

«Е са ул»

Что изволишь, господин атаман?

«Атаман»

Пойди и извести этого купца или помещика, что милый друг в гости приехал. Он сам сознается.

«Есаул»

Пойду и извещу.
Здравствуй, почтеннейший домохозяин.
Я есть слуга именно того,
Который по матушке по Волге гуляет,
Корабли, корветы разбивает
И тем богатство наживает.
Да чтобы было приготовлено для нас попить,
погулять, повеселиться
И золотой казной поразжиться.
Приготовь полдюжины пива, дюжину шампанского,
А для нашего брата простого полведра —
И то не беда;

Да смотри же, хозяин, поскорей, а не то вмиг жару поддам.

Атаман

Есаул!

«Есаул»

Что прикажешь, господин атаман?

«Атаман»

Что, был у этого хозяина?

«Есаул»

Был.

«Атаман»

Что он, рад нам?

«Есаул»

Рад, господин атаман.

«Атаман»

А как он нам рад?

«Есаул»

Как чертям.

«Атаман»

Как, как?

«Есаул»

Как милым друзьям

«Атаман»

Смотри, братец.

«Есаул»

Трубка есть, хозяин?

«Хозяин»

Есть.

«Есаул»

Табак есть?

«Хозяин»

Есть.

«Есаул»

Закуривай, ребята.

Песня

Что не бурюшка поднималася,
 Не погодушка разыгралася;
 Разыгралася наша вольница,
 Наша вольница, шайка разбойников,
 Приукрытая в лесах темных,
 Во темных лесах,
 Что в крутых горах.
 Воскормил ли нас кисель-батюшко,
 Воспоила нас Волга-матушка,
 Возлелеяла сабля острая.

Атаман

Ах, какой приют прекрасный
 Для скитающих людей;
 Где я мог расположиться
 С буйной шайкою своей,
 Пить и есть и веселиться,
 Грабить добрых людей!

Атаман

Есаул!

«Есаул»

Что прикажешь, господин атаман?

«Атаман»

Как твоё фамилие?

«Есаул»

Зарезов, господин атаман.

«Атаман»

Фу, черт возьми, какое громкое фамилие. А вся ли у нас в собрании шайка?

«Есаул»

Все дома, господин атаман.

«Атаман»

Я тебе не верю, а сам проверю.

«Есаул»

Проверь.

«Атаман»

Стенька Разин!

«Стенька Разин»

Я.

«Атаман»

Ванька Каин!

«Ванька Каин»

Я.

«Атаман»

Гришка Отрепьев!

«Гришка Отрепьев»

Я и т. д.

«Атаман»

А ты, распроклятая Карикатура, постоянно пьяный и без добычи.

«Карикатура»

И ведь и я с добычею, господин атаман.

«Атаман»

Говори, с какой?

Карикатура

Шел я лесом и горой,
Повстречался мне старик седой,
А за плечами у него боченок русского добра.
Я ему как дал во славу — славу,
Он и покатился у меня со смеху.
Да еще привел красную девушку.

Атаман

Давай ее сюда.

(Атаман садится рядом с девушкою.)

Песня

Что затуманилась, зоренька ясная,
Пала на землю росой и т. д.

(петь до конца.)

Девуца

Жить на свете не хочу
И тебя, атаман, не полюблю.

А т а м а н

Не шуми, осина злая,
Не мешай в лесу цветам цвести.

Есаул. возьми эту пташку и посади ее подальше в клетку.

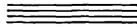
П е с н я

Жила была наша деревня и т. д.
Жила была курочка, черный хохолок.

(Припев)

О, о, ох-ох-о и т. д.

К о н е ц

В. К. ЗАЙЦЕВ, Е. ШАУЛИЧ, Н. ШАУЛИЧ

СЕРБСКИЕ ПЛАЧИ

НОВИЦА ШАУЛИЧ

В. К. Зайцев

Дурмитор — высокая гора в Черногории, покрытая снегом. Когда снег тает, воды стекают в Черное озеро, окруженное густыми еловыми и сосновыми лесами. Недалеко от Дурмитора — древняя столица Черногории Жабляк, вокруг которой простираются широкие левяды, а сам город застроен деревянными и каменными домиками с высокими и крутыми крышами. Такие крыши здесь делают издавна как защита от тяжелых наносов снега. За время короткого лета люди здесь успевают скосить сено, убрать ячмень и рожь. В этом краю Югославии население занимается главным образом животноводством.

Зимой, когда свободного времени много, жители этих мест вечерами собираются на посиделки, поют под гусли, рассказывают сказки, загадывают слушателям загадки. Радость и горе являются достоянием всей общины.

В этом краю родился 3 июня 1888 года и вырос Новица Шаулич, замечательный знаток народного сербского творчества, собиратель плачей.

В доме отца Шаулича, священника и воина,¹ постоянно имелись гусли. Каждый гость, званый и незваный, если умел играть, брал их и пел в их сопровождении. Так мальчик Новица еще в родном доме впервые услышал и полюбил народные песни. Одетый как и другие крестьянские дети, он горными тропами по утрам ходил пешком в отдаленную школу и только в двенадцать лет впервые увидел телегу, шоссе и мощеные улицы в Никшиче, куда его привел отец на пути в Карловацкую гимназию, считавшуюся у сербов наилучшей в смысле дисциплины и знаний, прививаемых ученикам. Долог путь от Черногории до Срема: до Никшича — верхом на коне, через Цетинье от Котора — в повозке.

В шестом классе гимназии Новица начал писать стихи; печатал статьи и заметки на различные темы в газете «Застава», издаваемой С. Милетичем.² В это же время начал записывать под Дурмитором народные лирические песни, сказки, анекдоты.

¹ В Черногории очень часто военачальники племен были и священниками.

² Светозар Милетич (1826—1901) — сербский политический деятель и журналист, основавший в 1866 году в Пеште газету «Застава», в мае 1867 года перенесенную в Нови-Сад. Газета просуществовала до 1925 года и оказала большое воздействие на развитие политической жизни Воеводины. В ней в свое время сотрудничали выдающиеся литераторы и политические деятели Сербии (И. Змай, Л. Костич, С. Маркович и др.).

В Карловацкой гимназии этого времени существовал культ народной поэзии и Караджича. Поэтому не удивительно, что выпускное сочинение Новицы называлось «Вук Караджич и Максимилиан Врховац» и было посвящено собиранию народных песен.

Будучи уже студентом права в Белграде, возвращаясь каждое лето в свои края на каникулы, он продолжал свой труд собирателя. Теперь он записывал и эпические песни, а также присутствовал на оплакиваниях и записывал плачи. Хотя в народе его уже хорошо знали, вначале женщины стеснялись перед ним оплакивать, их смущало, что он сидит рядом и записывает их слова. «С такой ученостью да мои слова записывать!» — говорила одна. «А что же, не будет же он все в голове носить! Вот и записывает!» — говорила в его защиту другая. «А вдруг нападешь на какую-нибудь сумасшедшую — тоже будешь все записывать?», — спрашивала его с ехидцей родственница. Им всем было удивительно, что Новица мог записывать на ходу. А бывало и так: «Эх, Ноле (уменьшительное от Новицы, — В. З.), умоляю, не запиши, ненароком, и мое имя! Уж я тебе зато еще буду сказывать». Женщины зачастую боялись, что в своей простоте скажут что-нибудь такое, над чем потом можно будет смеяться, а им будет стыдно. Одна так и говорила как-то подруге: «Вот запишет тебя Новица в книги, будут везде про тебя читать, а ты потом сраму не оберешься».

В родне собирательский труд Новицы был встречен с негодованием, занятие Новицы считали почти оскорблением для рода. Ему, бывало, говорили: «Вместо того, чтобы посидеть и поговорить с мужчинами, ты по кладбищам записываешь женские причитания!».

Наряду с юридическими науками Новица изучал и литературу. Вскоре он пришел к выводу, что не все, что у сербов писали о народном творчестве, отвечает тому, что он сам узнал, когда производил записи. Многие считали, что после Вука Караджича в народе не осталось уже ничего, что было бы достойно внимания науки, что народное творчество — дело прошлого. А Шаулич прекрасно видел, что в народе не прекратился творческий процесс, что есть много замечательных еще не записанных гусярских (т. е. эпических)³ и лирических песен.

Балканские войны 1912 и 1913 годов, а затем первая мировая война вызвали подлинный расцвет жанра плачей. Народ в этих войнах понес исключительно тяжкие потери. В этих условиях к искусству оплакивания обратились и многие из тех девушек и женщин, которые ранее этим не занимались.

Битва под Скадром,⁴ на Косовом поле,⁵ неожиданное выступление Болгарии против Сербии в 1913 году, австрийская оккупация Боснии и Герцеговины, вызванный этими событиями уход людей в леса и горы, голод, неприятельские репрессалии, когда враги сжигали дотла целые деревни и убивали невинных детей, — все это в сильной мере стимулировало рас-

³ Под гусли у сербов издавна исполнялись именно эпические юнацкие песни.

⁴ Скадар (Шкодер) — город-крепость на р. Бояне. Битва под Скадром — военные действия, которые в период Балканской войны вели черногорские войска против засевшего в стенах города турецкого гарнизона. После войны, в апреле 1913 года, Скадар отошел к Албании.

⁵ Косово поле (в южной Сербии) дважды знаменито в сербской истории. В 1389 году здесь произошла битва между турецкими и сербскими войсками, закончившаяся поражением последних. После этой битвы Сербия почти на пять столетий утратила свою независимость. В ходе первой Балканской войны (1912—1913 годов) на Косовом поле произошло серьезное сражение, в котором сербские войска одержали победу над турками. Победа имела большое моральное значение для Сербии, как факт восторжествовавшей исторической справедливости.

пространение плачей, в которых прославлялись погибшие, а живые призывались к отмщению за них.

В первую мировую войну Новица Шаулич принял участие в сопротивлении австрийской оккупации. С герцеговинским повстанческим батальоном он уходит в Скадар, затем на о. Корфу, оттуда в Марсель и Лион, затем в Женеву.⁶ Здесь он пополняет свои знания, в семинаре профессора Бовье читает доклад о сербских народных песнях, трудится по организации материальной помощи военнопленным.

А в Черногории в это время его сестра, молодая девушка, спасаясь от насилий оккупантов, убежала в леса, захватив с собой пятнадцатилетнего племянника. Отец Новицы был уведен неприятелем в страшный лагерь в Тузах (между Скадром и Подгорицей), где подвергся пыткам из-за дочери. Брат отца со своей семьей умерли в том же лагере. Родной очаг был сожжен, а мать, оставшаяся в Сербии, попала в руки болгарских националистов и подверглась пыткам. Тяжело было возвращаться в 1918 году на родину. Но, встретив здесь целое море общего народного горя, Новица забывает о личных муках. Он весь отдается бескорыстному служению народу. Это еще больше сближает его с земляками, а сближение, естественно, помогает в его фольклорных трудах.

Ранние его записи большей частью погибли в период австрийской оккупации. Вернувшись на родину, Шаулич предпринял систематическую работу по записыванию плачей вместо заметок и набросков, которые он делал ранее. Записывал он и от гусяров, которые по несколько дней подряд пели ему свои песни.

Значение плачей после первой мировой войны возросло; понимая это, Новица неустанно записывал их. Из родного дурмиторского и дробнякского районов он переходит в Пиву, Саранцы, на Грахово; через Трешнево и Чеву в Цетинье, Никшицкую жупу, Никшич и Баняны, доходит до Зеты; через Ровцы и Морачу идет в Колашин и обходит весь Санджак. Затем он спускается на юг до Будвы, Рисна и его окрестностей и обнаруживает, что плачи, как и во времена Караджича, существуют и сейчас от Боки и Паштровичей вплоть до Бара и Ульциня (около албанской границы, на побережье Адриатического моря). В Сербии он посещает многие места от Гайтана через Ябланичский округ до Лебана и Савинца, Сияринской-бани, Шилова и Тулара, где находились герцеговинско-черногорские поселения.

В каждом большом и малом селе, встречающемся на этом маршруте, он находил хороших опытных плакальщиц и гусяров. В народе он к этому времени уже пользовался известностью. Когда в Пиве одна плакальщица, выступавшая перед Новицей впервые, спросила свою родственницу (Анджу Гагович из Безуя): «А не будет мне какая-нибудь неприятность от того, что он записывает?», та ей ответила: «Нет, не бойся, это наш Ноле. Он пришел не для того, чтобы обмануть и осрамить нас.» Другая плакальщица (Петруша Шибалич из Жабляка) сказала: «Я не боялась отлакивать даже при тех, кого надо бояться (во время австрийской окку-

⁶ Первая мировая война в Боснии и Герцеговине сопровождалась жестокими преследованиями сербов, интернированием десятков тысяч людей, массовыми смертными казнями, грабежом населения со стороны австрийских оккупационных войск. В стране возникли волнения против оккупантов. Боснийцы и герцеговинцы деятельно выступили за независимость и создание единого государства. Многие из них, в одиночку и целыми отрядами, покинули страну и за границей организовали так называемый Югославский комитет, продолживший здесь патриотическую борьбу, а также много сделавший для помощи землякам-военнопленным. В числе людей, вынужденных оставить страну, был и Н. Шаулич.

пации ее плачи содержали много гневных упреков, направленных в адрес оккупантов, — В. З.), а уж с Новицей-то мне, ей-богу, как с братом!».

Так крестьяне относились к Новице Шауличу, потому что для них он был «свой человек». Он делился с ними последней кукурузной лепешкой, не желая, чтобы крестьяне по случаю встречи зарезали ягненка; приходил к ним делить их горе и беду, а иногда и помогал крестьянам непосредственным вмешательством в их дела через газету. При нем люди могли быть откровенными и естественными, не стеснялись перед ним на гусярских «шйедницах» (посиделках) или в «коло» плакальщиц (а на народных сходбищах «коло» плакальщиц существует наряду с «коло» пения и танцев). Все это объясняет причину того, почему Шауличу удалось записать так много плачей и других песен, а также сказок, пословиц, загадок, крылатых слов, из которых многие не напечатаны еще до сих пор.

Другая причина кроется в огромном пиетете Новицы перед народным творчеством. Ему в жизни пришлось от многого отказаться ради любви к своему труду. Укажем, что сборник «Сербские народные плачи» издан в Белграде в 1929 году на средства автора и бесплатно роздан любителям народного творчества. Эта книга разошлась в сербском народе, и многие в деревнях говорили: «Ишь ты, выходит, что и ученые люди уважают наши песни!».⁷

Глубокую любовь Шаулича к народной поэзии видели и ценили крестьяне. Поэтому, когда Новица приходил в какое-либо село, где должны были состояться похороны, его уже ждали на кладбище или на поминках, чтобы начать оплакивание.

Третья причина того, что Новице удалось так много записать из уст самого народа, состоит в исключительном терпении, такте, умении найти подход к плакальщицам и гусярам, чтобы люди сами приходили к нему и с горем и с шуткой. Народ в трудную минуту неразговорчив, сосредоточен, и нужно пользоваться большим его доверием, чтобы он открыл свою душу пришлому человеку. А с Шауличем люди чувствовали себя просто и легко. Одна плакальщица дурмиторка говорила Новице в шутку: «Уж ты только умри! Ты знаешь, как бы я тебя оплакала? Слушай! —

Ой, Новица мудроглавый!
Ты мой нищий без недоли,
Мой скиталец без неволи
По всему по белу свету».

Иногда женщины отказывались «плакать» без соответствующего повода. Одна говорила: «Что это сегодня с тобой, Новица? С чего это ты опять просишь, чтобы я оплакивала? Уж если хочешь, то ложись вот здесь врястяжку, будто мертвый, а я тебя буду оплакивать». А другая божилась и клялась, что в памяти нет больше ни одной песни: «Да чтоб мне ослепнуть, если хоть что-нибудь в голове осталось!». Но в конце концов они все же продолжали оплакивать, а Новица записывал. Одна даже в шутку жаловалась: «Вот так, мало-помалу, он у меня всю память и выманил!».

⁷ Кстати скажем, что в 1940 году, когда война подошла к Белграду, Новица Шаулич собрал самые дорогие своему сердцу произведения, принес их в Советское посольство, чтобы отправить на сохранение в Советский Союз в какую-нибудь библиотеку, не зная, что вскоре война придет и в эту страну. Сейчас трудно с уверенностью сказать, куда делись все эти книги Шаулича, но автору этих строк приходилось видеть в Ленинграде некоторые из них.

Иногда между ним и плакальщицей начиналось препирательство. Женщина доказывала, что «уж все-то с горя позабыла», что «ничего-то и на ум ей не приходит». Тогда Новица напоминал ей, где, когда и кого она оплакивала, как сказал ему такой-то и такой-то. Ей ничего не оставалось, как выполнить его желание. А иногда не имеющие понятия о труде собирателя женщины говорили в конце оплакивания: «Уж ты, Ноле, попригладь там да получше сделай!».

О хороших профессиональных плакальщицах в народе говорят так: «Сердце жалостливое, да и от природы ум есть. Случится, что станет свободной (одинокой, — В. З.), вот она умом да горлом и работает». На вопрос Новицы к одной женщине, что заставляет ее так часто оплакивать своего брата, она говорила: «Умер братец мой — словно свет изменился; словно земля переменялась, как моего Радослава не стало. В глазах зрение стало не то, какое прежде было. Он мне милей родного дитяти был!». А старая женщина, ставшая профессиональной плакальщицей, объясняла: «Что, мой Новица, поделать, если горе мне такое! (Не замечая, они часто говорят восьмисложным стихом, мешая его с прозой, — В. З.). Всех своих деток потеряла, всю молодежь схоронила, о чем еще говорить!.. Когда мне было три года, я видела, как мать, идучи на работы в поле, причитает. Уж такая меня жалость обуяла, такое на меня нашло! Еще не знала я, что это — „причитать“ да „оплакивать“. Мне было только мать жалко, как она плакала. А когда она умерла, я и сама начала „плакать“. Потом по отцу да брату, да по деверю. А уж когда сыновей на войне потеряла — весь белый свет перевернулся! Солнце переменялось, люди для меня переменялись. Вижу иной раз веселье — закрыла бы глаза, чтобы не видеть. Песню слышу — уши бы заткнула, чтобы не слышать. Все сердце переворачивается. С тех пор и хожу туда, где оплакивают: где мать по сыновьям убивается, где сестры по братьям горюют, где из-за печали люди собрались. Все печали с краю сердца, боль сердечна в самом сердце (намек на горе матери, у которой умерли дети, — В. З.). Знаешь, Новица, если у человека сердце настоящее, то, как говорится:

Легче пьяному песня поется,
Легче матери скорбь изольется».

Народ разговаривал с Новицей от всего сердца, потому что ему удалось проникнуть в самую его душу.

О сербских плачах написано еще сравнительно мало. О них больше писалось только как об этнографическом материале в различных этнографических сборниках. Несколько серьезных данных о них опубликовал В. Чорвич в своем исследовании «Народный плач» («Народна тужалка». «Бранково коло», 1908), В 1940 году В. Джурич опубликовал свою диссертацию «Плачи в мировой литературе» («Тужбалица у светској књижевности»), в которой сербским плачам отведено сравнительно небольшое место. Шаулич в своих трудах стремится восполнить этот пробел в сербской фольклористике. Своими теоретическими исследованиями он утверждает несколько положений. Он доказывает высокую художественно-эстетическую ценность плачей в противовес тем, кто считает их только обрядовым явлением. Полнее и точнее других устанавливает причины и виды оплакивания, подразделяя плачи на импровизированные и заранее подготовленные, увязывая их с психически различными типами плакальщиц. Шаулич предложил ввести термин «тужилица» (что соответствует русскому «плакальщица») для народных плакальщиц вместо различных дру-

гих провинциальных названий. В своих трудах он классифицировал плачи, установил их связь с эпическими песнями и драмой и определил соотношение гусляра и плакальщицы. На основе длительных наблюдений Шаулич установил общественно-экономическую основу оплакивания и отметил наличие общественно-воспитательной тенденции в плачах. Наконец, он обратил внимание ученых на огромное лексическое и образное богатство этих замечательных образцов народного творчества.

Можно быть уверенным, что печатаемые ниже пять сербских плачей, ранее никогда не публиковавшихся, вызовут к себе интерес советских фольклористов. Автор этой заметки сделал скромную попытку перевести эти плачи на русский язык, не претендуя на исчерпывающий и окончательный характер своей попытки. Автор дважды встречался с Новицей Шауличем в Белграде: в 1955 и 1957 годах. Сейчас этот пожилой человек, пенсионер, как и в былые годы, много работает, приводит в порядок свои записи, готовит к печати рукописи, переписывается с друзьями молодости: старыми гуслярами и плакальщицами. Во вторую встречу и были получены от Н. Шаулича публикуемые в настоящем издании плачи.

О СЕРБСКИХ ПЛАЧАХ

Е. Шаулич

Известно, что поэтическое оплакивание мертвых когда-то существовало у всех славян, но в XIX веке и начале XX оно сохранилось только у некоторых славянских народов, в том числе у русских и сербов. В том виде, в каком плачи этих народов дошли до нас, они обнаруживают известное сходство и вместе с тем у каждого народа имеют своеобразные черты, определенные общественно-политическими условиями. Русские похоронные причитания чаще всего являются выражением семейных чувств, а также дают картину тяжелого положения крестьянства во времена царизма. Сербские плачи, возникавшие в обстановке национального угнетения и борьбы за независимость, имеют в большинстве случаев героический характер и связаны с призывом к борьбе.¹

У сербов плачи долгое время культивировались особенно в Герцеговине, Черногории, Санджаке и в тех краях Сербии, где поселились выходцы из Герцеговины и Черногории, в новые времена и в Воеводине, и в процессе длительного развития достигли высокой художественности. Творения безграмотных женщин могут сравниться с величайшими поэтическими произведениями мировой литературы. Подчеркивая героический дух сербских народных плачей и сравнивая их по красоте с картинами из Библии и Илиады, немецкий исследователь Геземан с полным основанием говорит: «Непростительна ошибка славистики, уделявшей так мало внимания сербско-хорватским, особенно черногорским и герцеговинским, плачам».²

Отрывки сербских народных плачей сохранились с XIII века в некоторых литературных памятниках — «похвальных словах», агиографиях и др., а также проникли в различные жанры народной поэзии: в лирические произведения, в эпос, в сказки.

О существовании плачей на территории всей Югославии (несмотря на то, что у католиков и мусульман плачи запрещались) говорят многие

¹ Аналогичный характер имеют русские плачи по погибшим партизанам и советским воинам в эпоху войн гражданской и Великой Отечественной, — *Ред.*

² G. Geze man n, «Slawische Rundschau», 1929, октябрь; значительная часть переведена на сербский язык и напечатана в «Политике» от 4 ноября того же года.

иностранные и отечественные путешественники, в том числе: де Диверзис, Цриевич (Aelius Lampridius) в Дубровнике и Шишгорич в Шибенике в XV веке,³ Бузбек⁴ и Герлах в XVI веке в Сербии,⁵ Фортис в Далмации в XVII веке;⁶ в XVIII веке Досифей Обрадович, еще до своего пребывания в Сербии, пишет подражание народному плачу,⁷ значит, плачи были ему известны от австрийских или венгерских сербов; он мог их узнать во время монастырских соборов в Среме или в период своего учительствования в Далмации. В начале XIX века Чаплович упоминает о славянских плачах,⁸ в Сербии в это время о них говорят два писателя: Джордже Магарашевич⁹ и Иоаким Вуич.¹⁰ Магарашевич сообщает, что в то время плачи существовали и в Среме и в Бачке. Милош Милоевич, так же как и Вуич, утверждает, что в Сербии покойник должен быть обязательно оплаканным в песне.¹¹ Ястребов упоминает о плачах в Южной Сербии и Македонии,¹² а Ровинский — в Черногории.¹³ Большое значение для изучения развития славянских плачей имеет книга А. Котляревского о погребальных обычаях у языческих славян.¹⁴ Милан Миличевич упоминает плачи в Рудникском и Ужицком краях (т. е. в краях, где было герцеговинское и черногорское население).¹⁵ В это время (1875) Ф. Кочевар описывает оплакивание покойников у хорватов в журнале «Ausland» (№ 50).¹⁶ В «Сербском этнографическом сборнике» (Белград) и в «Сборнике об обычаях южных славян» (Загреб) мы находим упоминания об обычае оплакивания на территории всей Югославии.

В начале XX века В. Чорович в «Бранковом коле» пишет обширное исследование о сербских плачах, изучая их не только с этнографической, но и с литературно-исторической точек зрения, сравнивая их с плачами других народов.¹⁷ Воислав Джурич в своей докторской диссертации «Плачи в мировой литературе» часто касается и вопроса о славянских плачах.¹⁸

Первое собрание народных плачей появилось в сборнике сербских народных песен, изданном Вуком Караджичем в 1841 году.¹⁹ В предисловии (стр. VII) Караджич упоминал о Вуке Врчевиче, приславшем ему плачи из Паштровичей (местность от Будвы до Спича). Кроме них, Караджич включил в сборник причитания, записанные в Каstellах около Троири. Немного позднее, в «Ковчежиче»²⁰ Вук добавил к вышеупомя-

³ В. Ђоровић. «Бранково коло», 1908, №№ 11, 12, 14, 18, 20, 22.

⁴ Ч. Мијатовић. Грe триста година. «Гласник», XXXVI, стр. 203—215.

⁵ «Rad», CXVI, стр. 49, 54.

⁶ A. Fortis. Viaggio in Dalmazia. Venezia, 1774.

⁷ Сабрана дела Доситеја Обрадовића. Београд, 1911, стр. 366.

⁸ Sarplovics. Slavonien und zum Theil Kroatien. Pešta, 1819, стр. 186.

⁹ Ђ. Магарашевић. Путовањ: по Србији. Панчево, 1821, стр. 68.

¹⁰ Ј. Вујић. Путешествије по Србији, II. Београд, СКЗ, стр. 176—177.

¹¹ М. Милојевић. Песме и обичаји укупног народа србског, т. I—III. Београд, 1869—1875.

¹² Обычаи и песни турецких сербов. СПб., 1886.

¹³ П. Ровинский. Черногория. СПб., 1888.

¹⁴ А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1858.

¹⁵ М. Милићевић. 1) Кнежевина Србија. Београд, 1876, стр. 356—357, 633;

2) Живот Срба сељака. СКА, 1894, стр. 348.

¹⁶ М. Мојашевић. Културнопосредничка улога часописа «Ausland». «Зборник филозофског факултета», Београд, 1956, стр. 457.

¹⁷ В. Ђоровић, ук. соч.

¹⁸ Д-р В. Ђурић. Тужбалица у светској књижевности. Београд, 1940.

¹⁹ В. Караџић. Српске народне песме, књ. 1 (в которой собраны различные «женские» песни). Беч, 1841, стр. 89—97.

²⁰ Ковчежић за историју, језик и обичаје Срба сва три закона.

нутым плачам еще четырнадцать рисанских, присланных ему священником Вуком Поповичем, свояком Врчевича. Караджич напечатал материалы Поповича «почти без каких-либо изменений»,²¹ о чем говорится в седьмом томе его переписки. Сам Караджич был в Черногории в 1834—1835 годах. Тринадцать месяцев провел он в пути; находился в Дубровнике, Боке, Паштровичах, Дрмнице, в Риекской нахии, в Цетинье. В течение этого времени он долгие был услышать оплакивания, которые происходили не только при похоронах, но и в течение многих лет после них и без которых не обходилось ни одно собрание в тех краях, где он был. Вспомним только, что в Цетинье он присутствовал при открытии гробницы владыки Черногории Петра I, когда, вероятно, происходило и оплакивание. Из того, что Вук тогда не записывал плачей, следует, что они не привлекли еще его внимания. Замысел собирания плачей принадлежит Вуку Врчевичу (родившемуся в 1811 году в Рисне, Бока Которска, и умершему в 1882 году в Дубровнике), мелкому чиновнику в торговой конторе, которому после смерти отца (тогда ему было двадцать лет) пришлось содержать, кроме себя, мать и тринадцать братьев и сестер.

После знакомства с Вуком Караджичем в 1834 году Врчевич, по-видимому, из желания помочь ему, стал собирать фольклор, и ему пришла мысль наряду с остальными фольклорными материалами записывать и плачи. В письме от 2 IV 1836 Врчевич пишет Вуку: «Вещь действительно достойная того, чтобы предложить ее публике... древний обычай, который и сейчас соблюдается в Паштровичах, когда умирает уже взрослый человек». И он обещает Караджичу, что постарается написать об этом как можно больше и переслать ему материалы.²² Мысль о необходимости записывать плачи еще более утвердилась в Врчевиче под воздействием поэмы Негоша «Горный венец».²³ в которую был включен плач. «В тот час, когда я прочел „Горный венец“, — пишет Врчевич, — во мне родилось твердое намерение вместе с другими произведениями собирать и плачи» (предисловие Врчевича к ненапечатанным плачам, стр. I).

Плачи и материал о них, напечатанные в «Ковчезице», Вук Караджич использовал в качестве документов, говорящих о народных обычаях, в книге «Жизнь и обычаи сербского народа», которую после его смерти издала его жена Анна.²⁴ Сюда наряду с паштровскими и рисанскими причитаниями включены еще и новые загорские вопли и несколько современных плачей, присланных Караджичу Вуком Поповичем.²⁵ Наряду с довольно большим числом плачей в стихотворной форме, собранных в упомянутых уже областях, Вук в этой книге отметил: «Нигде, кроме Паштровичей, я не слышал о существовании постоянного обычая оплакивать в стихах. Кто как чувствует и умеет, так и оплакивает».²⁶ Но уже здесь он указывает на эмоциональное воздействие плачей: «Иногда кажется — и из камня бы слезы полились, когда мать причитает по сыну, сестра по брату».²⁷ Полностью же оценить эстетическую сторону плачей

²¹ Љ. Стојановић. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд, 1924, стр. 668—669.

²² Вукова преписка, VI, стр. 498.

²³ Негош, Петр II Петрович (1811—1851), князь и владыка Черногории, поэт. В его лучшем произведении — поэме «Горный венец» (1847) — описывается восстание черногорцев против потурченцев и турок в конце XVII века, — *Ред.*

²⁴ В. Караџић. Живот и обичаји народа српског. Беч, 1867.

²⁵ Љ. Стојановић. ук. соч., стр. 674.

²⁶ В. Караџић. Живот и обичаји народа српског, стр. 154.

²⁷ Там же.

и Вук Караджич, и Вук Врчевич смогли лишь благодаря плачу из «Горного венца» Негоша, который включен Вуком в 1849 году в «Ковчежич» наряду с народными плачами, ибо «здесь нет ни одного слова, которого бы не употребляли плакальщицы в Черногории».²⁸

Живя в Боке и Паштровичах, позднее в Черногории и Герцеговине, Врчевич часто мог слышать плачи. Особенно в Герцеговине, где он служил в качестве австрийского вице-консула, Врчевич нашел большое количество плачей, начал их собирать и в 1868 году составил довольно большой сборник из 67 плачей, среди которых был и плач по Негошу его сестры, классифицировал их и дал к ним комментарии. Вероятно, у него был и другой материал или хотя бы он был уверен, что его найдет, так как на своем сборнике написал: «Книга первая». Между тем ему не удалось напечатать и свою первую книгу, она в рукописи хранится сейчас в Сербской Академии наук.²⁹ Рукопись Врчевича носит название: «Различные народные плачи или причитания женщин над мертвыми в Боке Которской, Черногории и Герцеговине с соответствующими комментариями. Собрал и выпустил в свет Вук Врчевич, австрийский вице-консул в Требине и Герцеговине в году 1868, Книга первая».

Предисловие Врчевича имеет значение как первое на сербском языке исследование о плачах. Из него видно, что Врчевич отмечал и красоту плачей («один лучше другого»), и их идейное значение. Плач, по его словам, «не уступает юнацким народным песням», с той только разницей, что женщины воспевали славу погибших героев оплакивая, а мужчины — в сопровождении гуслей. И от гусляра и от плакальщицы требуют и хорошего содержания песни и хорошего голоса. Плакальщице нужен сильный высокий голос и «искусство в сочинительстве». К хорошим плакальщицам в народе относятся с таким же почтением, как к литераторам в просвещенных кругах. Врчевич приводит пример того, как люди, приходящие на могилу, за неимением хорошей плакальщицы, вызывают ее из дальних мест за вознаграждение.

Давая определение плача, Врчевич в основном правильно указал, что цель плакальщицы — выразить свои чувства и коротко рассказать о жизни умершего. Подчеркивая, что не всякая женщина может быть отличной плакальщицей, хотя причитать умеют даже девочки, Врчевич констатировал тот факт, что существует два вида оплакивания, но он не определил, в чем состоит разница. Между тем эта разница существует и сейчас, и определить ее можно было бы так: оплакивание (тужење) продумано, скомпановано, исполняется напевно, тогда как причитание (нацање) — стихийное, часто бессвязное излияние горя, похожее на речитатив. Лучшими плакальщицами Врчевич считает в Боке — рисанских женщин, в Черногории — жительниц из Катунской нахии, а в Герцеговине — женщин из-под Баняна, Пивы и Дробняка.

Некоторые утверждения в предисловии Врчевича мы не можем принять целиком. Неточно то, что женщин, девушек и детей не оплакивают. Можно только сказать, что на сходах и соборах, совершенно естественно, оплакивают в первую очередь героев и людей, имевших значение для общества. Точно так же только частично справедливо утверждение Врчевича, что мусульманки не оплакивают покойников. Правда, и Коста Герман в своих объяснениях мусульманских обычаев утверждает, что оп-

²⁸ Ковчежич . . . стр. 114.

²⁹ САН, № 8552 257 (ящик ХС 2).

лакивание противоречит фатализму,³⁰ но именно в сборнике Германа, в песне «Кладушанин Муйо и Костреш-харамбаша» мать Алии Боичича причитает над могилой (мезаром) своего сына.³¹ В песне «Ибрагим-бег Любович» Салих-бег удерживает мать от причитаний, но сам не может преодолеть своего желания оплакать убитого брата. В обеих песнях говорится об оплакивании, потому что они возникли в этнически устойчивой среде, первая — в Сараеве, вторая — в Фоче. Сербь, принявшие мусульманство, сохранили некоторые народные обычаи и выполняли их иногда, не зная их значения; так что в тех областях, где было принято оплакивание, оплакивали мертвых и мусульманки. Так, Н. Шаулич записал сохранившийся в предании плач матери Ахмета Баука, героя из Никшича, о котором И. Мажуранич упоминает в своей поэме «Смерть Смаил-аги Ченчича». Ислам только ослабил традиционный народный обычай, но не уничтожил его. В предисловии Врчевич правильно подчеркнул общественный характер оплакивания. Если погибнет выдающаяся личность или юноша, все соседи, а иногда и целое село, не будут петь в коло или под гусли, не выстрелят из ружья. И сваты не будут петь, проходя мимо этого дома.

Рассматривая особенности метрики, Врчевич выделяет постоянное появление четырехсложных или трехсложных добавлений к восьмисложным стихам. Между тем это и в его время не могло быть постоянным явлением. Если плакальщица слишком увлечется и если она оплакивает большое число героев, у нее нет ни времени, ни возможности каждому из них найти соответствующий эпитет, который обычно и составляет «характеристику» героя. Поэтому во многих герцеговинских плачах нет регулярного появления полустиший.

Врчевич всегда указывает, от кого плачи записаны, и это является положительной стороной его работы. Но иногда у Врчевича проявляется ошибочная тенденция подправлять народные плачи.

Спустя пятьдесят лет после намерения Врчевича напечатать книгу плачей подготовил к печати свой сборник Новича Шаулич, ничего не знавший о сборнике Врчевича, так и оставшемся в рукописи. Только в 1929 году Шауличу удалось напечатать свою книгу «Српске народне тужбалице».³² Это первый сборник, специально посвященный сербским и южнославянским плачам вообще. Шаулич собирал материал в первую очередь в селах под Дурмитором³³ и дальше в Дробняке.³⁴ Здесь, в своих родных местах, где он с детства слышал плачи, — ибо считалось позором, не оплавав, похоронить и ребенка, — Шаулич и начал собирать их, перейдя в дальнейшем в другие части Черногории, Герцеговины, частично и Боснии, в некоторые местности Сербии, а после второй мировой войны — и Воеводины, где записывал плачи в большинстве случаев от выходцев из Герцеговины и Черногории.³⁵ И сейчас в большинстве областей, где записывал Н. Шаулич, сохранилось оплакивание.

³⁰ H ö r m a n n. Narodne pjesme muslimana u Bosni i Hercegovini, т. II. 2-е изд., Sarajevo, 1933, стр. 627.

³¹ Там же, стр. 185.

³² Н. Шаулић. Српске народне тужбалице. Београд, 1929.

³³ Крестьяне этого края от Буковицы до Жабляка вместо названий своих сел — Яворье, Пашина Вода, Мотички Гай, Вирак, Развршье, Юнчедо и др. — скажут просто: «Мы из-под Дурмитора». А так как в этом краю много озер — Вражье, Рибле, Эмине, Црно — и так как местность равнинная, то эти края называют и так: Равна Йезера или просто — Йезера (название, которое упоминается в песне «Женитьба краля Вукашина»), и люди этого края говорят, что они с Озера (из Йезера).

³⁴ Местность от горы Крнова до реки Тары.

³⁵ Более детальный маршрут Н. Шаулича см. в заметке В. К. Зайцева, — *Ред.*

Шаулич собирал плачи в основном в период от Балканских войн до первой мировой войны и после нее, когда бои, условия жизни в плену, эпидемия испанской лихорадки («испанки») и трудности, связанные с формированием нового государства, требовали больших жертв, и поводов для создания плачей было достаточно много. Плачи, записанные Шауличем, очень эмоциональны и образны, ибо края, в которых он работал, по богатой и образной лексике и другим изобразительным средствам народного языка — настоящая сокровищница. Идейное и эстетическое значение сборника Шаулича велико, несравненно больше значения собраний плачей Вука Караджича и Врчевича.

Почти все свои материалы о плачах он собрал сам, работая непосредственно на месте, всегда бережно сохраняя оригинальную народную редакцию. Число плачей, присланных ему друзьями, невелико. Доверия плакальщиц Шаулич достигал тем, что он и сам родом из этого края, со многими из них он был лично знаком и близок.

В предисловии к сборнику, написанному Шауличем, наиболее важно описание самого процесса создания и проведения плачей. Плакальщицы начинают заниматься искусством оплакивания еще в детстве, когда пасут стадо и вяжут чулки, в одиночестве, на лоне природы, подражая матери, родственнице или какой-нибудь другой женщине, плачи которых они слышали, повторяя вслух запомнившиеся слова. Поэтому, когда наступает настоящий траур и нужно выступить с оплакиванием, горестные переживания находят уже готовую форму, заимствованную из общей поэтической сокровищницы. «Если она (плакальщица, — Е. Ш.) по кому-нибудь тоскует, ей кажется, будто она читает по книге или будто у нее сыплется из рукава», — объясняли ему сами плакальщицы процесс своего творчества. Обычно сначала плакальщицы жалеют о ближайших родных («Все-то раны вокруг сердца, а родственные — в середине сердца») или о родне мужа. Потом переходят на кумовьев, друзей, известных юнаков и вообще видных людей. Первое выступление перед слушателями дается тяжело: плакальщица вся дрожит, боится ошибиться, смутиться, пожалеть кого-нибудь не так, как надо, боится, чтобы над ней не посмеялись. Когда же она преодолет этот страх, в ее плаче появляется, кроме чувства, мастерство, она уже сама находит содержание, перечисляет особенности характера покойного, говорит о его отношении к семье, о его роли в обществе старается упомянуть и о других покойниках из этого края, особенно родственников тех, кто присутствует при оплакивании, если они того заслуживают, подчеркнуть их заслуги. Н. Шаулич подметил, что одни женщины импровизируют свои плачи, а другие молча обдумывают и готовят плач. «Когда я одна, — рассказывает плакальщица, — тогда я погружаюсь в печаль и сожаление и принимаюсь оплакивать часами и не перестану до тех пор, пока кто-нибудь мне не помешает». Если она так не «поговорит» с мертвым, ей «невозмогу». А когда она это делает, ей становится легче. Чем старше плакальщицы, тем больше общественное у них вытесняет личное. У них есть уже сформировавшиеся взгляды на жизнь и на смерть, определенная жизненная философия; поэтому плач переходит в эпический рассказ. Но поскольку плач отражает общественные связи покойного и его родни, то оплакиванием покойников плакальщицы не только сохраняют воспоминания о них, но и облегчают друг другу перенесение горя.

Исполнение плача включает элементы драматизации.

При оплакивании «по пути», когда покойника несут на кладбище, или когда люди идут на оплакивание, или когда плакальщицы направляются на

ными песнями, почувствовав, что «плачи имеют большое значение для изучения процесса возникновения народных песен»,³⁶ и своей книгой пробудил интерес к изучению плачей. Все тужбалицы, записанные Шауличем наряду с элементом поэтического вымысла, имеют под собой реальную жизненную основу. Укажем хотя бы на первый плач — плач матери Круны Калевич по сыну Петру, погибшему в 1912 году на горе Црни Врх у Плевля (№1), и плач Стамены Степович-Апович из Яворья по сыну Стевану, артиллеристу, погибшему в Скаде (№ 2). Имеются эпические плачи, описывающие бои. В них прежде всего проявляется общественно-политическая основа песни: личное горе часто уступает место радости победы. Для всех эпических плачей характерны любовь к свободе и смелость в выражении своих взглядов, иногда фигуральном, а иногда и откровенном.

Несмотря на полное признание нашей и иностранной критикой значения первого сборника, Новица Шаулич не смог напечатать свой новый сборник вплоть до 1953 года, когда в юбилейном номере СЕЗ (Сербский этнографический сборник) появилась его новая статья о плачах, ставящая задачу определить причины оплакивания, исследовать связи лирических и эпических элементов в процессе создания народной поэзии, выделить драматический элемент в оплакивании. В приложении к статье даны десять новых превосходных плачей. На этот раз вместе с именами некоторых плакальщиц приведены краткие биографические данные и даже дан портрет одной из самых лучших плакальщиц — Кристины Крастич из Яворья (тогда ей было около 85 лет).

Хотя часть материалов Шаулича пропала во время войны, у него сохранилось все же большое число записей народных плачей, и много заметок, с ними связанных. На русском языке плачи, записанные Шауличем, появляются впервые. Пусть несколько этих образцов плачевой поэзии сербов из большого ненапечатанного сборника послужат делу сравнительного изучения славянских плачей и плачей других народов.

Перевод с сербохорватского
М. Бершадский.

НЕКОТОРЫЕ НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЛАЧИ

Новица Шаулич

Плач Джурджи Лакушич¹ по братьям

Оѣах мало говорити,
Своје срце вријеѣати,
Братске ране поновити,
Жельно брата поменути,
Ка' на сунце погледати.
Мој жестоки рањениче,
Радојиѣ!
Доби ране на мејдане,
Рано брате!
На очито бојно поље,
Ће се вели «ко ће боље»,
Ту свуј брате у најбоље,

Побеседую немного,
Свое сердце растревожу,
Раны братьев вновь оплачу.
Помяну родного брата —
Словно в солнце погляжуся...
Тяжелы, жестоки раны,
Мой Радойца!²
На мейдане³ тяжело ранен
Ты, мой братец!..
Говорят, в бою среди поля
«Кто сильнее, того и доля».
Ты всегда был храбр всех боле;

³⁶ Н. Шаулић, ук. соч., стр. XI.

Ће се вели «стани, пани»,
 Ти се ниђе не препаде,
 Ни кри главу за главицу,
 Но кораком на границу,
 Оштром сабљом у десницу,
 Сабљо брате!

Па на шанац јуришаше,
 Све с крилатом браћом твојом,
 Те се глава накидасте,
 Друштву, браћо, примјер дасте;
 Туна с' главе погибосте
 И за славу главу дасте,
 И за вашу Отаџбину.
 У мудру сте памет рекли,
 Е ћете се прославити,
 И у пјесме испјевати,
 Ка' Угреви, браћо, први,
 Ја не жалим теке тебе
 Но три брата, ка' три града.
 И осталу редом браћу,
 Дико браћо!

Но ја браћу жалит' нећу;
 Ако браћа изгибосте,
 Сираци им остодоше,
 Ће сираци, ту јунаци,
 Љуцка Ћеца порастоше,
 Братска мјеста охрабрише.
 Па ако сам безбратница,
 Ја нијесам безродница,
 Роде браћо!

Дивно ли ти пристајаше,
 Дични брате!
 Кад се у бој окреташе,
 Убојничел
 Ка' да стасом град грађаше,
 Граду брате!

Тако радо окреташе,
 Роде брате!
 Наш на коња бињаџија,
 А на шанац јуришлија,
 А на главе јагмаџија,
 Радојица!

Сад ће ти се сестра молит',
 Сунце брате!
 Ако си ми мало бољи,
 Мани крилом и раменом,
 Рајно брате!

Па прошетај по тавници,
 Ка' но соко по граници,
 Тражи браћу племенике,
 Све јунаке убојнике.
 Дивно ли ти пристајаше,
 Павле брате!

Там, где только «Встань, ложися!»,
 — Никогда не знал ты страху.
 Ты умел, не прячься, биться,
 Смело шел ты на границу
 С острой саблею в деснице,
 Сабля-братец!⁴

На окоп ходил в атаку,
 Вел с собой крылатых⁵ братьев.
 Вражьи головы рубили,
 Всем другим в пример вы были,
 Погибали, отдавали
 Свои главы из-за славы,
 За отечество родное.
 Мудро сказывали, братья,
 Что прославитесь навеки,
 Станут складывать вам песни,
 Как об Уграх⁶, тех героях.
 Я не первого оплачу,
 Но три брата, как три града,⁷
 И других по ряду братьев,
 Славных братьев!

Нет, зачем жалеть мне братьев!
 Если братья погибли —
 Их сироты оставались.
 Где сираки⁸ — там юнаки!
 Дети вырастут, и снова
 Вместо братьев будут люди!
 Коль осталась я безбратной, —
 Не осталась я безродной,⁹
 Род мой, братья!

Ах, каким ты мне казался,
 Славный братец,
 В бой когда ты собирався,
 Брат мой родной!
 Стан твой весь преобразался,
 Крепость, брат мой!

В бой охотно отправлялся,
 Брат мой родной!
 На коне — ездок умелый,
 На окоп в набеге смелый,
 До голов врага охочий,
 Мой Радоица!

Умолять тебя я стану,
 Солнце — брат мой!
 Если любишь ты сестрицу, —
 Поведи крылом-плечами,
 Брат страдалец,

По своей пройдишь гробнице
 Как по ветке сокол-птица,
 Поищи героев-братьев,
 Молодцов отменной стати...
 А каким мне ты казался,
 Павел¹⁰ братец!

Кад јуначки бој бијаше,
 Ка' да с неба гром грмљаше,
 Високо се витез вије,
 А сабља ти крви пије,
 Сабљо Павле!

Кудијен ти сабља звекну,
 Свуј тудије крвник јекну,
 Сунце браћу гријаше ти.
 Ви имате и још браће,
 По граница!

Под ранама љутијема,
 Зорни бане изабрани,
 Па јуначе одазвани,
 Сабљо Лука!

Как јуначки бој бијаше,
 У крвнике јуришаше.
 Крвници га опколише,
 Тебе индат не дадоше.
 Ти се бори за три дана,
 На крваву неку Викру,
 Ту ти главу одрубеше,
 Војсци крило саломише,
 Сабљо Лука!

Браћи очи извадише!
 Но имамо и још браће,
 Што пред војском погинуше.
 Од крвавог Куманова,
 Низ проклету Малесију,
 Па у Шају починусте.
 Ту нам с главе погинуше.
 Млади бане капетане,
 Мој Новаче!

Ти си главу положио,
 Оштру сабљу саломио,
 Дом гласити затворио,
 Златну лозу прекинуо,
 Људску славу укинуо.
 Славо браћо!

Нема кише без облака,
 Ни јунака ка' Новака,
 Дико брате!

Но не могу више зборит',
 Да сам рано уранила,
 И дуги дан оставила,
 Не бих браћу побројила.
 А нектоли ожалила.
 Имао си ће погинут',
 Сабљо Мато!

У бојеве на градове,
 Кад топове окреташе.
 Ће си оком погледао,
 Ту си с крилом долетио,
 Ће си оком нишанио,

Бой юнацкиј начинался —
 Словно гром тут раздавался,
 Высоко герой взметнется —
 Сабля крови враз напьется,
 Сабля-Павел!

Только саблей заманется —
 Всюду враг и отзовется.
 Братьям ты светил, как солнце...
 Но у вас еще есть братья
 На границах,

Все под ранами лютыми:
 Сильный бан,¹¹ герой избранный,
 Что отмечен славой бранной,
 Лука,¹² брат ваш!

Как юнацкий бой водили
 И на приступ вы ходили,
 Ты врагами окружен был
 И без помощи остался.
 Трое суток ты боролся
 Как на том кровавом Вихре,
 Здесь главу тебе срубили,
 Войску крылья обломил,
 Ах, Лука мой!

Братьев словно глаз лишили!
 Но у нас еще есть братья,
 Что погибли перед войском
 Под Кумановым¹³ кровавым,
 В той Малесии¹⁴ проклятой,
 В Шае¹⁵ славно опочили.
 Здесь главу свою оставил
 Капитан и бан, брат младший,
 Новак,¹⁶ брат мой.

Тут главу свою сложил ты,
 Саблю острую сломил ты,
 Словно дом свой затворил ты,
 Золотой свой род прервал ты,
 Славу рода враз отнял ты,
 Славу братьев!

Нету ночи да без мрака,
 Нет юнака, как Новака,
 Гордость брат мой!..

Разве всех мне их упомянуть!
 Если б рано утром встала,
 Целый день бы причитала —
 И тогда б не сосчитала,
 А уж где мне всех оплакать!..
 Знал ты, где твоя гибель,
 Сабля-Мато:¹⁷

Там, где брали город с бою,
 Пушки вы везли с собою.
 Глаз куда твой устремлялся —
 Ты спешил туда на крыльях;
 Всюду, взор куда нацелишь,

Ту си топом погодио,
Граду бедем саломио,
Сабљо брате!

Много друштва избавио,
И под ране и без рана,
Рано браћо!

Но ћу ви се братски молит',
Ви ако се окупите,
Ситне књиге накупите,
Шилте књиге по граница,
Трајте браћу по тамница.
Шалте књигу на Мојковац,
На крваво разбојиште,
Ту су бојни барјактари,
Под барјаком крстатием
Мој Радоњу!

И крсташи саломљени,
И у воду утопљени,
Да их крвник не уграби,
Да вам име не погине,
Име љуцко и јуначко,
Ту су момци соколови.
Кад окупиш зорну браћу,
Орле Павле!

Стави момке под барјаке,
Вазда роду крути наду,
Ка' и стари витезови,
Држали се крај граница,
И крвавој Рачаници,
Око града Колашина.
Када Турке позивасте,
На мејдан их добијасте;
За јунаштво свак ви знаде,
Свуј за славу погинусте,
Сунце браћо!

Попадал из пушки метко,
Стены града разрушая,
Сабля брат мой!

Многих ты друзей избавил
И от ран и смерти лютой,
Брат страдалец!..

Буду вас молить как братьев:
Снова братский круг сомкните,
Письма мелко напишите,
Шлите письма по границам,
Своим братьям по темницам.
И пошлите на Мойковац,
Там, где бой кипел кровавый,
Где бойцы, те знаменосцы,
Под своим под крестным стягом,
Мой Радоня!¹⁸

Стяги крестные побиты,
Под водой глубокой скрыты,
Лишь врагам бы не достались, —
Ваше имя не позорить
Как людей и как юнаков...
Соколов-парней здесь много.
Соберешь когда ты братьев,
Павел-сокол,

Всех парней поставь под знамя —
Вы одна надежда роду.¹⁹
Как и старые герои
Вы держались на границе
У кровавой Рачаницы,²⁰
Возле града Колашина.²¹
Турок смело вызывали
И в бою их побеждали,
Всяк из вас тут был героем,
Всяк из вас погиб за славу,
Солнце-братья!

¹ Джурджа Лакушич, в замужестве Вуйсич, известная черногорская плакальщица. Родилась в Мораче, жила в Подгорице (ныне Титоград) в «Старой вароше» (старая часть города), где в 1919 году посетил ее записавший этот плач Новица Шаулич. Ей было тогда 70 лет. Шаулич рассказывает: «Холодно и с чувством собственного достоинства встретила она меня и сказала, что напрасно я пришел к ней, потому что „ее печаль давно прошла“ (т. е. она давно перестала оплакивать). Но когда она услышала мое имя (а она знала многих моих родственников и знала, что я записываю плачи), сказала: „Если бы я была мертвой, — все равно бы поднялась из могилы, чтобы оплакать горести моего сердца и печаль по юнакам. Прости, брат мой и сын, я не знала, кто это пришел ко мне, несчастной старухе“. Джурджа рассказала мне еще несколько плачей, которые до сих пор еще не напечатаны. Ее плачи, хотя и начинаются словами „Побеседую немного“, обычно обширны. Оплакивает она из желания помянуть братьев, а также других юнаков, павших на поле боя, прославить их юнацкие дела. Обычно юнаков не жалеют, если у них остались дети, которые будут их вспоминать и продолжат их дело. Джурджа считает, что и погибшие юнаки, подобно древним славянским героям, должны собраться под своим знаменем. Несмотря на то, что прошло много лет со дня смерти братьев и родственников, Джурджа очень живо отдавалась воспоминаниям, стремясь спасти от забвения юнаков своего рода и племени. Иногда она включает в свой плач имена еще живых, но уже прославившихся героев. Ей никогда не достаточно только „беседы“ с ними. В своем плаче она „сердце свое тревожит“ и утверждает славу

своих братьев. По силе языка плачи Джурджи исключительны. Она всегда находит соответствующее выражение или сама его создает.

² Радойца Вуисич — унгер-офицер, погибший в первую Балканскую войну в 1912 году в Равной Риеке под Майковцем (Черногория).

³ Мейдан (тур. «мгдан») — поединок, бой.

⁴ Сабля — так иногда говорится о человеке в смысле: твердый, дельный, стоящий.

⁵ Эпитет «крылатый» в применении к воину, юнаку, коню значит: быстрый, ловкий.

⁶ Угры — имеются в виду Янко Сибинянин и другие венгерские юнаки, воевавшие вместе с сербами против турок и чьи имена вошли в сербские народные песни.

⁷ Град — в смысле крепость, надежная защита. Ср. русск.: «За ним, как за каменной стеной», «Не человек, а каменная стена».

⁸ Сирак — сирота.

⁹ Для черногорской или герцеговинской женщины семья, в которой она родилась, это «род»; семья, в которую она вошла после замужества, — «дом».

¹⁰ Павле Вуисич, полаквник. Умер в Крагуевце в 1927 году. Джурджа упоминает его как юнака вместе со своими братьями, хотя он тогда еще был жив.

¹¹ Бан — здесь господин.

¹² Лука Вуисич, капитан, погиб в 1915 году на Вихре.

¹³ Куманово — город в Македонии. В 1912 году здесь был нанесен туркам главный удар.

¹⁴ Малесия — область в Черногории (на границе с Албанией).

¹⁵ Шая (Шаля) — область в Метохии (на границе с Албанией).

¹⁶ Новак Вуисич, капитан, погиб в 1914 году в Албании.

¹⁷ Мато Вуисич, артиллерийский офицер, умер в 1928 году.

¹⁸ Радоня — уменьш.-ласк. от Радойца.

¹⁹ Род — здесь в смысле «народ».

²⁰ Рачаница (Грачаница) — река в Сербии, протекающая через Никшицкую область (у границ Черногории).

²¹ Колашин — город в Герцеговине.

Плач Мары Л. Павич¹ по матери

Зар је ово кућа твоја, Мајко моја?	Разве это дом твой новый, Мать родная,
Зар под земљом и каменом, Ками мене!	Под землею и под камнем? — Как мне тяжело!
Зар си кућу напустила, Домаћице?	Разве бросила свой дом ты, О хозяйка?
О темелу рода мога, Темелнице!	Основательница рода И основа!
А знаде ли, мајко мила, Јад ме знаде,	Если б знать тебе, родная, Если б ведать,
Ђе је сада ледна зима, Леле мене!	Что сейчас зима люта́я, Горе, горе!
Знаш поруке што поручи, Знатна руко!	Кто б наказ мне твой передал, Мать родная,
Да ти дођем при растанку, Ра̀но моја!	Чтоб прийти с тобой проститься, Дорогая!
Претече ме судба клета, Авај, судбо!	Но судьба опередила, ² Проклята́я!
А путови западоше, Ја не дошла!	Замела пути-дороги — Не пройти мне!
Све да ми је више јада Јаду вична!	Сколько выпало мне горя — Я привыкла!
Проклињају ледну зиму, Не било је!	А теперь кляню я зиму, Чтоб ей пусто!
Онаква нам не додила, Никад више!	Чтоб такой зимы не видеть Никогда нам!

Зле чељусти отворила,
 Пакленица!
 Планина је у оклопу,
 Јади вељи.
 Мнозину је прогутала,
 Поморница.
 Да ми пушти дан једини,
 Бог је клео!
 Ни одисти, ни бродити,
 Тешко мене.
 Тебе мајко саранише,
 Ја жалосна!
 Кад си свијет мијенила,
 Мајко роде,
 Сви ми јади поновљени,
 Мој понове!
 Мој понове рода мога,
 Мој поносел!
 Молила бих црну земљу,
 Ох да може,
 Да отвори твоју кућу,
 Куку, мајко!
 А земља ме и не чује,
 Јад ме чуо.
 Ја ћу мајку прекорити,
 Карна ти сам.
 Болећа си вазда била,
 Болетњице.
 Окрени се, погледај ме,
 Љубави ти.
 Вазда си ме надгледала,
 Надо празна.
 Ил' ми пружи гране руке,
 Ружна ти сам.
 Ка' но кад ме његоваше,
 Њего блага.
 Ал' мајка је отврднула,
 Жалост јој је досадила.
 Колико си живовала,
 Жиг м'од рана!
 Деведесет близу љета,
 Леле мајко!
 Подигла си дичну срећу,
 Празна надо!
 Ко цвијеће продаћело,
 Браћо моја!
 Ко год виђе свак завиђе,
 Зло ми у род,
 Узоритим синовима.
 Сину муња завидница,
 Она божја отпадница,
 Те покоси дједу твоју,
 Мајко тужна!

Злые челюсти открыла,
 Сила злая!
 Сколь людей уж поглотила,
 Ах, убийца!
 Вся гора броней одета³
 Мне на горе!
 Хоть бы день дал единый,
 Проклятая!
 Не пройди и не проехать⁴ —
 Тяжело мне!
 Мать, тебя похоронили,
 Ах, беда мне!
 Ты в тот мир переселилась,
 Мать родная,
 Все мне беды и печали
 Обновилась,⁵
 Продолжательница рода,
 Моя гордость!
 Землю б черну я просила,
 Если б можно,
 Чтоб она раскрыла дом твой,
 Мать родная!
 Но меня земля не слышит —
 Горе — слышит! . . .
 Мать свою корить я стану:
 Дочь не жалко!
 Ты всегда была болезной,
 Сострадальной.
 Оглянись, взгляни с любовью
 На меня ты,
 Как всегда меня смотрела —
 Тщетно, тщетно!
 Протяни свои мне руки,
 Не отвергни!
 Как когда-то ты ласкала
 С негой, лаской!
 Но мать каменная стала,
 И жалеть ей надоело.
 Сколько ты жила на свете,
 Вся я в ранах!
 Девяносто лет почти что,
 Мать, беда мне!
 Ты взлелеяла надежду
 Ах, напрасну!
 Как цветы, они увяли, —
 Мои братья!
 Всяк завидовал, кто видел,
 (Беды в род мой!)
 Тех сынов твоих примерных. . .
 Вспыхнув, молнья-завистница,
 Эта божья отступница,
 Всех детей твоих скосила,
 Мать в печали!

Покуси ти сва три сина,
 Види боже!
 Што су прави синци роду,
 Браћо роде!
 Што војују за слободу,
 Зла слобода!
 Зла слобода у дом мајко,
 Завладала!
 Огњиште ти право, чисто,
 Знаш ли, мајко,
 Крвљу браќком утуљише,
 Тужни ти смо!
 Оста мајка самохрана,
 Сунце зађе.
 Ми у мраку међ' звјерове,
 Зла невјеро!
 Под ранама на мукама,
 Мученице!
 Зове она свог Милана
 И Милоша и Уроша
 Јадна мајко!
 Љубављу их прекрљињаше,
 Ал' залуду.
 Дако јој се одазову,
 Кам да јој је!
 Ниједан јој срца нема
 Мајко црна!
 У богато крило твоје,
 Мајко моја!
 Оно што си његовала,
 Њего блага!
 Три младића, три витеза,
 Млади момци!
 Сад их гледаш у комаде,
 Ками мајци!
 Како да се разговориш,
 Црн разговор!
 Тешка туга моријаше,
 Тешки јади!
 Па пред богом пиштијаше,
 Рањелице!
 Дако би се смиловао,
 Свемогући!
 Да ти с неба љестве пружи,
 Мученице!
 Ил' у мору пут отвори,
 У дубини!
 Не би л' туга утонула,
 Тешка туго!
 Не би л' мајци олакшало,
 Ками да ће!
 Ране тиште, туга боли,
 Болна ти си!

Трех сынов скосила разом,⁶
 Видит боже!
 Истинных сынов народа,
 Род мой, братья!
 Что воюют за свободу,
 Ах, свобода!
 В доме, мать, свобода злая
 Воцарилась!
 И очаг твой правый, чистый,
 Мать, ты знаешь,
 Братской кровью погасила,
 Горе всем нам!
 Без кормильцев мать осталась,
 Скрылось солнце.
 Среди зверей мы и во мраке,
 Зло, измена!
 В ранах мы и в тяжких муках,
 Мученицы!
 Звала Милана сыночка,
 И Милоша и Уроша
 Мать в несчастье!
 Заклинала их любовью,
 Но напрасно,
 Хоть один бы отозвался —
 Но уж где там!
 Хоть один имел бы сердце —
 Мать несчастна!
 В дом к тебе пришел с приветом,
 Мать родная!
 В дом, где ты была хозяйкой
 Всем богатствам.
 Все-то парни, все герои
 Молодые!
 А теперь их нет на свете —
 Тяжко, мама!
 Как же с ними говорить-то,
 Что промолвишь?!
 Ах, печаль-тоска сгубила,
 Боли тяжки!
 Ты всевышнего молила,
 Мученица,
 Снизослал тебе бы милость,
 Всемогущий,
 Чтoб лестницу подал с неба
 За страданья!
 Или в море путь открыл бы,
 Во глубины,
 Утопить кручину злую,
 Боль, печали!
 Стало б матери полегче —
 Ах, возможно ль!
 Раны ноют, боли тяжки,
 Ты страдаешь,

А опасност клета грози,
 Ах грозоте!
 Да би памет преврнула,
 Жалоснице!
 Ал' храброшћу побиједи,
 Јунак мајко!
 Сузе рони, снахе дозва,
 И малене унучиће.
 Па започе радњу радит',
 Рањо мајко,
 Радњу радит', кућу кућит'
 Кукајући!
 Па подиже сиротињу,
 Пресиротна!
 И јединка ти ожени,
 Свог унука!
 Па доживје праунуке,
 Младе твоје!
 Па ублажи ране љуте,
 О ублаго!
 Па похита синовима,
 Мајко роде!
 Да испуниш жељу жељу,
 Браћо жељо!
 Тамо суза бити неће,
 Сузна ти сам!
 Тамо правда сама влада,
 Желна си је!
 И свијетли вјечна свјетлост,
 Нема мрака!
 Свачије се дјело види,
 Виде мајко!
 Нема мана, ни порока,
 Љубав братска!
 Нема злобе, ни лудости,
 Жучи горка,
 Нема рана, туге, бола,
 Сама пјесма у анђела!
 Ту ћеш сузе утријети,
 Мајко роде!
 Ту ћеш жељу испунити,
 Благо тебе!
 Синови те дочекати,
 Руке ће ти раширити,
 Ти их мајко познат' нећеш,
 Не за дуго!
 Неће бити под ранама,
 Ка и прије!
 Они су ти пребозели,
 Они су ти оздравили,
 Из рана им цвијеће никло,
 Миришљиво,
 Вјековима да се ките,
 Китна браћа!

Вновь опасность проклята́я⁷
 Угрожает.
 Ах, сойдешь с ума от боли!
 Ох, недоля!
 Но храбростью побеждает
 Юнак, мама!
 Слезы ронит, снох сзывает
 И внучат сзывает малых,
 Начинает дело делать,
 Мать-хозяйка,
 Дело делать, дом смотреть свой,
 Причитая,
 И сирот на ноги ставить
 Бесприютных,
 Своего женить единца,
 Внука-парня,
 И до правнуков дожить бы,
 Их лелеять!
 Ублажить лютые раны,
 Ублажить бы,
 Торопись к своим сыночкам,
 Мать родная!
 Чтоб желание исполнить,
 Братьев волю!
 Ты теперь не будешь плакать,
 Я — поплачу!
 В доме правда воцарилась,
 Долгожданна!
 Вечный свет там воцарился,
 Сгинул мрак в нем!
 Все добро и зло в нем видно,
 Видно, мама!
 Нету зла, пороков нету,
 Любовь братьев!
 Нет ни злобы, ни безумья —
 Желчи горькой,
 Нету ран, тоски, печали,
 Только ангельские песни!
 Здесь утрешь свои ты слезы,
 Мать родная!
 Здесь свои свершишь желанья,
 Тебе благо!
 Сыновья тебя тут встретят
 И в свои объятия примут,
 Их уже узнать не сможешь
 С перва взгляда!
 Ты не в ранах их увидишь,
 Как когда-то!
 Раны их прошли, зажили,
 Сыновья уже здоровы,
 В ранах их цветы возрастают
 Благовонны,
 Чтобы вечно украшать их,
 Гордость-братьев!

¹ Мара Л. Павич, в замужестве Шаулич, из Жабляка под Дурмитором — одна из лучших черногорских плакальщиц начала XX века. Имея скромное образование, она постоянно стремилась развить поэтический талант своих братьев в импровизациях и чтении. В семейном кругу воспитывала сыновей и дочерей в духе свободолюбия и патриотизма. Это воспитание дало свои плоды: все они принимали деятельное участие в борьбе за новую жизнь.

² Мать умерла раньше, чем дочь успела навестить ее.

³ Гора Крново покрылась в ту зиму снегом и льдом.

⁴ Плакальщица прокидает эту зиму потому, что ни одного дня не было без вьюги, поэтому она не могла прийти и повидаться с матерью перед смертью.

⁵ Перед этим погибли три брата.

⁶ Сначала погиб брат Милан, затем Милош, борец за черногорскую конституцию, последним — Урош.

⁷ В семье боялись, что погибнут и другие члены рода.

Плач Дуни Драгутина Стиеповича по дочери

Дуня Драгутина Стиеповича, урожденная Андесилич, из Мотичког Гая (Дурмитор), на второй день после похорон своей дочери Даси плачет на могиле:

Јутрос ми је друго јутро,
Мој велики дуги јаде!
Сад ћу питат' Дасју моју:
Како јој је на конаку;
Јесу л' браћа долазила;
Јесу л' сестри «благо» рекли;
Јесу л' ватру наложили;
Је л' стријела угријана;
Је су ли те упитали,
Јади ли им мајка јада?
Што им, Дасјо, не кажувеш,
Не би ли им жао било,
Не бише л' ми ђеца дошла,
Не би ли им «благо» рекла,
Леле мене, ђецо моја!

Вот уже второе утро, —
Горю нет конца и краю!
У своей спрошу я Даси:
Как ей было на ночлеге,
Приходили ль нонче братья
И сестре сказали ль «благо»? ¹
Кто в очаг ей дров подкинул,
Ей, стреле той раскаленной? ²
А тебя они спросили,
Плачет ли их мать родная?
Дасѐ, что ты их не спросишь,
Жалко ль им сестру родную?
Как пришли бы нонче дети —
Ты бы «благо» им сказала...
Горе мне, о мои дети! ..

После похорон три утра женщины и кто-нибудь из родственников ходят на кладбище. Женщины с подавленным видом простирают руки вперед, особенно в первое утро. Время от времени то одна, то другая из них во время шествия во весь голос протяжно закричит-запричитает. Когда шествие приблизится к могиле, вперед выступит какая-нибудь из женщин и, ударяя себя в грудь руками, упадет на могилу. Другие причитают (кукают), жалуются (ойкают) и с плачем также падают на могилу. Мать, бабушка или тетка, если они не умеют оплакивать (тужить), — медленно, словно рассказывая, сквозь плач просто перечисляют свои жалобы. Тогда опытная плакальщица начинает:

Добро јутро, Дасјо моја,
Покажи ми ране твоје,
Јел' ти, Дасјо, необично,
Јеси сама без икога
Заноћила?

Јел' ти ико долазио,
Јел' ти воде додавао
Да ти гаси жесне ране?
Куку мене, с краја твога!

Добро утро, моя Дасѐ,
Покажи свои мне раны,³
Непривычно тебе, бедной,
Ты одна здесь, одиноко
Ночевала.

Кто тебя тут навестил бы,
Кто тебе воды принес бы,
Чтоб залить жестоки раны!
Все-то плачу по тебе я... .

Другая женщина продолжает плач, обращаясь к мертвой (существует представление, что к покойным можно обращаться так же, как и к живым; если бы народная фантазия отказалась от этого, не было бы и плачей), перечисляет имена умерших близких, потом из других домов. Так, говоря о своих детях, она будет плакать в следующих выражениях:

Беше дична срећа моја,
Није једно но петоро.
А четворо ја не жалим,
Но ја жалим дична сина,
Не би брата ни рођака,
Ни јунака племеника
Да с' устави,
Код жестоког мученика,
Да му дода ледне воде,
Ни му ране эле ублажи,
Простирке му не простије,
А водом га не напоји.

Все-то счастье в них мне было,
Не один, а целых пять их!
Четверых-то не оплакать,
Так оплачу славна сына.
Нет ни брата, ни свояка,
Нет ни храброго юнака⁴
Здесь остаться,
Чтоб помочь ему, страдальцу,
Чтоб подать воды холодной,
Охладить жестоки раны,
Расстелить ему постель бы,
Напоить его водицей.

Таким плачем она хочет успокоить боль матери, которая долго ухаживала за своей больной дочерью и попыталась сделать все, чтобы ее спасти от смерти.

Покончив с личными горестями, плакальщицы переходят на воспоминания о родственниках, кумовьях, друзьях, а особенно о погибших юнаках:

Него ћемо ми жалити
Сад јунаке биранике
А који су нестали,
За крст часни и слободу,

А сейчас мы все оплачем
Наших избранных юнаков,
Что дралися и погибли
За честной крест и свободу,

желая подчеркнуть, что потеря таких людей тяжелее потерь личных.

Не могу вас побројити
Ја кукала!
Да је карта сиво поље,
А мастило сиње море,
Мудра глава Милошева
И Вајкова,
Хитра рука писарева
Једва би вас пописала
А немоли ја кукала.
Да вас тужна ја побројим
У мом јаду великоме.

Не могу вас сосчитать я,
Сколь ни плачу!
Лишь бумага — серо поле
Да чернила — сине море,
Да еще бы мудрый Милош,⁵
Еще Вайко,⁶
Писарь с быстрою рукою
Вас едва б переписал всех —
А уж где мне всех упомнить,
Где же, бедной, сосчитать вас,
Мне в своей большой печали!

¹ Когда родственники встречаются после длительной разлуки, они говорят «благо мене» (благо мне).

² Раскаленная стрела (стријела угријана) — метонимия для мертвой, сраженной болезнью девушки.

³ Раны в буквальном и переносном смысле — болезнь.

⁴ Юнака — героя.

⁵ Милош Шаулич, министр юстиции и борец за демократические свободы в Черногории (конец XIX—начало XX века).

⁶ Вайко, инженер Василие Жугич, погиб от разрыва гранаты в Скадре.

Плач Сары Караджич¹ по сыну

У мене је јада доста!
 Него мајка нема нада,
 Да ће Сава наљутити,
 Да се надам баксузница,
 Да ми кадгој Сава дође.
 Али да се богу молим,
 Да код њега мајка дође,
 Да му виђу црне очи,
 И гранате руке бјеле,
 Не би ли ме загрлио,
 Не би ли га услужила.
 Барем тамо на тај свијет.
 Но си ми се наљутио,
 Ђе ти много сузе лијем,
 Ђе ти младу душу кварим,
 Па ме нећеш да дозиваш,
 Дозволи ме дуги јаде!
 Но ћу тебе прекорити,
 Пејка, моја кукавице,
 Немој тако сузе лити,
 Ни бројити Саву дане,
 Ти погледај око себе,
 У црнини кукавице,
 И оне су безбраткиње,
 Сам' имају саморанце,
 Те им више јада дају,
 На кућу им гавран кука,
 Прије сунца и мјесеца,
 Крилом врата затворио.
 Вође јада има доста,
 Од младијех утреника,
 Ђе је много јада било,
 Од како се заратило,
 Многа мајка прокукала,
 А сестрица ојађена,
 Многа мајка саморана.

Скољ печали в моем сердце!
 Мне ль надеяться, несчастной,
 Что рассердится мой Сава!²
 Мне ль дожидаться, горемычной,
 Что когда-нибудь вернется!
 Но молиться буду богу,
 Чтоб хотя бы на том свете
 Довелось его мне встретить,
 Посмотреть на очи черны,
 Руки белые увидеть!
 Может, мать свою обнимет! —
 Я б ему опять служила...
 Видно, сердится сынок мой,
 Что я лью так часто слезы,
 Душу юную тревожу...
 Ах, меня не позовешь ты, —
 Так позволь мне плакать вволю!..
 Пейка! Горькая кукушка!³
 Укорить тебя хочу я:
 Ты не лей так часто слезы!
 Саве дни считать не надо!⁴
 Посмотри вокруг себя ты:
 Сколь вокруг сестер безбратних!
 Все печальные кукушки,
 Всюду старцы без кормильцев —
 Вот о них поплакать надо.
 Всюду вóроны на крышах,
 Раньше месяца и солнца
 Крылом двери затворяют.
 Пожалеть, оплакать надо
 Молодых парней убитых.
 Началась война — и снова
 Столько горя и печали!
 Матерям печали много,
 Сестрам тоже много горя,
 Сколькo стариц без кормильцев!

¹ Сара Караджич, известная плакальщица из Жабляка под Дурмитором. Родом с Трса из Пивы, из геройского рода Йокановичей. В этой песне оплакивает борцов-героев из своего рода и мстителей за Косово из Пивы и Дробняка (ср.: Српске народне тужбалице из збирке Новице Шаулића. Београд, 1929, стр. 124—129). Вспоминает своего сына Саву, умершего от болезни в Придворице (Дробњак) во время неприятельской оккупации в 1917 году. Ее дочь Пейка с тех пор постоянно оплакивает своего брата. Мать укоряет ее за это, говоря, что у всех горю, что с тех пор, как началась война, многие матери остались без сыновей, а сестры без братьев. Саре сейчас больше восьмидесяти лет, живет она в Деспотовце (Сербия) у доречи Пейки, муж которой был священником в той округе. Еще несколько «тужбалиц» Сары остались ненапечатанными.

² Существует убеждение, что частые слезы по покойным им в тягость, что последние сердятся на своих родственников, если те по ним много плачут.

³ В сербских «тужбалицах» образ кукушки появляется часто как образ сестры, лишившейся брата.

⁴ Т. е. не нужно так убиваться, что Сава умер столь молодым.

Плач Милосавы Цицмил¹ по братьям

Чије ј'ово перје овђе,
 А женама по рукама?
 Ал' су крила соколова,
 Ал' је крило лабудово?
 Ал' од тога ништа није,
 Но су капе са јунака,
 Са јунака без узмака,
 А делија без поноса!
 Но кукала сестра ваша,
 Бих ја с вама говорила,
 Но ме жалост уморила,
 Па не могу говорити,
 Него'оћу, а да што ћу?
 А знате ли, зорна браћо,
 Када вама глас допаде,
 Да идете на бојиште,
 На Косовско осветиште,
 Вама мрзно не бијаше,
 Но се боја зажељели,
 Па се радо опремате,
 Ка' да ћете у сватове,

Ја кукала!

Двадесет брата Кнежевића
 Под барјаком брата Шора!
 Јаох брате, људски бане,
 И жалости за навијек!
 Сестре коње опремају,
 Мајке старе сузе лију,

Јаох њима!

Ведро бјеше тама паде,
 Ђе се бјеху окупили
 На сред села код свог брата
 Код Радула Кнежевића.
 Ту их сестре испратише
 И с браћом се изљубише.
 Кад на коње посједаше
 И из грла запјеваше, —
 А несретна сестра моја,

Ја кукала!

Кад се с братом пољубила,
 Са Алексом дели братом,
 Сестра паде црној земљи.
 А кад браћа повиђеше,
 Сви од коња одјахаше,
 Па узеше сеју милу,
 На кулу је однијеше.
 Сестра тужна говораше:
 «Куку, брате, жарко сунце,
 Како ћу ти кући доћи,
 Код куће ти нико нема,
 Без кукала стара мајка.
 Ја се бојим, душо, јада,

Чије лежат тут перья эти
 На руках у женщин грустных?
 Может, крылья соколины?
 Или крылья лебедины?²
 Нет, не крылья эти перья,
 То юнаков³ славных шапки,
 Шапки воинов бесстрашных,
 Горделивых, не хвастливых...
 Как сестра несчастна ваша!
 Я бы с вами говорила,
 Да печаль меня сморила,
 Не могу сказать ни слова.
 Но, сдается, мне придется.
 Помните ли, храбры братья,
 Как пришли такие вести,
 Чтоб идти вам всем в сражение,
 На Косово для отмщенья⁴ —
 Весть вы приняли охотно,
 Сразу в бой вы устремились
 И оружие быстро взяли,
 Словно в сваты шли на свадьбу,

Ах, беда мне!

Двадцать братьев Кнежевичей,⁵
 Все под стягом брата Шора!
 (Славный мой отменный братец,
 Век тебя мне не оплакать!).
 Сестры им коней седлают,
 Стары матери льют слезы,

Горе бедным!

Было ведро — мгла упала,
 Где они отряд собрали
 Средь села, у дома брата,
 У Радула Кнежевича.
 Здесь их сестры провожали,
 Своих братьев целовали.
 На коней когда все сели,
 Песню громкую запели,
 А сестра моя несчастна

Причитала!

Брата лишь поцеловала,
 Брата воина Алексу —
 Враз на черну землю пала.
 Братья это увидали
 И с коней своих слезали,
 Брали милую сестрицу,
 В дом высокий относили.
 Говорила им сестрица:
 «Ах, мой братец, жарко солнце,
 Как же в дом к тебе приду я?
 Никого ведь в доме нету,
 Кроме матери несчастной.
 Я боюсь, мой милый братец,

Да те више видет' нећу,
 Ја кукала као што сам.
 Кад су прве битке биле,
 И ондај су изгинули!
 Ви сте ока слободнога,
 А гнијезда јуначкога,
 Ђе год бјеше караула,
 Свукуда сте ударали.
 Па сам чула на Безују,
 Кад галију начинише,
 Стрика Милан змајовити,
 У галију улазаше,
 А за њима браћа мила,
 Није један ни двојица,
 Но цијела породица.
 Милан бјеше војсковођа,
 Па он брани браћи милој,
 Још на војску срклет чини,
 Да им не да у галију,
 Сви ће листом изгинути,
 Од његове породице,
 Он дозива до три брата.
 И туј им је срећа била,
 Душмана су побједили,
 Сви су здраво останули.
 Дични роде, мој гласити,
 На врата си долето,и,
 А са сабљом у рукама,
 Сабља брацка!

Пашу звао на предају.
 Још ти паша чизме љуби
 И десницу руку твоју,
 Па ти прође испод сабље
 И деснице руке твоје,
 Рањо роде!

Све сасуше Пиви води,
 Док је Пива пресушила,
 Од турскијех телесина.
 Ни то вама доста не би,
 Но кад друга битка бјеше,
 На Равноме кравоме,
 Брацка крила, змај Милане,
 Бритку сабљу извадио,
 Па у шанац улето.
 А за њиме браћа мила.
 А кад Милан соко виђе
 Да за њиме браћа иду
 И остали соколони,
 На браћу се окренуо
 И тијо им говорио:
 «Не идите, браћо мила,
 Нити на ме ви гледајте,
 За ме зрно не приања,

Что тебя уж не увижу,
 Оттого-то я и плачу. . .»
 (Как сраженья первые были —
 Все они тогда погибли!
 Братья с быстрым, смелым оком,
 Родились в гнезде юнацком. . .).
 Там, где вражьи караулы,
 Вы туда и ударяли.
 Я слыхала, на Безуе
 Вы галеру снаряжали.⁶
 Змей наш сильный, дядя Милан
 На галеру ту садился,
 А за ним и милы братья.
 Не один входил, не двое,
 А садились всей семьею.
 Милан был им предводитель,
 Охранял, берег он братьев,
 Запретил он, заказал им,
 Чтобы в галеру не садились,
 А не то б они погибли
 Поголовно, всей семьею.
 Он позвал с собой трех братьев,
 Здесь их счастье поджидало,
 Всех врагов они сразили,
 Сами целы-невредимы.
 Ах, мой славный, гордость-братец!
 Ты к дверям подъехал быстро
 С острой саблею своею,
 Сабля-братец!

Вызывал пашу, чтоб сдался.
 Сапоги тебе лобзал он,
 Целовал твою десницу,
 Проходил тебе под саблей,
 Под твоей десницей сильной,⁷
 Братец милый!

Всех свалили в воду Пивы,
 Так что Пива пересохла
 От врагов турецких битых.
 Но того вам мало было:
 Как была вторая битва
 На кровавом поле Равном,⁸
 Милан, храбрый змей крылатый,
 Вынимал тут саблю острую
 И влетал в окопы вражьи,
 Вслед за ним и милы братья.
 Как увидел сокол-Милан,
 Что за ним идут и братья
 И все соколы другие, —
 К братьям тут он обернулся
 И сказал им тихо Милан:
 «Не ходите, милы братья,
 На меня вы не смотрите,
 Пуля взять меня не может,⁹

Без у око, ако згоди». Кад се борба отворила, Несрећа га погодила, У око га пушка згоди. Још три храбра официра, Међу њима Аџић Вула,
Сивог орла!
Када соко Митар виђе, У шанац је ускочио, Пет је глава погубио, Од Турака злих крвника. А кад Турци то виђеше, На њ'га плотун оборише, Док и њега освојише. И бедеме окитише. Па се и сад јада бојим, Пошто Шоро барјак носи, Ићи ћете за барјаком И ви ћете изгинути,
Брацке дикел!
Ал' јој браћа говораху: «Немој плакат', сестро мила, Који ћемо погинути, Дође вакат и врејеме, Да Косово осветимо, Да скинемо турски јарам, Ако ћемо изгинути, За крст часни и за вјеру! А што жалиш, сестро мила, Што се нисам оженио, Није среће остануло, Од Милоша Обилића
Обилићу!
Па нек неће ни од мене!». Ондај момак збогом рече, Па посједе добра коња, Те пристиже браћу милу. Али браћа ратоборци, Кукај сестри несретници, Све бојеве прегазише, До Ругова тужна мјеста. Туј се мало узбунише, Допаде им Обрен рана, О, Обрене, брацка дико! Ал' ми браћа књигу пишу, Ће се Обрен обранио, Докторима носише га. Кад му ране превижаше, Обрен срца јуначкога, Не шће ране боловати, У болници код доктора, Но он иде браћи милој,
Ја ви јадна!

А возмет, — так только в око». Только битва начиналась — Тут несчастье и сказалося: Пуля в глаз ему попала, Офицеров трех сразила, Среди них и Аджич Вула,¹⁰
Ах, орел мой!
Сокол-Митар это видел, Он вскочил в окопы вражьи, Пять голов срубил турецких, Поразил врагов кровавых. Турки это увидали, Залпом все в него стреляли, Тут его они сразили, Стены трупом украшали...¹¹ И сейчас мне вспомнить больно. Стяг нес Шор, она сказала: «Вы пойдете все за стягом, Все погибнете под ним вы, Слава-братья!». Братья ей тут отвечали: «Ты не плачь, сестра родная, — Если все мы и погибнем, То наступит час и время, Отомстим мы за Косово, Сбросим мы ярем турецкий. Суждено, — так все погибнем За честной крест и за веру! Плачешь ты, сестра родная, Что умру я неженатом. Что ж, не выпало мне доли, Как и Милош Обилич,¹²
Мой Обилич!
Пусть и мне ее не будет!». Тогда молодец прошался, На своего коня садился, Догонял он милых братьев. Ратоборцы братья были На беду сестре несчастной, Все места прошли с боями Вплоть до Руговской теснины.¹³ Здесь они пришли в смятенье: Повстречался Обрен в ранах. Ах ты, Обрен, гордость братьев! Но письмо мне братья пишут, Что в бою наш Обрен ранен, Что снесли его в больницу, Перевязывали раны. Обрен был с юнацким сердцем, Не хотел лежать в больнице, Ждать, когда затянет раны. А пошел он к милым братьям,
Ах, беда мнел!

Ал' сву Турску прегазисте,
Са дичнијем јунацима,
Пиљанима, Дробњацима
И осталим јунацима.

На Џетиње краљ дочуо,
За кроваве ратоборце,
Рано браћо!

Да сте Турску прегазили
И судије поставили
Црне Горе, ја ви црна,
Ја ви црна за навијек!
Не даде ви починути,
Ни се мало одморити,
Окренусте Скадру граду,
Про планини великијех,
Про крвнице Малисије,
Ће бијеше снијег пао;
Туж су многи останули,
У том леду и снијегу.
Ал' нијесу браћа моја,
Но на Скадар здраво дошли,
Свилен чадор разапели,
На кровавом Бардањолу
Скадру граду, црнио се,
Што задрње многу мајку,
А остави сестру тужну,
Многу сестру безбраткињу,
Ћецу милу без оца,
Многе љубе удовице.
Мутна ли је памет моја.
Послушајте, сестре моје,
Да ви кажем јаде многе,
А од Скадра проклетога;
Кад се борба отворила,
На проклетом Скадру граду,
Ће ми браћа остадоше,
И у боју попадаше.
Али Шоро витез стари, —
И прије је ратовао, —
На шанац је полетио,
Са барјаком у рукама,
И за њиме браћа мила.
А крвници, бог их клео,
Моју браћу уочише,
На њих плотун оборише
И Шора ми погубише,
Рано брате!

На њ'га рана седамнаест.
Али витез Радул бјеше,
Како Шоро мртав паде,
Витешки му барјак зграби,
Узмути се породица;
Докле младо момче јекну,

Вы прошли всю землю турок
Со славными юнаками,
Пивлянами, дробняками¹⁴
И другими юнаками.
Услыхал король в Џетинье
О кровавых ратоборцах,
Родных братьях!

Что прошли вы земли турок,
Всюду судей учредили
Черногорских. Я несчастна,
Я несчастная навеки!
Хоть немного б отдохнули,
Вам поспать и то не дали.
Вас послали к Скадру-граду,¹⁵
По высоким тем планинам,¹⁶
По Малесии¹⁷ кровавой.
Выпадал тут снег глубокий,
Люди многие остались
В тех во льдах, снегах глубоких,
Не остались мои братья,
Все они пришли под Скадар,
Шелковой шатер разбили
На кровавом Барданьоле.¹⁸
Город Скадар, почернел ты:
Ты принес печали много
Матерям и сестрам бедным,
Сестрам горьким и безбратным.
Без отцов детей оставил,
Многих жен оставил вдовых.
Ах, мутится моя память!
Вы послушайте, сестрицы,
Расскажу я про печали
Все от Скадра проклятого.
Как бои тогда начались
За проклятый город Скадар —
Там мои остались братья,
Все они в тех битвах пали.
Шора наш был витязь старый,
Воевал он в жизни много,
На окоп пошел он вражий
Со своим в руках со стягом,
А за ним пошли и братья.
Тут враги, чтоб бог их проклял,
Моих братьев увидали,
Залпом все по ним стреляли,
Шора мне они сгубили,
Брат родимый!

Было ран на нем семнадцать.
Но Радул наш был героем:
Видит, Шора пал уж мертвым,
Смело стяг его схватил он, —
Кровь родная возмутилась.
Молодец успел лишь охнуть —

Допануло љутих рана,
 Ра̑но браћо!
 Јер у сестре један бјеше,
 Мој Алекса, жарко сунце.
 На небу ми сунце стаде,
 У сиње ми море паде.
 Што ти, сестро, сада оста?
 Све у тами с краја твога,
 Све ти, брате, пусто оста:
 Врани коњи нејахати,
 А волови неватати,
 А чактари поскидани,
 Па сложени у атуле,
 Љети овце предавуше,
 А зими ти раздавуше;
 Ливаде ти некошене,
 А њиве ти неоране,
 По њима се гује легу,
 Те ти сестри очи ваде,
 И кукалој старој мајци,
 Која ти је без саране,
 Без саране и одмјене,
 Рано моја до вијека!

Сразу был смертельно ранен,
 Ранен, братья!
 У сестры один был братец,
 Солнце жаркое — Алекса...
 Мое солнце в небо стало,
 В море синее упало.
 Что тебе, сестра, осталось?
 На твоём краю — потемки.¹⁹
 Все ты, братец мой, оставил:
 Воронье неседланы,
 А волю незапряжены,
 Все с овец чактары²⁰ сняты,
 Под стрехой лежат безмолвно.
 Летом — овцы предавуши,
 А зимою — раздавуши.²¹
 Луг твой, брат, стоит некошен,
 И никто не пашет ниву.
 Змеи там теперь гнездятся,
 У твоей сестры пьют очи,
 Старой матери несчастной.
 Кто теперь их похоронит?
 Кто заменит на работе?
 Ах, печаль моя — навеки!

¹ Милосава Цицил, в замужестве Кнежевич, из Пивы, умерла недавно. Это была одна из наиболее поэтически одаренных плакальщиц среди тех, от которых Новица Шаулич записывал плачи после Балканских войн (1912 и 1913 годов) в Герцеговине и Черногории.

² Сокол в народных песнях, как известно, символ отваги и геройства, а лебедь — красоты. Встарину их перья носили на шапке. В данном плаче плакальщица мысленно представляет, что оплакиваемые ею покойники достойны украшений из перьев, какие были у героев старых времен.

³ Юнак (сербохорв.) — герой, молодец.

⁴ Намек на первую Балканскую войну (1912), когда были освобождены при Петре I Карагеоргиевиче сербские земли от турок. Считалось, что отмщено Косово, где в 1389 году сербы неудачно пытались сдержать турецкое нашествие на Балканы. В сербском народе, в народных песнях и литературе культивировалась идея отмщения и свободы. Существовала даже пословица: «Света је освета» («Отмщение священо»). Об этом см. книги Вука Караджича «Живот и обичаји народа српског». Беч, 1867) и Степана Митрова Любиши «Prigovijesti srnogorske i primorske» (Dubrovnik, 1875) и статью Новицы Шаулича в журнале «Архив правних наука»).

⁵ Кнежевичи совершали постоянные набеги на турецкие посты в окрестностях Безуя и Пивы. Из этого рода происходит знаменитый юнак Байо Пивлянин. Своей храбростью славился также Кнежевичи из Шарана, которые в 1862 году с геройством, аналогичным геройству защитников Фермопил, воспрепятствовали переходу турок через р. Тару, а воевода Йоксим Кнежевич, упоминаемый Стилманом в его книге «Герцеговинское восстание», оборонял от войск Омер-паши столицу Черногории Цетинье. (Кстати, сообщим, что из семьи Йоксима Кнежевича происходит мать Новицы Шаулич, Стана Кнежевич Шаулич).

⁶ В 1876 году, когда Черногория объявила войну Турции, в бою на Безуе пивляне соорудили деревянные сани, которые они назвали «галерой» (галија). С помощью «галеры» они совершали нападения на турецкие укрепления. В этих боях прославился геройством Милан Кнежевич. Радуле и Шоро — герои Балканских войн.

⁷ Проходить под саблей под правой рукой, целовать сапог и правую руку — обычай, выражающий безоговорочную капитуляцию противника, повинование, принятие условий победившего.

⁸ Равно — местность возле Пивы.

⁹ Существует поверье, что если человек прошел сквозь многие бои, но остался невредимым, значит, его «пуля не берет». В Шумадин с этой целью в солдатскую

гимнастерку зашивали монету, которую перед этим клали в рождественский пирог (чесницу).

¹⁰ Аджич Вуле — предводитель гайдуцкого отряда из Плужины в Пиве, погиб под Равном, когда герцеговинцы боролись за присоединение своих земель к Черногории.

¹¹ Турки с целью устрашения неприятеля обычно «украшали» стены крепости или частокол трупами или головами убитых ими врагов.

¹² Милош Обилич — герой Косовской битвы 1389 года. По преданию, проник в турецкий лагерь и убил султана Мурата, за что был убит турками на месте.

¹³ Руговское ущелье ведет от г. Печ через гору Чакор на Андриевицу (Черногория).

¹⁴ Пива расположена с одной стороны горы Дурмитор, а Дробняк — с другой. (В начале второй половины XIX века эти края посетил Гильфердинг. Через Дробняк и Пиву его сопровождал князь Спасоие Якшич, прозванный турками Шаула. Якшичи сохранили за собой это прозвище и сделали из него фамилию Шаулич. Спасоие Якшич — дед собирателя плачей Новицы Шаулича. Погиб в 1861 году на загорье Пивы).

¹⁵ Скадар (Скутари, ныне Шкодер) — город в Албании, где р. Бояна вливается в оз. Шкодер. Бои за него стоили больших жертв. Город окружен каменными стенами. Перед осадой стены дополнительно были опутаны колючей проволокой.

¹⁶ Планина (сербохорв.) — гора.

¹⁷ Малесия — албанское название горного края.

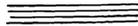
¹⁸ Барданьол — гора возле г. Скадра.

¹⁹ На твоём краю — потемки (Све у тами с краја твога) — означает: поскольку у твоего брата не осталось потомства — плохо тебе.

²⁰ Чактары — колокольчики, подвешиваемые на шею овцам.

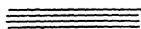
²¹ Предавуши — скот, отдаваемый на хранение в чужое стадо. Раздавуши — скот, отданный на добровольное кормление в чужое хозяйство. Так делалось в очень бедных семьях или же в семьях, в которых погибли мужчины.

Перевод с сербохорватского
В. К. Зайцева.

ХРОНИКА

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

24—26 ноября 1958 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР состоялось Всесоюзное совещание по проблемам современной фольклористики.

В совещании приняло участие 240 человек из 56 городов Союза: представители научно-исследовательских учреждений, преподаватели высших учебных заведений, работники домов народного творчества. Среди участников совещания — 23 представителя союзных и автономных республик.

Совещание открыл доктор филологич. наук проф. В. Г. Б а з а н о в. За последние годы, сказал он, фольклористы значительно повысили теоретический уровень науки, что выразилось в более углубленном изучении эпоса, в восстановлении в правах историко-сравнительного метода, не имеющего ничего общего с формально-сравнительным компаративизмом, в постановке ряда теоретических проблем, в частности вопросов художественной формы и проблемы реализма в фольклоре. Прделана большая работа по подготовке академических изданий памятников фольклора. Но еще многое не решено и нуждается в широком обсуждении. При этом следует помнить, что фольклористика прямым образом связана с судьбами народа, его бытом, поэзией, материальной и духовной культурой. Поэтому один из важнейших вопросов, обсуждение и решение которых диктуется нашей действительностью, — это вопрос о современном состоянии народного творчества и о связи фольклористики с жизнью.

На совещании были заслушаны доклады канд. историч. наук В. Е. Г у с е в а «Проблемы теории фольклора», канд. филологич. наук Б. Н. П у т и л о в а «Проблемы изучения истории русского фольклора» и доклад чл.-корр. АН СССР В. М. Ж и р м у н с к о г о «Сравнительно-историческое изучение фольклора».¹

Доклад В. Е. Гусева представлял собой постановку некоторых проблем, освещение которых необходимо для изучения как традиционного, так и современного фольклора. Особое внимание докладчик уделил понятиям «народ» и эстетической категории «народность», подчеркнув значение их определения для понимания фольклора как вида идеологии. Необходим конкретно-исторический подход к раскрытию содержания понятия «народ», ибо народ в марксистском значении этого слова — изменяющаяся от эпохи к эпохе совокупность различных социальных групп и классов. Народная поэзия как общее понятие включает в себя коллективное творчество всех социальных групп и классов, входящих в состав народа на разных этапах истории. Народность фольклора состоит в выражении существенных, прогрессивных интересов

---

¹ Авторефераты всех трех докладов напечатаны отдельной брошюрой: Проблемы современной фольклористики. Л., 1958, 34 стр.

народных масс в определенную эпоху в их конкретно-исторической, а потому зачастую и в исторически ограниченной форме.

В качестве основного специфического признака фольклора В. Е. Гусев отметил коллективность художественного творчества народных масс, устность же, массовость распространения, традиционность, анонимность — это его вторичные признаки. Коллективность фольклора, сказал докладчик, должна пониматься как диалектическое единство массового и индивидуального творчества и рассматриваться в социальном значении и в эстетических аспектах. Рассматривая коллективность фольклора как историческую категорию, отражающую общность мышления народа, общность эстетических идеалов и вкусов, В. Е. Гусев выдвинул проблему художественной природы фольклора. Специфика фольклора, как всякого вида искусства, определяется предметом изображения. Предметом фольклора является народ как целое; отражающим действительность «субъектом» искусства выступает не отдельный человек, а коллектив. Именно поэтому в фольклоре непосредственно выражается отношение народа к изображаемой действительности.

Докладчик указал далее на неразработанность проблемы художественного метода в фольклоре как способа образного познания действительности. Поскольку этот способ определяется предметом фольклора, отраженным с позиций самого народа, сквозь призму мировоззрения народных масс, в фольклоре нет одного извечного художественного метода. Реализм возникает не ранее XVII—XVIII веков. Он отличен от реализма в литературе. Наряду с ним в фольклоре капиталистической эпохи продолжают существовать и другие художественные методы, возникшие ранее. Ведущим методом советской народной поэзии является социалистический реализм. В заключение В. Е. Гусев выдвинул проблему стиля и жанров в качестве важного условия для понимания природы фольклора.

В докладе Б. Н. Путилова были намечены основные возможные пути и направления исторического изучения фольклора. Наиболее актуальной задачей, решение которой может составить прочную основу построения истории фольклора, по мнению докладчика, является историческое изучение отдельных жанров. Каждый жанр представляет собой определенную систему художественного отношения к действительности, и жанровая дифференциация в фольклоре проходит прежде всего по линии отношения к действительности, именно в жанровой дифференциации и в истории жанров получает свое проявление историко-фольклорный процесс. Важное значение имеет проблема генезиса фольклорных жанров. Она должна решаться на основе исследования процесса рождения жанра, выявления исторических условий, определивших его возникновение, установления художественных истоков, связи с определенными традициями. Докладчик наметил и другие вопросы, встающие при изучении истории жанра: жанр и действительность, жанр как исторически развивающаяся художественная система, общественно-бытовая функция жанра, проблема исполнения, судьбы жанра. Как основную, ключевую проблему среди перечисленных докладчик выделил проблему отношения жанра к действительности. Докладчик подверг критике некоторые распространенные представления, которые, по его мнению, тормозят научно-объективное изучение истории традиционных жанров. Такова идея об обязательных качественных изменениях произведений фольклора, о совершенствовании, обогащении и шлифовке их в процессе исторического развития. Б. Н. Путилов остановился и на проблеме периодизации традиционного фольклора. Периодизацию истории фольклора необходимо соотносить с периодизацией истории отдельных жанров, а внутри последней искать черты, свидетельствующие об общих тенденциях.

Заключительная часть доклада была посвящена проблемам изучения современного народного творчества. Докладчик предложил искать и изучать современный фольклор прежде всего в деревне, глубокие перемены в экономике и культуре которой определяют особо большое общественное значение этой проблемы. В связи с этим встает важная задача широкого изучения современного состояния народного творчества в целом, для решения которой необходимо найти новый тип экспедиций, обеспечивающих систематическое и планомерное изучение, и организовать стационарные наблюдения.

Заключая доклад, Б. Н. Путилов подчеркнул, что отличительной особенностью современной советской фольклористики является решительный поворот к историческому изучению народного творчества, ставший необходимостью коллективного обсуждения назревших вопросов методологии и методики такого изучения.

В докладе В. М. Жирмунского было подвергнуто развернутой критике сравнительное изучение фольклора, основанное на методологии старой формалистической компаративистики, и подробно охарактеризованы основные принципы марксистского понимания сравнения как приема научного исследования. Сравнение, проводимое с марксистских позиций, говорил докладчик, дает положительные результаты в изучении фольклора различных народов. Сравнение представляет собой не метод, а лишь методический прием, который может применяться в рамках различных методов. При сравнении исторических явлений, отметил В. М. Жирмунский, следует различать сравнение историко-генетическое, сравнение историко-типологическое и сравнение, устанавливающее международные культурные взаимодействия.

Сравнительно-генетический подход к явлениям народного творчества находит применение при сопоставлении вариантов произведений фольклора и имеет назначение установить генетические взаимоотношения между этими вариантами. Ведущая же роль в сравнительно-историческом изучении фольклорных явлений должна принадлежать сравнению историко-типологическому, объясняющему генетически не связанные между собой явления сходными условиями общественного развития. Наличие типологического сходства, обусловленного сходством общественного развития, не снимает вопроса о международных взаимодействиях в области фольклора. «Влияния» представляют собой категорию историческую и должны рассматриваться в конкретных условиях исторического развития и культурного взаимодействия народов. На разных ступенях этого исторического развития различные фольклорные жанры оказываются в разной степени «проницаемыми» для международных влияний. Докладчик отметил, что, например, сказки волшебные, анекдотические более «проницаемы», нежели героический эпос, который вдохновляется памятью народа о своем прошлом, а поэтому редко заимствует сюжеты и образы у других народов. Для того чтобы эпос мог сделаться международным, необходимы в каждом конкретном случае особые социально-исторические условия.

Задача сравнительно-исторического изучения, подчеркнул В. М. Жирмунский, должна заключаться в первую очередь в выяснении особенностей национальных черт фольклора в их социальной обусловленности. Сравнительно-историческое изучение выводит фольклористику из замкнутого и узкого круга местных проблем в область более широких общих закономерностей исторического и литературного развития и культурных взаимосвязей между народами.

Проблемы, выдвинутые в докладах, вызвали оживленную дискуссию. Особенно остро обсуждались проблемы специфики фольклора. Н. И. Кравцов (Тамбов) подверг критике положение о коллективности как главном признаке фольклорности произведения. Он предложил искать специфику фольклора в устности. По мнению Б. Ф. Егорова (Тарту), главные критерии фольклорности текста — коллективность бытования и устность. А. В. Позднеев (Москва) поставил вопрос об изменении специфических черт фольклора на каждом этапе его исторического развития. Значительное внимание выступавшие уделили вопросу состояния современного фольклора, восполнив в какой-то мере отсутствие специального доклада на эту тему. Ф. И. Лавров (Киев) сосредоточил свое выступление на проблемах советского фольклора. Он упрекнул докладчиков в забвении высказываний А. М. Горького, касающихся советского фольклора.

В заключение своего выступления Ф. И. Лавров от имени Института искусствоведения и этнографии УССР предложил следующее Всесоюзное совещание посвятить специально вопросам советского фольклора и фольклористики и провести это совещание в г. Киеве.

В связи с обсуждением вопросов современного фольклора участники совещания говорили и о проблеме взаимодействия фольклора и литературы. Этой проблеме посвятил свое выступление Р. Р. Гельгардт (Пермь), предложивший уточнить различия между сходными фактами в области фольклора и литературы, тоже знающей диалектическое единство массового и индивидуального творчества.

Оживленные споры вызвало обсуждение сложной и до настоящего времени не разработанной проблемы метода фольклора. По мнению В. М. Сидельникова (Москва), насущная задача фольклористики состоит в раскрытии борьбы реалистического направления с антиреалистическим, составляющей историю народного творчества. Н. Ф. Бабушкин (Томск) выдвинул тезис о невозможности создания образов фольклора без применения реалистического метода и говорил о необходимости постановки проблемы синтеза романтизма и реализма в фольклоре. С. Г. Лазутин (Воронеж) подчеркнул важность тщательного изучения вопросов эстетики фольклора. Л. С. Шептаев (Ленинград) на материале исторических песен о Степане Разине пытался поставить проблему типизации в фольклоре.

Многие выступления были посвящены проблеме изучения истории фольклора. О важности исторического изучения народного творчества говорила В. К. Соколова (Москва). Изучение истории жанров, сказала она, не единственный путь изучения истории фольклора, оно должно сочетаться с изучением отдельных крупных произведений, с изучением развития художественных средств фольклора. К. В. Чистов (Петрозавдск) подчеркнул, что историческое изучение народного творчества — важное завоевание науки, соответствующее горьковскому направлению в фольклористике. Принципы решения проблемы периодизации фольклора, выдвинутые в докладе Б. Н. Путилова, получили поддержку в выступлениях В. Я. Проппа (Ленинград). В. Я. Пропп обратил внимание на тот факт, что история народа и история фольклора часто не совпадают, поэтому встает необходимость выяснения, в какой степени история фольклора обуславливается историей народа. Несовпадения между ними должны быть объяснены исторически.

Различные точки зрения вызвала критика Б. Н. Путиловым тезиса Ю. М. Соколова о традиционном фольклоре как факте современной действительности. К. В. Чистов считает невозможным окончательно отверг-

нуть путь рассмотрения фольклора как «громкого голоса настоящего». Тезис Ю. М. Соколова, по его мнению, оправдывается при рассмотрении истории некоторых жанров (сказка, причитания и пр.). Р. Р. Гельгардт отметил, что художественное наследие может сохранить силу идейно-воспитательного воздействия, и в этом смысле тезис Ю. М. Соколова не теряет своего значения даже в применении к героическому эпосу. Несогласие с критикой тезиса Ю. М. Соколова высказали также Ф. И. Лавров и В. М. Сидельников. Справедливость заострения критики данного тезиса отметили в своем выступлении П. С. Выходцев, а также В. Я. Пропп, который подчеркнул, что тезис о фольклоре как «громком голосе настоящего» ведет к антиисторизму и модернизации.

Проблемы, поставленные в докладе В. М. Жирмунского, привлекли внимание многих участников совещания. Выступавшие в прениях по докладу, Т. С. Вызго (Ташкент), Х. Т. Зарифов (Ташкент), Сихарулидзе (Тбилиси), И. С. Гурвич (Москва), Е. Б. Вирсаладзе (Тбилиси) и др., отметили серьезность критики В. М. Жирмунским бесплодных компаративистских сопоставлений, указали на правильную и глубокую постановку вопроса сравнительно-исторического изучения и убедительные объяснения причин сходства фольклорных произведений разных народов. Правильность положений доклада проиллюстрировала на материале грузинского фольклора К. А. Сихарулидзе. Критические замечания по докладу В. М. Жирмунского были высказаны В. М. Гоцаком (Москва) и К. С. Давлетовым (Москва), однако другие выступавшие выразили несогласие с ними. В ходе обсуждения проблем, поставленных в докладе, Е. В. Евсеев (Петрозаводск) подчеркнул необходимость глубокого овладения материалом при использовании сравнительно-исторического метода.

Важность широкого овладения материалом в общем плане отмечалась многими участниками совещания. В связи с этим был поставлен вопрос о необходимости сделать фольклорные архивы доступными для всех фольклористов (выступления В. Я. Проппа, Е. В. Баранниковой, А. П. Моцкуса и др.).

Участники совещания говорили о потребности в комплексных экспедиционных изучениях словесного и музыкального фольклора, фольклора и этнографии и т. д. (Т. С. Вызго, В. Ю. Крупянская, В. Н. Всеволодский-Гернгросс, Ф. А. Рубцов).

Обсуждение проблем, поставленных в докладах, принесло несомненную пользу, оно заставило задуматься над многими еще не решенными вопросами, пересмотреть некоторые существующие каноны фольклористики. Выступления участников совещания (выступило 48 человек) показали их живую заинтересованность в успехах развития советской науки о фольклоре.

В конце совещания выступила доктор филологич. наук А. М. Астахова, которая подвела предварительные итоги совещания, указав, что оно дало большой и ценный материал для дальнейших размышлений и разработки поставленных проблем.

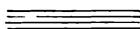
27 ноября 1959 года состоялось расширенное заседание Координационной комиссии по фольклору, на котором был утвержден проект проблемной записки «Теория и история фольклора» и обсуждались задачи комиссии. В обсуждении приняло участие 30 человек. Критике были подвергнуты отдельные положения записки, ее композиции. Было высказано пожелание включить в записку раздел, посвященный советскому фольклору (В. Я. Пропп, Х. Т. Зарифов, К. В. Чистов, Э. В. Померанцева, К. П. Ка-

башников и др.). Выступавшие отмечали необходимость более подробно осветить состояние фольклористической работы в республиках (Р. Амонов, Х. Т. Зарифов, Э. Н. Куприянова, П. Д. Павлий и др.).

Участники обсуждения поставили вопрос о необходимости составления единой программы по сборанию и изучению фольклора, большей координации работы всех фольклористов, а также отметили насущную потребность в издании Бюллетеня комиссии.

Закрывая совещание, проф. В. Г. Базанов указал, что оно в целом выдвинуло ряд больших позитивных проблем. К предстоящему совещанию по вопросам современного фольклора нужно прийти с серьезными материалами и обобщениями. Работу следует вести в союзе с этнографами, должны быть широко поставлены проблемы социалистического народознания.

О. Б. Алексеева

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ СОБИРАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА СЕВЕРА

7—9 октября 1957 года в Петрозаводске в Карельском филиале АН СССР состоялось межобластное совещание по вопросам изучения фольклора Севера европейской части Советского Союза, организованное Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (ИРЛИ) и Институтом языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Карельского филиала АН СССР. В совещании приняли участие фольклористы Карельской, Удмуртской и Коми АССР, Эстонской ССР, Архангельской, Вологодской, Кировской и Мурманской обл., центральных учреждений Москвы и Ленинграда — академических институтов русской литературы, мировой литературы (ИМЛИ), этнографии, Московского и Ленинградского университетов, Союза советских композиторов, Всесоюзного Дома народного творчества им. Н. К. Крупской (ВДНТ).

Целью совещания было подвести итоги изучению фольклора северных областей и республик европейской части СССР и определить очередные, наиболее актуальные задачи дальнейшей работы. Совещание должно было положить начало планомерной координированной работе учреждений и лиц, занимающихся изучением северного фольклора.

Совещание было открыто директором ИЯЛИ Карельского филиала Академии наук В. И. Машезерским, подчеркнувшим настоятельную необходимость координации в работе по народному творчеству. Во вступительном слове доктора филологич. наук А. М. Астаховой (Ленинград, ИРЛИ) были отмечены значение фольклора Севера для решения важнейших проблем фольклористики и большая роль северного фольклора в общей культуре народов Советского Союза. Несмотря на, казалось бы, уже значительную изученность фольклора Севера, все же имеются участки, недостаточно или даже совсем не охваченные изучением (народно-поэтическое и музыкальное искусство некоторых финно-угорских народов и др.). Наблюдается неравномерность в изучении отдельных жанров (например, значительно более слабая изученность песни по сравнению с эпосом). Поскольку основная задача исследователей народной поэтической и музыкальной культуры — изучать фольклор как отражение жизни и сознания

народа на разных этапах его истории, необходимы повторные обследования на местах прежних работ, тщательное и систематическое наблюдение над тем, как протекает процесс становления нового и отмирания старого в фольклоре в местах, различных по своей экономике, народному быту, степени крепости традиции и т. д., каково взаимодействие русского фольклора с фольклором других народов Севера и каковы фольклорные связи родственными народами. Задача совещания — вскрыть наиболее отсталые участки по всем указанным направлениям, а также осветить вопрос о месте народного творчества в художественной самодеятельности и об использовании фольклора в воспитательных и агитационных целях.

Два главных доклада — заведующего Сектором литературы и народного творчества ИЯЛИ Карельского филиала, канд. филологич. наук К. В. Чистова («Итоги и задачи изучения фольклора русского Севера») и научного сотрудника ИЯЛИ В. Я. Евсеева («Современные проблемы изучения фольклора финно-угорских народов») были посвящены основным проблемам изучения фольклора Севера.

Исходя из решений XX съезда КПСС и других партийных документов последних лет, сыгравших огромную роль в развитии общественных наук, и в связи с общими задачами советской фольклористики, К. В. Чистов выделил главные задачи в области изучения фольклора русского Севера. Указав на решительный поворот к историческому изучению народного поэтического творчества как наиболее значительное достижение советской фольклористики последних лет, К. В. Чистов отметил вместе с тем слишком общий и предварительный характер работ в этом направлении. Отсюда, сказал он, встает задача углубленного изучения севернорусского фольклора в связи с конкретными формами мировоззрения и быта, специфическими историческими судьбами и социальными условиями жизни крестьянства северных областей. К. В. Чистов наметил возможные пути конкретного решения этой задачи (изучение своеобразия историко-фольклорных процессов севернорусских областей в целом и областные различия этих процессов, изучение отдельных исторических периодов, исследование по жанрам и т. д.). Вторая большая проблема, над которой работают советские фольклористы и в области которой они достигли заметных успехов, — историческое изучение взаимосвязи литературы и фольклора и роли фольклора в развитии культуры и искусства. Это определяет и второй круг задач в изучении севернорусского фольклора — изучения его роли в истории русской и советской культуры, с одной стороны, и в развитии местного литературного и художественного движения, с другой. К. В. Чистов отметил и некоторые другие задачи, стоящие перед советской фольклористикой, которые следует иметь в виду при изучении фольклора русского Севера — исследование эстетической природы фольклора, разработка теории жанров, проблема реализма в фольклоре и др.

Отметив резкий спад собирания, издания и изучения советского фольклора в последние годы, что явилось следствием недооценки роли народных масс в истории, а также следствием ряда нигилистических выступлений отдельных авторов (Н. Леснтьев, статья в газете «Ленинское знамя» и др.), К. В. Чистов подчеркнул настоятельную необходимость восстановить (не повторяя ошибок, характерных для 1930-1940-х годов) систематическое собирание материалов по новым явлениям в области народного поэтического творчества, изучение их в тесной связи со всем многообразием форм социалистической культуры, изучение современного народного творчества в художественной самодеятельности, в народных хорах и т. д. Перед фольклорными организациями стоит важная задача выявления ма-

териалов по народному творчеству в местных архивах и публикация научных описаний этих материалов. В области собирания фольклора необходимо преодолеть разноречивую методику, согласовать программы, планомерно распределить маршруты, организовывать двуязычные экспедиции (русско-карельские, коми-русские и т. д.).

Основной темой доклада В. Я. Евсеева явился вопрос об изучении исторически сложившейся взаимосвязи между фольклором разных финно-угорских народностей и между их фольклором и народным творчеством русского народа. В. Я. Евсеев подчеркнул особую важность координации научно-исследовательской работы в области проблем, возникающих в связи с сравнительно-историческим изучением фольклора финно-угорских народностей и устной поэзии соседних с ними народов, прежде всего русского народа. Только коллективными усилиями советских фольклористов могут быть решены с позиций марксистско-ленинской методологии такие важные проблемы, как генетическая связь фольклорных жанров у разных финно-угорских народов, как образование сложных фольклорных напластований разных исторических периодов, как влияние русской устной поэзии на фольклор финно-угорский, как выявление общих путей возникновения и развития рабочего, а впоследствии советского фольклора. На многих примерах, взятых из фольклора разных финно-угорских народностей, В. Я. Евсеев показал многообразные проявления взаимосвязи в их фольклоре.

Большой интерес представили сообщения от разных организаций о собирании и изучении фольклора Севера. Сообщения эти познакомили участников совещания с экспедициями последних лет, с состоянием собирательской и исследовательской работы по фольклору на местах, раскрыли общую картину состояния фольклорной работы в областях и республиках европейской части СССР. Заслушаны были следующие сообщения: «Экспедиции по записи русского фольклора на Печоре 1955—1956 годов» (канд. филологич. наук Н. П. Колпаковой, Ленинград, ИРЛИ), «Об экспедиции 1957 года в Пудожье» (канд. филологич. наук Э. В. Померанцевой, Москва, МГУ), «О современном состоянии собирания и изучения фольклора Вологодской области» (канд. филологич. наук В. Г. Блок, Вологда, Педагогический институт), «Об изучении вепского фольклора» (канд. филологич. наук Н. И. Богданова, Петрозаводск, ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР), «Об изучении саамского фольклора» (канд. филологич. наук В. В. Гудковой-Сенкевич, Петрозаводск, Педагогический институт), «Об изучении удмуртского фольклора» (канд. филологич. наук Н. П. Крапиной, Ижевск, Научно-исследовательский институт культуры); «Об изучении эстонского фольклора» (канд. филологич. наук Р. Я. Вийдалеппа, Таллин, Институт литературы и языка Эстонской Академии наук), «Об изучении фольклора Кировской области» (И. А. Мохирева, Киров, Педагогический институт), «Собирание и изучение карельской сказки» (У. С. Конкка, Петрозаводск, ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР).

Кроме того, было заслушано несколько докладов и сообщений на специальные темы, связанные с вопросами изучения фольклора Севера: доклады — «О коми-удмуртских фольклорных связях» (канд. филологич. наук Ф. В. Плесовского, Сыктывкар, Коми филиал АН СССР), «К изучению Калевалы» (доктора филологич. наук А. И. Попова, Ленинград, ЛГУ), сообщения — заместителя директора ИРЛИ доктора филологич. наук В. Г. Базанова «Фольклор русского Севера в „Своде русского фольклора“», канд. филологич. наук П. Д. Ухова (Москва, МГУ) о принципах переиз-

дания «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», в связи с обнаруженным в Москве архивом Рыбникова, и заведующей отделом фольклора ВДНТ А. К. Мореевой «О местном материале в работе агитбригад Карелии, Архангельской и Вологодской областей».

Специальное заседание было посвящено вопросам изучения музыкального фольклора. В докладе «Значение музыкальных записей при изучении песенных жанров» Б. М. Добровольский (Ленинград, Фонограмм-архив ИРЛИ) обратил внимание присутствующих на настоятельную необходимость собирания и публикации народных песен вместе с их напевами. Пора, говорил он, навсегда покончить с разрывом между собирательской работой словесников и музыкантов. Надо возвращать народу полученный от него материал в полноценном виде, таким, как он был создан народом, что поможет полнокровной жизни нашей песенной культуры. Изучение песен в единстве текста и напева даст возможность поставить ряд вопросов по этногенезу различных народностей, поможет правильнее определить давность песен, даст надежный критерий для различения подлинно народной песни от просто популярной или фальсифицированной. Везде, где публикуются тексты песен, необходимо помещать и записи напевов или хотя бы ссылки на то, где их найти; в случае отсутствия музыкальной записи к определенному тексту надо указывать на это. Музыкальная запись на звукозаписывающем аппарате сохранит навечно текст и напев, запечатлеет подлинное звучание песни.

В сообщениях Л. М. Кершнер (Ленинград, Союз композиторов) о народных хорах Карелии, Т. П. Орловой (Петрозаводск, Республиканский Дом народного творчества) о собирании музыкального фольклора в Карелии и в ряде выступлений по докладу Б. М. Добровольского высказано было то же единодушное требование усиления работы по собиранию и изданию музыкального песенного материала, в чем чрезвычайно нуждаются художественная самодеятельность и народные хоры. Участники экспедиции 1957 года, проведенной под руководством Л. М. Кершнер, студент Ленинградской консерватории Ройно Раутио и студент Таллинской консерватории Рейо Куусиньemi дали обзор собранного материала и продемонстрировали его характерные образцы.

Доклады и сообщения вызвали оживленные прения. Все отмечали своевременность и актуальность совещания, большое значение взаимных информаций и обсуждения важнейших и первоочередных задач в изучении фольклора Севера, содержательность и деловой тон заседаний. В выступлениях подчеркивалась необходимость усиления работы по фольклору на целом ряде участков. Между прочим, было отмечено значительное ослабление фольклорной работы за последние годы в ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР, который в 1930-е и 1940-е годы являлся центром фольклорной работы на Севере. Его экспедиции были замечательной школой для молодых фольклористов. ИЯЛИ в свое время был выпущен ряд изданий, ставших настольными книгами для фольклористов и незаменимыми пособиями для студентов («Сказки Ф. П. Господарева», «Сказки М. М. Коргуева», «Плачи Карелии», выпуски «Библиотеки русского фольклора Карелии» и ряд других). Совершенно недопустимым и несовместимым с поставленными перед советской фольклористикой задачами является то обстоятельство, что в ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР имеется лишь один сотрудник по русскому фольклору (К. В. Чистов), к тому же выполняющий административные функции (зав. Сектором литературы).

Выступавшими отмечались и другие малообеспеченные фольклорными кадрами участки в северных областях и республиках (дома народного

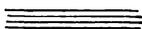
творчества, республиканские и краевые историко-краеведческие музеи и др.), а также определенные пробелы в работе (слабое развитие музыкально-ведческих исследований и наблюдений в области современного фольклора, недостаточная связь науки с художественной практикой, малое количество публикаций и т. п.). В прениях приняли участие Э. В. Померанцева, Е. М. Мелетинский (Москва, ИМЛИ), И. М. Колесницкая (Ленинград, ЛГУ), В. Г. Базанов, В. В. Гудкова-Сенкевич, карельский композитор К. Э. Раутио (Петрозаводск) и ряд других. В выступлениях были выделены и те вопросы, которые не нашли должного отражения в совещании. Так, В. Г. Базанов указал, что слишком мало внимания привлекла проблема взаимодействия литературы и фольклора, имеющая очень важное значение, в особенности для тех северных финно-угорских народностей, которые в дооктябрьское время не имели развитой профессиональной литературы. В последующих межобластных совещаниях эта проблема должна занять в докладах и обсуждениях надлежащее место.

Совещанием была принята резолюция, в которой подчеркнута значимость собирания, изучения и популяризации поэтического и музыкального народного творчества на современном историческом этапе и необходимость активизации этой работы. В резолюции выделены проблемы, которые совещание признало наиболее актуальными: а) история фольклора отдельных наций и народностей в связи с развитием народного мировоззрения и борьбой народа за социальное и национальное освобождение; б) взаимовлияние и взаимосвязь русского фольклора и фольклора финно-угорских народов; в) современные процессы развития фольклора и организованные формы художественной самодетельности (народные хоры, агитбригады и т. д.); г) взаимосвязи литературы и фольклора. Совещание постановило просить Министерство культуры РСФСР и министерства культуры КАССР, Коми АССР и Удмуртской АССР принять необходимые меры по активизации фольклорной работы в домах народного творчества и в историко-краеведческих музеях, а также просить государственные издательства северных республик и областей расширить, по согласованию с научными учреждениями и высшими учебными заведениями, разделы фольклора в издательских планах на ближайшее пятилетие. Совещание приняло также решение рекомендовать всем учреждениям, ведущим работу по фольклору, обратить особенное внимание на необходимость решительного усиления работы по музыкальному фольклору, используя наиболее совершенную технику записи (магнитофоны, звуковые киноаппараты и т. д.).

Для проведения ряда практических мероприятий по усилению фольклорной работы в северных республиках и областях и для координации этой работы совещание создало особую фольклорную комиссию в составе: К. В. Чистова и В. Я. Евсева (Карелия), Ф. В. Плесовского (Коми АССР), Н. П. Крапиной (Удмуртия), В. Г. Блок и И. А. Мохирева (северные области), Э. В. Померанцевой (Москва), А. М. Астаховой (Ленинград).

На заседаниях 8 и 9 октября выступили ансамбли кантелистов и исполнители народных сказок, рун и песен, показавшие образцы народного поэтического и музыкального искусства русского, карельского и финского народов.

А. М. Астахова.

ЭКСПЕДИЦИИ СЕКТОРА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) АН СССР В 1957—1958 ГОДАХ

I. САРАТОВСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1957 ГОДА

В соответствии с планом научно-исследовательских работ Сектора народного творчества и Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в июне—июле 1957 года была проведена комплексная фольклорная экспедиция в районы Саратовской обл.

Настоящая экспедиция явилась одним из первых опытов координированной собирательской работы двух крупных научных учреждений страны: Института русской литературы и Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Эта специфика определила как характер подготовки экспедиции, так и формы ее проведения.

За несколько месяцев до выезда ленинградских фольклористов был тщательно разработан координационный план, определены цели и задачи экспедиции, уточнены маршруты экспедиционных отрядов.

Помимо общей задачи — изучения и собирания русского народного устно-поэтического и музыкального творчества Саратовского края — перед экспедицией стоял ряд частных, вполне конкретных задач:

- 1) собирание фольклорного материала для находящихся в работе томов исторических песен «Памятников русского фольклора»;
- 2) собирание материала для областного тома «Свода Саратовского фольклора»;

3) обучение молодых кадров экспедиционной собирательской работе.

За 25 дней полевой работы сотрудники экспедиции обследовали 7 районов области, представляющих в фольклорном отношении наибольший интерес. Саратовский отряд, включавший группу студентов филологического факультета Саратовского университета под руководством доцента В. К. Архангельской и сотрудника Института русской литературы музыковед В. В. Коргузалова, производил записи в Жевновском, Петровском, Бакурском, Ново-Бурасском и Аткарском районах; ленинградский отряд, состоявший из трех человек — начальника экспедиции музыковеда Ф. В. Соколова и научных сотрудников О. Б. Алексеевой и Л. И. Емельянова, работал в Базарно-Карабулакском и Хвалынском районах.

Экспедиция собрала большой, ценный в научном и художественном отношении материал: 342 магнитофонных записи (Магнитофон «Днепр-8») и около 1000 текстовых.

Среди записанных материалов наибольший интерес представляют былины и исторические песни.

Из 12 былинных сюжетов, зафиксированных фольклористикой в саратовском Поволжье, сотрудники экспедиции записали три: Иван Гостинный сын, Сухман, Илья Муромец и сын, причем одна из былин записана в двух различных вариантах. Записанные экспедицией былины являются первыми магнитофонными записями саратовского эпоса.

Исторические песни представлены в экспедиционных материалах широко и многообразно. Если былины в Саратовской обл. являются в наши дни большой редкостью, то исторические песни бытуют среди старшего поколения исполнителей еще довольно широко в ряде районов. В особенности богаты историческими песнями Бакурский и Базарно-Карабулакский

районы, на долю которых приходится значительная часть наиболее интересных записей.

Среди записанных исторических песен есть ряд очень редких: песня о татарском полоне («Как за речкой, как за быстрой»), несколько вариантов песни о взятии Казани Иваном IV («Грозен, грозен наш Иван Васильевич», «Вы послушайте, ребята, послушайте, господа» и др.), песни о Петре I («У соборнику я был»), песни об Отечественной войне 1812 года (о Кутузове, Платове, Наполеоне) и др.

Широко бытуют в Саратовской обл. песни разинского цикла, в особенности песня о сынке Степана Разина, записанная в нескольких интересных и полных вариантах как в сольном, так и в хоровом исполнении.

Большой интерес представляют старые солдатские и рекрутские песни, охватывающие широкий круг сюжетов. Некоторые рекрутские песни отличаются местным колоритом («Карбулак — село атласно»).

Для свадебных и лирических песен, составляющих основной процент собранного фольклорного материала, характерна удивительная красота музыкальных и поэтических образов и необыкновенная отточенность формы.

Среди лирических песен встречаются образцы романсно-песенного репертуара XVIII века («Я вечер в лужках гуляла»), лирическая песенная классика в своеобразных многоголосных распевах («Снежки белы, лопушисты», «Уж вы горыньки, горы Воробьевские») и песни-романсы позднего происхождения («Однажды осенью несчастной»).

Экспедиции удалось записать также много редких обрядово-календарных песен, представляющих в наши дни большую ценность. Особый интерес вызывают различные варианты песен колядных, семицких, о «Костроме» и др.

Большую научную и художественную ценность имеют плачи (свадебные, похоронные, рекрутские), записанные от талантливых мастеров-воплениц.

Современные советские песни в Саратовской обл. как правило имеют автора либо создаются творческими группами самодеятельных хоровых коллективов. Эти песни неровны по своей художественной ценности, но среди них есть несколько подлинно талантливых («Гармонист», «Хороша страна родная», «Эх ты поле», «На колхозном току» и др.). В области много способных самодеятельных поэтов и композиторов-песенников, чьи произведения, пройдя соответствующую «шлифовку», могли бы со временем войти в золотой фонд русского фольклора.

Работа экспедиции, вызвавшая большой интерес саратовской общественности, широко освещалась областной и районной печатью и областным радио.

В. Ф. Соколов.

II. НОВЫЕ ЗАПИСИ ФОЛЬКЛОРА НА ПОБЕРЕЖЬЯХ БЕЛОГО МОРЯ

Летом 1957 года состоялась моя поездка в Кемский район Карельской АССР и на Терский берег Белого моря для собиранья русского фольклора Беломорья. В Кемском р-не в большом селении Шуерецком я работал как член экспедиции, организованной Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. В отряд входили еще три студентки филологического факультета Карельского государственного университета. Задачей отряда была запись песен и былин. Специальной

целью моей поездки как аспиранта Сектора народного творчества Института русской литературы было, кроме проведения практики собирательской работы, ознакомиться в связи с темой аспирантской работы с бытованием древнего пласта баллад на Севере. Поэтому после окончания работы в экспедиции Карельского филиала я продолжил собирание произведений народного творчества уже на Терском берегу, где хотел проверить состояние балладного репертуара после записей начала XX века — экспедиции Маркова, Маслова и Богословского. На Терском берегу мною обследованы селения Умба, Варзуга, Кузомень, Тетрино и Чаваньга.

Ввиду кратковременности поездки необходимо было ограничить собирание известными пределами. Исходя из специальных, а также учебных целей поездки я ограничил себя не пределами какого-либо жанра, а определенным историческим периодом, собирая, за немногими исключениями, преимущественно фольклор «досельный». Так, например, частушки записывались только походя, главным образом старинные и специально не разыскивались.

Всего в указанных пунктах сделано мною 900 текстовых записей, из них былины, баллад и духовных стихов — 44, сказок и преданий — 47, песен, в том числе и детского песенного фольклора, — 442, частушек — 367. В Петрозаводске удалось получить магнитофон «Эльфа-6», но, к сожалению, с небольшим количеством пленки, поэтому музыкальных записей немного — 59, все произведены в Шуерецком.

Поскольку советскую фольклористику прежде всего интересуют особенности общественного художественного сознания, определяющие жизнь и изменения фольклора, мною записывались не только тексты, но и все те реплики, разговоры, оценки и суждения, которые я слышал от исполнителей по поводу песен, «стихов» (т. е. былины, баллад и духовных стихов, которые обычно именуются этим общим названием) и сказок, с тем, чтобы восстановить потом, насколько возможно, непосредственный народный взгляд на фольклор.

Каковы же общие предварительные наблюдения над состоянием и бытованием в наше время в обследованных районах традиционного фольклора?

Эпос — вообще «стихи» — находится в стадии полного разрушения. «Стихи нынче не поют, ни к чему теперь», — говорили сами исполнители. При этом Карельский берег (особенно Гридино и Калгалакша, судя по материалам экспедиции Карельского филиала прошлого года) богаче эпическими произведениями, чем Терский.

В Шуерецком в эту поездку записаны: былины «Казарин», «Соломан», «Дунай и королева», «Сухман» (в двух вариантах); три варианта баллады «Жил-был князь 90 лет», два — «Домны» и один — «Князя Михайлы»; кроме того, несколько духовных стихов, среди них интересны «Егорий-змеборец» и «Алексей человек божий». При этом можно было сделать еще пять-шесть записей на те же сюжеты.

На Терском берегу при самом крайнем тщании удалось записать только былину «Катерина и Алеша» (Чурила и Катерина), усвоенную из книги, два дефектных варианта былины «Иван Гоудинович» и прозаический пересказ былины об Илье Муромце (исцеление Ильи и первая поездка). Из баллад записаны: «Вдова пашица» — дважды, «Домна» — шесть раз, «Жил-был князь 90 лет» — три раза, «Князь Михайла» — тоже три раза и один вариант «Князя Романа» (Роман и его жена Марья Юрьевна). Из старинных духовных стихов записан вариант «Егория-мученика». Кроме того, записано несколько отрывков былины и баллад, среди них начало сербской песни про Иова и Мару в переводе Щербины, распевание которой в виде

былины в Прионежье было отмечено еще А. Ф. Гильфердингом («Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», т. I. Изд. 4, М.—Л., 1949, стр. 46—48).

Былины, по существу, из живой устной традиции ушли совсем. Характерно, что и записанные былины — преимущественно позднего образования и приближающиеся к балладам. Но и баллад уже немного. Это обусловлено, конечно, изменением строя жизни. Рассказывая балладу «Домна» в Шуерецком, одна исполнительница прибавила: «Это все было, было, так же сватались, так же бросались на ножки», а относительно баллады «Жил-был князь 90 лет» пришлось слышать такое пояснение: «Слушать старинных стариков пригодится молодым. Есть и сейчас — наскажут, насплетничают, а потом и верно, живут плохо». По мере того как исчезает возможность сопоставлять сюжеты и мораль былин и баллад со своей жизнью, исчезают из живого бытования и сами «стихи».

Однако в эпосе есть и другая сторона — мы ценим его как памятник великого прошлого и памятник народного искусства. Чтобы широкие народные массы научились ценить эпос с этой стороны, надо, чтобы они увидели его в книге, услышали по радио, т. е. по каналам высокой в их глазах, авторитетной городской культуры.

Исторических песен почти не встречалось. Записаны лишь сравнительно поздняя, по существу, солдатская песня «При лужку, лужку, лужку стояла армия в кружку» и песня, связанная с декабрьским восстанием, «В непоказанное время царя требуют в синот» с упоминанием Константина в конце.

Сказки записаны главным образом на Терском берегу. В Шуерецком сделано всего лишь несколько записей от одного сказочника-рыбака, который, кроме традиционных народных сказок, пересказывает книги (например, «Марракотову бездну» Конан-Дойля), и от старушки, знающей волшебные сказки. На Терском берегу удалось отыскать двух хороших сказочниц, от которых записано 39 сказок, главным образом волшебных и детских. Последние очень хороши. Были сделаны отдельные записи и от других лиц. К сожалению, с двумя известными по всему берегу сказочниками из Умбы и Пялиц так и не удалось встретиться: они оказались в отъезде. На Карельском берегу и сотрудники экспедиции прошлого года почти не нашли сказок. Это объясняется, очевидно, тем, что с этого берега мужчины ходят за рыбой летом на Мурман, и в летнюю пору трудно на месте найти рассказчиков. На Терском берегу тони под боком, забираются туда всеми семьями, и хотя сейчас рыбацкая тоня совсем не то, что было раньше (там и свет, и радио, и журналы, и книги), все же сказки живут, и найти рассказчиков легче.

Очень живо на Терском берегу воспринимаются сказки литературные (например, сказки Пушкина). Многие сказки берутся из сказочных сборников и передаются в местной обработке. Стойко сохраняются сказочная обрядность, трюничность событий, сказочные речевые формулы и т. п.

Больше всего записано песен, главным образом протяжных и плясовых.

Из обрядовых песен в старшем поколении сохранились свадебные песни, которых удалось записать немногим более 40. По воспоминаниям женщин записана последовательность обряда свадьбы на Карельском и Терском берегах. Обряд свадьбы сохраннее на Терском берегу, чем в Шуерецком, но и здесь свадебные песни и обряд умирают. Жизнь свадебной песни вне обряда определяется созвучностью ее с бытом. Одна из женщин в Варзуге спела песню «Много, много у сыра дуба» и вдруг, поглядев на внучку, брошенную родителями, заплакала и пояснила шепотом: «Вот и она так же. Мать бросила, и отец уехал». Когда соответствие с жизнью исчезает, песни

умирают. Умирают скорее всего такие, содержание которых связано с насильственной отдачей замуж.

Обрядовых песен годового сельскохозяйственного цикла не обнаружено. По-видимому, они целиком вытеснились гуляньями и игровыми песнями.

Плясовые песни (всего около 100 записей) в Шуерецком чаще всего зовут «утушные», так как они сопровождали особый танец «утушку», на Терском берегу — «заюшки» по названию хоровода. По мере движения от Карельского берега по Терскому к Архангельску плавная медленность «утушных» шуерецких песен сменяется все большей стремительностью. Но и в целом растяженность песен Карельского берега на Терском умеряется и сменяется большей живостью.

Плясовых песен нынешняя молодежь не поет. Объясняли это тем, что «гармоней раньше не было, плясали под песни». Теперешние старухи пели эти милые, часто остроумные, иногда грустные по содержанию песни в молодости. Содержание песен бытовое, чрезвычайно разнообразное. Это истинное море поэзии, юмора, замечательных ритмических рисунков и широкая картина народной жизни. Среди них есть и песни, воспроизводящие дворянскую жизнь XVIII века глазами крестьян. Но больше всего песен о своей жизни, любви, радостях, горестях и пр.

Старинное деление протяжных песен на «беседные», «качельные» и т. п. потеряло сейчас всякую четкость. Поют их на праздниках, на «балах», как называют вечеринки с угощением по всему Терскому берегу. Молодежь, подпевает пожилым. Протяжная песня в большей чистоте представлена на Карельском берегу. Некоторые песни, видимо, местные («Сорока от Старчины неподалече стоит», «По Белу морю корабличек бежит таки бежит, к Кеми городу корабличек спешит таки спешит») или по крайней мере впитавшие в себя местные мотивы. На Терский берег через Архангельск во множестве проникли романсы. Иногда они красиво и по-своему распеты. Но встречаются и довольно безвкусные. В обоих районах ясно сказывается тяготение к обогащению репертуара произведениями профессионального искусства. Поют вошедшие в народный песенный репертуар стихотворения Пушкина, Лермонтова, песни советских поэтов и композиторов.

Среди протяжных песен особую группу составляют песни рекрутские. Их сравнительно мало (всего сделано 15 записей), и теперь они уже не поются. Характеризуются они особой группой напевов. По красоте этих напевов и художественности образов рекрутские песни села Шуерецкого и Терского берега могли бы украсить репертуар любого народного хора.

Из детского фольклора привезено немного, но всех жанров: колыбельные байки, детские складки для среднего возраста (одна из них интересна политическим намеком, насмешкой над Николаем II и сочинена, вероятно, в войну 1914 года), кроме того, детские сказки и свадебные припевки для детей. Есть тут и литературные заимствования. Широко распространена, к примеру, «Казачья колыбельная» Лермонтова. Детские байки построены на каком-то очень простом музыкальном ладе, на том самом, который в сложных разработках пронизывает всю толщу старинных местных песен. Вероятно поэтому местная молодежь, хотя и не поет, но легко может правильно спеть старинные песни.

Записи песенных текстов и других видов фольклора, произведенные на Терском берегу, и наблюдения над исполнением песен убеждают в необходимости специальной фольклорной экспедиции на Терский берег, обязательно снабженной магнитофоном для музыкальных записей.

Д. М. Балашов.

III. МЕЗЕНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1958 ГОДА

С 6 июля по 20 августа 1958 года в Мезенском и Лешуконском (в деревнях от с. Лешуконского ниже по течению р. Мезени и по р. Вашке) районах Архангельской обл. работала фольклорная экспедиция Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. В экспедиции приняло участие 7 человек: сотрудники Сектора народного творчества Института русской литературы Н. П. Колпакова, Э. И. Власова, В. В. Коргузалов, В. В. Митрофанова, Ф. В. Соколов, сотрудник Сектора древнерусской литературы Н. Ф. Дробленкова (собиравшая рукописные книги) и старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР доктор филологич. наук А. П. Евгеньева (изучавшая бытовой, разговорный язык сказителей и певцов). Экспедиция на Мезень продолжила начатую Сектором народного творчества работу по собиранию фольклора на Севере.¹

Основной целью экспедиции было собирание песенных произведений устной народной поэзии (былин, песен и частушек). Из непесенных жанров (сказок, пословиц, поговорок) записывались лишь отдельные образцы.

Район р. Мезени особенно интересен тем, что в начале XX века там записывал былины А. Д. Григорьев и обнаружил богатую эпическую традицию. В 1928 году на Мезени работала экспедиция Государственного института истории искусств. Этой экспедицией были охвачены деревни Лешуконского района (выше с. Лешуконского по течению р. Мезени). В низовьях Мезени после А. Д. Григорьева, обследовавшего только эпическую традицию, систематические записи не проводились. Повторные записи былин в нижнем течении Мезени через пятьдесят с лишним лет могли дать не только картину современного состояния былинной традиции на Мезени, но и материал для изучения жизни эпоса на протяжении полувека.

В области песни необходимо было собрать материал в низовьях р. Мезени, где в 1928 году записи не проводились, проверить и паспортизировать отдельные дореволюционные записи, в частности тексты из собрания П. В. Киреевского. Для небольшого района (Лешуконское—Нисогоры) имелась возможность провести сравнение материалов записи начала XX века, экспедиции 1928 года и настоящего времени. Участники экспедиции должны были не только собрать материал, но обследовать экономические и общекультурные условия, определяющие особенности бытования и развития народного творчества на современном этапе, а также провести наблюдения над бытованием отдельных жанров фольклора в различных возрастных слоях населения.

За 36 дней полевой работы участники экспедиции сделали более 2000 текстовых и около 500 магнитофонных записей, встретили много замечательных певцов, знатоков народной песни. От А. В. Клишовой, 80 лет (Смоленец), С. Ф. Позднякова, 70 лет (Малые Нисогоры), Т. Г. Немнюгиной, 65 лет (Кимжа), Д. Я. Авдушева, 72 лет (Азаполье) были записаны былины, встречающиеся теперь на Мезени нечасто. Всего удалось записать около 14 полных текстов и около 20 отрывков. Наиболее распространены сюжеты: Добрыня и змей, женитьба Алеши на жене Добрыни, Иван Гоудинович. Редко встречаются былины об Илье Муромце, Василии Буслаеве, Ваське-пьянице. Много раз был записан отрывок — описание

¹ Экспедиции на Печору 1955 и 1956 годов. См.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. I. М.—Л., 1956, стр. 284, т. II, М.—Л., 1957, стр. 251—271; Советская этнография», 1958, № 6, стр. 146—151.

пира у князя Владимира, причем трудно определить, к какой былине он относится, так как о дальнейших событиях певцы не только не могут спеть, но и рассказать. Обычно былина поется одним певцом, но в Азаполье и Юроте встретилось исполнение несколькими лицами.

Из исторических песен были записаны варианты о сынке Степана Разина, о Платове, о Кутузове, о смерти Александра I, сатирическая песня 1914 года о Вильгельме Франце Иосифе.

Песенный репертуар Мезени очень богат. Участниками экспедиции было записано большое количество календарных, свадебных, игровых, плясовых и лирических песен. Среди них есть песни очень редкие, а также такие, которые на Мезени до сих пор не зарегистрированы. Большое количество песен было записано от А. Г. Власовой, 53 лет (Кузьмин Городок), И. Н. Бутакова, 72 лет (Кильца), И. Л. Шульгина, 68 лет (Азаполье), У. А. Поповой, 53 лет и В. З. Емельяновой, 58 лет (Смоленец) и др. Кроме традиционных песен, на Мезени поют и новые. Т. А. Орешкина, 63 лет (Каменка) сложила песню о р. Мезени («Льется реченька Мезень»), которую поют в хоровых коллективах Лешуконского и Мезенского районов. Переработку песни «Уезжает милый вдаль», сделанную М. И. Кожевниковой, 68 лет (Каменка), поют в Азаполье и других деревнях. Т. Н. Листова, 57 лет (Лешуконское) сложила песню о современном Севере.

Наблюдения за репертуаром молодежи показали, что в молодежной среде бытуют традиционные лирические и плясовые песни, частушки. Былин и исторических песен молодежь не знает. Отрицательно сказывается на репертуаре молодежи отсутствие внимания к народной песне со стороны культурно-массовых работников и учителей. Иногда знание и исполнение народных песен считается даже признаком отсталости. Всяческого одобрения и поддержки заслуживает работа учителей энтузиастов И. М. Пахова (Лешуконское) и А. Н. Мельникова (г. Мезень), которые проводят со своими учениками работу по соби́ранию некоторых жанров фольклора.

В. В. Митрофанова.

ИЗУЧЕНИЕ И СОБИРАНИЕ ФОЛЬКЛОРА В ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

На кафедрах русской литературы Томского университета и Педагогического института ведется систематическая плановая научная работа по изучению теории и истории фольклора, а также соби́рание произведений народно-поэтического творчества в районах Томской обл. как среди старожильческого, так и среди сравнительно нового населения. В университете кафедра русского языка организует диалектологические экспедиции, которые позволили накопить большой материал и по фольклору (сказки, песни, частушки, прибаутки). Следует выделить особо двух талантливых сказочников: А. Зыкова (Туганский район) и И. Власова (Кривошеинский район), сказки которых «Андрей-стрелец и Сват-разум», «Портупей прапорщик», «Солдат и царская дочь» (Зыков), «Про солдата Нечаева», «Солдат и Смерть» (Власов) отличаются демократическим содержанием, развитым сюжетом и богатым языком, соединяющим в себе элементы

солдатской и городской речи с элементами сибирской старожильческой речи. В материалах есть также песни и множество частушек на современные темы.

В 1956—1957 годах фольклорная группа Педагогического института совершила под руководством доцента Я. Р. Кошелева две экспедиции в районы Нарыма (многие села основаны еще в конце XVI—начале XVII века). В этих местах запись устных произведений производилась лишь в некоторых селах (см.: И. Г. Париллов. Русский фольклор Нарыма. Новосибирск, 1948). Недавние экспедиции дали большое количество новых записей (песни свадебные, игровые, плясовые, любовные, сатирические и др.). Среди них много старинных песен («В темном лесе», «Во лугах», «Удаль моя, удаль молодецкая», «Уж ты, утица, утица», «Сеяла, сеяла я лен» и др.). Встречаются дореволюционные песни о ссылке и тюрьме, большой популярностью пользуются у нарымчан шуточные и сатирические песни («Уж ты, бабушка, Варварушка», «Журавлины длинные ноги», «Девница, девница, пойдй по водицу» и мн. др.). Большой материал собран о прошлом Нарыма (рассказы о политических событиях и ссылках).

В течение ряда лет ведется плановая работа по собиранию и изучению этнографического и фольклорного материала нерусских народов, населяющих Нарым, — хантов, селькупов, чулымских тюрок (проф. А. П. Дульзон, доцент Я. Р. Кошелев — Педагогический институт; канд. историч. наук Г. И. Пелих — университет). Эти материалы дают интересные факты о самых ранних стадиях развития устного творчества народов, о связях и взаимодействии русского и нерусского фольклора. Особый научный интерес вызывает селькупский эпос о богатыре Итте, широкое бытование которого было замечено в Нарыме еще в дореволюционное время. В архиве известного путешественника и этнографа Г. Н. Потанина недавно обнаружена запись рассказа о времени возмужания и начале борьбы Итте с врагами своего народа. Несколько рассказов об Итте записано в 1951—1954 годах: Г. И. Пелих на берегах р. Кеть, сибирским писателем В. М. Пухначевым на берегах р. Тым (см. В. Пухначев. Сказки старого Тыма. Томск, 1953), научным сотрудником Томского краеведческого музея Р. А. Ураевым. Пять рассказов на эту тему записано участниками экспедиции Педагогического института в Парабельском и Каргасокском районах. Все известные рассказы об Итте, совпадая в отдельных мотивах, дополняют друг друга. Неотложная задача состоит в том, чтобы как можно быстрее собрать отрывки этого разрозненного и угасающего эпоса и воссоздать целостную канву повествования (см.: А. П. Дульзов. Чулымские татары и их язык. «Ученые записки», Томский гос. педагогический институт, 1952, т. IX, в статью включены фольклорные произведения; Я. Р. Кошелев и Г. И. Пелих. Из прошлого нарымских селькупов — по материалам устного творчества. (Там же, 1956, т. XV). В нарымских районах много оригинальных, одаренных сказителей и песенников: широким песенным и сказочным материалом владеют 70-летняя Лепестинья Федоровна Могутаева (из села Новый Васьюган) и 119-летний Федот Андресвич Бардин (из села Тимельга на р. Васьюган) и др. Интересно отметить «Хор старейших»; слаженный, многоголосый, он пользуется популярностью во всем Парабельском районе.

Кафедры литературы ведут изучение этнографических и фольклорных материалов архива Г. Н. Потанина (рукописное хранилище Научной библиотеки университета) и материалов довоенных экспедиций Педагогического института в предгорьях Алтая (свыше 400 произведений русского фольклора различных жанров).

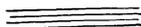
В последние годы в университете велась разработка теоретических проблем народно-поэтического творчества и его взаимоотношений с художественной литературой. Доцент Н. Ф. Бабушкин изучал проблемы народности и партийности, реализма и романтизма в фольклоре, а также проблемы специфики коллективного поэтического творчества и его приоритета над индивидуальным в свете марксистско-ленинского учения о роли народных масс и личности в истории (см. часть опубликованных исследований по этим вопросам в «Трудах Томского гос. университета», т. 139, 1957 и в других изданиях). Тот же автор опубликовал ряд работ об использовании В. И. Лениным многочисленных фольклорных материалов, что рассматривается в этих работах как конкретное осуществление В. И. Лениным принципа партийности по отношению к народному творчеству (см.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. I. Изд. АН СССР, 1956, и другие издания). Большинство этих работ объединено в книге «Устно-поэтическое творчество народов в трудах В. И. Ленина» (Томск, 1958). В ряде кандидатских диссертаций затрагивались проблемы литературы и фольклора в их неразрывной связи (см. авторефераты: «Проблема народности литературы в трудах Н. А. Добролюбова» Н. А. Антропянского, «Вопросы мастерства и стиля в романе М. Бубеннова „Белая береза“» А. А. Ачатовой, «Вопросы мастерства и стиля в драматической повести А. Н. Толстого „Иван Грозный“» В. Н. Касаткиной, «Демьян Бедный — баснописец» И. Ф. Кузнецова, «Творчество С. П. Подъячева» С. И. Напольского и др.).

В Педагогическом институте доцент Я. Р. Кошелев работал над монографией «Историография фольклора и фольклористики Сибири конца XIX—начала XX веков», преподаватель Д. А. Иванов разрабатывал тему «В. Я. Шишков и устное народное творчество Сибири», с использованием неопубликованных материалов из архивов Г. Н. Потанина и В. Я. Шишкова.

В научных конференциях университета участвуют фольклористы и других городов: доцент Бурят-Монгольского педагогического института Е. В. Баранникова (см. ее статью «Декабристы о бурят-монгольском народно-поэтическом творчестве, помещенную в «Трудах Томского гос. университета», т. 139, 1957), А. И. Лазарев, аспирант Московского университета (см. там же его статью «Русское народно-поэтическое творчество Барабы»). По вопросам фольклора на страницах альманаха «Томск» регулярно выступают проф. В. М. Сидельников (Москва), Н. Ф. Бабушкин, Я. Р. Кошелев (см.: «Томск», №№ 2—3, 8—10).

Фольклористы Томска и других городов Сибири приняли участие в научных конференциях Томского университета и Педагогического института, посвященных 40-летию Октября, где выступили с докладами по новым теоретическим и историко-фольклорным темам, в IV Международном съезде славистов и во Всесоюзном совещании фольклористов, состоявшемся в Ленинграде в ноябре 1958 года.

Н. Ф. Бабушкин и Я. Р. Кошелев

СОБИРАНИЕ НАРОДНО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА НА УРАЛЕ

Собирание уральского народного поэтического творчества до Октябрьской революции связано с деятельностью писателей, обратившихся к фольклору как к историческому источнику и свидетельству народного миропонимания (А. С. Пушкин, В. И. Даль, Ф. М. Решетников, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Вас. Ив. Немирович-Данченко и др.). Значительную роль в деле собирания сыграло созданное в 70-х годах прошлого столетия Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), разносторонне изучавшее Урал. В «Записках УОЛЕ» большое место отведено фольклорным материалам в записях Н. Булычева, П. Вологодского, А. Дмитриева, П. Первушина, В. Яркова и др. Фольклорные материалы проникают в местную и центральную периодическую печать. Наиболее часто они встречаются на страницах «Пермских губернских ведомостей» (1838—1917 годы) в записях В. Шишонко, И. Вологодина, И. Змеева, А. Зыряева, П. Некрасова и др. Различные жанры уральского народного поэтического творчества содержатся в сборниках Кириши Данилова, П. В. Киреевского, А. Н. Афанасьева, П. Н. Рыбникова, А. И. Соболевского, Д. Садовникова и др. Особое место занимает сборник «Великорусские сказки Пермской губернии» проф. Д. К. Зеленина, содержащий лучшие образцы произведений уральского дореволюционного сказочного эпоса.

Собирание и изучение фольклора на советском Урале было связано в 20-е годы с развитием краеведческой работы. Она концентрировалась вокруг крупных городов, ныне областных центров: Свердловска, Челябинска, Перми, Кургана, в то время входивших в состав единой Уральской обл., а также городов Кунгура, Красноуфимска, Чердыни, Шадринска и др. Фольклорная работа включается в комплексное историко-этнографическое изучение местного края. Наиболее значительной краеведческой организацией 20-х годов был кружок по изучению северного края под руководством проф. П. С. Богословского, организованный еще в 1916 году при Пермском университете. Краеведческие организации имели свои издания: «Пермский краеведческий сборник», журналы «Кунгурско-Красноуфимский край», «Чердынский край», «Журнал Шадринского общества краеведения» и др. Редакции краеведческих изданий обращаются с призывом изучать свой край, записывать произведения народного творчества. Особое внимание уделялось записи народных свидетельств об историческом прошлом края, которые расценивались как материал для изучения духовной культуры народа, а иногда и единственный источник для выяснения исторических событий.

В конце 20-х—начале 30-х годов перед советскими фольклористами в качестве первоочередной задачи встало изучение рабочего фольклора. Урал как старинный горнозаводский район, естественно, должен был подвергнуться обследованию в фольклорном отношении.

В 1928 году на Урале работала экспедиция фольклорной подсекции Государственной академии художественных наук (участники: В. Боровик и С. Мирер), а в 1929 году — экспедиция под руководством проф. П. М. Соболева в составе Э. В. Померанцевой, А. К. Мореевой, Н. М. Костровой, организованная Российской ассоциацией научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). В 1930 году записывала уральский фольклор А. Н. Лозанова. В период с 1930 по 1935 год записи произведений уральского фольклора в Нижнем Тагиле, Алапаевске, Кизиле, Перми,

Нытве и других пунктах проводит Ю. Д. Самарин. В 1935 году собирали фольклор в горнозаводских райснах Урала Э. В. Померанцева и Н. Я. Брюсова, ездившие по заданию редакции «Правды» за материалами для тома «Творчество народов СССР».

В 1931 году был издан сборник С. Мирера и В. Боровика «Революция. Устные рассказы уральских рабочих о гражданской войне» (под ред. М. В. Морозова, ГИХЛ, М.—Л.). В 1935 году вышел в свет коллективный труд ста горняков Высокогорского железного рудника «Были горы Высокой» под редакцией М. Горького. Книга содержит рассказы рабочих о прошлой и настоящей жизни. Специальный раздел составили предания о временах колонизации Урала.

Очевиден интерес собирателей и к рабочему фольклору соседних с Свердловской обл. территорией. В 1938 году ленинградская фольклористка Н. П. Колпакова работала на Южном Урале в составе экспедиции Башкирского научно-исследовательского института языка, литературы, истории им. Гафури. Это была первая экспедиция в русские районы Башкирии — Белорецкий и Баймакский, положившая начало изучению фольклора этих районов.

Собрание народного поэтического творчества Урала осуществлялось усилиями как фольклорных экспедиций из центра, так и уральских фольклористов-краеведов.

В 1936 году вышел сборник В. П. Бирюкова «Дореволюционный фольклор на Урале», явившийся значительным событием в советской фольклористике. Он содержит наряду с крестьянским фольклором произведения рабочего уральского фольклора, собранные разными лицами, в том числе П. П. Бажовым. Книга явилась результатом упорной работы В. П. Бирюкова по собиранию произведений уральского народного творчества, начавшейся еще в 1903 году. По выходе книги в свет В. П. Бирюков продолжает интенсивную собирательскую работу в различных районах Урала. В 40-е годы выходит ряд новых сборников В. П. Бирюкова: «Уральские сказки» (Челябинск, 1940), «Исторические сказы и песни. Фольклор Урала», вып. 1 (Дооктябрьский период. Под общей ред. проф. И. Н. Розанова. Челябинск, 1949). Сборник сказок включает произведения как русского сказочного эпоса, так и башкирского, коми-пермяцкого и других малых народностей. Сказы и песни содержат народную оценку событий как общерусской, так и местной уральской истории, в частности событий Разинского и Пугачевского восстаний. В 1953 году вышел сборник В. П. Бирюкова «Урал в его живом слове» (Под редакцией Н. Куштума. Свердловск, 1953). Сборник включает обширный материал различных жанров уральского народного поэтического творчества о дореволюционной жизни в записях дореволюционного и советского времени. Кроме фольклорных произведений, книга содержит материалы этнографического и диалектологического характера. В 1958 году В. П. Бирюков издал сборник «Урал советский», в котором представлены разнообразные материалы послеоктябрьского фольклора.

В середине 30-х годов собиранием фольклора на Урале занималась Е. М. Блинова (в то время редактор художественной литературы Свердловска). Она выявляла фольклорные материалы в архивах Свердловска и Челябинска, записывала произведения народного творчества в Сатке, Златоусте, Свердловске и других городах. С помощью местных краеведов и работников областных домов народного творчества Е. М. Блиновой удалось собрать обширный материал уральского фольклора, разнообразный в жанровом и тематическом отношении. Результатами этой работы

явились два сборника: «Сказы, песни, частушки» (Челябинск, 1937) и «Тайные сказы рабочих Урала» (М., 1941). Собирательница литературно обрабатывала сказы, прибегая порою к письменным источникам.

Горнозаводский фольклор органически вошел в литературное творчество П. П. Бажова и А. П. Бондина, которые в течение многих лет собирали различные народно-поэтические жанры. П. П. Бажов обратил внимание на сказы как отличительную черту уральского фольклора, отметил их идейную насыщенность и поэтические достоинства. Сказы и предания уральских горнорабочих явились питательной почвой для бажовских сказов «Малахитовой шкатулки». П. П. Бажов неустанно призывал писателей и фольклористов к собиранию и внимательному изучению поэтического творчества рабочих.

Организованный в 1936 году Свердловский областной Дом народного творчества (ОДНТ) накопил за годы своего существования большое количество записей народно-поэтического творчества. Записи производились в различных районах Урала во время поездок и экспедиций, которые часто проводились ОДНТ совместно с другими организациями (Свердловским отделением Союза Советских композиторов, Уральской государственной консерваторией, Уральским государственным университетом и др.), а также в Свердловске от отдельных исполнителей и самодеятельных коллективов, приезжающих на областные смотры художественной самодеятельности. Кроме того, в фольклорном фонде ОДНТ накапливается материал регулярно (с 1950 года) проводимых семинаров самодеятельных композиторов и поэтов по созданию новых песен и частушек. Поступают также отдельные материалы от различных собирателей фольклора. Небольшая часть записей была опубликована ОДНТ в репертуарных сборниках, в виде листовок с частушками и т. д. Основная же масса собранных текстов хранится в архиве ОДНТ.

Созданный в 1944 году из лучших участников художественной самодеятельности области Уральский государственный народный русский хор проводит большую работу по собиранию и популяризации лучших образцов музыкального фольклора Урала. Организатор и художественный руководитель хора заслуженный деятель искусств РСФСР Л. Л. Христиансен и другие сотрудники хора во время своих многочисленных поездок по Уралу выявляют и записывают разнообразные народные песни и частушки.

В послевоенные годы возобновились начатые еще до войны регулярные фольклорные экспедиции и поездки преподавателей, аспирантов и студентов Уральской государственной консерватории им. М. П. Мусоргского. Активно участвуют в работе по собиранию музыкального фольклора свердловские композиторы и музыковеды — члены местного отделения Союза Советских композиторов. Записанные Л. Л. Христиансеном за период 1944—1955 годов 1044 песни представляют следующие районы Свердловской обл.: Белоярский, Кушвинский, Первоуральский, Туринский, Пышминский, Пекровский, Талицкий, Буткинский, Невьянский, Сухоложский, Камышловский, Егоршинский, Коптеловский, Красноуфимский, Алапаевский; районы Челябинской обл.: Златоустовский, Чебаркульский, Троицкий, Варненский, Багарякский; районы Пермской обл.: Елавский, Частинский, Лысьвенский, Мотовилиху, Нытву и др. Л. Л. Христиансеном уже регулярно проводятся звуковые записи от участников областных смотров художественной самодеятельности в Свердловске и Перми. Около 700 песен записали уральские композиторы. Регулярно проводимые выезды студентов историко-теоретического факультета консерватории дали до 600 музыкальных записей.

В общей сложности все перечисленные экспедиции и поездки свердловских собирателей музыкального фольклора дали 2615 записей (в том числе 300 записей композитора В. Г. Горячих, работающего ныне в г. Перми). Лучшие записи включаются в репертуар Уральского народного хора и художественной самодеятельности, ряд записей используется композиторами в их творческой деятельности. Небольшая часть записей опубликована Л. Л. Христиансенем в сборниках: Народные песни Свердловской области. Музгиз, 1950 (33 песни); Народное песенное творчество Свердловской области. Свердловск, 1953 (14 песен); Уральские песни и частушки. Свердловск, 1955 (37 песен). Сборники состоят из нотных записей с текстами и паспортизацией. Частично песни и частушки, опубликованные в указанных сборниках, вошли в работу Л. Л. Христиансена «Народное песенное творчество Свердловской области» (Музгиз, 1954).

В 1947 году на филологическом факультете Уральского Государственного университета им. А. М. Горького был создан кружок по изучению фольклора Урала (руководитель М. Г. Китайник). На протяжении 1947—1952 годов кружок осуществил свыше 30 экспедиций и отдельных поездок по наиболее интересным в фольклорном отношении районам Урала. Записи производились в населенных пунктах таких старейших промышленных районов Свердловской и Челябинской обл., как Невьянский, Нижне-Тагильский, Первоуральский, Каменск-Уральский, Полевской, Алапаевский, Нижне-Сергинский (Михайловский завод), Висимский, Каслинский и др. Богато представлен в записях песенно-частушечный и сказочный репертуар сельских районов Свердловской обл.: Белоярского, Камышевского, Сухоложского, Пышминского, Махневского и др. Было начато обследование фольклорного репертуара отдаленных районов северной и северо-западной части Свердловской обл., а также прилегающих районов Пермской обл. (Ивдель, Екатерининка, Преображенка, Лача, Першино, Верхотурье, Новая Леля, Павда, Кытлым, Тылай, Растёс, Старая Ляля, Большая и Малая Лаи и др.). В этих районах были отмечены многочисленные факты не только устойчивого бытования традиционного песенного фольклора (в том числе и среди молодежи), но также и рождения новых произведений, отражающих явления современности (песни и сатирические частушки). Богат сказочный репертуар, в основном состоящий из бытовых традиционных сказок с ярко выраженным социальным колоритом. Только зимняя экспедиция 1949 года по пути Ермака (Кушва, Верхняя Баранца, Кедровка, Журавик, Серебрянка и др.) дала записи 150 песен, 350 частушек, 30 сказок, фрагментов «Царя Максимилиана», многочисленных исторических преданий и т. д.

Наряду с традиционным фольклором большое внимание уделялось собиранию советского фольклора, особенно периода Великой Отечественной войны (собрано свыше 200 песен и 500 частушек этого периода). По собранным материалам был подготовлен ряд докладов. В целях популяризации уральского фольклора кружковцами прочитано в городах и районах Свердловской обл. 150 лекций о народном творчестве Урала и об отдельных его жанрах.

В 1947 году выпущен сборник «Уральские песни и сказания», составленный из произведений уральской сказительницы К. С. Копысовой, записи от которой производила студентка Уральского университета В. Курбатова.

Часть материалов, собранных в 1947—1948 годах студентами-фольклористами Уральского университета, была опубликована в сборнике «Ураль-

ский фольклор» (Свердловск, 1949). С 1951 года кружок почти целиком переключается на соби́рание устных рассказов (в 1952 году выпущен сборник «Устные рассказы уральских рабочих»), а с 1952 года преимущественно на изучение общерусского фольклора.

В 1950—1951 годах на Верх-Исетском заводе в г. Свердловске и на нижнетагильских заводах работала экспедиция Института этнографии АН СССР под руководством В. Ю. Крупянской. В работе экспедиции участвовали студенты и аспиранты Уральского университета. Изучая в основном быт уральских рабочих, участники экспедиции сделали большое количество фольклорных записей (в том числе и магнитофонных).

В 40—50-е годы продолжалась активная собирательская работа на Южном Урале. В 1948 году в Челябинске вышел в свет сборник И. С. Зайцева «Народное творчество Южного Урала» (вып. 1). Материалы для этого сборника собирались на территории Саткинского района Челябинской обл. и в г. Златоусте. Записи И. С. Зайцева получили первую премию на конкурсе, организованном Всесоюзным Домом народного творчества им. Н. К. Крупской.

Музыкальные записи песенного и частушечного жанров на Южном Урале производил композитор Я. Черняк. Некоторые из этих песен исполнялись хором Южного Урала, к сожалению, просуществовавшим недолго. Сбором фольклора о Пугачевском восстании на Южном Урале и о гражданской войне занимался И. А. Сарайкин.

В 1946 году была создана секция фольклора при Челябинском отделе Географического общества СССР (руководитель В. Е. Гусев); в 1947 году кафедрой литературы Челябинского педагогического института был организован фольклорный кружок. Силами студентов, учителей и научных работников во главе с В. Е. Гусевым в 1947—1955 годах осуществлялись ежегодные фольклорно-этнографические экспедиции Челябинского отдела Географического общества, Челябинского педагогического института и Областного краеведческого музея. За девять лет было обследовано свыше 80 крупных населенных пунктов в районах Южного Урала. Наряду с фольклором колхозного крестьянства собирался рабочий фольклор (в городах Челябинске, Белорецке, Копейске, Катав-Ивановске, Миньяре, в лесопромысловых артелях Катав-Ивановского и Миньярского районов Челябинской обл.). Большой материал, собранный во время этих экспедиций, хранится в Челябинском краеведческом музее. Часть этих материалов опубликована и охарактеризована в различных изданиях: «Известиях Географического общества СССР» (1948, № 5), «Записках Челябинского отдела Географического общества СССР» (1950), альманахе «Южный Урал» (№ 4, 1950; № 10, 1952), в работе В. Ю. Крупянской и С. И. Милиц «Материалы по истории Великой Отечественной войны» (Изд. АН СССР, М.—Л., 1953), «Фольклорно-диалектологическом сборнике» Челябинского педагогического института (1953), «Ученых записках Челябинского педагогического института» (т. 1, вып. 1, 1956), сборниках «Красный набат» (составители: М. Г. Китайник и А. С. Фрумкина, Пермь, 1957) и «Русские народные песни Южного Урала» (составитель В. Е. Гусев, Челябинск, 1957). Этнографические материалы южноуральских экспедиций использованы в готовящемся к изданию Этнографическом атласе Академии наук СССР.

В 1948—1949 годах Башкирским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и кафедрой фольклора Московского государственного университета была организована экспедиция в горные районы

Башкирии (руководитель экспедиций Э. В. Померанцева). Материалы этих экспедиций опубликованы в сборнике «Русское народное творчество в Башкирии» (составители: С. И. Минц, Н. С. Полищук, Э. В. Померанцева, Уфа, 1957).

В мае 1956 года в Свердловске прошло межобластное совещание фольклористов Урала,¹ которое способствовало оживлению фольклорной работы и в Свердловской обл. Рабочее бюро созданной на совещании Уральской фольклорной комиссии под председательством Л. Л. Христиансена обратилось через областные газеты ко всем любителям народного творчества и молодежи с призывом включиться в собирательскую работу. В собирательскую работу вовлекаются студенты-заочники Уральского университета и Свердловского педагогического института, студенты, проходящие педагогическую практику в школах и пионерских лагерях, студенты-туристы и др. Обследуются фольклорные фонды местных районных и городских краеведческих музеев, где нередко обнаруживаются интересные материалы, накопленные за многие предшествующие годы и до сих пор оставшиеся неизвестными.

В результате всех принятых мер усилился приток фольклорных материалов. В Уральскую фольклорную комиссию обратился ряд собирателей, на протяжении многих лет записывающих произведения фольклора. Среди них Г. Т. Чукалкин из г. Каменск-Уральского, коллекция пословиц и поговорок которого насчитывает 30 000 номеров, А. А. Рылов из Свердловска — собиратель малых фольклорных жанров и др.

Особый интерес представляют записи А. И. Печеркина. Андрей Иванович Печеркин (род. 1877) — бывший учитель, ныне пенсионер, занимается собиранием фольклора на протяжении свыше 60 лет. Его записи относятся в основном к казачьим районам Челябинской обл. и содержат 388 песен, 200 частушек, 1680 пословиц и поговорок, 186 загадок, 20 сказок, исторические предания и т. д. Записи А. И. Печеркина до настоящего времени не публиковались и вообще не были известны фольклористам.

Весной 1957 года издано написанное членами Уральской фольклорной комиссии В. П. Кругляшовой и В. В. Кукшановым методическое пособие для учителей по собиранию сведений о материальной и духовной жизни трудящихся Урала, в котором значительное место занимают вопросы собирания фольклора.

С осени 1956 года вновь были созданы студенческие кружки по собиранию и изучению фольклора Урала в Уральском университете (руководитель В. П. Кругляшова) и Свердловском педагогическом институте (руководители: В. А. Вронская и В. В. Кукшанов). После изучения кружковцами методики собирательской работы летом 1957 года были проведены экспедиции в два соседних пункта горнозаводского Урала: Нижний Тагил и Висим.

Университетская экспедиция записала в Нижнем Тагиле исторические предания о демидовщине, песни периода революции и гражданской войны, солдатские песни, большое количество разнообразных лирических песен, частушек, сатирические сказки антиклерикального характера. Экспедиция Педагогического института записала в Висиме ряд интересных старых рабочих песен и частушек, хорошо сохранившиеся фрагменты народной драмы «Шайка разбойников», несколько исторических преданий, а также большое

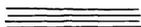
¹ См. отчет о работе совещания: «Русский фольклор. Материалы и исследования». т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 325—326.

число лирических песен. В настоящее время ведется обработка собранного материала, подготовка его для издания.

Для координации работы по собиранию музыкального фольклора и систематизации собранного материала с 1957 года при Уральском народном хоре создан специальный кабинет музыкального фольклора, располагающий аппаратурой для звуковой записи. Кабинетом ведает музыковед, выпускница Уральской консерватории Н. С. Дыбчо, занимающаяся выявлением и учетом музыкальных записей уральского фольклора, хранящихся в частных архивах и собраниях.

После межобластного совещания фольклористов Урала активизировалась собирательская работа в Пермской обл. (под руководством Г. И. Бомштейна и М. А. Ганиной). В Челябинске в 1957 году при областном Доме народного творчества создана южноуральская фольклорная комиссия; с 1958 года после трехлетнего перерыва возобновила работу фольклорно-этнографический кружок Челябинского педагогического института (руководитель А. И. Лазарев). В Шадринском педагогическом институте собирательской работой студентов руководит В. И. Тимофеев. К сожалению, в богатой фольклором Оренбургской обл., где в прошлом существовала хорошая собирательская традиция, в последние годы эта работа почти прекратилась и никем не возглавляется.

В. П. Кругляшова и В. В. Кукушанов.

ЗАПИСЬ РУССКИХ СКАЗОК В 1956—1957 ГОДАХ В КАРЕЛИИ

В 1956—1957 годах кафедра фольклора Московского государственного университета проводила экспедиционную работу «по следам братьев Соколовых» в ряде районов Карельской АССР.

Главной целью этих экспедиций являлась запись былин, однако попутно записывались и другие жанры. Особый интерес представляют записи сказок, произведенные в Пудожье, Заонежье, на Выгозере.

В то время как былин удалось записать очень мало, что свидетельствует об умирании этого жанра, сказка, судя по количеству записей, еще живет полной жизнью. За два месяца работы (июль 1956 и 1957 годов) записано около 400 сказок, в том числе 159 волшебных, 60 бытовых, 73 сказки о животных и много анекдотов.

Особенно много сказок (253) записано в Пудожском районе. Этот район является одним из наиболее труднодоступных в Карелии: там нет железных дорог, связь с центром республики зимой затруднена. В последнее время в Пудожье ведутся большие работы: строятся леспромхозы, расширяется сеть рыбозаводов; все же некоторые деревни оторваны от районного центра. В деревнях Рагнозеро, Пильмасозеро, Келкозеро записаны лучшие сказки. Особенно богато Пудожье волшебными сказками (их записано 115). Чаще других встречались следующие сюжеты: чудесное бегство (Андреев, 313)¹—8 раз, чудесные дети (Андреев, 705)—7,

¹ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

мачеха и падчерица (Андреев, 480) — 6, Сивка-бурка (Андреев, 530) — 4. Наибольший интерес представляют сказки А. В. Анухиной из дер. Келк-озеро (15 номеров) и А. Е. Нефедовой из дер. Сумозеро (15 номеров). Анухина — замечательный мастер волшебной сказки. В основном она переняла их от своей матери — Воробьевой. В сказках А. В. Анухиной строго соблюдается традиционная обрядность: сказочные формулы, троичность и т. д. Особенно хороши общие места, например описание лесной избушки и обращение героя к ней, повторяющееся в тексте 3 раза: «Стоит избушка на турей ножке, на веретеной пятке, вокруг вертится. Избушка, избушка, повернись туды крыльцом, ко мне лицом, мне не год годовать, одну ночь ночевать, пособи, господи, зайти и выйти».

В сказках А. В. Анухиной подобных формул очень много. Как правило, в ее сказках наблюдается контаминация сюжетов. Например, в сказке «Кошей-Бессмертный» можно выделить несколько сюжетов (Андреев, 552, 530а, 560, 400а, 302). В некоторых ее сказках заметно влияние лубка. Любопытно, что сюжет сказки «Про Долгорукого Оплетая» перекликается с арабской сказкой о Синдбаде-Мореходе из «1001 ночи», однако все герои русские, действие происходит где-то на севере и главный герой, спасаясь бегством, прибегает на Онежское озеро. В сказке «Про крыс» (Андреев, 560) своеобразно отражается влияние современности: совет богатырей снимает с работы (с трона?) царя за кутежи и заменяет его хорошим царем.

Интересны сказки Михаила Осиповича Дмитриева (дер. Рындозеро). В его репертуаре преимущественно волшебные сказки, которые отличаются богатыми традиционными формулами: «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, на голом месте, как на бороне, жил-был царь...» или «Сел на добра коня. Раз видели, что он по белу двору в сторону поехал. Другой раз видели, что он на добра коня садился, а в третий раз не видели... Только видели в чистом поле одна конотопь стоит».

Однако вместе с тем в его сказках заметно влияние современности. Черты нового быта переплетаются со сказочной фантастикой: герой сказки учится в школе, кончает ее; за советом о выборе профессии идет... к бабке-задворенке; та ему «рекомендует купить кобылу и поехать путешествовать».

От Акулины Еремеевны Нефедовой записано 15 сказок. Одна из них, которую А. Е. Нефедова назвала «настоящей сказкой», является пересказом былины, остальные — бытовые («Набитый дурак» — Андреев, 1826; «Влюбленный поп» — Андреев, 1785; «Микола Дупленский» — Андреев, 1380, и др.). Часть рассказана ритмической прозой, отдельные места рифмуются. Знает А. Н. Нефедова и присказки. Волшебные сказки она не рассказывает и не любит их.

Петр Яковлевич Леонтьев (дер. Гумар-наволок) рассказывает авантюрные и бытовые сказки. Он частенько смеется над попами, над старыми порядками (например, «Как раньше судили»). Характерно для его репертуара, как и вообще для сказок Пудожья, отсутствие антибарских сказок: это объясняется скорее всего тем, что в Карелии не было крепостного права.

Очень мало (5) было записано антипоповских сказок. За 40 лет роль церкви и ее служителей в жизни народа заметно уменьшилась. Осуждение попа как классового врага перестало быть актуальным. Объясняется это и специфическими условиями района. До революции здесь было очень мало попов и церквей. Около каждой деревни обычно была часовня, за которой

следили сами жители. В сказках на антипоповские сюжеты главный персонаж — поп — заменяется другим, часто купцом.

В самых отдаленных местах Пудожского района были записаны былички и сказки легендарного характера (например, от М. М. Ушковой из дер. Пильмасозеро, Л. В. Шишовой из дер. Загорье). Бытование этих быличек неизбежно связано с верой в домовых, леших и другую нечистую силу.

В этом же районе записано довольно много сказок о животных. Наиболее популярными являются сюжеты: «Кот, лиса и петух» — (Андреев, 61) — 5 вариантов, «Волчья песня» (Андреев, 162) — 6 вариантов; во всех волк заменен медведем. Сказки о животных рассказывались людьми старше 60 лет, обычно женщинами. Однако 4 сказки были записаны от Афанасия Гавриловича Афонина (дер. Остров). Все исполнители этих сказок утверждали, что рассказывают они эти сказки только детям. Так, репертуар Л. В. Шишовой (дер. Загорье) составляют преимущественно сказки о животных. Поэтому в своей деревне она известна как хорошая рассказчица более в детской аудитории, чем среди взрослых. Сказки о животных часто ритмичны, очень выразительны, в них встречаются рифмованные обращения. Большую роль при рассказе играют жесты и интонации. Очень красочны сказки, записанные от Анны Филипповны Мамонтовой (дер. Кривцы). Интересен в ее передаче традиционный сюжет «Курочка Ряба» (Андреев, 241): курочка снесла яичко, мышка его разбила; старик и старуха плачут; на помощь приходит ворона; она советует постлать сена в корзинку, чтобы яичко не разбивалось.

Меньше было записано сказок в Заонежье и на Выгозере (150).

Из них: 44 волшебных, 28 бытовых, 17 сказок о животных, около полусотни анекдотов. Большое влияние на бытование сказки здесь оказало строительство Сегежского бумажного комбината и строительство Беломорско-Балтийского канала. Сказочная традиция более устойчива в этих краях в наиболее глухих местах (на Выгозере, Коросозере и Воренже Беломорского района). Только в этих местах были записаны былички. От стариков записаны рассказы о Петре I, его переходе из Белого в Балтийское море, о прокладке дороги.

Среди сказочников встретились подлинные мастера.

Очень интересны сказки (12) Владимира Михайловича Сазонова (Олений остров Заонежского района). Особенно хорошо он рассказывает игровую сказку-миниатюру, причем не просто рассказывает, а разыгрывает сказку. В его исполнении она приближается к сценическому действию.

Ефим Степанович Семенов (Вожмогора Сегежского района, 22 сказки), наоборот, рассказывает очень неторопливо, но не без юмора. Вызывая смех, сам остается спокойным. От него были записаны анекдоты о пошехонцах. Любопытна его сказка «Иван Портной и Иван Чеботной» (Андреев, 301а, «Подземное царство»). Герои вызываются отыскать пропавших царских дочерей. Получив от царя деньги, пропивают их. На поиски дочерей уходит Иван Портной. Однако главным героем является не он, а серый котик. Котик побеждает змея и освобожденных царевен отдает Ивану Портному. Потом котик уходит. Этот уход сказочником не мотивируется. Котик оставляет Ивану Портному рожок: если третий змей будет побеждать Ивана Портного, то он может призвать котика на помощь. Иван Портной так и делает, не начиная даже борьбы со змеем. Котик побеждает змея. На вопрос: «Куда же котик-то уходил?» — Семенов ответил неуверенно: «А так, у енго дело, наверно, было»

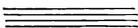
Самой лучшей сказочницей из числа встреченных экспедицией в 1956 и 1957 годах бесспорно является Акулина Лазаревна Митрякова (Корос-озеро). Ей уже 90 лет, но она ничего не забыла из того, что когда-то знала. Голос у нее молодой, очень хорошая дикция. Помимо сказок (рассказала всего 24), она знает много песен, загадок, прибауток, частушек. У нее очень меткий, живой, афористичный язык. Присказки ее отличаются явно сксморшеским характером: «У моей маменьки в каждой день каравай мяконецкий. Пекет да мажет, а на стол не кажет. Я в лес — так она все съест. Спекет каравай — и руками не сломай. Ножичком режь, а ложкой ешь. Брось в стену каравай — стена колетя, а каравай не ломитя».

Ее сказки очень оригинальны. Творчески переработана сюжетная схема, например, в сказке «Кот, лиса и петух» (Андреев, 61). Кот держит петуха за умение хорошо петь. Петух — бездействующее лицо, характеристика его дана лисой и самим рассказчиком. Герой сказки — кот. Он не только занимается лесной работой, но и стряпает рыбники, готовит квас и нарезает редьку для обеда. Петух освобожден от всякой работы. Он — «петарь». Когда лиса уносит петуха, кот рассказывает о своей беде зайцу. Заяц предлагает заменить петуха собой. Из его попыток петь ничего не выходит. Кот отвергает его услуги. Старая мораль сказки — не поддаваться соблазну — отступает на задний план. Возможно, что отношение кота к петуху своеобразно отражает то уважение и почет, какими пользовались на Севере сказители и сказочники. Эта сказка — своеобразный отклик на былое могущество песенной традиции.

Сказки Митряковой, довольно длинные, обычно просты по сюжету: сказочница не прибегает к сложным контаминациям.

В целом карельская экспедиция университета 1956—1957 годов собрала большой материал для исследований в области истории и современного состояния сказочного эпоса. Собранный материал говорит о сравнительной устойчивости сказочной традиции в Карелии.

Е. Костюхин и С. Ожегова.

НАРОДНО-ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ВЕРХОВЬЕВ ВЫЧЕГДЫ И ПЕЧОРЫ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПОЕЗДОК)

В 1956—1957 годах по заданию Коми филиала АН СССР мне пришлось неоднократно бывать в верховьях Вычегды и Печоры. В центре внимания находились два района — Усть-Куломский и Троицко-Печорский, в фольклорном отношении почти вовсе не обследованные. Эти районы привлекали еще и потому, что они граничат с такими крупными центрами русской народно-поэтической культуры, как средняя и нижняя Печора и Прикамье. Это обстоятельство, естественно, не могло не наложить соответствующего отпечатка на коми верхневычегодскую и верхнепечорскую устную поэзию.

При той общности, которая характерна для народного творчества всех коми районов, троичко-печорский и усть-куломский фольклор имеют каждый свои отличительные особенности. Коми фольклор верхней Печоры

не только в своих эпических, но и в лирических жанрах тяготеет к эпической традиции русской Печоры. Фольклор же Усть-Куломского района более лиричен, богат малыми фольклорными жанрами. В фольклорных произведениях и в народно-инструментальной музыке верхней Вычегды наблюдается сходство с народным искусством русского и пермяцкого населения Прикамья.

Во время фольклорной поездки в Усть-Куломский район в 1956 году было записано 111 коми и русских народных песен, 750 частушек, 8 сказок и преданий, 224 загадки, пословицы и поговорки, 17 произведений детского фольклора, свадебные и похоронные причитания, поверья и приметы. С помощью местных энтузиастов удалось выявить незаурядных певцов и частушечниц: 75-летнюю колхозницу У. Т. Ширяеву, 65-летнего народного заседателя суда А. Г. Кузнецова, колхозниц-сестер А. В. Лютоеву и Ф. В. Тарабукину. Замечательным хранителем старинной коми песни, создателем новых песенных произведений и интермедий является усть-куломский колхозный хор, организованный колхозниками при районном Доме культуры, а также молодежные кружки художественной самодеятельности, определяющие новый песенный облик любого усть-куломского села.

По рассказам старожилов, уст-куломские крестьяне — лесорубы, охотники и рыбаки — на «войпуках» и «рытпуках», т. е. на посиделках, в крестьянской избушке и у лесного костра, сказывали сказки и предания о могучем Пере-богатыре, о храброй жене Красивого Романа, об Илье Муромце, Елене Прекрасной, об истории усть-куломских селений; любили загадывать загадки, или как их здесь называют «нӧдӧдчыны», «лӧдчыны»; охотно украшали свою речь меткими пословицами и образными поговорками.

Но сегодня более всего популярно в Усть-Куломе песенное творчество: старинные русские, коми и пермяцкие песни, новые частушки, массовые песни литературного происхождения. Кроме усть-куломских вариантов старинных песен, поют песни малоизвестные, а то и вовсе неизвестные в других районах: семейно-бытовые и любовно-лирические, рекрутские и солдатские, свадебные и эпические. Бытуют трудовые песни вроде переведенной с русского языка на коми «А мы просо сеяли», песенные прибаутки, песни-импровизации.

О чем поется в этих старинных песнях? Жизнь бедняка-труженика, его чаяния, горькие переживания и вместе с тем оптимистическая радость жизни — вот что находится в центре внимания подобных песен. В песне нищего «Ветельӧй, Ветельӧй» (Ветель мой, Ветель мой), до сих пор неизвестной в фольклорных записях, поется о заветной мечте бедняка выбиться из нужды. Но мечта остается бесплодной. То же настроение слышится в другой, также записанной впервые, песне «Шондӧ банӧй олӧмӧй, Прупт горӧй ветлӧмӧй» (Жизнь, подобная ясному солнцу, на Прупт-гору хождение). А один из ее вариантов, исполненный в с. Дон колхозницей А. Г. Тимушевой, становится своеобразной песней о доле и недоле бедняка, вынужденного заняться отходничеством:

Батьӧ нуб Сибирӧ,
Мамӧ нуб пермякӧ
Некор вольтӧ вылӧ.

Отец ведет меня в Сибирь,
Мать уговаривает ехать к пермякам
На вечное поселение.

О безысходной нужде отходника поется в другом варианте этой песни, записанном от 22-летней колхозницы с. Дон Р. И. Тимушевой. Основное

настроение песни лаконично выражено в заключительном песенном резюме:

Уна вожа туй муно̄,
Сѣмын мунан туй абу.

Много есть дорог,
Но дороги, по которой можно
было бы идти, нет.

Песни об отходнике наиболее своеобразны из всего местного фольклора. Их популярность в Усть-Куломе вовсе не случайна. В самой усть-куломской действительности существовали прежде бытовые предпосылки для возникновения подобных песен. Ведь именно через Усть-Кулом, через р. Прупт, шли толпами массы отходников. В поисках лучшей доли они отправлялись в Сибирь, на Урал, в Ярославль или на богословские заводы. Но, как поется в одной песне:

Богословыс кѣ ылын,
Ярославыс ылынджык.
Богословас кѣ събкыд,
Ярославас събкыджык.

Если до Богослова далеко,
До Ярославля дальше,
Если в Богослове тяжело,
В Ярославле тяжелее.

Менее своеобразны усть-куломские рекрутские и солдатские песни. Большая их часть известна повсеместно. Но и среди них имеются оригинальные песни о рекрутах вроде песни «Шонді бан дырйийой» (В былую пору), русской песни местного происхождения «Прощай, Донский, Усть-Куломский». Почти в каждой деревне можно услышать переведенную на коми язык русскую солдатскую песню «Всю мы Москву проезжали».

Встречаются также варианты редкой коми эпической песни о татарском полоне «Мича Роман» (Красивый Роман) и фрагменты из неизвестной в коми фольклоре ямщицкой песни «Ылын-ылын дуб сулалѳ» (Далеко-далеко дуб стоит). Свадебные и похоронные причитания из массового обихода фактически вышли. Однако используемая усть-куломским колхозным хором на клубной сцене «Коми свадьба» неизменно пользуется успехом.

Богаче всего представлены в усть-куломском фольклоре любовно-лирические, семейно-бытовые, шуточные песни и частушки, характеризующиеся сильной сатирической и юмористической струей. Эта же черта видна в произведениях детского фольклора — в коротких стихотворных рассказах и прибаутках. Они рисуют поэтические картины Севера (Кокѳ, кокѳ, котрав) — «Ножка, ножка, беги»), дают юмористические характеристики героям («Кисульѳой, кинюльѳой» — «Кисуля, кошечка»). Особый вид детского фольклора — бесконечные цепные побасенки типа русской песни «У попа была собака»: «Ок-ма Кузьма паччѳр ылын кулѳма (Ох-ма, Кузьма на печи умер), «Мѳдлапѳлын пан тшын» (В заречье дым) и т. д. В Усть-Куломе их называют «гѳгрѳс сьыланкывъясѳн» (круглыми песнями).

Характеризуя песенное творчество Усть-Куломского района, мы говорили о его связях с русской фольклорной традицией Прикамья. Вместе с тем в песенный быт Усть-Кулома проникали элементы фольклора пермяков и удмуртов. Коми певцы прекрасно исполняют на пермяцком языке песню «Кѳкѳ» (Кукушка), множество пермяцких частушек. Народнѳинструментальная музыка Усть-Кулома постоянно обогащалась наигрышами на «пѳлянах» (музыкальных дудках из лугового растения «омра гум»). Впервые эти наигрыши от пермяков записал на ноты в 1865 году пермский этнограф Вологдин. И до сих пор в сопровождении «пѳлянов»

поются частушки, пляшут «барыню» и знаменитый «шен», или как здесь называют его «кужбинскую кадрили».

Много общего и между усть-куломскими и удмуртскими песнями-импровизациями. По своей композиции они представляют собой рассказ певца об увиденных им в пути явлениях и предметах (песня «Пропт-горавы быдмёмой» — «На Пропт-горе выросли»).

Ознакомиться с верхнепечорским фольклором и песенным бытом нам удалось несколько позднее — во время поездок по обширному Троицко-Печорскому району в 1956—1957 годах. Район этот растянулся на много сот километров по верхней Печоре, а на востоке вдоль Уральского хребта. В прошлом он был глухим, малообжитым районом. В последние годы в связи с открытием здесь богатой нефтегазовой печорской структуры и начавшейся подготовкой к соединению верховьев Камы, Печоры и Вычегды в единый гидроузел облик района совершенно преобразился. В заповедных краях выросли десятки новых рабочих поселков, в тайгу пришли новая техника, новый человек. Вместе с ним на Печору пришла новая песенная культура. На селе и в рабочем поселке в художественную самодеятельность вовлекается талантливая молодежь. Песни народов СССР, песни советских композиторов, русские, украинские и коми частушки звучат на Печоре повсеместно.

А местные старожилы ревниво оберегают прославленные былины, сказки, песни и легенды. В поисках знатоков коми печорского фольклора мы столкнулись с такими одаренными певцами, как Т. М. Мезенцева, П. Д. Растворова, А. П. Пыстина, С. П. Остяков, В. В. Попов и др. В отношении фольклора нас особо заинтересовали три верхнепечорские селения — Подчерье, Покча и Троицко-Печорск. В Подчерье, расположенном в 200 километрах от железной дороги на крутом лесистом берегу Печоры, большую славу завоевала певица «Мелентьевна», как здесь любовно называют 70-летнюю колхозницу Пелагею Мелентьевну Мезенцеву. Свой рассказ о прошлом Печоры она начала с местного предания о храбром разбойнике Гань-Иване, который сумел оборониться и от пули, и от огня, и от воды. Только забыл смелый атаман отблагодарить усть-цилемскую колдунью. Вспомнил Гань-Иван свою оплошность, да поздно уж было: схватили молодца и заточили в темницу. Мелентьевна сообщила нам две песни, которые, по преданию, пел Гань-Иван в заточенье. Это песни «Среди то было» и «Дело было да ласковое». Последняя песня весьма близка к песням разинского цикла, и теперь она сопровождает исполнение народной драмы «На лодке». Начертив на полу «лодку», участники игры садятся в круг, предварительно вооружаются «веслами» и поют песни об отважных разбойниках.

От Мелентьевны были записаны еще две русские исторические песни. Одна из них, посвященная герою Отечественной войны 1812 года, казацкому атаману Платову, зарегистрирована не только на Печоре, но и на Вычегде. Другая песня — «Ой вы слушайте, бояре», напетая Мелентьевной, в других районах не записана. В ней отразился героический эпизод из болгаро-турецкой войны прошлого столетия — взятие турецкой крепости.

Помимо русских исторических песен Мелентьевна сообщила редкие коми народные лиро-эпические песни «Шонді-баной важ честуйой» («Жизнь, подобная ясному солнцу, моя искоженная охотничья тропинка») и «Тулёмой кō быдмёмой» (Созревание мое). Эти песни, исполняемые протяжно, на Печоре называются «нюдз сьыланкывъясōн» (протяжными песнями).

Разновидностью эпических коми произведений Печоры являются хорошо сохранившиеся подробные варианты песен «Мича Роман» (Красивый Роман) и «Казань-гора», отразивших период борьбы с татарами. В отличие от своих верхневьчегодских вариантов эти песни в некоторых печорских селениях превратились в повествовательные сказания и сказки. Так, в Покче песня «Красивый Роман» стала поэтическим сказанием о татарском полоне, о местной красавице Романице и ее женихе Романе; место действия в этой песне перенесено на Печору.

Сел. Покча интересно еще в одном отношении. Здесь сохранилось больше русских народных песен, чем какой-нибудь другой коми печорской деревне. При этом русские песни воспринимаются как оригинальные покчинские произведения. Местные старожилы даже так их и называют — «коренными песнями». Русские песни покчинских певцов — это песни самого разного содержания: от любовно-лирических и семейно-бытовых до баллад былинного типа («В поле ягодка лесная», «Экой Ваня», «Болят мои ноженьки», «Ванька ключник»).

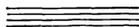
Своеобразен репертуар Троицка-Печорска. Живущая здесь 73-летняя колхозница Анастасия Петровна Пыстина знает и любит коми лирические песни, но особой ее симпатией пользуются шуточные песни из детского фольклора: «Шыр кылтö-катö» (Мышь плавает по реке), «Кисиньбой-касиньбой» (Кисочка-кошечка), песенка о волшебном «туне» (колдуне), вся сила которого заключается в бороде.

На Печоре, как и на Вычегде, есть не только талантливые певцы-одиночки. Имеются здесь и небольшие, хорошо спевшиеся ансамбли певцов. Слаженный ансамбль представляет семья певцов Поповых. В семье 53-летнего служащего троицко-печорской райзаготконторы старого коммуниста Василия Васильевича Попова поют все: старший сын Василий, дочери Лена, Надя и Вера. Задушевно исполняют они печорские варианты народных песен «Шонді банöй оломöй» («Жизнь, подобная ясному солнцу»), «Тшак вотысь» (Гробница), «Кöкö» (Кукушка) и др.

Помимо русских и коми народных песен в современном песенном быту Печоры широко представлены песни литературного происхождения и заборные частушки. Большинство из них по своему содержанию и образам близко к верхневьчегодским.

Мы лишь в общих чертах рассказали о песенном богатстве верховьев Вычегды и Печоры, которое до сих пор остается слабо изученным. Но даже первоначальные наблюдения позволяют сделать вывод, что здесь, как и повсюду, полнокровно живет современное песенное творчество.

А. К. Микушев.

СОБИРАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА УДМУРТОВ

Первые этнографические сведения об удмуртах относятся к XVIII веку и принадлежат русским и иностранным ученым, которым пришлось пребывать на территории, заселенной удмуртами (Рычков, Миллер, Лепехин). Но более развернутая и, главное, принципиальная характеристика устно-поэтического творчества удмуртского народа принадлежит первому русскому революционеру А. Н. Радищеву, дважды (в 1790 и 1797 годах)

проезжавшему через удмуртские селения. Увидев в русских песнях «образование души нашего народа»,¹ А. Н. Радищев заметил, что удмурты «почти как русские».² В устном народном творчестве удмуртов писатель отметил те же самые стороны, что и у русского народа. Удмурты, пишет он в своих путевых записях, «поют едуци как русские ямщики. Нравы их склонны более к веселью, нежели к печали».³

Определенный интерес к фольклору удмуртов проявили передовые русские писатели Герцен, Салтыков-Щедрин и Короленко, сосланные царским правительством в Вятский край. А. И. Герцен пробудил среди местной интеллигенции интерес к краеведению, положив тем самым начало систематического изучения населения Вятского края. Творчество Герцена, Салтыкова-Щедрина, Короленко свидетельствует об их близком знакомстве с местным (и удмуртским в том числе) населением Вятского края, хотя, к сожалению, этот вопрос еще остается в науке неисследованным.

В XIX веке можно назвать до четырех десятков работ этнографического характера по изучению удмуртского народа, включающих в себя и материал устного народного творчества.

Наиболее основательной по количеству собранных текстов (на удмуртском и русском языках) является книга миссионера Б. Гаврилова «Произведения народной словесности, обряды и поверия вотяков Казанской и Вятской губерний» (Казань, 1880). Сразу же следует оговориться, что миссионеры и буржуазные этнографы, выступавшие в роли собирателей удмуртского фольклора, нередко подправляли и искажали произведения устной поэзии в духе официальной народности, утверждавшей смирение и верноподданнические чувства народа и художественную неполноценность народного творчества вообще и творчества национальных меньшинств в особенности. Тексты, опубликованные Б. Гавриловым, были переведены на немецкий язык М. Бухом и на венгерский — Мункачи. Это в основном тексты лирических песен, 172 загадки и несколько сказок и легенд.

Несколько фольклорных сборников издал в 80-х годах этнограф Гр. Верещагин. Из остальных работ наиболее значительны «Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда» (4 выпуска), составленные школьным инспектором и этнографом Н. Г. Первухиным. Им опубликовано (на русском языке) 12 легенд, 33 песни, 165 загадок, 35 пословиц и др.

Почти для всех работ дореволюционного периода по удмуртскому фольклору характерно реакционное толкование взаимоотношений русского и удмуртского народов. Замалчивая классовую разобщенность общества, собиратели игнорировали наличие в каждой национальности эксплуататорской верхушки и широких слоев трудового народа и классовую борьбу пытались истолковать как национальную вражду.

Буржуазные толкователи и собиратели удмуртского фольклора не могли в силу своего мировоззрения дать подлинно научное освещение искусства устной поэзии, они зачастую обедняли памятники устной поэзии.

Лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции началась широкая собирательская и исследовательская работа по удмуртскому фольклору. Центром этой работы стал Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и фольклора (УдНИИ). Удмуртской фольклористике в первые годы Советской власти

¹ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. 1, М.—Л., 1938, стр. 230.

² Там же, т. 3, 1952, стр. 225.

³ Там же.

пришлось вести суровую борьбу с местными националистами, которые тормозили развитие национального искусства, совершенно отрицали роль русского народа и его культуры в росте национальных культур. «Исследуя» удмуртский фольклор, националисты враждебно оценивали культурное взаимодействие русского и удмуртского народов.

Первая комплексная фольклорно-лингвистическая экспедиция в Удмуртии была проведена летом 1929 года под руководством проф. Бубриха. С этого времени экспедиции стали систематическими. В них принимают участие, помимо работников УдНИИ, ученые Москвы и Ленинграда, студенты педагогических вузов, писатели и композиторы Удмуртии. Экспедициями охвачены почти все районы Удм. АССР и некоторые населенные удмуртами пункты Башкирской и Татарской АССР. Богатые материалы собраны экспедициями 1929, 1931, 1936, 1941, 1945, 1949 годов и отдельными собирателями и корреспондентами. Так, один из самых крупных писателей Удмуртии М. П. Петров был постоянным собирателем устного народного творчества. Им составлены два сборника четверостишных (нбыльчуръёс) песен и частушек и сюжетных песен на удмуртском языке (Удмурт калык кырманъёс, вып. 1, 2. Удгиз, 1936). В эти сборники вошло 220 сюжетных и 1307 четверостишных песен. М. П. Петровым, А. В. Лужаниным и московским фольклористом А. М. Смирновым-Кутачевским было положено начало классификации и научного изучения удмуртских песен (см. вступительные статьи в указанных сборниках): поставлен вопрос об их особенностях, как наиболее распространенные выделены песни о тяжелой доле, солдатские, сиротские и лирические. М. П. Петровым совместно с композитором А. Каторгиным издан также сборник удмуртских песен с нотами (Удмурт калык кырманъёс нотаосын. Удгиз, 1937).

Кроме самобытных народных песен, экспедициями собраны русские песни, как переведенные на удмуртский язык, так и неперевоенные, т. е. бытующие среди удмуртов на русском языке. В рукописном фольклорном архиве при библиотеке УдНИИ хранится около двух тысяч записей сюжетных песен (из них более 400 с нотами), до пяти тысяч частушек и четверостишных песен.

Институтом изданы три сборника народных сказок, два на удмуртском и один на русском языках: «Удмурт калык сказкасс» (составители А. Клабуков и М. Перевощиков, Удгиз, 1940), «Удмуртские народные сказки» (составитель А. Клабуков, вступительная статья П. Яшина, комментарии А. Западова, Удгиз, 1948) и «Удмурт калык выжыкылъёс» (составители: А. Клабуков и Н. Кралина, Удгиз, 1954). В эти сборники вошло 97 удмуртских сказок и легенд. В рукописных фондах Института насчитывается до тысячи сказок, охватывающих около 400 сюжетов. Из всех заметок об удмуртских сказках наиболее значительной является статья П. М. Яшина в указанном сборнике сказок на русском языке, в которой автор верно намечает ряд проблем, связанных с особенностями удмуртской сказки.

Характернейшей особенностью удмуртской сказки является ее близкая, кровная связь со сказочным творчеством русского народа. Даже соотношение основных жанров или разрядов сказки близко к русскому. Так, менее всего распространен у удмуртов жанр сказки о животных, а новеллистические сказки — самые распространенные. Очень много сказочных сюжетов, общих с русскими. Бытуют также и сюжеты, общие со сказками других народов СССР. Так, например, сюжет удмуртской сказки «Филин» (см. указанный сборник 1954 г., стр. 43—46) подобен сюжету сказок, бытующих у ненецкого, нганасанского и марийского народов.

Небезынтересно отметить, что большинство сказок, записанных до революции, относится к сюжетам «случайного счастья», кладоискательства и т. п. Мечтая о счастливой жизни, но не зная путей к ее достижению, удмурты возлагали надежды на случай. После Октября удмуртский народ стал по-новому отражать свои чаяния и мечты. Сказки о случайном счастье, о кладах постепенно отмирают. В записях последних экспедиций их, например, почти нет, тогда как первыми экспедициями было зарегистрировано довольно широкое их бытование.

В рукописных фондах Института насчитывается до двух тысяч удмуртских пословиц и поговорок, собранных писателями И. Г. Гавриловым, А. Н. Клабуковым, учителем Г. Д. Фаршатовым, студентами педагогических техникумов. В 1950 году в 13 выпуске «Записок» УдНИИ А. Н. Клабуков опубликовал на удмуртском и русском языках 461 пословицу, предпослав публикации вступительную статью, в которой подвел итог дореволюционным публикациям пословиц и поговорок и отметил ряд характерных особенностей этого жанра. В 1954 году в 16 выпуске «Записок» помещена публикация 599 загадок со вступительной статьей к ней Н. П. Кралиной.

Удмуртская загадка интересна и по содержанию и по форме. Характерно само название — «мадькыл», или «мадиськон», или «мадиськон кыл», которое можно перевести как «слово, необходимое для разговора». Корень этого слова употребляется в удмуртских говорах в значении петь, песня, мотив. В самом названии загадки, таким образом, подчеркивается поэтическая сторона, мелодичность, напевность. В фондах Института имеется около двух тысяч записей загадок, многие из них с переводом на русский язык.

Экспедициями накоплены материалы и по другим жанрам устного народного творчества, таким, как легенды и предания, побывальщины, обряды и суеверия, народные детские игры, дразнилки и др.

Разработкой вопросов устного народного творчества удмуртов в настоящее время занимаются сотрудники сектора литературы и фольклора УдНИИ: зав. сектором, канд. филологич. наук Н. П. Кралина и научный сотрудник П. К. Поздеев. Н. Кралина подготовила к изданию на русском языке сборник удмуртских народных сказок. В сборник вошли наиболее интересные сказки из опубликованных на удмуртском и русском языках, но в основном он состоит из новых публикаций и переводов. Сборнику предпослана вступительная статья, тексты сказок сопровождаются примечаниями. Сборник находится в издательстве и в 1959 году будет выпущен в свет.

В 1959 же году сдается в печать сборник «Удмуртские пословицы и поговорки» (на русском и удмуртском языках, составление и вступительная статья Н. Кралиной). В сборник вошли более 2000 пословиц и поговорок, отобранных из рукописного фонда института, личных записей любителей родного слова, собственных записей составителя и всех предшествующих публикаций.

П. К. Поздеев работает над исследованием удмуртских народных песен. Им подготовлен к изданию на удмуртский язык сборник удмуртских песен со вступительной статьей и примечаниями.

Это будет наиболее полное издание народных песен и первое издание с нотами. В 1960—1961 году сборник запланировано издать в переводе на русский язык. Работа П. К. Поздеева должна завершиться монографическим исследованием о песнях удмуртов, окончание его намечено на 1961—1962 годы.

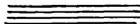
Зимой 1957—1958 года институтом проведена фольклорная экспедиция в М-Пургинский и Княсовский районы (начальник П. К. Поздеев, члены — студенты Ижевского пединститута А. Титов и Р. Валишин). Экспедицией записаны 381 частушка, 22 песни, 9 сказок и преданий, более 60 загадок и пословиц.

Записывание текстов было не фронтальным, а выборочным, т. е. для записи отбирались ранее никем не записанные произведения народного творчества.

Летом 1959 года готовится фольклорная экспедиция с участием сектора литературы и фольклора УдНИИ, Дома народного творчества, Министерства культуры. Цель экспедиции — записать сказки, песни, загадки и прочие жанры фольклора, а также танцы, народные игры, обряды, бытующие у удмуртов.

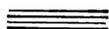
Подобные экспедиции институт планирует на все ближайшие годы с целью обследовать фольклор всех районов Удмуртии.

Н. П. Кралина.

РЕЦЕНЗИИ
И
БИБЛИОГРАФИЯ

DEUTSCHES JAHRBUCH FÜR VOLKSKUNDE. HERAUSGEGEBEN VOM
INSTITUT FÜR DEUTSCHE VOLKSKUNDE AN DER DEUTSCHEN AKADEMIE
DER WISSENSCHAFTEN ZU BERLIN.—Bd. I, Heft 1/2, Jahrgang, 1955.
499 S. + Taf. I—XII; Bd. II, 1956, 488 S. + Taf. I—XIII; Bd. III, Teil 1, 1957,
S. 1—346 + Taf. I—VIII; Teil 2, 1957, S. 347—576 + Taf. IX—XXIV.

Под «Volkskunde» в немецкой науке понимается отечественная этнография, включающая изучение как материальной культуры народа, так и культуры духовной, в отличие от «Völkerkunde», представляющей собой общую этнографию. О содержании и целях этих дисциплин велись и ведутся горячие споры. Советские ученые вряд ли смогут признать правомерность такого деления. Разница между этими двумя терминами для нас не в содержании понятия, а в объеме. Volkskunde есть этнография и фольклор одного народа (безразлично, отечественного или нет), Völkerkunde нами понимается как народоведение в широком смысле этого слова.

Эти замечания необходимо предпослать, чтобы правильно понять направление работы Института немецкой этнографии Берлинской Академии наук. Предметом внимания и изучения его служит не только немецкая этнография, как можно было бы думать, судя по заглавию рецензируемого ежегодника и по названию института. Объем значительно шире. В сборнике трудами ученых разных стран охвачено несколько европейских народов.

Одна из основных задач ежегодника, сформулированных в предисловии к первому тому, состоит в том, чтобы служить посредником между Востоком и Западом. Эту цель Институт достиг. Ежегодник нужен не только тем, кто занимается немецким фольклором и этнографией Германии, он нужен и полезен всем, кто изучает культуру трудящихся масс народов Европы.

Тома ежегодника чрезвычайно богаты содержанием. Одно только оглавление к ним составляет больше печатного листа. Поэтому нет возможности подробно откликнуться на все работы. Мы кратко остановимся на статьях по фольклору, укажем на статьи этнографического содержания и охарактеризуем информационную часть.

Все тома открываются статьями исследовательского характера, частью писанными сотрудниками института, частью — учеными стран Европы.

В первом томе заслуживает внимания статья Эриха Кунца (Erich Kunze) из Хельсинки под названием «Три финских руны в собрании песен молодого Маркса» (т. I, стр. 41—64). Изучению подвергнута тетрадь народных песен, списанных Марксом для его невесты Женни фон Вестфален.¹ В конце этого собрания помещены три финские руны в немецких переводах, которые и обратили на себя особое внимание исследования. Помещение этих рун автор ставит в связь с развитием исторических взглядов молодого Маркса.

¹ Предстоит издание этой тетради.

Гюнтер Фохт (Günther Voigt) посвятил свою работу подробному, всестороннему изучению статьи Энгельса о народных книгах (т. I, стр. 65—108). Эта работа представляет собой чрезвычайно ценную, обстоятельную монографию. Рассматривается история создания этого труда Энгельса и подробно анализируется его содержание.

Естественно, что значительное место уделено немецкому фольклору.

Статья директора института Вольфганга Штейнитца (Wolfgang Steinitz) названа «Сказка и песня как голос народа» (т. II, стр. 1—32). Она имеет программный характер.

Развивая принципы Гердера, лежащие в основе его сборника «Голоса народов в песнях», Штейнитц призывает к изучению народного мировоззрения и народных устремлений, выраженных в фольклоре. По существу, здесь говорится о том, что наши фольклористы имеют в виду, когда, пользуясь выражением Ленина, они говорят о «чаяниях и ожиданиях» народа. Такая установка симптоматична для прогрессивной фольклористики ГДР. Статья Штейнитца представляет собой перепечатку его сообщения, сделанного на годичном собрании Берлинской Академии наук (28 III—3 IV 1955), в составе которого работала секция под названием «Песня, сказка, предания и пословицы как голос народа» (отчет об этом собрании см.: т. II, стр. 257—266). В своем выступлении В. Штейнитц сказал: «Без голоса народа, все яснее слышного начиная с XV века, в его нищете, и в его борьбе против угнетения, за свободу и человеческое достоинство, мы не можем ни получить, ни дать правильной картины немецкой народной поэзии в ее поэтической красоте и правдивости содержания».

Если сопоставить эти слова с тем, что в области немецкой довоенной отечественной этнографии было сделано по разысканию главным образом различных деталей народной культуры, станет ясным, в какой степени новые установки обогащают немецкую науку: они вводят ее в новое русло. Докладчик иллюстрировал свое положение на анализе ряда немецких сказок и солдатских песен.

Насколько плодотворны эти новые установки, видно по статье Фридриха Зибера (Friedrich Sieber) о мечтаниях и желаниях в сказках (т. III, стр. 11—31). Здесь не только приведен богатый материал, но дано углубленное историческое и философское освещение его.

Такой же подход к материалу наблюдается в работе Пауля Недо (Paul Nedo), посвященной сказаниям о национальном герое лужицкого прозаического фольклора Кробате; он осушает болота, предупреждает град, превращает пески в плодородную почву, раздает крестьянам землю и освобождает их от крепостной зависимости. Во всем этом комплексе сплелись элементы сказки, преданий и исторической действительности, и автор осторожно распутывает этот узел (т. II, стр. 33—50).

Изучение внутреннего содержания и идеологии, в художественной форме выраженных в фольклоре, применяется не только к сказке, но и к песне. Чрезвычайно интересной и свежей по своим установкам мы должны признать статью Вильгельма Гейске (Wilhelm Heiske) «Правовые обычаи и правовое чувство в народной песне» (т. II, стр. 73—79). Работа построена на изучении столкновений в песнях идеологий различных эпох (например, в вопросе о необходимости или, наоборот, недопустимости мести, в различных столкновениях взглядов на девичью честь и т. д.). Этот путь изучения представляется весьма плодотворным.

Вопросам народного правосознания посвящена статья Ганса Фера (Hans Fehr) из Берна, озаглавленная «Старинное право наказания в вере народа» (т. I, стр. 147—156).

В свете современных взглядов пересматриваются вопросы истории науки о народе. Один из старейших немецких ученых, Эрих Ф. Шмидт (Erich F. Schmidt), всю жизнь посвятивший изучению реформации и гуманизма, опубликовал статью «От Германии Тацита к гуманистической Германии» (т. I, стр. 11—40). Статья посвящена проблемам истории и этнографии Германии у гуманистов XV—XVI веков; она богато насыщена фактическим материалом и заострена политически. В первом томе (стр. 258—259) юбилею Эриха Шмидта (50 лет со дня защиты докторской диссертации) посвящена специальная статья.

По-новому рассматривается наследие, оставленное немецкими романтиками Арнимом и Brentано. Арно Шмидт (Arno Schmidt) сообщает о найденной в Штральзунде важной архивной находке, позволяющей по-новому осветить некоторые вопросы об источниках изданного ими сборника песен «Чудесный рожок мальчика» (т. I, стр. 224—239). С большой работой об этом сборнике выступил также Ганс Шеве (Hans Schewe). На основании большого числа новых архивных материалов им подготовлено критическое издание этого сборника с привлечением источников и комментариями. Появление такого издания явится значительным событием. Автор приходит к выводу, что тексты этого сборника ближе к народным подлинникам, чем это считалось до сих пор (т. II, стр. 51—72).

Уже упомянутый нами Гюнтер Фохт заинтересовался одним из издателей немецких пословиц, Карлом Фридрихом Вильгельмом Вандером. Вандер известен как издатель пятитомного «Лексикона немецких пословиц» (1867—1880), который содержит 300 000 пословиц. Он был одним из немногих представителей революционной интеллигенции, оставшихся верными идеалам революции 1848 года. Оказывается, в годы реакции Вандер вел дневник в форме пословиц на злобу дня. В 1872 году он этот дневник опубликовал под псевдонимом «N. R. Dove», назвав его «Politisches Sprichwörterbrevier». Пословицы здесь приобрели острый политический смысл. В статье Фохта установлено авторство Вандера и дается его характеристика (т. II, стр. 80—90).

Все эти работы показывают, что институт имеет определенное методологическое направление, отражающее сдвиги, совершающиеся в современной прогрессивной немецкой фольклористике. Необходимо еще подчеркнуть, что в упомянутых работах привлечен богатый фактический материал, они далеки от каких бы то ни было социологических натяжек и упрощений, строго академичны в лучшем смысле этого слова и пронизаны любовью к тем народам, творчество которых изучается.

Бросается в глаза, что в немецкой фольклористике нет интереса к проблеме взаимоотношений литературы и фольклора. По-видимому, проблема эта дискредитирована теорией Наумана, в свете которой весь фольклор вообще есть испорченная крестьянством литература, созданная «слоем господ». В настоящее время эта теория совершенно оставлена. Трудami современных передовых ученых доказано, что народное творчество, наоборот, представляет собой неисчерпаемый родник вдохновения для наиболее великих и прогрессивных писателей и композиторов. В названном ежегоднике только одна работа посвящена этой проблеме. Это статья Ингеборг Вебер-Келлерманн (Ingeborg Weber-Kellermann), посвященная интересам к народному театру и национальным праздничным играм и спектаклям у Готтфрида Келлера (т. III, стр. 145—168). Тема тем более неожиданна, что Келлер, классик швейцарской литературы и немецкой прозы, за всю жизнь не написал ни одного цельного драматического произведения. Автор показывает, что интерес к народному театру связан у Кел-

лера с его борьбой за подлинную народность искусства. Статья имеет большой фактический и теоретический интерес, наглядно доказывая «многослойность народных истоков в области высокого искусства».

Есть в сборнике и такие работы, которые не отражают последних исканий, не являются новаторскими по своей методологии, но тем не менее обладают большой научной ценностью. Здесь уместно привести слова В. Штейнитца: «Мы никогда не требовали от сотрудников Этнографического института, чтобы они обязательно были марксистами. Новая ориентировка работы в Германской Демократической Республике, направленная на разработку демократических традиций в народном творчестве, признается всеми правильной и необходимой, особенно после того, как стало ясно, что эта ориентировка ведет за собой не сужение программы работ, но ее существенное обогащение. Сотрудники-немарксисты вносят значительный вклад в нашу работу».²

К крупным старым ученым, внесшим значительный вклад в германскую фольклористику, относится Адольф Шпамер.³ Шпамер особенно интересовался внецерковными религиозными представлениями народа. Им, например, было собрано 22 000 заговоров. В ежегоднике помещено две работы из его наследия: одна из них посвящена знаменитому второму Мезербургскому заклинанию с призывом к богам Бальдру и Фолю (т. III, стр. 347—366), другая — проблемам заклинаний и заклинательных книг (т. I, стр. 109—128). Институт приобрел архив Шпамера; в первом томе ежегодника ему посвящен некролог (стр. 250—251), во втором томе дана характеристика научного наследия Шпамера, написанная Ингеборг Вебер.

Упомянем еще о некоторых мелких, но также интересных статьях по фольклору. Следует назвать следующие работы: Герды Гробер-Глюк (Gerda Grober-Glück) о детских песенках при сборе черники (т. III, стр. 470—478), Германа Мазеля (Hermann Mäsel) об орешнике в детском фольклоре (т. II, стр. 141—146), Фридриха Зибера о поговорке «На луну платья не сошьешь» (т. II, стр. 366—368). Эти статьи следуют лучшим традициям старой немецкой фольклористики, богатой чрезвычайно ценными, обстоятельными, с любовью и иногда с феноменальной эрудицией писанными работами о мелких и мельчайших деталях народной жизни и народного быта.

Большой интерес представляют также статьи, посвященные музыкальному фольклору. Более обстоятельная оценка их должна быть сделана специалистом-музыковедом. Но и неспециалист будет обрадован общей тенденцией всех этих работ; в них исследуется не только теоретическая сторона народной музыки, но изучается музыкальная жизнь деревни, музыка в народном быту. Это статьи венгерского исследователя Лайоса Варгиаса (Lajos Vargyas) «Музыкальная жизнь в венгерской деревне и методы ее исследования» (т. III, стр. 447—470), Ханса Эрдмана (Hans Erdmann) «О музыкальной практике мекленбургской народной пляски» (т. II, стр. 212—229), Гюнтера Крафта (Günther Kraft) «Крестьянско-ремесленные основы тюрингенской музыкальной культуры» (т. I, стр. 212—223), а также небольшая заметка Феликса Гербургера (Felix Hoerburger) «Меч и барабан как орудия пляски» (т. I, стр. 240—245). Для фольклориста-словесника особый интерес представляет работа венгерского ученого Бенямина Райецкого (Benjamin Rajeczki) о типах венгерских причитаний (т. III, стр. 31—47). Венгерские причитания мало

² В. Штейнитц. Некоторые вопросы немецкой этнографии. «Советская этнография», 1955, вып. 2, стр. 54—65.

³ О нем см.: В. Штейнитц, ук. соч., стр. 57—58.

изучены. Небогатая литература вопроса приведена в статье. Венгерские причитания подвергнуты первичной классификации и, что самое для нас важное, в изобилии даны образцы текстов и напевов, которые для русского читателя новы и дают яркое представление о потрясающей лирической силе этих причитаний и о их напевах и ритмике.

Большое место занимают в ежегоднике статьи этнографического содержания. Мы не можем на них здесь останавливаться, но указать на них и рекомендовать их вниманию наших этнографов нужно. Для этих статей характерно, что основным объектом их служит человек в его труде. Сюда можно отнести статьи Германа Глейсберга (Hermann Gleisberg), озаглавленную «К этнографии мельника и мельницы» (т. I, стр. 157—168), Герберта Клаусса (Herbert Claus) «Работа горняков в народно-художественном изображении» (т. III, стр. 407—447), Карла Эвальда Фритча (Carl Ewald Fritsch) «От горняка к игрушечному мастеру» (т. II, стр. 179—211; о замирании горного промысла в Зейффенском районе Саксонии и борьбе горняков за свое существование), Ганса Фридриха Розенфельда (Hans Friedrich Rosenfeld) «Ручная обработка дерева в словах, вещах и обычаях по ту и другую сторону Балтийского моря» (т. II, стр. 147—179). Изучаются также орудия труда, как например окованная деревянная лопата и ее распространение в восточной и центральной Европе в статье Леопольда Шмидта (Leopold Schmidt, т. III, стр. 388—407) или яремная упряжка в статье Вольфганга Якобеита (Wolfgang Jakobeit, т. III, стр. 119—145). Имеется работа, посвященная проблемам изучения мекленбургско-нижнесаксонских построек (т. I, стр. 169—182).

Особо выделить следует капитальный труд Оскара фон Заборского (Oskar von Zaborsky) «Одежда бывшей марки Бранденбург». Труд этот начат во втором томе (стр. 91—141) и продолжен, но не кончен в третьем (стр. 47—119). В историческом порядке прослеживается развитие одежды различных сословий в отдельных районах от средневековья до последних лет. Это плод многих лет упорного исследовательского труда, с привлечением огромного количества самых разнообразных источников. Работа богато иллюстрирована рисунками, дающими очень ясное и детализованное представление о тех формах одежды, которые анализируются в статье.

Таков общий характер раздела, посвященного исследовательским статьям. Они свидетельствуют об упорной и плодотворной фольклорно-этнографической работе в ГДР и о том, что эта наука здесь находится на подъеме.

Богатство содержания обеспечивает ежегоднику широкий интерес среди фольклористов и этнографов. Роль же посредника между Востоком и Западом ежегодника выполняется не только этими статьями, но широко поставленной информацией. Благодаря продуманности всей системы и тщательности выполнения ежегодники Института этнографии Берлинской Академии наук действительно успешно выполняют роль такого научного посредника.

Информация распределяется по разделам «Сообщения», «Библиография» и «Отзывы». Эти разделы печатаются петитом. По объему отдел информации в переводе на печатные знаки составляет примерно $\frac{2}{3}$ всего содержания ежегодников. Здесь сообщается о юбилеях, печатаются некрологи. Следует отметить, что в этих случаях, как правило, для немецких ученых сообщаются списки трудов, и это самая лучшая услуга, которую можно оказать как самому ученому или его памяти, так и науке.

В первом томе помещена статья к 80-летию Арнольда ван Женеппа, сообщается о 50-летию со дня докторских защит Эриха Л. Шмидта и

Арно Шмидта. Помещен некролог по Адольфу Шпамеру (о нем см. выше).

Во втором томе даны списки трудов юбиляров института: Альфреда Вирта, Гарри Шеве, Вильгельма Френгера, Вольфганга Штейнитца. Выше уже указывалось на статью, посвященную научному наследию Адольфа Шпамера. Списками трудов сопровождается некролог, посвященный Герману Кюглеру. В третьем томе дан некролог В. И. Чичерову.

Ежегодник информирует читателей о всех происходящих в Европе конгрессах, съездах, конференциях и совещаниях, посвященных вопросам этнографии и фольклора. Как правило, сообщается не только порядок дня, но кратко передается содержание докладов. Часть названных выше статей кратко давалась на конференциях Берлинской Академии наук. Мы считаем необходимым хотя бы перечислить совещания и конгрессы, отраженные в ежегоднике.

Этнографический конгресс Академии наук 4—6 IX 1953 в Берлине; 9-е собрание по вопросам немецкой этнографии 20—24 IV 1954 в Целле; Собрание по исследованию плуга 1—5 VI 1954 в Копенгагене; Конгресс славистов 11—13 XI 1954 в Берлине (сообщается о докладах на секции фольклора); Конференция на тему «Песня, сказка, предание и пословица как голос народа» 30 III—3 IV 1955 в Берлине; X этнографический съезд 3—6 VI 1955 в Шлезвиге; 29-е собрание нижегерманского общества этнографии и археологии 16—17 IX 1955 в Бохуме; Международный этнографический конгресс 20—24 IX 1955 в Арнгеме (Нидерланды); Собрание, посвященное аграрной этнографии 29 IX—1 X 1955 в Берлине; Всесоюзный этнографический съезд 14—22 V 1956 в Ленинграде; Восьмое годовое собрание International Folk Music 29 VI—5 VIII 1955 в Осло; Международный научно-музыкальный конгресс 3—9 VI 1956 в Вене; Конференция о чешском и словацком фольклоре 20—23 V 1956 в Праге; Конференция по исследованию орудий труда 17—21 X 1956 в Клагенфурте.

В том же разделе печатаются анкеты, программы, обзоры работ музеев и выставок. Опубликование этих материалов способствует солидарности и координации научных усилий в разных странах и имеет первостепенное значение.

К этому разделу присоединена большая обзорная работа Лутца Рериха (Lutz Röhrich), озаглавленная «Исследование сказки с 1945-го года». Это огромный и чрезвычайно детализованный обзор всей издательской и исследовательской работы по сказке стран мира за последние десять лет. Трудность, но и огромная важность такого предприятия совершенно очевидна для каждого фольклориста. Работа эта начата в первом томе, продолжена в последующих и еще не закончена. Не будет преувеличением сказать, что ни один исследователь, издатель или комментатор сказок, желающий стоять на уровне современной мировой науки, не может пройти мимо этого обзора. Обзор этот охватывает разделы: общие проблемы, соби- рание в Германии, Австрии и Швейцарии, общие монографии о сказке, исследования, посвященные отдельным типам и мотивам, новые тома FFC, исследования народно-психологического направления, сказка и действительность, Гримм, Перро и фольклорная сказка, изучение рассказчиков, архивы, сказка и смежные жанры. В дальнейшем обзор производится по странам (в нужных случаях даются отсылки к предыдущим разделам). Он открывается большим разделом, посвященным Франции. Здесь говорится о заслуженном, недавно скончавшемся французском исследователе и собирателе Деларю (Delague) и его работах, а также о состоянии собирательской, издательской и исследовательской работы во Франции вообще. Следующие разделы посвящены работе в Швеции, Дании, США и Канаде.

На этом изложение прерывается. Раздел, посвященный советской науке, еще не вышел.

Читатель получает сведения по отдельным теоретическим проблемам, разрабатываемым в мировой науке, о работе отдельных ученых (Фан дер Лейена, Зидова, Томпсона и мн. др.), о имеющихся или открывающихся архивах, об изданных и издаваемых собраниях и о указателях. Короче, охвачена вся огромная область важнейшего из видов народной художественной прозы. Изложение чрезвычайно сжато, насыщено. Автор не только излагает факты, но и дает им критическую оценку, которую мы должны признать правильной и объективной. Отдавая должное заслугам европейских и американских исследователей, автор все же невольно внушает читателю мысль о том, что европейская наука зашла в некий тупик, и что необходимо обратить внимание на советскую науку.

Каждый исследователь сказки, изучает ли он общие проблемы, отдельные сюжеты, или мотивы, или рассказчиков, вырабатывает ли он комментарии, или составляет указатель, или занят любыми другими вопросами, найдет для себя богатейший материал, и можно лишь пожелать, чтобы начатое дело скорее было доведено до конца и чтобы в дальнейшем такие обзоры давались не в пределах десятилетий, а ежегодно.

Вслед за отделом информации в ежегодниках помещаются библиографические обзоры. Разумеется, что эти обзоры не могут преследовать задачу исчерпывающего охвата; указывается все самое важное, то, что может пригодиться исследователям всех стран. Эти обзоры охватывают этнографические и фольклорные работы примерно за последние 10 лет.

Редакция не рекомендует никаких заранее выработанных схем или классификаций, поэтому все обзоры построены по-разному и сравнение различных систем очень поучительно и интересно. Этот раздел открывается большой библиографией, посвященной этнографической и фольклористической работе в СССР (т. I, стр. 325—375, 775 названий); далее следует библиография по лужичанам (т. I, стр. 376—403), обзор работ в Австрии (т. I, стр. 404—413), ГДР и ФРГ (т. I, стр. 414—490), Венгрии (т. II, стр. 359—479), Чехословакии (т. II, стр. 359—378), Швейцарии (т. II, стр. 333—358), Голландии (т. III, стр. 258—268) и Польши (т. III, стр. 227—257). Обзор польской литературы сделан более подробно, чем другие обзоры.

Значение этих обзоров трудно переоценить. Любой исследователь, заглянув в обзоры, легко может ориентироваться в материалах зарубежной науки.

Наконец, особого внимания заслуживают многочисленные рецензии, которыми заключается каждый из томов. Всего в трех томах содержится 164 рецензии. Удельный вес рецензий из тома в том возрастает. Если в первом томе рецензии занимают 46 страниц, то во втором их уже 76, а в третьем 165. Это означает, что редакция дорожит этим разделом и стимулирует его, и это следует приветствовать. Все рецензии писаны на высоком уровне и представляют собой деловой разбор рецензируемых книг. Некоторые из них обладают значительными размерами. Рецензии составляют как бы одно целое с библиографическими обзорами. Наиболее важные труды ученых всех стран мира здесь подвергнуты подробному рассмотрению. Эти рецензии следует рекомендовать самому пристальному вниманию наших этнографов и фольклористов.

Рассмотренные тома ежегодника Берлинской Академии наук совершенно необходимы всем занимающимся фольклором.

В. Я. Пропп.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (1956 год)

СОСТАВИЛА М. Я. МЕЛЬЦ

Русская фольклористика имеет некоторый опыт составления ежегодных обзоров публикаций по устной народной поэзии.

В 1913—1915 годах в Москве вышли в свет три «Библиографических указателя литературы по народной словесности на русском языке» за 1911, 1912 и 1913 годы, подготовленные Комиссией по народной словесности при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Составленные группой ученых (в том числе такими знатоками фольклора, как Е. Н. Елеонская, А. В. Марков, А. Л. Маслов, В. В. Пасхалов и др.), эти брошюры не затрагивают ряда тем (рабочее творчество, проблема взаимоотношения устной поэзии с профессиональным искусством и т. д.), не имеют строго продуманной классификации, содержат недостатки и с точки зрения чисто библиографической (нет указателей, перекрестной нумерации и т. п.). Тем не менее значение их велико и как первого опыта подбора и систематизации материала по русской устной поэзии за небольшой отрезок времени (1 год), и как сводки различных публикаций по отечественному народному творчеству.

Другой характер носит небольшая работа М. К. Азадовского «Книги и статьи по фольклору за 1933 г. (Библиографические материалы)», напечатанная в № 1—2 журнала «Советская этнография» за 1934 год. Составителем были привлечены лишь некоторые наиболее значительные публикации по русскому народнопоэтическому творчеству, а также по устной поэзии народов СССР и мира. Небольшое количество учтенных статей определило расположение их в алфавитном порядке без какой-либо классификации.

Известный интерес представляет аннотированное «Библиографическое обозрение литературы южных славян за 1895 год» П. Д. Драгоманова, десятый раздел которого посвящен этнографии и фольклору («Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», 1897, т. II, кн. 3, стр. 577—583).

В годовом библиографическом обзоре авторефератов по проблемам народного поэтического творчества (составитель М. Я. Мельц), опубликованном во II томе книги «Русский фольклор. Материалы и исследования» Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 363—373), намечены основы дробной классификации фольклорного материала.

Задача предлагаемой библиографии — по возможности более полно показать самые разнообразные публикации 1956 года по устной поэзии на русском языке начиная от крупных теоретических исследований (с учетом некоторых зарубежных изданий), кончая обработками фольклора и мелкими газетными заметками, имеющими научный интерес. Такое широ-

кое привлечение материала вызвано интересом советской общественности к различным вопросам фольклора и фольклористики.

В указателе приведены не только специальные книги и статьи по вопросам народной поэзии, но и работы, отводящие ей лишь несколько глав или страниц. Исключение составляет раздел «Взаимоотношение народного поэтического творчества с профессиональным искусством», где из-за обилия публикаций показаны только исследования, целиком посвященные данной теме.

Материал просматривался по обязательному экземпляру Книжной палаты с дальнейшей проверкой по Книжной и Журнальной летописям. Регулярно учитывались публикации центральных газет; статьи областной прессы представлены не полно.

Библиография состоит из шести больших разделов, иногда содержащих мелкие подразделы. I. Традиционное и современное народное поэтическое творчество: 1) сборники статей и материалов; 2) общие вопросы; 3) мифология, демонология; 4) обрядовый фольклор; 5) эпос; 6) сказки; 7) легенды, предания, рассказы, сказы, сказания; 8) песни; 9) пословицы; 10) загадки; 11) народный театр; 12) частушки; 13) народный юмор; 14) рабочий фольклор, революционные песни; 15) творчество сказителей; II. История фольклористики; современное фольклорное движение; III. Взаимоотношение народного поэтического творчества с профессиональным искусством: 1) фольклор и литература; 2) фольклор и творчество композиторов; 3) фольклор и творчество художников; 4) фольклор и искусство кино; 5) авторская массовая песня; IV. Лингвистическое изучение народного поэтического творчества; V. Учебно-методические пособия; вопросы преподавания народного поэтического творчества; VI. Библиография. Первый, второй и третий разделы дополнительно делятся по национальному принципу (русская устная поэзия, фольклор народов СССР и мира).

К библиографии приложены указатели: 1) именной, 2) географический (перечисление краев и областей РСФСР, отраженных в привлеченных публикациях); 3) указатель народов, фольклор и фольклористика которых рассматриваются в учтенных материалах.

I. ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ НАРОДНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

1. Сборники статей и материалов

а) Русский фольклор

1. Бахтин Вл. Сказки и песни Вологодской области. — На рубеже, Петрозаводск, 1956, № 2, стр. 174—176.
Рец. на кн.: Сказки и песни Вологодской области. Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, Кн. изд., 1955. См. №№ 2, 8, 10.
2. Громов П. По поводу одной рецензии. — Красный Север, Вологда, 1956, № 31, 12 февраля.
Рец. на кн.: Сказки и песни Вологодской области. Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, Кн. изд., 1955. См. №№ 1, 8, 10.
3. Детям на потеху. Русск. нар. песни, загадки, пословицы. Сост. Э. Померанцева. М., Детгиз, 1956. 63 стр. (Книга за книгой).
4. Дмитракова Р. и Дмитраков И. Сборник фольклора Омской области. — Сибирские огни, 1956, № 2, стр. 189—191.
Рец. на кн.: Сказки, пословицы, загадки. Сб. устного нар. творчества Омской области. Сост. В. А. Василенко. Омск, Кн. изд., 1955.

5. Русский фольклор. Материалы и исследования, I. Отв. ред. М. О. Скрипиль. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 347 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

Стр. 5—21: Н. Ф. Бабушкин. Фразеологические обороты в сочинениях В. И. Ленина (пословицы, поговорки, крылатые слова); стр. 22—38: М. О. Скрипиль. Вопросы научной периодизации русского народного поэтического творчества (X—XVII века); стр. 39—48: А. Н. Лозанова. Вопросы периодизации русского народного поэтического творчества (от XVIII века до кануна Великого Октября); стр. 49—62: А. Д. Соймонов. К вопросу о периодизации народного поэтического творчества советской эпохи; стр. 63—77: Б. Н. Путилов. О некоторых проблемах изучения исторической песни; стр. 78—96: А. В. Позднеев. Лирические песни XVII века. (К вопросу о репертуаре); стр. 97—115: П. Д. Ухов. Из наблюдений над стилем сборника Кириши Данилова; стр. 116—124: В. Е. Гусев. К спору об авторе песни «Славное море...»; стр. 125—134: Э. С. Литвин. Фольклорные источники «Сказа о тульском Косом Левше и о стальной блохе» Н. С. Лескова; стр. 135—154: Н. Ф. Матвейчук. Пословицы и поговорки в повести Горького «Фома Гордеев»; стр. 155—195: В. Г. Базанов, И. И. Введенский и Н. Г. Чернышевский. (К истории русской фольклористики); стр. 196—206: В. Я. Пропп. Текстологическое редактирование записей фольклора; стр. 207—238: Т. А. Шуб. Былины русских старожилых низовьев реки Индигирки; стр. 239—281: А. М. Астахова. Состояние по вопросам изучения русского народного поэтического творчества; стр. 282—289: Н. В. Новиков, О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Сектор народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1954—1955 году; стр. 289—292: И. М. Шотт. Сектор народного творчества народов СССР Института мировой литературы им. Горького АН СССР; стр. 292—294: Э. В. Померанцева. Кафедра фольклора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; стр. 294—296: С. И. Мищу. Сектор фольклора Государственного литературного музея; стр. 296—298: Ф. И. Лавров. Институт искусствознания, фольклора и этнографии Академии наук УССР; стр. 298—300: А. И. Маскаев. Собрание и изучение фольклора в Мордовии в 1954—1955 годы; стр. 300—302: А. К. Микушев. Изучение фольклора в Коми АССР; стр. 303—305: А. М. Астахова (к 70-летию со дня рождения); стр. 305—310: Список работ А. М. Астаховой; стр. 313—346: М. Я. Мельц. Библиография авторефератов диссертаций по проблемам народного поэтического творчества (1949—1955 гг.).

Рецензия:

Чистов К. Сборник «Русский фольклор». — Вопросы литературы, 1957, № 3, стр. 217—220.

6. Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX—начала XX века. Отв. ред. Д. С. Лихачев. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 516 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

Стр. 5—22: И. П. Дмитриков, Б. Н. Путилов, П. Г. Ширяева. Введение; стр. 23—88: П. Г. Ширяева. Устное поэтическое творчество рабочих второй половины XIX века; стр. 89—113: Г. Г. Шаповалова. Частушки; стр. 114—151: В. А. Кравчинская. Устная песенная лирика второй половины XIX века; стр. 152—192: К. В. Чистов. Причитания; стр. 193—196: А. М. Астахова, Е. А. Тудоровская. Жизнь народной сказки после 1861 года; стр. 196—210: И. П. Лупанова, Е. А. Тудоровская. Бытовая сказка; стр. 211—221: Е. А. Тудоровская. Волшебная сказка и сказка о животных; стр. 222—237: А. М. Астахова. Сказочники второй половины XIX и начала XX века; стр. 238—298: А. М. Астахова. Былинный эпос; стр. 299—318: А. Н. Лозанова. Историческая песня; стр. 319—423: П. Г. Ширяева. Народное творчество периода первой русской революции; стр. 424—442: В. М. Сидельников. Народное поэтическое творчество предоктябрьского десятилетия (1907—1917 годы); стр. 443—490: А. Д. Соймонов. Передовые традиции русского народного поэтического творчества в советскую эпоху; стр. 491—512: А. М. Астахова. Заключение.

7. Свод русского фольклора. Проспект. Составители: А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, А. Н. Лозанова, Н. В. Новиков, Б. Н. Путилов, К. В. Чистов, П. Г. Ширяева. Отв. ред. М. О. Скрипиль. Л., 1956. 82 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

- Стр. 5—22: русские былины; стр. 23—41: русская нар. сказка; стр. 42—53: исторические песни; стр. 54—56: причитания; стр. 57—74: русская нар. песня; стр. 75—82: рабочий фольклор.
8. Сидорова Ю. Сказки и песни Вологодской области. — Сов. этнография, 1956, № 2, стр. 161—163.
Рец. на кн.: Сказки и песни Вологодской области. Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, Кн. изд., 1955. См. №№ 1, 2, 10.
9. Сказки, рассказы, песни Горьковской области. Вст. статья, зап., ред. текстов, комм. Н. Д. Комовской. Горький, Кн. изд., 1956. 295 стр.
Стр. 27—152: сказки; стр. 153—196: песни; стр. 197—214: частушки и «страдания».
- Рецензия:*
Зыков В. и Юнонин А. Фольклор нашей области. — Горьковский рабочий, 1957, № 107, 8 мая.
10. Степанов Г. Творчество вологжан. — Сталинская молодежь, Вологда, 1956, № 14, 31 января.
Рец. на кн.: Сказки и песни Вологодской области. Сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Под ред. Э. В. Померанцевой и С. В. Викулова. Вологда, Кн. изд., 1955. См. №№ 1, 2, 8.

б) Фольклор народов СССР

11. Аборкин В. Песни и думы народа. — Туркменская искра, Ашхабад, 1956, № 140, 17 июня.
Рец. на кн.: Песни и думы народа. Из туркм. нар. творчества. Сост. Р. Алиев и Г. Веселков. Ашхабад, Туркменгосиздат, 1955. — Лирика и эпос.
12. Армянская поэзия в переводах В. Я. Брюсова. Ереван, Армгиз, 1956. 320 стр.
Стр. 73—108: песни (лирические, обрядовые, колыбельные); стр. 109—112: сказка; стр. 113—134: эпос; стр. 193—209: поэзия ашугов.
Рецензия:
Барсегиан С. Живые традиции. — Коммунист, Ереван, 1956, № 116, 18 мая.
13. Валипис Р. Поэтическое богатство народа. — Дружба народов, 1956, № 1, стр. 167—168.
Рец. на кн.: Антология латышской поэзии. Сост. Я. Судрабкалн, А. Григулис, М. Кемне. Рига, Латгосиздат, 1955. — Песни и эпос. См. № 22.
14. Каташ С. К выходу в свет сборника «Алтайская литература». — Звезда Алтая, Горно-Алтайск, 1956, № 145, 21 июля.
Рец. на кн.: Алтайская литература. Сост. А. Л. Коптелов и С. С. Суразаков. Горно-Алтайск, Кн. изд., 1955. — Эпос, сказки, песни.
15. Литература народов Сибири. Сб. статей. Сост. Н. И. Яновский. Новосибирск, Кн. изд., 1956. 184 стр.
Стр. 3—30: Д. Романенко. Бурят-монгольская советская литература [о сказители Е. И. Сороковникове-Магае; об изучении эпоса «Гесер»]; стр. 31—70: Н. Канаев. Литература советской Якутии [обзор олонхо; фольклор в сов. якут. литературе]; стр. 71—90: П. Трояков и Т. Ткачевая. О хакасской литературе [обзор хакас. фольклора; устное творчество в хакас. литературе]; стр. 91—117: О. Саган-Оол, Ю. Кюнзегеш, А. Мазуровская. Краткий очерк тувинской литературы [фольклор в поэзии Тувы]; стр. 118—130: А. Коптелов и С. Суразаков. Молодая литература горного Алтая [фолькл. основа алт. литературы]; стр. 131—168: М. Сергеев. Литература народов Севера [собрание и изучение фольклора народов Севера]; стр. 169—184: М. Сергеев. Литература народов Сибири. (Материалы к библиографии).
Рецензии:
1) Донской Ф. Литература народов севера. — Соц. Якутия, Якутск, 1956, № 187, 11 августа.
2) Одинокое В. — Сов. Сибирь, Новосибирск, 1956, № 137, 15 июня.
16. Литературные разыскания Инст. истории груз. литер. им. Руставели Акад. наук Груз. ССР, X, 1956. 378 стр.
Стр. 303: М. Я. Чиковани. Революция 1905—1907 годов и грузинская народная словесность; стр. 324: К. А. Сихарулидзе. Отражение классово

- борьбы в грузинской народной поэзии (эпоха капитализма); стр. 325—335: Е. Б. Вирсаладзе. Некоторые проблемы изучения фольклора. Проблема народности — одна из основных проблем советского искусствознания; стр. 356: Т. Д. Окрошидзе. «Надури» — песни помочи (резюме на рус. яз.).
17. Рамазанов Г. Башкирская народная поэзия советского периода. — Сов. Башкирия, Уфа, 1956, № 154, 4 июля.
Рец. на кн.: Башкирское народное творчество, т. 3. Советский период. Сост. К. Мэргэн. Уфа, Башкир. кн. изд., 1955 (на башкир. яз.) (Акад. наук СССР, Башкир. филиал, Инст. истории, языка и литер.).
18. Сагитов И. Антология каракалпакской поэзии. — Сов. Кара-Калпакия, Нукус, 1956, № 249, 18 декабря.
Рец. на кн.: Антология каракалпакской поэзии. Нукус, 1956 (на каракалп. яз.).
19. Сборник статей, посвященных искусству таджикского народа. Сталинабад, Изд. Акад. наук Тадж. ССР, 1956, 258 стр. (Труды Инст. истории, археологии и этнографии Акад. наук Тадж. ССР, т. XLII).
Стр. 87—106: О. Л. Данскер. Собрание и изучение таджикской народной песни; стр. 107—124: М. А. Цветаев. О некоторых особенностях таджикских народных мелодий; стр. 235—237: Н. Нурджанов. Сектор истории искусства Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР; стр. 245—256: О. Л. Данскер, В. А. Мешкерис, Н. Нурджанов. Советская литература по вопросам искусства Таджикистана за 1954—1955 г.
20. Смирнова Я. С. Народы Дагестана. — Сов. этнография, 1956, № 1, стр. 150—152.
Рец. на кн.: Народы Дагестана. Сб. статей. М., Изд. Акад. наук СССР, 1955. (Акад. наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). — Устное творчество народов Дагестана.
21. Спасенко К. Неосуществленный замысел. — Соц. Донбасс, Сталино, 1956, № 243, 16 октября.
Рец. на кн.: Донбасс в советском народном творчестве. Сост. Н. Д. Тарасенко. Сталино, Обл. изд., 1956 (на укр. яз.).
22. Судрабкалн Я. Сто лет латышской поэзии. — Сов. Латвия, Рига, 1956, № 85, 11 апреля.
Рец. на кн.: Антология латышской поэзии. Сост. Я. Судрабкалн, А. Григулис, М. Кемне. Рига, Латгосиздат, 1955. — Песни и эпос. См. № 13.

в) Фольклор народов мира

23. Антология болгарской поэзии. Сост. и вст. статья В. Злыднева, Д. Маркова и А. Собковича. М., Гослитиздат, 1956, 748 стр.
Стр. 33—115: нар. поэзия (эпос и лирика).
Рецензии:
1) Белович Н. — Лит. газета, 1957, № 109, 10 сентября.
2) Зелинский К. Поэтическая повесть о болгарском народе. — Славяне, 1957, № 9, стр. 55—57.
3) Днестр, 1957, № 6, стр. 152—153.

2. Общие вопросы

а) Общие вопросы русского фольклора

24. Былов В. М. История одного образа. — Ученые записки Грозненского гос. пед. инст., № 9. Серия филол., вып. 6, 1956, стр. 208—225.
Образ Горя, Доли, Недоли, Нужды в фольклоре и литературе.
25. Гудзий Н. К. История древней русской литературы, 6-е изд. М., Учпедгиз, 1956, 512 стр.
Стр. 16—21: древнейшая устная поэзия на Руси; фольклор в древнерус. повестях.
26. Гуревич А. О фольклоре. — Енисей, альманах, кн. 18, Красноярск, 1956, стр. 228—231.
Совр. фольклор Сибири.
27. Домановский Л. В. Народные песни, предания и рассказы о декабристах в тюрьме и ссылке. — Сов. этнография, 1956, № 2, стр. 18—32.
28. История СССР, т. I. С древнейших времен до 1861 г. М., Госполитиздат, 1956, 896 стр.

- Стр. 88: устное нар. творчество древней Руси; стр. 203: влияние нар. творчества на литературу XIV—XV в.; стр. 404: устное нар. творчество XVII в.; стр. 807—808: нар. творчество начала XIX в.
29. **Лихачев Д. С.** От исторического имени литературного героя к вымышленному. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 3, стр. 201—214.
Стр. 204, 206, 207, 210, 211, 213: обзор фольклора XV—XVII вв.; устная поэзия в древнерус. литературе.
30. **Тимофеев Л. И.** Об истоках русского литературного стихосложения. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 6, стр. 496—514.
Анализ образцов фольклора.
31. **Чичеров В.** Сказы, былины, предания о Ленине. — Вечерняя Москва, 1956, № 95, 20 апреля.
32. **Чуковский К.** От двух до пяти, 11-е изд. М., Детгиз, 1956. 286 стр. (Дом детской книги Детгиза).
Гл. 1: «Народные истоки детской речи»; гл. 3: «Борьба за сказку»; гл. 6: «Учиться у народа».
Рецензии:
1) Тагер Е. Любимая книга. — Звезда, 1957, № 4, стр. 204—205.
2) Перцов В. Увлекательное исследование о маленьком лингвисте. — Лит. газета, 1957, № 37, 26 марта.
См. также №№ 5, 6, 43, 50, 59, 100, 650, 746, 1096.
- б) Общие вопросы фольклора народов СССР
33. **Белков Л. В.** Основные виды устного народного творчества чукчей. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Л., 1956. 17 стр. (Ленинградский гос. пед. инст. им. А. И. Герцена).
Стр. 4—9: общая характеристика фольклора чукчей и его собрания; стр. 10—12: предания; стр. 12—14: сказки; стр. 14—16: героический эпос.
Рецензия:
Менюшиков Г. Диссертация по чукотскому фольклору. — На Севере Дальнем, альманах, № 5, Магадан, 1956, стр. 202—205.
34. **Вайнштейн С. И.** Тувинцы Тоджи (историко-этнографический очерк). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата историч. наук. М.—Л., 1956. 16 стр. (Акад. наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
Стр. 11—12: обзор фольклора.
35. **Веселков Г. Н. и Курбансаатов К.** Литература [Туркменской Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 468—470.
Краткий обзор фольклора.
36. **Воскобойников М.** «Всюду с эвенками Ленин...». — Звезда, 1956, № 4, стр. 104—107.
Образ Ленина в фольклоре эвенков.
37. **Воскобойников М.** Устно-поэтическое творчество эвенков Бурят-Монголии. — Свет над Байкалом, Улан-Удэ, 1956, № 1, стр. 139—144.
Анализ сказок, преданий, песен и эпоса.
38. **Занд М. И. и Шариф Х. З.** Литература [Таджикской Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 41, 2-е изд. М., 1956, стр. 488—493.
Стр. 488: «Устное народное творчество».
39. **Захарова В.** Поэзия сельского труда. Заметки о народном творчестве. — Колхозная правда, Минск, 1956, № 101, 20 мая.
40. **Зеленчук В. С.** Освещение народной культуры и быта молдаван в этнографической литературе. — Известия Молдавского филиала Акад. наук СССР, 1956, № 4 (31), стр. 107—115.
Описание фольклора.
41. История Киргизии, т. I. Фрунзе, 1956. 426 стр. (Акад. наук Киргиз. ССР, Инст. истории).
Стр. 230—238: «Поэтическое творчество»; стр. 342—353: «Устное народное творчество и первые акыны-письменники».
42. История Узбекской ССР, т. I, кн. 2. Ташкент, Изд. Акад. наук Узбек. ССР, 1956. 497 стр. (Акад. наук Узбек. ССР, Инст. истории и археологии).
Стр. 73, 184—189, 348, 352—356: обзор фольклора; анализ нар. театра.
43. История Украинской ССР в двух томах, т. I. Киев, Изд. Акад. наук УССР, 1956. 925 стр. (Акад. наук УССР, Инст. истории).

- Стр. 84, 85: анализ фольклора древней Руси; стр. 194, 195, 227, 228, 337, 425, 426, 506, 507, 607, 608, 819, 820: обзор устной поэзии украинцев.
44. Касымов С. С. Литература [Узбекской Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 31—34.
Краткий обзор фольклора.
45. Кенжебаев Б. Неудавшееся исследование. — Коммунист Казахстана, 1956, № 3, стр. 57—61.
Рец. на кн.: Очерки казахской народной поэзии советской эпохи. Алма-Ата, Изд. Акад. наук Казах. ССР, 1955.
46. Кирдан Б. П. Украинское народное поэтическое творчество. — Сов. этнография, 1956, № 2, стр. 158—161.
Рец. на кн.: Украинское народное поэтическое творчество. Советский период. Киев, «Сов. школа», 1955 (на укр. яз.).
47. Культурное строительство [Тувинской автономной области]. — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 357—358.
Краткий обзор фольклора.
48. Липкин С. Поучительно и интересно... — Новый мир, 1956, № 10, стр. 228—231.
Рец. на кн.: Х. И. Теунов. Литература и писатели Кабарды. Нальчик, Кабард. кн. изд., 1955. — Обзор кабард. фольклора. См. № 51.
49. Назаревич А. Ф. Азербайджанско-дагестанские культурно-исторические связи в фольклоре и поэзии Дагестана. — Ученые записки Азербайджанского гос. унив. им. С. М. Кирова, № 4, Баку, 1956, стр. 95—100.
50. Народы Сибири. Этнографические очерки. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956, 1084 стр.
Стр. 183—191: устное поэтическое творчество русских Сибири; стр. 243—244: бурят; стр. 302—305: якутов; стр. 348—349, 369—373: алтайцев; стр. 514—516: шорцев; стр. 656—657: нганасанов; стр. 679—681: селькупов; стр. 729—732: эвенков; стр. 752—754: долган; стр. 770: эвенов; стр. 803—804: нанайцев; стр. 825: ульчи; стр. 838: удэге; стр. 852—853: орочи; стр. 859: ороков; стр. 874—875: нивхов; стр. 894: юкагиров; стр. 920—921: чукчей; стр. 968—969: коряков; стр. 993—1038: список литературы.
51. Османова З. Языком исследователя и художника. — Дружба народов, 1956, № 8, стр. 175—177.
Рец. на кн.: Х. И. Теунов. Литература и писатели Кабарды. Нальчик, Кабард. кн. изд., 1955. См. № 48.
52. Очерк истории мордовской советской литературы. Саранск, 1956, 226 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького—Научно-исслед. инст. языка, литер., истории и экономики при Совете Министров Морд. АССР).
Стр. 32—60: устно-поэтическое творчество морд. народа.
Рецензии:
1) Бассаргин Б. Большой и полезный труд. — Лит. Мордовия, альманах, 13 (17), Саранск, 1957, стр. 218.
2) Васильев Л. — Сов. Мордовия, 1957, № 103, 26 мая.
53. Павлий П. Д. Народнопоэтическое творчество [Украинской Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 135—137.
54. Петрухин А. И. и Данилов Н. Ф. О наивном реализме и элементах атеизма в дореволюционном устном творчестве чуваш. — Ученые записки научно-исслед. инст. языка, литер., истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР, вып. 14, Чебоксары, 1956, стр. 20—46.
55. Раппопорт Г. Дореволюционное прошлое Алтая в устном народном творчестве. — Краеведческие записки Алтайского краевого музея, вып. 1. Из дореволюционного прошлого. Барнаул, 1956, стр. 201—219.
56. Сироткин М. Я. Очерк истории чувашской советской литературы. Под ред. М. И. Фетисова. Чебоксары, Чувашгосиздат, 1956, 352 стр.
Стр. 12—27: фольклор чуваш и его собрание.
57. Таджики. — БСЭ, т. 41, 2-е изд. М., 1956, стр. 464—465.
Краткая характеристика фольклора.
58. Тампере Х. Т. Некоторые вопросы этнической истории эстонцев в свете устного народного творчества. — В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Сб. статей. Под ред. Х. А. Моора. Таллин, Эстгосиздат, 1956, стр. 293—318. (Акад. наук Эст. ССР, Инст. истории).
59. Тресков И. Творческое содружество. Нальчик, Кабард. кн. изд., 1956, 108 стр.
Стр. 23—32: созвучные мотивы, ситуации и образы в рус. и кабард. фольклоре; стр. 49, 53—56: кабард. устная поэзия в творчестве А. С. Пуш-

- кина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева-Марлинского; стр. 68, 69, 73—93: интерес Ш. Ногмова к национальному фольклору.
60. **Туденов Г. О.** Система бурят-монгольского стихосложения. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Л., 1956. 16 стр. (Ленинградский гос. унив. им. А. А. Жданова).
Стр. 5—11: исследование ритмики фольклорного стихосложения.
61. **Хайруллин Х. Ф.** Литература [Татарской Автономной Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 41, 2-е изд. М., 1956, стр. 650—653.
Обзор фольклора.
62. **Хачатрянц Я.** Из наблюдений переводчика. — Дружба народов, 1956, № 7, стр. 140—143.
Особенности деталей быта в фольклоре восточных народов.
63. **Шагинян А.** Культура советской Армении. Ереван, Армгиз, 1956. 200 стр.
Стр. 187—199: «Народное творчество и художественная самодеятельность».
См. также №№ 15, 16, 20, 100, 673.

в) Общие вопросы фольклора народов мира

64. **Бабаев А. А. и Алькаева Л. О.** Литература [Турции]. — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 509—511.
Краткий обзор фольклора.
65. **Вологодина В. Н.** Народ эве. — В кн.: Африканский этнографический сборник. М., 1956, стр. 69—117. (Труды Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Акад. наук СССР, Нов. серия, т. XXXIV).
Стр. 93—96: «Народное творчество».
66. **Генин Л. Е.** Немецкий «разбойничий» фольклор XVIII века как выражение антифеодалного протеста. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 6, стр. 524—535.
67. История Чехословакии в трех томах, т. I. М., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 415 стр.
Стр. 119—126: нар. поэзия Чехии XI—XIV вв.; стр. 186—187: песенная культура эпохи гуситских войн; стр. 310, 314: фольклор Чехии XVII—XVIII в. и его собиране; стр. 356, 362, 363: фольклор XIX в. и его собиране.
68. **Лилеева И. А.** Литература [Франции]. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 514—515.
Краткий обзор фольклора; устная поэзия в творчестве франц. писателей.
69. **Мендельсон М. И. и Беккер М. И.** Литература [Соединенных Штатов Америки]. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 635—642.
Стр. 635, 641: обзор фольклора американцев, индейцев и негров.
70. Народы Австралии и Океании. Под ред. С. А. Токарева, С. П. Толстова. М., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 852 стр. (Народы мира. Этногр. очерки).
Стр. 251—271: нар. творчество и начатки положительных знаний австралийцев; стр. 486—497: нар. творчество и начатки знаний меланезийцев.
71. **Руа Клод.** Путь от человека к человеку. — Лит. газета, 1956, № 102, 28 августа.
Общность мотивов в фольклоре народов мира.
72. «Уалам-олум». — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 581.
Книга фольклора индейс. племени делаваров в Америке.
73. Угаритская литература. — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 599.
Фолькл. материалы финикийцев XX—XVIII вв. до н. э. (мифы, эпосы, тексты, содержащие храмовые ритуалы).
74. **Федоренко Н. Т.** Китайская классическая поэзия. (Эпоха Тан.) — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 1, стр. 7—19.
Стр. 8—12: обзор кит. фольклора, анализ «Книги песен».
75. **Федоренко Н. Т.** Китайская литература. Очерки по истории китайской литературы. М., Гослитиздат, 1956. 732 стр.
Стр. 19, 23—69: обзор кит. фольклора и мифологии; анализ сборника «Шицзин»; стр. 366—369: совр. песни.
76. **Эффенди У.** Корни и побеги. Заметки об индонезийской литературе. — Лит. газета, 1956, № 104, 1 сентября.
Обзор индонез. фольклора.
См. также № 489.

3. Мифология. Демонология

77. Герои Эллады. Из мифов древней Греции. Рассказала для детей В. Смирнова. М., Детгиз, 1956. 144 стр. (Школьная библ. для нерус. школ).
78. Капанцян Гр. Историко-лингвистические работы. К начальной истории армян, Древняя Малая Азия. Ереван, Изд. Акад. наук Арм. ССР, 1956. 471 стр.
Стр. 266—326: «Малоазийские (азиантические) боги у армян».
79. Матъе М. Э. Древнеегипетские мифы. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 173 стр.
80. Нидерле Л. Славянские древности. Пер. с чеш. Т. Ковалевой и М. Хазанова. Предисл. П. Н. Третьякова. Ред. А. Л. Монгайт. М., Изд. иностр. литер., 1956. 450 стр.
Стр. 269—274: демонология; стр. 406—410: песня и музыка.
81. Скандинавская мифология. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 207—208.
82. Упырь. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 271—272.
См. также №№ 73, 75, 347, 962.

4. Обрядовый фольклор

83. Гладыш М. Свадьба на Подгале. — Польша, 1956, № 2 (18), стр. 6—8.
84. Никольский Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Минск, Изд. Акад. наук БССР, 1956. 275 стр.
Рецензия:
Василенок С. И. О происхождении и истории белорусской свадебной обрядности. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 6, стр. 545—549.
85. Чичеров В. И. Из истории новогодних игр и песен русского народа. — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М., Изд. Акад. наук СССР, 1956, стр. 270—284.
См. также №№ 6, 7, 12, 333, 367, 369, 376, 482, 780, 784, 785, 792, 1092, 1096.

5. Эпос

Тексты

а) Русские былины

См. № 5.

б) Эпос народов СССР

86. Городецкий С. М. Стихотворения. 1905—1955. М., Гослитиздат, 1956. 391 стр.
Стр. 259—263: «Ацамаз и Агунда (По мотивам осет. эпоса)»; стр. 268—270: «Таджикская легенда».
Рецензия:
Молдавский Дм. Поэзия С. Городецкого. — Звезда, 1957, № 4, стр. 205—207.
87. Калевала. Карельские руны, собранные Э. Лённротом. Пер. с фин. А. И. Бельского. Под ред. В. Казина. Вст. статья О. Куусинена. М., Гослитиздат, 1956. 285 стр.
То же: Петрозаводск, Госиздат Карел. АССР, 1956. 339 стр.
88. Калевипоэг. Эст. нар. эпос. Собрал и обраб. Фр. Крейцвальд. Пер. Вл. Державина и А. Кочеткова. М., Гослитиздат, 1956. 500 стр.
Рецензия:
1) Дмитриев С. Народный эпос. — Огонек, 1956, № 36, стр. 25.
2) Чесноков Б. М. Богатырский эпос эстонского народа. — Теория и практика физической культуры, 1957, т. XX, вып. 8, стр. 633—634.
89. Липкин С. Кабардинская эпическая поэзия. Избранные переводы. Нальчик, Кабард. кн. изд., 1956. 304 стр.
Стр. 5—125: «Нартские сказания»; стр. 127—153: «Старинные народные песни».
Рецензии:
1) Кешоков А. Вторая жизнь поэзии. — Новый мир, 1957, № 5, стр. 252—253.
2) Киреев М. и Шогенцуков А. Героические сказания. — Лит. газета, 1957, № 76, 25 июня.

3) «Песне тысяча лет, а жива...». — Дружба народов, 1957, № 3, стр. 214.

90. Песни об Андемиркане. Из кабард. эпоса. Пер. С. Липкина. — Кабарда, альманах, кн. 9, Нальчик, 1956, стр. 94—97.

91. Сорок девушек. Каракалп. нар. поэма. Зап. со слов сказителя К. Тажибаева. В переложении А. Тарковского. М., Гослитиздат, 1956. 408 стр.

Рецензии:

1) Бегимов А., Кайпазаров Б. и Сеитов Х. Героический народный эпос. — Правда Востока, Ташкент, 1957, № 23, 26 января.

2) Максетов К. «Кырк Кыз» в переводе А. Тарковского. — Сов. Кара-Калпакия, Нукус, 1957, № 32, 12 февраля.

См. также №№ 12, 1098.

в) Эпос народов мира

92. Ашима. Нар. эпическая поэма. Зап. в провинции Юнь-нань Ян Чжи-юном, Хуан Те, Лю Ци. Пер. с кит. Л. Черкасского. — Сибирские огни, 1956, № 2, стр. 71—84.

93. Исландские саги. Ред., вст. статья и примеч. М. И. Стеблин-Каменского. М., Гослитиздат, 1956. 784 стр.

Рецензии:

1) Дмитриев С. Народный эпос. — Огонек, 1956, № 36, стр. 25.

2) Шифман Э. И. — Вопросы истории, 1957, № 1, стр. 176—177.

94. Махабхарата. II. Бхагавадгита. Букв. и лит. пер., введ. и примеч. Б. Л. Смирнова. Ашхабад, Изд. Акад. наук Туркм. ССР, 1956. 362 стр.

Рецензии:

1) Аникеев Н. П., Елизаренкова Т. Я. и Пятигорский А. М. — Сов. востоковедение, 1958, № 4, стр. 177—178.

2) Аникеев Н. П. Бессмертное творение индийского народа. (К выходу в свет русского перевода «Бхагавад Гиты»). — Вестник истории мировой культуры, 1958, № 3, стр. 161—168.

3) Гриниер П. А. Санскритологические труды академика АН Туркм. ССР Б. Л. Смирнова. — Сов. востоковедение, 1958, № 6, стр. 151—152.

4) Серебряков И. Труд энтузиаста. К выходу в свет книг «Махабхараты» в переводе академика АН Туркм. ССР Б. Л. Смирнова. — Совр. Восток, 1959, № 1, стр. 54—55.

95. Народная поэма «Ашма». — Китай, 1956, № 7, стр. 20—21.

Отрывки из поэмы.

96. Песнь о трудолюбивом дровосеке и советнике князя. Из раннего литературного сборника «Книга песен» (Шицзин), редактированного Конфуцием в VI веке до нашей эры. Пер. А. Штукина. — Ленинградский альманах, кн. 11, 1956, стр. 265—266.

97. Эпические сказания народов Южного Китая. Пер., статья и комм. Б. Б. Вахтина и Р. Ф. Итса. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 202 стр. (Акад. наук СССР. Литер. памятники).

Рецензия:

Степугина Т. В. и Яншина Э. М. Первая русская публикация южнокитайского фольклора. — Вестник Акад. наук СССР, 1958, № 7, стр. 143—146.

См. также № 23.

Исследования

а) О русских былинах

98. Малышев В. И. Повесть о Сухане. (Из истории русской повести XVII в.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Л., 1956. 17 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

Стр. 3—6: анализ былины о Сухане; стр. 6—9: связь повести с былинной.

99. Малышев В. И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 224 стр.

Стр. 7—41: «Былина о Сухане и былины о борьбе богатыря с „неверной силой“»; стр. 42—91: «Повесть о Сухане и герсиче кий эпос»;

стр. 144—187: «Тексты былин о Сухане»; стр. 188—197: «Библиография записей былин о Сухане»; стр. 198—210: «История изучения былины о Сухане».

Рецензии:

- 1) Домановский Л. Неизвестная воинская повесть. — Вечерний Ленинград, 1957, № 84, 9 апреля
  - 2) Зайцев В. — Вопросы литературы, 1957, № 1, стр. 228—229.
  - 3) Зимин А. А. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1957, т. XVI, вып. 3, стр. 267—269.
  - 4) Кузьмина В. Д. — Slavia, Praha, 1959, № 1, стр. 81—85.
  - 5) Пропп В. Я. — В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, II. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1957, стр. 348—350.
  - 6) Путилов Б. Обретенная ценность. — Звезда, 1957, № 4, стр. 216—217.
100. Маскаев А. Отражение русско-мордовских связей в народном эпосе. — Лит. Мордовия, альманах, № 12, Саранск, 1956, стр. 271—278.
101. Мелетинский Е. М. Русский героический эпос. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 2, стр. 178—182.
Рец. на кн.: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., Изд. Ленинградского унив., 1955. См. №№ 102, 104.
102. Путилов Б. Н. Успех творческих исканий. — Звезда, 1956, № 3, стр. 183—184.
Рец. на кн.: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., Изд. Ленинградского унив., 1955. См. №№ 101, 104.
103. Тугарин Змеёвич. — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 360.
104. Ухов П. Д. Русский героический эпос. — Сов. этнография, 1956, № 2, стр. 147—150.
Рец. на кн.: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., Изд. Ленинградского унив., 1955. См. №№ 101, 102.
105. Югов А. Искры истины. — Октябрь, 1956, № 5, стр. 164—171.
Новое толкование былины о Вольге и Микуле.
См. также №№ 5—7, 31, 783, 785, 869, 999, 1025, 1030, 1031, 1033—1035, 1039, 1092, 1096.
- б) Об эпосе народов СССР
106. Азимов С. А., Зарифов Х. Т., Захидов В. Ю., Касымов С. С., Набиев Р. Н., Султанов И. А. Бессмертный памятник народного творчества. К региональному совещанию по обсуждению эпоса «Алпамыш». — Правда Востока, Ташкент, 1956, № 222, 20 сентября.
107. Афзалов М. Об узбекских вариантах эпоса «Алпамыш». — Звезда Востока, 1956, № 9, стр. 105—109.
108. Боровков А. К. Узбекская прозаическая версия поэмы об Алпамыше. — Известия Акад. наук Узбек. ССР, 1956, № 11, стр. 77—88.
С приложением текста поэмы. Резюме на узбек. яз.
109. Габышев Л. Олонхо «Эрчимэн Бэргэн». — Соц. Якутия, Якутск, 1956, № 158, 8 июля.
Рец. на кн.: Олонхо «Эрчимэн Бэргэн». Сводный вариант. Обработ. С. Васильева. Якутск, 1955 (на якут. яз.).
110. Гребнев Л. В. Произведения тувинского героического эпоса. (Опыт историко-этнографического исследования). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата историч. наук. М.—Л., 1956. 16 стр. (Акад. наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).
111. Гулям Х. Обсуждение эпоса «Алпамыш». — Лит. газета, 1956, № 118, 4 октября.
112. Калмыков И. К предстоящей конференции по нартскому эпосу. — Сов. Черкесия, Черкесск, 1956, № 188, 18 сентября.
113. Кашеева Г. Л. Думы о борьбе украинского народа с турецко-татарскими захватчиками. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 15 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
114. Климович Л. Каракалпакская народная поэма «Сорок девушек». — Звезда Востока, 1956, № 9, стр. 64—74.
115. Климович Л. Об эпосе «Алпамыш». — Комсомолец Узбекистана, Ташкент, 1956, № 118, 2 октября.
116. Кор-оглы Х. Дестанный эпос туркменского народа. — Труды Инст. языка и литер. Акад. наук Туркм. ССР, вып. I, 1956, стр. 122—140.
117. Крупное произведение народного творчества. К итогам регионального совещания по обсуждению эпоса «Алпамыш». — Ташкентская правда, 1956, № 196, 5 октября.

118. Лебединский Л. Узун-кюй — башкирская народная музыкально-поэтическая классика. — Сов. этнография, 1956, № 2, стр. 46—65.
119. Майнагашева В. Е. О народности основы героического сказания «Албынжи». — Записки Хакасского научно-исслед. инст. языка, литер. и истории, вып. 4, Абакан, 1956, стр. 78—89.
120. Мальцев М. И. и Потявин В. М. К вопросу о социально-классовом содержании нартического эпоса. — Ученые записки Чувашского гос. пед. инст. вып. IV, Чебоксары, 1956, стр. 127—147.
121. Никитин П., Токомбаев А., Юдахин К. Забытое богатство. — Лит. газета, 1956, № 73, 21 июня.
Киргиз. эпос и творчество акынов.
122. Орбели И. Армянский героический эпос. Ереван, 1956. 144 стр. (Акад. наук Арм. ССР, Инст. литер. им. М. Абегамяна).
Рецензия:
Саркисян Х. — Коммунист, Ереван, 1956, № 281, 1 декабря.
123. Пискунов В. М. Координация научной деятельности филиалов и институтов Академии наук СССР. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 3, стр. 286—290.
Пересказ доклада В. И. Чичерова «Об изданиях эпоса и научной подготовке серийного издания „Эпос народов СССР“».
124. Попов А. И. К изучению «Калевалы». — В кн.: Ленинградский гос. унив. им. А. А. Жданова, Научная сессия 1955—1956 гг. Тезисы докладов по секции филол. наук. Л., 1956, стр. 16—17.
125. Попов П. Эпос «Кулуун Кулуустур». — Соц. Якутия, Якутск, 1956, № 246, 19 октября.
126. Сводный вариант эпоса «Манас». — Сов. Киргизия, Фрунзе, 1956, № 69, 23 марта.
Совещание по обсуждению сводного варианта эпоса «Манас».
127. Сейтов Х. На верном пути. — Правда Востока, Ташкент, 1956, № 238, 9 октября.
Краткий обзор каракалпак. эпоса.
128. Стальский Н. Самородный ключ поэзии. — Дружба народов, 1956, № 9, стр. 178—181.
Рец. на кн.: Украинские народные думы и исторические песни. Киев, Изд. Акад. наук УССР, 1955 (на укр. яз.).
129. Тезисы докладов и сообщений регионального совещания по эпосу «Алпамыш». Отв. ред. В. И. Чичеров и В. Ю. Захидов. Ташкент, Изд. Акад. наук Узбек. ССР, 1956. 60 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького — Акад. наук Узбек. ССР, Инст. языка и литер. им. А. С. Пушкина).
Стр. 5—8: А. К. Боровков. Героическая поэма об Алпамыше; стр. 9—14: Х. Т. Зарифов. Об основных мотивах эпоса «Алпамыш»; стр. 15—16: В. М. Жирмунский. Вопросы генезиса и истории эпоса «Алпамыш»; стр. 17—20: Л. И. Климович. Проблема идейного содержания и принципы критического анализа эпоса «Алпамыш»; стр. 21—23: Ш. М. Абдуллаева. Образы Барчин и Калдыргач; стр. 23—24: Х. С. Сулейманов. Тема дружбы и побратимства в дастане «Алпамыш»; стр. 25—26: И. Джабаров. Некоторые этнографические материалы в узбекском эпосе «Алпамыш»; стр. 27—32: М. И. Богданова. О некоторых художественных особенностях эпоса «Алпамыш» (по узбекским версиям); стр. 33—34: Л. М. Пеньковский. Поэтические особенности эпоса «Алпамыш»; стр. 35—36: М. Шейхзаде. О некоторых поэтических особенностях узбекского народного эпоса «Алпамыш»; стр. 37—42: Н. С. Смирнова. Об отношении казахских версий «Алпамыса» к традиции казахского героического эпоса; стр. 43—44: Т. Садыков. Казахские версии «Алпамыса»; стр. 45—48: И. Т. Сагитов. Характеристика каракалпакской версии «Алпамыс»; стр. 49—54: А. А. Валитова. О версиях татарской прозаической сказки «Алпамша»; стр. 55—59: М. И. Афзалов. Об узбекских вариантах эпоса «Алпамыш» (по материалам фольклорного архива Института языка и литературы АН Узбек. ССР).
130. Тезисы докладов на совещании, посвященном нартскому эпосу народов Кавказа. Орджоникидзе, 1956. 34 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького — Северо-Осет. научно-исслед. инст.).
Стр. 3—4: В. И. Абаев. Проблемы нартского эпоса; стр. 5—12: Е. М. Мелетинский. Место нартских сказаний в истории эпоса; стр. 13—19: Г. З. Калоев. Нартский эпос осетин; стр. 20—23: Ш. Д. Инал-Ипа. Нартский эпос абхазов; стр. 24—26: У. Б. Далгат. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана; стр. 27—30: Б. А. Калоев. История записи и пуб-

- ликации нартского эпоса; стр. 31—34: Л. П. Семенов. Осетинские нартские сказания в кругу мировых эпосов.
131. Халилов Х. Научное совещание по нартскому эпосу народов Кавказа. — Дагестанская правда, Махачкала, 1956, № 230, 18 ноября.
132. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, Абх. госиздат, 1956. 265 стр.
Стр. 214—247: «Материалы по фольклору абхазов». — Нартские сказания; легенды.
133. Шотт И. М. Совещание, посвященное эпосу восточнославянских народов. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 1, стр. 89—94
134. Эпическое произведение народного творчества. — Правда Востока, Ташкент, 1956, № 235, 5 октября.
Региональное совещание по эпосу «Алпамыш».
135. Эфендиев П. Новое издание эпоса «Кероглы». — Лит. Азербайджан, 1956, № 12, стр. 113—116.
Рец. на кн.: Кероглы. Сост. М. Г. Тахмасиб, 2-е изд. Баку, Изд. Акад. наук Азерб. ССР, 1956 (на азерб. яз.).
См. также №№ 11, 13—15, 22, 33, 37, 100, 179, 813, 815, 816, 918, 991.

в) Об эпосе народов мира

136. Изучение литературы и языка народов Югославии в Советском Союзе. — Славяне, 1956, № 4, стр. 13—14.
Работа Н. И. Кравцова по изучению серб. эпоса.
137. Михайлов Г. Новое издание Гэсэриады в Китае. — Свет над Байкалом, Улан-Удэ, 1956, № 6, стр. 145—152.
138. Смирнов Б. Л. Сокровищница индийской культуры. — Туркменская искра, Ашхабад, 1956, № 10, 12 января.
Изучение эпоса «Махабхарата».
139. Толстой И. И. Несколько замечаний о дигамме в древнегреческом эпосе. — В кн.: Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию. Сб. статей. М., Изд. Акад. наук СССР, 1956, стр. 260—269.
См. также № 73.

6. Сказки

Тексты

а) Русские сказки

140. Анисимоза А. Избранное. Пенза, Кн. изд., 1956. 228 стр.
Стр. 3—16: С. А. Трегуб. Пензенская сказочница и песенница; стр. 205—224: Детям.
Припевки; стр. 99—103: Переводы с мордовского; стр. 105—203: Сказки; стр. 205—224: Детям.
141. Девочка и лиса. Рус. нар. сказки. М., Детгиз, 1956. 16 стр. (Мои первые книжки).
142. Жили-были. Рус. нар. сказки. М., Детгиз, 1956. 32 стр.
143. Иван крестьянский сын и чудо-юдо. Рус. нар. сказка. Сортавала, 1956. 19 стр.
144. Коза-дереза. Рус. нар. сказки в обраб. А. Н. Толстого. М., Учпедгиз, 1956. 96 стр. (Школьная библ.).
145. Лисичка со скалочкой. Рус. нар. сказки. М., Детгиз, 1956. 32 стр. (Книга за книгой).
146. Лисьи увертки. Рус. нар. сказки в пересказе И. С. Соколова-Микитова. М., Детгиз, 1956. 21 стр.
Рецензия:
Литвин Э. Новые книги сказок. — В кн.: О литературе для детей, вып. 4. Л., Детгиз, 1959, стр. 170.
147. Маршак С. Две сказки. — Огонек, 1956, № 44, стр. 29.
Из книги «Сказки разных народов». Лит. обработка.
148. Морозко. Рус. нар. сказка в обраб. М. Булатова. М., Детгиз, 1956. [20] стр. (Школьная библ. для нерус. школ).
149. Редни Е. И. Царевна-лягушка. М., Детгиз, 1956. 64 стр.
150. Русские волшебные сказки. Пересказала И. Карнаухова. Чита, Кн. изд., 1956. 51 стр.

151. Русские народные сказки. Сост. и подг. текстов А. Нечаева, Н. Рыбаковой. М., Гослитиздат, 1956. 544 стр.
152. Русские народные сказки. Сост. сб. А. Нечаев и Н. Рыбакова, М., Детгиз, 1956. 351 стр.
153. Русские народные сказки. Астрахань, Изд. газ. «Волга», 1956. 60 стр.
154. Русские народные сказки. Тула, Кн. изд., 1956. 111 стр.
155. Русские сказки. Сост. А. Назаров. Чкалов, Кн. изд., 1956. 144 стр.
156. Сивка-бурка. Рус. нар. сказка. Обраб. М. Булатова. М., Детгиз, 1956. 24 стр.
157. Сивка-бурка. Рус. нар. сказка. М., Детгиз, 1956. 20 стр.
158. Сказки. Орел, Изд. газ. «Орловская правда», 1956. 112 стр.
159. Тайная примета. Рус. нар. сказки. М., Детгиз, 1956. 48 стр. (Книга за книгой).

Рецензия:

Литвин Э. Новые книги сказок. — В кн.: О литературе для детей, вып. 4. Л., Детгиз, 1959, стр. 171.

См. также №№ 9, 178, 199, 766.

б) Сказки народов СССР

160. Абхазские народные сказки. Обраб. и пер. Х. Бгажба. — Лит. Абхазия, 1956, № 1 (6), стр. 149—162.
161. Азербайджанские сказки. Сост. А. Ахундов, ред. О. Эрберг. Баку, Изд. Акад. наук Азерб. ССР, 1956. 340 стр. (Акад. наук Азерб. ССР, Инст. литер. и языка им. Низами).
162. Ак-Памык. Туркм. нар. сказка. Пер. и обраб. О. Эрберга. М., Детгиз, 1956. 16 стр. (Школьная библиотечка для нерус. школ).
163. Арат и лев. Из монг. фольклора. — Бурят-Монг. правда, Улан-Удэ, 1956, № 224, 22 сентября.
164. Белинович Н. Живые узоры. Ненец. сказки. Архангельск, Кн. изд., 1956. 56 стр.

Рецензия:

Коквин Евг. — Правда Севера, Архангельск, 1956, № 217, 15 сентября.

165. Белинович Н. Лада. По мотивам северных нар. сказок. — Сов. женщина, 1956, № 10, стр. 11—13.
166. Белинович Н. Подвиг матери. Северная сказка. — Сов. женщина, 1956, № 2, стр. 11—13.
167. Белинович Н. Ужотко. Сказка. — Север, альманах, кн. 17, Архангельск, 1956, стр. 162—165.
168. Бритаев С. Сын бедняка и злой алдар. Сказка. Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд., 1956. 24 стр.

Рецензия:

Богазов У. Книги детям. — Сов. Осетия, альманах, 9—10, Орджоникидзе, 1957, стр. 240—241.

169. Бурят-монгольские народные сказки. Зап. и лит. обраб. на бурят. языке А. Шадаева. Улан-Удэ, Бурят-Монг. кн. изд., 1956. 144 стр.
170. Вальдю А. Л. Жизнь и сказка. Хабаровск, Кн. изд., 1956. 64 стр.

Сб. сказок и легенд народа нани (ульчи).

Рецензии:

1) Агишев Р. — Тихоокеанская звезда, Хабаровск, 1956, № 60, 11 марта.

2) Журавина О. Первая книжка ульчского писателя. — Биробиджанская звезда, 1956, № 62, 25 марта.

3) Журавина О. Новое имя. — Дальний Восток, 1956, № 2, стр. 183—185.

4) Первый прозаик из ульчей. — Дружба народов, 1956, № 4, стр. 182.

171. Волшебный чугуи. Карел. нар. сказка. Пер. Д. Лажиева. — Юные ленинцы, Петрозаводск, 1956, № 66, 19 декабря.

172. Гордая девушка, Тунгак и солнце. Эскимос. сказка. Зап. от Эн. Теплилик (поселок Наукан). Зап. и лит. обраб. Л. Соловьевой. — В кн.: Преображенный край. Магадан, Обл. изд., 1956, стр. 394—396.
173. Горящий камень. (Из «Сказок Голубого Иссук-Куля»). Лит. запись Н. Филиповича. — Киргизстан, 1956, № 1, стр. 53—55.
174. Грачи А. Шуба Пыл-Луги. Пер. с арм. под ред. Д. Самойлова. М., Детгиз, 1956. 80 стр.

Обраб. арм. сказок и басен.

175. Грузинские народные сказки. (Сто сказок). Сб. сост. и пер. Н. И. Долидзе. Под ред. М. Я. Чиковани. Тбилиси, Изд. «Заря Востока», 1956. 432 стр. (Акад. наук Груз. ССР, Инст. истории груз. литер. им. Руставели).
- Рецензии:*
 1) О чем говорит сказка... — Дружба народов, 1957, № 2, стр. 209.
 2) Новый мир, 1957, № 3, стр. 281.
176. Гульчечек. Татар. нар. сказки. Сост. Г. Баширов, Х. Ярмухаметов. Пер. Г. Шариповой. Казань, Таткнигоиздат, 1956. 139 стр.
177. Золотой перстень. Татар. нар. сказки. Казань, Таткнигоиздат, 1956. 68 стр. (Библиошкола).
178. Золотые руки. Сб. сказок народов СССР. Казань, Таткнигоиздат, 1956. 68 стр. (Библиошкола).
- Рус., груз., латыш., казах. и башкир. сказки.
179. Исаакян А. Избранные сочинения в двух томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1956. 216 стр.
- Стр. 133—149: «Легенды и сказки»; стр. 174—176: «Бессмертной памяти Комитаса»; стр. 177—179: «Александр Спендиаров»; стр. 207—209: «О Мгере Сасунском».
180. Как радость пришла. Чукот. сказка. Зап. со слов жительницы с. Энурмино К. Чейгвына. Зап. и лит. обраб. Л. Соловьевой. — Магаданская правда, 1956, № 169, 21 июля.
- Сказка о Ленине.
181. Каракалпакские народные сказки. Пер. А. Волкова и И. Майорова. — Звезда Востока, 1956, № 12, стр. 48—52.
182. Кетмень и лопата. Дунган. сказка. — Ленинградская здравница, Зеленогорск, 1956, № 37, 25 марта.
183. Киргизские народные сказки. Сост. и обраб. Дм. Брудного. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1956. 172 стр.
- Рецензии:*
 1) Даронян С. Родник народной мудрости. — Сов. Киргизия, Фрунзе, 1957, № 175, 30 июля.
 2) Тавлинцев Ш. Всё ли киргизское? Всё ли народное? — Лит. Киргизстан, 1957, № 3 (15), стр. 115—117.
184. Коза с кудрявыми ножками. Тадж. нар. сказка. Пер. К. Улуг-заде. М., Детгиз, 1956. 16 стр.
185. Козел — стеклянные глаза, золотые рога. Белорус. сказка. Пер. и обраб. М. Булатова. М., Детгиз, 1956. [12] стр.
186. Кто мудрее? (Татар. сказка). — Сайгак и волк. (Казах. сказка). Зап. в Астраханской области В. Булычевским. — Волга, Астрахань, 1956, № 293, 16 декабря.
187. Марийские народные сказки. Зап., пер. и комм. К. А. Четкарева. Йошкар-Ола, Мар. кн. изд., 1956. 244 стр.
- Рецензия:*
 Кадыков Н. — Марийская правда, Йошкар-Ола, 1956, № 232, 24 ноября.
188. Матвеев А. Сказки веселого Бабая. (По мотивам бурят-монг. сказок). Саратов, Кн. изд., 1956. 84 стр.
189. Новиков И. А. Под родным небом. Стихотворения разных лет. М., «Сов. писатель», 1956. 308 стр.
- Стр. 220—259: кабард., груз., башк., вост. и арм. нар. сказки.
190. Отец и сын. Белорус. сказка. Зап. и обраб. А. Якимовича. Пер. А. Тверского. — Пионерская правда, 1956, № 8, 27 января.
191. Про медведя. Белорус. сказка. Зап. и обраб. А. Якимовича. Пер. А. Тверского. — Пионерская правда, 1956, № 21, 13 марта.
192. Россомеха и лисица. Эвенк. нар. сказка. Пер. и обраб. М. Воскобойникова. Л., Детгиз, 1956. 16 стр.
193. Рыбин В. Сказка о мудром Кемине, глупом Пире и двух кострюлях (из туркм. фольклора). — Комсомолец Туркменистана, Ашхабад, 1956, № 13, 29 января.
- Лит. обработка.
194. Сейтаков Б. Аязхан. — Туркменская искра, Ашхабад, 1956, № 211, 9 сентября; № 212, 11 сентября.
- Стихотв. обраб. нар. сказки.
195. Сказка о Кодур-Ооле и Биче-Кыс. В стихотв. передаче Е. Старининой. — Улуг-Жем, альманах, 3. Кызыл, 1956, стр. 146—156.
196. Сказки народов Дагестана. Пересказал Г. Гулия. — Мурзилка, 1956, № 10, стр. 14—16.
197. Сказки народов Северо-Востока. Под ред. Н. В. Козлова. Предисл. и комм. М. А. Сергеева. Магадан, Кн. изд., 1956. 328 стр.

Чукот., аскимос., коряк., ительм., юкагир., эвенк. и якут. сказки.

Рецензии:

- 1) Берков П. Н. Три новых сборника восточных сказок. — Вестник Ленинградского унив., 1959, № 14, вып. 3, стр. 138—139.
  - 2) Скорик П. Сказки северных народов. — Магаданская правда, 1956, № 293, 16 декабря.
  - 3) Скорик П. Устное творчество народов Северо-Востока. — На Севере Дальнем, альманах, кн. 6, Магадан, 1957, стр. 208—220.
198. Сказки народов Сибири, 3-е изд. Сост. А. Коптелов. Новосибирск, Кн. изд., 1956. 264 стр.
Алт., бурят-монг., тофалар., тувин., хакас., хант. и эвенк. сказки.
199. Сказки народов СССР. Сталино, Обл. изд., 1956. 128 стр.
Рус., укр., белорус., груз., литов., татар., эст., узбек., туркм., латыш., казах., башк. и карел. сказки.
200. Смелая девушка и двенадцатирогий олень. Якут. сказка. Зап. и лит. обраб. Л. Соловьевой. — На Севере Дальнем, альманах, № 5, Магадан, 1956, стр. 115—118.
201. Смелый ширак. — Кимегар. Таджик. сказки. Зап. К. Улуг-заде и М. Саидовой. — Лит. Таджикистан, альманах, кн. 8, Сталинабад, 1956, стр. 203—223.
202. Стародумов В. Майка-необычайка. По мотивам бурят-монг. сказок. — Свет над Байкалом, 1956, № 1, стр. 114—116.
203. Счастье и горе. Бурят-монг. сказка. Зап. А. Шадаева. Пер. И. Луговского. — Бурят-Монг. правда, Улан-Удэ, 1956, № 254, 28 октября.
204. Сын медведя Батыр. Адыг. сказка. Пер. с адыг. и лит. обраб. Т. Керашева и П. Максимова. Майкоп, Адыг. кн. изд., 1956. 31 стр.
205. Туманян О. Царь Чах-Чах. Сказки. М., Детгиз, 1956. 80 стр.
206. Туркменские сказки об Яртыгулке. Лит. обраб. А. Александровой и М. Туберовского. Л., Детгиз, 1956. 142 стр.

Рецензия:

Литвин Э. Новые книги сказок. — В кн.: О литературе для детей, вып. 4. Л., Детгиз, 1959, стр. 174—177.

207. Удэгейские сказки. Зап. и лит. обраб. Б. Можяева. Ред. Н. В. Козлов. Магадан, Кн. изд., 1956. 64 стр.

Рецензия:

Максименко В. — Красное знамя, Харьков, 1956, № 179, 6 сентября.

208. Украинские народные сказки. Пер. Г. Петникова. М., Гослитиздат, 1956. 423 стр.
209. Ум и Счастье. Сказка. Зап. со слов С. П. Кадышева. С предисл. ред. — Абакан, альманах, кн. 8, 1956, стр. 114—117.
210. Феоктистов С. Г. Нивхские сказки. Хабаровск, Кн. изд., 1956. 224 стр.

Рецензия:

Журавина О. Сказки нивхов. — Тихоокеанская звезда, Хабаровск, 1956, № 106, 8 мая.

211. Хитрая лиса. Латыш. нар. сказки о лисе. Пер. Ю. Каппе. Рига, Латгосиздат, 1956. 24 стр.
212. Храбрый Хуркокан. Эвенк. нар. сказки. Зап., пер. и обраб. М. Г. Воскобойникова. Улан-Удэ, Бурят-Монг. кн. изд., 1956. 68 стр.
213. Цвирика П. Сказки неманского края. Пер. О. Иоделене. [Каунас], Госиздат Лит. ССР, [1956]. 127 стр.
214. Чукотские сказки. Зап. и обраб. А. Лозневого. Минск, Госиздат БССР, 1956. 43 стр.
То же: Владивосток, Кн. изд., 1956. 40 стр.
215. Шираз Ов. Снаманто и Хаджезаре. Поэма-сказка. Пер. с арм. А. Тарковского. М., Детгиз, 1956. 56 стр.
216. Эвенкийский фольклор. Лит. обраб. И. И. Суворова. — Енисей, альманах, кн. 17, Красноярск, 1956, стр. 111—116.

Две сказки и две легенды.

См. также №№ 12, 626, 774—776, 778.

в) Сказки народов мира

217. Аладдин и волшебная лампа. Араб. сказка. Грозный, Кн. изд., 1956. 36 стр.
218. Бирманские сказки. Пер. с англ. Н. Басистойой. — Звезда Востока, 1956, № 8, стр. 74—80.
219. Братья Гримм. Сказки. Пер. с немец. и обраб. В. С. Вальдмана. Л., Лениздат, 1956. 184 стр.

Рецензия:

- Литвин Э. Новые книги сказок. — В кн.: О литературе для детей, вып. 4. Л., Детгиз, 1959, стр. 158.
220. Братья Лю. Сказки стран народной демократии. Сост. Л. В. Дьяконов. Киров, Кн. изд., 1956. 192 стр.
Алб., польск., кит., корейск., венг., чеш., болг., словац., вьетн. и монг. сказки.
221. Великий добряк. Старинная кит. сказка. Пер. Лу Гун. — Огонек, 1956, № 51, стр. 32.
222. Волшебная чаша. По мотивам инд. сказок. Обработ. для детей Н. Ходза. Л., Детгиз, 1956. 158 стр.
То же: Хабаровск, Кн. изд., 1956. 152 стр.

Рецензия:

- Литвин Э. Новые книги сказок. — В кн.: О литературе для детей, вып. 4. Л., Детгиз, 1959, стр. 165—167.
223. Воробей. Япон. нар. сказка. Пер. и обработ. И. Рыжова. М., Детгиз, 1956. 17 стр.
224. Глупый волк. Болг. нар. сказка. Пер. и обработ. Н. Шерешевской. М., Росгизмест-пром, 1956. [12] стр.
225. Гончаров В. Жадный Золдар. Сказки написаны по мотивам инд. нар. творчества. М., Детгиз, 1956. 32 стр.

Рецензия:

- Литвин Э. Новые книги сказок. — В кн.: О литературе для детей, вып. 4. Л., Детгиз, 1959, стр. 179—180.
226. Два жадных медвежонка. Венг. нар. сказка. Пер. и обработ. А. Красновой и В. Важдая. М., Детгиз, 1956. 13 стр.
227. Две тибетские сказки для детей. Пер. Н. Немчиновой. — В защиту мира, 1956, № 67, стр. 51—55.
228. Девушка-лебедь. Сказки народов Югославии. Пер. Т. Вирта. Ред. и сост. Н. И. Кравцов. М., Детгиз, 1956. 136 стр.
Серб., хорват., словен. и макед. сказки.
229. Девять солнц. — О том, как оленя называли лошадью. — Заяц-судья. — Дружба, Пекин, 1956, № 7, 8 января.
Легенды и сказки.
230. Жукровский В. Сказки Вьетнама. Авторизов. пер. с польск. Я. Немчинского. М., Детгиз, 1956. 64 стр.
231. Заходер Б. В. Мартышкино завтра. М., Детгиз, 1956. 17 стр.
Стихотв. обработ. бирм. сказки.

Рецензия:

- Литвин Э. Новые книги сказок. — В кн.: О литературе для детей, вып. 4. Л., Детгиз, 1959, стр. 180.
232. Индийские народные сказки. Обработ. С. Ф. Ольденбурга. Под ред. М. Клягиной-Кондратьевой. М., Гослитиздат, 1956. 160 стр.
233. Индийские сказки. Пер. с языка урду М. И. Клягиной-Кондратьевой и В. Л. Крашенинникова. М., Гослитиздат, 1956. 400 стр.

Рецензии:

- Мальцев С. — Знамя, Калуга, 1956, № 175, 2 сентября.
234. Индийские сказки. — Семья и школа, 1956, № 2, стр. 27—28.
235. Индонезийские сказки. Пер. и предисл. В. А. Островского. М., Гослитиздат, 1956. 239 стр.
- Рецензии:*
- 1) Выдрин И. — Актюбинская правда, 1956, № 178, 7 сентября.
  - 2) Насыров Я. — Правда Востока, Ташкент, 1956, № 209, 5 сентября.
  - 3) Оскоцкий В. Первое знакомство. — Московская правда, 1956, № 210, 8 сентября.
  - 4) Файзиев И. — Андижанская правда, 1956, № 215, 28 октября.
236. Как дикая кошка искала себе дом. Кит. сказка. Пер. Л. Меньшикова. Пересказала для детей А. Любарская. Л., Детгиз, 1956. 12 стр.

Рецензия:

- Литвин Э. Новые книги сказок. — В кн.: О литературе для детей, вып. 4. Л., Детгиз, 1959, стр. 158—159.
237. Как подружился птицы. Бирм. нар. сказка. Пер. и обработ. М. Моисеевой. — Сов. женщина, 1956, № 9, стр. 38.
238. Как птицы учились строить гнезда. Кит. сказка. Пер. Ю. Осипова. — Вокруг света, 1956, № 4, стр. 31.
239. Китайская народная мудрость. Пер. Чжан Цин. — Горьковская правда, 1956, № 157, 8 июля.
2 сказки басенного характера.

240. Китайские сказки. Пер. Ю. Осипова. Лит. обраб. З. Задунайской. — Нева, 1956, № 10, стр. 138—140.
241. Корейские народные сказки. Зап. Кан Тай-су. — Молот, Ижевск, 1956, № 4, стр. 58—59.
242. Корейские сказки. Обраб. Н. Ходза. Ростов н/Д., Кн. изд., 1956. 109 стр.
243. Крянгэ И. Избранные произведения. Пер. М. Ю. Олсуфьева. Бухарест, Изд. на иностр. яз., 1956. 355 стр.
Стр. 119—320: «Сказки».
244. Кто сильнее. По мотивам вьетн. нар. сказок. Обраб. Р. Кушнирова. — Обезьяны и месяц. Тибет. нар. сказка. Пер. и обраб. М. Моисеевой. — Пионер, 1956, № 1, стр. 58—61.
245. Лебедев В. Два друга. По мотивам кит. фольклора. Ярославль, Кн. изд., 1956. 72 стр.
246. Лиса и тигр. Кит. сказка. Пер. Цао Чжун-дэ. — Пионерская правда, 1956, № 91, 13 ноября
247. Маршак С. Отчего у месяца нет платья. — Огонек, 1956, № 26, стр. 26.
Стихотв. обраб. серб. нар. сказки.
248. Материнская любовь. Корейск. сказка. — Семья и школа, 1956, № 3, стр. 25—26.
249. Мизин Н. Десять старцев и десять чайников вина. (По мотивам кит. нар. сказок). — Сталинградская правда, 1956, № 254, 28 октября.
250. Михалков С. Три поросенка. (Англ. сказка). Орел, Изд. газ. «Орловская правда», 1956. 23 стр.
251. На кого похож слон. Инд. сказки. Рассказал для детей Н. Ходза. — Л., Газ.-журн. и кн. изд., 1956. 15 стр.
252. О хитром крестьянине Фань Тя Хане. Вьетн. сказка. Зап. Б. Галова. — Огонек, 1956, № 36, стр. 31.
То же: Ленинградская здравница, Зеленогорск, 1956, № 121, 7 октября.
253. Одиорогий буйвол. Сказка народности мяо. Пер. М. Демиденко. — Ленинские искры, 1956, № 33, 19 апреля.
254. Отчего на луне пятно. Кит. волшебная сказка. Пер. И. Загута и В. Кашниковой. — Пионер, 1956, № 12, стр. 34—35.
255. Пеландук и крокодил. Индонез. сказка. Пер. В. Островского. — Пионерская правда, 1956, № 71, 4 сентября.
256. Персидские сказки. Предисл. и пер. А. Розенфельд. М., Гослитиздат, 1956. 216 стр.
Рецензии:
1) Берков П. Н. Три новых сборника восточных сказок. — Вестник Ленинградского унив., 1959, № 14, вып. 3, стр. 157—158.
2) Османова З. Рассказы и сказки современных персидских писателей. — Лит. Таджикистан, альманах, кн. 12, Сталинабад, 1957, стр. 286—293.
3) Рагоза А. Н. — Сов. этнография, 1957, № 2, стр. 192—193.
257. Полторасто крокодилов хотят сожрать Канчиая. Нар. индонез. сказка. Пер. В. А. Островского. — Коммунист Таджикистана, Сталинабад, 1956, № 227, 27 сентября.
258. Почему у месяца нет платья. Серб. сказка. Пер. Е. Покрамович. — Пионер, 1956, № 5, стр. 65.
259. Птичий язык. Корейск. нар. сказки. М., Детгиз, 1956. 64 стр. (Школьная библ.).
260. Пусть растет и процветает дружба великих народов Индии и СССР! — Хорезмская правда, 1956, № 18, 25 января.
Подборка инд. сказок, пословиц и поговорок.
261. Пятеро братьев. Бирм. сказка. Пер. и обраб. Е. Померанцевой. — Работница, 1956, № 10, стр. 25.
262. Пятеро Петеров. Зарубежные сказки. М., Детгиз, 1956. 64 стр. (Книга за книгой).
Кит., болг., япон., польск., чеш., алб., немец., венг., афган., англ., инд., вьетн., югосл., итал., румын., бирм., франц. и исп. сказки.
263. Репа. Пенджаб. нар. сказка. Пер. с хинди Н. Толстой. — Работница, 1956, № 9, стр. 26.
264. Сербские народные сказки. Пер. Н. Дмитриева и М. Волконского. М., Гослитиздат, 1956. 232 стр.
265. Сербские народные сказки. Пер. Т. Вирта. — Огонек, 1956, № 3, стр. 31.
То же: Ленинградская здравница, Зеленогорск, 1956, № 10, 22 января.
266. Сербские сказки. Пер. Н. Цветинович-Грюнберг. Пересказ для детей А. Любарской. — Костер, 1956, № 3, стр. 42—43.
267. Синдбад мореход. Араб. сказки. Пер. и обраб. М. Салье. М., Детгиз, 1956. 72 стр. (Книга за книгой).

268. Сказка — ложь, да в ней намек... — Ленинские искры, 1956, № 67, 19 августа. Коль и осел. Серб. сказка. Пер. Н. Цветинович-Грюнберг; О мудреце и хлебосольном хозяине. Инд. сказка; Неудавшаяся дружба. Негр. сказка. Пер. Р. Негри; Кто лепешки съел. Ненец. сказка. Обработ. Н. Садового.
269. Сказки и повести древнего Египта. Пер. И. С. Кацнельсона и Ф. Л. Мендельсона. М., Гослитиздат, 1956. 152 стр.
Рецензия:
Пиккиев И. Сказки древних египтян. — Смена, 1957, № 2, 3 января.
270. Скворец и горошина. Инд. нар. сказки. М., Детгиз, 1956. 64 стр. (Школьная библ.).
271. Скупец. Из инд. нар. поэзии. — Загадки. Пер. Н. Разговорова. — Пионерская правда, 1956, № 22, 16 марта.
272. Славянские сказки. Сост. болг., чеш. и польск. сказок Л. И. Толстой. Сост. югосл. сказок Н. А. Цветинович-Грюнберг. Л., Лениздат, 1956. 224 стр.
Рецензия:
Литвин Э. Новые книги сказок. — В кн.: О литературе для детей, вып. 4. Л., Детгиз, 1959, стр. 159—161.
273. Слезы Буая. Малайс. фольклор. Пер. М. Юфит. — Огонек, 1956, № 9, стр. 31. То же: Ленинградская здравница, Зеленогорск, 1956, № 53, 1 мая.
274. Словацкие сказки. Пер. Д. А. Горбова. Иркутск, Кн. изд., 1956. 192 стр.
275. Сорока и ее дети. Англ. нар. сказка. — Огонек, 1956, № 16, стр. 31.
276. Сапуко Хани. Бонза и маленький послушник. Япон. сказки. Пер. Б. Лаврентьева. М., Детгиз, 1956. 32 стр.
277. Тысяча и одна ночь. Избранные сказки. Пер. с араб., вст. статья и примеч. М. А. Салье. М., Гослитиздат, 1956. 456 стр.
278. Тысяча и одна ночь. Араб. сказки. Пер. и обработ. М. Салье. Свердловск, Кн. изд., 1956. 132 стр.
279. У солнышка в гостях. Нар. сказки. М., Детгиз, 1956. 80 стр. (Школьная библ. для нерус. школ).
Польск., немец., вьетн., алб., кит., корейск., чеш., словац., венг., болг., монг. и румын. сказки.
280. Умный ягненок. Инд. сказка. Пересказ Ф. Флорич. М., Детгиз, 1956. 12 стр.
281. Упорный Юн Су. Кит. сказка. — Семья и школа, 1956, № 3, стр. 26.
282. Финские народные сказки: Медведь-щеголь. — Откуда ветер дует. — Ворон и муравей. Пер. Д. Лажиева. — Юные ленинцы, Петрозаводск, 1956, № 29, 19 июля.
283. Чешские народные сказки. Пер. и сост. М. Таловой. М., Гослитиздат, 1956. 280 стр.
Сказки из сб.: Б. М. Кульда. Народные сказки, повести, обычаи и поверья. Прага, 1874; И. Ш. Кубик. Народные сказки. Прага, 1950.
284. Эйдлин С. Из индийского фольклора. — Волжская коммуна, Куйбышев, 1956, № 6, 7 января.
Стихотв. обработ. 3 притч-сказок.
285. Ян Т. Чьи руки прекрасней? Инд. сказка. — Сов. Татария, Казань, 1956, № 58, 8 марта.
Лит. обработка.
286. Японские сказки. Пер. В. Марковой и Б. Бейко. М., Гослитиздат, 1956. 216 стр.
287. Ясь, королева и зайцы. Обработ. А. Шарской. — Польша, 1956, № 6 (22), стр. 17. См. также № 389.

Исследования

а) О русских сказках

288. Андреев А. У истоков народной сатиры. — Звезда, 1956, № 6, стр. 185—186.
Рец. на кн.: Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX в. Подг. текстов, статья и комм. Д. Молдавского. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1955. См. №№ 292, 298.
289. Балтер Б. И. Русская сказка в устном творчестве хакасов. — Записки Хакасского научно-исслед. инст. языка, литер. и истории, вып. 4, 1956, стр. 33—46.
290. Боголюбская М. К. О народной сказке. — Дошкольное воспитание, 1956, № 3, стр. 41—43.
291. Каргаполов Н. А. Художественные особенности русских бытовых сатирических сказок. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 12 стр. (Московский гос. пед. инст. им. В. И. Ленина).
292. Карнаухова И. Русская сатирическая сказка. — Нева, 1956, № 5, стр. 182.

- Рец. на кн.: Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX в. Подг. текстов, статья и комм. Д. Молдавского. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1955. См. №№ 288, 298.
293. **Леонова Т. Г.** Традиции русской народной сказки в Сибири. (По материалам Омской области). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 16 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
294. **Померанцева Э. В.** Некоторые особенности русской пореформенной сказки. — Сов. этнография, 1956, № 4, стр. 32—44.
295. **Померанцева Э. В.** Сказка. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 198—200.
296. **Савушкина Н. И.** Идеино-художественные особенности бытовой сказки и ее общественно-воспитательная роль в современности. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 18 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
297. **Савушкина Н.** Полезный обзор сказок. — Лит. газета, 1956, № 77, 30 июня.
Рец. на кн.: Об издании сказок для детей. М., Детгиз, 1955.
298. **Савушкина Н.** Русская сатирическая сказка. — Сов. этнография, 1956, № 3, стр. 165—167.
Рец. на кн.: Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX в. Подг. текстов, статья и комм. Д. Молдавского. Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1955. См. №№ 288, 292.
299. **Снегурочка.** — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 444.
Характеристика сказочного персонажа.
300. **Толстой А. Н.** О литературе. Статьи. Выступления. Письма. М., «Сов. писатель», 1956. 447 стр.
Стр. 340: письмо А. Л. Дымыщцу о принципах публикации сказок. См. также №№ 1, 2, 4, 6—8, 10, 790, 948, 951, 953, 954, 961, 963—965, 969, 974, 1015, 1026, 1027, 1029—1031, 1037, 1084, 1096.

6) О сказках народов СССР

301. **Аникин В.** Обаяние непосредственности. — Лит. газета, 1956, № 90, 31 июля.
Рец. на кн.: Б. Можаяев. Удэгейские сказки. Владивосток, Прим. кн. изд., 1955. См. № 312.
302. **Белов Ю.** О чаяниях народных. — Туркменская искра, Ашхабад, 1956, № 123, 27 мая.
Рец. на кн.: Туркменские сказки. Сост. М. Сакали и Е. Степанова. Лит. пер. О. Эрберга. Ашхабад, Туркмениздат, 1955.
303. **Березовский И.** Звонкие поэмы закарпатских полонин. — Сов. Украина, 1956, кн. 3, стр. 175—176.
Рец. на кн.: Закарпатские сказки Андрея Калина. Зап. текстов и вст. статья П. Линтура. Ужгород, Закарп. обл. изд., 1955 (на укр. яз.). См. № 309.
304. **Гумеров А.** Татарские народные сказки. — Сов. Татария, Казань, 1956, № 224, 23 сентября.
Рец. на кн.: Татарские народные сказки, кн. 2. Сост. Г. Баширов и Х. Ярмухаметов. Казань, Таткнигоиздат, 1956 (на татар. яз.).
305. **Иоффе Э.** Сокровища народного творчества. — Туркменская искра, Ашхабад, 1956, № 211, 9 сентября.
Обзор туркм. сказок.
306. **Маскаев А.** Хороший подарок. — Сов. Мордовия, Саранск, 1956, № 94, 13 мая.
Рец. на кн.: Мордовские сказки. Обр. Э. Померанцевой. М., Детгиз, 1955.
307. **Найдакова В.** Больше хороших книг для детей. — Свет над Байкалом, Улан-Удэ, 1956, № 5, стр. 151—152.
Обзор издания бурят-монг. сказок для детей.
308. «Полнолуние». — Дружба народов, 1956, № 1, стр. 183—184.
Рец. на кн.: Полнолуние. Алт. и шорск. сказки. Обр. А. Смердова. Новосибирск, Кн. изд., 1955.
309. **Померанцева Э.** Закарпатские сказки. — Сов. этнография, 1956, № 3, стр. 164—165.

- Рец. на кн.: Закарпатские сказки Андрея Калина. Зап. текстов и вст. статья П. Линтура. Ужгород, Закарп. обл. изд., 1955 (на укр. яз.). См. № 303.
310. Сакали М. А. Туркменский сказочный эпос. Ашхабад, Изд. Акад. наук Туркм. ССР, 1956. 155 стр.
Рецензия:
Дружба народов, 1957, № 8, стр. 214—215.
311. Сенкевич-Гудкова В. В. Сказки иоканьгских саамов как исторический источник. — Ученые записки Карельского пед. инст., т. 3, вып. 1, Петрозаводск, 1956, стр. 103—116.
312. Сказка о сказках. — Дружба народов, 1956, № 7, стр. 184—185.
Рец. на кн.: Б. Можаев. Удэгейские сказки. Владивосток, Прим. кн. изд., 1955. См. № 301.
313. Сказки старой Тувы. — Дружба народов, 1956, № 4, стр. 184—185.
Рец. на кн.: Тувинские народные сказки, 2-е изд. Пер. и лит. обраб. И. А. Плоткиной и Л. В. Гребнева. Ред. О. А. Толгар-Оол. Кызыл, Тувин. кн. изд., 1955.
314. Четкарев К. А. О героинях марийских сказок. — Труды Марийского научно-исслед. инст. языка, литер. и истории, вып. IX. История, язык и литер. мари. Йошкар-Ола, 1956, стр. 87—118.
См. также №№ 14, 33, 37, 981, 1028, 1037, 1038.

в) О сказках народов мира

315. Артемов В. Сказки народов Бирмы. — Иностранная литература, 1956, № 4, стр. 257—258.
Рец. на кн.: Maung Htin Aung. Burmese Folktales. Geoffrey Cumberlege, Oxford, 1954.
316. Вальева С. П. Новые книги для детей. — Детский дом, сб. 3, М., 1956, стр. 68—69.
Рец. на кн.: Сантурам и Антурам. Инд. нар. сказки. М., Детгиз, 1955.
317. Гулиа Г. Маленькие сказки. — Лит. газета, 1956, № 75, 26 июня.
Рец. на кн.: Упорный Юн Су. Кит. сказки. М., Детгиз, 1955.
318. Нальский Я. Творчество дружественного народа. — Коммунист Таджикистана, Сталинабад, 1956, № 71, 24 марта.
Рец. на кн.: Афганские сказки. Сост. К. Лебедев. М., Гослитиздат, 1955. См. № 320.
319. Пономарев Г. Стихотворные сказки В. Ладыжца. — Сов. Закарпатье, Ужгород, 1956, № 85, 12 апреля.
Рец. на кн.: В. Ладыжца. Сказки. Ужгород, Закарп. обл. изд., 1955 (на укр. яз.). — Обраб. венг. сказочных мотивов.
320. Попрыкин С. Афганские народные сказки. — Новый мир, 1956, № 2, стр. 272—273.
Рец. на кн.: Афганские сказки. Сост. К. Лебедев. М., Гослитиздат, 1955. См. № 318.
321. Тишков А. Сычуаньские сказки. — Иностранная литература, 1956, № 11, стр. 257—258.
Рец. на кн.: Лукавый Чжао понес светильник. Кит. сказки. Чунцин, 1955 (на кит. яз.).
322. «Тысяча и одна ночь». — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 529.
323. Фея. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 653.
См. также №№ 1036, 1038.

7. Легенды, предания, рассказы, сказы, сказания

Тексты

а) Русские легенды, рассказы, сказы

324. Ларионов И. Легенды озера Чудского, преданья псковской старины. Псков, Изд. газ. «Псковская правда», 1956. 46 стр. (Псковский обл. краеведческий музей).
Рецензия:
Максимов В. Сборник псковских легенд. — На берегах Великой. альманах, № 8, Псков, 1957, стр. 255—256.
325. Лащилин Б. Петр Первый и кузнец. Быль. — Лит. Воронеж, альманах, 38, 1956, стр. 232—233.
326. Сказы Тихого Дона. Лит. обраб. Б. Лащилина. — Дон, 1956, № 2, стр. 201—205.

327. Устные рассказы забайкальцев о двух войнах. Зап., вст. статья и примеч. Л. Элиасова. Улан-Удэ, 1956. 299 стр.
Рецензии:
 1) Сидельников В. Народные военные рассказы. — Свет над Байкалом, Улан-Удэ, 1958, № 1, стр. 155—156.
 2) Хесин М. Нужная книга. — Бурят-Монг. правда, Улан-Удэ, 1957, № 175, 26 июля.
 См. также № 9.
- б) Легенды, предания и сказания народов СССР
328. Гулия Дм. Короткие рассказы. — Нева, 1956, № 1, стр. 97—101.
 Обраб. абхаз. фольклора.
329. Камни. Чукот. легенда. Зап. и лит. обраб. В. Леонтьева. — На Севере Дальнем, альманах, № 5, Магадан, 1956, стр. 114.
330. Коми-пермяцкие народные предания о Пёре-богатыре. Сборник. Сост. Д. И. Гусев. Под ред. В. М. Сидельникова. Кудымкар, Коми-пермяц. кн. изд., 1956. 100 стр.
Рецензии:
 1) Гельгардт Р. Предания о Пере-богатыре. — Звезда, Молотов, 1957, № 40, 16 февраля.
 2) Гельгардт Р. Р. — Сов. этнография, 1957, № 3, стр. 195—197.
331. Легенды Кавказа. Зап. и лит. обраб. П. Акритаса и Е. Стефаневой. — Кабарда, альманах, кн. 9, Нальчик, 1956, стр. 172—181.
332. Лянхобоев Г. А. Легенды и предания о прошлом оронгойских бурят. — Записки Бурят-Монг. научно-исслед. инст. культуры, XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 121—131.
333. Момыш-улы Б. Наша семья. [Автобиографический роман]. Калинин, Кн. изд., 1956. 175 стр.
 Стр. 18—24, 31—34: приведены казах. легенды; стр. 90—95: описание свадебного обряда.
Рецензия:
 Соловьев И. — Край родной. Сборник, 10. Калинин, 1958, стр. 185.
334. Скороходов М. Ваули ненянг. По мотивам ненец. сказаний. Отрывок из поэмы. — Правда Севера, Архангельск, 1956, № 224, 23 сентября.
335. Скороходов М. Легенда о Ваули. — Север, альманах, кн. 17, Архангельск, 1956, стр. 101—116.
 Стихотв. обраб. ненец. сказаний.
Рецензия:
 Михайлов А. По страницам альманаха «Север». — Правда Севера, Архангельск, 1957, № 82, 6 апреля.
336. Феоктистов С. Сахалинские легенды. — В кн.: Родной Сахалин. Лит.-худож. сборник, I, Южно-Сахалинск, 1956, стр. 164—175.
 См. также №№ 86, 170, 179, 216, 769.
- в) Легенды, рассказы, сказы и сказания народов мира
337. Две китайские легенды. Пер. Б. Рифтина. — Вокруг света, 1956, № 3, стр. 34—36.
338. Еременко В. Озеро возвращенного меча (по мотивам вьетн. легенды). — В кн.: Рассвет. Лит.-худож. сборник для детей. Хабаровск, Кн. изд., 1956, стр. 206—211.
339. Из китайского фольклора. — Смена, 1956, № 17, стр. 24.
 То же: Ленинградская здравница, Зеленогорск, 1956, № 133, 4 ноября.
 3 рассказа-басни.
340. Индийские легенды о джегах. — Вокруг света, 1956, № 10, стр. 47—48.
341. Ирасек А. Яношик. Старинные чеш. сказания. М., Детгиз, 1956. 32 стр. (Школьная библ.).
 Лит. обработка.
342. Лу Гун. Легенды о Лу Бане. — Дружба, Пекин, 1956, № 199, 23 августа; № 200, 24 августа; № 201, 25 августа.
343. Хо Дон и княжна Ак Нан. Из корейск. старинных сказов. Лит. ред. Ли Габ Ки. — Новая Корея, 1956, № 12, стр. 37—40.
344. Цзя Юй. Притча о вэйяо. — Дружба, Пекин, 1956. № 212, 7 сентября.
 Легенда.
345. Чжан Цзя-ин. Легенды. — Дружба, Пекин, 1956, № 214, 9 сентября.
 См. также № 229.

Исследования

346. Ванев З. Н. Народное предание о происхождении осетин. К проблеме общественного строя Овского царства. Сталинир, Госиздат Юго-Осетии, 1956. 28 стр.

347. Кошелев Я. Р. и Пелих Г. И. Из прошлого нарымских селькупов. (По материалам устного народного творчества). — Ученые записки Томского гос. пед. инст., т. XV, 1956, стр. 206—216.
Обзор мифологии; характеристика быта и социальной жизни по сказам и преданиям селькупов.
348. Львов С. Легенда о докторе Фаусте. — Юность, 1956, № 10, стр. 96—98.
Происхождение и бытование легенды.
349. Сказ. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 197.
350. «Фархад и Ширин». — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 546.
Восточ. нар. легенда.
См. также №№ 27, 31, 33, 37, 132, 742, 935, 961, 985.

8. Песни

Тексты

а) Русские песни

351. Двадцать песен Аграфены Оленичевой. Сост. и общ. ред. А. Копосова. Для рус. нар. хора. М., Музфонд СССР, 1956. 52 стр.
352. Две народные песни в обраб. для хора. М., Музгиз, 1956. 15 стр.
Поморск. и карел. песни.
353. Девять женихов. Песня-шутка. Создана хором рус. нар. песни Дворца культуры железнодорожников (г. Вологда). — Культ.-просвет. работа, 1956, № 5, стр. 36.
Текст и ноты.
354. Есть на Воле утес. — Сталинградская правда, 1956, № 28, 2 февраля.
Песня, сложенная защитниками Сталинграда на мотив известной рус. нар. песни.
355. Исторические песни, 3-е изд. Вст. статья, подг. текста и примеч. В. И. Чичерова. Ред. В. Я. Пропп. Л., «Сов. писатель», 1956. 408 стр. (Библ. поэта, малая серия).
356. Комара женить мы будем. Рус. нар. шуточная песня. Музык. обраб. П. Теплова. — В кн.: Сатира и юмор. Реперт. сб. М., «Искусство», 1956, стр. 297—299.
Текст и ноты.
357. Народные песни Алтая. Зап. В. С. Левашова и А. П. Новикова. Барнаул, 1956. 38 стр. (Алтайский ДНТ).
358. Песенки. Рус. нар. песенки для самых маленьких. Ярославль, Кн. изд., 1956. 15 стр.
359. Песни северян. Сб. песен самод. композиторов и участников худож. самодеятельности Архангельской области. Сост. А. П. Белозерова. Архангельск, Кн. изд., 1956. 64 стр. (Архангельский ДНТ).
Рецензия:
Михайлов А. — Правда Севера, Архангельск, 1956, № 181, 4 августа.
360. Песня доярки. Создана доярками Э. П. Кисловой и М. А. Бондаревой. — Курская правда, 1956, № 159, 8 июля.
Текст песни.
361. Председатель, дай ответ! Шуточная песня. Слова и музыка хора нар. песни Вологодского дворца культуры. — Гудок, 1956, № 109, 12 мая.
Текст и ноты.
362. Приезжайте в Вологду. Песни хора рус. нар. песни Дворца культуры железнодорожников [и очерк о создании хора]. Руководитель И. Л. Эльперин. Вст. статья А. Кибардиной. Вологда, Кн. изд., 1956. 136 стр.
Рецензия:
Пудожгорский В. — Лит. Вологда, альманах, кн. 2, 1956, стр. 263—264.
363. Русские народные лирические песни. Опыт систематического свода лирических песен с объяснением вариантов со стороны бытового и художественного их содержания Н. М. Лопатинз, с положением песен для голоса и фортепиано В. П. Прокунина и с приложением полной расстановки слов некоторых вариантов их по напеву. Под ред. и с вст. статьей В. Беляева. М., Музгиз, 1956. 158 стр.
364. Русские народные песни в обраб. А. Живцова. М., Музгиз, 1956. 7 стр.
365. Русские народные песни в обраб. для голоса с ф-п. М., Музгиз, 1956. 11 стр.
366. Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. Сост. Б. М. Добровольский и А. Д. Соимонов. Общ. ред. и вст. статья А. Н. Лозановой. Муз. ред. Ф. В. Соколов. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 207 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).

367. Русские народные песни Челябинской области. Зап. музыки А. Копосова. Зап. слов В. Маковского. Ред. и предисл. Е. Гиппиуса. М., Музгиз, 1956. 56 стр.
Исторические, лирические и свадебные песни.
368. Советская Армия и Военно-Морской Флот в народных песнях. Сост., предисл. и пояснения А. Тищенко. Музык. ред. В. Белый. М., Музгиз, 1956. 392 стр.
369. Харьков В. Русские народные песни Смоленской области. Под общ. ред. С. В. Аксюка и В. М. Беляева. М., Музфонд СССР, 1956. 97 стр. (Стеклогр. изд.).
Лирические и обрядовые песни.
370. Шла эскадра. Старин. матросская песня. Зап. Д. М. Абуткова. — Земля родная, альманах, кн. 13, Пенза, 1956, стр. 227—228.
См. также №№ 3, 9, 381.

б) Песни народов СССР

371. Азербайджанские народные песни, т. 1. Зап. С. Рустамова, Ф. Амирова и Т. Тулиева [с напевов нар. певца Джаббара Карягды оглы и др.]. Сост. Бюль-Бюль Мамедов. Пер. Ю. Фидлера и др. Баку, Азмузгиз, 1956. 153 стр. (текст парал. на азерб. и рус. яз.).
372. Александр В. Молдавские баллады. Пер. с молд., вст. статья Г. Богача. Кишинев, «Шкоала советикэ», 1956. 80 стр.
373. Гасанов Г. А. Кумыкские йыры и сараны. Под общ. ред. С. Аксюка. М., Музфонд СССР, 1956. 33 стр. (ССК. Старинные и современные песни народов СССР).
Стр. 23—32: примечания и пер. содержания текстов на рус. яз.
374. Грузинские народные песни. Зап., общ. ред., предисл. и примеч. Г. Чхиквадзе. Пер. С. Болотина и др. М., Музгиз, 1956. 96 стр.
Рецензии:
1) Беляев В. Два сборника грузинских народных песен. — Музык. жизнь, 1958, № 5, стр. 24.
2) Мшвелдзе А. — Сов. музыка, 1957, № 12, стр. 143—144.
375. Долгожданный праздник. Пер. с латыш. Л. Прозоровского. — Сов. Латвия, Рига, 1956, № 145, 23 июня.
Песни и частушки, собранные Республиканским ДНТ им. Э. Мелнгайлиса.
376. Из дагестанской народной лирики. Пер. Н. Гребнева. Махачкала, Даг. кн. изд., 1956. 300 стр.
Песни раздумья, героев, о любви, горя, проклятья, трудовые, бытовые, обрядовые, колыбельные, свадебные, шуточные, детские, игровые; частушки.
Рецензии:
1) Вечный источник. — Дружба народов, 1957, № 7, стр. 216—217.
2) Капиева Н. Читая дагестанскую народную лирику... — Дон, 1958, № 1, стр. 130—135.
3) Смирнова Л. Две книги стихов. — Дагестан, альманах, 1958. Сост. Н. Левченко. Махачкала, 1958, стр. 259—262.
377. Из дагестанской народной лирики. Старые песни. Пер. Н. Гребнева. — Новый мир, 1956, № 9, стр. 179—181.
378. Из кабардинской народной лирики. Пер. Н. Гребнева. Нальчик, Кабард. кн. изд., 1956. 108 стр.
379. Из каракалпакского фольклора. Пер. Е. Чернявского. — Звезда Востока, 1956, № 11, стр. 30—31.
3 песни.
380. Лейся, песня. Сб. песен. Ред.-сост. А. П. Зарубин и П. Г. Хохрин. Горький, Кн. изд., 1956. 767 стр.
Стр. 549—604: «Песни дружных народов». — Укр., белорус., груз., молд., латыш., литов., эст., карел., польск., вьетн. и чеш. песни.
381. Песни народов СССР. Сост. Б. Страннолюбский. М., Музгиз, 1956. 134 стр.
Рус., укр., белорус., узбек., казах., груз., азерб., литов., молд., латыш., кирг., тадж., арм., туркм., эст. и карел. песни.
382. Смердов А. Дума о родном крае. Стихи и поэмы. Новосибирск, Кн. изд., 1956. 166 стр.
Стр. 19—23: «Из народных песен Шорин».
383. Современные татарские народные песни. Зап. Дж. Файзи. Пер. А. Ерикеева. М., Музгиз, 1956. 12 стр. (текст парал. на татар. и рус. яз.).
384. Таджикские народные песни. Пер. В. Кириллова. — Лит. Таджикистан, альманах, кн. 9, Сталинабад, 1956, стр. 203—207.

385. Узбекские народные песни, ч. 1. Сост. В. А. Мейен. Пер. М. Ушакова. Ташкент, Госиздат Узбек. ССР, 1956. 68 стр. (текст парал. на узбек. и рус. яз.).
386. Эстонские народные песни с мелодиями, т. I. Сост. Х. Тампере. Таллин, Эстгосиздат, 1956. 243 стр. (Акад. наук Эстон. ССР, Лит. музей им. Ф. Р. Крейцвальда) (тексты на эст. и рус. яз.).

Рецензия:

Беляев В. Издание эстонских песен. — Сов. музыка, 1958, № 9, стр. 149—150.

См. также №№ 12, 89, 352, 555, 626, 768, 1098.

в) Песни народов мира

387. Американские песни. Сост. Г. Шнеерсон. М., Музгиз, 1956. 64 стр.
388. Аюа. Индийск. песня племени сну (США). Пер. Т. Сикорской. Обработ. Т. Люранс. — В кн.: Молодежная эстрада, 1956, № 3 (75), стр. 56—57.
Текст и ноты.
389. Баллады о Робин Гуде. Пер. Иг. Ивановского. — Сказки [негров и индусов]. — Пер. и обработ. Э. Выгодской и Н. Ходза. — Дружба. Лит.-худож. альманах, 4, Л., 1956, стр. 301—318.
390. Варшавский А. Заметки о Югославии. М., Госполитиздат, 1956. 80 стр.
Стр. 14, 50, 51: отрывки из нар. песен.
391. Вижу — милая идет. Немец. нар. песня. Рус. текст Ю. Хазанова. Обработ. для голоса с ф-п. М. Иорданского. — Молодежная эстрада, 1956, № 6 (78), стр. 52—54.
Текст и ноты.
392. Две хорватские народные песни. Обработ. Д. Прицкера. Пер. Е. Рывиной. Л., Музгиз, 1956. 9 стр.
Рецензия:
Г. Ш. Песни зарубежных народов. — Сов. музыка, 1957, № 7, стр. 152.
- 392а. Кристалл мой бесценный. Швед. нар. песня. Пер. А. Машистова, обработ. И. Ильина. — Молодежная эстрада, 1956, № 4 (76), стр. 90—92.
Текст и ноты.
393. Моя деревня. Индонез. нар. песня. Рус. текст А. Тверского. Муз. обработ. В. Локтева. — Пионерская правда, 1956, № 74, 14 сентября.
Текст и ноты.
394. Песни друзей, вып. 8. М., Музгиз, 1956. 32 стр. (Нотное приложение к журн. «Сов. музыка», 1956, № 5).
Стр. 18—19: Сокол. Нар. словац. песня. Обработ. М. Шнейдер-Трнавского. Пер. Т. Сикорской; стр. 20—23: Мое ранчо. Старинная америк. ковбойская песня. Пер. С. Болотина.
395. Песни народов мира. (Навстречу Всесоюзному фестивалю советской молодежи). Орел, Изд. газ. «Орловская правда», 1956. 168 стр.
Стр. 103—164: «Песни зарубежных композиторов». — Алб., англ., венг., вьетн., немец., голл., греч., инд., ирл., итал., кит., корейск., негр., польск., словац., амер., фин., чеш. и шотл. нар. песни.
396. Песни нового Китая. Сост. У Цзю-чан. М., Музгиз, 1956. 40 стр.
Стр. 22—39: нар. песни. Пер. К. Алемасовой.
Рецензия:
Г. Ш. Песни зарубежных народов. — Сов. музыка, 1957, № 7, стр. 151.
397. Песни новой Албании. Сост. Т. Даия. Пер. В. Дмитриева. М., Музгиз, 1956. 38 стр.
Стр. 15—37: нар. песни.
Рецензия:
Г. Ш. Песни зарубежных народов. — Сов. музыка, 1957, № 7, стр. 152.
398. Песни стран народной демократии, 2-е изд. Сост. Ю. Криушенко. М., «Искусство», 1956. 234 стр.
Кит., алб., венг., корейск., словац., чеш., польск., болг. и морав. песни.
399. Плывет, плывет кораблик. Англ. детские песенки. Пересказал С. Маршак. М., Детгиз, 1956. 40 стр.
400. Польские народные песни. [Обработ. сов. композиторов]. М., Музгиз, 1956. 39 стр.
401. Пэр и скрипка. Норвеж. нар. песня. Рус. текст А. Тверского. Муз. обработ. В. Локтева. — Пионерская правда, 1956, № 88, 2 ноября.
Текст и ноты.
402. 50 шведских народных песен. Обработ. Г. Хэгга. М., Музгиз, 1956. 112 стр.
403. Словенские народные песни. Обработ. И. Павич. М., Музгиз, 1956. 22 стр.

Рецензия:

- Г. Ш. Песни зарубежных народов. — Сов. музыка, 1957, № 7, стр. 152.
 404. Стихи поэтов Египта. Пер. с араб. Сост. и общ. ред. А. И. Палладина, Вст. статья В. Луговского. М., Гослитиздат, 1956. 399 стр.
 Стр. 331—391: «Народные стихи и песни».

Рецензии:

- 1) Андреев И. — Пензенская правда, 1956, № 255, 28 декабря.
  - 2) Датлин С. — Известия, 1956, № 227, 22 сентября.
  - 3) Долматовский Евг. — Иностранная литература, 1957, № 1, стр. 194—196.
  - 4) Петонов В. Героическая поэзия. — Вост.-Сибир. правда, Иркутск, 1957, № 10, 12 января.
  - 5) Рождественский Вс. Египет говорит о себе. — Нева, 1956, № 12, стр. 179.
  - 6) Стихи о любви и ненависти. — Днестр, 1957, № 5, стр. 151—152.
  - 7) Шемшелевич Л. Поэзия борющегося Египта. — Дон, 1957, № 1, стр. 158—160.
405. Тибетские народные песни. Зап. Су Лань. Пер. с кит. Л. Черкаского. — Огонек, 1956, № 8, стр. 31.
 406. Французские детские песенки. Пер. Н. Гернет и С. Гиппиуса. — Пионер, 1956, № 8, стр. 44.
 407. Хоровод. Чеш. нар. песенки. Пересказал С. Маршак. М., Детгиз, 1956. 32 стр.
 408. Чуковский К. Котауси и мауси. Англ. нар. песенки. [Калинин], Детгиз, 1956. 10 стр.
 409. Шел я к милой. Чеш. шуточная песня. Муз. обраб. В. Кучера. Рус. текст коллектива Чехословацкого военного ансамбля им. Виты Неядлы. — В кн.: Сатира и юмор. Реперт. сб. М., «Искусство», 1956, стр. 300—302.
 Текст и ноты.
 410. Шесть польских народных песен. Обраб. В. Иванникова. М., Музгиз, 1956. 22 стр.
 411. Шостакович Д. Испанские песни. Рус. текст С. Болотина и Т. Сикорской. М., Музгиз, 1956. 23 стр. (Нотное приложение к журн. «Сов. музыка», 1956, № 9).
 412. Югославские народные песни. Пер. с сербохорват., словен. и макед. П. Эрастова. Предисл. С. Кутасовой. М., Гослитиздат, 1956. 187 стр.

Рецензия:

Иванов А. Югославские песни. — Курортная газета, Ялта, 1956, № 195, 3 октября.

413. Японская поэзия. Сборник. Сост. и пер. А. Е. Глускиной и В. Н. Марковой. М., Гослитиздат, 1956. 612 стр.
 Стр. 481—579: нар. поэзия (старин., совр. и дет. песенки).
 См. также №№ 23, 380, 555, 734.

Исследования

а) О русских песнях

414. Абрамский Ал. Песни Подмосковья. — Сов. музыка, 1956, № 10, стр. 90.
 415. Автор установлен! — Звезда, 1956, № 10, стр. 190—191.
 Рец. на кн.: В. Ю. Крупянская и С. И. Минц. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., Изд. Акад. наук СССР, 1953. См. №№ 433, 434.
 416. Аксюк С. Творчество и фольклор. — Сов. музыка, 1956, № 5, стр. 27—33.
 Совр. музык. творчество.
 417. Баранская Н. В. Песни народного протеста в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 2, стр. 133—146.
 418. Богданова М. Из истории декабристского фольклора. — Енисей, альманах, кн. 17, Красноярск, 1956, стр. 233—234.
 Минусинский вариант популярной песни ссыльных декабристов «Что не ветер шумит во сыром бору».
 419. Василенко В. А. Традиции русской народной песенной лирики Сибири и современная хоревая самодеятельность. (По материалам Омской области). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 15 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
 420. Вопросы музыковедения. Ежегодник, т. II, 1955. М., Музгиз, 1956. 700 стр.
 Стр. 79—111: А. Н. Сохор. Советская песенная лирика в годы Великой Отечественной войны; стр. 135—146: Я. Я. Витолинь. О проблеме един-

- ства текста и напева в латышской народной песне; стр. 387—405; Б. В. Доброхотов. Народные песни в записях и обработках Алябьева; стр. 407—432; И. И. Мартынов. Современная болгарская песня.
421. Емельянов Л. И. Отражение исторической действительности в фольклоре. (Русские исторические песни XIV—XVI веков). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Л., 1956. 17 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
422. Из истории русско-украинских музыкальных связей. Сб. статей. Ред.-сост. Т. И. Карышева. М., Музгиз, 1956. 560 стр.
Стр. 38—47: Э. Василенко. Песни нерушимой дружбы; стр. 48—55: Ф. Лавров. Украинский кобзарь Остап Вересай; стр. 56—86: Е. Канн-Новикова. Глинка и Украина; стр. 182—202: Г. Тюменева. Чайковский и украинская народная песня; стр. 392—415: Г. Киселев. Л. Ревудкий; стр. 416—450: Ш. Шварцман. Украинская советская массовая песня.
423. История русской советской музыки, т. I. 1917—1934. Отв. ред. Д. Б. Кабалевский. М., Музгиз, 1956. 331 стр. (Акад. наук СССР, Инст. истории искусств).
Стр. 78—154: В. Васина-Гроссман, Т. Попова, В. Протопопов, С. Скребков, А. Хохловкина. Песенно-хоровое творчество [масс. песня; частушки и нар. песни; обраб. нар. песен; сов. песня для детей].
424. Корчагин И. Песни на деревенских улицах. — Коммуна, Воронеж, 1956, № 125, 30 мая.
Песни и частушки Верхне-Мамонского р-на Воронежской обл.
425. Кривохатский И. Солдатские песни периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — Лит. Одесса, альманах, № 13, 1956, стр. 140—146.
426. Макиенко П. У донских казаков. — Сов. музыка, 1956, № 9, стр. 76—83.
Совр. песенный репертуар.
427. Массалитинов К. О русской народной песне. — Правда, 1956, № 344, 9 декабря.
Сбор и пропаганда песенного фольклора; работа хоров нар. песни.
428. Массалитинов К. Песня — что крылья для человека. — Сов. культура, 1956, № 1, 1 января.
Любовь к песне в Воронежской обл.
429. Маурэ М. Рождение ансамбля. — Сов. культура, 1956, № 94, 11 августа.
Создание новых песен в самостоятельном ансамбле песни и пляски Ангаргэстроя.
430. Мосолов А. В степях Ставрополя. — Сов. музыка, 1956, № 3, стр. 98—102.
Совр. песни.
431. Никулин М. Песни донских казаков. — Новый мир, 1956, № 1, стр. 270—272.
Рец. на кн.: А. Листопадов. Песни донских казаков, т. I—V. М., Музгиз, 1949—1954.
432. Очерки по истории русской музыки. 1790—1825. Под ред. М. С. Друскина и Ю. В. Келдыша. Л., Музгиз, 1956. 458 стр. (Гос. научно-исслед. инст. театра и музыки).
Стр. 48—97: Р. И. Зарицкая. Записи народной песни и ее изучение; стр. 98—142: О. Е. Левашова. Романс и песня.
433. Путилов Б. Песни Великой Отечественной войны. — Нева, 1956, № 5, стр. 179—180.
Рец. на кн.: В. Ю. Крупянская и С. И. Минц. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., Изд. Акад. наук СССР, 1953. См. №№ 415, 434.
434. Пушкарев Л. Н. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. — Сов. этнография, 1956, № 2, стр. 150—154.
Рец. на кн.: В. Ю. Крупянская и С. И. Минц. Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М., Изд. Акад. наук СССР, 1953. См. №№ 415, 433.
435. Русаков Вас. Народ поет целину... — Сов. культура, 1956, № 131, 6 ноября.
436. Сарыбаев Б. Об одном рукописном сборнике песен. — Сов. Казахстан, 1956, № 4, стр. 123—124.
Сб. рус., татар. и башкир. песен 1916—1917 г., хранящийся у пенсионера Ш. Х. Гарыбаева.
437. Стендер-Петерсен А. И. Проблема русской исторической песни. — Scando-Slavica, т. II, Copenhagen, 1956, стр. 162—166.
Рец. на кн.: Carl Stief. Studies in the Russian Historical song. Копенгаген, 1953 (на датск. яз.).
438. Хохлов Ю. Второй выпуск ежегодника «Вопросы музыковедения». — Сов. музыка, 1956, № 5, стр. 174—179.
Рец. на кн.: Вопросы музыковедения. Ежегодник [т. I], вып. 2. 1953—1954. М., Музгиз, 1955.

439. **Шилов А.** Забытые авторы народных песен. — Сов. музыка, 1956, № 6, стр. 88—93.
 Авторы песен «Гибель „Варяга“», «По долинам и по взгорьям», «Как пойду я на быструю речку», «Елочка».
 См. также №№ 1, 2, 5—8, 10, 27, 80, 519—554, 736, 738, 741—751, 846, 855, 857, 877, 880, 953, 956, 968—970, 976, 1009, 1010, 1020, 1022, 1032, 1040—1067, 1081, 1083, 1093, 1096, 1106.
- 6) О песнях народов СССР
440. **Абдулла С.** Гранат и песня. Из блокнота писателя. Пер. с узбек. Я. Ильясова. — Звезда Востока, 1956, № 10, стр. 117—121.
 Недостаточное развитие песенной культуры в колхозах Узбекистана.
441. **Айни С.** Предисловие [к кн. классической таджик. музыки «Шашмаком»]. Пер. с тадж. Примеч. К. Айни. — Коммунист Таджикистана, Сталинабад, 1956, № 300, 24 декабря.
442. **Аннаурова С.** Туркменские девичьи песни-ляле. — Труды Инст. языка и литер. Акад. наук Туркм. ССР, вып. 1, 1956, стр. 109—121.
443. **Виноградов В.** Предисловие и примечания к кн.: 100 киргизских песен и наигрышей. Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., Музфонд СССР, 1956. стр. 3—5, 80—92 (Стеклогр. изд.; тексты на киргиз. яз.).
444. **Витольд Я. Я.** Вопросы изучения латышской народной музыки. (По материалам песен Лиепайской этнографической области). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Л., 1956. 17 стр. (Ленинградская гос. консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова).
 Песни и рабочий фольклор.
445. **Вызго Т. С.** Музыка [Узбекской Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 37—39.
 Обзор песен.
446. **Григорян Г.** В Якутии. — Сов. музыка, 1956, № 10, стр. 71—78.
 Совр. песенный фольклор.
447. **Грималюк Т.** Два музыкальных сборника. — Сов. Хакасия, Абакан, 1956, № 30, 11 февраля.
 Рец. на кн.: 1) Народное музыкальное творчество хакасов. Зап. А. А. Кенель. Абакан, Хакас. кн. изд., 1955 (Хакасский научно-исслед. инст. языка, литер. и истории); 2) Хакасия поет. Сост. А. А. Кенель. Абакан, 1955 (на хакас. яз.).
448. **Гудрмис Ю. К.** Литовская ССР. М., Музгиз, 1956. 72 стр. (Музык. культура союзных республик).
 Стр. 4—19: обзор нар. песен.
449. **Гулисашвили Б. А.** Чистый строй и народное музыкальное творчество. — Сообщения Акад. наук Груз. ССР, 1956, т. XVII, № 4, стр. 377—332.
450. **Данскер О. Л.** Народная песня таджиков Дарваза. (По материалам Гармской этнографической экспедиции 1954 г.). — Известия Акад. наук Тадж. ССР, Отделение обществ. наук, 1956, вып. 10—11, стр. 137—151.
451. **Жуковский Г.** Песня. — Сов. культура, 1956, № 144, 5 декабря.
 Песни, сложенные в колхозном хоре Хустовского р-на Закарпатье.
452. **Заручинская Н.** Будни и праздники. — Сов. Украина, 1956, № 4, стр. 185—188.
 Создание песен и частушек в самодеятельных коллективах Украины.
453. **Исмаилов Е. и Смолянинова Л.** Песенные сокровища казахского народа. — Сов. Казахстан, 1956, № 1, стр. 115—119.
 Рец. на кн.: Народные песни Казахстана. Алма-Ата, Казгослитиздат, 1955 (на казах. яз.).
454. **Карагичева Л. В.** Азербайджанская ССР. М., Музгиз, 1956. 102 стр. (Музык. культура союзных республик).
 Стр. 4—18, 52: обзор нар. песен; стр. 25—40: характеристика творчества ашугов; стр. 86—88: сбор фольклора и развитие самодеятельности в современном Азербайджане.
455. **Козицкий Ф. Е.** Музыка [Украинской Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 155—157.
 Краткий обзор нар. песен.
456. **Кравчук П.** Художественная самодеятельность канадских украинцев. — Сов. музыка, 1956, № 8 стр. 148—150.
 Совр. песенный репертуар.
457. **Литвак Г.** Нужны ли переводы народных песен. — Сов. Украина, 1956, № 4, стр. 188—190.

458. Микушев А. К. Песенное творчество народа коми. Сыктывкар, Коми кн. изд., 1956. 124 стр.
Рецензия:
Песни народа коми. — Дружба народов, 1956, № 6, стр. 185—186.
459. Музыка [Таджикской Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 41, 2-е изд. М., 1956, стр. 495—496.
Обзор нар. песен.
460. Музыка [Татарской Автономной Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 41, 2-е изд. М., 1956, стр. 654—655.
Обзор нар. песен.
461. Музыка [Туркменской Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 472—473.
Краткий обзор нар. песен.
462. Музыка [Удмуртской Автономной Советской Социалистической республики]. — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 661.
Краткий обзор нар. песен.
463. Музыкаведение и музыкальная критика в республиках Закавказья. Материалы пятого выездного пленума комиссии музыкальной критики Союза композиторов СССР. Работы музыковедов Азербайджана, Армении, Грузии. М., Музгиз, 1956. 516 стр.
Стр. 7—22: А. Бадалбейли. Проблема народности в творчестве композиторов Азербайджана; стр. 117—145: Р. Атаян. Вопросы изучения народности музыки в армянском советском музыкознании; стр. 146—172: Г. Чхиквадзе. Грузинская народная песня и собирательская работа в Грузии; стр. 392—401: Э. Абасова и Н. Мамедов. Об использовании мугамов в творчестве азербайджанских композиторов.
464. Нудьга Г. А. Песни украинских поэтов первой половины XIX в. и народные переделки их. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Киев, 1956. 20 стр. (Акад. наук УССР, Инст. литер. им. Т. Г. Шевченко).
465. Пертту Пекка. Песня живет. Пер. с фин. Э. Карху и М. Тарасова. — В кн.: Будни Севера. Сб. очерков писателей Карелии. Петрозаводск, Госиздат Карел. АССР, 1956, стр. 105—108.
466. Песни мордовского народа. — Дружба народов, 1956, № 7, стр. 183—184.
Рец. на кн.: Мордовские народные песни. Сост. Л. Кавтаськин. Саранск, Моод. кн. изд., 1955.
467. Поздняев К. Марийские народные песни. — Лит. газета, 1956, № 8, 19 января.
Рец. на кн.: Марийские народные песни. Пер. С. Поделкова. М., Гослитиздат, 1955. См. № 479.
468. Ржевский Б. Песни народа. — Гродненская правда, 1956, № 104, 27 мая.
Рец. на кн.: Белорусские песни. Сост. Г. Р. Ширма. Минск, Изд. Акад. наук БССР, 1955 (на белорус. яз.).
469. Рифтин Б. А. Новые материалы по традиционной дунганской народной песне. — Сов. востоковедение, 1956, № 5, стр. 118—129.
470. Сакович Г. Мордовская песенно-музыкальная культура. — Сов. Мордовия, Саранск, 1956, № 114, 10 июня.
471. Семенов М. Новые песни гуцульщины. — Сов. музыка, 1956, № 2, стр. 73—79.
Песни и частушки.
472. Сляянова-Мизандари Д. Грузинская народная одноголосная песня. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. М., 1956. 16 стр. (Тбилисская гос. консерватория им. В. Сараджишвили).
473. Сутартине. — БСЭ, т. 41, 2-е изд. М., 1956, стр. 322—323.
Нар. литов. песни.
474. Торчинский А. Свет в тундре. — Сов. культура, 1956, № 3, 7 января.
Создание новых песен в хоре Дома культуры Усть-Енисейского р-на Таймырского нац. округа.
475. Туйск О. и Лоо А. Брошюра об эстонской музыке. — Сов. музыка, 1956, № 10, стр. 149—152.
Рец. на кн.: А. Вахтер. Эстонская ССР. М., Музгиз, 1955.
476. Урмули. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 321.
Вид старинной груз. песни.
477. Хохлов Ю. Сборник статей о казахской музыке. — Сов. музыка, 1956, № 9, стр. 153.
Рец. на кн.: Музыкальная культура Казахстана. Сост. П. Аравин и Б. Ерозович. Алма-Ата, Казгосиздат, 1955.
478. Шумская Н. Край чудесных песен. — Сов. культура, 1956, № 150, 20 декабря.
Песенное творчество эст. народа; исполнение эст. песен.

479. Эман С. Марийские народные песни в переводах С. Поделкова. — Труды Марийского научно-исслед. инст. языка, литер. и истории, вып. IX. История, язык и литер. мари. Йошкар-Ола, 1956, стр. 135—141.

Рец. на кн.: Марийские народные песни. Пер. С. Поделкова. М., Гослитиздат, 1955. См. № 467.

480. Эрнесакс Г. Поэт народ. — Сов. культура, 1956, № 147, 13 декабря.

Песенная культура и хоровые ансамбли Эстонии.

См. также №№ 11, 13, 14, 16—19, 21, 22, 37, 128, 420, 422, 436, 555—582, 753, 754, 889, 891, 896, 898, 899, 909, 911, 912, 914, 916, 919, 920, 923, 924, 950, 957, 1006, 1007, 1011, 1016, 1018, 1019, 1068—1077, 1093.

в) О песнях народов мира

481. Аристова Т. Культура Ирана. — Сов. этнография, 1956, № 1, стр. 161—162.

Рец. на кн.: Культура Ирана, т. I. Тегеран, 1953 (на персид. яз.). — Публикация песен и пословиц гилянцев.

482. Аристэ П. Об одной древней водской народной песне. — Ученые записки Тартуского гос. унив., вып. 43. Труды историко-филол. фак-та. Таллин, 1956, стр. 99 (резюме на рус. яз.).

483. Белов Е. Путешествие с книгой. — Новый мир, 1956, № 2, стр. 269—270.

Рец. на кн.: В. Латов. Искусство в свободной Корее. Записки сов. журналиста. М., «Искусство», 1955. — Песни Кореи. См. № 496.

484. Ван Вэй. Тибетское песенное и танцевальное искусство. — Дружба, Пекин, 1956, № 147, 23 июня.

485. Грубер Р. И. Всеобщая история музыки, ч. 1. М., Музгиз, 1956. 416 стр. (Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).

Нар. музыка Египта, Шумеро-Вавилонии, Китая, Индии, Греции и Рима, Византии, Болгарии, Италии, Нидерландов, Франции, Чехии, Польши, Англии, Германии.

Рецензия:

Гейлиг М. Учебник всеобщей истории музыки. — Сов. музыка, 1957, № 10, стр. 146—148.

486. Гьечи В. Албанские народные песни. — Иностранная литература, 1956, № 7, стр. 250—251.

Рец. на кн.: Kenge popullore legjendare. Instituti i Shkencave. Tiranë, 1955.

487. Ди Чжи. Сокровищница песен и плясок Синьцзяна. — Дружба, Пекин, 1956, № 149, 26 июня.

Обзор песен синьцзянцев.

488. Дмитерко Л. Фольклор сербского народа. — Славяне, 1956, № 6, стр. 59—60.

Рец. на кн.: Сербская народная поэзия. Сб. составили Л. Первомайский, М. Рыльский. Киев, Гослитиздат УССР, 1955 (на укр. яз.). — Публикация песен и баллад.

489. История Польши в трех томах, т. I, 2-е изд. М., Изд. Акад. наук СССР, 1956, 706 стр.

Стр. 90: нар. творчество XIII в.; стр. 92: обзор нар. песен; стр. 141: песни XV в.; стр. 268—270: нар. песни в произведениях профессионального искусства.

490. Каломирис Манолис. Греческая музыка в прошлом и настоящем. — Сов. музыка, 1956, № 12, стр. 124—128.

Обзор нар. песен.

491. Конкурс неаполитанской песни. — Иностранная литература, 1956, № 11, стр. 273.

492. Лаугасте Э. К истории одной песни о Ливонии в нижненемецком языке. — Ученые записки Тартуского гос. унив., вып. 43. Труды историко-филол. фак-та. Таллин, 1956, стр. 150—151 (резюме на рус. яз.).

493. Лекции о славянских песнях. — Славяне, 1956, № 1, стр. 59.

Цикл лекций в Ленинградском отделении Всес. общества по распространению политич. и научн. знаний.

494. Лирические и шуточные песни стран народной демократии, вып. 2. Сост. Ю. Криушенко. М., «Искусство», 1956. 223 стр.

Алб., словац., чеш., польск., румын., болг., венг. и морав. песни.

495. Мартынов И. Музыка болгарского народа. — Славяне, 1956, № 3, стр. 55—57.

Рец. на кн.: В. Крыстев. Очерки развития болгарской музыки, т. I. София, Госиздат «Наука и искусство» (на болг. яз.). — Обзор нар. песен.

496. Михайлов М. Искусство в свободной Корее. — Сов. музыка, 1956, № 2, стр. 143—144.

- Рец. на кн.: В. Л а т о в. Искусство в свободной Корее. Записки сов. журналиста. М., «Искусство», 1955. — Песни Кореи. См. № 483.
497. Михайлов Н. Н. Музыкальная культура Румынской Народной Республики. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Киев, 1956. 16 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 6, 7: обзор румын. нар. музыки и ее изучения; стр. 10, 11: совр. румын. нар. песня, ее собрание и обработка.
498. Музыка [Турции]. — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 512—513.
Краткий обзор нар. песен.
499. Музыка [Уругвая]. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 341—342.
Краткий обзор нар. песен.
500. Музыка [Финляндии]. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 195—196.
Краткий обзор нар. песен.
501. Новиков А. Музыка нового мира. — Сов. музыка, 1956, № 2, стр. 141—143.
Рец. на кн.: И. М а р т ы н о в. Музыка нового мира. Очерки музыкальной культуры европейских стран народной демократии. М., Музгиз, 1955. — Песни; художественная самодельность; сбор и изучение музыкального фольклора; народнопесенные истоки творчества зарубежных композиторов.
502. Осипов В. Колыбельная песня. — Дружба, Пекин, 1956, № 137, 12 июня.
Вьетн. песни.
503. Островский В. «Малайские пантуну». — Иностранная литература, 1956, № 7, стр. 257—258.
Рец. на кн.: Pantun Melaju. Balai Pustaka. Djakarta, 1952. — Нар. малайск. четверостишия.
504. «Песни на холмах». — Иностранная литература, 1956, № 10, стр. 269—270.
Рец. на сб. песен племен Индии, выпущенный поэтом Шри Лакшминарайан Саху.
505. Пинус Е. Японская поэзия. — Звезда, 1956, № 4, стр. 183—184.
Рец. на кн.: Японская поэзия. Сост. и пер. А. Е. Глушкиной и В. Н. Марковой. М., Гослитиздат, 1954. — Нар. песни.
506. Семенов Ю. Песни горной страны. — Огонек, 1956, № 22, стр. 29.
Песни Афганистана.
507. Словакия. — БСЭ, т. 39, 2-е и д. М., 1956, стр. 332—342.
Стр. 342: обзор нар. песен.
508. Словения. — БСЭ, т. 39, 2-е и д. М., 1956, стр. 348—354.
Стр. 353: обзор нар. песен.
509. Соколовский Р. Поэзия дружественного народа-соседа. — Ленинский путь, Самарканд, 1956, № 42, 25 февраля.
Рец. на кн.: Из афганских песен и стихов. Сост. П. Б. Зудин. М., Гослитиздат, 1955.
510. Солодухо Я. Песни народов мира. — Сов. музыка, 1956, № 9, стр. 153—155.
Рец. на кн.: Песни народов мира, вып. 1. Сост. Г. М. Шнейерсон. М., Музгиз, 1955.
511. Федоренко Н. Т. «Книга песен». — Иностранная литература, 1956, № 11, стр. 212—220.
Древний сб. кит. песен «Шицзин».
512. Фроттола. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 612.
Старинная итал. песня.
513. Хазарика Б. К. Наодные песни Индии. — Огонек, 1956, № 25, стр. 21.
514. Холоденко Илья. Поющая Франция. — В защиту мира, 1956, № 65, стр. 90—93.
Изучение песенного фольклора; нар. хоровые ансамбли Франции.
515. Хохлокина А. А. Музыка [Франции]. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 539—545.
Обзор нар. песен.
516. Черкасский Л. Тибетские народные песни. — Иностранная литература, 1956, № 5, стр. 252.
517. Шептунов И. М. Отражение хайдуцкого движения в болгарской литературе 50—70 гг. XIX века (Г. С. Раковский, Х. Ботев, Л. Каравелов). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 18 стр. (Акад. наук СССР, Инст. славяноведения).
Стр. 8: «Образ хайдука в народной песне»; стр. 9—14, 17: фольклорные мотивы в произведениях Раковского, Ботева и Каравелова о хайдуцком движении.
518. Шнейерсон Г. М. Музыка [Соединенных Штатов Америки]. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 645—647.

Обзор песен.

См. также №№ 67, 74, 75, 80, 420, 456, 583—606, 755—765, 825, 841, 842, 929, 930, 933, 935, 937—940, 946, 1008, 1017, 1021, 1024, 1078, 1079.

Исполнение песен; фольклор в художественной самодеятельности

а) Исполнение русских народных и советских массовых песен

519. **Аджубей А. И.** «Серебряная кошка» или путешествие по Америке. М., «Молодая гвардия», 1956. 128 стр.
Стр. 93—95: «Бородатые американцы». — Исполнение сов. песен молодежками в г. Лос-Анжелосе.
То же: Комсомол. правда, 1956, № 51, 29 февраля.
520. **Акимов А.** Чумакинский колхозный хор [Инзен. р-н]. Ульяновск, 1956. 52 стр. (Ульяновское обл. упр. культуры—ОДНТ).
521. **Акуленко Г.** Поют кубанцы. — Клуб, 1956, № 7, стр. 16.
Хор Албашской МТС.
522. **Александров М. и Грязнов Ал.** Плавские певцы. — Молодой колхозник, 1956, № 5, стр. 9—10.
Хор Дома культуры г. Плавска.
523. **Алферов В.** Волжский народный хор. — Сов. Россия, 1956, № 90, 13 октября.
524. **Андреев П.** Наш край народными певцами славится... — Сов. культура, 1956, № 83, 17 июля.
Областной праздник песни в Воронеже.
525. **Бороздкина М.** Массовое и самобытное искусство. — Сталинская молодежь, Вологда, 1956, № 3, 5 января.
Областной смотр худож. самодеятельности.
526. **Воронцов Ю.** Песни воронежские. — Сов. культура, 1956, № 58, 19 мая.
Репертуар Гос. Воронежского рус. нар. хора.
527. **Гольцев В.** Певцы Советской Балтики. — Известия, 1956, № 294, 13 декабря.
Исполнение нар. и массовых песен ансамблем песни и пляски Балтийского флота.
528. **Грибачев Н. М.** Семеро в Америке. Записки корреспондента «Литературной газеты» о поездке в США группы советских журналистов в октябре—ноябре 1955 г. М., «Сов. писатель», 1956. 179 стр.
Стр. 133, 134: популярность рус. песен у молокан г. Лос-Анжелоса.
529. **Е. Г. Друг** советской песни. — Сов. музыка, 1956, № 7, стр. 107—103.
Исполнительница нар. песен Ирма Яунзем.
530. **Заболотский Вл.** Так рождаются песни. — Кировская правда, 1956, № 156, 7 августа.
Новые песни и частушки в репертуаре агитбригад районных домов культуры.
531. **Иноземцева Г.** Певцы из села Чумаково. — Сов. культура, 1956, № 87, 26 июля.
Совр. песенный репертуар Ульяновской обл.
532. **Итигин А.** Поют ижорцы... — Сов. Россия, 1956, № 104, 30 октября.
Хор Колпинского Дома культуры Ленинградской обл.
533. **Калугина Н.** Праздник художественной самодеятельности. — Сов. музыка, 1956, № 5, стр. 106—108.
Самодеятельные хоры и их репертуар.
534. **Колхозный хор.** — Край родной. Лит.-худож. сборник, № 4. Брянск, 1956, стр. 230—233.
Хор колхоза «Память Ленина» Брянской обл.
535. **Конюкова Л.** Медицинская сестра Прохорова. — Клуб, 1956, № 1, стр. 9—10.
Руководительница самодеятельного хора при Владимирской гор. больнице Е. В. Прохорова.
536. **Лейся, песня, на просторе.** (Из опыта работы [культпросветучреждений по подготовке праздника песни]). Воронеж, 1956. 8 стр. (Обл. упр. культуры).
537. **Лемешев С. Я.** Пленийте гостей русской песней! — Московский комсомолец, 1956, № 169, 26 августа.
Подготовка к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве.
538. **Лесников А.** Юбилей хора северной песни. — Сов. музыка, 1956, № 5, стр. 148—149.

539. Михайлов А. Государственный русский народный хор северной песни. Архангельск, Кн. изд., 1956. 62 стр.
540. Насущные вопросы хорового пения. — Сов. культура, 1956, № 90, 2 августа.
541. Николаева Е. Песенные россыпи. — Огонек, 1956, № 29, стр. 27.
Репертуар Сибирского нар. хора.
542. Овчинникова А. Прививать любовь к русской песне. — Кировская правда, 1956, № 16, 22 января.
Хор с. Ашлань.
543. Полевой Б. Н. Американские дневники. М., «Сов. писатель», 1956. 386 стр.
Стр. 293, 294. знакомство молокан г. Лос-Анжелоса с сов. песнями.
То же: Октябрь, 1956, № 4, стр. 108, 109.
544. Пропагандист народной музыки. — Сов. культура, 1956, № 30, 10 марта.
К 30-летию Гос. рус. нар. хора северной песни.
545. Родыгин Е. О народных хорах. — Сов. музыка, 1956, № 9, стр. 53—56.
546. Рыбакова С. и Флярковский А. Певучий край. (На празднике песни в Воронеже). — Сов. музыка, 1956, № 10, стр. 79—86.
547. Смотр самодеятельности в СССР. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 431.
548. Талантливый коллектив. — Сов. Литва, Вильнюс, 1956, № 112, 16 мая.
Всегда с худож. руководителем Гос. рус. нар. хора им. Пятницкого П. М. Казьминим.
549. Тогатов С. Песня рождается в труде. (К 20-летию Петровского нар. хора). — На рубеже, Петрозаводск, 1956, № 2, стр. 183—187.
Исполнение рус. и карел. песен.
550. Хацкевич И. Ансамбль песни и пляски — участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. — Лит. Смоленск, альманах, кн. 15, 1956, стр. 355—356.
Ансамбль Смоленской филармонии.
551. Хренников Т., Шапорин Ю., Шебалин В., Новиков А., Свешников А., Брук Г., Локшин Д. Наше общее дело. О хоровой культуре русского народа. — Сов. культура, 1956, № 152, 28 декабря.
552. Чайников Н. Хорошее начало. В Пензе создан русский народный хор. — Промысловая кооперация, 1956, № 7, стр. 36—37.
553. Шабдаров А. Русский народный хор рабочего поселка «Красный стекловар». — В кн.: В помощь культпросветработнику. Йошкар-Ола, 1956, № 1 (9), стр. 13—16.
554. Шилов А. Краснознаменный ансамбль в Лондоне. — Сов. музыка, 1956, № 11, стр. 131—137.
Исполнение массовых песен.
См. также №№ 419, 427—429, 599, 606, 739, 861, 874, 883, 1040, 1041, 1047, 1057, 1058, 1089, 1094, 1108.

б) Исполнение песен народов СССР

555. Авдеева Л. Тамара Ханум. Ташкент, Госиздат Узбек, ССР, 1956. 32 + 44 стр.
Исполнение нар. песен; стр. 1—44 (приложение): пересказ содержания узбек., кит., груз., корейск., исп., афган., чеш., бухар., молд., казах., вст., инд., польск., арм., хорезм., алб., евр., тадж., пакистан. и монг. песен.
556. Андреева Е. Красота народного творчества. — Сов. культура, 1956, № 65, 5 июня.
Ансамбль арм. нар. песни и пляски.
557. Барсегян А. «Кантеле». — Коммунист, Ереван, 1956, № 282, 2 декабря.
Нар. песни в исполнении Гос. ансамбля песни и танца Карел. АССР.
558. Божич Л. Хор колхозников готовится к выступлению в Москве. — Сов. Эстония, Таллин, 1956, № 196, 22 августа.
Объединенный смешанный хор Кабалаского и Райкюльского нар. домов Раплаского р-на Эст. ССР.
559. Винер А. Замечательный коллектив. — Сов. Эстония, Таллин, 1956, № 250, 24 октября.
Академический мужской хор Эст. ССР; исполнение совр. авторских песен.
560. Гаврилов М. Наше кантеле. (К 20-летию ансамбля «Кантеле»). — На рубеже, Петрозаводск, 1956, № 5, стр. 185—189.
561. Граховский С. Поют над Неманом. — Сов. культура, 1956, № 118, 6 октября.
Хоры Гродненской обл.
562. Грошева Е. Истоки народной песни. — Лит. газета, 1956, № 69, 12 июня.
Исполнение песен ансамблем арм. нар. песни и пляски.

563. **Данькевич К.** На крыльях песни. — Правда Украины, Киев, 1956, № 241, 12 октября.
Деятельность Гос. укр. нар. хора.
564. **Думитрашко В.** Сестры. — Сов. культуры, 1956, № 51, 1 мая.
Исполнение нар. песен западных украинцев сестрами Байко.
565. **Зазгарский А.** Токарь-певец. — Лит. Башкирия, альманах, вып. 7, Уфа, 1956, стр. 107—115.
Руководитель хорового кружка А. С. Бувакин.
566. Из тысяч сердец. Таллин, 1956. 20 стр. (на эст. и рус. яз.).
Эст. праздники песен.
567. **Калнинь В.** Песни над Тарту. — Комсомол. правда, 1956, № 172, 22 июля.
Праздник песни.
568. **Лавровский Л.** Жизнерадостное творчество. — Правда, 1956, № 159, 7 июня.
Ансамбль арм. нар. песни и пляски.
569. **Моров Ал.** Гордость Цесиса. — Сов. музыка, 1956, № 10, стр. 87—89.
Самодельные хоры Латвии.
570. Музыка советской Эстонии. Таллин, Эстгосиздат, 1956, 263 стр.
Стр. 94—110: А. Вахтер. Эстонское хоровое творчество; стр. 124—150: А. Вахтер. Значение праздников песни в общественном развитии эстонского народа.
571. **Мусиенко Д.** Песни «Трембиты». Львов, 1956. 50 стр. (Обл. упр. культуры).
Укр. ансамбль песни.
572. **Мусиенко Д.** Поэт «Трембита». — Сов. Украина, 1956, № 7, стр. 185—187.
Репертуар львовской капеллы «Трембита».
573. Народное искусство. (Итоги смотров художественной самодеятельности 1955 года). Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956. 126 стр. (Мин-во культуры Тадж. ССР).
574. **Наумов К.** Воспевай родной край. — Сов. культура, 1956, № 17, 9 февраля.
Фольклор в репертуаре Волинского нар. хора.
575. Праздник свободной труда. — Сов. Латвия, Рига, 1956, № 145, 23 июня.
Передовая. Праздник песни Лиго.
576. Праздник юности. Сб. материалов в помощь подготовки и проведения фестиваля молодежи. Казань, 1956. 40 стр. (Мин-во культуры ТАССР).
Стр. 5—20: самодеятельность Казанской обл.
577. **Птица К.** Хор звучит превосходно. — Сов. культура, 1956, № 65, 5 июня.
Выступления Гос. хора Армении.
578. Расцветай наш край колхозный, Лиго! — Сов. Латвия, Рига, 1956, № 145, 23 июня.
Праздник песни.
579. **Рогов А.** Песня — наш друг. — Клуб, 1956, № 10, стр. 18.
Хор Цесвайнеской МТС Латв. ССР.
580. Студенческий праздник песни в Тарту 7 и 8 июля 1956 г. Тарту, 1956. 62 стр. (на эст. и рус. яз.).
581. **Томчин И.** Праздник песни [в Кировакане]. — Коммунист, Ереван, 1956, № 225, 25 сентября.
582. **Шустиков В.** Певцы Забайкалья. — Огонек, 1956, № 41, стр. 24.
Певческий коллектив с. Большой Куналей Тарбагатайского аймака Б.-М. АССР.
См. также №№ 63, 452, 454, 478, 480, 549, 811, 895, 1069, 1071, 1073.

в) Исполнение песен народов мира

583. **Аренштейн А.** «От Пекина далеко...». — Дружба, Пекин, 1956, № 131, 5 июня.
Исполнение кит. песен хором текстильщиц г. Раменского (Московской обл.).
584. **Башоян С.** Посланцы песенного края. — Казахстанская правда, Алма-Ата, 1956, № 210, 7 сентября.
Уйгур. нар. песни в репертуаре Синьцзянского ансамбля песни и пляски.
585. Болгарский государственный ансамбль народной песни и танца. Гастроли в СССР. Ленинград. Москва. Киев. М., 1956. 16 стр.
Статья И. Попова о творческом пути ансамбля; состав и программа концерта.
586. **Кабалевский Дм.** Две недели в Болгарии. — Сов. музыка, 1956, № 4, стр. 174—182.
Стр. 180—182: «Ансамбль болгарской народной песни».
587. **Качуляев И.** Народные музыкальные инструменты. — Новая Болгария, 1956, № 21, стр. 8—9.
Исполнение болг. песен под аккомпанемент нар. инструментов.

588. **Кимягаров Б.** Талантливое народное искусство. — Коммунист Таджикистана, Сталинабад, 1956, № 238, 10 октября.
Синьцзяно-уйгур. ансамбль песни и танца КНР.
589. **Козицкий Ф.** Солнечное искусство. — Правда Украины, Киев, 1956, № 256, 31 октября.
Нар. песни в репертуаре Болгарского гос. ансамбля нар. песни и танца.
590. **Корнилова В.** Песни нашего друга. — Учительская газета, 1956, № 99, 15 декабря.
Франц. нар. песни в исполнении И. Монтана.
591. **Крюков Н.** Песни и танцы Болгарии. — Правда, 1956, № 304, 30 октября.
Нар. песни в исполнении Болгарского гос. ансамбля нар. песни и танца.
592. **Курелла Т.** Простота и мастерство. — Комсомол. правда, 1956, № 255, 27 октября.
Фольклор в репертуаре Болгарского гос. ансамбля нар. песни и танца.
593. На первом всекитайском музыкальном фестивале. — Дружба, Пекин, 1956, № 214, 9 сентября.
Обзор нар. песен, исполненных на фестивале.
594. **Образцов С.** Ив Монтан певец Парижа. — Иностранная литература, 1956, № 5, стр. 206—211.
595. **Образцов С.** Певец Парижа. — Сов. культура, 1956, № 146, 11 декабря.
То же в кн.: И. Монтан. Солнцем полна голова. М., «Молодая гвардия», 1956, стр. 5—13. — Исполнение И. Монтаном франц. песен.
596. Праздник молодости. — Болгария, 1956, № 6, стр. 24—27.
Смотр худож. самодеятельности.
597. Пусть песня еще больше роднит нас. Письмо коллектива сводного хора студентов Пекина коллективу хора московских студентов. — Дружба, Пекин, 1956, № 129, 2 июня.
598. **Режний И.** Возрожденное искусство. — Клуб, 1956, № 12, стр. 3.
Ансамбль нар. песни и танца Южной Чехии «Музыка волынок».
599. **Ронская К.** «Поющие голоса Японии». — Комсомол. правда, 1956, № 20, 24 января.
Рус. и япон. песни в исполнении молодежи из организации «Поющие голоса Японии».
600. **Ронская К.** Акико Сэки — лауреат международной Сталинской премии. — Сов. музыка, 1956, № 2, стр. 127—129.
Руководитель движения «Поющие голоса Японии».
601. **Рохас А.** Рассказ о Имме Сумах и ее родине. Пер. с исп. Л. Ханыковой. — Смена, 1956, № 19, стр. 20—22.
Исполнение перуан. нар. песен.
602. **Рубцов Ф.** Богатство и самобытность народного творчества. — Сов. культура, 1956, № 125, 23 октября.
Гастроли Болгарского гос. ансамбля нар. песни и танца в СССР.
603. **Филиппов Л.** «Поющие голоса». Письма из Японии. — Комсомол. правда, 1956, № 250, 21 октября.
Развитие хорового пения в Японии.
604. **Шведов И.** Молодость древней страны. — Сов. культура, 1956, № 88, 28 июля.
Заключительные концерты Ансамбля песни и пляски народных войск МНР.
605. **Шехонина И.** Задуманные песни, огневые танцы. — Сов. культура, 1956, № 138, 22 ноября.
Репертуар Румынского нар. ансамбля песни и танца «Жаворонок».
606. **Ямамото М.** Письмо из Японии. Пер. с япон. — Сов. музыка, 1956, № 4, стр. 196—197.
Участник движения «Поющие голоса Японии» о хоровом исполнении сов. и япон. песен.
См. также №№ 501, 514, 555, 825, 1079.

9. Пословицы

Тексты

а) Русские пословицы

607. Военные пословицы нашего народа. Собрал П. Лебедев. — Военные знания, М., 1956, № 1, стр. 31.
608. **Даль В.** Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV. М., ГИС, 1956.
Набрано и напечатано со второго издания 1880—1882 годов с матриц 1955 года.

609. Дело право — так и глядишь прямо. (Пословицы, поговорки). — В кн.: Репертуарный сборник в помощь сельской агитбригаде. Ярославль, май 1956, стр. 67. (Методкабинет Обл. упр. культуры — ОДНТ).
610. Крупицы народной мудрости. — Смена, 1956, № 123, 27 мая.
Пословицы и поговорки из собрания инженера И. Я. Клокова.
611. Кстати сказано... (Пословицы и поговорки). Собрал П. Лапшин. — Курская правда, 1956, № 19, 22 января.
612. Меткие строки. — Пионерская правда, 1956, № 21, 13 марта.
9 пословиц о книгах.
613. Народная мудрость. (Пословицы). Собрал А. Жигулев. — В кн.: Репертуарный сборник. В помощь сельской агитбригаде. Ярославль, 1956, стр. 62—63 (ОДНТ).
614. Народные пословицы и поговорки. Сост. А. И. Соболев. М., «Моск. рабочий», 1956. 156 стр.
Рецензия:
Дон, 1957, № 3, стр. 178.
615. Новые пословицы. Зап. А. Французова. — Молодой колхозник, 1956, № 3, стр. 32.
616. Пословица недаром молвится. — Знамя Труда, Сланцы Лен. обл., 1956, № 194, 18 ноября.
617. Пословицы. — Красное знамя, Харьков, 1956, № 119, 6 сентября.
618. Пословицы и поговорки. — Молодой колхозник, 1956, № 2, стр. 32.
619. Пословицы и поговорки. Загадки. — Молодой колхозник, 1956, № 1, стр. 32.
620. Пословицы и поговорки с целины. Зап. А. Войда. — Смена, 1956, № 14, стр. 24.
12 номеров.
621. Пословицы и поговорки с целины. Собрал А. Войда. — Молодой колхозник, 1956, № 8, стр. 32.
10 номеров.
622. Русские пословицы и поговорки. Из собрания В. М. Подобина и И. П. Зиминой. Научн. ред. и вст. статья Л. В. Домановского. Л., Лениздат, 1956. 424 стр.
Рецензии:
1) Всеволожский В. Книга народной мудрости. — Красноярский рабочий, 1956, № 54, 1 марта.
2) Маграчев Л. Копилка народной мудрости. — Сов. Россия, 1957, № 24, 29 января.
623. Сельские пословицы. Собрал В. Кащеев. — Молодой колхозник, 1956, № 10, стр. 31.
624. Что завоевано революцией, то подтверждается Конституцией. (Языком народной мудрости). Из сборника «Русские пословицы и поговорки». — Ленинские искры, 1956, № 98, 6 декабря.
См. также №№ 3, 625, 627, 691, 735.

б) Пословицы народов СССР

625. Грузино-русские пословицы. (Параллели). Сост. П. Церетели. Тбилиси, «Сабчота мцeralи», 1956. 95 стр.
Рецензии:
1) Жоржолгани Г. О книге грузинских и русских пословиц. — Заря Востока, Тбилиси, 1956, № 153, 4 июля.
2) Опыт поколений. — Дружба народов, 1956, № 10, стр. 183—184.
626. Капиев Эф. Записные книжки. М., «Сов. писатель», 1956. 418 стр.
Стр. 26, 28, 53: лакс. песни; стр. 39—43: кумык. пословицы; сказители Дагестана; С. Стальский; стр. 50—51, 54, 62, 63, 75—78, 107—113, 144—152, 408: горск. пословицы; стр. 120—212: кумык. сказка для детей.
Рецензии:
1) Арагон Л. О советской литературе. — Иностранная литература, 1957, № 3, стр. 211—212.
2) Кабаченко Е. Волнующие строки. — Дон, 1957, № 4, стр. 183—185.
3) Карпова В. Призвание писателя. — Октябрь, 1957, № 8, стр. 213—214.
4) Крамов И. Глазами поэта. — Москва, 1957, № 8, стр. 197.
5) Малмыгин С. — Дагестан, альманах, 1958. Сост. Н. Левченко. Махачкала, 1958, стр. 263—265.
6) Фараджиев В. «Кладовая таланта». — Дагестанская правда. Махачкала, 1957, № 136, 10 июля.

627. Кто лучше знает? В помощь культпросветработникам. Сост. Р. И. Музафаров. Ташкент, 1956. 23 стр. (Мин-во культуры Узбек. ССР).
Рус., укр., татар., киргиз., кит., инд., узбек., азерб., туркм., болг., белорус., казах., латыш., тадж., груз., чуваш., марийск., немец., словац., араб., молд., бурят., абхаз., литов., вост., якут. и индонез. пословицы.
628. Народная мудрость. Собрал А. Жигулев. — Смена, 1956, № 7, стр. 24.
Совр. пословицы народов СССР о труде.
629. Тувинские пословицы. — Сов. Союз, 1956, № 4, стр. 28.
630. Узбекские пословицы и поговорки. Пер. Г. Абдурашидова. — Огонек, 1956, № 16, стр. 32.

в) Пословицы народов мира

631. Арабские пословицы. Пер. В. Борисова. — Огонек, 1956, № 4, стр. 32.
То же: Ленинградская здравница, Зеленогорск, 1956, № 16, 5 февраля.
632. Афганские пословицы и поговорки. Пер. Ю. Семенова и В. Гаврилина. — Огонек, 1956, № 2, стр. 32.
То же: Ленинградская здравница, Зеленогорск, 1956, № 25, 26 февраля.
633. Вьетнамские пословицы. — Огонек, 1956, № 36, стр. 32.
То же: Ленинградская здравница, Зеленогорск, 1956, № 121, 7 октября.
634. Иранские пословицы и поговорки. Пер. В. Кашеева. — Огонек, 1956, № 31, стр. 32.
635. Итальянские пословицы. Пер. Г. Смирнова. — Огонек, 1956, № 22, стр. 32.
636. Китайские пословицы. — Пионерская правда, 1956, № 78, 28 сентября.
637. Китайские пословицы и поговорки. Пер. М. Бородина, О. Стариковой и Шан Юн-цин. — Огонек, 1956, № 46, стр. 32.
638. Корейские пословицы и поговорки. Пер. М. Ли и В. Кима. — Огонек, 1956, № 48, стр. 32.
639. Пословицы и поговорки. — Дружба, Пекин, 1956, № 142, 17 июня.
640. Пословицы народов Африки. Пер. В. Иорданского. — Огонек, 1956, № 33, стр. 32.
641. Пословицы народов Югославии. Пер. И. Петровой. — Огонек, 1956, № 20, стр. 32.
642. Финские поговорки. Пер. Рой Мякеля. — Огонек, 1956, № 35, стр. 32.
643. Японские пословицы и поговорки. Пер. М. Ефимова. — Огонек, 1956, № 26, стр. 32.

См. также №№ 260, 627.

Исследования

а) О русских пословицах

644. Альперин А. И. Почему мы так говорим. Барнаул, Алт. кн. изд., 1956. 45 стр.
Объяснение крылатых выражений.
Рецензия:
Ленч Л. «Вывести на свежую воду...» — Лит. газета, 1956, № 99, 21 августа.
645. Домановский Л. Любовь правдой крепка. Дружба, брак и семья в русских пословицах и поговорках. — Смена, 1956, № 141, 17 июня.
646. Емельченко И. Словарь Владимира Даля. — Прикаспийская коммуна, Гурьев, 1956, № 66, 31 марта.
Рец. на кн.: В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., ГИС, 1955. — Публикация пословиц.
647. Познанский М. Полезный сборник. — Горьковская правда, 1956, № 18, 21 января.
Рец. на кн.: Пословицы и поговорки. Сост. Н. М. Галочкин и С. А. Червяковский. Горький, Кн. изд., 1955.
648. Скороговорка. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 253.
649. Уразов И. А. Почему мы так говорим. М., «Правда», 1956. 64 стр. (Библ. «Огонек», № 25).
650. Чернов В. И. Стихийно-материалистические воззрения русских народных масс до капиталистической эпохи на причинность, необходимость, закономерность. (По материалам пословиц и поговорок). — Ученые записки Ульяновского пед. инст. им. И. Н. Ульянова, вып. 8, 1956, стр. 79—116.
651. Шаповалова Г. Собиратель народной мудрости. — Ленинские искры, 1956, № 94, 22 ноября.

К 155-летию со дня рождения В. И. Даля.
См. также №№ 4, 5, 953, 960, 967, 1082, 1085, 1096.

б) О пословицах народов СССР

652. Беркелиев К. Туркменские пословицы и поговорки. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 20 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
653. Беркелиев К. Туркменские пословицы и поговорки. — Труды Инст. языка и литер. Акад. наук Туркм. ССР, вып. I, 1956, стр. 95—108.
654. Кокаре Э. Я. Жизненный опыт трудового народа в латышских пословицах досоветского периода. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Рига, 1956. 20 стр. (Латвийский Гос. унив.).
655. Норманн Э. Об эстонских пословицах. Таллин, Эстгосиздат, 1956. 23 стр. (Акад. наук Эст. ССР, Лит. музей им. Ф. Р. Крейцвальда).
656. Сокровища народной речи. — Дружба народов, 1956, № 3, стр. 188.
Рец. на кн.: Украинские пословицы и поговорки. Киев, Изд. Акад. наук УССР, 1955 (на укр. яз.).
657. Хамаганов М. П. Бурят-монгольские поговорки. — Ученые записки Бурят-Монг. пед. инст. им. Доржи Банзарова, вып. IX. Историко-филол. серия. Улан-Удэ, 1956, стр. 81—98.
См. также №№ 967, 994, 1082, 1083.

в) О пословицах народов мира

658. Островский В. Словари индонезийских пословиц. — Иностранная литература, 1956, № 5, стр. 254.
Рец. на книги, изданные в Джакарте в 1953 и 1955 годах.
659. Степанов Л. Ливанские пословицы и поговорки. — Иностранная литература, 1956, № 7, стр. 260.
Рец. на кн.: Anis Fraiha. Modern Lebanese Proverbs, v. I, II. Beirut, 1953.
См. также № 481.

10. Загадки

660. Анделане А. Я. Вопросы изучения латышских народных загадок. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Рига, 1956. 22 стр. (Акад. наук Латв. ССР, Инст. языка и литер.).
661. Загадки. М., Детгиз, 1956. 16 стр. (Школьная библиография для нерус. школ).
662. Китайские загадки. Пер. Лу Гун. — Огонек, 1956, № 14, стр. 32; № 22, стр. 32; № 31, стр. 32.
663. Китайские загадки. — Смена, 1956, № 19, стр. 24.
См. также №№ 3, 4, 271, 619, 691, 1096.

11. Народный театр

а) Русский народный театр

664. Кузьмина В. Д. Драматургия и сценическое искусство в русских городских демократических театрах XVIII века. (Исследования и тексты). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук. М., 1956. 30 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Стр. 11—14: устная нар. драма в XVIII веке; стр. 23: связь городского театра с устной драмой.
665. Кулаковский Л. Три поездки в Дорожево. — Сов. музыка, 1956, № 8, стр. 73—82.
Брянский спектакль «Кострома».
666. Образцов С. В. Театр кукол. — БСЭ, т. 42, 2-е изд. М., 1956, стр. 70—71.
667. Садыкова Д. М. Из истории массовой драматической литературы XVIII в. Театр интермедий. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 16 стр. (Московский гор. пед. инст. им. В. П. Потемкина).
668. Скоморох. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 247—248.
См. также № 1096.

б) Театр народов СССР

669. **Лисициан С.** Старинные пляски и театральные представления армянского народа. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора истории. Ереван, 1956. 46 стр. (Акад. наук СССР, Инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая—Акад. наук Арм. ССР, Сектор истории и теории искусств).
670. **Нурджанов Н.** О бухарском кукольном театре. — Известия Акад. наук Тадж. ССР, Отделение обществ. наук, 1956, вып. 10—11, стр. 191—219.
Рецензия:
Кисляков Н. А. Издания Сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР (1951—1956). — Сов. этнография, 1957, № 5, стр. 193.
671. **Нурджанов Н.** Таджикский народный театр. По материалам Кулябской области. М., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 339 стр. (Акад. наук Тадж. ССР, Инст. истории, археологии и этнографии).
Рецензии:
1) Рахимов М. Ценный труд по истории таджикского театра. — Коммунист Таджикистана, Сталинабад, 1958, № 113, 15 мая.
2) Розенфельд А. З. Новые издания таджикского фольклора. — Сов. этнография, 1957, № 4, стр. 174.
3) Уварова Г. Труды о таджикском театре. — Театр, 1957, № 12, стр. 100.
672. Старейший театр страны гор. — Дружба народов, 1956, № 3, стр. 185—186.
Рец. на кн.: С. Говоров. Кумыкский театр. Махачкала, Даг. кн. изд., 1955.
673. **Тигранов Г.** Армянский музыкальный театр. Очерки и материалы, т. I. Под ред. Х. С. Кушнарева и М. О. Мурадяна. Ереван, Армгиз, 1956. 384 стр.
Стр. 16—24: обзор арм. фольклора.
Рецензия:
Тер-Гевондян А. Ценное исследование. — Сов. музыка, 1957, № 5, стр. 195—196.
См. также № 42.

в) Театр народов мира

674. **Бай Юнь-шэн.** Древнейший вид китайского театрального искусства [муз. драма «кунъюй»]. — Дружба, Пекин, 1956, № 141, 16 июня.
675. **Бояджиев Г.** Последняя книга А. К. Дживелегова. — Театр, 1956, № 4, стр. 97—102.
Рец. на кн.: А. К. Дживелегов. Итальянская народная комедия. М., Изд. Акад. наук СССР, 1954.
676. **Бояджиев Г. Н.** Театр [Франции]. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 545—547.
Краткий обзор нар. театра.
677. **Заруба Е.** Сатирический театр кукол. — Польша, 1956, № 3 (19), стр. 24—25.
Краткий обзор нар. театра кукол.
678. История западноевропейского театра, т. 1. Под общ. ред. С. С. Мокульского. М., «Искусство», 1956. 751 стр.
Стр. 7—126: нар. театр эпохи становления и расцвета феодализма.
Рецензии:
1) Михальчи Д. Новый труд по истории западноевропейского театра. — Вопросы литературы, 1957, № 2, стр. 234—237.
2) Финкельштейн Е. Новая книга по истории зарубежного театра. — Театр, 1957, № 12, стр. 96.
679. **Образцов С.** Мои коллеги. — Иностранная литература, 1956, № 11, стр. 237—250.
Кит. нар. кукольный театр.
680. **Образцов С.** Театр китайского народа. — Сов. культура, 1956, № 133, 10 ноября.
Нар. истоки совр. кит. театра.
681. Фарс. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 537—538.
682. Фастнахтшпиль. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 549.
Вид немец. нар. театра.
683. Флиаки. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 242.
Древнегреч. нар. театральные представления.
684. **Чжу Дань.** Китайский кукольный театр. — Дружба, Пекин, 1956, № 137, 12 июня.
См. также № 73.

12. Частишки

Тексты

685. Здравствуй, милая сторонка! Частишки. Подобрал и подготовил к печати И. Доронин. — Сельское хозяйство, 1956, № 303, 30 декабря.
686. Кокоулина А. и Калашникова Е. Мы поем о своем труде. — Кировская правда, 1956, № 16, 22 января.
Приведены 4 частишки о льне.
687. Колхозные частишки. — Курская правда, 1956, № 159, 8 июля.
688. Колхозные частишки. — Сов. женщина, 1956, № 11, стр. 24.
689. Кустайские частишки. — Сельское хозяйство, 1956, № 36, 12 февраля.
690. Лирические частишки. — Земля родная, альманах, кн. 13, Пенза, 1956, стр. 228—229.
691. Народное творчество послевоенных лет. Соб. и сост. В. П. Бирюков. — На земле Курганской, альманах, № 4, Курган, 1956, стр. 287—293.
Частишки; пословицы и поговорки; загадки.
692. Николаев А., Харьков Н., Черниченко Ю. Родинские частишки. — Крокодил, 1956, № 11, стр. 11.
То же: Алтайская правда, Барнаул, 1956, № 94, 20 апреля.
В фельетоне приведено 12 сатирических частишек.
693. Посевные частишки. — Коммунист, Саратов, 1956, № 111, 13 мая.
694. Про уборку. Девичьи частишки. Зап. Г. Воловик. — Коммуна, Воронеж, 1956, № 194, 19 августа.
695. Русские частишки. Предисл. и обраб. текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. М., Гослитиздат, 1956. 496 стр.
696. Русские частишки. Сост. Н. Котикова. М., Музгиз, 1956. 317 стр.
697. Русские частишки. Сост. и общ. ред. С. Аксюка и В. Бокова. М., Музгиз, 1956. 109 стр.
- Рецензия:*
Медведев А. — Сов. музыка, 1957, № 12, стр. 143.
698. Соревнуются доярки. (Частишки). — Северная правда, Кострома, 1956, № 51, 7 марта.
Из репертуара худож. самодеятельности колхоза «Смена» Судиславского р-на.
699. Частишки. Зап. в колхозе им. Кирова. — Красноярский рабочий, 1956, № 93, 18 апреля.
700. Частишки. Зап. В. Борисов в Бельковском районе. — Сталинец, Рязань, 1956, № 56, 9 мая.
701. Частишки. — Сталинец, Рязань, 1956, № 83, 11 июля.
Исполнены на концерте худож. самодеятельности молодыми овощеводами колхоза им. Сталина Н. Мордасовой и Е. Тельновой.
702. Частишки. В помощь руководителям худож. агитбригад. Архангельск, Изд. газ. «Правда Севера», 1956. 67 стр. (Архангельский ОДНТ).
703. Частишки Горьковской области. (Для коллективов худож. самодеятельности). Сост. В. М. Потявин. Горький, 1956. 40 стр.
704. Частишки колхозной молодежи. Сост. В. Василенко, И. Купалов. Омск, Обл. кн. изд., 1956. 79 стр.
- Рецензия:*
Образцов А. — Сельское хозяйство Сибири, Омск, 1957, № 6, стр. 109.
705. Частишки с комментариями. — Львовская правда, 1956, № 145, 23 июня.
706. Частишки Сибири. Сборник. Сост. А. В. Ермаченко, вып. 2. Новосибирск, 1956. 122 стр. (Новосибирский ОДНТ).
- Рецензии:*
1) Мисюрев А. Частишка подлинная и мнимая. — Сов. Сибирь, Новосибирск, 1956, № 185, 11 августа.
2) Сидельников В. Сибирская частишка. — Сибирские огни, 1957, № 2, стр. 186—187.
См. также №№ 9, 140, 375, 376.

Исследования

707. Алавия М. Народные частишки Узбекистана. — Звезда Востока, 1956, № 6, стр. 111—116.
708. Дондуков У. Полезный и нужный сборник. — Бурят-Монг. правда, Улан-Удэ, 1956, № 122, 25 мая

- Рец. на сб.: Частушки. Зап. Л. Элиасов. Улан-Удэ, Бурят-Монг. кн. изд., 1955.
709. Играй, гармонь, рассказывай! Вст. статья и лит. обраб. частушек Ю. Ефремова. Ярославль, 1956. 24 стр. (ОДНТ—Методкабинет Обл. упр. культуры).
Создание частушек в агитбригадах.
710. Кретов А. И. К вопросу о символике в современных частушках. — Известия Воронежского пед. инст., т. 21. Кафедра рус. и зарубежных литер., 1956, стр. 131—140.
711. Ленский А. Разговор о частушке. — Сов. культура, 1956, № 78, 5 июля.
Совр. частушки Рязанской обл.
712. Смирнов В. За боевую частушку. — Северная правда, Кострома, 1956, № 178, 23 августа.
713. Тягленко Г. Меткое слово. — Сов. искусство, 1956, № 96, 16 августа.
Частушки Ростовской обл.
714. Федоров Ф. Анисимовские частушки. — Знамя коммунизма, Бокситогорск Лен. обл., 1956, № 148, 8 августа.
715. Юрьев Е. Частушка — боевая форма народного творчества. — Северный рабочий, Ярославль, 1956, № 95, 13 мая.
См. также №№ 6, 423, 424, 452, 471, 530, 737, 846, 850, 851, 1009, 1096.

13. Народный юмор

а) Русский народный юмор

См. №№ 288, 291, 292, 298, 744, 972, 1093.

б) Юмор народов СССР

716. Алиев Р. и Мурадов А. Создадим правдивый образ Кемине в литературе и искусстве. — Коммунист Таджикистана, 1956, № 3, стр. 62—66.
Рец. на кн.: П. Г. Скосырев. Ваш покорный слуга. М., «Сов. писатель», 1955. — Обраб. туркм. анекдотов о Кемине.
717. Анекдоты Молла Насреддина. Сост. Ю. Мамедов. Пер. с азерб. Ю. Гранина. Баку, Азербюниздат, 1956. 108 стр.
718. Орбели И. Басни средневековой Армении. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 180 стр. (Акад. наук Арм. ССР, Инст. литер. им. М. Х. Абеяна).
Рецензии:
1) Басни средневековья. — Дружба народов, 1957, № 1, стр. 215—216.
2) Горелов А. Армянский фольклор на русском языке. — Коммунист, Ереван, 1956, № 149, 26 июня.
3) Кусикьян И. К. — Византийский временник, т. XIV. М., Изд. Акад. наук СССР, 1958, стр. 245—247.
719. Соловьев Л. Повесть о Ходже Насреддине. Л., Лениздат, 1956. 556 стр.
Рецензия:
Карасев Ю. Ходжа продолжает жить. — Москва, 1957, № 4, стр. 200—203.
720. Тимофеев Б. Народные армянские басни. — Нева, 1956, № 1, стр. 183—184.
Стихотв. переложения.
721. Уйгурский юмор. Пересказал В. Кассис. — Комсомол. правда, 1956, № 31, 5 февраля.
2 юмор. рассказа об Аванти — герое уйгур. фольклора.
722. Ходжиматов Дж. Сатира в узбекской советской литературе (1917—1941 гг.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 16 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
Стр. 3—4: обзор сатиры в узбек. фольклоре.
См. также №№ 174, 376.

в) Юмор народов мира

723. Афганские шутки. Пер. с пушту Л. Яцевич. — Огонек, 1956, № 9, стр. 32.
724. Афганский юмор. Пер. К. Лебедева и Ю. Семенова. — Огонек, 1956, № 20, стр. 31.
725. Забавные истории. Сокращ. пер. с кит. М. Демиденко. — Смена, 1956, № 218, 16 сентября.
726. Исландский юмор. Пер. с англ. П. Охрименко. — Молодой колхозник, 1956, № 10, стр. 31.

727. Китайские басни. Пер. В. Семанова. — Костер, 1956, № 4, стр. 13.
 728. Китайские басни. Собрал М. И. Демиденко. — Комсомолец Туркменистана, Ашхабад, 1956, № 97, 12 августа.
 729. Маршак С. Английские эпиграммы. — Огонек, 1956, № 18, стр. 25.
 730. Неграмотная собака. Кит. басня. — Юные ленинцы, Петрозаводск, 1956, № 58, 21 ноября.
 731. Радикальное средство. — Необходимое уточнение. — Сов. Союз, 1956, № 4, стр. 28.
     2 тюрк. анекдота.
 732. Юмор. — Дружба, Пекин, 1956, № 48, 26 февраля.
     4 анекдота и нар. сказка «Три зятя».
 733. Юмор. — Дружба, Пекин, 1956, № 202, 26 августа.
     3 анекдота.
     См. также № 494.

14. Рабочий фольклор; революционные песни

Тексты

734. Баллады английских шахтеров. Пер. Б. Слуцкого. — Пионер, 1956, № 12, стр. 72—73.
 735. Шахтерские поговорки. — Комсомол. правда, 1956, № 197, 21 августа.

Исследования

а) О русском рабочем революционном фольклоре

736. Автор популярной песни. — Огонек, 1956, № 8, стр. 27.
     Творчество Л. П. Радина.
 737. Белорецкий Г. Заводская поэзия. 1. Фабричная песенка. — 2. Любровая песенка [частушки]. — В кн.: Рассказы и повести дореволюционных писателей Урала, т. 2. Свердловск, Кн. изд., 1956, стр. 419—429.
 738. Богданов П. Об одном упущении. — Лит. газета, 1956, № 41, 5 апреля.
     Недостаточность изучения публикаций революционных песен на страницах пролетарской печати.
 739. Гурьянов А. Хор старых коммунистов. Иваново, Кн. изд., 1956, 59 стр.
     Рецензии:
     1) Ивановский Я. Книга о песне. — Рабочий край, Иваново, 1956, № 218, 30 сентября.
     2) Семидетова П. Хор революционной песни. — Соц. обеспечение, 1956, № 11, стр. 63.
 740. Гусев В. Е. Из опыта этнографического изучения рабочих старых заводов Южного Урала. (По материалам экспедиций Челябинского пединститута в 1952—1953 гг.). — Ученые записки Челябинского гос. пед. инст., т. I, вып. 1, 1956, стр. 235—258.
     Обзор фольклора рабочих Урала.
 741. Кайев А. А. Из истории пролетарской песни — Ученые записки Орехово-Зуевского пед. инст., т. III. Фак-т рус. языка и литер., вып. 2. М., 1956, стр. 31—75.
     Творчество рабочих Орехово-Зуева 60—90-х годов XIX века.
 742. Кругляшова В. П. Исторические предания и песни на горнозаводском Урале о Пугачевском восстании. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956, 16 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
 743. Новикова А. М. Революционные песни XIX века в эпоху массового рабочего движения. — Ученые записки Московского обл. пед. инст., т. 40. Труды кафедры рус. литер., вып. 2, 1956, стр. 153—197.
 744. Новикова А. М. Сатирические песни эпохи массового рабочего движения в России. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 1, стр. 67—75.
 745. Новикова А. и Новиков И. Песни революции. — Сов. Казахстан, 1956, № 5, стр. 120—124.
     Песни революции 1905 года.

746. Полищук Н. С. Рабочие песни периода подъема массового революционного движения и первой революции в России. (К вопросу о традиции и новаторстве в устно-поэтическом народном творчестве). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 14 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).
747. «Смело, товарищи, в ногу». — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 390.
История песни.
748. Сохор А. Песни Октября. — Нева, 1956, № 11, стр. 170—174.
749. Сохор А. Стасов и революционная песня. — Нева, 1956, № 10, стр. 202.
750. Христиансен Л. Л. Народное песенное творчество на старых заводах Молотовской области. — В кн.: На западном Урале. Сб. статей. Молотов, Кн. изд., 1956, стр. 176—209.
751. Ширяева П. Г. Революционная песня в рабочей печати 1905—1907 годов. — В кн.: Революция 1905 года и русская литература. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956, стр. 384—403. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
См. также №№ 6, 7, 862, 985, 1089, 1092, 1096.

б) О революционных песнях народов СССР

752. Березняков Н. Творчество революционного подполья. — Октябрь, Кишинев, 1956, № 7, стр. 85—88.
Коммунистические листовки и стихотворения, распространявшиеся в Бессарабии в годы оккупации (1918—1940).
753. Гольдин М. Латышская революционная песня. — Сов. музыка, 1956, № 10, стр. 65—70.
754. Мшвелидзе А. Революционная песня в Грузии. — Сов. музыка, 1956, № 3, стр. 94—97.
Песни 1905—1907 гг.
См. также № 444.

в) О революционных песнях народов мира

755. Аванесов С. Гимн международного пролетариата. — Коммунист, Ереван, 1956, № 129, 2 июня.
История «Интернационала».
756. Вейланд О. Международный пролетарский гимн. (К 85-летию создания «Интернационала»). — Крестьянка, 1956, № 6, стр. 9.
757. Венгерские рабочие песни. — Иностранная литература, 1956, № 3, стр. 268.
Рец. на кн.: Венгерские народные песни. Будапешт, Изд. Инст. рабочего движения Венгрии, 1955 (на венг. яз.).
758. Галащук Б. Поэты братских народов. — Славяне, 1956, № 2, стр. 56—58.
Рец. на кн.: Поэзия западных и южных славян. Польская, чешская, словацкая, болгарская, сербская, хорватская, словинская. Научн. ред. С. Советов. Вст. статья К. Н. Державина. Л., Детгиз, 1955. — Польск. рабочие песни; фольклор в творчестве славянских писателей.
759. Дмитриев Ю. Гимн борьбы и свободы. — Смена, 1956, № 11, стр. 11.
Об «Интернационале».
760. Доступова Т. Автор «Марсельезы». — Огонек, 1956, № 25, стр. 16.
761. Евсеев В. Я. Финские революционные песни 1905—1907 годов. — Сов. этнография, 1956, № 1, стр. 9—18.
762. Нечаев П. История Марсельезы. — Учительская газета, 1956, № 50, 27 июня.
К 120-летию со дня смерти Руже де Ляля.
763. Николюкин А. Н. Массовая поэзия конца XVIII—начала XIX веков в Англии. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук М., 1956. 18 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
Устное поэтическое творчество молодого рабочего класса и ремесленников Англии.
764. Россиянов О. «Венгерские рабочие песни». — Иностранная литература, 1956, № 8, стр. 256—257.
Рец. на кн.: Magyarországi munkásdalok. Zeneműkiadó vállalat. Budapest, 1956.
765. Рубакин А. Пьер Дегейтер — автор «Интернационала». — Сов. музыка, 1956, № 2, стр. 7—13.

15. Творчество сказителей

Тексты

а) Творчество русских сказителей

766. **Королькова А. Н.** Сказки. Лит. обраб. [и послесловие] А. И. Шубина. Воронеж, Кн. изд., 1956, 84 стр.
Рецензия:
Лазутин С. Сказки А. Н. Корольковой. — Коммуна, Воронеж, 1956, № 282, 2 декабря.
767. **Рослякова А.** О матушке-земле и ее дочерях. Сказ. — Молодой колхозник, 1956, № 10, стр. 27.

б) Творчество сказителей народов СССР

768. **Беззубова Ф. И.** Сказы. Мордовские народные песни. Пер. А. Анисимовой. — Лит. Мордовия, альманах, № 11 (15), Саранск, 1956, стр. 152—160.
769. Как я охотился с беркутом. Из рассказов известного сказителя-манасчи и охотника-беркутчи Саякбая Каралаева. Лит. запись К. Эшмамбетова. Сокращ. пер. с киргиз. М. Аксакова. — Киргизстан, 1956, № 2, стр. 63—67.
770. **Михеева М.** Родная партия. Пер. с фин. — Ленинская правда, Петрозаводск, 1956, № 38, 14 февраля.
771. **Мусаев А.** Муйнак. Пер. с каракалп. Г. Некрасова. — Правда Востока, Ташкент, 1956, № 219, 16 сентября.
772. **Салих А.** Так будет. — Соц. Якутия, Якутск, 1956, № 92, 19 апреля.
773. **Теучеж Ц.** Избранные произведения. Пер. с адыг. М., «Сов. писатель», 1956, 108 стр.
774. **Тимофеев-Терешкин Н.** (1) Мульчурбо удалой. Якут. сказка. — Восточно-Сибирская правда, Иркутск, 1956, № 110, 13 мая.
775. **Тимофеев-Терешкин Ф.** (1) Жадный Торгон. Якут. сказка. — Восточно-Сибирская правда, Иркутск, 1956, № 291, 16 декабря.
776. **Тороев А.** Сказки. Улан-Удэ, Бурят-Монг. кн. изд., 1956, 36 стр.
777. **Усенбаев А.** [Год за годом весь наш народ]. — Сов. Киргизия, Фрунзе, 1956, № 38, 14 февраля.
778. **Шадаев А.** Старик и медведь. Бурят-монг. сказка. Пер. М. Толкача. — Свет над Байкалом, Улан-Удэ, 1956, № 4, стр. 107—111.
779. **Шяпин О.** Песнь о целине. Пер. с казах. Евг. Букина. — Правда, 1956, № 286, 12 октября.
См. также №№ 12, 371.

Исследования

а) О русских сказителях и народных певцах

780. **Адрианова-Перетц В. П.** Народная поэтесса И. А. Федосова. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 3, стр. 265—268.
Рец. на кн.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Ред. В. И. Чичеров. Петрозаводск, Госиздат К.-Ф. ССР, 1955. См. №№ 784, 786.
781. **Акимова А.** Первая книга. — Лит. газета, 1956, № 40, 3 апреля.
Рец. на кн.: А. А. Михайлов. От устной поэзии — к литературе. Творчество М. Р. Голубковой и Н. П. Леонтьева. Архангельск, Кн. изд., 1954.
782. **Белинович Н.** Хранительница сказок и песен. — Крестьянка, 1956, № 11, стр. 15—16.
А. С. Скоморохова из с. Ворошилова на Северной Двине.
783. **Гельман В.** Сказитель И. А. Касьянов. Из истории народного творчества Карелии. — Ленинская правда, Петрозаводск, 1956, № 94, 20 апреля.
784. **Лупанова И.** Ценная книга о народной поэтессе. — На рубеже, Петрозаводск, 1956, № 3, стр. 188—189.
Рец. на кн.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Ред. В. И. Чичеров. Петрозаводск, Госиздат К.-Ф. ССР, 1955. См. №№ 780, 786.

785. Покровский Вл. В. В. Стасов и Карелия. — Ленинская правда, Петрозаводск, 1956, № 251, 23 октября.
Встречи Л. Н. Толстого и В. В. Стасова со сказителем В. П. Щеголенковым.
786. Померанцева Э. Народная поэтесса Ирина Федосова. — Ленинская правда, Петрозаводск, 1956, № 70, 23 марта.
Рец. на кн.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Ред. В. И. Чичеров. Петрозаводск, Госиздат К.-Ф. ССР, 1955. См. №№ 780, 784.
787. А. Е. Рогожникова. Некролог. — Сов. Сибирь, Новосибирск, 1956, № 55, 6 марта.
788. Розина Н. Уральская песенница. — Огонек, 1956, № 38, стр. 27.
Творчество Е. М. Ключниковой.
789. Сказители. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 198.
790. Сказочники. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 200.
791. Скорино Л. Семь портретов. М., «Сов. писатель», 1956. 411 стр.
Стр. 321—364: «Павел Бажов»; стр. 365—385: «Маремьяна Голубкова».
- Рецензии:*
- 1) Хохлова М. В борьбе за социалистический реализм. — Сов. Украина, 1957, № 2, стр. 172—174.
  - 2) Шведова Л. — Вопросы литературы, 1958, № 1, стр. 219—220.
792. Федосова Ирина Андреевна. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 579—580.
См. также №№ 6, 15.
- б) О сказителях и певцах народов СССР
793. Александров А. и Яковенко Г. Песня старого акына. — Известия, 1956, № 51, 29 февраля.
Новая песня о партии и Ленине киргиз. акына А. Усенбаева.
794. Аршба Т. Маадан Сакания поет о мире. — Сов. Абхазия, Сухуми, 1956, № 220, 6 ноября.
795. Асрори В. Некоторые замечания о книге «Народный поэт». Пер. с тадж. М. Явича. — Лит. Таджикистан, альманах, кн. 9, Сталинабад, 1956, стр. 276—281.
Рец. на кн.: Я. Нальский. Народный поэт [Бобо Юнус]. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1955. См. № 802.
796. Балтин П. И. Произведения Токтогула в записях И. Кенджегулова. (К вопросу о текстологии). — В кн.: Киргизский гос. унив. Тезисы докладов 5-й научной конференции проф.-препод. состава. Фрунзе, 1956, стр. 78.
797. Боескоров Г. Тема героизма в якутской советской поэзии. — Полярная звезда, Якутск, 1956, № 2, стр. 143—153.
Обзор творчества М. Н. Тимофеева-Терешкина.
798. Боескоров Г. К. Якутский народный певец С. А. Зверев. (Очерк о жизни и творчестве). Якутск, Кн. изд., 1956. 64 стр. (Якутский филиал Акад. наук СССР, Инст. языка, литер. и истории).
Рецензии:
- 1) Барашков И. и Петров Н. Очерк о народном певце С. А. Звереве. — Соц. Якутия, Якутск, 1956, № 275, 24 ноября.
  - 2) Петров Н. и Барашков И. О якутском народном певце С. А. Звереве. — Сибирские огни, 1957, № 4, стр. 185—186.
799. Джакишев У. Абдыкалык Чоробаев. К 60-летию акына. — Сов. Киргизия, Фрунзе, 1956, № 248, 21 октября.
800. Капиева Н. Книга о певце Адыгеи. — Новый мир, 1956, № 5, стр. 260—261.
Рец. на кн.: Д. Костанов. Цуг Теучсж. Критико-биогр. очерк. Майкоп, Адыг. кн. изд., 1955.
801. Каташ С. Выдающийся алтайский сказитель. (К десятилетию со дня смерти Н. У. Улагашева). — Алтайская правда, Барнаул, 1956, № 28, 2 февраля.
802. Кисляков Н. Книга о народном поэте. — Коммунист Таджикистана, Сталинабад, 1956, № 36, 11 февраля.
Рец. на кн.: Я. Нальский. Народный поэт [Бобо Юнус]. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1955. См. № 795.
803. Книга о возрождении песни. — Дружба народов, 1956, № 12, стр. 172—173.
Рец. на кн.: К. Зелинский. Джембул. Критико-биогр. очерк. М., «Сов. писатель», 1955. См. №№ 804, 808.

804. Ландау Е. Книга о Джамбуле. — Сов. Казахстан, 1956, № 4, стр. 112—115.
Рец. на кн.: К. Зелинский. Джамбул. Критико-биограф. очерк. М., «Сов. писатель», 1955. См. №№ 803, 808.
805. Лебедева Л. Забытое богатство. Сочетание о наследии Молдо Кылыча. — Лит. газета, 1956, № 114, 25 сентября.
806. Малика Айер. — Дружба народов, 1956, № 6, стр. 187.
Рец. на кн.: Фазыл Юлдаш. Малика Айер. Ташкент, Изд. Акад. наук Узбек. ССР, 1955 (на узбек. яз.).
807. Михайлов Ф. Певец Караганды. К 10-летию со дня смерти народного акына Доскея [Алимбаева]. — Соц. Караганда, 1956, № 204, 14 октября.
808. Нальский Я. Акын Казахстана. — Коммунист Таджикистана, Сталинабад, 1956, № 88, 13 апреля.
Рец. на кн.: К. Зелинский. Джамбул. Критико-биограф. очерк. М., «Сов. писатель», 1955. См. №№ 803, 804.
809. Нальский Я. Пoesия хазифа Юсуфа Вафо. — Коммунист Таджикистана, Сталинабад, 1956, № 255, 30 октября.
Рец. на кн.: Ю. Вафо. Всегда я с вами. Сост. В. Асрори. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956 (на тадж. яз.).
810. Открытие памятников народным поэтам Дагестана С. Стальскому и Г. Цадасе. — Дагестанская правда, Махачкала, 1956, № 223, 7 ноября.
811. Песни и танцы Армении. — Коммунист, Ереван, 1956, № 106, 6 мая.
Творчество гусанов; ансамбль арм. нар. песни и пляски.
812. Петров Н. Больше заботы о народном таланте. — Соц. Якутия, Якутск, 1956, № 286, 8 декабря.
Творчество сказителя С. А. Зверева.
813. Пухов И. В. Иден и образы олонхо Дм. Мих. Говорова «Мюдью Сильный». Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 15 стр. (Акад. наук СССР, Инст. мировой литер. им. А. М. Горького—Якутский филиал Акад. наук СССР, Инст. языка, литер. и истории).
814. Романов А. Песня Сарсенбая. — Сов. культура, 1956, № 130, 3 ноября.
Новые песни казах. акына С. Сатывалдыева.
815. Ругоев Я. На земле Калеваалы. — В кн.: Будни Севера. Сб. очерков писателей Карелии. Петрозаводск, Госиздат Карел. АССР, 1956, стр. 317—329.
Обзор творчества рунопевцев.
816. Творчество Джамбула. (Статьи, заметки, материалы). Алма-Ата, Изд. Акад. наук Казах. ССР, 1956. 124 стр. (Акад. наук Казах. ССР. Труды отдела народного творчества Инст. языка и литер., вып. 2).
Стр. 5—14: З. Жантекеева. Образ народа в песенных обращениях Джамбула досоветского периода; стр. 15—23: М. Сильченко. О типичности образов-персонажей в обличительных песнях Джамбула досоветского периода; стр. 24—35: Н. Смирнова. Лирический образ Джамбула в его песнях 30-х годов; стр. 36—51: М. Гумарова. «Суранши-батыр» в версии Джамбула; стр. 52—70: Н. Смирнова. Народно-поэтические и литературные традиции в пейзаже Джамбула 30-х годов; стр. 71—80: Т. Сыдыков. О героических образах песен Джамбула военных лет; стр. 80—88: О. Нурмагамбетова. Образ Джамбула в творчестве казахских акынов; стр. 89—95: Е. Ландау. Из наблюдений над стилистикой Джамбула; стр. 96—103: М. Хасенов. Заметки о поэтическом языке Джамбула; стр. 104—109: З. Жантекеева. Заметки собирателя об устном распространении текстов Джамбула; стр. 111—115: Т. Жагоков. Воспоминания о Джамбуле; стр. 116—122: Б. Ермакович. Из напевов Джамбула.
817. Теучеж Цуг Алиевич. — БСЭ, т. 42, 2-е изд. М., 1956, стр. 379.
818. Токтогул Сатылганов. — БСЭ, т. 42, 2-е изд. М., 1956, стр. 565—566.
819. Усенбаев Алымкул. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 350—351.
820. Фазыл Юлдаш. — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 503.
821. Фарбер Б. С. К вопросу о народности Сулеймана Стальского. По материалам послереволюционного творчества поэта. — Ученые записки Дагестанского пед. инст., вып. 2, Махачкала, 1956, стр. 63—77.
822. Фетисов М. И. Народные певцы советской эпохи. Саранск, Морд. кн. изд., 1956. 224 стр.
Стр. 10—64: «Дагестанский ашуг Сулейман Стальский — „Гомер XX века“»; стр. 65—128: Джамбул; стр. 129—224: Е. П. Кривошеева и Ф. И. Беззубова.
823. Чукубаев А. К вопросу об отношении Токтогула к андижанскому восстанию. — Киргизстан, 1956, № 1, стр. 56—64.

824. Шведов И. Сказка и быль. — Сов. Молдавия, Кишинев, 1956, № 1, 1 января.
Сказки Трифона Балты из с. Блештены Единецкого р-на.
См. также №№ 15, 41, 121, 303, 422, 454, 626, 1080.
- в) О сказителях и певцах народов мира
825. Тао Дунь. Народное сказительно-песенное искусство Китая. — Дружба, Пекин, 1956, № 135, 9 июня.
См. также № 934.

II. ИСТОРИЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ; СОВРЕМЕННОЕ ФОЛЬКЛОРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

а) Русская фольклористика

826. М. К. Азадовский. Некролог. Хронологический список печатных работ М. К. Азадовского за 1944—1956 гг. — Лит. наследство, т. 60, кн. 1, М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956, стр. 641—646.
827. Астахова А. М. Народное творчество. — В кн.: 50 лет Пушкинского Дома. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956, стр. 130—149. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Изучение и собирание фольклора сотрудниками Пушкинского Дома.
828. Бахтин Вл. В Космосеро за песнями. (Записки фольклориста). — На рубеже, Петрозаводск, 1956, № 6, стр. 100—110.
Фольклорная экспедиция 1956 года в Заонежье.
829. Бирюков В., Галкин П., Китайник М. и др. Выявлять народные таланты. Обращение ко всем собирателям и любителям народного поэтического и музыкального творчества Свердловской области. — Уральский рабочий, Свердловск, 1956, № 123, 27 мая.
830. Бирюков В. и Янко М. Собирать и изучать произведения народного искусства. — Красный Курган, 1956, № 108, 22 мая.
Подготовка «Свода русского фольклора».
831. Бухарцева Л. Неиссякаемый родник художественного творчества. — Челябинский рабочий, 1956, № 181, 4 августа.
Собирание совр. фольклора.
832. Вавилина С. и Суханова И. Здесь любят песни. — Комсомолец, Петрозаводск, 1956, № 105, 4 сентября.
Экспедиция Карельского филиала Акад. наук СССР 1956 года в Беломорье.
833. Вишневский Б. Н. Работы Д. К. Зеленина по этнографии Прикамья и Урала. — В кн.: На западном Урале. Сб. статей. Молотов, Кн. изд., 1956, стр. 266—267.
834. Гаген-Торн Н. И. Потери науки. М. К. Азадовский. Некролог. — Известия Всес. геогр. общества, 1956 т. 88, № 1, стр. 93—94.
835. Ганина М. А. Роль «Современника» 1851—1858 гг. в развитии теории народной поэзии. — В кн.: Молотовский гос. унив. им. А. М. Горького. Отчетная научная сессия. Тезисы докладов историко-филол. фак-та. Молотов, 1956, стр. 31—32.
836. Громов П. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX в. — На рубеже, Петрозаводск, 1956, № 2, стр. 177—179.
Рец. на кн.: В. Б а з а н о в. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX в. Петрозаводск, Госиздат К.-Ф. ССР, 1955. См. № 845.
837. Гудзий Н. Забытые имена. — Лит. газета, 1956, № 139, 22 ноября.
Роль Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского в развитии рус. фольклористики.
838. Гусев В. Е. Об изучении истории русской фольклористики. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 3, стр. 239—249.
839. Денисов Э. и Николаев А. Сибирская песня. — Сов. музыка, 1956, № 12, стр. 55—61.
Собирательская работа 1956 года в Томской обл.
840. Егоров Б. Ф. Н. А. Добролюбов — собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии. Горький, Кн. изд., 1956. 96 стр.
Рецензия:
Жданов В. Добролюбов-фольклорист. — Вопросы литературы, 1958, № 2, стр. 211—214.
841. Из истории русско-чешских музыкальных связей. — Славяне, 1956, № 10, стр. 50.

- Неопубликованные письма П. И. Чайковского к чеш. собирателю нар. песен Л. Кубе, хранящиеся в Подебрадском музее.
842. Из истории русско-чешских музыкальных связей. Письма П. И. Чайковского к Л. Кубе и Б. Каленского к Н. М. Штрупу, М. А. Балакиреву и А. К. Глазунову, сб. 2. Вст. статья и комментарии И. Бэлзы, М., Музгиз, 1956. 48 стр.
Стр. 3—14: переписка Чайковского с Кубе о чеш. песнях.
843. Инфантьев Б. Т. Связи латышских и русских фольклористов. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук, Рига, 1956. 19 стр. (Акад. наук Латв. ССР, Инст. языка и литер.).
844. Калугина Н. Всесоюзное совещание по музыкальному фольклору. — Сов. музыка, 1956, № 4, стр. 201—202.
Краткий обзор выступлений.
845. Карелия в русской литературе XIX века. — Дружба народов, 1956, № 1, стр. 185—186.
Рец. на кн.: В. Базанов. Карелия в русской литературе и фольклористике XIX века. Петрозаводск, Госиздат К.-Ф. ССР, 1955. См. № 836.
846. Колпакова Н. Соберите народные песни. — Красный тундровик, Нарьян-Мар, 1956, № 210, 21 октября.
Экспедиция Пушкинского Дома 1956 года на Печору; запись песен и частушек.
847. Копчевский Н. За сибирской песней. — Красноярский рабочий, 1956, № 213, 9 сентября.
Экспедиция Московской гос. консерватории 1956 года в Казачинский р-н Красноярской обл.
848. Кораблинов В. А. Жизнь Кольцова, М., «Молодая гвардия», 1956. 310 стр.
Стр. 16, 26, 27, 40—44: интерес Кольцова к духовным стихам и нар. песням; стр. 153, 154, 166—171, 173: Кольцов — собиратель фольклора.
Рецензия:
Галин В. Роман о Кольцове. — Огонек, 1958, № 20, стр. 12.
849. Косов Ю. Собиратель русского фольклора. — Уральский рабочий, Свердловск, 1956, № 65, 16 марта.
И. Я. Стяжкин из г. Каменск-Уральский.
850. Лидин В. Люди и встречи. — Наш современник, альманах, кн. 4, М., 1956, стр. 223—237.
Стр. 229—231: «В. И. Симмаков».
851. Лидин В. В. И. Симмаков. — Родной край, альманах, кн. 8, Калинин, 1956, стр. 328—333.
Из книги «Люди и встречи».
852. Лихачев Д. Пушкинскому Дому — 50 лет. — Вечерний Ленинград, 1956, № 128, 2 июня.
Изучение фольклора в Инст. русской литер. (Пушкинский Дом) Акад. наук СССР.
853. Лойфман Н. и Попов С. Собирать и изучать народное творчество. — Чкаловская коммуна, 1956, № 175, 29 июля.
854. Мазуркевич А. Забытые страницы. И. Г. Прыжов об украинской литературе. — Сов. Украина, 1956, № 8, стр. 170—181.
Прыжов об укр. фольклоре.
855. Мюллер Т. Ф. О русских народных песнях, записанных Е. Э. Линевой, (Мелодика и многоголосие). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. М., 1956. 16 стр. (Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
856. Научные контакты позволяют продуктивно работать. Беседа с профессором Западноберлинского университета Максом Фасмером. — Славяне, 1956, № 8, стр. 12—13.
Переписка немец. и рус. фольклористов в XIX веке.
857. Одоевский В. Ф. Музыкально-литературное наследие. Общ. ред., вст. статья и примеч. Г. Б. Бернандта, М., Музгиз, 1956. 723 стр.
Стр. 252—254: «Старинная песня»; стр. 276—285: «Письмо кн. В. Ф. Одоевского к издателю об исконной великорусской музыке»; стр. 318—330: «Русская и так называемая общая музыка»; стр. 371—382: «Мирская песня, написанная на восемь гласов крюками с киноварными пометами»; стр. 439—442: «Опыт безымянной поэмы»; стр. 481—482: «Русский простолоудин»; стр. 482: «Прощай, девки...».
858. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I. Отв. ред. В. К. Соколова, М., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 365 стр. (Акад.

наук СССР, Труды инст. этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. XXX).

Стр. 85—110: Г. И. Бомштейн. Роль Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористики; стр. 136—171: В. К. Соколова. Проблемы этнографии и народного творчества в последней трети XVIII в.; стр. 187—210: В. К. Соколова. Взгляды и исследования декабристов в области этнографии и фольклора; стр. 211—220: В. К. Соколова. Пушкин и народное творчество; стр. 221—234: В. Е. Гусев. А. И. Герцен — этнограф и фольклорист; стр. 235—261: В. Е. Гусев. Проблемы этнографии и народной поэзии в русских журналах 50—60-х гг. XIX в. (По материалам «Современника» и «Отечественных записок»).

859. Павлов Н. П. П. В. Киреевский. — В кн.: Русские писатели в нашем крае. Калинин, Кн. изд., 1956, стр. 31—34.
860. Пиккиев И. Фольклорные записи сельской учительницы. — Правда Севера, Архангельск, 1956, № 84, 11 апреля.
Записи М. И. Шалауровой-Федоровой в Вельском р-не Архангельской обл.
861. Польшин В. Второе призвание. — Огонек, 1956, № 9, стр. 28—29.
Хор ЧТЗ, его руководитель А. Н. Селифанов, собиратель фольклора.
862. Пряжков А. Григорий Белорецкий. — Уральский современник, альманах, кн. 2 (32), Свердловск, 1956, стр. 249—269.
Собиратель рабочего фольклора.
863. Пушкарев Л. Н. Критика религии и церкви И. А. Худяковым. — Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей, 3. М., 1956, стр. 184—213.
864. Развивать и совершенствовать музыкальную науку. — Сов. музыка, 1956, № 1, стр. 3—12.
Стр. 10: изучение нар. творчества СССР.
865. Савушкина Н. Сокровищница народного творчества. — Ленинская правда, Петро-заводск, 1956, № 224, 21 сентября.
Экспедиция Московского гос. унив. им. М. В. Ломоносова 1956 года в Карелию.
866. Семар Г. В краю озер. — Учительская газета, 1956, № 80, 10 октября.
Экспедиция Московского гос. унив. им. М. В. Ломоносова 1956 года в Заонежский и Сегежский р-ны Карельской АССР.
867. Сергеев М. Марк Константинович Азадовский. — Сибирские огни, 1956, № 1, стр. 172—174.
868. Сидорова Ю. Н. Борьба Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского с буржуазной наукой о фольклоре. — Ученые записки Московского гос. библ. инст., вып. 2. История. Литература, 1956, стр. 119—131.
869. Славентантор Д. В поисках жар-птицы. — Нева, 1956, № 11, стр. 133—136.
Разыскательская работа В. И. Малышева по обнаружению текстов повести о Сухане.
870. Собирайте и изучайте устное народное творчество Чкаловской области. Сост. С. Попов и Н. Лойфман. Чкалов, 1956, 2 стр. (Обл. краеведч. музей).
871. Соболевский Алексей Иванович. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 459.
872. «Советская этнография». — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 484.
Обзор журнала.
873. Сокольский Петр Петрович. — БСЭ, т. 39, 2-е изд. М., 1956, стр. 661.
Собиратель и исследователь рус., укр. и белорус. песен.
874. Солоухин В. Мы — рязанские. — Огонек, 1956, № 7, стр. 6—8.
Собирательская работа хора с. Большая Журавинка.
875. Сумцов Николай Федорович. — БСЭ, т. 41, 2-е изд. М., 1956, стр. 282.
876. Суханов Михаил Дмитриевич. — БСЭ, т. 41, 2-е изд. М., 1956, стр. 326.
877. Трутовский Василий Федорович. — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 337.
878. Тугутов Р. Старейший краевед Забайкалья. — Бурят-Монг. правда, Улан-Удэ, 1956, № 304, 24 декабря.
Собиратель фольклора И. Я. Кондаков.
879. Хмелевская Е. М. В Институте русской литературы АН СССР. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 2, стр. 193—196.
Изложение доклада В. Е. Гусева об истории рус. фольклористики.
880. Христиансен Л. Нерешенные вопросы музыкальной фольклористики. — Сов. му-зыка, 1956, № 8, стр. 24—33.
Собирание и изучение сов. песен.
881. Христиансен Л., Гакин П., Китайник М. и др. Молодежь, собирай произведения народного творчества. — На смену. Свердловск, 1956, № 68, 6 июня.
882. Чичеров В. И. Фольклористика. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 283—285.

883. Шифрин М. Заметки о фольклоре. — Сов. музыка, 1956, № 12, стр. 62—64.
Изучение, исполнение и вопросы преподавания нар. песни.
884. Элиасов Л. О некоторых вопросах литературоведения. — Бурят-Монг. правда, Улан-Удэ, 1956, № 154, 1 июля.
Фолькл. работа в Б.-М. АССР.
885. Элиасов Л. Е. Предварительные итоги фольклорной экспедиции 1955 г. — Записки Бурят-Монг. научно-исслед. инст. культуры, XXII, Улан-Удэ, 1956, стр. 136—143.
886. Элиасов Л. Е. Собиратель и исследователь народной поэзии Сибири А. В. Гуревич. — Записки Бурят-Монг. научно-исслед. инст. культуры, XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 183—193.
887. Этнографическое совещание 1956 года. — Сов. этнография, 1956, № 3, стр. 123—141.
Стр. 135—137: обзор работы секции фольклора.
См. также №№ 5, 32, 99, 136, 417, 420, 427, 432, 651, 749, 751, 926, 936, 976, 978, 979, 1022, 1086, 1096.

б) Фольклористика народов СССР

888. Амонов Р. Фольклорная экспедиция 1955 года. — Известия Акад. наук Тадж. ССР, Отделение обществ. наук, 1956, № 9, стр. 141—146.
889. Аравин П. В. Музыкально-эстетические взгляды А. В. Затаевича. — Вестник Акад. наук Казах. ССР, 1956, № 11, стр. 28—42.
Интерес Затаевича к нар. песням.
890. Белов А. Ценный вклад в арабское языкознание. — Лит. газета, 1956, № 121, 11 октября.
Фолькл. записи И. Винникова от арабов в Узбекистане.
891. Витолинь Я. Андрей Юрьян, классик латышской музыки. (К столетию со дня рождения). — Сов. музыка, 1956, № 12, стр. 51—54.
Собиратель нар. песен.
892. Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р. Чуваши. Этнографическое исследование, ч. 1. Чебоксары, Чувашгосиздат, 1956. 416 стр.
Стр. 22: обзор изучения чуваш. нар. творчества.
893. Гордлевский В. А. Памяти Н. И. Ашмарина. — Ученые записки научно-исслед. инст. языка, литер., истории и экономики при Совете министров Чуваш. АССР, вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 268—278.
Исследователь чуваш. фольклора.
894. Гудзук В. Я. Институт этнографии и фольклора. — В кн.: X лет работы Академии наук Латвийской ССР (1946—1956). Рига, Изд. Акад. наук Латв. ССР, 1956, стр. 48—50.
895. Данилевич В. Хормейстер-фольклорист-ученый. — Сов. культура, 1956, № 17, 9 февраля.
Нар. артист СССР Г. Р. Ширма.
896. Данскер О. Л. Собрание и изучение таджикской народной песни. — Труды Инст. истории Акад. наук Тадж. ССР, т. 42, 1956, стр. 87—105.
Рецензия:
Кисляков Н. А. Издания Сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР (1951—1956). — Сов. этнография, 1957, № 5, стр. 193.
897. Десять лет Академии наук Эстонской ССР (1946—1956). Таллин, Эстгосиздат, 1956. 252 + СХ стр.
Стр. 193—196: Э. Н. Пяль. Исследование народного творчества; стр. 218—224: Э. Ю. Эртис. Литературный музей им. Ф. Р. Крейцвальда; стр. LXXIX—LXXXVIII: библиография «Филологические науки»; стр. XCVI—XCVIII: библиография «Лит. музей им. Ф. Р. Крейцвальда».
898. Ерзакович Б. Выдающийся собиратель и исследователь казахской народной музыки. К 20-летию со дня смерти А. В. Затаевича. — Сов. Казахстан, 1956, № 12, стр. 119—122.
899. Ерзакович Б. Александр Затаевич. Собиратель казахской народной музыки. — Сов. музыка, 1956, № 11, стр. 75—80.
900. Карапетян Э. К 60-летию армянского этнографического периодического издания «Азгагракан Андес». — Сов. этнография, 1956, № 2, стр. 110—114.
Фольклористика на страницах журнала «Азгагракан Андес».
901. Кирюшко Б. П. Из истории молдавского фольклора. Г. С. Горе о молдавском устном народном творчестве. — В кн.: Кишиневский гос. унив. Тезисы докладов научной конференции проф.-препод. состава. Кишинев, 1956, стр. 75.

902. **Кирошко Б. П.** Из истории молдавской фольклористики. — Коммунист Молдавии, 1956, № 10, стр. 70—74.
903. **Косвен М. О. Г.-Ф. Миллер.** (К 250-летию со дня рождения). — Сов. этнография, 1956, № 1, стр. 72—76.
Собиратель фольклора народов Сибири.
904. **Куницкий А. С.** Украинский этнограф Павел Платонович Чубинский (1839—1884). — Сов. этнография, 1956, № 1, стр. 77—85.
Собиратель и публикатор фольклора.
905. **Курдоев К. К.** Хачатур Абовян как курдовед-исследователь. (К вопросу изучения истории курдов в России). — В кн.: Очерки по истории русского востоковедения, сб. 2. М., Изд. Акад. наук СССР, 1956, стр. 360—380.
906. **Лазарев А.** Молдавское народное творчество. — Сов. культура, 1956, № 111, 20 сентября.
Работа ДНТ Молдавии.
907. **Лакоба Н.** Драгоценный родник. — Сов. Абхазия, Сухуми, 1956, № 243, 9 декабря.
Собирание совр. абхаз. фольклора.
908. **Льмова М. Т.** Выдающийся украинский этнограф Иван Яковлевич Франко. (К 100-летию со дня рождения). — Сов. этнография, 1956, № 4, стр. 3—10.
Франко как фольклорист-собираатель.
909. **Лукин Ф.** Талантливый чувашский композитор. — Сов. музыка, 1956, № 11, стр. 86—87.
Собиратель нар. песен С. М. Максимов.
910. **Мейланова У. А. П. К. Услар** — выдающийся ученый кавказовед. — Ученые записки инст. истории, языка и литер. им. Г. Цадасы Дагест. филиала Акад. наук СССР, т. I, Махачкала, 1956, стр. 182—196.
911. **Моцкус А.** Братья Юшка — собиратели и издатели литовских народных песен. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Вильнюс, 1956. 16 стр. (Вильнюсский гос. унив. им. В. Капсукаса).
912. **Народ** слагает песни. Республиканское совещание по вопросам изучения грузинского фольклора. — Заря Востока, Тбилиси, 1956, № 279, 30 ноября.
913. **Окладников А. П.** Фольклорные записи Г. Л. Линхобоева. — Записки Бурят-Монг. научно-исслед. инст. культуры, XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 117—120.
914. **Пеккер Я. Б. В. А. Успенский,** его музыкально-фольклористическая и композиторская деятельность в Средней Азии и значение его музыкальной драмы «Фархад и Ширин» в формировании узбекской оперы. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. [Б. м.], 1956. 16 стр. (Ташкентская гос. консерватория).
915. **Розенберг Я. и Калининш А.** IX научная экспедиция фольклористов Академии наук Латвийской ССР. — Известия Акад. наук Латв. ССР, 1956, № 11, стр. 157—166 (резюме на рус. яз.).
916. **Степанова Н.** Собиратель народных песен. — Сов. Латвия, Рига, 1956, № 236, 7 октября.
Композитор А. Калининш.
917. **Судейманов Б.** Выдающийся ученый-востоковед. (К столетию со дня рождения Абубакира Диваева). — Соц. Караганда, 1956, № 250, 19 декабря.
То же: Правда Южного Казахстана, Чимкент, 1956, № 251, 19 декабря.
Собиратель казах. фольклора.
918. **Сыгель Э.** Фридрих Рейнгольд Крейцвальд. — В кн.: Об эстонской литературе. Лит.-критич. статьи. Таллин, Эстгосиздат, 1956, стр. 5—48.
919. **Тигранян Армен Тигранович.** — БСЭ, т. 42, 2-е изд. М., 1956, стр. 420—421.
Собиратель арм. нар. песен.
920. **Тигранян Николай Фаддеевич.** — БСЭ, т. 42, 2-е изд. М., 1956, стр. 421.
Собиратель песен народов Кавказа.
921. **Ткач Е.** Разговор еще не закончен. — Сов. культура, 1956, № 119, 9 октября.
Фолькл. работа в Молдавии и ее недостатки.
922. **Томашевский В.** Своей тропой. — Комсомол. правда, 1956, № 89, 14 апреля.
Запись нанайск. фольклора.
923. **Успенский Виктор Александрович.** — БСЭ, т. 44, 2-е изд. М., 1956, стр. 384.
Собиратель и исследователь туркм. и узбек. нар. музыки.
924. **Шавердян Ал.** Комитас и армянская музыкальная культура. Под ред. Р. А. Ата-яна. Ереван, Армгосиздат, 1956. 344 стр.
Стр. 6, 7, 23, 25, 29, 34—41, 48, 50, 56, 59—62, 65—67, 85—90, 93—99, 103—211, 213—235, 240, 248—250, 273, 281, 283, 286—291, 296: Комитас как собиратель и исследователь арм. нар. песен; обработка им нар. песен.

Рецензии:

- 1) Книга о Комитасе. — Дружба народов, 1957, № 6, стр. 215.
 2) Кушнарев Х. Книга о Комитасе. — Коммунист, Ереван, 1957, № 55, 6 марта.
 3) Кушнарев Х. Монография о Комитасе. — Сов. музыка, 1957, № 3, стр. 142—147.
925. **Эргис Г. У.** Изучение устного творчества и литературы якутского народа. — Ученые записки инст. языка, литер. и истории Якут. филиала Акад. наук СССР вып. 4, Якутск, 1956, стр. 116—122.
 См. также №№ 5, 15, 19, 33, 56, 106, 111, 112, 117, 123, 126, 130, 131, 133, 134, 179, 454, 463, 843, 873, 992, 1000, 1088.
- в) **Фольклористика народов мира**
926. **Виноградов В. В.** Совещание Международного комитета славистов. — Славяне, 1956, № 7, стр. 16—21.
 Программа работы секции фольклора Международного конгресса славистов.
927. **Калоева И. А.** Этнографическая работа в Федеративной Народной Республике Югославии. (Исследования сербских этнографов). — Сов. этнография, 1956, № 1, стр. 122—130.
 Фолькл. работа в Югославии.
928. «Когда речь идет о фольклоре...» — Лит. газета, 1956, № 67, 7 июня.
 Высказывания на страницах югослав. газеты «Книжные новине».
929. **Мартынов И. И.** Бела Барток. Очерк жизни и творчества. М., Музгиз, 1956. 168 стр.
 Стр. 3—6, 8—10, 26—41, 48, 49, 61, 65, 66, 70, 71, 75, 76, 79, 80, 83—85, 89, 95, 102, 118—120, 131, 144, 145, 151, 154: Барток — собиратель и исследователь песенного фольклора; место обработки нар. песен в его творчестве.
Рецензия:
 Цыпин Г. Книга о Бела Бартоке. — Сов. музыка, 1959, № 4, стр. 189—190.
930. **Мартынов И. И.** Бела Барток. [М., 1956]. 20 стр. (Московская гос. филармония. В помощь слушателям концертов).
 Стр. 4—6: собрание нар. песен Венгрии, Румынии, Африки; стр. 9, 10, 14: обработка нар. мелодий.
931. **Нерсесов Г.** Этнографические материалы в журнале «В защиту мира». — Сов. этнография, 1956, № 2, стр. 136—146.
 Фольклористика на страницах журнала.
932. **Никольский С. В.** На конференции фольклористов Чехословакии. — Вестник Акад. наук СССР, 1956, № 9, стр. 71—73.
933. **Пасенчук В.** По страницам зарубежных журналов. — Сов. музыка, 1956, № 6, стр. 151—153.
 Фольклор в кит. журнале «Народная музыка».
934. Первый конгресс народных певцов. — Иностранная литература, 1956, № 2, стр. 264—265.
 Съезд певцов Бразилии (1955 год).
935. Песни шекспировских времен. — Иностранная литература, 1956, № 1, стр. 279—280.
 Запись в штатах Арканзас и Кентукки песен и преданий XV века.
936. Проект тематики IV Международного съезда славистов и вопросы к его участникам. Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1956. 20 стр. (Сов. комитет славистов).
 Стр. 11—12, 19—20: «Славянское народное творчество».
937. **Режный И.** Возрожденное искусство. — Клуб, 1956, № 12, стр. 3.
 Работа по собиранию и популяризации нар. песни в ансамбле «Музыка вольноок» (Южная Чехия).
938. **Симонов К.** Норвежский дневник. М., «Сов. писатель», 1956. 116 стр.
 Стр. 59—60: работа научно-исслед. музея в Тромсе, занимающегося сбором саам. и норвеж. нар. песен.
939. «Sing Out!» песни простых людей. — Сов. музыка, 1956, № 10, стр. 132—134.
 Публикация песен в америк. журнале «Sing Out!» («Запевай!»).
940. **Тьерсо Жан.** — БСЭ, т. 43, 2-е изд. М., 1956, стр. 533.
 Исследователь франц. нар. песен.
941. **Филиппова Н.** По страницам китайских литературных журналов. — Звезда Востока, 1956, № 4, стр. 101—105.
 Обзор фолькл. литературы.

942. Фишер Адам. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 221.
Польск. этнограф и фольклорист.
943. Фрейзер (Фрэйзер) Джеймс. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 584.
944. Фробениус Лео. — БСЭ, т. 45, 2-е изд. М., 1956, стр. 605.
Немец. этнограф.
945. Чичеров В. И. Конференция по устной народной словесности в Чехословакии. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 5, стр. 475—481.
946. Ямпольский И. Стеван Мокрањац. — Сов. музыка, 1956, № 4, стр. 195—196.
Собиратель и популяризатор серб. нар. песен; фольклор в музыке Мокрањаца.
См. также №№ 67, 137, 491, 497, 501, 504, 841, 842, 856.

III. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ ИСКУССТВОМ

1. Фольклор и литература

а) Фольклор и русская литература

1) Фольклор и русская дореволюционная литература

947. Айдарова В. Н. Элементы народной разговорно-бытовой речи в поэзии Г. Р. Державина. — Труды Сталинирского пед. инст., 3, 1956, стр. 75—90.
948. Баранов С. Ф. Фольклорные мотивы в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Труды Иркутского гос. унив., т. 12, 1956, стр. 108—120.
949. Ванслов В. В. Народность искусства. — В кн.: Вопросы марксистско-ленинской эстетики. М., Госполитиздат, 1956, стр. 221—246 (Акад. наук СССР, Инст. философии).
950. Виноградов Б. С. Песни северокавказских горцев в повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат». — Ученые записки Грозненского гос. пед. инст., № 9. Серия филол., вып. 6, 1956, стр. 163—171.
951. Гаркави А. Сказка о добром царе, злом воеводе и бедном крестьянине. Неизданное произведение Н. А. Некрасова. — Молодой колхозник, 1956, № 6, стр. 21.
952. Далгат У. Б. Элементы дагестанской народной лексики и фразеологии в языке повести Л. Н. Толстого «Хаджи Мурат» (в различных ее редакциях). — В кн.: Лев Николаевич Толстой. Сб. статей о творчестве. М., Изд. Московского унив., 1956, стр. 166—187.
Горская нар. поэзия в повести.
953. Елеонский С. Ф. Литература и народное творчество. Пособие для учителей средней школы. М., Учпедгиз, 1956. 240 стр.
Стр. 3—13: «Введение»; стр. 14—28: «Древнейшие памятники русской литературы. Летопись и ее народно-поэтические источники. „Слово о полку Игореве“ и народная поэзия»; стр. 29—43: «Русская литература XIII—XVII веков и устное народное творчество»; стр. 44—62: «Рукописная литература XVIII века и фольклор. Свообразие русского классицизма и его тесная связь с устно-народным творчеством. Ломоносов и народная поэзия»; стр. 63—76: «Русская литература последней трети XVIII века и ее отношение к фольклору. А. Н. Радищев и народная поэзия»; стр. 77—86: «Начало XIX века. Поэзия В. А. Жуковского. Народнo-поэтическая старина в его произведениях»; стр. 87—95: «Песни декабристов»; стр. 96—102: «Комедия „Горе от ума“. Народность ее речи. А. С. Грибоедов о русском народе»; стр. 103—113: «Басни И. А. Крылова. Связь их с народными пословицами и сказками»; стр. 114—145: «А. С. Пушкин и народное творчество. „Руслан и Людмила“, песни о Степане Разине, сказки, „Капитанская дочка“»; стр. 146—170: «Творчество М. Ю. Лермонтова и фольклор. „Вадим“, „Песня про купца Калашникова“»; стр. 171—188: «Гоголь и народная поэзия. „Вечера на хуторе близ Диканьки“, „Тарас Бульба“»; стр. 189—207: «Песенная лирика А. В. Кольцова, „Косарь“. А. Н. Островский. Народные истоки его творчества. „Гроза“, „Снегурочка“»; стр. 208—230: «Фольклор в поэзии Н. А. Некрасова. „Мороз, Красный нос“, „Кому на Руси жить хорошо“, песни в народном стиле»; стр. 231—238: «„Сказки“ М. Е. Салтыкова-Щедрина и их фольклорные корни. Заключение».

954. **Жаворонков А. Э.** Анекдотическая сказка А. С. Пушкина. — Ученые записки Новгородского пед. инст., т. I. Историко-филол. факультет, вып. 1, 1956, стр. 101—118.
Фолькл. истоки сказки «Царь Никита и сорок его дочерей».
955. **Келдыш В. А.** Народ в творчестве В. Г. Короленко. — Сборник трудов Московского заочн. полиграф. инст., вып. 4, М., 1956, стр. 65—88.
956. **Кирдан Б. П.** Исследования о литературно-фольклорных связях. — Сов. этнография, 1956, № 4, стр. 174—176.
Рец. на кн.: М. Г. К и т а й н и к. Д. Н. Мамин-Сибиряк и народное творчество. Свердловск, Кн. изд., 1955; Э. С. Л и т в и н. Пoesия Исаковского и народное творчество. Смоленск, Кн. изд., 1955; Русская советская поэзия и народное творчество. Л., «Сов. писатель», 1955. См. №№ 971, 975, 977, 983.
957. **Корбан В.** Мотивы молдавских баллад в повести А. С. Пушкина «Кирджали». — Октябрь, Кишинев, 1956, № 8, стр. 85—88.
958. **Кудрявцев В. Д.** О народности языка сибирских очерков и рассказов В. Г. Короленко. — Труды Иркутского гос. унив. им. А. А. Жданова, т. XVI. Серия историко-филол., вып. 3, 1956, стр. 3—17.
959. **Кудряшов С. А.** Диалектизмы в стихотворениях А. В. Кольцова. — Известия Воронежского гос. пед. инст., т. XX. Кафедра рус. языка, 1956, стр. 87—102.
960. **Луконин А. Ф.** Пословицы и поговорки в драматургии А. Н. Островского. — Ученые записки Сызранского гос. пед. инст., вып. 1, Куйбышев, 1956, стр. 23—66.
961. **Луконин А. Ф.** Сказка и предание у А. Н. Островского. — Ученые записки Сызранского гос. пед. инст., вып. 1, Куйбышев, 1956, стр. 67—102.
962. **Мушин Б. Э.** Атеизм Щедрина. — Ученые записки Удмуртского гос. пед. инст. им. 10-летия УАО, вып. 9, Ижевск, 1956, стр. 3—27.
Щедрин о мифологии и духовных стихах.
963. **Неизданная сказка Н. А. Некрасова.** — Псковская правда, 1956, № 66, 1 апреля. Сказка о царе, воеводе и крестьянине Ереме. Рукопись найдена А. Гаркави.
964. **Некрасовский сборник, II. М.—Л.** Изд. Акад. наук СССР, 1956. 516 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 15—69: И. М. Колесницкая. Крестьянская тема и народное творчество в поэзии Н. А. Некрасова 60-х годов; стр. 197—210: Т. С. Колоцова. Традиции народной сказки в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос».
965. **О сказке «Конёк-Горбунок» и ее авторе.** — В кн.: П. П. Ершов. Конёк-горбунок. Ростов н/Д., Кн. изд., 1956, стр. 3—4.
966. **Папшева Л. Ф.** Тема народа и революционной интеллигенции в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина. — Ученые записки Башкирского пед. инст., вып. 8. Серия филол., № 2. Уфа, 1956, стр. 127—161.
967. **Пирцхалова Г.** Сравнительный анализ фразеологических оборотов в русском и грузинском языках (на материале комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»). — Сухумский Гос. пед. инст. им. А. М. Горького, XVII научная сессия 1956 года. План работы и тезисы докладов, 1956, стр. 43—44.
968. **Путилов Б. Н.** Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии». — Труды отдела древнерусской литературы Инст. русской литер. (Пушкинский Дсм) Акад. наук СССР, т. XII, М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956, стр. 226—235.
969. **Пушкин.** Исследования и материалы, т. I. Ред. М. П. Алексеев. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 502 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 216—221: Л. Н. Назарова. К истории создания поэмы Пушкина «Руслан и Людмила»; стр. 236—238: Б. В. Томашевский. Сказка об орле. (Из бумаг А. С. Пушкина); стр. 238—243: В. В. Шмидт. Новая запись песни «Разбойник и сестра»; стр. 243—248: Г. Ф. Нефедов. Новая запись сказки о царе Салтане.
970. **Сидельников В. М.** Песни Кольцова и народная поэзия. — Томск, альманах, № 9, 1956, стр. 125—133.
971. **Финкельштейн Н. Д.** Н. Мамин-Сибиряк и народное творчество. — Уральский современник, альманах, № 3 (33), Свердловск, 1956, стр. 302—305.
Рец. на кн.: М. Г. К и т а й н и к. Д. н. Мамин-Сибиряк и народное творчество. Свердловск, Кн. изд., 1955. См. № 956.
972. **Шведова-Шувалова Л. П.** Традиции фольклорной сатиры в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина (сравнительный анализ сатирических типов). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 19 стр. (Московский гос. унив. им. М. В. Ломоносова).

См. также №№ 5, 25, 28, 29, 59, 98, 99, 664, 785, 848, 858, 1015, 1091.

2) Фольклор и русская советская литература

973. **Архангельская В.** Традиции народного творчества в повести «Вольница» Ф. В. Гладкова. — Новая Волга, альманах, кн. 24, Саратов, 1956, стр. 235—250.
974. **Борисов Г. И.** Работа А. Н. Толстого над языком народных сказок. — Сборник студенческих научных работ Ульяновского гос. пед. инст. им. И. Н. Ульянова, вып. 1, 1956, стр. 42—49.
975. **Бочаров А.** Новые ученые открытия. — Молодая гвардия, 1956, № 1, стр. 234.
Рец. на статьи: 1) Л. Шептаев и А. Филагова. А. Твардовский и народная лирика и 2) Д. Молдавский. Маяковский и фольклор из сб.: Русская советская поэзия и народное творчество. Л., «Сов. писатель», 1955. См. №№ 956, 977, 983.
976. Вопросы советской литературы, IV. Фольклор в русской советской литературе. Отв. ред. М. О. Скрипиль. М.—Л., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 424 стр. (Акад. наук СССР, Инст. русской литер. (Пушкинский Дом)).
Стр. 5—32: Б. Н. Путилов. О некоторых проблемах фольклоризма советской литературы; стр. 33—60: М. А. Шнеерсон. Фольклор в повести М. Горького «Фома Гордеев»; стр. 61—75: В. А. Захарова. Фольклор в повестях М. Горького «Детство» и «В людях»; стр. 76—126: И. С. Правда. Творчество В. Маяковского 1917—1924 годов и русский фольклор; стр. 127—161: А. Н. Лозанова. Народнопоэтические мотивы в романе М. Шолохова «Тихий Дон»; стр. 162—197: Н. В. Новиков. Роман Ст. Злобина «Степан Разин» и народнопоэтическое творчество; стр. 198—246: П. С. Выходцев. А. Твардовский и народнопоэтическое творчество; стр. 247—287: Э. С. Литвин. Народнопоэтическая речь в творчестве М. В. Исаковского; стр. 288—329: А. М. Астахова. Исследования советского времени о роли фольклора в русской литературе; стр. 333—432: М. Я. Мельц. Фольклор и русская советская литература. Библиографические материалы.
Рецензии:
1) Бар а г Л. Современная критика о мастерстве Шолохова. — Дружба народов, 1958, № 11, стр. 237—238.
2) Ши ш к и н а А. Н. Живая мысль. — Нева, 1959, № 3, стр. 217.
977. **Выходцев П.** На полдороге. — Лит. газета, 1956, № 80, 7 июля.
Рец. на кн.: Русская советская поэзия и народное творчество. Л., «Сов. писатель», 1955. См. №№ 956, 975, 983.
978. **Китайник М.** Взгляды П. П. Бажова на устно-поэтическое творчество. — Уральский современник, альманах, № 1 (31), Свердловск, 1956, стр. 203—215.
979. **Ковач К. А. М.** Горький об абхазском народном творчестве. — Сов. Абхазия, Сухуми, 1956, № 243, 9 декабря.
980. **Молдавский Д. М.** Путешествие в сказочный мир. — Ленинградская правда, 1956, № 218, 16 сентября.
Фолькл. основа пьес Е. Шварца.
981. Писатели восточной Сибири. Библиографический указатель, ч. 1. Иркутск, 1956. 185 стр. (Иркутский гос. унив. им. А. А. Жданова. Труды научной библиотеки, вып. 14).
Стр. 28—31: сказки Г. Ф. Кунгурова; стр. 41—42: о сказках Г. Ф. Кунгурова.
982. **Поляк Л. М.** Роль фольклора в становлении реалистического метода А. Н. Толстого. (У источников творчества). — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 4, стр. 352—364.
983. **Путилов Б.** Начало серьезного разговора. — Звезда, 1956, № 4, стр. 179—181.
Рец. на кн.: Русская советская поэзия и народное творчество. Л., «Сов. писатель». 1955. См. №№ 956, 975, 977.
984. **Резников Л.** Путь к «Песне о буревестнике». — Сов. Молдавия, Кишинев, 1956, № 148, 27 июня.
Молд. фольклор в раннем творчестве М. Горького.
985. **Романенко Д.** Сказы о русских умельцах. — Известия, 1956, № 306, 27 декабря.
Рец. на кн.: М. Кочнев. Время — польмя. М., «Сов. писатель», 1956. — Фолькл. основа сказов Кочнева.
986. **Рыльский М.** Наше кровное дело. — Лит. газета, 1956, № 132, 6 ноября.
Народность литературы.
987. **Сельвинский И.** Народность и поэзия. — Лит. газета, 1956, № 124, 18 октября.

Рецензии:

- 1) Горелов Ал. Писатель и фольклор. — Нева, 1958, № 11, стр. 205—213.
- 2) Нинов А. Больше требовательности. — Вопросы литературы, 1959, № 9, стр. 214—215.
988. Михаил Шолохов. Сб. статей. Отв. ред. Б. А. Ларин. Л., Изд. Ленинградского унив., 1956. 275 стр.
- Стр. 12—63: А. А. Горелов. «Тихий Дон» М. Шолохова и русское народное поэтическое творчество; стр. 64—97: Ф. А. Абрамов. Народ в «Поднятой целине» М. Шолохова; стр. 165—194: В. Г. Ветвицкий. Диалектизмы как средство создания местного колорита в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».
- Рецензии:
- 1) Бараг Л. Современная критика о мастерстве Шолохова. — Дружба народов, 1958, № 11, стр. 237—238.
- 2) Коляда Е. Научные издания Ленинградского университета. — Вопросы литературы, 1957, № 8, стр. 207—208.
989. Шпет Л. Сказка на театре. — Театр, 1956, № 4, стр. 85—96.
- Пьесы-сказки С. Я. Маршака, П. Г. Маляревского, Е. Л. Шварца. См. также №№ 5, 32, 140, 791, 1054, 1060, 1064.

б) Фольклор и литература народов СССР

990. Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. М., 1956. 496 стр. (Акад. наук СССР, Инст. востоковедения — Инст. мировой литер. им. А. М. Горького).
991. Брагинский И. С. Очерки из истории таджикской литературы. Сталинабад, Таджикгосиздат, 1956. 454 стр.
- Стр. 13—87: элементы народного поэтического творчества в памятниках древней и средневековой таджикской письменности; стр. 88—122: заметки о таджикском народном эпосе «Гургули»; стр. 166—206: заметки о поэме «Вису Ромин» и некоторых других эпических произведениях раннесредневековой таджикской литературе; стр. 281—375: народные элементы в таджикской прозе IX—XV веков (обзор).
- Рецензии:
- 1) О пафосе исследователя. — Дружба народов, 1957, № 5, стр. 217—218.
- 2) Османов Н. Итог большого труда. — Лит. газета, 1957, № 86, 18 июля.
992. Елкин А. Ценное исследование об Иване Франко. — Дружба народов, 1956, № 1, стр. 176.
- Рец. на кн.: М. С. Возняк. Из жизни и творчества Ивана Франко. Киев, Изд. Акад. наук УССР, 1955 (на укр. яз.). — Франко как фольклорист.
993. Корлягану Н. Г. Синонимы в сказке Иона Крянгэ «Иван Турбинкэ». — Кишиневский гос. унив. Тезисы докладов научной конференции проф.-препод. состава. Кишинев, 1956, стр. 71—72.
994. Лазарева А. Пословицы и поговорки в летописи Иоана Некулче. — Октябрь, Кишинев, 1956, № 11, стр. 94—96.
- «Летопись старины Молдавии» (XVIII век).
995. Нарьярных Н. С. Юбилей Франко. — Известия Акад. наук СССР, Отделение литер. и языка, 1956, т. XV, вып. 6, стр. 566—568.
- Изложение доклада А. И. Дей «И. Франко и народное творчество», прочитанного 18 октября 1956 года в Инст. мировой литер. им. А. М. Горького Акад. наук СССР.
996. Охрименко П. П. Творческие переработки баллады «Пани Твардовская» Адама Мицкевича в украинской и белорусской литературах первой половины XIX века. — Ученые записки Гомельского гос. пед. инст. им. В. П. Чкалова, вып. III, Минск, 1956, стр. 89—97.
- Фолькл. основа баллады «Пани Твардовская» и ее переработок.
997. Сарв И. Народная фразеология в творчестве Ф. Р. Крейцвальда. — Ученые записки Тартуского гос. унив., вып. 41. Студенческие науч. работы историко-филол. и юридич. фак-тов. Таллин, 1956, стр. 117 (резюме на рус. яз.).
998. Унгвицкая М. А. Развитие фольклорной традиции в советской хакасской литера-

- туре. — Ученые записки Абаканского гос. пед. инст., вып. II. Юбилейный сборник, 1956, стр. 130—153.
999. Фрейнберг К. Трагедия «Илья Муромец» [Яна Райниса]. — Сов. Латвия, Рига, 1956, № 213, 11 сентября.
1000. Ясько Н. Иван Франко о народном творчестве Закарпатья. — Сов. Закарпатье, Ужгород, 1957, № 201, 27 августа.
См. также №№ 15, 16, 59, 908, 1019.

в) Фольклор и литература народов мира

1001. Вургафт М. Е. Народные черты поэзии Свифта. — Ученые записки Ульяновского пед. инст., вып. 8, 1956, стр. 473—508.
1002. Кжижановский Ю. Народные мотивы в творчестве Мицкевича. — Журнал Польской Акад. наук, Варшава, 1956, т. I, вып. 2—3, стр. 50—76.
1003. Клименко Е. И. Народная речь в романах Вальтера Скотта. — Ученые записки Ленинградского гос. унив. им. А. А. Жданова, № 212. Филол. фак-т. Серия филол. наук, вып. 28. Зарубежная литература, 1956, стр. 102—126.
1004. Кляшторина В. Б. Фольклорные жанры в демократической поэзии Ирана периода революции 1905—1911 гг. — Краткие сообщения Инст. востоковедения Акад. наук СССР, 22, 1956, стр. 56—65.
1005. «Такэтори-моногатарии». — БСЭ, т. 41, 2-е изд. М., 1956, стр. 547—548.
Фолькл. основа первой япон. повести.
См. также №№ 68, 517, 758, 996.

2. Фольклор и творчество композиторов

1006. Бажов П. Песня о дружбе. — Сов. музыка, 1956, № 7, стр. 23—25.
Якут. нар. мелодии в оратории Г. Григоряна «Северная весенняя».
1007. Байкадамов Б., Брусилоский Е., Ерзакович Б., Кужамьяров К., Тулебаев М. Изучать и развивать народное творчество. — Казахская правда, Алма-Ата, 1956, № 136, 13 июня.
Нар. песни в произведениях композиторов Казах. ССР.
1008. Ванча Э. Роль фольклора в румынской музыке. Пер. с румын. И. Меликсон. — Сов. музыка, 1956, № 5, стр. 167—169.
1009. Генина Л. Александра Пахмутова. — Сов. музыка, 1956, № 1, стр. 26—30.
Песни и частушки в музыке Пахмутовой.
1010. Гордеева Е. Мусоргский и народная песня. — Сов. музыка, 1956, № 4, стр. 122—130.
1011. Горюхина Н. А. Основные черты украинской хоровой классической музыки и их развитие в хоровом творчестве советских композиторов. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Киев, 1956. 18 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Нар. основы хорового творчества сов. композиторов.
1012. Игнатьева М. О народности подлинной и мнимой. — Дружба народов, 1956, № 9, стр. 144—149.
Музык. фольклор в профессиональном искусстве.
1013. Кандинский А. И. Проблема народности в оперном творчестве Н. А. Римского-Корсакова 60—70-х годов. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. М., 1956. 15 стр. (Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
1014. Карагуля Э. К вопросу о национальных истоках творчества А. Хачатуряна. — Сообщения инст. истории искусств Акад. наук СССР, 9. Музыка, М., 1956, стр. 66—72.
1015. Медведев А. Русская сказка в балете. — Сов. музыка, 1956, № 4, стр. 19—24.
Нар. истоки музыки Р. Щедрина к балету «Конек-Горбунок».
1016. Мирошников А. А. Хоровое творчество Стеценко. Теоретическая часть исполнительской диссертации на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Киев, 1956. 16 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Стр. 4, 5, 8—11, 13, 14: народно-песенные традиции в хоровом творчестве К. Г. Стеценко.
1017. Мотивы польских народных песен в произведениях украинских композиторов. — Информационный бюллетень польского агентства печати, 1956, 11 VIII—20 VIII. Приложение, стр. 6.
1018. Мурадян М. Кара-Мурза. Зачинатель армянской хоровой музыки. — Сов. музыка 1956, № 11, стр. 81—85.
Обраб. нар. песен.

1019. Параско З. Музыка Н. В. Лысенко к «Кобзарю» Т. Г. Шевченко. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. Киев, 1956. 18 стр. (Киевская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
Народно-песенные истоки музыки Лысенко.
1020. Пекелис М. «Эпова речь» в творчестве Мусоргского. — Сов. музыка, 1956, № 7, стр. 75—80.
Нар. истоки песни «Дуют ветры».
1021. Руа К. Приглашение к джазу. — В защиту мира, 1956, № 56, стр. 81—86; № 57, стр. 66—73.
Нар. истоки джаза в песнях негров; фолькл. основа блюзов.
1022. Творчество ленинградских композиторов 1948—1955. Обзорно-критические статьи под ред. А. Н. Должанского. Л., Музгиз, 1956. 240 стр.
Стр. 118—141: А. Сохор. Песни; стр. 220—226: Н. Котикова. Изучение и обработка народной песни.
1023. Тудор А. Национальный композитор Румынии. (К 75-летию со дня рождения Джордже Энеску). — Иностранная литература, 1956, № 9, стр. 242—244.
1024. Хохлов Ю. Н. Песенное творчество Шуберта. Исследования и материалы. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. М., 1956. 16 стр. (Московская гос. консерватория им. П. И. Чайковского).
1025. Шумская Н. Садко Н. А. Римского-Корсакова. М., Музгиз, 1956. 79 стр. (Путеводители по русской музыке).
См. также №№ 179, 420, 422, 423, 463, 489, 497, 501, 909, 914, 916, 924, 929, 930, 946, 1045, 1059, 1075, 1077.

3. Фольклор и творчество художников

1026. Выставка работ художника Е. М. Рачева. 50 лет со дня рождения. Каталог. М., 1956. 30 стр. (Оргкомитет ЕСХ СССР).
Иллюстрации к сказкам.
1027. Жуков Н. Искусство широкой улыбки. — Сов. культура, 1956, № 145, 8 декабря.
Иллюстрации Е. Рачева к нар. сказкам.
1028. Иллюстрации к сказкам народов Северо-Востока. — Магаданская правда, 1956, № 188, 12 августа.
Рисунки Д. А. Брюханова.
1029. Ливеровский А. Не пугайте детей! — Новый мир, 1956, № 2, стр. 270—271.
Иллюстрации к изданиям сказок для детей.
1030. Лобанов В. М. Богатырь живописи. — Молодой колхозник, 1956, № 1, стр. 24.
История создания картин В. М. Васнецова на фолькл. сюжет.
1031. Попова Н. Иллюстратор народных сказаний. — Вечерний Ленинград, 1956, № 191, 16 августа.
К 80-летию со дня рождения И. Я. Билибина.
1032. Титова В. Г. и Титов Г. А. В. И. Суриков. Красноярск, Кн. изд., 1956. 206 стр.
Стр. 18, 20, 49: интерес Сурикова к устной поэзии; стр. 130—141: работа над картиной «Взятие снежного городка»; стр. 148—150: фолькл. истоки картины «Покорение Сибири Ермаком»; стр. 169—177: народно-поэтическая основа картины «Степан Разин».

4. Фольклор и искусство кино

1033. Волгин Бор. Фильм о народе-богатыре. — Труд, 1956, № 285, 9 декабря.
Рец. на кинофильм «Илья Муромец». Сценарий М. Кочнева. См. №№ 1034, 1035, 1039.
1034. Долгоголов М. Фильм о силе русского народа. — Известия, 1956, № 292, 11 декабря.
Рец. на кинофильм «Илья Муромец». Сценарий М. Кочнева. См. №№ 1033, 1035, 1039.
1035. Колесниченко Е. «Илья Муромец». — Огонек, 1956, № 37, цветная вкладка.
Новый кинофильм. Сценарий М. Кочнева. См. №№ 1033, 1034, 1039.
1036. По мотивам афганских сказок. — Сов. культура, 1956, № 126, 25 октября.
Кинофильм «Маленький Шего», созданный «Союзмультифильмом».
1037. По мотивам народного творчества. Работы студии «Союзмультифильм». — Московская правда, 1956, № 232, 4 октября.
Экранизация сказок.

1038. Фильмы-сказки. Сценарии рисованных фильмов, вып. IV. М.—Л., «Искусство», 1956. 216 стр.
Обраб. венг., алб. и укр. сказок.
1039. Чичеров В. Творческая фантазия и требования науки. О фильме «Илья Муромец». — Сов. культура, 1956, № 154, 29 декабря.
Рец. на кинофильм. Сценарий М. Кочнева. См. №№ 1033—1035.

5. Авторская массовая песня

а) Русская массовая песня

1040. Абрамов Г. Слово певца. — Сов. музыка, 1956, № 2, стр. 61—63.
Обзор масс. сов. песен.
1041. Автор наших любимых песен. — Сов. воин, 1956, № 22, стр. 27.
Творчество композитора А. Г. Новикова.
1042. Боголепов Б. Поэт-песенник Афанасий Красовский. — Крымская правда. Симферополь, 1956, № 226, 18 ноября.
1043. Бочаров А. Советская массовая песня. М., «Сов. писатель», 1956. 218 стр.
Рецензия:
Кущин Г. Несколько замечаний о книге «Советская массовая песня». — Вопросы литературы, 1957, № 2, стр. 191—195.
1044. Бялик М. Песни Георгия Носова. — Сов. музыка, 1956, № 9, стр. 28—31.
1045. Вайнкоп Ю. Песня в творчестве ленинградских композиторов. — Ленинградская правда, 1956, № 62, 13 марта.
1046. Верхолашин П. Сборник песен. — Призыв, Владимир, 1956, № 61, 25 марта.
Рец. на кн.: А. Ф а т ь я н о в. Поет гармонь. Владимир, Кн. изд., 1955.
1047. Дзержинский И. Письма путешествующего музыканта. — Сов. музыка, 1956, № 11, стр. 88—93.
Популярность в народе сов. масс. песен.
1048. Казьмин П. Рождение песни. (Из воспоминаний о В. Г. Захарове). — Сов. музыка, 1956, № 11, стр. 68—74.
1049. Канаев Н. Полезная книга. — Соц. Якутия, Якутск, 1956, № 245, 18 октября.
Рец. на кн.: Песни. Эстрадный сборник. Пер. с рус. И. П. Егорова. Якутск, Кн. изд., 1956 (на якут. яз.). — Масс. песни.
1050. Кац С. Песни П. Акуленко. — Сов. музыка, 1956, № 7, стр. 102.
1051. Коваленков Ал. Песня, стих и подтекстовка. — Сов. музыка, 1956, № 9, стр. 47—53.
Совр. масс. песни.
1052. Корев Ю. Песня в творчестве Сигизмунда Каца. — Сов. музыка, 1956, № 10, стр. 31—35.
1053. Корев Ю. Советская массовая песня. (Лекция). М., Музфонд СССР, 1956. 36 стр.
1054. Лебедев П. О сборниках песен. — Комсомол. правда, 1956, № 56, 6 марта.
Состав сб. масс. песен; нар. переделки авторских песен.
1055. Левит С. Советская песня в борьбе за мир. — Сообщения Инст. истории искусств Акад. наук СССР, 9. Музыка. М., 1956, стр. 5—35.
Обзор масс. песен.
1056. Мартынов И. Вдохновенный мастер. (О творчестве В. Захарова). — Сов. музыка, 1956, № 9, стр. 3—8.
1057. Мурадели В. Мы поем его песни. . . — Сов. Россия, 1956, № 106, 1 ноября.
Творчество А. Г. Новикова.
1058. Овсянникова М. О чем пели женщины. — Сов. Россия, 1956, № 77, 28 сентября.
Популярность сов. песен в зарубежных странах.
1059. Озеров Л. Песня-романс-ария. — Сов. музыка, 1956, № 4, стр. 50—56.
Песня в творчестве сов. композиторов.
1060. Поликанов А. А. Вопросы поэтики песен М. Исаковского. — Ученые записки Шуйского пед. инст., вып. 3, 1956, стр. 178—229.
1061. Поляновский Г. Детям — красивые, яркие песни. — Учительская газета, 1956, № 97, 8 декабря.
Масс. песни для детей.
1062. Поляновский Г. Песни Ваню Мурадели. — Сов. музыка, 1956, № 5, стр. 87—90.
1063. Пэн А. И. Дунаевский. М., Музфонд СССР, 1956. 72 стр.
Рецензия:
Волков А. Популярные брошюры о советских композиторах. — Музык. жизнь, 1957, № 1, стр. 22.

1064. **Смирнова В. О** литературе и театре. Статьи. М., «Сов. писатель», 1956. 410 стр. Стр. 108—112: «Автор песни» [М. В. Исаковский].
1065. **Соловьев-Седой В.** За подлинную массовость. — Сов. музыка, 1956, № 5, стр. 34—37.
Обзор масс. песен.
1066. **Шостакович Д.** Большой талант, большой мастер. — Искусство кино, 1956, № 1, стр. 46—48.
И. О. Дунаевский и его работа в кино.
1067. **Шумская Н.** Авторские вечера. — Сов. музыка, 1956, № 2, стр. 105.
Песни А. Г. Новикова.
См. также №№ 5, 415, 418, 423, 432, 439, 736, 738, 741, 743—749, 953, 956, 970, 976, 1022, 1089, 1092.

б) Массовая песня народов СССР

1068. **Аманбаев А.** Народный композитор и певец. К 50-летию со дня рождения А. Малдыбаева. — Сов. Киргизия, Фрунзе, 1956, № 299, 23 декабря.
Автор масс. песен.
1069. **Бабаев М. О** наших песнях. — Звезда Востока, 1956, № 11, стр. 95—97.
Совр. масс. песни.
1070. **Воскобойников М.** Возрожденное творчество. — Бурят-Монг. правда, Улан-Удэ, 1956, № 292, 15 декабря.
Песни, созданные поэтами-эвенками.
1071. **Гердберг Б.** Несется песня над Амуром... — Сов. культура, 1956, № 111, 20 сентября.
Автор совр. нанайск. песен Вл. Заксор.
1072. **Исмаилова Г.** Песни Сеида Рустамова. — Сов. музыка, 1956, № 6, стр. 31—34.
Творчество совр. азерб. композитора.
1073. **Накаряков В.** Весна поэта. — Комсомол, правда, 1956, № 196, 19 августа.
Литов. поэт Ю. Марцинкявичюс — автор популярных песен.
1074. **Озолинь Я.** Советская песня. — Сов. Латвия, Рига, 1956, № 82, 7 апреля.
Песенное творчество композиторов Латв. ССР.
1075. **Столяр Э.** Молдавские песни. — Сов. музыка, 1956, № 12, стр. 143—144.
Рец. на кн.: Кынтиге молдовенешть. Кишинев, 1955. — Обработ. нар. и авторские песни.
1076. **Хоменко В.** Талантливый композитор-песенник. — Правда Украины, Киев, 1956, № 5, 6 января.
К 60-летию со дня рождения Г. Г. Веревки.
1077. **Шумская Н. М. М. Валеев (1888—1955).** — Лит. Башкирия, альманах, вып. 7, Уфа, 1956, стр. 202—204.
Автор масс. песен и обработок нар. образцов.
См. также №№ 422, 464, 1016.

в) Авторская песня народов мира

1078. **Бэлза И.** Песни музыканта-воина. — Славяне, 1956, № 1, стр. 55.
Рец. на кн.: П сии Вита Неедлы. Реперт. сб. для просвет. организаций и коллективов худож. самодеятельности. Прага, 1955 (на чеш. яз.).
1079. **Вьенар Ж.** О песне. Пер. с франц. Г. Шнейерсона. — Сов. музыка, 1956, № 6, стр. 141—143.
Судьба авторских песен во Франции.
См. также №№ 755, 756, 763, 1024.

IV. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

1080. **Джакипбеков М.** Стилистическое употребление лексики и фразеологии в произведениях Джамбула. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Алма-Ата, 1956. 13 стр. (Акад. наук Казах. ССР, Инст. языка и литер.).
1081. **Евгеньева А. П.** Языковые особенности «Песни о рябине в записи 1699 г. как материал для ее локализации. — Ученые записки Ленинградского пед. инст.. т. 15. Факт языка и литер., вып. 4, 1956, стр. 163—181.

1082. Кононенко В. Из наблюдений над синтаксисом языка русских и украинских пословиц и поговорок. — Студенческие ученые записки Киевского гос. унив. им. Т. Г. Шевченко, сб. XVIII, 1956, стр. 127—144.
1083. Овчарук С. А. Обобщенно-личные предложения в украинских пословицах. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Херсон, 1956. 16 стр. (Одесский гос. унив. им. И. И. Мечникова).
1084. Степанова Е. М. Способы передачи чужой речи в северных народных сказках. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук. М., 1956. 15 стр. (Московский обл. пед. инст.).
1085. Филиппова В. Лексические гнезда и способы толкования слов в «Толковом словаре» В. Даля. — Ученые записки Саратовского гос. пед. инст., вып. XXV. Сб. научных студенч. работ, вып. 1. Саратов, 1956, стр. 22—31.
Пословицы в «Толковом словаре».
См. также №№ 816, 947, 958, 959, 967, 974, 976, 988, 993, 997, 1003.

V. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ; ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ НАРОДНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА

1086. Бессонов Л. П. Идеино-политическая борьба в преподавании народного творчества в русской школе в 60—90-х гг. XIX века. — Ученые записки Ленинградского гос. пед. инст., т. XVIII. Фак-т языка и литер., вып. 5, 1956, стр. 184—215.
1087. Бочаров Г. К. Литературное чтение в VI классе. М., Изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1956. 240 стр. (Акад. пед. наук РСФСР).
Стр. 7—75: «Русская народная поэзия».
Рецензия:
Некрасова А. Д. — Литература в школе, 1957, № 6, стр. 84—86.
1088. В помощь учителю школ Крайнего Севера, вып. 6. Сост. Ф. Ф. Кронгауз. Л., Учпедгиз, 1956. 192 стр.
Стр. 54—67: Э. Н. Куприянова. Собрание и изучение устного творчества ненцев за 25 лет; стр. 168—176: Е. П. Лебедева. Как собирать произведения устного творчества народов Севера; стр. 177—186: И. И. Сидоров. Мой опыт собирания эвенкийского фольклора, его использование в школьной практике и в работе с родителями учащихся.
1089. Владимиров В. Н. и Оксер С. Б. Музыкальная литература, вып. 1, 2-е изд. М., Музгиз, 1956. 176 стр.
Худож. самодеятельность; дореволюционные и совр. песни; песни сов. композиторов, рус. революционные песни; колыбельные песни.
1090. Воробьев П. Г. Изучение устного народного творчества в V классе средней школы. Пособие для учителей. М., Учпедгиз, 1956. 80 стр.
1091. Воробьев П. Г. Уроки литературного чтения в V классе. М., Изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1956. 252 стр. (Акад. пед. наук РСФСР).
Стр. 34—90: «Произведения устной народной поэзии»; стр. 91—103: «Пушкин и народное творчество».
Рецензия:
Жданова Н. В. — Литература в школе, 1957, № 2, стр. 71—74.
1092. Дышлевская В. А. Русская народная песня в музыкальном воспитании учащихся. В помощь учителю пения. М., Изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1956. 84 стр.
Обрядовые, революционные, сов. песни; былины.
1093. Попова Т. В. Русское народное музыкальное творчество. Учебное пособие для консерваторий и муз. училищ, вып. 2. М., Музгиз, 1956. 272 стр.
Стр. 8—36: рус. исторические песни XVI—XVII веков; стр. 37—52: укр. исторические песни и думы; стр. 53—60: баллады; стр. 61—72: трудовые припевки и трудовые песни; стр. 73—105: хороводные, плясовые шуточные, беседные и гостевые песни; стр. 106—160: протяжная лирическая песня; стр. 161—187: о ладовой организованности рус. народно-песенной мелодики; стр. 188—247: рус. нар. подголосочное многоголосие; стр. 248—266: рус., укр. и белорус. нар. музыкальные наигрыши.
Рецензия:
Кулаковский Л. Книга о народном творчестве. — Сов. музыка, 1957, № 10, стр. 149—151.
1094. Праздник песни как средство повышения хоровой культуры школьников (метод. письмо). Сост. В. А. Дышлевская. М., Учпедгиз, 1956. 38 стр.
1095. Программа по русскому народному творчеству (для филол. фак-тов гос. унив.). Авторы: В. П. Аникин, С. И. Василенок, Э. В. Померанцева, В. М. Сидельников, П. Д. Ухов, В. И. Чичеров (отв. ред.). М., Изд. Московского унив., 1956. 22 стр. (Мин-во высш. образования СССР).

1096. Русское народное поэтическое творчество. Пособие для вузов. Под общ. ред. П. Г. Богатырева, 2-е изд. М., Учпедгиз, 1956. 620 стр.
Стр. 3—24: П. Г. Богатырев. Введение; стр. 25—39: Е. И. Василенко. Основоположники марксизма-ленинизма о народном поэтическом творчестве; стр. 41—64: М. К. Азадовский. Фольклористика XVIII в.; стр. 65—70: М. К. Азадовский. Декабристская фольклористика; стр. 71—76: М. К. Азадовский. Фольклористические воззрения Пушкина; стр. 77—84: М. К. Азадовский. Собиратели фольклора 30—40-х гг. XIX в.; стр. 85—111: М. К. Азадовский. Революционно-демократическая фольклористика; стр. 112—119: М. К. Азадовский. Собрание фольклора в 60—80-х годах XIX в.; стр. 120—133: Ю. Н. Сидорова. Буржуазные школы в русской фольклористике и борьба с ними; стр. 134—137: М. К. Азадовский. Фольклористические исследования в начале XX в.; стр. 138—155: Ю. Н. Сидорова. А. М. Горький о народном творчестве; стр. 156—167: Э. В. Померанцева. Советская фольклористика; стр. 169—175: К. В. Чистов. Происхождение поэзии и ранние стадии ее развития; стр. 176—190: Б. Н. Путилов. Народное творчество древней Руси (X—XVII вв.); стр. 191—203: Б. Н. Путилов. Народное творчество в период появления и развития капиталистических отношений и разложения феодального строя (XVIII—пер. пол. XIX в.); стр. 204—215: К. В. Чистов. Народное творчество эпохи капитализма и первой русской революции; стр. 216—236: В. И. Чичерин. Календарная поэзия и обряд; стр. 237—254: Э. В. Померанцева. Семейная обрядовая поэзия; стр. 255—263: П. Г. Богатырев. Заговоры; стр. 264—282: М. И. Шахнович. Пословицы и поговорки; стр. 283—294: И. М. Колесницкая. Народные загадки; стр. 295—323: Э. В. Померанцева. Сказки; стр. 324—366: П. Д. Ухов. Былины; стр. 367—405: В. К. Соколова. Исторические песни; стр. 406—443: А. М. Новикова. Народные лирические песни; стр. 444—462: А. М. Новикова. Народные частушки; стр. 463—495: В. Ю. Крупянская. Народный театр; стр. 496—535: А. Л. Дымшиц. Устно-поэтическое творчество фабрично-заводских рабочих; стр. 537—618: В. Ю. Крупянская и С. И. Минц. Русское советское народно-поэтическое творчество.
Рецензии:
1) Гусев В. Нерешенные проблемы фольклористики. — Русская литература, 1958, № 1, стр. 264—269.
2) Пропп В. Учебник — глазами студентов. — Русская литература, 1958, № 2, стр. 230—233.
1097. Селезнев С. П. Изучение национального фольклора в чувашской школе. — В кн.: Литература в национальной школе. М., Изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1956, стр. 49—61.
1098. Скятский Б. В. Хрестоматия по истории Осетии, ч. 1, 2-е изд. Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд., 1956. 378 стр.
Стр. 39—56: «Быт древних осетин по осетинским нартским сказаниям»; стр. 119—129: «Классовая борьба в осетинском обществе по осетинским историческим песням» (тексты).
1099. Устное народное творчество. Для фак-тов и отделений рус. яз. и литер. пед. и учит. инст. Авторы: Н. В. Водовозов и В. М. Сидельников. Ташкент, 1956. 12 стр. (Мин-во просвещения Узбек. ССР, Отделение пед. вузов и училищ).
1100. Ухов П. Д. Методические указания по курсу «Русское народное творчество». Для студентов-заочников I курса филол. фак-тов гос. унив. М., Изд. Московского унив., 1956. 34 стр. (Московский гос. унив., Научно-методич. кабинет при заочном отделении).
См. также №№ 883, 953.

VI. БИБЛИОГРАФИЯ

1101. Библиография изданий Академии наук Узбекской ССР. Систематический указатель книг и статей (1943—1952). Сост. Ф. А. Шнейдерман и В. Г. Бек-Назарова. Ташкент, Изд. Акад. наук Узбек. ССР, 1956. 258 стр. (Акад. наук Узбек. ССР, Фундаментальная библиограф. секция).
Стр. 23—28: «Литература. Фольклор».
1102. Библиография советской библиографии. 1955. М., Изд. Всес. кн. палаты, 1956. 314 стр. (Всес. кн. палата).
Стр. 222: «Фольклор».

1103. Ежегодник книги СССР. 1955 (1-е и 2-е полугодие). Систематический указатель. М., Изд. Всес. кн. палаты, 1956. 565 и 557 стр. (Всес. кн. палата).
1104. Киви О. Эстонская художественная литература, фольклор и критика на русском и других языках народов СССР. 1940—1955. Библиография. Таллин, Эстгосиздат, 1956. 372 стр.
Стр. 231—246: «Эстонский фольклор».
Рецензия:
Пя л л и н г В. Ценный библиографический справочник. — Сов. Эстония, Таллин, 1957, № 180, 1 августа.
1105. Книги 1955 года для детских и школьных библиотек. Рекомендательный указатель литературы, вып. IV. М., 1956. 104 стр. (Библ. СССР им. В. И. Ленина).
Стр. 52: «Русский фольклор».
1106. Летопись музыкальной литературы, №№ 1—4, М., Изд. Всес. кн. палаты, 1956.
1107. Литература и искусство за рубежом. Информационный бюллетень по материалам советской печати, №№ 1—4, М., 1956. (Всес. гос. библи. иностр. литер.).
1108. Литература о Дальнем Востоке 1955 г. Хабаровск, 1956. 152 стр. (Хабаровская краеведческая библи.).
Стр. 121—122: «Фольклор»; стр. 125: «Художественная самодеятельность».
1109. Мацуев Н. И. Художественная литература русская и переводная 1938—1953 гг. Библиография, т. I (1938—1945). М., Гослитиздат, 1956. 548 стр.
Стр. 391—412: «Фольклор».
1110. Новая иностранная книга в библиотеках Академии наук СССР и Академий наук Союзных республик, т. 10. Систематический каталог изданий 1942—1955 гг., поступивших в течение 1955 г. М., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 674 стр.
Стр. 492—510: «Литературоведение и фольклор».
1111. Новая иностранная литература по литературоведению, вып. 1—12. М., 1956. (Акад. наук СССР, Фундаментальная библи. обществ. наук).
1112. Новая литература по европейским странам народной демократии и славяноведению, вып. 1—12. М., 1956. (Акад. наук СССР, Фундаментальная библи. обществ. наук).
1113. Новая советская литература по истории, археологии и этнографии, вып. 1—12. М., 1956. (Акад. наук СССР, Фундаментальная библи. обществ. наук).
1114. Новая советская литература по литературоведению, вып. 1—12. М., 1956. (Акад. наук СССР, Фундаментальная библи. обществ. наук).
1115. Сводный бюллетень новых иностранных книг, поступивших в библиотеки СССР. Серия Б. Общественные науки, № 2 (16). М., Изд. иностр. литер., 1956. 735 стр.
Стр. 524—527: «Фольклор».
1116. Советская этнография. Указатель статей и материалов, опубликованных в 1946—1955 гг. М., Изд. Акад. наук СССР, 1956. 44 стр.
1117. Указатель статей к Ученым запискам Казанского ордена Трудового Красного знамени гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина за 1900—1950 гг. Сост. Н. А. Калягина. Казань, 1955. 132 стр. (Казанский гос. унив. им. В. И. Ульянова-Ленина).
Стр. 17: «Фольклор».
1118. Художественная литература Германской Демократической Республики. Библиографический указатель книг и статей, опубликованных в советской печати и в печати Германской Демократической Республики в 1954 г. М., 1956. 166 стр. (Всес. гос. библи. иностр. литер.).
Стр. 152—153: «Фольклор».
1119. Художественная литература Польши. Библиографический указатель книг и статей, опубликованных в советской печати и печати Польши в 1954 г. М., 1956. 215 стр. (Всес. гос. библи. иностр. литер. Страны народной демократии).
Стр. 199—200: «Фольклор».
1120. Художественная литература Польши. Библиографический указатель книг и статей, опубликованных в советской печати и печати Польши в 1955 г. М., 1956. 275 стр. (Всес. гос. библи. иностр. литер. Страны народной демократии).
Стр. 255—256: «Фольклор».
1121. Эстонская детская литература. 1940—1955. Указатель литературы. Сост. Л. Пюсс. Л., Детгиз, 1956. 136 стр. (Дом детской книги Детгиза (Ленинградский филиал)).
Стр. 5—7, 15—18, 93—94: «Народное творчество».
См. также №№ 5, 15, 19, 50, 99, 826, 897, 976, 981.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН К БИБЛИОГРАФИИ

- Абаев В. И. 130
 Абасова Э. 463
 Абдулла С. 440
 Абдуллаева Ш. М. 129
 Абдурашидов Г. 630
 Абовян Х. 905
 Аборкин В. 11
 Абрамов Г. 1040
 Абрамов Ф. А. 988
 Абрамский А. С. 414
 Абутков Д. М. 370
 Аванесов С. 755
 Авдеева Л. А. 555
 Агишев Р. 170
 Аджубей А. И. 519
 Адрианова-Перетц В. П. 288, 292, 298
 780
 Азадовский М. К. 826, 834, 867, 1096
 Азимов С. А. 106
 Айдарова В. Н. 947
 Айни К. 441
 Айни С. 441
 Акимов А. 520
 Акимова А. 781
 Акритас П. Г. 331
 Аксаков М. 769
 Аксюк С. В. 369, 373, 416, 443, 697
 Акуленко Г. 521
 Акуленко П. С. 1050
 Алавия М. 707
 Александрн В. 372
 Александров А. 793
 Александров М. 522
 Александрова А. Н. 206
 Алексеев М. П. 969
 Алексеева О. Б. 5
 Алемасова К. 396
 Алиев Р. 11, 716
 Алферов В. 523
 Алькаева Л. О. 64
 Альперин А. И. 644
 Алябьев А. Н. 420
 Аманбаев А. 1068
 Амиров Ф. 371
 Амонов Р. 888
 Андреев А. А. 288
 Андреев И. 404
 Андреев П. 524
 Андреева Е. 556
 Аникеев Н. П. 94
 Аникин В. П. 301, 1095
 Аннимова Л. П. 140, 768
 Аннанурова С. 442
 Анцелане А. Я. 660
 Аравин П. В. 477, 889
 Арагон Л. 626
 Аренштейн А. 583
 Аристова Т. Ф. 481
 Аристэ П. 482
 Артемов В. 315
 Архангельская В. К. 973
 Аршба Т. 794
 Асрори В. 795, 809
 Астахова А. М. 5—7, 827, 976
 Атаян Р. А. 463, 924
 Афзалов М. И. 107, 129
 Ахундов А. С. 161
 Ашмарин Н. И. 893
 Бабаев А. А. 64
 Бабаев М. 1069
 Бабушкин Н. Ф. 5
 Бадалбейли А. 463
 Бажов П. 1006
 Бажов П. П. 791, 978
 Базапов В. Г. 5, 836, 845
 Бай Юнь-шэн 674
 Байкадамов Б. 1007
 Байко Д. 564
 Байко М. 564
 Байко Н. 564
 Балакирев М. А. 842
 Балтер Б. И. 289
 Балтин П. И. 796
 Балты Т. 824
 Бараг Л. Г. 976, 988
 Баранов С. Ф. 948
 Баранская Н. В. 417
 Барашков И. 798
 Барсебян А. 557
 Барсебян С. 12
 Барток Б. 929, 930
 Басистова Н. 218
 Бассаргин Б. А. 52
 Бахтин В. С. 1, 828
 См. Гельман В. С.
 Баширов Г. Б. 176, 304
 Башоян С. 584
 Бгажба Х. С. 160
 Бегимов А. 91
 Беззубова Ф. И. 140, 768, 822
 Бейко Б. 286
 Бек-Назарова В. Г. 1101
 Беккер М. И. 69
 Беликов Л. В. 33
 Белинович Н. С. 164—167, 782
 Белов А. 890
 Белов Е. 483
 Белов Ю. 302
 Белович Н. 23
 Белосерова А. П. 359
 Белорецкий Г. П. 737, 862
 Бельский А. И. 87
 Белый В. А. 368
 Беляев В. М. 363, 369, 374, 386
 Березняков Н. 752
 Березовский И. П. 303
 Беркелнев К. 652, 653
 Бернандт Г. Б. 857
 Бессонов Л. П. 1086
 Бестужев-Марлинский А. А. 59
 Библин И. Я. 1031
 Бирюков В. П. 691, 829, 830
 Бобо Юнус 795, 802

- Богазов У. 168
 Богатырев П. Г. 1096
 Богач Г. Ф. 372
 Богданов П. 738
 Богданова М. 418
 Богданова М. И. 129
 Боголепов Б. 1042
 Боголюбская М. К. 290
 Боескоров Г. К. 797, 798
 Божич Л. 558
 Боков В. Ф. 697
 Болотин С. Б. 374, 394, 411
 Бомштейн Г. И. 858
 Бондарева М. А. 360
 Борисов В. 631, 700
 Борисов Г. И. 974
 Боровков А. К. 108, 129
 Бородин М. 637
 Бороэдкина М. 525
 Ботев Х. 517
 Бочаров А. Г. 975, 1043
 Бочаров Г. К. 1087
 Бояджиев Г. Н. 675, 676
 Брагинский И. С. 990, 991
 Бритаев С. Б. 168
 Брудный Д. Л. 183
 Брук Г. 551
 Брусиловский Е. Г. 1007
 Брюсов В. Я. 12
 Брюханов Д. А. 1028
 Бувакин А. С. 565
 Букин Е. 779
 Булатов М. А. 148, 156, 185
 Булычевский В. 186
 Буслаев Ф. И. 837
 Бухарцева Л. 831
 Былов В. М. 24
 Бэлза И. Ф. 842, 1078
 Бюль-Бюль 371
 Бялик М. Г. 1044
- Вавилина С. 832
 Вайдаев В. М. 226
 Вайнкоп Ю. Я. 1045
 Вайнштейн С. И. 34
 Валеев М. М. 1077
 Валитова А. А. 129
 Вальдман В. С. 219
 Вальдю А. Л. 170
 Вальева С. П. 316
 Ван Вэй 484
 Вансеев З. Н. 346
 Ванслов В. В. 949
 Ванча Э. 1008
 Варшавский А. С. 390
 Василенко В. А. 4, 419, 704
 Василенко Е. И. 1096
 Василенко Э. 422
 Василенок С. И. 84, 1095
 Васильев Л. 52
 Васильев С. 109
 Васина-Гроссман В. А. 423
 Васнецов В. М. 1030
 Вафо Ю. 809
 Вахтер А. 475, 570
 Вахтин Б. Б. 97
- Введенский И. И. 5
 Вейланд О. 756
 Веревка Г. Г. 1076
 Вересай О. 422
 Верхолашин П. 1046
 Веселков Г. Н. 11, 35
 Веселовский А. Н. 837
 Ветвицкий В. Г. 988
 Викулов С. В. 1, 2, 8, 10
 Вилипс Р. 13
 Винер А. Б. 559
 Винников И. 890
 Виноградов Б. С. 950
 Виноградов В. В. 926, 936
 Виноградов В. С. 443
 Вирсаладзе Е. Б. 16
 Вирта Т. 228, 265
 Витолинь Я. Я. 420, 444, 891
 Вишневский Б. Н. 833
 Владимиров В. Н. 1089
 Водовозов Н. В. 1099
 Возняк М. С. 992
 Войда А. 620, 621
 Волгин Б. 1033
 Волков А. 181, 1063
 Волконский М. П. 264
 Воловик Г. 694
 Вологодина В. Н. 65
 Воробьев Н. И. 892
 Воробьев П. Г. 1090, 1091
 Воронцов Ю. 526
 Воскобойников М. Г. 36, 37, 192, 212, 1070
 Всеволожский В. 622
 Вургафт Е. М. 1001
 Выгодская Э. О. 389
 Выдрин И. 235
 Вызго Т. С. 445
 Выходцев П. С. 976, 977
 Вьенар Ж. 1079
- Габышев Л. 109
 Гаврилин В. 632
 Гаврилов М. 560
 Гаген-Торн Н. И. 834
 Галащук Б. И. 758
 Галин В. 848
 Галкин П. Д. 829, 881
 Галов Б. 252
 Галочкин Н. М. 647
 Ганина М. А. 835
 Гаркави А. М. 951, 963
 Гарыбаев Ш. Х. 436
 Гасанов Г. А. 373
 Гейлиг М. Ф. 485
 Гельгадт Р. Р. 330
 Гельман В. С. 783
 См. Бахтин В. С.
 Генин Л. Е. 66
 Генина Л. 1009
 Гернет Н. В. 406
 Герцберг Б. 1071
 Герцен А. И. 858
 Гиппиус Е. В. 367
 Гиппиус С. В. 406
 Гладков Ф. В. 973

- Гладыш М. 83
 Глазунов А. К. 842
 Глинка М. И. 422
 Глушкина А. Е. 413, 505
 Говоров Д. М. 813
 Говоров С. 672
 Гоголь Н. В. 953
 Голубкова М. Р. 781, 791
 Гольдин М. 753
 Гольцев В. 527
 Гончаров В. М. 225
 Горбов Д. А. 274
 Гордеева Е. М. 1010
 Гордлевский В. А. 893
 Горе Г. С. 901
 Горелов А. 718
 Горелов А. А. 987, 988
 Городецкий С. М. 86
 Горький М. 5, 976, 979, 984, 1096
 Горюхина Н. А. 1011
 Гранин Ю. 717
 Граховский С. 561
 Граши А. 174
 Гребнев Л. В. 110, 313
 Гребнев Н. И. 376—378
 Грибачев Н. М. 528
 Грибоедов А. С. 953, 967
 Григорян Г. А. 446, 1006
 Григулис А. 13, 22
 Грималюк Т. 447
 Гримм В. 219
 Гримм Я. 219
 Гриниер П. А. 94
 Громов П. 2, 836
 Грошева Е. А. 562
 Грубер Р. И. 485
 Грязнов А. 522
 Гудзий Н. К. 25, 837
 Гудзук В. Я. 894
 Гудримас Ю. К. 448
 Гулисашвили Б. А. 449
 Гулия Г. Д. 196, 317
 Гулия Д. И. 328
 Гулям Х. 111
 Гумарова М. 816
 Гумеров А. 304
 Гуревич А. В. 26, 886
 Гурьянов А. В. 739
 Гусев В. Е. 5, 740, 838, 858, 879, 1096
 Гусев Д. И. 330
 Гъечи В. 486
- Давыдов Д. Н. 5
 Даия Т. 397
 Даггат У. Б. 130, 952
 Даль В. И. 608, 646, 651, 1085
 Данилевич В. 895
 Данилов Кирша 5
 Данилов Н. Ф. 54
 Данскер О. Л. 19, 450, 896
 Данькевич К. 563
 Дароян С. К. 183
 Датлин С. 404
 Дегейтер П. 755, 756, 759, 765
- Дей А. И. 995
 Демиденко М. И. 253, 725, 728
 Денисов Э. 839
 Державин В. В. 88
 Державин Г. Р. 947
 Державин К. Н. 758
 Джабаров И. 129
 Джакпбеков М. 1080
 Жакишев У. 799
 Джамбул 803, 804, 808, 816, 822, 1080
 Живелегов А. К. 675
 Дзержинский И. И. 1047
 Ди Чжи 487
 Диваев А. А. 917
 Дмигерко Л. Д. 488
 Дмитраков И. П. 4, 6
 Дмитракова Р. А. 4
 Дмитриев В. 397
 Дмитриев Н. 264
 Дмитриев С. 88, 93
 Дмитриев Ю. 759
 Добровольский Б. М. 366
 Добролюбов Н. А. 840, 868
 Доброхотов Б. В. 420
 Долгополов М. 1034
 Должанский А. Н. 1022
 Долидзе Н. И. 175
 Долматовский Е. А. 404
 Домановский Л. В. 27, 99, 622, 645
 Дондуков У. 708
 Донской Ф. 15
 Доронин И. И. 685
 Доскей 807
 Доступова Т. 760
 Друскин М. С. 432
 Думитрашко В. 564
 Дунаевский И. О. 1063, 1066
 Дымшиц А. Л. 300, 1096
 Дышлевская В. А. 1092, 1094
 Дьяконов Л. В. 220
- Евгеньева А. П. 1081
 Евсеев В. Я. 761
 Егоров Б. Ф. 840
 Егоров И. П. 1049
 Елеонский С. Ф. 953
 Елизаренкова Т. Я. 94
 Елкин А. 992
 Емельченко И. 646
 Емельянов Л. И. 5, 421
 Еременко В. 338
 Ермакович Б. Г. 477, 816, 898, 899, 1007
 Ерикеев А. Ф. 383
 Ермаченко А. В. 706
 Ершов П. П. 965, 1015
 Ефимов М. 643
 Ефремов Ю. А. 709
- Жаворонков А. З. 954
 Жантекеева З. 816
 Жарков Т. 816
 Жданов В. В. 840
 Жданова Н. В. 1091
 Живцов А. И. 364

- Жигулев А. М. 613, 628
 Жирмунский В. М. 129
 Жислина С. С. 695
 Жоржолани Г. 625
 Жуков Н. Н. 1027
 Жуковский В. А. 953
 Жуковский Г. 451
 Жукровский В. 230
 Журавина О. 170, 210

 Заболотский В. 530
 Загута И. 254
 Задунайская Э. М. 240
 Зазгарский А. 565
 Заксор В. 1071
 Зайцев В. И. 99
 Занд М. И. 38
 Зарифов Х. Т. 106, 129
 Зарицкая Р. И. 432
 Заруба Е. 677
 Зарубин А. П. 380
 Заручинская Н. 452
 Затаевич А. В. 889, 898, 899
 Захаров В. Г. 1048, 1056
 Захарова В. А. 39, 976
 Захидов В. Ю. 106, 129
 Заходер Б. В. 231
 Зверев С. А. 798, 812
 Зеленин Д. К. 833
 Зеленчук В. С. 40
 Зелинский К. Л. 23, 803, 804, 808
 Зимин А. А. 99
 Зимица И. П. 622
 Злобин С. П. 976
 Злыднев В. И. 23
 Зудин П. Б. 509
 Зыков В. 9

 Иванников В. С. 410
 Иванов А. 412
 Ивановский И. 389
 Ивановский Я. 739
 Игнатьева М. 1012
 Ильин И. 392а
 Инал-Ипа Ш. Д. 130
 Иноземцева Г. 531
 Инфантьев Б. Т. 843
 Иоделене О. 213
 Иорданский В. 640
 Иорданский М. В. 391
 Иоффе Э. 305
 Ирасек А. 341
 Исаакян А. 179
 Исаковский М. В. 956, 976, 1060,
 1064
 Исмаилов Е. 453
 Исмаилова Г. 1072
 Итигин А. 532
 Итс Р. Ф. 97

 Кабалевский Д. Б. 423, 586
 Кабаченко Е. 626
 Кавтаскин Л. С. 466
 Кадыков Н. 187
 Кадышев С. П. 209
 Казин В. В. 87

 Казьмин П. М. 548, 1048
 Кайев А. А. 741
 Кайпназаров В. 91
 Калашникова Е. 686
 Каленский Б. 842
 Калинин А. С. 303, 309
 Калмыков И. 112
 Калинин А. 916
 Калинин В. 567
 Калининш А. 915
 Калоев Б. А. 130
 Калоев Г. Э. 130
 Калоева И. А. 927
 Каломирис М. 490
 Калугина Н. 533, 844
 Калягина Н. А. 1117
 Кан Тай-су 241
 Канаев Н. 15, 1049
 Кандинский А. И. 1013
 Канн-Новикова Е. И. 422
 Капанцян Г. 78
 Капиев Э. М. 626
 Капиева Н. В. 376, 800
 Каппе Ю. 211
 Кара-Мурза 1018
 Каравелов Л. 517
 Карагичева А. В. 454
 Караюлян Э. 1014
 Каралаев С. 769
 Карапетян Э. 900
 Карасев Ю. 719
 Каргаполов Н. А. 291
 Карнаухова И. В. 150, 292
 Карпова В. 626
 Карху Э. Г. 465
 Карышева Т. И. 422
 Карягды Д. оглы 371
 Кассис В. 721
 Касьянов И. А. 783
 Касымов С. С. 44, 106
 Каташ С. С. 14, 801
 Кац С. Н. 1050, 1052
 Кацнельсон И. С. 269
 Качулиев И. 587
 Кашникова В. 254
 Кашеев В. 623, 634
 Кашеева Г. Л. 113
 Келдыш В. А. 955
 Келдыш Ю. В. 432
 Кемне М. 13, 22
 Кенджегулов И. 796
 Кенель А. А. 447
 Кенжебаев Б. 45
 Керашев Т. М. 204
 Кешоков А. П. 89
 Кжижановский Ю. 1002
 Кибардина А. 362
 Киви О. 1104
 Ким В. 638
 Кимягаров Б. 588
 Кирдан Б. П. 46, 956
 Киреев М. 89
 Киреевский П. В. 859
 Кириллов В. Ф. 384
 Кироско Б. П. 901, 902
 Киселев Г. 422

- Кислова З. П. 360
 Кисляков Н. А. 670, 802, 896
 Китайник М. Г. 829, 881, 956, 971, 978
 Клименко Е. И. 1003
 Климович Л. И. 114, 115, 129
 Клоков И. Я. 610
 Ключникова Е. М. 788
 Клягина-Кондратьева М. И. 232, 233
 Кляшторина В. Б. 1004
 Ковалева Т. 80
 Коваленков А. 1051
 Ковач К. 979
 Козницкий Ф. Е. 455, 589
 Козлов Н. В. 197, 207
 Кокаре Э. Я. 654
 Коковин Е. С. 164
 Кокоулина А. 686
 Колесницкая И. М. 964, 1096
 Колесниченко Е. 1035
 Колосова Т. С. 964
 Колпакова Н. П. 7, 846
 Кольцов А. В. 848, 953, 959, 970
 Коляда Е. 988
 Комитас 179, 924
 Комовская Н. Д. 9
 Кондаков И. Я. 878
 Кононенко В. 1082
 Конфуций 96
 Конюкова Л. 535
 Копосов А. П. 351, 367
 Коптелов А. Л. 14, 15, 198
 Копчевский Н. 847
 Кор-оглы Х. 116
 Кораблинов В. А. 848
 Корев Ю. С. 1052, 1053
 Корлэтяну Н. Г. 993
 Корнилова В. 590
 Коробан В. 957
 Короленко В. Г. 955, 958
 Королюкова А. Н. 766
 Корчагин И. 424
 Косвен М. О. 903
 Косов Ю. 849
 Костантов Д. Г. 800
 Котикова Н. Л. 696, 1022
 Кочетков А. С. 88
 Кочнев М. Х. 985, 1033—1 35, 1039
 Кочелев Я. Р. 347
 Кравцов Н. И. 136, 228
 Кравчинская В. А. 6
 Кравчук П. 456
 Крамов И. 626
 Краснова А. 226
 Красовский А. 1042
 Крашенинников В. Л. 233
 Крейцвальд Ф. Р. 88, 918, 997
 Кретов А. И. 710
 Кривоухатский И. 425
 Кривошеева Е. П. 822
 Криушенко Ю. 398, 494
 Кронгауз Ф. Ф. 1088
 Кругляшова В. П. 742
 Крупянская В. Ю. 415, 433, 434, 1096
 Крылов И. А. 953
 Крыстев В. 495
 Крюков Н. Н. 591
 Крянгэ И. 243, 993
 Куба Л. 841, 842
 Кубик И. Ш. 283
 Кудрявцев В. Д. 958
 Кудряшов С. А. 959
 Кужамьяров К. 1007
 Кузьмина В. Д. 99, 664
 Кулаковский Л. В. 665, 1093
 Кульда Б. М. 283
 Кунгуров Г. Ф. 981
 Куницкий А. С. 904
 Купалов И. 704
 Куприянова З. Н. 1088
 Курбансахатов К. 35
 Курдоев К. К. 905
 Курелла Т. 592
 Кусикьян И. К. 718
 Кутасова О. 412
 Куусинен О. В. 87
 Кучер В. 409
 Кушнарев Х. С. 673, 924
 Куширов Р. 244
 Кушин Г. 1043
 Кылыч М. 805
 Кюнзегеш Ю. 15
 Лаврентьев Б. 276
 Лавров Ф. И. 5, 422
 Лавровский Л. М. 568
 Ладыжец В. И. 319
 Лажиев Д. 171, 282
 Лазарев А. 906
 Лазарева А. 994
 Лазутин С. Г. 766
 Лакоба Н. 907
 Ландау Е. И. 816
 Лапшин П. 611
 Ларин Б. А. 988
 Ларионов И. Н. 324
 Ларионов Г. П.
     см. Белорезцкий Г. П.
 Латов В. С. 483, 496
 Лаугаеде Э. 492
 Лащилин Б. С. 325, 326
 Лебедев В. В. 245
 Лебедев К. А. 318, 320, 724
 Лебедев П. 1054
 Лебедев П. Ф. 607
 Лебедева Е. П. 1088
 Лебедева Л. 805
 Лебединский Л. Н. 118
 Левашов В. С. 357
 Левашова О. Е. 432
 Левит С. И. 1055
 Левченко Н. 376, 626
 Лемешев С. Я. 537
 Ленин В. И. 5, 31, 36, 180, 1096
 Леннрот Э. 87
 Ленский А. С. 711
 Ленч Л. С. 644
 Леонова Т. Г. 293
 Леонтьев В. 329
 Леонтьев Н. П. 781
 Лермонтов М. Ю. 59, 953

- Лесков Н. С. 5
 Лесников А. 538
 Ли Габ Ки 343
 Ли М. 638
 Ливеровский А. 1029
 Лидин В. Г. 850, 851
 Лилеева И. А. 68
 Линева Е. Э. 855
 Линтур П. В. 303, 309
 Линхобоев Г. Л. 332, 913
 Липкин С. И. 48, 89, 90
 Лисициан С. С. 669
 Листопадов А. М. 431
 Литвак Г. Н. 457
 Литвин Э. С. 5, 146, 159, 206, 219, 222, 225, 231, 236, 272, 956, 976
 Лихачев Д. С. 6, 29, 852
 Лобанов В. М. 1030
 Лозанова А. Н. 5—7, 366, 976
 Лозневой А. Н. 214
 Лойфман Н. Я. 853, 870
 Локтев В. С. 393, 401
 Локшин Д. Л. 551
 Ломова М. Т. 908
 Ломоносов М. В. 858, 953
 Лоо А. 475
 Лопатин Н. М. 363
 Лу Гун 221, 342, 662
 Луговской В. А. 404
 Луговской И. С. 203
 Лукин Ф. М. 909
 Луконин А. Ф. 960, 961
 Лупанова И. П. 6, 784
 Лысенко Н. В. 1019
 Львов С. 348
 Львова А. Н. 892
 Льюранс Т. 388
 Лю Ци 92
 Любарская А. И. 236, 266

 Маграчев Л. И. 622
 Мазуркевич А. Р. 854
 Мазуровская А. 15
 Майнагашева В. Е. 119
 Майоров И. 181
 Макиенко П. А. 426
 Маковский В. 367
 Максетов К. 91
 Максименко В. 207
 Максимов В. 324
 Максимов П. Х. 204
 Максимов С. М. 909
 Малдыбаев А. 1068
 Малмыгин С. 626
 Мальцев М. И. 120
 Мальцев С. 233
 Малышев В. И. 98, 99, 869
 Маляревский П. Г. 989
 Мамедов Н. 463
 Мамедов Ю. 717
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 956, 971
 Марков Д. Ф. 23
 Маркова В. Н. 286, 413, 505
 Маркс К. 1096
 Мартынов И. И. 420, 495, 501, 929, 930, 1056

 Марцинкявичюс Ю. 1073
 Маршак С. Я. 147, 247, 399, 407, 729, 989
 Маскаев А. И. 5, 100, 306
 Массалитинов К. И. 427, 428
 Матвеевко А. Н. 188
 Матвейчук Н. Ф. 5
 Матъе М. Э. 79
 Маунг Хтин Аунг 315
 Маурэ М. 429
 Мацуев Н. И. 1109
 Машистов А. 392а
 Маяковский В. В. 975, 976
 Медведев А. В. 697, 1015
 Мейен В. А. 385
 Мейланова У. А. 910
 Мелетинский Е. М. 101, 130
 Меликсон И. 1008
 Мельц М. Я. 5, 976
 Мендельсон М. И. 69
 Мендельсон Ф. Л. 269
 Меновщиков Г. А. 33
 Меньшиков Л. Н. 236
 Мешкерис В. А. 19
 Мизин Н. И. 249
 Микушев А. К. 5, 458
 Миллер Г.-Ф. 903
 Минц С. И. 1, 2, 5, 8, 10, 415, 433, 434, 1096
 Мирошников А. А. 1016
 Мисюрев А. А. 706
 Михайлов А. А. 335, 359, 539, 781
 Михайлов Г. И. 137
 Михайлов М. 496
 Михайлов Н. Н. 497
 Михайлов Ф. 807
 Михалков С. В. 250
 Михальчи Д. 678
 Михеева М. И. 770
 Мицкевич А. 996, 1002
 Можаяев Б. А. 207, 301, 312
 Моисеева М. 237, 244
 Мокраняц С. 946
 Мокульский С. С. 678
 Молдавский Д. М. 86, 288, 292, 298, 975, 980
 Момыш-улы Б. 333
 Монгайт А. Л. 80
 Монтан И. 590, 594, 595
 Моор Х. А. 58
 Мордасова Н. 701
 Мороз А. 569
 Мосолов А. В. 430
 Моцкус А. 911
 Музафаров Р. И. 627
 Мурадели В. И. 1057, 1062
 Мурадов А. 716
 Мурадян М. О. 673, 1018
 Мусаев А. 771
 Мусиенко Д. 571, 572
 Мусоргский М. П. 1010, 1020
 Мушин Б. З. 962
 Мшвелидзе А. С. 374, 754
 Мэргэн К. 17
 Мюллер Т. Ф. 855
 Мякея Р. 642

- Набиев Р. Н. 106
 Назаревич А. Ф. 49
 Назаров А. 155
 Назарова Л. Н. 969
 Найдакова В. 307
 Накаряков В. 1073
 Нальский Я. 318, 795, 802, 808, 809
 Наръярных Н. С. 995
 Насыров Я. 235
 Наумов К. 574
 Негри Р. 268
 Неедлы В. 1078
 Некрасов Г. 771
 Некрасов Н. А. 951, 953, 963, 964
 Некрасова А. Д. 1087
 Некулче И. 994
 Немчинова Н. И. 227
 Немчинский Я. О. 230
 Нерсесов Г. 931
 Нефедов Г. Ф. 969
 Нечаев А. Н. 151, 152
 Нечаев П. 762
 Нидерле Л. 80
 Никитин П. 121
 Николаев А. 692, 839
 Николаева Е. 541
 Никольский Н. М. 84
 Никольский С. В. 932
 Николюкин А. Н. 763
 Никулин М. А. 431
 Нинов А. А. 987
 Новиков А. Г. 501, 551, 1041, 1057, 1067
 Новиков А. П. 357
 Новиков И. 745
 Новиков И. А. 189
 Новиков Н. В. 5, 7, 976
 Новикова А. М. 743—745, 1096
 Ногмов Ш. 59
 Норманн Э. М. 655
 Носов Г. Н. 1044
 Нудьга Г. А. 464
 Нурджанов Н. 19, 670, 671
 Нурмагамбетова О. 816
 Образцов А. 704
 Образцов С. В. 594, 595, 666, 679, 680
 Овсянникова М. Д. 1058
 Овчарук С. А. 1083
 Овчинникова А. 542
 Одинокое В. 15
 Одоевский В. Ф. 857
 Озеров Л. 1059
 Озолинь Я. 1074
 Окладников А. П. 913
 Окрошидзе Т. Д. 16
 Оксер С. Б. 1089
 Оленичева А. М. 351
 Олсуфьев М. Ю. 243
 Ольденбург С. Ф. 232
 Орбели И. А. 122, 718
 Осипов В. 502
 Осипов Ю. 238, 240
 Оскоцкий В. 235
 Османов Н. 991
 Османова Э. 51, 256
 Островский А. Н. 953, 960, 961
 Островский В. А. 235, 255, 257, 503, 658
 Охрименко П. 726
 Охрименко П. П. 996
 Павлий П. Д. 53
 Павлов Н. П. 859
 Павлич И. 403
 Палладин А. И. 404
 Пасенчук В. М. 933
 Папшева Л. Ф. 966
 Параско З. 1019
 Пахмутова А. Н. 1009
 Пекелис М. С. 1020
 Пеккер Я. Б. 914
 Пелих Г. И. 347
 Пеньковский Л. М. 129
 Первомайский Л. 488
 Перту П. 465
 Перцов В. О. 32
 Петников Г. Н. 208
 Петонов В. 404
 Петр Первый 325
 Петров Н. 798, 812
 Петрова И. 641
 Петрухин А. И. 54
 Пиккнев И. А. 269, 860
 Пинус Е. М. 505
 Пирцхалова Г. 967
 Пискунов В. М. 123
 Плоткина И. А. 313
 Поделков С. А. 467, 479
 Подобин В. М. 622
 Позднеев А. В. 5
 Поздняев К. 467
 Познанский М. 647
 Покрамович Е. С. 258
 Покровский В. 785
 Полевой Б. Н. 543
 Поликанов А. А. 1060
 Полищук Н. С. 746
 Поляк Л. М. 982
 Полюнин В. 861
 Поляновский Г. А. 1061, 1062
 Померанцева Е. 261
 Померанцева Э. В. 1—3, 5, 8, 10, 294, 295, 306, 309, 786, 1095, 1096
 Пономарев Г. 319
 Попов А. И. 124
 Попов И. Е. 585
 Попов П. 125
 Попов С. А. 853, 870
 Попова Н. 1031
 Попова Т. В. 423, 1093
 Попрыкин С. 320
 Потье Э. 755, 756, 759, 765
 Потявин В. М. 120, 703
 Правдина И. С. 976
 Прицкер Д. А. 392
 Прозоровский Л. В. 375
 Прокунин В. П. 363
 Пропп В. Я. 5, 99, 101, 102, 104, 355, 1096

- Протопопов В. В. 423
 Прохорова Е. В. 535
 Прыжов И. Г. 854
 Прямов А. 862
 Птица К. Б. 577
 Пудожгорский В. 362
 Путилов Б. Н. 5—7, 99, 102, 433, 968,
 976, 983, 1096
 Пухов И. В. 813
 Пушкарев Л. Н. 434, 863
 Пушкин А. С. 59, 858, 953, 954, 957,
 969, 1091, 1096
 Пэн А. А. 1063
 Пюсс Л. 1121
 Пяллинг В. 1104
 Пяль Э. Н. 897
 Пятигорский А. М. 94

 Рагоза А. Н. 256
 Радин Л. П. 736, 747
 Радищев А. Н. 953
 Разговоров Н. 271
 Райнис Я. 999
 Раковский Г. С. 517
 Рамазанов Г. 17
 Раппопорт Г. П. 55
 Рахимов М. 671
 Рачев Е. М. 1026, 1027
 Ревуцкий Л. Н. 422
 Редин Е. И. 149
 Режний И. 598, 937
 Резников Л. Я. 984
 Ржевский Б. 468
 Римский-Корсаков Н. А. 1013, 1025
 Рифтин Б. Л. 337, 469
 Рогов А. 579
 Рогожникова А. Е. 787
 Родыгин Е. 545
 Рождественская Н. И. 695
 Рождественский В. А. 404
 Розенберг Я. 915
 Розенфельд А. Э. 256, 671
 Розина Н. 788
 Романенко Д. 15, 985
 Романов А. 814
 Романов Н. Р. 892
 Ронская К. 599, 600
 Рослякова А. 767
 Россиянов О. 764
 Рохас А. 601
 Руа К. 71, 1021
 Рубакин А. 765
 Рубцов Ф. А. 602
 Ругоев Я. В. 815
 Руже де Лиль К. 760, 762
 Русаков В. 435
 Рустамов С. 371, 1072
 Рыбакова Н. В. 151, 152
 Рыбакова С. 546
 Рыбин В. 193
 Рывина Е. И. 392
 Рыжов И. 223
 Рыльский М. Ф. 488, 986

 Савушкина Н. И. 1, 2, 8, 10, 296—298,
 865

 Саган-Оол О. 15
 Сагитов И. Т. 18, 129
 Садовый Н. А. 268
 Садыков Т. 129
 Садыкова Д. М. 667
 Саидова М. 201
 Сакали М. А. 302, 310
 Сакания М. 794
 Сакочич Г. 470
 Салих А. 772
 Салтыков-Щедрин М. Е. 948, 953, 962,
 966, 972
 Салье М. А. 267, 277, 278
 Сарв И. 997
 Саркисян Х. 122
 Сарыбаев Б. 436
 Сатывалдыев С. 814
 Свешников А. В. 551
 Свифт Д. 1001
 Сеитов Х. 91, 127
 Сейтаков Б. 194
 Селезнев С. П. 1097
 Селифанов А. Н. 861
 Сельвинский И. Л. 987
 Семар Г. 866
 Семенов В. 727
 Семенов Л. П. 130
 Семенов М. 471
 Семенов Ю. 506, 632, 724
 Семидетова П. 739
 Сенкевич-Гудкова В. В. 311
 Сергеев М. А. 15, 197, 867
 Серебряков И. 94
 Сидельников В. М. 6, 327, 330, 706, 970,
 1095, 1099
 Сидоров И. И. 1088
 Сидорова Ю. Н. 8, 868, 1096
 Сикорская Т. С. 388, 394, 411
 Сильченко М. С. 816
 Симаков В. И. 850, 851
 Симонов К. М. 938
 Симонова А. Р. 892
 Сироткин М. Я. 56
 Сихарулидзе К. А. 16
 Скитский Б. В. 1098
 Скоорохова А. С. 782
 Скорик П. Я. 197
 Скоринно Л. И. 791
 Скороходов М. Е. 334, 335
 Скосьрев П. Г. 716
 Скотт В. 1003
 Скрёбок С. С. 423
 Скрипиль М. О. 5, 7, 976
 Славентантор Д. Е. 869
 Слиянова-Мизандари Д. 472
 Слауцкий Б. А. 734
 Смердов А. И. 308, 382
 Смирнов Б. Л. 94, 138
 Смирнов В. М. 712
 Смирнов Г. 635
 Смирнова В. В. 77, 1064
 Смирнова Л. 376
 Смирнова Н. С. 129, 816
 Смирнова Я. С. 20
 Смолянинова Л. 453
 Собкович А. С. 23

- Соболев А. И. 614
 Соболевский А. И. 871
 Советов С. С. 758
 Соймонов А. Д. 5, 6, 366
 Соколов Ф. В. 366
 Соколов-Микитов И. С. 146
 Соколова В. К. 858, 1096
 Соколовский Р. 509
 Сокольский П. П. 873
 Соловьев И. 333
 Соловьев Л. В. 719
 Соловьев-Седой В. П. 1065
 Соловьева Л. 172, 180, 200
 Солодухо Я. С. 510
 Солоухин В. А. 874
 Сороковиков-Магай Е. И. 15
 Сохор А. Н. 420, 748, 749, 1022
 Спасенко К. 21
 Спендиаров А. А. 179
 Стальский Н. 128
 Стальский С. 626, 810, 821, 822
 Старикова О. 637
 Старинина Е. 195
 Стародумов В. 202
 Стасов В. В. 749, 785
 Стеблин-Каменский М. И. 93
 Стендер-Петерсен А. И. 437
 Степанов Г. 10
 Степанов Л. 659
 Степанова Е. 302
 Степанова Е. М. 1084
 Степанова Н. 916
 Степугина Т. В. 97
 Стефанеева Е. Л. 331
 Стеценко К. Г. 1016
 Стиф К. 437
 Столяр Э. 1075
 Страннолюбский Б. М. 381
 Стяжкин И. Я. 849
 Су Лань 405
 Суворов И. И. 216
 Судрабкалн Я. 13, 22
 Сулейманов Б. 917
 Сулейманов Х. С. 129
 Султанов И. А. 106
 Сумак И. 601
 Сумцов Н. Ф. 875
 Суразаков С. С. 14, 15
 Суриков В. И. 1032
 Суханов М. Д. 876
 Суханова И. 832
 Сыгель Э. 918
 Сыдыков Т. 816
 Сэки А. 600
 Сэцукко Х. 276
- Тавлицев Ш. 183
 Тагер Е. Б. 32
 Тажибаев К. 91
 Талова М. 283
 Тампере Х. Т. 58, 386
 Тао Дунь 825
 Тарасенко Н. Д. 21
 Тарасов М. В. 465
 Тарковский А. А. 91, 215
 Тахмасиб М. Г. 135
- Твардовский А. Т. 975, 976
 Тверской А. 190, 191, 393, 401
 Тельнова Е. 701
 Теплалик Э. 172
 Теплов П. В. 356
 Тер-Гевондян А. 673
 Теунов Х. И. 48, 51
 Теучеж Ц. А. 773, 800, 817
 Тигранов Г. Г. 673
 Тигранян А. Т. 919
 Тигранян Н. Ф. 920
 Тимофеев Б. Н. 720
 Тимофеев Л. И. 30
 Тимофеев-Терешкин М. Н. 774, 775, 797
 Титов Г. А. 1032
 Титова В. Г. 1032
 Тишков А. А. 321
 Тищенко А. А. 368
 Ткач Е. 921
 Ткачьева Т. 15
 Тогатов С. 549
 Токарев С. А. 70
 Токомбаев А. 121
 Токтогул 796, 818, 823
 Толгар-Оол О. А. 313
 Толкач М. 778
 Толстая Л. И. 272
 Толстая Н. И. 263
 Толстов С. П. 70
 Толстой А. Н. 144, 300, 974, 982
 Толстой И. И. 139
 Толстой Л. Н. 785, 950, 952
 Томашевский Б. В. 969
 Томашевский В. В. 922
 Томчин И. 581
 Тороев А. 776
 Торчинский А. 474
 Трегуб С. А. 140
 Тресков И. В. 59
 Третьяков П. Н. 80
 Трояков П. 15
 Трутовский В. Ф. 877
 Туберовский М. Д. 206
 Тугутов Р. 878
 Туденов Г. О. 60
 Тудор А. 1023
 Тудоровская Е. А. 6
 Туйск О. 475
 Тулебаев М. 1007
 Тулиев Т. 371
 Туманян О. 205
 Тьерсо Ж. 940
 Тюменева Г. 422
 Тягленко Г. 713
- У Цзу-чан 396
 Уварова Г. А. 671
 Улагашев Н. У. 801
 Улуг-Заде К. А. 184, 201
 Унгвицкая М. А. 998
 Уразов И. А. 649
 Усенбаев А. 777, 793, 819
 Услар П. К. 910
 Успенский В. А. 914, 923
 Ухов П. Д. 5, 104, 1095, 1096, 1100
 Ушаков М. 385

- Фазыл Юлдаш 806, 820
 Файзи Д. 383
 Файзиев И. 235
 Фараджиев В. 626
 Фарбер Б. С. 821
 Фасмер М. 856
 Фатьянов А. И. 1046
 Федоренко Н. Т. 74, 75, 511
 Федоров Ф. 714
 Федосова И. А. 780, 784, 786, 792
 Феоктистов С. Г. 210, 336
 Фетисов М. И. 822
 Фидлер Ю. 371
 Филатова А. И. 975
 Филипович Н. 173
 Филиппов Л. 603
 Филиппова В. 1085
 Филиппова Н. 941
 Финкельштейн Е. 678
 Финкельштейн Н. 971
 Финшер А. 942
 Флорич Ф. 280
 Флярковский А. 546
 Франко И. Я. 908, 992, 995, 1000
 Французов А. 615
 Фрейзер Д. 943
 Фрейнберг К. 999
 Фробениус Л. 944
- Хазанов М. 80
 Хазанов Ю. 391
 Хазарика Б. К. 513
 Хайруллин Х. Ф. 61
 Халилов Х. 131
 Хамаганов М. П. 657
 Ханум Т. 555
 Харьков В. И. 369
 Харьков Н. 692
 Хасенов М. 816
 Хацкевич И. 550
 Хачатрянц Я. 62
 Хачатурян А. И. 1014
 Хесин М. 327
 Хмелевская Е. М. 879
 Ходжиматов Д. 722
 Ходза Н. А. 222, 242, 251, 389
 Холоденко И. 514
 Хоменко В. Г. 1076
 Хохлов Ю. Н. 438, 477, 1024
 Хохлова М. 791
 Хохловкина А. А. 423, 515
 Хохрин П. Г. 380
 Хренников Т. Н. 551
 Христиансен Л. Л. 750, 880, 881
 Хуан Те 92
 Худяков И. А. 863
 Хэгг Г. 402
- Цадаса Г. 810
 Цао Чжун-дэ 246
 Цветаев М. А. 19
 Цветинович-Грюнберг Н. А. 266, 268, 272
 Цвирка П. 213
 Церетели П. 625
- Цзя Юй 344
 Цыпин Г. 929
- Чайковский П. И. 422, 841, 842
 Чайников Н. 552
 Чейгвына К. 180
 Червяковский С. А. 647
 Черкасский Л. 92, 405, 516
 Черниченко Ю. 692
 Чернов В. И. 650
 Чернышевский Н. Г. 5, 868
 Чернявский Е. Н. 379
 Чесноков Б. М. 88
 Четкарев К. А. 187, 314
 Чжан Цзя-ин 345
 Чжан Цин 239
 Чжу Дань 684
 Чиковани М. Я. 16, 175
 Чистов К. В. 5—7, 780, 784, 786, 1096
 Чичеров В. И. 31, 85, 123, 129, 355, 780, 784, 786, 882, 945, 1039, 1095, 1096
 Чоробаев А. 799
 Чубинский П. П. 904
 Чуковский К. И. 32, 408
 Чукубаев А. 823
 Чулков М. Д. 417
 Чурсин Г. Ф. 132
 Чхиквадзе Г. Э. 374, 463
- Шабдаров А. 553
 Шавердян А. И. 924
 Шагинян А. 63
 Шадаев А. И. 169, 203, 778
 Шалаурова-Федорова М. И. 860
 Шан Юн-цин 637
 Шаповалова Г. Г. 6, 651
 Шапорин Ю. А. 551
 Шарипова Г. 176
 Шариф Х. Э. 38
 Шарская А. 287
 Шахнович М. И. 1096
 Шварц Е. Л. 980, 989
 Шварцман Ш. 422
 Шведов И. 604, 824
 Шведова-Шувалова Л. П. 972
 Швецова Л. К. 791
 Шебакин В. Я. 551
 Шевченко Т. Г. 1019
 Шейхзаде М. 129
 Шемшелевич Л. 404
 Шептаев Л. С. 975
 Шептунов И. М. 517
 Шерешевская Н. В. 224
 Шехонина И. 605
 Шилов А. В. 439, 554
 Шипин О. 779
 Шираз О. 215
 Ширма Г. Р. 468, 895
 Ширяева П. Г. 6, 7, 751
 Шифман Э. И. 93
 Шифрин М. Г. 883
 Шишкина А. Н. 976
 Шмидт В. В. 969

- Шнеерсон Г. М. 387, 510, 518, 1079
 Шнеерсон М. А. 976
 Шнейдер-Трнавский М. 394
 Шнейдерман Ф. А. 1101
 Шогенцуков А. 89
 Шолохов М. А. 976, 988
 Шостакович Д. Д. 411, 1066
 Шотт И. М. 5, 133
 Шпет Л. 989
 Шри Лакшминараян Саху 504
 Штруп Н. М. 842
 Штукин А. А. 96
 Шуб Т. А. 5
 Шуберт Ф. 1024
 Шубин А. И. 766
 Шумская Н. А. 478, 1025, 1067, 1077
 Шустиков В. 582
- Щеголенков В. П. 785
 Щедрин Р. К. 1015
- Эйдлин С. М. 284
 Элиасов Л. Е. 327, 708, 884—886
 Эльперин И. Л. 362
 Эман С. 479
 Энгельс Ф. 1096
 Энеску Д. 1023
 Эрастов П. 412
 Эрберг О. Е. 161, 162, 302
 Эртис Г. У. 925
- Эрнесакс Г. 480
 Эртис Э. Ю. 897
 Эфендиев П. Ш. 135
 Эффенди У. 76
 Эшмамбетов К. 769
- Югов А. К. 105
 Юдахин К. К. 121
 Юнонин А. 9
 Юрьев Е. 715
 Юрьян А. 891
 Юфит М. 273
 Юшка А. 911
 Юшка И. 911
- Явич М. 795
 Якимович А. И. 190, 191
 Яковенко Г. 793
 Ямамото М. 606
 Ямпольский И. М. 946
 Ян Т. 285
 Ян Чжи-юн 92
 Янко М. Д. 830
 Яновский Н. И. 15
 Яншина Э. М. 97
 Ярмухаметов Х. Х. 176, 304
 Ясько Н. 1000
 Яунзен И. П. 529
 Яцевич Л. 723

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Алтай 357
 Ангара 429
 Архангельская обл. 359, 538, 539, 544, 702, 782, 860
- Барнаульская обл. 692
 Брянская обл. 534, 665
- Владимирская обл. 535
 Волга 523
 Вологодская обл. 1, 2, 8, 10, 353, 361, 362, 525
 Воронежская обл. 424, 428, 524, 526, 536, 546, 694, 766, 848, 959
- Горьковская обл. 9, 647, 703, 840
- Дальний Восток 1108
 Дон 326, 426, 431
- Забайкалье 5, 327, 878, 884, 885
- Ивановская обл. 739
- Калининская обл. 850, 851, 859
 Кама 833
 Карельская АССР 549, 780, 783—786, 792, 828, 832, 836, 845, 865, 866
 Кировская обл. 530, 542, 686
 Костромская обл. 698, 712
- Красноярский край 418, 699, 847
 Кубань 521
 Курганская обл. 691, 830
 Курская обл. 360, 687
 Кустанайская обл. 689
- Ленинградская обл. 5, 532, 714, 827, 852, 1022, 1045
- Московская обл. 5, 414, 583, 741
- Новосибирская обл. 787
- Омская обл. 4, 293, 351, 419, 704
 Оренбургская обл. 853, 870
- Пензенская обл. 140, 370, 552, 690
 Пермская обл. 750
 Печора 781, 791, 846
 Псковская обл. 324, 969
- Ростовская обл. 713
 Рязанская обл. 700, 701, 711, 874
- Свердловская обл. 829, 849, 881
 Сибирь 5, 15, 26, 27, 50, 541, 706, 886, 958, 981
 Смоленская обл. 369, 550
 Ставрополье 430
 Сталинградская обл. 354

Томская обл. 839
Тульская обл. 522

Ульяновская обл. 520, 531
Урал 737, 742, 788, 791, 833, 862, 956,
971

Челябинская обл. 367, 740, 831, 861

Якутская АССР 5
Ярославская обл. 709, 715

УКАЗАТЕЛЬ НАРОДОВ

- Абхазы 130, 132, 160, 328, 627, 794,
907, 979
аварцы 20, 49, 130, 131, 196, 376, 377,
910
австралийцы 70
адыгейцы 112, 204, 773, 800, 817
азербайджанцы 49, 135, 161, 371, 381,
454, 463, 627, 717, 1072
албанцы 220, 262, 279, 395, 397, 398,
486, 494, 555, 1038
алтайцы 14, 15, 50, 55, 198, 308, 801
американцы 69, 387, 394, 395, 518, 519,
528, 543, 935, 939, 1021
англичане 250, 262, 275, 389, 395, 399,
408, 485, 678, 729, 734, 763, 943,
1001, 1003
арабы 217, 267, 277, 278, 322, 627, 631,
659, 890
армяне 12, 63, 78, 122, 174, 179, 189,
205, 215, 381, 463, 555, 556, 562, 568,
577, 581, 669, 673, 718, 720, 811, 900,
919, 920, 924, 1014, 1018
афганцы 262, 318, 320, 506, 509, 555,
632, 723, 724, 1036
- башкиры 17, 118, 178, 189, 199, 436,
565, 1077
белорусы 39, 84, 185, 190, 191, 199,
380, 381, 468, 561, 627, 873, 895, 996,
1093
бирманцы 218, 231, 237, 261, 262, 315
болгары 23, 220, 224, 262, 272, 279, 398,
420, 485, 494, 495, 501, 517, 585—587,
589, 591, 592, 596, 602, 627, 929
бурят-монголы 15, 50, 60, 137, 169, 188,
198, 202, 203, 307, 332, 582, 627, 657,
776, 778, 903, 913
- венгры 220, 226, 262, 279, 319, 395, 398,
494, 757, 764, 929, 930, 1038
води 482
вьетнамцы 220, 230, 244, 252, 262, 279,
338, 380, 395, 502, 633
- гилянцы 481
голландцы 395, 485, 678
горцы дагестанские 626, 952
горцы кавказские 950
греки 77, 139, 395, 485, 490, 678, 683
грузины 16, 175, 178, 189, 199, 374, 380,
381, 449, 463, 472, 476, 555, 625, 627,
754, 912, 967
- датчане 437
долганы 50
- дунгане 182, 469
евреи 555
египтяне 79, 269, 404, 485
- индейцы 69, 72, 388, 499, 934
индонезийцы 76, 235, 255, 257, 393, 627,
658
индусы 94, 138, 222, 225, 232—234, 251,
260, 262, 263, 268, 270, 271, 280, 284,
285, 316, 340, 389, 395, 485, 504, 513,
555, 627
иранцы 634, 1004
ирландцы 395
исландцы 93, 726
испанцы 262, 411, 555, 678
итальянцы 262, 395, 485, 491, 512, 635,
675, 678
итальмены 197
- кабардинцы 48, 51, 59, 89, 90, 112, 189,
378
казахи 45, 129, 178, 186, 199, 333, 381,
453, 477, 555, 627, 779, 803, 804, 807,
808, 814, 816, 822, 889, 898, 899, 917,
1007, 1080
каракалпаки 18, 91, 114, 127, 129, 181,
379, 771
карелы 87, 124, 171, 199, 352, 380, 381,
465, 549, 557, 560, 770, 815
киргизы 41, 121, 126, 173, 183, 381, 443,
627, 769, 777, 793, 796, 799, 805, 818,
819, 823, 1068
китайцы 74, 75, 92, 95—97, 137, 220,
221, 229, 236, 238—240, 245, 246, 249,
253, 254, 262, 279, 281, 317, 321, 337,
339, 342, 344, 345, 395, 396, 398,
485, 487, 511, 555, 583, 593, 597, 627,
636, 637, 639, 662, 663, 674, 679, 680,
684, 725, 727, 728, 730, 732, 733, 825,
933, 941
коми 5, 330, 458
корейцы 220, 241, 242, 248, 259, 279,
343, 395, 398, 483, 496, 555, 638
коряки 50, 197
креолы 499
кумыки 20, 49, 130, 131, 373, 376, 377,
626, 672, 910
курды 905
- лаки 20, 626
латыши 13, 22, 178, 199, 211, 375, 380,
381, 420, 444, 569, 575, 578, 579, 627,
654, 660, 753, 843, 891, 894, 915, 916,
999, 1074
лезгины 20, 49, 130, 131, 376, 377, 626,
810, 821, 822, 910

- литовцы 199, 213, 380, 381, 448, 473, 627, 911, 1073
- македонцы 228, 412
- малайцы 273, 503
- марийцы 187, 314, 467, 479, 627
- меланезийцы 70
- молдаване 40, 243, 372, 380, 381, 555, 627, 752, 824, 901, 902, 906, 921, 957, 984, 993, 994, 1075
- монголы 15, 50, 60, 137, 163, 169, 220, 279, 555, 604
- моравы 398, 494
- мордва 5, 52, 100, 140, 306, 466, 470, 768, 822
- нанайцы 50, 922, 1071
- нганасаны 50
- негры 69, 268, 389, 395, 640, 930, 1021
- немцы 66, 219, 262, 279, 348, 391, 395, 485, 492, 627, 678, 682, 856, 944, 1024, 1118
- ненцы 164, 268, 334, 335, 474, 1088
- нивхи 50, 210
- норвежцы 81, 401, 938
- ороки 50
- орочи 50
- осетины 86, 112, 120, 130, 131, 168, 346, 1098
- персы 256
- перуанцы 601
- поляки 83, 220, 230, 262, 272, 279, 287, 380, 395, 398, 400, 410, 485, 489, 494, 501, 555, 677, 758, 942, 996, 1002, 1017, 1119, 1120
- португальцы 934
- румыны 262, 279, 494, 497, 501, 605, 930, 1008, 1023
- русские 1—10, 24—32, 43, 50, 59, 82, 85, 98—105, 133, 140—159, 178, 199, 288—300, 324—327, 351—370, 381, 414—439, 519—554, 599, 606—625, 627, 644—651, 661, 664—668, 685—706, 708—715, 735—751, 766, 767, 780—792, 826—887, 947—989, 1009, 1010, 1012, 1013, 1015, 1020, 1022, 1025, 1026, 1027, 1029—1035, 1039—1067, 1081, 1082, 1084—1087, 1089—1096, 1099, 1100, 1102, 1103, 1105, 1106, 1109
- саами 311, 938
- селькупы 50, 347
- сербы 136, 228, 247, 258, 262, 264—266, 268, 272, 390, 412, 488, 641, 927—929, 946
- словаки 220, 274, 279, 394, 395, 398, 494, 507, 627, 929, 932, 945
- словены 228, 403, 412, 508
- таджики 19, 38, 57, 86, 184, 201, 381, 384, 441, 450, 459, 555, 573, 627, 670, 671, 795, 802, 809, 888, 896, 990, 991
- татары 61, 129, 176, 177, 186, 199, 304, 383, 436, 460, 576, 627
- тибетцы 227, 244, 405, 484, 516
- тофалары 198
- тувинцы 15, 34, 47, 110, 195, 198, 313, 629
- турки 64, 498, 731
- туркмены 11, 35, 116, 162, 193, 194, 199, 206, 302, 305, 310, 381, 442, 461, 627, 652, 653, 716, 772, 923
- удмурты 462
- удэге 50, 207, 301, 312
- узбеки 42, 44, 106—108, 111, 115, 117, 129, 134, 199, 381, 385, 440, 445, 555, 627, 630, 707, 719, 722, 806, 820, 914, 923, 1069, 1101
- уйгуры 584, 588, 721
- украинцы 5, 21, 43, 46, 53, 113, 128, 133, 199, 208, 303, 309, 319, 380, 381, 422, 451, 452, 455, 456, 464, 471, 488, 563, 564, 571, 572, 574, 627, 656, 854, 873, 904, 908, 992, 995, 996, 1000, 1011, 1016, 1017, 1019, 1038, 1076, 1082, 1083, 1093
- ульчи 50, 170
- финикийцы 73
- финны 87, 124, 282, 395, 500, 642, 761
- фламандцы 485, 678
- французы 68, 262, 406, 485, 514, 515, 590, 594, 595, 676, 678, 755, 756, 759, 760, 762, 765, 940, 1079
- хакасы 15, 119, 198, 209, 289, 447, 998
- ханты 198
- хорваты 228, 272, 392, 412, 641, 928
- чехи 67, 220, 262, 272, 279, 283, 341, 380, 395, 398, 407, 409, 485, 494, 501, 555, 598, 678, 841, 842, 932, 937, 945, 1078
- чуваши 54, 56, 627, 892, 893, 909, 1097
- чукчи 33, 50, 180, 197, 214, 329, 1028
- шведы 81, 392а, 402
- шорцы 50, 308, 382
- шотландцы 395
- шумеры 485
- эве 65
- эвенки 36, 37, 50, 192, 197, 198, 212, 216, 1028, 1070, 1088
- эвены 50
- эскимосы 172, 197, 1028
- эстонцы 58, 88, 199, 380, 381, 386, 475, 478, 480, 555, 558, 559, 566, 567, 570, 580, 627, 655, 897, 918, 997, 1104, 1121
- юагиры 50, 197
- якуты 15, 50, 109, 125, 197, 200, 446, 627, 774, 775, 797, 798, 812, 813, 903, 925, 1006, 1028, 1049
- японцы 223, 262, 276, 286, 413, 505, 599, 600, 603, 606, 643, 1005

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Статьи и исследования

<i>Б. Н. Путилов.</i> Песня о гневе Ивана Грозного на сына	5
<i>Э. С. Литвин.</i> Образ полководца Суворова в русском народном творчестве . .	33
<i>Н. П. Колпакова.</i> Крестьянские бытовые величальные песни	54
<i>Д. М. Балашов.</i> «Князь Дмитрий и его невеста Домна». (К вопросу о происхождении и жанровом своеобразии баллады)	80
<i>О. Б. Алексеева.</i> Массовая революционная песенная поэзия горнозаводского Урала начала XX века	100
<i>В. М. Былов.</i> «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова как материал для изучения фольклора XVIII века	120
<i>Б. Б. Грановский.</i> Неизвестный список напевов «Древних российских стихотворений» Кирши Данилова	134
<i>Н. В. Новиков, Г. И. Парихин</i> и его фольклорные записи в сборнике И. П. Сахарова. (По архивным материалам)	141
<i>П. Д. Ухов.</i> Об издании «Песен» П. Н. Рыбникова П. А. Бессоновым и А. Е. Грузинским	155
<i>Б. Ф. Егоров.</i> К вопросу о месте А. Н. Пыпина-фольклориста в общественной борьбе 1860-х годов	168
<i>П. Г. Ширяева.</i> Семен Михайлович Пономарев. (Из истории русской фольклористики 80-х годов XIX века)	174
<i>А. Д. Соймонов.</i> Вопросы изучения классического фольклора в русской науке конца XIX века	196
<i>И. С. Эвентов, М. И. Калинин</i> о народном творчестве	219
<i>А. К. Микушев.</i> Из истории русской науки о коми народной поэзии. (По материалам фондов А. М. Шёгрена и П. И. Савваитова)	230
<i>Э. И. Власова.</i> Рассказы В. Г. Короленко о бродягах и фольклор	240
<i>В. Е. Гусев.</i> К вопросу о фольклорном источнике «Песни о Соколе» А. М. Горького. (Памяти В. А. Десницкого)	268

Материалы и публикации

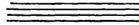
<i>И. Э. Серман.</i> Карл Маркс о русских исторических песнях разинского цикла . .	277
<i>И. М. Колесницкая.</i> Письма П. Н. Рыбникова к И. И. Срезневскому	281
<i>Г. Г. Шаповалова.</i> Псковский рукописный сборник начала XVIII века	305
<i>П. Н. Берков.</i> Одна из старейших записей «Царя Максимилиана» и «Шайки разбойников» (1885)	331
<i>В. К. Зайцев, Е. Шаулич, Н. Шаулич.</i> Сербские плачи	375

Х р о н и к а

- О. Б. Алексеева. Всесоюзное совещание фольклористов. (407). А. М. Астахова. Совещание по вопросам собирания и изучения фольклора Севера. (412). В. Ф. Соколов, Д. М. Балашов, В. В. Митрофанова. Экспедиции Сектора народного творчества Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР в 1957—1958 годах. (417). Н. Ф. Бабушкин и Я. Р. Кошелев. Изучение и собирание фольклора в Томском университете и Педагогическом институте. (423). В. П. Кругляшова и В. В. Кукушанов. Собирание народно-поэтического творчества на Урале. (426). Е. Костюхин и С. Ожегова. Запись русских сказок в 1956—1957 годах в Карелии. (432). А. К. Микушев. Народно-песенное творчество верховьев Вычегды и Печоры. (По материалам фольклорных поездок). (435). Н. П. Кралина. Собирание и изучение фольклора удмуртов. (439).

Р е ц е н з и и и б и б л и о г р а ф и я

- В. Я. Пропп. Deutsches Jahrbuch für Volkskunde 447
 М. Я. Мельц. Библиографический указатель литературы по фольклору на русском языке (1956 год) 454

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР
МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ - IV

*

*Утверждено к печати
Институтом литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

*

*Редактор издательства П. П. Быстров
Технический редактор Р. А. Замараева
Корректор И. М. Романова*

Сдано в набор 8/IX 1959 г. Подписано к печати
9/XII 1959 г. РИСО АН СССР № 55—96 В.
Формат бумаги 70 × 108^{1/16}. Бум. л. 16^{5/8}. Печ.
л. 33^{1/4} = 45,52 усл. печ. л. + 1 вкл. Уч.-изд.
л. 45,36 + 1 вкл. (0,07 уч.-изд. л.). Изд. № 997.
Тип. зак. № 322. М-56181. Тираж 2300.

Цена 28 р. 30 к.

Ленинградское отделение Изд. АН СССР.
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1
1-я типография Изд-ва АН СССР.
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
55	21 сверху	собрание	научное собрание
103	11 „	С.-Петербурге!“	„С.-Петербурге.“
127	25 „	поэта. ²⁰	поэта.
127	24 снизу	Майновым	Майновым ²⁰
147	16 сверху	словно	слово
147	13 снизу	в	к
187	7—8 сверху	русских.	русской.
187	16 „	и забвения“.	забвения“.
274	5 „	могли	могла
282	6 снизу	проблема	проблемы
283	19 сверху	достоев	достойн
290	20 „	сопровождал	сопровождая
291	4 „	по	то
293	9 снизу	Taut.	Tacit.
293	10 „	funera	funerea
297	24 сверху	имеем	имеет
311	1 „	за хмелем	да хмелем
311	10 снизу	спанчю	епанчю
312	21 „	Возмил бычка, а отдал	Возьми лычка, а отдай
313	2 сверху	посол.	мосол.
315	24 „	волоки.	волокиту.
322	2 „	выдай	выдавай
322	19 „	от лихой	а от лихой
326	23 „	напрасно	напрасной
381	7 снизу	М. Мојашеви	М. Мојашевиh
383	13—14 снизу	(наицање)	(нарицање)
384	13 сверху	Ченчича“	Ченгича“
385	17 снизу	родственных	родственников
389	Левый стлб., 15 сверху	Как	Кад
399	Левый стлб., 17 сверху	браh и	браћи